18+

Составитель
Мурдалов М. М.

Чечня и Власть Советов

100-летний юбилей Чеченской Автономии

Чечня и власть Советов

100-летний юбилей Чеченской автономии

Шрифты предоставлены компанией «ПараТайп»

Составитель Муслим Махмедгириевич Мурдалов
Набор текста, корректура Джабраил Муслимович Мурдалов
Набор текста Микаил Муслимович Мурдалов
Издатель-Меценат Муса Алидович Ахматов

События, происходившие в Чечне с начала Первой мировой войны, предшествовавшие русской Февральской революции 1917 года, захват власти большевиками во главе с Лениным, начало Гражданской войны, а также ситуация в Чечне после окончания Гражданской войны, установление советской власти в Чечне, коллективизация и многое другое интересное, мне кажется, вы сможете прочитать в строках этого сборника. Часть материалов уникальна.

18+

ISBN 978-5-4498-3337-2
Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

ОГЛАВЛЕНИЕ

Чечня и власть Советов
Посвящается Ахматову Мусе Алидовичу - кавалеру ордена А. А. Кадырова
Вступительное слово
Расстрел осетин в крепости Воздвиженской в августе 1916 года
- Революционные в Грозненской прессе
- Чеченская дивизия Деникина
- Воспоминания генерала Деникина
- Газета «Грозный» 1919 год
- «В горах Кавказа». 1919—1920. А. Костерин
- Съезд народов Терека в г. Моздок январь 1918 год
- 2-я сессия Терского областного народного съезда в гор. Пятигорске
- II съезд народов Терека 6 (19) марта 1918 г.
- Съезд народов Терской области
- Сталин о Шерипове
- «Город-герой, красный Грозный»
- Воспоминания Михаила Калинина 1923 год
- «Пройденный путь». С. М. Буденный
- «Так было». А. И. Микоян
- «Из воспоминаний». А. И. Микоян
- Митаев Али — мучения за народ
- Деятельность Наркомнаца за 6 лет советской власти. 1924 год
- «По Чечне». (Путевые наброски)
- Шариатский суд в Чечне 1925 год
- Эльдарханов Таштемир
- Шахтемир Эльдарханов

Новый состав президиума Чеченской Области
«Товарищу красноармейцу памятка как относиться к населению во время маневров в Чечне»
Набег ОГПУ на Чечню в 1925 году
«Нохчи-Турпал»
«Северо-Кавказский календарь на 1927 год» Журнал
«Северо-Кавказский настольный календарь на 1928 год» Журнал
«Шесть лет» — 1921/1927 Н. Васильев. Грозный. 1927
«Асланбек Шерипов». Е. Эшба. Грозный. 1927
«Атлас Союза Советских Социалистических Республик». Москва. 1928
Чечня. (Очерк). Ал. Иоаннисиани
«К основным вопросам истории Чечни»
А. Авторханов. 1930 г.
«Новая Чечня». Асланбек-Шах-Гиреев
«Асланбек Шерипов в революционном движении Чечено-Ингушетии»
«Грозный за 40 лет Советской власти». Е. П. Киреев
«Октябрьская революция в Грозном и в горах Чечено-Ингушетии». А. Ф. Носов
Биографии общественных и государственных деятелей ЧИАССР

ПОСВЯЩАЕТСЯ
АХМАТОВУ МУСЕ АЛИДОВИЧУ -
КАВАЛЕРУ ОРДЕНА
А. А. КАДЫРОВА

ВСТУПИТЕЛЬНОЕ СЛОВО

Собрать материал для этого сборника как оказалось не такая уж и легкая задача. Мне опытному архивисту казалось что революционная тема, должна быть довольно таки хорошо изучена и представлена для широких читательских масс. Но по мере изучения изданных трудов современных историков? мне показалось недостаточной для столь драматического лихолетья и трагических событий происходивших в Чечне и на Кавказе с 1917 года. Сколько больших жертв было положено на алтарь революции, как много разрушенных селений, хуторов, человеческих судеб. Чеченцы были вовлечены в революционные процессы, участвовали в гражданской войне, как в красной армии, так и в белогвардейской добровольческой армии. Казалось бы какая связь между революцией в Петрограде и Чечня которая за несколько тысяч километров от эпицентра революционных событий. Вряд ли нашлось бы и тысяча Чеченцев которые внятно могли бы объяснить что такое революция и для чего она необходима. И вместе с тем уже в июне 1917 года до Чечни докатились грохот и раскаты революции и она практически вся была включена, в некую борьбу за справедливость, причем и равнинная и горная части одновременно, выбор между «большевиками» и бывшей царской элитой. Конечно же этот сборник материалов не сможет исчерпать тему и не претендуя на лавры окончательного для изучения периода 1917—1925 гг. Но необходимым для историков будущего, и фундаментальных этно-культурных исследований, уникальные материалы без которых неполноценым и однобоким. Второе издание вобрало в себя еще больше интересных документов, газетных статей и архивных документов в том числе и отчеты ОГПУ.

Читателю будет необходимо внимательно читать строки этой книги, так как материалы в сборнике из разных источников, в основном из комунистических мемуаров, статей и книг. Настоящий 2022 год является юбилейным — исполняется 100 лет со дня провозглашения Чеченской Автономной Области (ЧАО). Почти во всех документах этой книги будут упоминаться фамилии: Эльдарханов, Арсанов, Митаев и многие другие дорогие для чеченского народа Имена. Здесь приведены ряд уникальных документов и статей, отражающие действительность на события происходившие сто лет назад.

К этой книге рекомендую читать книгу «Чечня: политическая и общественная обстановка», — в строках этой книги вы также найдете много уникальных материалов и архивных документов, которые лишний раз показывают важность нефтяной отрасли Чечни, хотя город Грозный до 1929 года не входил в состав Чеченской Автономной Области. Также очень хорошую книгу написал патриарх чеченского литературоведения и Туркаев Хасан «Эльдарханов Таштемир Эльжуркаевич» издано Российской Академией Наук в 2014 году.

Хочется еще раз поблагодарить сотрудников архивов и библиотек, оказавших большую помощь к подготовке издания этой книги (ГАРФ, РГВА, РГБ, РНБ, ГПИБ, РГА, ГАРСО, СОИКСИ, ГАКБР). Некоторые представленные материалы до сих пор были недоступны под грифом «совершенно секретно», но с недавних пор они расекречены и доступны для исследовательской работы.

Мурдалов Муслим Махмедгириевич —
этнограф, библиограф,
публицист, журналист

РАССТРЕЛ ОСЕТИН В КРЕПОСТИ ВОЗДВИЖЕНСКОЙ В АВГУСТЕ 1916 ГОДА

«**Революция и горец**» №6—7, 1931 год. Халид Ошаев.

Забытый эпизод. (Воспоминание очевидца). В августе текущего года исполняется пятнадцать лет со дня так называемого «возмущения осетинского дивизиона». Это событие является ярким эпизодом горской революционной истории, эпизодом горской революционной истории, эпизодом борьбы горцев против царской колонизаторской политики. Случай жестокого и кровавого подавления попытки отказа осетинского дивизиона идти на империалистическую войну, насколько мне известно, в литературе о горцах не описан, хотя для характеристики отношения горцев к империалистической войне, обрисовки общеполитического наступления горцев во время войны, этот случай представляет немаловажный интерес. С другой стороны, эпизод этот интересен и **для истории Осетии**. Настоящий набросок не ставит своей целью дать развернутый анализ событий — задачей нашей является описать факты, как они сохранились в памяти автора, и тем самым дать нить исследователю для изучения события и отношения горцев к империалистической войне. Т. Кокиев, изложивший в своем труде основные моменты истории Осетии, к сожалению, не отметил этого факта.

Царское правительство не привлекало горцев к всеобщей воинской повинности. Это объясняется, конечно, не «гуманными» соображениями или особым вниманием к горцам. Царские сатрапы боялись дать оружие в руки горцев — это оружие в трудную минуту легко могло бы быть повернутым против него. Части пресловутой

«дикой дивизии» комплектовались по принципу «вольного найма». Комплектование по составу производилось, главным образом, из элементов горской деревни, которым «некуда» было девать руки, или же из элементов деклассированных. В этих целях даже амнистировались участники абреческих шаек, скрывающиеся от власти уголовные элементы и т. п. Этим самым правительство добивалось целей: с одной стороны — очистки территории проживания горцев от «неспокойного», «нежелательного элемента», который во время войны мог бы причинить много хлопот (как, например, «зелимхановщина»), и с другой стороны — чтобы комплектование горских частей проходило безболезненно.

Низший командный состав частей набирался в «дикую дивизию» по строго классовому отбору из детей помещиков, дворян, князей, буржуазии, кулаков. Однако, пополнение дикой дивизии после первых лет войны шло туго. За время войны с 1914—17 года «дикая дивизия» в ее горской части пополнялась совершенно заново около трех раз. Эти обстоятельства заставляли царское правительство подумывать о введении обязательной службы среди горцев. В японскую войну был случай, когда почти целая сотня чеченцев, тоже укомплектованная по вольному найму, отказалась идти в наступление. Пришлось выставить против возмутившихся пехоту и артиллерию. Произошло цело сражение, в результате которого все поднявшие возмущение были до единого убиты. Вопреки установившемуся мнению, что горские части в дикой дивизии составляли самое дисциплинированное ядро, нужно сказать обратное — в дикой дивизии было развито сильное дезертирство, ибо принципы наемности в эпоху империализма не одно и то же.

В упоминаемый нами осетинский дивизион набор был произведен путем мобилизации по призыву. Факт комплектования осетинского дивизиона нужно расценивать, как попытку зондирования почвы по вопросу о введении воинской повинности среди горцев, как пробный шар для выяснения отношения горцев к войне и к повинности. Набранная летом 1916 г. в осетинский

дивизион пешая сотня была направлена для обучения в Чечню, в бывшую слободку Воздвиженскую.

Сл. Воздвиженская, расположенная в центре Чечни (быв. укрепление Воздвиженское), являлась базой, где сосредоточены были всегда значительные войсковые части, долженствовавшие обеспечивать «мирное» настроение и спокойствие умов в Чечне. В Воздвиженской постоянно находились три батареи 21 артиллерийской бригады, Ахульгинский батальон пехоты, отдельный саперный батальон и части Апшеронского полка. Сюда постоянно со всех концов Руси «сгонялись» серые деревенские Ваньки да Митьки для муштры и обучение службе «царю и отечеству». Сюда же «пригнали» и осетин. Командование в сотне прибывших осетин состояло исключительно из осетин. С первых же дней, как осетины начали проходить строевое обучение за казарменным валом, ежедневно можно было видеть по нескольку неподвижно стоящих фигур в черкесках и бешметах, с кирпичами в мешке за спиной, жарящихся на солнце «под винтовкой» за недисциплинированность. Команда при обучении подавалась на русском языке, и ее поэтому не все осетины понимали. Жертвы, не понявшие команду, попадали обыкновенно в отдельную группу, в которой каждому за пояс по бокам затыкали по пучку соломы и сена и команда издевательски подавалась: «На сено, направо, на солому, налево». Издевательство особенно усиливалось офицерками — прапорами из среды самих осетин, желавшими во что бы то ни стало выслужиться перед начальством.

Обучение сотня проходила в той же самой одежде, в которой она была набрана из аулов — в бешметах, рубахах и черкесках. У всех были кинжалы. После двух-трех недель обучения, командование сотней решило одеть осетин в гимнастерки и выдать шинели — по-солдатски. Это вызвало сильное брожение и недовольство среди сотни.

Несколько раз в казарме стихийно собирался митинг для обсуждения положения. Мнение сотни склонялось к тому, чтобы

потребовать от воинских властей посадить сотню на лошадей, отказавшись служить в пехоте. Но основным мотивом брожения было нежелание идти на империалистическую бойню.

В слободе ходили слухи, что огнестрельное оружие Осетинам не дают в силу именно такого настроения. В один из дней, вечером, вся сотня собралась на плацу. Мотивом собрания служило, как говорили, приготовление ужина в котле, в котором днем варили обед из свинины. Мусульмане-осетины категорически отказались есть, вслед за ними вышли все остальные. Явившемуся дежурному осетины заявили, что служить в пехоте они не будут. Об этомслучае было сообщено телеграфно военному генерал-губернатору Терской области Степанову. К утру из Грозного прибыл батальон пехоты. По-видимому, начальник гарнизона сл. Воздвиженской не особенно полагался на гарнизон, вверенный ему. Из Осетии для уговаривания прибыли «почетные» люди. К вечеру на плацу сотня опять собралась для обсуждения положения. Из обнесенного высокой стеной укрепления Воздвиженского спешным маршем прошла рота солдат из вызванного батальона, держа направление к верхним казармам, где была расположена осетинская сотня. Рота имела по два подсумка патронов. Преодолевая страх, который мне внушало возможное побоище, я побежал поближе к казармам и увидел следующую картину. На казарменном плацу, расположенном на довольно крутом обрыве, спускающемуся к долине реки Аргун, стояла толпа осетин, ожесточенно жестикулировавших и горячо обсуждавших что-то по-осетински. Из-за угла одного из корпусов казарм показалась рота виденных мною солдат и вмиг стала вздвоенными рядами с винтовками на перевес. От роты отделился офицер и, не дойдя шагов двадцать до собравшихся, крикнул что-то резко и отрывисто. Говорили ли офицер по-осетински или по-русски, я не знаю, так как сам я стоял «на почтительном расстоянии».

От роты до собравшихся расстояние составляло шагов 300. В ответ на слова офицера толпа заревела, и вдруг в толпе сверкнули кинжалы. Толпа с криком «ура» и ревом лавиной хлынула на солдат

с вынутыми кинжалами. Все это произошло в одно мгновение, так что даже трудно было запомнить подробности. Помню офицерика, который, путаясь шашкой между ногами, неловко побежал обратно к солдатам. Толпа не успела добежать и до середины расстояния, отделявшего ее от солдат, как вдруг резкий залп рванул воздух. Толпа пришла в замешательство, крики усилились, крики превратились в рев, но передние продолжали бежать. После короткого замешательства толпа с криком «ура» опять стремительно побежала — залп был сделан в воздух. И заглушая хаос гортанных криков, раздалась частая дробь выстрелов. Упало несколько человек впереди. Толпа замешалась вновь. Только один впереди продолжал еще бесстрашно бежать вперед с высоко поднятым над головой сверкающим кинжалом. Не добежав до солдат и десяти шагов, споткнувшись несколько раз, он упал ничком, молнией сверкнув выпущенным из руки кинжалом. Послышались ужасные крики, стоны, ругательства — толпа рванулась обратно к обрыву. Солдаты продолжали расстреливать бегущих. Люди кричали, падали, поднимались и вновь падали. Из шеренги солдат отделилось отделение и частым шагом побежало прямым направлением к круче. Подойдя к круче, начали стрелять сверху вниз. Часть бегущих осетин бросилась врассыпную через вал в слободу. Большая часть сбежавших с 15-саженной кручи бросилась по направлению к сел. Старые Атаги, находившемуся в одной версте расстояния от сл. Воздвиженской. Рассыпавшиеся по слободе Воздвиженской забегали в чеченские дома и прятались по сараям, сеновалам и чердакам. Старо-атагинцы отнеслись к беглецам сочувственно.

В ту же ночь многие на арбах и фургонах по предгорию Чечни через Ингушетию уехали в Осетию. На второй день незначительная часть беглецов явилась в казармы. По сел. Старые Атаги пошли обыски, правда, не давшие никакого результата.

Всего, как мне помнится, было убито 12 человек. Из убитых пятеро похоронены (как мусульмане) на кладбище в сел. Старые Атаги. Могилы эти знают до сих пор многие атагинцы, так как они

обложены кирпичом. Другие похоронены (как христиане) на кладбище в сл. Воздвиженской. Несколько трупов родственники-осетины увезли в Осетию. Что стало со многими ранеными, мне неизвестно. В связи с возмущением осетинского дивизиона были арестованы двое атагинцев — Мурда Хамидов и Джабраил Толгаев — по обвинению в подстрекательстве к восстанию. Оба они живы и сейчас живут в сел. Старые Атаги. Арестованных Мурда Хамидова и Джабраила Толгаева приговорили к смертной казни и заключили в петровскую тюрьму, где они ожидали приведения приговора в исполнение. Грянувшая Февральская революция освободила их. Мною могли быть допущены в этом наброске ошибки в сроках события, причинах, а также в отношении числа убитых и т. п., так как по своему возрасту в то время я не вдумывался в причины и суть факта. В частности о том, что событие произошло в августе 1916 года, я определяю следующим образом. Упомянутые чеченцы Мурда Хамидов и Джабраил Толгаев сидели в Петровске 6—7 месяцев и освободила их из тюрьмы февральская революция. Отсчитывая от этого срока, я нахожу, что событие произошло примерно в августе 1916 года. Что стало с мобилизованными позже осетинами, мне неизвестно.

Осетинскому научно-исследовательскому институту следует заняться подробным изучением этого события. Исследователю нужно разыскать материалы в военно-историческом архиве в Тифлисе, в горском архиве во Владикавказе, опросить чеченцев Толгаева и Хамидова, найти в архивах их дело и дело тех осетин, которые, несомненно, были осуждены.

Затем необходимо в Осетии опросить живых участников осетинского дивизиона, достать фотографии убитых, если они сохранились, зафотографировать могилы убитых и т. п. Очерк этого события может дать интересный материал и выдвинуть новые моменты и проблемы в истории горцев Северного Кавказа.

РЕВОЛЮЦИОННЫЕ В ГРОЗНЕНСКОЙ ПРЕССЕ

«**Терский край**» №4, 1917 г. **Приказ №1 по Грозненскому району**. 11-го сего июня в гор. Грозном сформировался Грозненский Районный Исполнительный Комитет из представителей всех революционных организаций, действующих в гор. Грозном. В состав Комитета входит: представители Совета Рабочих, Солдатских и Казачьих Депутатов, Гражданского Комитета, Чеченского Комитета, Казачьего Комитета, Гарнизонного Комитета, Грозненского и Гудермесского железнодорожных Комитетов и партии социалистов-революционеров и социал-демократов. Комитет в своем лице объединяет для Грозного, Грозненской станицы, промыслов с их хуторами и поселками, фабрик и заводов на городской и станичной землях всю полноту гражданской власти с подчинением себе всей милиции указанного района. Революция властно требует стойкого единения и контакта между всеми силами общества, а потому Грозненской Районный Комитет, как революционная организация, приложит все старания и силы свои к тому, чтобы были сглажены все трения, возникшие между общественными организациями, чтобы было достигнуто взаимное доверие и уважение, при наличии коих лишь и возможно вывести страну из тупиков анархии и успешно привести к Учредительному Республиканскому строю. Всемирное поддержание всего и всех ведущих к этим высоким идеалам и энергичное, решительное пресечение всяких реакционных и контр-революционных попыток, как-то: провокации и прочее, будут составлять основной тон и направление деятельности комитета. Граждане! Комитет защитит революцию, свободу и законность. Пусть знают все, что Комитет решительно обеспечивает всем гражданские свободы: слова, совести, печати, союзов и неприкосновенность личности и не допустить противозаконного на них посягательства. Однако, Граждане, помните, что Комитет также не допустит распространения непроверенных слухов, сеющих недоверие, смуту и тем

разъединяющих общественные силы в ущерб делу свободы и революции. Комитет просит чинов милиции района неослабно следить за порядком, а начальствующих лиц милиции требовать от подчиненных им чинов исключительной деликатности и предупредительности в обращении с гражданами свободной России. Председатель Грозненского Районного Исполнительного Комитета **Мутушев**. Секретарь Комитета **Бродский**. 16 июня 1917 г., гор. Грозный.

«Терский край» 28 июня 1917 года. **Циркуляр А. Мутушева**. Председатель чеченского комитета А. Мутушев циркулярно сообщил комиссару Грозненского округа что из Тифлиса командированы контрольные роты для отбирания огнестрельного оружия по станциям железной дороги. В связи с этим предлагается объявить населению чтобы не появлялись на станциях железной дороги с огнестрельным оружием во избежании недоразумения.

К назначению Т. Эльдарханова. В виду состоявшегося назначения народного просвещения Т. Эльдарханова на должность инспектора народных чеченских училищ 3-го района, заместителем его на посту комиссара Грозненского округа назначен **Дени Арсанов**.

Избрание А. Мутушева. Чеченская молодежь образовала Союз «**Нисона Накъоста**». Почетным председателем союза единогласно избран А. Мутушев.

В чеченском комитете. На состоявшемся 28 июня заседании Чеченского Исполнительного комитета обсуждалось предложение Грозненского Совета рабочих солдатских и казачьих депутатов и относительно пожелания о немедленной организации правильного демократического самоуправления чеченского народа. Совет рабочих и Солдатских депутатов предлагал для этой цели свою помощь. Комитет постановил с благодарностью отклонить это предложение с тем, чтобы в будущем, в случае надобности, обратиться к Совету.

Съезд Чеченского народа. 12 июля в Грозном состоится учредительный съезд Чеченского народа. Программа съезда

вырабатывается президиумом Исполнительного Чеченского комитета.

Газета «Терский край» Среда, 5 июля. **Воззвание Союза Чеченской молодежи**. («**Нисон-Накъост**»). К Чеченской молодежи. Когда в февральские дни дружным напором демократии были разбиты рабские оковы, в которых задыхались народы России, мы получили, наконец, возможность устроить нашу жизнь на новых началах. Там, где в народные массы были брошены крупинки научных идей, света и познаний, там, где элементы были подготовлены к общественной организации, работа оказались сравнительно легкой. У таких народов с первых же дней переворота создались мощные общественные организации, закипела лихорадочная работа по переустройству, страстно заговорили политические партии. Но там, где народ волею самодержавия пребывал в вековом невежестве, там где малочисленные идейные представители не сумели или не смогли дать ему хотя бы смутного представления о лучших формах жизни, там нынешнее переустройство встречает огромные трудности. Исключительное положение в этом отношении занимает Чечня. Темные массы народа, не достаточно знакомые с происшедшими в России событиями, имея превратные представления о революции, равенстве и братстве, создают благоприятную почву для контр-революционных, провокационных выступлений. Наш трудовой рабочий класс не знает еще, что наступил час, когда его интересны должны быть выдвинуты на первый план. Свет науки еще встречает препятствия в своем проникновении в Чечню. Наш долг понести горы труда на очищение «живой воды» от грязной тины. «Ищите правду от колыбели до могилы, приобретайте знание, ибо оно освещает путь к небу, служит проводчиком к счастью, поддерживает нас в несчастии» — говорит **пророк Магомет**. В пламенном и посильным служении нашему обездоленному народу, целям революции, в пламенной борьбе за демократические идеи,

за завоеванные революцией права личности и народов мы видим цель нашей жизни. Подготовка к Учредительному Собранию, культурно-просветительная деятельность, организация в Чечне экономических учреждений, необходимых населению, устранение всяких недоразумений с соседями и мирное сожительство с ними. Разрешение аграрного вопроса в интересах трудового земледельца, всемерная поддержка пролетариата в его священной борьбе.

Телеграмма Чеченскому комитету. Командир Чеченского полка, находящегося на фронте, прислал Грозненскому Чеченскому комитету следующую телеграмму: «Счастлив и горд, что стал во главе славного, беззаветно храброго Чеченского конного полка, который в эту мировую войну показал себя достойным сыном тех, кто составляет блестящую конницу Имама Шамиля. Клянусь Аллахом принести себя в жертву за славу и процветание доблестного полка; я уверен, что поддержку в этом найду среди представителей, управляющих Чеченским народом, и среди убеленных сединой стариков Чечни. Аминь. **Полковник Мисалаев**.

«Терский край» № 24, 14 июля 1917 года. **Чеченский съезд**. 12 июля в с. Старые Алды состоялся чеченский съезд. Присутствовало свыше 5000 человек. Председателем Съезда был избран **Мутушев**. Основным вопросом явился вопрос о грабежах. Ряд ораторов чеченцев говорил о необходимости решительной борьбы с растущими грабежами, изъявлял готовность на самые крайние меры. В свою очередь указывалось, что солдаты очень неосторожно задевают мирных чеченцев, насильно их обезоруживают и этим вызывают столкновения, которые всегда кончаются печально, особенно для туземцев. На съезде выступили Мутушев, Эльдарханов, Абдулкадыров и много других видных представителей чеченского народа. В самой категорической форме было заявлено, что чеченский народ желает мирного сожительства, и хочет рука об руку с русским народом работать для закрепления свободы. На съезде выступали также председатель Совета Рабочих

и Солдатских **депутатов Богданов**, председатель гарнизонного комитета **Марченко**, и. д. дежурного генерала при главнокомандующем кавказской армией полковник **Моисеев** и другие. Съезд выделил комиссию, в которую вошло около 150 человек; комиссии поручено переизбрать Чеченский комитет, учредить конную стражу и вообще разработать меры для решительной борьбы с разбойниками.

«Терский край» № 71, 16 сентября 1917 г. **Насилие над А. Мутушевым**. Факт гнусного насилия, учиненного над председателем местного чеченского комитета А. Мутушевым его единоверцами-мусульманами, привел нас к мысли осветить этот прискорбный инцидент со слов самого пострадавшего. Мы застали гражданина Мутушева еще не оправившимся от пережитого нравственного потрясения и физических болей. Он считает себя жертвой происков со стороны своих политических противников, в лице некоторых авантюристов, эксплуатирующих фанатизм чеченской массы, которым он неугоден, как беззаветный борец за революционные идеи. Усилия его по проведению в Чечне выборного начала на четырех-степенной основе, по словам Мутушева, встречают резкое противодействие со стороны упомянутых лиц, которым такие выборы угрожают низвержением с пьедестала. Г-н Мутушев думает, что является верным выразителем чаяний подавляющего сознательного большинства своего народа. По существу инцидента, пострадавший допускает, что ему была устроена заранее подготовленная ловушка, рассчитанная на то, чтобы убийством его, покончить с революционными завоеваниями Чечни. Только в этих видах и мог быть пущен злонамеренный слух о том, что им, якобы, собрано с нефтепромышленных фирм, для расплаты с милиционерами 120000 рублей. Между тем, никак таких денег к Мутушеву не поступало. Это, однако, не помешало клевретам его противников разжигать страсти, каковые и вылились в приглашении Мутушева на объяснение с милиционерами, имевшем место

на ярмарочной площади. Здесь-то подонки милиционеров и наметили осуществить свой позорный замысел. Началу насилия положил милиционер, ударивший Мутушева плетью. Не имея под руками револьвера, избиваемый прибег к помощи своей палки, которой жестоко избил хулигана. Но не дремали и другие. Они наносили Мутушеву удары ружейными прикладами в спину. Зверское насилие вспыхнувшее внезапно, было остановлено лучшими представителями чеченцев, ставших стеною между избиваемым и нападавшими. Одновременно, легко пострадали и два товарища председателя **Курумов** и **Арсанукаев**. Пострадавшего посетило очень много представителей Чечни принесших ему свое горячее соболезнование и выражение такого же негодования по адресу насильников. Мутушев считает происки несознательного элемента Чечни опасным симптомом, с которым должно бороться путем внедрения в сознание масс революционных начал. Исчерпав все возможные средства нравственного воздействия, Мутушев поставлен был в необходимость организации экспедиционного отряда из милиционеров, для активной и решительной борьбы с все усиливающимися в Веденском округе грабежами и разбоями. В этом отряде и обнаружилось брожение, подогреваемое агитаторами — ставленниками политических противников Мутушева. Последний уверен, что содеянное над ним вызовет резкий протест во всей Чечне и уже приняты шаги к предотвращению возможного кровопролития. Офицеры милиции, по словам Мутушева, — вне всякого упрека и выше всякой похвалы. Ввиду протеста, по поводу произведенного милиционерами насилия, они отказались от несения должностей службы в милиции. А. Мутушев формулирует свою роль в Чечне таким образом: Он углубляет завоевания революции, демократизирует управление Чечней, культуртрегерствует, борется с темным фанатичным элементом и устанавливает самые дружеские отношения между соприкасающимися национальностями. Никакого содержания за работу он не получает, во имя ее, совершенно

забросил свою обширную адвокатскую практику и вообще несет большой материальный ущерб.

К насилию над Мутушевым. Пострадавший от дикой расправы милиционеров-чеченцев, продолжает получать выражения соболезнования от многих представителей города Грозного. Между прочим, совет рабочих и солдатских депутатов обратился к нему с таким письмом: «Совет солдатских, рабочих и казачьих депутатов, глубоко возмущенный зверским насилием над председателем революционной организации чеченского комитета Мутушевым, заявляет решительный протест против посягательства на свободу личности и выражает Мутушеву искреннее соболезнование и требует расследования и привлечения виновных к ответственности». В связи с насилием над Мутушевым, за подписью нескольких чеченцев, отправлена во Владикавказ, на имя председателя центрального комитета объединенных горцев Бока Чермоева телеграмма следующего содержания: «Положение всей Чечни очень серьезное. Немедленно приезжайте». Случай с Мутушевым произвел в городе большое впечатление и вызвал много разговоров.

Удостоверение о назначении М. Яндарова чрезвычайным комиссаром Терской области. 14 декабря 1917 г. Дано сие удостоверение **Магомету [Этиевичу] Яндарову** в том, что он назначается чрезвычайным временным комиссаром Терской области, впредь до создания там демократически избранного полномочного областного Совета. Ближайшая задача комиссара: очищение Терской области от банд Караулова и закрепление за русскими крестьянами, чеченцами, осетинами, ингушами, кабардинцами, кумыками, ногайцами и пр. их неотъемлемых прав на устроение своей национальной жизни. Чрезвычайному комиссару дается право на назначение себе помощников. **Подпись**: В. Ульянов (Ленин). Народный комиссар по делам национальностей Иосиф Джугашвили (Сталин). За управляющего делами Совета Народных

Комиссаров Мехоношин. Секретарь Совета Н. Горбунов. (ЦПА ИМЛ, ф. 2, оп. 1, д. 4975, л. 1).

ЧЕЧЕНСКАЯ ДИВИЗИЯ ДЕНИКИНА

Стр. 211. Приказом главнокомандующего ВСЮР генерал-лейтенанта А. И. Дениуина №341 от 23 февраля (8 марта) 1919 года в состав Вооруженных сил на Юге России и Кавказской Добровольческой армии была включена Ингушская конная дивизия.

Стр. 214. Приказом Деникина №1101 от 1 (14) июня 1919 года сформирована Чеченская конная дивизия в составе четырех чеченских и кумыкского полков. Ее командиром стал генерал-майор Александр Петрович Ревишин, фигура весьма колоритная.

30 мая (13 июня) 1919 года дивизия выступила в поход на Астрахань в составе группы войск под командованием того самого генерал-майора Драценко, недавно столь успешно усмирившего Чечню. В походе участвовало три чеченских полка. 4-й полк находился в стадии формирования.

Особой славы на поле боя чеченцы не снискали. Как вспоминал один из офицеров дивизии, штабс-ротмистр Дмитрий Де Витт: «1-й Чеченский конный полк, находившийся в глубоком, почти 10-верстном, обходе слева, должен был перерезать дорогу Оленчевка — Промысловое, не допуская подхода к красным подкреплений; однако полк задания своего не выполнил, потерял с утра связь с дивизией и в течение дня четыре раза безрезультатно атаковал позицию красных, пока, в свою очередь, сам не был атакован красной конницей и отброшен далеко в поле. Необстрелянные всадники, попав в тяжелое положение, разбежались, и на следующий день удалось собрать едва половину полка: большая часть бежала в степи и затем дезертировала к себе в Чечню».

Стр. 216. А в июне 1919-го противник чеченцам попался серьезный: «Красная конница прекрасно владела шашкой — это

были почти сплошь красные казаки, и раны у чеченцев были в большинстве смертельные. Я сам видел разрубленные черепа, видел отрубленную начисто руку, плечо, разрубленное до 3-4-го ребра, и проч. — так могли рубить только хорошо обученные кавалерийские солдаты или казаки». (***Чеченская конная дивизия. 1919 год. //Путеводитель по фондам белой армии. Стр. 318***)

Полки Чеченской конной дивизии понесли большие потери во время Степного похода, но еще больше таяли при отступлении. Борьба с этим злом становилась невозможной: никакие наказания, вплоть до смертной казни, не могли удержать чеченца от соблазна бежать к себе домой под покровом ночи. После отступления полки были сведены в 1—2 эскадрона, и вся дивизия из 3 полков едва насчитывала в строю 250—300 шашек».

ВОСПОМИНАНИЯ ГЕНЕРАЛА ДЕНИКИНА

Книга «**Очерки Русской смуты**» том IV. Деникин А. Берлин, 1925.

Стр. 97. Ингуши — наименее численный и наиболее спаянный и сильный военной организацией народ оказался, по существу, вершителем судеб Северного Кавказа. Морально его облик определен был давно уже учебниками географии: «главный род занятий — скотоводство и грабеж...» Последнее занятие здесь достигло особенного искусства. Политические стремления исходили из той же тенденции. Ингуши стали ландскнехтами советской власти, ее опорой, не допуская, однако же проявление ее в своем крае. Одновременно они старались завязать сношение с Турцией и искали турецкой помощи из Елисаветполя, немецкой из Тифлиса. В августе, когда казаки и Осетины овладели Владикавказом, ингуши своим вмешательством спасли терский совет комиссаров, но при этом жестоко разграбили город и захватили государственный банк и монетный двор. Они грабили всех соседей: казаков и осетин во имя «исправлений исторических ошибок», своего малоземелья и чрезполосицы; болельщиков — в уплату за свои труды и службы;

кабардинцев — просто по привычке, и владикавказских граждан — за их беспомощность и непротивление. Их ненавидели все, а они занимались своим «ремеслом» дружно, широко, организованно. С большим размахом, став наиболее богатым племенем на всем Кавказе.

Осетины — помимо многих частных взаимно враждебных подразделений, представляли два основных лагеря — православных и мусульман. Первые дружили с казаками, вторые с ингушами. Командование в лице ген. Фидарова тянула к объединению с Турцией и к ингушам, национальный совет и большая часть интеллигенции поддерживали советскую власть. Народ же, ненавидя большевиков, оставался пассивным и не следовали ни за своими правителями, на за командованием; официально признавал советскую власть и тайно, неорганизованно входил во все комбинации для ей свержения.

В конце июня две-три сотни осетин приняли участие в нападение на Владикавказ. После неудачи этого выступления, собравшийся Ардонский совет, под влияниями оплачиваемой большевиками партии «Кермент», вновь признал единогласно власть народных комиссаров и даже высказался за вооруженную поддержку ей. Но народ не откликнулся и тогда на постановление своих представителей. Большинство осталось пассивным, часть же осетин поступал в ряды терцев или в дерущиеся на их сторон отряды полковников Хабаева и Кибирова. Эта приверженность Осетии к старым государственным связями и полная несклонность ни к большевизму, ни к крайним форма национальной независимости, послужил источником многих бед: и ингуши, и в особенности большевиков, разорили и уничтожили много осетинских аулов и хуторов на Курпе, в Моздокском отделе, возле Владикавказа и на Военной — Грузинской дороге.

Кабарда, занятая большевиками гарнизонами и управляемая большевицкими комисарами, смирились сразу. Отношение края к советской власти определялось просто географическим

положением его: малая Кабарда, сдавленная между большевиками и ингушами, признала всецело советскую власть, а Большая Кабарда (Нальчикский округ), примыкая к фронту восставших терских казаков (Прохладненскому), выставила против большевиков отряд сначала в две сотни, потом разросшийся до бригады конницы, под начальством ротмистра Серебрякова — представителя кабардинских узденей дворянства). В то же время представитель « кабардинского пролетариата» пастух Катоханов на советские средства сформировал отряд из кабардинцев — большевиков, понесший вскоре поражений в бою с Серебряковым.

Чеченцы. Помимо сложной внутренней своей распри, разделились и по признакам внешней политики, образовав одновременно два национальных совета: Грозненский округ, имевший старые счеты с терцами, по постановлению Гойтинскаго съезда шел с большевиками и получал от них деньги, оружие и боевые припасы. Другая часть чеченцев — Введенский округ, подчиняясь решению Атагинскаго съезда, стоял на стороне казаков, хотя и не оказывал им непосредственной помощи, и был против большевиков. Первые были связаны, поэтому теснее с Ингушетией, вторые с Дагестанскими. Между обеими группами разгорались сильнейшая вражда, приводившая иногда к многодневным кровопролитным боям, чем до некоторой степени смягчалась опасность положения терских казаков.

Стр. 118. Если отбросить всю обязательную в то время «революционную» терминологию, камень преткновения лежал, главным образом, в некоторых экономических вопросах, к которым я и Особое Совещание, оберегая обще-русские интересы, относились, быть может. Слишком ригористические. Все остальное — было только декораций. Угроза была неуместна по адресу Армии-освободительницы и бессильна по существу. Ибо частичный даже увод весною частей армии с Кавказа на севере, для отражения большевиков, обрушившихся на нас с Царицынского направления,

вызвал совместно представления и атамана, и главноначальствующаго, рисовавшее такую картину:

«При наличии восстания „керменитов“ в Осетии… при взаимной кровной ненависти терцев с одной стороны и чеченцев и ингушей с другой, (при) ясно обнаруженных намерениях (большевиков) наступать на Кизляр. Св. Крест, увод первой конной дивизии неизбежно приведет к отдаче (большевикам) Владикавказ… Грозного и Кизляра, что вызовет восстание всех горских народов и полный распад всего Терского казачьего войска, которое разбредется по станции защищать свои пепелища…»

Трения создавала, в сущности, только небольшая, но влиятельная часть псевдо — радикальной и самостийной терской интеллигенции в правительство и Круг, тогда как казачество было совершенно инертно, глубоко чуждо политической борьбе и сердечно расположено к Добровольческой Армии; города же всемирно вырывались из подчинения отдельской (уездной) казачьей власти, и городские самоуправления, в конечном результате, постояли на проведении выборного производства, на основании закона Особого Совещания. Даже революционная демократия, во образе «Севкагора» в поисках выхода между «стремлением» сословно — казачьих кругов растворит город в сельской казачьей кругов растворит город. Пункт 4. « Управление Грозненским нефтяным, а также всеми другими горными промыслами на территории Войска Терского в техническом отношении, независимо от того, кто состоит владельцем их, принадлежит общегосударственной власти и осуществляется местным горным надзором, а через его посредство центральным горным ведомством».

Стр. 119. Сельской казачьей массе, враждебной городской культуре,«**Я**» недоверием власть имущих кругов в Особом Совещании, установивших опеку над целесобразностей действий городских самоуправлений», 0 склоняясь явно на сторону второй комбинации…

Терский круг, собравшийся на вторую сессию в конце июня, просил меня прибыть на свое совещание, встретил и принимал чрезвычайно тепло, говорили, что мой приезд уравновесили влияние кубанской делегации, работавшей весьма энергично против объединения Терека с командованием добр. Армии. Но в постановлении Круга о построении власти- это отношение не проявилось. Круг стал на точку зрения правительства и отнесся отрицательно к предъявленной ему конституции Терско-Дагестанском крае, атаман Вдовенко — применительно к Терской конституции- со всеми отрицательными последствиями такой сепаратной деятельности.

Было бы долго и затруднительно перечислять все те разногласия, которые возникали между терскими правительством и командованием. Я приведу один лишь эпизод, характерезующий траги-комическое положение Владикавказской жел. дор., имевший несчастье пересекать одиннадцать раз суверенныя государства. В этом эпизоде, как в кривом зеркале, отражается вся лоскутная государственностью Юга.

2. От правителя Кабарды — управлению Владикавказской дороги, сношение 3 июля, № 3799: «Управлением дороги сделано распоряжение начальниками станций Нальчик, Докшукино. Котляровская, Прохладная, Солдатская и Муртазово ..., находящимся на территории Кабарды, не принимать никаких грузов без разрешительных свидельств, и одно лишь может запрещать или разрешать ввоз и вывоз в пределы и за пределы Кабарды. А потому, означенное распоряжение прошу отменить, поставив в известность г.г. начальников вышеупомянутых станций и предписать им принимать товары к отправлению лишь по моим разрешениям и окружных Нальчикских управлений. Ген майор князь Бекович Черкасский.

Чеченскій съѣздъ

Сидятъ слѣва на право: 1) Правитель Чечни, ген. Аліевъ, 2) Главнонач. Терско-Даг. Края, ген. Ляховъ, 3) Ген. Бриггсъ, 4) Ген. Деникинъ, 5) Ген. Романовскій, 6) Терскій атаманъ, ген. Вдовенко.

Стр. 121. Глава 15. Терско-Дагестанский край в 1919 году. **Междуусобная борьба**. Меджилисы и англичане.

Умиротворение г орских народов шло своим чередом, встречая большие трудности. Еще в мирное время, жизни на Кавказе местами была неспокойны, и кавказские пути требовали усиленной военной охраны. С выводом войск на фронты, мировой войны, потом с началом революции и ослаблением центральной и местной властей, положение стало нще хуже. Наконец, гражданская война, бесчисленные фронты, разрушение железных дорог, общее разорение и кровавые счеты — все это произвело в край небывалый хаос. Грабеж, как занятие, пользовавшее почетом на Кавказе, стало теперь обычным ремеслом, значительно усовершенствованным в приемах и «орудиях производства» — до пулеметов включительно. Грабили все «народы», на всех дорогах и всех путников — без различия происхождения, верований и политических убеждений. Иногда сквозь внешний облик религиозного или национального подъема хищным оскалом проглядывало все то — же обнаженное стремление. Дороги в крае стали доступными только для вооруженных отрядов, сообщение замерло, и жизнь замкнулась в порочном круг страха, подозрительности и злобы.

Осетия и Кабарда присоединилась к нам сразу и добровольно, созвали вскоре национальные съезды, избрали правителей и советы, установили вполне благоприятные отношения с главноначальствующим и Особым Совещанием. Роль последнего первое время ограничивались почти исключительно денежными ассигнованиями на многообразные нужды этих округов и поддержку их культурно просветительных начинаний. Внутренний мир и в них наладился не скоро: пришлось им подавлять окружием, подчас весьма жестоко, вспышки экстремистов. не утративших еще связей и симпатий к большевикам, и бороться с разбоями. В Осетии, повидимому, самоуправление налаживалось, и устанавливались хорошие отношения к местной выборной власти, а из Кабарды не раз приходили жалобы на произвол старшины, взяточничество

аульной администрации и самовольные высказывания с населения узденями убытков, понесенных во время господства большевиков.

Подчинившаяся официально Ингушетия жила фактически почти вне связи с русской властью. Не проявляясь активно, не прекращалось в ней брожение, подогреваемое из вне постоянными сношениями с так называемыми «горским правительством» и укрытыми в аулах, после радения Владикавказа, коммунистами, комиссарами, среди которых называли и «чрезвычайного комиссара» московского совнаркома Орджекинидзе. Формирование ингушских полков для Добровольческой армии не подвигалось, а вместо этого шло тайное формирование местных отрядов. Ингушетия по-прежнему представляла из себя враждебный вооруженный стан, который считался с одним лишь аргументом силой.

Иначе обстояло дело в Чечни и Дагестане, где мы встретили неожиданно противодействие со стороны одного из кочующих правительств (характерное порождение русской революции) — «республики горских народов Кавказа и... англичан. Избранный на 2-м горском съезде «центральный комитет союза горцев» имел вначале узкую задачу — отстаивания обще — горских, интересов. Но, после падения российского временного правительства,«горский союз, под влиянием фанатизма одних и честолюбивых замыслов других перешел сначала к чисто горской автономности, а позже к независимому государственному образованию, требуя от всех признания своего суверенитета над территорией и над народами, населяющими во многих местах чрезполосно с русскими и казаками Северный Кавказ. Эти политические стремления дали горским народам только междуплеменную вражду и его болельщиков в Терском крае». Так определяли впоследствии правитель и совет Осетин роль горского правительства, протестуя против домогательств последнего на власть.

Комисс. фин. Андреевъ, Военн. комисс. Бутуринъ, комисс. вн. д. Фигатнеръ.

Предсѣд. 1-го „народн. съѣзда" Богдановъ.

Предсѣд. совѣта комиссаровъ Буачидзе.

Сѣверо-Кавказскіе совѣтскіе правители.

Из книги Антона Деникина

После январских событий во Владикавказе, горское правительство бежало в Тифлис и, оторванное от событий на Кавказе, частью рассеялось. Частью — в Тифлисе и, оторванное от событий на Кавказе, частью рассеялось, частью — в лице кабардинца Пшемаха Коцева, чеченца Топы Чермоева (*ротмистр конвоя Его величества, владелец нефтяных промыслов в Грозном*) и др. — продолжало еще выступать в центрах восточной политики. Они побывали в Константинополе, призывая единоверных турок помочь им освободиться от «русского владычества» (*при председателе Чермоеве состоял секретарем турецкий офицер Терик-Джирелъ-Сзаръ, получавший инструкции из Константинополя*) они, явившись на Батумскую мирную конференцию в качестве «уполномоченных» представителей Сев. Кавказ, всемирно поддерживали Германию — Турецкую дипломатию в ей захватных стремлениях против закавказской делегации.... В Тифлисе они добивались у германского командования помощи ингушам, но осторожные немцы, кроме посылки во Владикавказ грузовиков с миллионом патронов и 3 тыс. винтовок, воздержались от прямого вмешательства в горские дела.

Вся дипломатическая, декларативная, публицистическая деятельность этого кружка носить следы специфически восточной хитрости и наивной хлестаковщины, производившей, однако, неизвестное впечатление на несведущих иностранных представителей. Все, например, сложные эпизоды борьбы в Чечне и Дагестане, осложненные соревнованием советского власти, турок и англичан и их вооруженным воздействием, изображались горским правительством в таком виде: «к осени 1918 г, Хасав-Юртовский и Чеченский районы Терской области, кроме Грозного, Правительство обосновалось тогда в Темирхан-Шуре.

В середине ноября пала Турция. На Каспии появилась англичане, и роль горского правительство, крепко связавшего свою судьбу

с Турцией — без средств, без армии и без влияния — казалось, должна была окончиться. Но 26 ноября горская делегация посетила в Баку английского генерала Томсона, обратилось к нему за помощью, и Томсон счел полезным для английских интересов поддержать существование горского правительства. Вот как об этом повествует Пшемахо Коцев:

«Когда анархия и развал коснулись и нашей окраины, то для меня стало ясно, что собственным силами и авторитетом мв не можем водворить у себя порядка. И вот все это время прошло в хлопотах за поисками этой внешней силы.

Эти внешние силы были заняты собственным делами, все же они нам помогли, как могли, и снабдили военным снаряжением. Но одни силы ушли, а другие пришли. В тот самый момент, когда я собирался пробраться в залитую кровью Кабарду, я был приглашен в Баку главным английским командованием для переговоров.

Английское командование, признав, вперед до всемирной конференции, существование Горской республики и правительства, предложило мне организовать новое коалиционное правительство, которое действовало бы в единении с союзниками.

Согласившись в принцип, я отказался сделать это без народного доверия горских племен. С 18 по 22 н. ст. декабря происходил в Темир –Хан — Шуре съезд представителей Дагестана, Чечни, Осетии и нескольких кабардинцев. Это совещание вручило мне всю полноту власти, как от горского, так и от казачье — русского населения. После этого английское главное командование назначило при моем правительстве военную миссию во главе с полковником Роулинсоном, который уже приехал в Темир — хан — Шуру…»

Этими фактами определяется генезис новой власти «всего Северного Кавказа», восходящей, следовательно, к генералу Томсону и собранию случайных людей, проживших вблизи Дагестана, так как в начале декабря вся Кабарда, Осетия, Ингушетия и половина Чечни находились во власти советов и фактически были отрезаны

от Дагестана. Распространение этой власти на Терек обусловливались договором, заключенным горским правительством с беженцами с Терека, проживавшими в Петровске и именовавшимися еще «временным военным правительством казаков и крестьян Терского края». В силу договора, область Терскаго войска должна была войти в состав союза горских народов, причем «командование вооруженными силами договаривающегося сторон вверилось представителю держав Согласие на все время операции против большевиков».

В письме своем к «горскому правительству Северного Кавказа», посланном 27 ноября и подтверждавшем данное горцами обещание признания **de facto,** Томпсон говорил: «Вас больше всего интересует стать самостоятельной республики.

Стр. 126. Дважды назначенный в Грозном съезд чеченских представителей не состоялся, в виду отказа большевицких органов прислать своих поверенных. Чечня волновалась, район Грозного становился непроезжим, повсеместно участились нападения и обстрелы; вместе с тем чеченцы прервали жел. дор. сообщение с (Шамиль-Кала) Петровском, произведя крушение двух рабочих поездов. Начиналось серьезное восстание центром которого стал аул Гойты, верстах в 25 от Грозного. Наше почти двух-месячное выжидание было понято горцами, как слабость. Между тем стратегическая обстановка на Дону и требовала спешной переброски возможно больших сил на Север. Медлить дольше не представлялось возможным. Переговоры были прерваны, и решение вопроса предоставлено оружию. 16-го-23 марта сильный отряд, в состав кубанских и терских казаков под начальством ген. Драценко нанес поражение чеченцам особенно тяжкое аул Алхан-Юрт где они потеряли 1000 человек. Бой сопровождались жестокостями с обеих сторон и разрушением нескольких аулов. Потрясенные этой неудачей чеченцы грозненского округа начали присылать со всех сторон депутации с изъявлением покорности и ген. Ляхов в третий раз назначил на 28 марта чеченский съезд,

пригласив присутствовать на нем и Коцева. К назначенному дню я приехал По видимому он считался в своей среде слишком умеренным. Горский совет командировал в Грозный трех лиц во главе с ярким русофобом и полу большевиком, председателем своим Каплановым для переговоров с командованием. Но делегация, узнав о событиях в Чечне, задержалась в ауле Шали, не решаясь проехать в Грозный. Из Шали Капланов сообщил мне в Грозный, что « никакие переговоры с отдельными племенами или селениями не имеют в глазах горского союза, никакой определенной силы». Не признавая вовсе прав горского правительства, командование в свою очередь не могло входить с, ними в обсуждение участи кавказских племен. Да и дальнейшие разговоры, как оказалось были бы совершенно бесполезными: инструкция, данная делегация на секретном заседании совета, гласила: « 1) Потребовать от добровольческой армии очищения всей горской территории: 2) никакого сотрудничества с армией ген. Деникина:3) Распускать всех мобилизованных горцев». Среди народных избранников — вероятно лучших представителей аулов) царила беспросветная тьма. Никакими политическими, ни религиозными побуждениями нельзя было объяснить народного брожения: Оно пыталось исключительно самыми нелепыми слухами, извращениями фактов. Чеченцы с одинаковым недоверием относились и к Меджлису, и к добровольческой власти, и совершенно не шли дальше прикладных интересов своих аулов; пожалуй, большую симпатию они питали к большевикам, которые укрывали в своих саклях и которые не препятствовали, когда были в силе, их расправам с местными. Русским населением и Терскими казаками. Они боялись мести. И теперь, когда в разосланном по аулам оттиске речи Коцева они прочли, что « в Терскую область назначается генерал- губернатор из казаков» — это известие повлияло на них больше, нежели призывы меджлиса к по строению горской республика велика вина крайне немногочисленной туземной интеллигенции, которая в большинстве своем во всех

стадиях русой смуты не работала в реальных интересах своего народа, а народ этот- темный, совершенно интересный в политическом смысле, не вышедший из рамок средневековья по культуре, обратила в орудие своих политических или лично честолюбивых целей. Я говорил чеченцам о мире, о том, что никто не посягает на их земли и промысла. Что если порвать с Россией и допустить, что все народы Кавказа будут жить своей собственной жизнью, не считаясь со своими соседями, то кроме резни ничего не выйдет. Повторил требования, предъявленные ген. Ляховым, не выполнение которых вызвало тяжелые репрессии… Генерал Бриггс говорил о следствиях, оказываемом Англией Добровольческой Армии, и советовал « дать возможность исправить железную дорогу, прекрать междоусобицу и помочь ген. Деникину в борьбе против большевиков». Собрание после краткого совещания вынесла постановление — выполнить предъявленные условия. Но мир долго еще не устанавливался.

Стр. 127 Под влиянием темных слухов и не раз благодаря насилиям чинимым казачьими отрядами во время усмирений, началось усиленное движение чеченцев с семьями и имуществом плоскостной Чечни на юг в горы. Там собрался весь беспокойный элемент, образовались крупные шайки абреков, державшие под постоянной угрозой наши малочисленные гарнизоны. Горское правительство продолжало агитацию и посылало на горную Чечню мелкие дагестанские о отряды и азербайджанских добровольцев. Правда, окончились эти попытки неудачно: аул Шали, где собрались, был обложен нами, и жителями было предложено разоружить и удалить иноплеменную помощь под угрозой разрушения аула. Требование было выполнено. А возле Гудермеса произошло даже 13 апреля кровавые столкновения между чеченцами и их непрошенными защитниками, когда дагестанский отряд отказался покинуть чеченский аул. Не раз происходил также междоусобные бои между чеченцами — одними, желавшими мира, и другими насильственно поднимавшими аулы к восстанию. Восстания

сменялись усмирениями, усмирения восстаниями, все эти события сопровождались неизбежными актами жестокости и произвола, поддерживая психологию мести и раздражения. Бороться с произволом можно было только- поборов сопротивление и достигнуть искреннего примирения. А его не было.

На пути нашем к Каспийскому морю лежал Дагестан, край наиболее бедный по природным условиям, наиболее мирный по характеру своего

Этот пункт Коцев прибавил от себя в перечне ультимативных требований, предъявленных ген. Гейманом ингушскому народу. Ни Ляхов, ни Эрдели не принадлежали к казачьему сословию.

1. Подчиниться управлению Добрармии, сохраняя внутреннее самоуправление.

2. Выдать красноармейцев- главарей большевиков и абреков.

3. Выдать артиллерию и пулеметы.

4. Выдать все награбленное и увезенное в Чечню красноармейцами. Возвратить все похищенные железнодорожные материалы.

5. Доставить в ближайшие станции и в аул Алды продовольствие для войск за справедливую плату.

6. Возвратить разграбленное имущество Ново- Грозненских промыслов.

7. Возвратить жителям Грозного все свезенное в Чечню на хранение их собственное имущество.

Стр 133. На 11 апреля старший английский начальник в Петровске обратился к председателю горского правительства с письмом, которое проникло скоро в кавказскую печать и привело нас в полное изумление. Я получил приказание передать следующее правительству Горской республики. На британское предложение Деникин согласился не продолжать операцию, и не будет наступать на Дагестан. Ген. Ляхов будет смещен). Ген. Деникин сам устроил MODUS VIVENDI С чеченцами, ингушами, балкарцами и осетинами, и мир возстановлен в ожидании мирной конференции, которая

решит вопрос о независимости и границах горского государства. В ответ на это горское правительство должно позволить Добровольческой Армии пользоваться Петровск –портом, как средством для укрепления Гурбева...»

Книга «**Очерки Русской Смуты**» автор Деникин А. том второй. Берлин.

Глава XV**. Общий очерк военно-политического положения в начале 1918 год**

Стр..179. В начале 1918 года в общих чертах картина жизни на Северном Кавказе:»

Дагестан, в общем наиболее замиренный и лояльный, теперь под влиянием событий стал подпадать под турецкое влияние, и в нагорной части его велась широко проповедь панисламизма. Подогреваемая его идеей шла не прекращаясь партизанская война против большевиков, группировавшихся по преимуществу вдоль дороги Баку- Петровск; но по отношению к казакам и служилым русским людям дагестанцы враждебных действий не проявляли. Чечня, раздираемая внутренними междуусобными, разделенная на 50- 60 враждующих партий по числу влиятельных шейхов, склоняя то к турецкой, то к большевитской ориентации, проявила, однако, полное единение в исторической тяжбе с русскими колонизаторами. Общая идея совместной с ингушами борьбы их заключалась в том, чтобы отбросить терских казаков и частью осетин за Сунжу и Терек, овладеть их землями, и уничтожить тем через полосицу, связать прочно горную и плоскостную Ингушетию (в районе Владикавказа) с одной стороны и Чечню с Ингушетией- с другой. Еще в конце декабря чеченцы с фанатическим воодушевлением крупными силами обрушились на соседей. Грабили и жгли до тла богатые цветущие селения, экономии и хутора Хасав-Юртовского округа, казачьи станицы, железно- дорожные станции; жгли и грабили город Грозный и нефтяные промыслы. Ингуши, наиболее сплоченные выставившие сильный и отлично вооруженный отряд, грабили всех: казаков, осетин, большевиков,

с которыми, впрочем, были в союзе, держали в постоянном страхе Владикавказ, который в январе захватили в свои руки и подвергли сильному разгрому. Вместе с тем, в союзе с чеченцами ингуши приступили к вытеснению казачьих станиц Сунженской линии, для чего еще в ноябре в первую очередь подожгли со всех сторон и разрушили станицу Фельдмаршальскую. Осетины- наиболее культурные из горских народов, имевший «даже» свою социалистическую интеллигенцию, склонявшуюся к большевизму. Народ однако выдержал искушение. Подчиняясь господствующей силе, осетины все- же считали своими врагами большевиков и ингушей и, невзирая на неразрешенные еще земельные споры с казаками, охотно присоединялись к каждому выступлению их против большевиков. Наконец кабардинцы, восприняв от большевиков земельную практику, отняли у своих уздений (дворянства) земли и затем жили мирно, стараясь сохранить нейтралитет среди борющихся сторон. В этой сложной обстановке терское казачество пало духом. В то время, как горские народы, побуждаемые национальным чувством, путем чистой импровизации создавали вооруженную силу, природное войско с историческим прошлым, выставлявшее 12 хорошо организованных полков, разлагалось, расходилось и разоружалось по первому требованию большевиков. Агитация, посулы большевистских агентов и угроз горцев заставляли малодушно искать спасения в большевизме, который, в начале по частной инициативе местных советских организаций, потом по указанию из центра, пользовался распрей, становясь то на сторону горцев против казаков, то на сторону казаков против горцев и в общем хаосе утверждая на крови тех и других свою власть. В конце января в гор. Моздок собрался « рабоче — крестьянский съезд», переехавший затем в Пятигорск. Съезд выбрал из своего состава самостоятельное правительство « Терский народный совет», под председательством некоего Пашковского, сосланного некогда в каторжные работы за ограбление казначея реального училища и возвращенного в силу

общей амнистии, данной Временным правительством. В течении месяца « Народный совет» правил параллельно с «Терско — Дагестанским правительством»; наконец, последнее, не видя ни откуда поддержки, в конце февраля «во избежание кровопролития» добровольно сложило с себя власть и предложило «Совету» переехать во Владикавказ. Терский край был объявлен составной частью «Р.С.Ф.С.Р»

ГАЗЕТА «ГРОЗНЫЙ» 1919 ГОД

Газета «Грозный» № 11, 28 сентября 1919 года. Газета ежедневная, издавалась в г. Грозном. (Хранится в научной библиотеке Государственного Архива Российской Федерации).

Союз спасения Чечни. Авантюра затеянная руководителем чеченских повстанцев, Узумом-Хаджи, и все неизбежные последствия, связанные с ее ликвидацией, в реальных формах поставили перед Чечней угрозу ее физическому существованию. Сознательная часть Чечни хорошо учитывала все те тяжелые бедствия и несчастья, которые обрушатся на чеченский народ в том случае, если он целиком подпадете под влияние Узума-Хаджи. Поэтому в последнее время в чеченских влиятельных кругах был предпринят ряд попыток организации — борьбы с Увумом-Хаджи внутренними силами самой Чечни, среди которой должна была быть создана группа, являющаяся противовесом узум-хаджинцам. Это дело на-днях приняло окончательно законченную организованную форму почему и является своевременным именно теперь его осветить. Основание организации анти-повстанческой ячейки среди Чечни было положено председателем чеченского национального совета, Ибрагимом Чуликовым, которым для этой цели 6 сентября в сел. Урус-Мартан был созван съезд наиболее надежного в этом отношении округа, Грозненского. Съезд этот единогласно вынес постановление о борьбе с Узумом-Хаджи, для чего в первую очередь постановлено «было организовать оборонческие отряды для

воспрепятствования Узуму-Хаджи проникновения в Грозненский округ. В эти отряды чеченской самообороны каждым аулом округа были посланы всадники, по раскладке съезд. Всадники Ибр. Чуликовым были приведены к присяге, что они не допустят шайкам Узум-Хаджи перейти границу Грозненского округа. Сторожевое охранение было установлено по Аргунской линии Кроме того указанным отрядом охранялся выход из Бамутского ущелья, чтобы воспрепятствовать проникновению в Чечню ингушских разбойников и повстанцев, а также вся Сунженская линия. Из состава съезд был выделен исполнительный орган по 2 человека от каждого аула дан надзора за привольностью охранения, забот о продовольствии сторожевых отрядов и разрешения других, возникавших на месте вопросов. Этим было положено основное начало организации в Чечне активных сил дня борьбы с повстанцами. Значение начатого дела было чрезвычайно велико: с одной стороны выступление самых чеченцев против Узума Хаджи должно было вызвать раскол в его частях, а с другой стороны многие чеченцы, находящиеся в частях Узума-Хаджи, несомненно покинули бы его отряд и остались нейтральными, так как опасение кровной мести не позволило бы им биться со своими единоверцами. Что начатое дело может рассчитывать на успех среди чеченцев, и что среди Чечни найдутся еще многие такие аулы, которые примкнут к уже организовавшимся, об этом достаточно ясно говорят те средства, к которым прибегает в Чечне Узум-Хаджи для подчинения своему влиянию аулов. Его успех строится им исключительно на провокации. По непокорным ему аулам, им рассылаются агенты, которые распространяют сведения, что не только за активное выступление против Узума-Хаджи, но и даже на пассивное отношение аулы будут ожигаться, и жители подвергаться уничтожению. Если и после этого аулы не сдавались, то начинался артиллерийский и ружейный обстрел не подчинившихся аулов, как это было, например с аулами Атаги и Гойты. Только такими средствами ему удалось захватить большую часть Веденского

и Хасав-Юртовского округа и произвести в них мобилизацию. Вся беда была в том что в Чечне абсолютно не было никаких организованных чеченских сил, которые могли бы противостоять напору Узум- и объединить вокруг себя всех его противников. Организацией Грозненского округа эта задача частично была осуществлена. Для окончательного же закрепления начатого дела и для предания ему наибольшей авторитетности в глазах чеченских масс состоявшееся 24 сентября в Грозном собрание представителей наибольших родов Чечни образовано чеченский комитет по изгнанию большевиков и банд Узума-Хаджи из пределов плоскостной Чечни. Комитет этот составился из следующих лиц: председателем. Избран Ибрагим Чуликов, товарищем председателя Ахмат Цутиев и членами комитета — Ахмат-хан Эльмурзаев, Магома Мациев, Ахмат Арсамироев, Умар Хамирзоев, Абдул-азани-Мустафинов, Эмби Исламов, Косум Баширов, Абубакар Мирзоев, Эльмурза Мациев и Эши Яндаров. Комитет единогласно признал, что только под покровительством русской государственности, оплотом которой в настоящее время является Добр-армия, чеченский народ может получить возможность мирного и благополучного существования. В виду этого комитет постановил сделать и с своей стороны попытку внутренними силами Чечни, до вооруженной борьбы включительно, очищения Чечни от банд большевиков и шаек Узума Хаджи. Разработка плана и руководство всей предположенной операцией, комитетом возложены на Ибрагима Чуликова. Тут же среди присутствующих было положено начало созданию фонда для операции и подготовительных работы, причем ими было собрано из своих средств сразу более 50000 рублей. Дальнейший сбор продолжается. К участью в борьбе с Узумом Хаджи комитетом в принудительном порядке намечено привлечь чеченскую молодежь и интеллигенцию, находящуюся в Грозном и на территории Чечни, не занятой Узумом Хаджи. Реальную силу, на которую в настоящее время опирается этот союз спасения Чечни, представляет Грозненский округ, который до сего времени оставался лойяльным

по отношению к Добр-армии и выразил готовность всеми силами бороться с повстанцами. Несомненно, что положитель...

Газета «Грозный» 28 октября 1919 года. **Очищение плоскостной Чечни.** Нам сообщают следующие подробности последних операций Добровольческих войск и отряда Ибрагима Чуликова против банд большевиков и Узуна-Хаджи в период с 15 по 21 октября закончившихся окончательным очищением плоскостной Чечни от повстанцев. Разъединенные решительными действиями добровольческого командовании, шайки Гикало и Узума Хаджи предприняли попытки соединиться и образовать один общий фронт. С этой целью 16 октября Узум Хаджи повел наступление со стороны с. Шали на аул Новые Атаги, а Гикало со стороны Воздвиженской на Старые Атаги. Чеченцы того и другого аула, совместно с оставленным отрядом, засев в наскоро устроенных окопах по берегу реки Аргуна с небольшими потерями оборонялись до прибытия отряда добровольческих войск, при приближении которых наступавшие банды отступили, не приняв, боя и не достигнуть соединения. 17 октября чеченским отрядом под командой Чуликова было совершено глубокое обходное движение большевистских шаек, сгруппировавшихся в районе Воздвиженской, причем отряд, пройди но горным тропинкам, вышел между аулами Чишки и Варанды на Шатоевской дороге в тыл группе Гикало, и занял позицию у горы Коло-Корт. Узнав, что большой отряд противника находится у него в тылу, Гикало с своими бандами, счистив Воздвиженскую, засел в Шаро Аргунским ущелии. Параллельно этому развивались операции против Узум-Хаджинских шаек, оперировавших в районе Шали — Сержен-Юрт 18 октября командующим добровольческой группой войск ген. Пашковским было послано ультимативное требование сел. Шали своими силами изгнать Узума-Хаджа и его отряды находившиеся в Шалях, выполнения этого требования был дан до 12 часов следующего дня. В тот же день Чуликовым было послано требование к шалинцам прислать всадников в Атаги. К 12 час. 19 октября до 150 шалинских

всадников, несмотря на все угрозы Узума Хаджи вырвались из с. Шали и прибыли в отряд Чуликова. По просьбе всадников, генералом Пашковским срок ультиматума был продан до 6 час. вечера, к каковому времени из Шалей было получено сообщение, что Узум-Хаджа оттуда окончательно изгнал. Военная разведка и под командой поручика А. Ф. Погодина, направленная в Шали для проверки этого сообщения в отсутствии противника. Собранный пор. Погодиным сход селения принял все требования, кои были ему предъявлены пор. Погодиным от имени добровольческого командования и которые ниже приводятся. 20 октября около 12 час дня наши войска и чеченский отряд при торжественной обстановке вступили в Шали, где мулами было отслужено благодарственное моление при чем присутствовавшим при этом чеченским народом было послана телеграмма главно-начальствующему и генералу Драценко, текст которой приводится ниже. Ген. Пашковскому и начальнику его штаба-отряда полк Криволуцкому в память освобождения столицы Чечни были вручены две верховых лошади, отбитые шалинцами у отряда Узум-Хаджи. В пять часов вечера того же дня нашими войсками было предпринято наступление на Сержен-Юрт, где в это время находился отступивший из Шали Узум-Хаджи со своим отрядом. После небольшего боя на высотах у Сержен-Юрта шайки Узум-Хаджи, отрезанные от Ведено, бежали на восток в горы. Около 10 часов ночи аул был взят нашими войсками и сожжен. Занятием аула Сержен-Юрт было закончено очищение плоскостей Чечни от бандитов.

Обязательство жителей селений Шали, данное начальнику войск южной группы генерал-майору Драценко. Мы, нижеподписавшиеся, почетный старики селения Шали через командированных начальником Грозненского отряда генерал майоров Пашковским лиц дали нижеследующие обязательства:

1) Всем, имеющимися средствами Добрармии ни в коем случае не допускать занять наше селение отрядом Узум-Хаджи, Гикало, и прочими большевистскими главарями.

2) Очистить от банд своими силами всю местность, прилегающую к нашему селению включительно до ущелий, идущих до сел. Агишты и Сержен-Юрт, для чего обязуемся не позже 20-го октября сформировать четыре сотни под командой поручика Борщикова и его помощников: юнкера Аджиева и Османа Довдыева, и держать достаточную охрану в том и другом ущельях впредь до очищения от банд Ведено и Шатоя и занятия их русскими или чеченскими отрядами.

3) Впредь до занятия русскими или чеченскими отрядами Ведено и Шатоя, мы обязуемся не допускать привоза хлеба и других продуктов в нагорную Чечню, поспешить на исполнением этого пункта мы обяжем помимо всего общества нашу аульную администрацию и постоянную нами охрану в ущельях.

Телеграмма чеченцев генералу Эрдели и генералу Драценко. Население сел. Шали и очищенных аулов в день окончательного освобождения столицы Чечни от повстанческих банд председателя чеченского национального совета и чеч. отрядов. Но Чуликов послан главноначальствующему северного Кавказа генералу Эрдели и командующему войсками южного района генералу Дриценко телеграмму следующего содержания. Охваченный чувством негодования против большевиков общим порывом чеченский народ постольку, наскольку он мог принять участие в борьбе по очищению генералом Дроценко Чечни от большевиков и Узум-хаджинцев. Сегодня 20 октября русские войска под командованием генерала Пашконского вступили, как освободители в. Шали — столицу Чечни. Народ, собравшись благодарить Аллаха, а так уже на то, что он дал возможность вместе с русским народом принять участие в борьбе за установление русской государственности, права и справедливости. Чеченский народ с глубокой верой в будущее обращается к широким массам России и просит передать генералу Деникину.

На линии Петровск-Грозный. Корреспондент «Пресс бюро», совершивший поездку на бронепоезде в районе Гудермес Петровск,

сообщает: — Нападение чеченских банд, прервавших телеграфное — сообщение Петровска с Ростовом носило организованный характер. Чеченцы одновременно напали на Хасав-Юрт и Кади-Юрт. На последнем малочисленная охрана, со всех сторон окруженная чеченцами, геройски в наскоро устроенных окопах оборонялась свыше суток, пока солдаты не расстреляли все патроны. После этого чеченцы захватили их, заперли в товарный вагон и сожгли. Остатка трупов этих храбрецов погребены в братской могиле. 15 октября в Хасав-Юрте бандитам удалось занять только селение. Железнодорожная станция при нападении осталась в руках казачьего гарнизона. Все дома жителей чеченцами разграблены. Женщин, мужчин и детей вместе с священником чеченцы брали в плен. На другой день чеченцы подошедшими добровольческими войсками были выбиты из селения и бежали в горы. Засевшие в подвалах селения и не успевшие бежать банды, выбивались орудийными выстрелами на расстояния 20-ти шагов. После соединения частей. Петровского и Грозненского отрядов войска прошли огнем и мечем по тем аулам, из которых вышли банды. Тогда из соседних аулов начали приходить мирные депутации, выдавая казакам русских и чеченских большевиков, причем их привозили с завязанными руками. Вместе с тем аулы немедленно дали потребное, число рабочих ля восстановления железнодорожного пути. Опустевшие чеченские аулы продолжают дымиться. По линии жел, дороги ходят рабочие поезда, восстанавливающие разрушения, произведенные разбойничьими бандами. Телеграфные столбы чеченцами срублены, частью сожжены, а частью увезены в аулы. Разрушая дорогу, чеченцы запрягали буйволов и ими сворачивали рельсы с мостов. Однако уничтожить мосты не удалось. У Кади-Юрта чеченцы пытались с десятком буйволов увезти в ближайший аул служебный вагон. Среди массы убитых в бою у Хасав-Юрта обнаружены много русских большевиков, у убитых найдены документы, подписанные начальником красного штаба Бержевым, оперировавшим вместе

с чеченскими войсками. Сам Бержев, известный бакинский большевик, по показаниям пленным красноармейцев убит у Хасав-Юрта.

Газета Грозный № 67, 8 декабря (21 декабря) 1919 года. **По Чечне. В стане Узума-Хаджи.** Все силы Узум-Хаджи, которые ему удалось собрать обещаниями 2000 руб. жалования, не превышают в настоящее время 200 человек. Эти люди служат ему исключительно из-за денег, так как до повышения жалования всадникам у Узума-Хаджи не было совершенно сторонников. Средства для уплаты жалования Узум-Хаджи изыскал путем наложения своего штемпеля на аннулированные советские сторублевки. В Шатое Узумом посажен турецкий полковник со званием генерал-губернатора. Этот полковник на днях был произведен Узумом-Хаджи в генералы, но от производства отказался, ссылаясь на то, что производить могла только турецкая власть. **Попытка пленения.** Для дискредитирования в глазах чеченцев силы Добармии Узум-Хаджи был послан в Цацин-Юрт небольшой отряд для захвата административных лиц и деятелей, принимавших участие в борьбе с повстанцами. К пленению был намечен некто Джунаид Шуаипов, один из видных участников борьбы с повстанцами и сторонник Добрармии. Для осуществления этого пленения узум-хаджинский отряд в ночь на 17 ноября произвел нападение, но потерпел неудачу, так как в защиту Шуаипова выступила самооборона Цацан-Юрта и вызванная помощь из Мискир-Юрта. Отряд был прогнан и ушел в аул Курчалой.

Гикаловские шайки. Из Нагорной Чечни сообщают, что жители селения Шатой и ближайших к нему аулов потребовали от Гикало удалиться из Шатоя, грозя в случае этого требования вооруженным восстанием всей Нагорной Чечни вынудили прорваться на плоскость. Шайки Гикало доходившие до аулов Дуба-Юрт и Дачу-Борзой востребовали от жителей этих аулов налог по 70 рублей, с дома по 2 меры кукурузы, 2 меры муки и 2 воза дров.

Газета Грозный № 29, 20 октября 1919 года. Тифлисские газеты сообщают, что в состав московск., совпарткома вошел и бывший большевистский комиссар юга России и Северного Кавказа «Товарщик» Ордженикидзе… Для проживающих здесь во времена советской власти это довольно известная и хорошо знакомая фигура. Он имел одно время своей постоянной резиденцией. Пятигорск, где последнее время состоял председателем совета обороны Северного Кавказа. Комиссар Орджоникидзе — выдающийся тип среди деятелей октябрьской революции. Осужденный в каторгу за грабеж на Головинском проспекте в Тифлисе в 1917 году; он с Акатуя попадает, в Женеву и там близко сходится с Лениным. Постепенно он увлекается теорией коммунизма и вскоре из каторжанина и грабителя получается видный политический деятель социалистического подполья в 1918 г. он командируется опять в Тифлис, но уже с багажом подпольной литературы, но здесь его вскоре ловят и, как беглого каторжника, отправляют обратно в Сибирь. Ему удалось и на этот раз бежать и скрыться на границу. В 1917 г. он прибыл к нам в одном запломбированном вагоне с Лениным и Троцким и немедля приступил в организации рабоче-крестьянской революции, выступая в казармах, то среди рабочих. Терские казаки узнали этого комиссара — каторжника, накануне своего восстании против советской власти из 1918 г. когда он выступил вообще против всякого казачества и его презентации на четвертом съезде народом Терской области. В памятные дни известии, когда нарком Шляпников наставлял и мирных договорах с казачеством, Орджоникидзе выступил, как противник этого и требовал от центра реальной силы. Выступая на ингушском съезде, Орджоникидзе говорил на их родном, языке и почти всегда произносил в жизнь нужные для него постановления. К грузинам своим сородичам, **Орджоникидзе** относился с особым вниманием и особой любовью. Что бы ни сделал грузин в территории терского совнаркома, если он во время

обратился, к Орджоникидзе, то для него самое большое наказание высылка из пределов Терской области в Грузию за советский счет. Благодаря такому интернационализму Орджоникидзе в последние дни вся — власть на Тереке перешла в руки грузин. Председатель Владикавказского исполкома — **Кантаридзе**, его помощник, — **Думбадзи**, начальник гарнизона и комиссар революционного порядка — **Гегечкори**, которого во время болезни сменил еще какой-то грузин. Таким образом, Терский совнарком фактически был небольшим отделением грузинской республики, военным губернатором которого был Орджоникидзе. Разумеется в эти дни в Грузию были поставлены почти все продукты... С Орджоникидзе лично мне пришлось встретиться счастью один раз, это было в конце ноября 1915 г. в камере Пятигорской тюрьмы где сидел и в других начальник тюрьмы и председатель чрезвычайки. Подойдя к арестантскому столику он стал подробно расспрашивать всех заключенных о причинах их арестов, выслушивал обвинения чрезвычайки и тут же делал какие-то отметки. К вечеру и я в числе тридцати других заложников оказался освобожденным. Только на свободе я узнал что тюрьму посетил сам Орджоникидзе, по поручению IV съезда совдепов, для — освобождения заключенных, согласно амнистии по случаю годовщины октябрьской революции. А вслед за нашим освобождением, по приказанию того-же Ордженикидзе, у «подножья Машука» — были зарублены последние «сорокинцы» Калюжный, Рябов, Сафронов и Костяной, и человек пять контреволюционеров. После занятия Владикавказа добровольцами, Ордженикидзе бежал к ингушам, оттуда пробрался в Грузию, и теперь опять объявился в Москве. Подпись: **Ляписъ.**

Газета Грозный № 19, 9 октября 1919 года. **В Ингушетии.** Владикавказ, 6 — 10 в беседе с корреспондентом Пресс-бюро правитель Ингушетии Бек-Бузаров сказал: «Ингуши одумались, никто не может их теперь прельстит примкнут к бандитам» Ингушский совет внес постановление, сто братья Джабагиевы, члены самозваного меджилиса в Тифлисе лишены народного доверия.

Газета Грозный № 28, 18 октября 1919 года. **Наш край.** Ингуши о самозваном меджилисе: Съезд Ингушского народа, обсудив вопрос о Тифлиском самозванном меджилисе… От имени народа собирают денежные пожертвования как лично корыстных целях, так и в особенности агитационную деятельность в Ингушетии в большевистском духе, Съезд постановил ходатайствовать перед Главноначальствующим о разрешения комадировать трех членов съезда в г. Тифлис, в Баку с целью объявления в местной печати и доведена до сведения местных общественных деятелей, что Джабагиевы ингушским народом не уполномочены, и являются авантюристами ничего общего не имеющими с народом и в добавок похитившими огромные народные средства.

Официальное сообщение штаба войск южной стороны. Северного Кавказа. Банды Гикало и Узум-Хаджи напали 16-го сентября на аул Ст. Атаги. Жители аула, стоя на стороне Добармии, вступили в бой с бандами большевиков, но, ввиду превосходства бандам удалось зажечь несколько домов и ограбить аул. Узнав о нападении большевиков на дружественный аул части Добрармии были ночью двинуты на помощь и при их приближении банды красных бежали не приняв бой. Наша артиллерия преследовала их огнем. Начальник Штаба войск южной группы Северного Кавказа, Генерального Штаба Полковник Якубовский 18 октября 1919 г.

Газета Грозный № 27, 10 октября 1919 года. **Местная жизнь. Летучий агитационный отряд**. В Грозный прибыл во главе со своим начальником Л. Г. Тер-Акоповым летучий агитационный отряд отделения военной пропаганды при штабе командующего войсками Северного, Кавказа. В 15 октября отряд выехал на позиции в Чечен-аул, где устроил для расположенных там воинских частей в двух различных пунктах концерта. Программа концертов была такова; вступительное слово на тему о текущем моменте инженере Калмыков или журналист, Александрович, музыкальное исполнение на гитаре в мандолине — г. Ушел а Бенженицц, патриотические и народные песни — артист московской оперы Курдиновский,

патриотические стихотворения народного поэта К. Васильева в исполнении автора «Спите, орлы боевые!» и народные песни — Ганна Кармелюк, а в заключение раешниж и куплеты на совдепские темы автора куплетиста «Дяди Саша». Все исполнители выйдя большой успех, особенно артистов принял солдаты их позициях. На каждом концерте раздавалась литература.

Огнем и мечем. Огненная кара, постигшая сожженный до основания, до последнего курятника Чечен аул не оказалась еще достаточно убедительным предупреждением для соседних аулов и ряд новых эксцессов принудил русское командование принять новые суровые меры к наказанию виновных и обречь на гибель и разрушение новый ряд проживающих аулов. Снова загрохотали орудии у подошв притаившихся гор. Организованные и плохо вооруженные повстанцы, но их же выражению очень боящиеся зеленый фургона, — т. е. наших. «Они, вероятно, вспоминают времена Шамилю, времена покорения Кавказа, когда горы служили действительно, почти непроходимым препятствием и рассчитывают снова повторить то, что ушло давно в седую глубь веков навсегда и безвозвратно. Они не принимают в расчет, что именно эту «зеленые фургоны», — да еще «большие птицы» лишают самую неприступную гору всей ее безопасности. Имея орудия, бросающие снаряды на 10, 12 верст и пользуясь услугами аэропланов, корректирующих стрельбу, можно превратить в пустыню любой участок горы. Этого не следовало, бы забывать чеченскому полководцу, на выступление против Добрармии. Жужжит аэроплан, быстро и плавно скользя над головами идущей конницы. Головы задраны у всех к небу и лица менялись кровью от неудобной позы. — Ишь ты, как жарит! — А что, ребята он нас бомбой не жиганет? — Ну, брат, и сказал! Что же они там дураки сидят что ли? Чеченцам гостинчики принесут, а тут же видят-свои идут. аэроплан пролетал дальше белые направлении на молочно туманные силуэты гор. Вот показался вдали бронепоезд, тяжело пыхтя и стукаясь под тяжестью своих смертоносных орудий. Грозно смотрят пулеметы

на притихшие горы, словно враждебно стучать колеса. Все технические средства войны к услугам противочеченского отряда. Однодневный переход и вдали показались какие то постройки. Издали поселок производит впечатление довольно большего городка с каменными этажными домами, утопающие в фруктовых садов. Станционные постройки вольно раскинулись по вселенному полю, окруженные каменными оградами и заборчиками. Голодные люди уже мечтали о сытном обеде, хлебе и вполне заслуженном отдыхе у гостеприимных жителей богатого, села, но напрасно. Это — Гудермес. Колоссальное кладбище целая такие чистенькие домики издали оказались голыми стенами сожженных жилищ. Нет ни одного целого или мало мальски похожего на, человеческое жилье строения. Видно, что обе воюющие стороны жгли и разрушали аул, заливали кровью его улицы. Вот лежит раскинув руки какая-то женщина. Шальная пуля настала не в дороге и положила конец ее бегству. Храня проходят лошади, испуганно косясь на труп. Дальше, дальше в горы, туда, где скрываются в скалах Чечни! Медленно и с опаской переходит конница через полотно разрушенной станции, мимо самого паровоза стоящего бронированного чудовища. Копошатся у сожженных сил рабочие, спешно восстанавливая путь. Завтра уже пойдут поезда на Петровск, завтра сожженная станция снова будет работать. Длинная, бесконечно длинная долина, расположенная между двух горных цепей, поросла высоким и пустым непроходимым кустарником. Ни пройти, не проехать. Дорога проходит точно между двух стенок темно-бурых стеблей, выше роста человека, иногда выше головы всадника. Казалось бы, что именно здесь чеченцы могли бы оказать наиболее упорное сопротивление, — однако все эти позиции были оставлены чеченцами без боя. Эта объясняется присутствием бронепоезда, нагоняющего невыразимую панику на чеченцев. Они предпочитают отходить к горам, надеясь на свои скалы и ущелья, как на места засад и на удобные крепости. Будущее покажет насколько справедливы эти надежды, — пока же чеченцы бегут, — не отступают,

а паники бегут. Горят аулы, дымом стоят наполняя долину. Точно легкий синеватый туман окутан землю и едва уловимый запах гор щекочет нос и першит в горле. Каким, вероятно, страшным зрелищем кажется этот гигантский пожар, ушедшим в горы чеченцам. Подпись: **Александр Тинъ.**

Газета **«Грозный»** №20, 10 октября 1919 года. **Очищение Чечни. Подробности похода Чуликова.** 3-го октября начал чеченского… операция по очищению от большевиков и банд Узум-Хаджи Ибрагим Чуликов подошел к Урус-Мартану организованно… разделил на отряды из Нагорной Чечни, Бумутское ущелье и состоящими из 500 всадников двинулся на Старые и Новые Атаги. После небольшой атаки были взяты 5… Несколько аулов встретили Ибрагима Чуликова и его отряд как называется заняв Атаги в соответственном командовании, Ибрагим Чуликов начал оттуда… для освобождения большевиков и Узум-Хаджи. Планы Чуликова… Узум-хаджи, узнав о занятии Чуликовым Атагов послал подкрепление своим отрядам находящимся в Воздвиженской и ауле Дуба-Юрт, Подкрепление подошло туда к вечеру 7 октября. Имев в своем отряде лишь 500 всадников, 2 орудия и 8 пулеметов Чуликов пока идти в атаку на Воздвиженскую не решился послал требования Старым, Новым Атагам и аулу Гойты выставить в его распоряжение с первых двух аулов 400 всадников, а с последнего 250 всадников. Подкрепления аулами были присланы и 8-го октября Чуликов с 10 часов утра повел атаку на Воздвиженскую. После короткого, но упорного боя, потеряв убитыми 9 человек, ранеными 11 и без вести пропавшими 3-х, отряд Чуликова занял Воздвиженскую и преследовав далее отступавшего противника занял аул Дуба-Юрт, так же выбив оттуда Узум-Хаджи. В то время активно выступали повстанческие ячейки организованною комиссаром по очищению Чечни. Это повстанческие ячейки получив сведение о взятии Чуликовым Атагов вечером 6-го октября подняла восстания и находящийся там Узум-Хаджи отряд штаба открыл

по повстанцем пулеметный огонь и последние потеряли убитыми 4-х человек, и в начавшийся было бой вмешались старики и остановили кровопролитие. Однако на требовании Шалинцев штаб Узум-Хаджи с отрядом удалился в нагорную Чечню. Вчера 8-го октября Чуликов двинулся для занятия столицы Чечни — Шали. Начав выступление с 500-ми человек Чуликов в настоящее время на много усилил свой отряд и кроме того послал требования по всем аулам плоскостной Чечни поставлять по мере его приближения известное количество всадников. Отряды Узума-Хаджи очищают всю плоскостную Чечню и отступают в горы. Таким головокружительным успехом сопровождается операция начатая комитетом по очищению Чечни.

100.000 руб. за голову Чуликова. Узумом-Хаджи определено вознаграждение в 100.000 руб. деньгами тому, кто доставят ему живым или мертвым руководителя движения Ибрагима Чуликова, причем такое лицо что его обещанию будет им сразу произведено в чин Ротмистра.

«Вестник» чеченского комитета. На днях чеченским комитетом по очищению Чечни от банд большевиков был выпущен печатный «Вестник» газетного формата, где были, скомбинированы все сведения, касающиеся организации антиповстанческого движения и освещающие в истинном свете все положение в Чечне. «Вестник», разбросанный с аэропланов над аулами имел огромный успех. Очевидцы рассказывают что когда № «Вестника» попал к Узуму-Хаджи, то он рвал на себе волосы и отдал приказ предавать смертной казни всех тех, у кого найдут «Вестник», приказ этот имел обратный результат, и «Вестник» оказал значительное влияние на развитие восстания против Узум-Хаджи. 8-го сентября 1919 года Чечня под прикрытием нашего бронепоезда ведутся работы по исправлению железнодорожного пути.

В Нагорной Чечне. Повстанцы и Чечня. Газета «**Грозный**» № 37, 31 октября 1919 года. Из авторитетного источники нам сообщают высокоинтересные сведения о положении в нагорной Чечне, иуда

укрылись разгромленные банды Узума-Хаджи и Гикало. Бежавший из района Воздвиженской Гикало в настоящее время находится в Шатое, отряд же его по прежнему расположен в Шаро-Аргунском, ущелье Ставки Узума-Хаджи — Ведено, а разъезды его отряда доходить до выхода из Веденского ущелья. Чеченцами освобожденной от повстанцев плоскостной Чечни установлена строгая блокада нагорной Чечня и вообще, принять действительные меры к охранению достигнутого спокойствия. Жителями сел. Шала сформировано четыре сотни, которые по сегодня охраняют выход не допустить проникновения мятежных элементов за плоскость. Во многих аулах плоскостной Чечни организованы отряды аульной самообороны, имеющей целью порядка и спокойствия. Всадникам этих отрядов на аульных средств установлено жалование по 1000 руб. месяц. Строго проводится в жизнь приказ ген. Драценко о прекращении доступа продовольствия, в нагорную Чечню. В понедельник 21 октября по горным тропам в Шали на базар приехало несколько жителей Нагорной Чечни за хлебом, но всех их шалинцы прогнали из своего аула и посланцы уехали без хлеба. Под влиянием этих мер, а также благодаря широко поставленной агитации в нагорной Чечне все усиливаются враждебные повстанцам настроения, готовясь вылиться в открытую вспышку, горные аулы: Махкеты, Эльстанжи, Агашты, расположенные между Шатоем и Ведено уже прислали к Чуликову своих представителей, которые дали ему от имени приславших их аулов обязательство — не допускать в самом аулы большевиков и узум-хаджинцев. Еще более важным представляется тот факт что многих аулах горной Чечни отряд Гикало и вообще большевики объявлены кровниками. Благодаря этому все большевики, подвившиеся на территории таких аулов, обречены на смерть. Что касается грузинского отряда которым командовал генерал, то этот отряд совершенно рассыпался и входившие в его состав пятеро национальные проходимцы пытаются выбраться из негостеприимной Чечни. Если этого им и удастся достигнут, то с очень облегченным багажом, так как

чеченской заставой, поставленной в горах за Шатоем отбирается у таких беглецов решительна все, до белья включительно. Тавдоны от шедшие с Узумом-Хаджи в Ведено покидают его и направляются домой. Ввиду распада своей «армии» Узум — Хаджи — объявлял набор добровольцев, обещая им плату в тысячу рублей в месяце. Однако успеха этот набор не имеет. Для поднятия духа своего воинства Узум-Хаджи усиленно распространяет слухи о прибытии к нему на помощь в ближайшее время турецких дивизий. Уверения эти, однако, так фантастичны, что никакого доверия к ним население нагорной Чечни не считает. В общем можно констатировать, что параллельно росту разложения и растерянности в рядах повстанцев, в населении нагорной Чечни вся усиливаются травные настроения подготовляющие почву для открытого выступления против Узума-Хаджи и Гикало. Положение такое же, какое в свое время наблюдалось и в плоскостной Чечне: не хватает только парного толчка, чтобы началось открытое восстание против Узума и его соратников которое закончится окончательным освобождением своей Чечни.

«Свадебный» король Чечни. Из весьма авторитетных источников нам сообщают, что Узум-Хаджи в целях поднятия упавшего начатого им дела, прибывшего к нему недавно из Константинополя Иналук Арсанукаева, выдающегося себя за князя Дышнинского, президентом союза горячих народов, утвержденным турецким султаном и действующим по полномочию турецкую правительство. Эта выходка произвела обратные результаты. Чеченцы плоскостной и Нагорной Чечни, высмеивая назначенного президента, называют его «свадебным королем», или «свадебным генералом», т. е. человеком на час и для смеха.

Наш край. Хасав-Юрт. Газета «Грозный» № 35, 29 октября 1919 года**.** Как всем известно 9-го запрели 1918 года злодейскими была разграблена и сожжена туземным населением Хасав-Юртовского и частью Веденского округов, цветущая и насчитывающая до 800 торгово-промышленных предприятий

слобода Хасав-Юрт, имевшая до 1200 дворов. Красовалась она чистыми и вымощенными булыжником улицами и славилась богатейшими на весь Северный Кавказ фруктово-виноградными садами. Жители этой слободы более года скитались на чужой стороне и, конечно, в течении этого времени повидали не мало горя. Но наконец в мае месяце с. г. с приходом Добрармии, открылся в слободу путь и беженцы ее один за другим хлынули вслед за войском. По приезде хасав-юртовцы увидели, что от цветущей слободы остались одни лишь развалины. Сады почти совершенно погибли, т. к. за отсутствием хозяев плодовые деревья частью порублены теми же туземцами, а частью засохли, а виноградники номерами или попрели в земле. Для приведения их в должный порядок, безусловно, не мало потребуется времени, сил и средств. В Хасав-Юрт был назначен начальник округа, управления которого обосновалось в этой разоренной слободе; именно с ним была открыта и почтово-телеграфная контора. На местах была назначена участковая власть и правительственные старшины селений округа. Узнав о том, что в слободе ни имеется управление округа, почтово-телеграфная контора, а главное гарнизон войск, слобожане стали возвращаться с своими семьями и с ними возвращались также разоренные русские и немцы окрестный слобод селений, хуторов и колоний. Когда в слободе появилась часть жителей составлявшая небольшое общество, то прежде всего было преступлено к организацию своего слободского правления. Старшиной слободы был избран Иван, Малюшенко, который и до переворота состоял в этой должности 14 лет. Дальнейшей задачей переселенцев являлись восстановление своих разоренных домов, но для этого требовался материал, которого не было. Тогда по распоряжению властей туземных населением слободы и только некоторыми жителями окрестных селений брал в очень ограниченном количестве доставлен награбленный ими с построек лесной материал и кое-какие домашние вещи, пришедшие почти что в негодности. В целях скорейшего заселения слободы, жители

собрались на сход 4 августа с. г., где поста желающим приступить к постройке дать необходимый материал. Приблизительно 3 месяца слобожане и окрестные хуторяне прожили спокойно, а за тем последние стали вновь подвергаться разграблению со стороны тех-же туземцев При, этом пострадали вновь заселившиеся хутора: Кокрек, Прянившников, Акайчиковский, Рамваевский (Покровский) и Симсир. Так как дальше грабить было некого и очередь была за слободой, то в одну прекрасную ночь было сделано нападение на южную часть слободы. Вскоре после этого грабители напали и на управление округа, а вслед за этим сделали вторичное нападение слободу и железнодорожную станцию, но оба эти нападения были отбиты. Наконец, банды чеченцев, разобрав железнодорожный путь между Хасав-Юртом и Гудермесом организовали в широком масштабе последнюю попытку разграбления слободы 8 октября после обеда со стороны Ауховских селений показались с гор масса верховых и пеших чеченцев, которые решили сделать нападение на гарнизон и железнодорожную станцию и взять слободу в свои руки. Банда была в Слободе встречена засевшей цепью войск, началась перестрелка, которая продолжались ровно сутки. В результате банда вынуждена была отступить с значительными потерями. По окончании боя стили выясняться бедствия, причиненные слободе новым нашествием бандитов. Отовсюду раздавались плач, крики и стоны, родители разыскивали своих детей, а дети родителей. Оказались жертвы среди мирных жителей, в числе которых был зверски убитый и сожженный старшина Малюшенко. Его труп, обгорелый с размозженной головой, был найден на окраине слободы возле казенного бассейна. Человек 50 мужчин, женщин и детей взято чеченцами в плен и уведены в Ведено; в число их попал назначенный перед этим нападением в слободу священник. Участь, постигшая их неизвестна. В разорении слободы и в перечисленных нападениях за последнее время, главную роль играли ауховцы, которыми также вырублен и общественный лес,

более 100 десятин. Так много перестрадавшие и перенесшие столько бед жители Хасав-Юрта надеются что зверствам туземных бандитов будет похоже конец и слобода получит в ближайшем времени возможность зажить мирною жизнью.

В плену у чеченцев. В субботу с вечерним петровецким поездом не вернулся в Грозный подпоручик Еременко, бежавший из чеченского плена. Еременко был взят в плен в Кади-Юрте 20 дней назад, когда маленький отряд русских в количестве 35 человек два дни отбивался от скопища чеченцев в 8000 человек. По израсходовании патронов нашим отрядом, чеченцы ворвались в здание станции и перебили большинство защитников. Подпоручина же еременко после того, как его раздели до рубашки, взял за руку и объявил своим пленником, чеченец Атабей из аула Цонторой. Не смотря на то, что часть чеченцев настоятельно требовала расстрела Еременко, Атабею с односельчанами удалось его отстоять. Отведенный в аул Цонторой, он прожил там 18 дней и на конец бежало при помощи того же Атобея и другого чеченцы Абу-Бажара. Эти два чеченцы, веди его только ночью проведя через селение Ойсунгур и оставили подведя на версту к Кади-Юрт. На дорогу дали Еременке бурку, папаху и на ноги чусты, так как у него кроме рубашки и брюк не было ничего. Подведя к Кади-Юрту, вещи эти чеченцы отобрали и он босой и в одной рубашке добрались до своих, где его конечно обогрели и одели. Будучи в плену Еременко видел еще троих солдат своего отряда. Относительно же судьбы оставленных он ничего не знает. Обращались с ним чеченцы все время хорошо и кормили тем же, что ели сами.

Местная жизнь. Бегство грузин из Чечни. Из Чечни сообщают, что 19-го октября грузинские офицеры и инструктора во главе с генералом Кереселидзе покинули Шатой, направляясь в Грузию, и выражая негодование по адресу обманувших их чеченских главарей, уверявших, что чеченцы жаждут борьбы за национальные идеалы и независимость и нуждаются только в оружии

и инструктором; при уходе ими оружия. Поэтому Аргунское ущелье стало на себя русские из рода Гикало. Одеты они очень плохо и питаются хлебом, вымеленным из чеченского склада. Горные чеченцы относятся к большевикам отрицательно, и в военных действиях принимают участие под давлением сил.

Письмо Чеченца-фронтовика. На имя правителя Чечни получено письмо от старшего урядника 4-го чеченского полка Эсенмурзаева с просьбой разостлать по аулам или опубликовать его обращение к своим единоверцам чеченцам и другим магометанам в котором он упоминая, что Бог наказывает их за ослушание святого Корана, разорением и разрушением селений, предупреждает, что у генерала Деникина имеется такая сила и столько припасов, что он в одну неделю может очистить всю Терскую область от мятежников и что войска его ближе от Москвы и скоро ее возьмут, и потому советуют бросить пьянство и грабежи и исполнять приказы генерала Деникина.

Беженцы армяне. Грозненский Армянский Национальный Совет приступил к обложению местных Армян с целью собрать деньги для снаряжения и отправки на родину по предписанию главного командования армянских беженцев призывного возраста на Северном Кавказе.

«В ГОРАХ КАВКАЗА». 1919—1920. А. КОСТЕРИН

Исторический очерк Горского революционного движения.
Владикавказ. 1921.

1917—1918 г. г. Волна февральской революции вспыхнула народности бывшей Терской области. Вековой гнет царского деспотизма пал и народности Кавказа почувствовали возможность освободиться из-под опеки царских чиновников и офицеров.

По своему классовому состоянию горцы не отличались резко друг от друга. Исключительно только в Кабарде и Балкарии сохранился класс помещиков-феодалов, князей, «узденей». Только

здесь он был достаточно мощен и организован. Среди других народностей помещики были слабы и малочисленны. Но все народности имели одного общего врага в лице царского правительства, которое своей политикой лишило их лучших земельных угодий и национально-культурного развития. Кроме того горцы объединялись общей религией. Культурная отсталость способствовала могучему влиянию шейхов и мулл. Это экономическое и культурное однородное состояние дало возможность горцам на первых порах выступать с общими лозунгами, во главе с шейхами и муллами, помещиками и кулаками.

Это движение выливалось в национально-религиозные формы, направленные против русского влияния, русского деспотизма.

Но за этот же период революционная Горская беднота стала организовываться для борьбы с контр-революцией. В организованных формах бедноты в силу различия экономического и культурного развития не было единства.

Кабарда и Балкария организовалась вокруг духовенства, которое здесь стояло на стороне кулаческого крестьянства, ведущего борьбу с князьями. В Осетии еще с 1905 года существовала революционная организация «КЕРМЕН», вылившаяся затем в коммунистическую партию. В февральскую революцию «КЕРМЕН» имела уже свои отряды, которые с оружием в руках стали отстаивать свои права.

С первым же ударом октябрьской революции все казачьи и контр-революционные круги стали организовываться для борьбы с нарастающим движением бедноты. Начался 1918 год, охваченный пламенем национальных войн.

Вся Терская область развалилась на клочки. Каждая народность стремилась отмежеваться от других и захватить в свои руки наибольшее количество благ. Главным обладателем этих благ являлось казачество, вместе с тем оплот контр-революции. Внутри народностей шла борьба интернациональных групп с националистическим и фанатическим угаром. Но их голоса тонули

в общем хоре разбушевавшихся страстей. Под грохот этих событий контр-революции усиленно стягивала свои силы. И когда к лету 1918 года удалось ввести в русло разбушевавшиеся страсти контр-революция во главе с казачьими верхами открыто выступила. Были моменты, когда казалось, что разгул реакции окончательно зальет берега Терека. Лишь отдельные островки — Кизляр, Грозный, Владикавказ — еще держались и с беззаветной стойкостью отражали удары царских полковников. Но затем объединенными национально-революционными силами восстание было раздавлено.

В этой борьбе с российской контр-революцией сыграло видную роль революционно-национальное движение горцев без мулл, шейхов и помещиков. Отношение вождей этого движения к российской контр-революции находит яркое отражение в речи Наркома по национальным делам Асланбека Шерипова на Народном съезде. Здесь говорили, что казаки 300 лет были революционерами. Нужно было иметь мужество, чтобы сказать это когда казаки до февраля 1917 года, а в некоторых местах и позже, до настоящего времени, были оплотом и опричником империализма. Здесь говорилось, что казачество платило контрибуцию царизму. Но они брали контрибуцию с тех, кто веками боролся за свободу, кто погибал в этой смертельной борьбе и от земельного голода. Нам здесь говорят, что казачье движение — это народное движение против отдельных советов и красноармейской вольницы. Тем, кто упрекал левый сектор в недостаточно серьезном отношении к вопросу, самим не следует объяснить такое большое явление, копаясь в мелочах. Чтобы принять это движение, нам надо сделать хотя краткий обзор истории революции в Терской области. Когда после февральского переворота приехали сюда члены 4-ой Государственной Думы Караулов и Паша Чермоев и сообщили, что там, в центрах, произошла революция, здесь не все это поняли и почувствовали. Казачество поддерживалось монархическим кулаком и когда он пал, оно лишилось таким образом поддержки. А казаки знали, что те, кто лишь терпел и страдал от империализма,

кто был загнан в пустынные горы силою завоевателей, потребует земли и не только в резолюциях, а на деле и казачеству придется потесниться. И казаки, коим это было невыгодно, находили себе союзников среди тех, горцев, которые и 60 лет тому назад боролись против нашей свободы. Это союз объединенных горцев — Терско-Дагестанское правительство. Те, когда старались направить стремления горцев в другую сторону. Мы тогда боролись, чтобы направить Горскую массу по этому пути, по которому она теперь и идет. Погромы со стороны масс солдат, шедших с фронта и погромы в городах имевшие тогда место, провоцировались. Наше духовенство и помещики старались направить народное негодование именно против бессознательных людей. но я укажу и еще обстоятельства. Те полковники и казачьи офицеры, кои предлагали выгнать всех пришлых и разделить с горцами их земли, те толкали горожан в наступление на Чечню, обещая помощь, а потом в Грозненской станице вывесили белый и объявили себя нейтральными. Когда казаки и наши верхи по особым соображениям признали Советскую власть они думали, что это признание ни к чему не обяжет, но когда увидели, что революция в области развивается, захватывая все более широкие круги населения, они испугались за порядок и благополучие и пошли против Советской власти. Полковник Рымарь, который на Моздокском Съезде призывал благословение на поход против Чеченцев, потом признал Советскую власть и дальше стал одним из руководителей борьбы против Советов. Но контр-революционеры есть во всех группах. И у нас Чеченцев, те которые мне предлагали на моздокском Съезде признать Советскую власть, образовали потом Атагинский Народный Совет враждебный нам. Я знаю, что в Грозном казаки агитировали за наступление Советских войск на Чеченцев, но на помощь не пошли. Помощи не дали и отпечатали во множестве экземпляров особое объявление, почему не дали помощи и эту бумагу Кизлярский Совет передал контр-революционному Атагинскому Совету. Чеченско-ингушская фракция считает это движение контр-

революционным по самой его сущности. Здесь определенная группа населения думает вернуть свои привилегии. И все контр-революционеры с восхищением смотрят, за этим движением. И если это движение не будет раздавлено, то найдет поддержку и в Чечне и Кабарде и по всей Терской области. Если здесь задают мне вопросы, смущающие других, то и я спрошу — не понимаю, Казачья Крестьянская фракция не отмежуется от Казачьего Крестьянского Моздокского Совета. Мы отмежевались от нашего Атагинского. Здесь получается двусмысленное положение. Отмежуйтесь и оно станет ясным. Конкретно я скажу, что если в Терской области в ближайшее время в эти дни не будет создан единый революционный фронт, то мы представители трудовых народов будем разбиты. В Чечне нет интеллигенции, но есть трудовой народ и в его отношение к Советской власти мы верим больше, чем в резолюции казачества о признании Центральной Советской власти. Здесь мы заявляем, что когда будет надо, мы покажем, как боремся за свободу. Во время Шамиля мюриды необразованные, не окончившие юридического факультета как Мамулов, воевали и умирали за свободу. И если теперь Вы не найдете среди нас мюридов Газавата, то найдете мюридов революции, которые пойдут умирать за свободу, как шли те мюриды». Горцы сдержали слово и белогвардейцы были выброшены с Терека. Конец 1918 года проходит в усиленном закреплении революционных завоеваний. Кабарда и Балкария очистились от влияния князей. Их угодия отходили к крестьянству. Громадные табуны лошадей послужили для организации красных конных частей. «КЕРМЕНИСТЫ» закрепляли свое влияние на бедноту. В Ингушетии народилась коммунистическая организация. Лишь наиболее культурно отсталая Чечня оставалась под влиянием мулл и националистических чувств. Но и здесь уже намечалась будущая коммунистическая организация среди Чеченской молодежи. Их ярким выразителем был Аслан-Бек Шерипов. Насколько резко становились уже тогда революционные вопросы, видно из воззвания Аслан-Бека к трудовым Чеченцам:

«Проснитесь все честные Чеченцы. Наши предки гибли за эту свободу, за землю Вы все должны восстать как один человек. Не должны быть партий и их главарей шейхов, а должен быть единый трудовой Чеченский народ. И тогда Вы защитите свободу, власть и завоюете землю. Мы молодежь верим, в то, что еще не погибли в Чечне герои и борцы за народную свободу. Все, что здесь пишется, сознается народом. Чувствуется и думается, но никто не смеет говорить и действовать. Будьте же смелы, ведь все в руках народа, только поймите друг друга, объединитесь и тогда Вам никто не будет страшен. Мы верим в то, что народ проснется, он уже просыпается, возьмем в свои руки власть и сами будем творить свою жизнь. И восставший народ вопреки злой воле, темной воле шейхов и мулл должен защитить народную власть, ту власть, которая дает Вам землю и волю. На нашей стороне будет победа, ибо на нашей стороне есть вера и любовь, вера в торжество правого дела, в разум Чеченского народа и любовь к свободе». Но национальный фундамент победы над бандами Бичерахона был слишком неустойчив для закрепления Советской власти. Было ясно, что настанет время, когда интернационально-революционное движение столкнется с национально-шовинистическим. Единственной революционной опорой могла быть организованная беднота. На расслоение Горской массы и было обращено все внимание. Вместе с тем усилия Советвласти соединиться с центром, увенчались успехом. Кизляр явился тем окном, через которое лилась из центра волна революционного подъема и коммунистических идей. Девятадцатый год обещал быть годом окончательной победы революции. В это время XI армия, боровшаяся с Добровольческой армией, не выдержала натиска и стала отходить на Кизляр. Таким образом Терской Красной Армии, еще ни окрепшей после боев с Бичераховым, пришлось столкнуться с главными силами Добровольческой Армии. Оттеснив XI армию на Кизляр, Добровольцы бросились на Терцев, подавляя их численностью и организованностью. Здесь то и сказалось слабость Советвласти,

опиравшейся главным образом на национально самоопределившиеся народности. Горцы не учли классового момента борьбы Красной Армии с Доброармией. Поэтому активная помощь Красной Армии была ими оказана слабо. Горцы выжидательно следили за исходом борьбы, не оценив врага. Наиболее активное сопротивление было оказано Кабардинцами и Осетинами-«Керменистами». Под давлением белых Кабардинские части отошли в Чечню. Укрывшиеся в горах «Керменисты» ушли через перевал в Грузию. Контр-революционная же часть горцев вполне ясно представляла себе происходящие события и оказала активную помощь добровольцам. Все верхушки предавали дело национального освобождения, начиная с Кабардинских князей и кончая пресловутым Горским правительством в Т. Х. Шуре. Красная Армия под давлением Доброармии стала отходить часть в Грузию, другая часть в Чечню. Но под аулом **Ачхой-Мартан** отряд Красной армии подвергся поголовному ограблению со стороны Чеченских контр-революционеров, причем до 700 красноармейцев было выдано Добровольцам. Отдельные отряды Кабардинцев и керменистов еще долго бились в своих горах, но затем вынуждены были также уйти в Грузию. Ингушетия и Чечня укрыли у себя красноармейцев и кабардинцев, но сами не проявили активности по отношению к белым. Главная масса красноармейцев скопилась в Чечне в сел. Гойты. Добровольцы вначале не выявили себя, но боязнь, что укрывшиеся красноармейцы составят угрозу в их тылу и стремление пробиться к Петровску заставляло действовать их решительней. В начале марта Добровольцы предъявили требование Чеченцам выдать красноармейцев и не мешать исправлению железной дороги на Петровск.

Первые схватки. Расчистив от красной заразы берега Терека, офицерство наткнулось на глухую, враждебную силу. Эта сила была мало известна, но ясно выражалась затаенная ненависть Чеченца к «галгаскам» (кадетам, казакам). А там за ними был Дагестан, выход к морю, которое открывало дорогу в Закавказье, Туркестан, давало

возможность блокировать Астрахань. Из Дагестана шли благоприятные сведения — Горское правительство сдавалось на милость офицерства, приглашая их к себе. Но на пути Чечня, в которой к тому же укрылись тысячи красноармейцев, готовых в удобный момент примкнуть к движению против Доброармии. Необходимо было пробиться к Петровску во что бы то ни стало и очистить Чечню от Красных банд». Чечне был предъявлен ультиматум — выдать красноармейцев и не мешать исправлению железной дороги. Потребовать выдачи гостя означает кровную обиду для горца, если его гость будет терпеть обиды от своих врагов. Гость пользуется охраной Шариата. Чечня отказалась выполнить ультиматум. Белогвардейцы решили привести Чечню к покорности. 8-го марта сильный отряд казаков появляется под аулом Гойты.

Гойты — центр революционной Чечни. Масса красноармейцев нашла здесь приют. Добровольцы подошли рано утром к аулу и заняли передовые окопы. Аул встревожился и в улицах завязалась жаркая схватка. Красноармейцы встали у пулеметов. Несколько раз казаки переходили в атаку, но каждый раз атаки отбивались с большим для них уроном. На грохот орудий, треск пулеметов прискакали из соседних аулов Чеченцы на помощь. После нескольких часов боя казаки были разбиты на голову. Добровольцы были обескуражены подобным отпором Контр-революционные слои уверяли, что Чечня не будет защищать гойтинцев. Совершенно неожиданно Чечня выступила в этом бою как единое, но расслоенное целое. В общем потоке национального религиозного энтузиазма тонули отдельные контр-революционные голоса. Страшная растерянность и недоумение чувствуется в приказе ген. Шатова открывающего первое действие в длинной веренице событий:

«В аулы Алхан-Юрт, Гехи, Урус-Мартан, Атаги, Чечен. «Сегодня по приказанию начальства я предпринял наступление на аул Гойты для захвата скрывшихся там большевиков и для ликвидации там

большевизма, в районе близком от частей Добровольческой армии. Наступление это велось с ведома и одобрения Горского правительства, причем в нем должны были принять участие части Дагестана и Чеченских полков. Несмотря на предупреждения мои в некоторые аулы, что я вовсе не веду борьбу с Чеченским народом, что я доказал тем, что проходил мимо попутных аулов и даже не оставлял никакой охраны, показывая им тем свое доверие. Вместе с тем, имея под своей командой многочисленные части Терских казаков и зная обостренные отношения между Чеченцами и Терскими казаками, я не взял с собою ни одного Терского казака. Однако доверие мое оказалось ошибочно. Все окрестные аулы поднялись против меня и стали нападать на меня со всех сторон. Аул же Алхан-Юрт, который я мог снести с моего пути, напал на моих отдельных людей, шедших ы тыл, ограбили их и убили. Все это показывает насколько Чеченский народ не уяснил себе задачу Добровольческой армии, которая не ищет покорения народов, а цель бороться с большевизмом. Если Чеченский народ не хочет одуматься и если селение Гойты, северную часть которого я сегодня занял, не пришлет своих представителей для принятия моих условий по выдаче большевиков и других, то буду принужден действовать уже не так слабо как сегодня, а беспощадно карать всякое сопротивление мне. Сегодняшний день я выеду в Грозный, где буду ждать немедленного прибытия представителей от аулов. Надеюсь, что народ одумается — не заставит меня принять меры, которые я сам бы не хотел».

Так началась упорная борьба горцев с царскими генералами, продолжавшаяся 14 месяцев. Уничтожив Красную армию, Добровольцы вступили в борьбу с неуязвимыми партизанами, не имея возможности настичь их в лесах и горах, белые обрушились на народности в целом. Эта схватка порою превращалась в ужасное истребление Горского населения, громились и жглись аулы, население местами почти поголовно уходило со своим скарбом в горы. Достигнув видимой покорности на плоскости, Добровольцы

обложили население контрибуций, проводили мобилизацию, требовали выдачи скрывшихся красноармейцев.

В особенности ожесточенный характер принимала борьба в районах Чечни. Чеченцы стали на пути царского офицерства к Дагестану. И на нее обрушилась вся ненависть полковников и генералов. Оправившись от первого удара под Гойтами и подтянув силы, Добровольцы широким фронтом вновь 26 марта повели наступление на Чечню. В эти бои, продолжавшиеся несколько дней, была вовлечена вся Чечня. С далеких гор спускались горцы. Прибывшие отряды организовали Штаб для руководства боевыми действиями. «Тов. Гикало, — пишет в это время Аслан-Бек — главари чеченцев, собравшихся в Алхан-Юрте, просят Вас прибыть возможно скорее сюда. Они организовались в Штабе и хотят просить Вас помочь им своим советом и указаниями. Я прибыл сегодня, говорил в организации — все прошло великолепно, меня встретили даже салютом. Важно то, что я теперь могу все-таки работать. Со мною прибыли горцы, прибудут еще. Здесь собралось очень много людей, в Ханкальском ущелье тоже много чеченцев. Общее настроение — наступательное. Прибудьте непременно. Возьмите с собой еще охрану. Привет — Аслан-Бек Шерипов». Главные удары добровольцы направили по линии железной дороги и на аул Алхан-Юрт, открывающий дорогу и глубь Чечни. Три дня тяжелая артиллерия громила Алхан-Юрт. Три дня бешенные атаки отбивались Чеченцами, неся серьезные потери в рядах белых. С таким же упорством отбивали Чеченцы наступление по линии жел. дороги. Наконец, к концу третьего дня, добровольцы прорвали фронт под Алхан-Юртом, сожгли его и еще несколько мелких селений. Подобных же результатов добились они и на Петровском направлении. Тогда то вышли на сцену все те, которые до сего времени боялись идти против народного движения. Незабываемые контр-революционеры — Алиевы, Чуликовы — пошли торговаться с царскими генералами, заключая мир, «спасая» народ. Чеченцы принуждены были принять условия Добровольцев — выдача

красноармейцев, контрибуция, мобилизация и проч. Но принятые условия остались в большинстве лишь на бумаге. Почти все красноармейцы были отправлены в горную полосу. В ряды добровольцев шел воровской разбойничий элемент. Этот период характеризуется неорганизованностью горцев в борьбе с общим врагом, непонимаем своих взаимных национальных интересов и отсутствием в борьбе классового понимания. Их классовые друзья — красноармейцы были совершенно безучастны в этих событиях. Горцы даже побаивались дать им оружие. Старая закоренелая ненависть к русским поработителям была неизжита и на всех русских они не переставали смотреть, как на тайных или явных своих врагов.

Под влиянием разгрома и предательств помещичьих верхов горцев начинается чисто классовый раскол Офицерско-помещичья часть горцев, работающих с добровольцами, глубоко презиралась всеми и приравнивалась к казакам, кадетам. Беднейшие слои с нетерпением ожидали Красных мужиков, возлагая на них все свои чаяния. Эта беднота усиленно муссировала слухи о скором приходе Красной Армии, разгроме добровольцев и пр. Буржуазно националистические круги мечтали о Горской Национальной Республике и возлагали свои надежды на Горское Правительство в Т. Х. Шуре. Религиозные группы во главе с муллами мечтали о Турции, султане и его покровительстве, призывали к священной войне. Все эти течения сочувственно относились к красноармейцам, но и побаивались их усиливавшегося влияния. Апрель и май проходит в дальнейшем движении добровольцев в Дагестан. Это движение разбило надежды целой группы горцев националистов-самостийников. Горское правительство изменило своим задачам и перешло на сторону Добровольцев. В начале июня Ингушетия подняла восстание. Маленькая Ингушетия без надежды на победу подняла оружие против могучего врага генеральской реакции. Враг этот катился к Москве, а здесь маленький народ обрек себя на гибель. Запылали аулы. Не выдержали ингуши-плоскость

смирились, но горы жили своею жизнью и не признавали царских генералов.

Разбитые в одиночку Горцы почувствовали слабость в узкой национальной обособленности. Общность политических и экономических задач ломала национальные перегородки. Было ясно, что национально-разрозненные, они бессильны против могучего организованного врага. Эта замкнутость ослабила силу сопротивляемости Советской власти на Тереке и явилась причиной разгрома целого ряда аулов. Ценою сожженных аулов, сотен убитых и искалеченных познавали горцы свои ошибки. Интересы собственной колокольни заменились обще-горскими задачами. Цементом, который сковал Горцев в общей борьбе с царскими генералами — явился Дагестан.

Слобода Ведено и слобода Шатой. Преданные Горским Правительством Дагестанцы первое время не смогли дать серьезного отпора неожиданно появившемуся врагу. Но затем из Азербайджана начинают проникать турецкие агенты. Шейхи — Узун-Хаджи и Али-Акушинский стягивают около себя силы. В июне Дагестан все более заполняется турецкими агентами, офицерами, солдатами. Турками кишат все горы. Панисламистская агитация была поднята до максимума. Мечта шейхов и мулл о присоединении Кавказа под высокую руку Халифата как будто сбывалась. Турецкие агенты и мюриды шейхов проникают в Чечню, Ингушетию, Кабарду. Престиж святых поднимается до небывалой высоты. Религиозный энтузиазм охватывает горские массы. Возвращались времена Имама Шамиля. Религия должна была спаять национально-разрозненные массы и под зеленым флагом Магомета повести борьбу с неверными за веру и свободу от гнета русских генералов. Под влиянием поражений изживаются национальные группировки. Широкие горские масс ищут выхода, бросаются к шейхам и заражаются от них религиозным экстазом. «Газават» — нередко можно было слышать в это время от горцев. Есть массовое движение, а герои найдутся. Таким героем для северного Кавказа явился Шейх Имам Узун Хаджи.

С толпой мюридов он появляется в с. Ведено и объявляет войну с добровольцами. Это движение, как религиозно-националистическое, было использовано Закавказскими республиками — Азербайджаном и Грузией в целях создания Горской Республики, как буфер для защиты своей территории от Советской России. Наряду с мюридами, турецкими офицерами, появились агенты меньшевиков и муссаватистов. Вся эта теплая компания не ссорясь друг с другом усиленно пытается сфабриковать новую республику во главе с муллами шейхами. На почве националистического угара под влиянием религиозно-фанатических настроений на поверхности взболамученной Горской массы появляется целый ряд авантюристов. Все они стремятся использовать благоприятную атмосферу в личных целях — одни как духовные отцы-пророки, шейхи, другие как спасители национального единства. В сл. Ведено стекались отряды Чеченцев, Кабардинцев, Ингушей, тавлинцев. Сюда же стягивали и русских красноармейцкв, думая использовать их как спецов военных. Горская беднота, доведенная до отчаяния озверевшими белыми бандами, одурманенная муллами, не видя выхода из создавшегося положения, потянулась за своей черной стаей разнокалиберных авантюристов. Возникало могучее движение, которое ловкие люди быстро взяли в руки.

Но зрело и крепло под влиянием развивающихся с головокружительной быстротой событий иное течение, возглавляемое **Аслан-беком Шериповым.** Если и раньше Аслан-бек понимал и видел преступность, провокаторскую работу шейхов, то в это время в нем окончательно созрел коммунист-боец, не идущий ни на какие компромиссы с национальными контр-революционерами. Аслан-бек не пошел в с. Ведено. Ему не было места среди шейхов, мулл, авантюристов разной масти. Аслан-бек остался в сл. Шатой. Здесь и окрепло окончательно истинно-революционное горское движение. Во главе него стали коммунисты.

Сюда шла наиболее революционная часть горцев, которые понимали преступную работу в с. Ведено.

Но это была еще слабая группа. Правда Аслан-бек еще в 1918 году приобрел сильное влияние на Горскую бедноту. К нему прислушивались, за ним шли. Вполне естественно, что Аслан-беку с первых же шагов пришлось столкнуться с национально-религиозными группами. Еще в Алхан-Юртовском бою пущена провокация, что Аслан-бек продал горцев, открыв фронт.

В такой удушливой, полной звериного фанатизма атмосфере, в условиях недоверия, провокации пришлось Аслан-беку вести борьбу на два фронта: с добровольцами и черной стаей горских захребетников. В виду того, что борьба с белыми являлась общей задачей, приходилось с чрезвычайной чуткостью и осторожностью взвешивать все события.

Здесь же в сл. Шатой гонимые с плоскости группировались основные массы красноармейцев. Но не настало еще время к их организации. Религиозный угар затемнил умы горцев. К августу сл. Ведено уже настолько окрепла, что стала готовиться к активной борьбе с добровольцами. 29-го августа под сл. Воздвиженской белые были разбиты, причем было захвачено 117 пленных и 9 офицеров. Но Горская беднота потеряла своего вождя Асланбек был ранен и через несколько дней умер. Это был тяжелый удар по революционному движению.

Торжествуя победу Узун-Хаджи в знак своей непримиримости в борьбе с «кадетами» приказал повесить всех пленных офицеров. Этот акт явился как бы символом всей сущности нового движения. Тело Аслан-бека отправили в сл. Шатой. Там беднота похоронила своего вождя, но клялась на его могиле мстить за его смерть.

Борьба обострялась, требовала все большего и большего напряжения. Необходимо было использовать все силы. В этой напряженной атмосфере т. Гикало приступает к организации отряда. В сл. Воздвиженку из Шатоя приходят 12 красноармейцев, не вооруженных.

Весть об отряде быстро разнеслась по окрестным аулам и разбросанные красноармейцы стали стекаться в сл. Воздвиженскую. Через несколько дней собралась до 70 человек — 20 вооруженных и 1 пулемет, наследство Асланбека.

Появления организованного и дисциплинарного отряда, хотя и малочисленного производит колоссальное впечатление среди горцев. Он явился организующей ячейкой в общей массе бедноты.

В это же время из Тифлиса пребывает Грузинский Штаб, в задачи которого входило всемерное оказание помощи Узун-Хаджи в организации государства. На первых же шагах своей работы он сталкивается с влиянием партизанского отряда. Подняв надежды одних, отряд вместе с тем усилил опасения других. Влияние отряда, его осторожная, продуманная агитация была слишком опасна для святости Узун-Хаджи и для помыслов и желаний мулл, помещиков, авантюристов и пр. и пр. Но вместе с тем, нельзя и открыто бороться с ним. Движение окрепло и стало опасным в открытой борьбе. Грузинский Штаб для поднятия своего влияния приступил к организации наступления на добровольцев.

Начавшиеся бои кончаются разгромом чеченцев. Отряд же участвовавший в боях, окреп, разросся. Упадок настроения после поражений испугал грузин и они, сдав оружие, эвакуировались восвояси обратно в Тифлис. После их ухода продолжались упорная организационная работа по двум направлениям: религиозно-националистическое — сл. Ведено и революционное — сл. Шатой — Воздвиженка. Осторожно держал себя отряд по отношению к святой особе Узун-Хаджи и медленно закреплял за собою позиции.

Слобода Ведено. В середине сентября в сл. Ведено пребывает некий **Иналук Арсанукаев** из рода Дышнинских и предъявляет Имаму Узун-Хаджи документ, удостоверяющий, что он якобы явился от самого Турецкого султана.

В грамоте говорилось о том, что горцам Северного Кавказа надлежит организовать Эмирство, которое будет под протекторатом Турции. Сам Арсанукаев Чеченец. При царе служил приставом

и женился на какой-то грузинской княжне. На этом основании он стал именоваться князем Дишнинским.

Грамота сфабрикованная Дышнинским взволновала умы Узун-Хаджинцев. В результате, после ряда совещаний, Узун-Хаджи был провозглашён монархом Северно-Кавказского Эмирства. Затем составили правительство, а Узун-Хаджиутвердил его. Состав правительства весьма характерен для новой монархии, так что привожу его полностью:

Великий Визирь с портфелями министров иностранных, юстиций, народного просвещения, Вакуфных дел и имуществ. Главнокомандующий войсками С.-К. Эмирства Военно-Юридической академии ротмистр, фельдмаршал князь Дышнинский, министр двора его величества генерал-майор **Касим-Хаджи**, военный министр генерал-майор **Шита Истамулов**, Министр путей сообщения, почт и телеграфов **Куси Байгиреев**, Министр земледелия и государственных имуществ **Билза Шамилев**, Министр финансов **Абдул Азим Абдулаев**, Министр продовольствия и промышленности **Магомет Хамха**ев и министр внутренних дел **Хабала Бесленеев**.

В состав правительства вошли тавлинцы, чеченцы, ингуши и кабардинцы. Быстро и решительно приступил Дышнинский к реорганизации армии — создал главный штаб с начальником штаба полковником **М. Ханиевым**, 6 армий с командующими генерал-майорами, целый кадр полковников, поручиков, прапорщиков.

Назначение и раздача погон приняла широкий щедрый размах. Каждое государство должно иметь свой монетный знак, — и монетный двор был готов и пущен полным ходом, выпуская ежедневно сотни тысяч рублей.

Блеск и величие монархии ослепило доверчивых горцев. Одураченные они толпами шли в сл. Ведено и стойко умирали на полях боев. Щедро снабжали новое покровительство хлебом, фуражем и получали в обмен никому не нужное бумажки. Создав монархию, Дышнинский решил, что пора соседние государства

известить подобающим образом. С этой целью он рассылает нечто в роде декларации, следующего содержания:

«Возвание соседним русским и другим национальностям» (с сохранением изложения подлинника).

Мусульмане Северного Кавказа добиваются полного самоопределения. Мусульмане Северного Кавказа не питают никакой вражды ни к вам, ни к вашей религии. Многолетнее страдание показало Вам, что каждая национальность может жить, только путем обособленности. Иго русского царизма сковало мусульманский народ. Теперь сковочный и замерший народ мусульманский ждет свободы не на словах, а на деле. На основании дарованных свобод после ухода царя русского, мусульмане северного Кавказа добивались как известно самоопределения путем республики. Эта цель и эти мечты были разбиты варварским вторжением Деникинской банды. На мировой конференции в Париже, вследствие интриги союзных великих держав, так наз. Горской республики не признали и не нашли основания к ее признанию так как всему цивилизованному миру несправедливо казалось, что горцам нет места на мировом рынке.

Вопреки тенденциозным вожделениям пристрастного корыстного Европейского общественного мнения, на основании исторических данных, мусульмане Северного Кавказа всю свою жизнь поставили на карту и решили добиться полного самоуправления на началах Шариатской монархии. Северо-Кавказские мусульмане составили свое правительство во главе с Эмиром шейхом Узун-Хаджи Хаир-Ханом и пойдут по стопам своих предков, которые в течение многих лет проливали кровь за свою свободу (см. ист. Имам Шамиль).

Русские и другие христианские народы. Как вам дорога ваша религия, как дороги ваши традиции, как любите вы вашу партию. Северо-Кавказские мусульмане не менее вас любят все это, все свое.

От имени народа и его Величества Эмира С. Кавказа, последний раз обращаюсь к вам оставьте мечты об автономии для Северного

Кавказа, оставьте мечты возобновления царизма, заключим мир, Вы на Вашей земле, мы на своей останетесь хозяевами. **Председатель Совета министров, Великий Визирь и главнокомандующий войсками С. К. Эмирства фельдмаршал князь Иналук Дышнинский.**

Таким образом, общий контур эмирства был готов. Все заняли надлежащие для каждого места, соседние государства были извещены, машина пущена и работает полным ходом. Но внутренняя жизнь монархии была не совсем в порядке. Внутренние враги разлагали ее, не желали признать и подчиниться ей. Таким внутренним врагом являлись все, которые группировались в сл. Шатой и красный партизанский отряд.

Яркая революционность била в глаза, непримиримость с муллами и шейхами с авантюристами и новоиспеченными офицерами была очевидна. Сл. Шатой своим влиянием вносила разложение в религиозно-фанатическую массу, с каждым днем отвоевывала все большие и большие симпатии бедноты.

Если добровольцы были опасны, то враг внутренний был еще опасней. Дышнинский объявляет борьбу. Ведет провокацию против отряда, следит за каждым шагом и готовит удар, чтобы или уничтожить отряд, или по крайней мере пресечь его разлагающее влияние. На чрезвычайном заседании Совета министров **27/XI-1919** г. Дышнинский произносит большую речь, выявив в ней всю сущность новой монархии (с сохранением изложения подлинника): «Что же касается большевистской, так называемой Красной Армии, заявляет Дышнинский, — ее нахождение как гостьи в наших пределах С. К. Эмирства, нахожу пока возможным, однако, при условии, если Начальник Красной Армии Гикало найдет непременным условием свое полное подчинение правительству С. К. Эмирства, в случае бы, если Гикало пожелал оставаться на территории нашего Эмирства будучи свободным в своих действиях, то в этом случае если Гикало пожелает подчиниться правительству С. К. Эмирства, то тогда его и его армию считать нашими друзьями, по очистке земли нашей от революционеров. То

тогда Гикало и его армию рассматривать как остаток Советской власти, пришедших к ним на помощь. Гикало обязан подчиниться нам, а в противном случае вопрос об обезоружении Гикало и его армии останется открытым.

Затем о состоявшемся акте правительства в виде составленная нынешнего кабинета министров будет дано знать своевременно соседним державам, с просьбой о признании нашего Сев. Кав Эмирства самостоятельной шариатской монархией, во главе с Эмиром Узун-Хаир-Хаджи-Ханом, под протекторатом Халифа Мусульманского мира его величества оттоманского императора **Магомета Бахидина XI.**

И так с Божьей волей будем добиваться Шариатской монархии, ибо в стране мусульманской, республика не может существовать на том основании, что признанием республики мы бы не признали Халифа, что значит отрицание пророка Магомета, отрицание последнего — это значит отрицание Бога.

Таким образом, мы не требуем автономии, а мы хотим независимой Шариатской монархии. Мы должны умереть за нашу независимость, мы не можем терпеть больше русского ига, проч., пора закрыть прожорливые пасти.

Пора уйти вам, пора вам: и русский деспотизм и русский национализм. Всякий пришлец нам дорогой гость, которого мы в силу нашей религии и традиции и так любим и уважаем, но всякое вмешательство в наше правое дело посторонних лиц, еще не реабилитировавшихся перед народом в прошлом, мы не можем принять. Меня не страшит опасность извне, так как знаю, что внешний враг наш положительно обессилен, но мне хочется верить, что мы солидарны между собою, что люди работающие, якобы за нас, на нашей же земле, якобы друзья наши, подчиняются нам, понимая нас, что они не лезут дальше той границы, которая может и непременно должна существовать между нами и этими нашими мнимыми друзьями.

Всякое правительство, в наше время, кладет свое начало на культурных началах, на началах обще-терпимых, без фундамента нельзя строить здания. Одна война, одно пролитие крови не дает нам права на самоопределение. Соседи наши смотрят на нас, как на авангард свой, прочие державы нас называют просто дикарями, а Деникин про нас говорит, что мы это банда. Иностранцы, находящиеся сейчас на земле нашей в качестве наших помощников, говорят нам о том, что они в союзе с шейхом Узун-Хаджи-Ханом. Они стараются непосредственно с ним говорить, ему подчиняются, но бывший когда-то Шейх Узун-Хаджи, в настоящее время, не только шейх, а он монарх, он его величество Эмир Северного Кавказа, а наши гости, по причинам, по моему мнению, весьма сомнительным ни за что не хотят его признать за Эмира, а желают знать по-прежнему, как всем доступного Узун-Хаджи, это вульгарно, фамильярно и тенденциозно.

Всякая не уверительная пустая болтовня временного гостя нашего недоразвитого, темного, только лишь с маской интеллигента, с маской, по правде сказать, украденной у настоящего ее владельца, о том, что он под нежелание видеть нас самостоятельными, а Узун-Хаджи монархом Шариатской Северной Кавказской Монархии.

Где слыхано, чтобы всякий лез к монарху, чтобы все исполняли исключительно в непосредственные указы или приказания только лишь одного монарха. Командующий Красной Армией **господин Гикало приказом моим от 6-го ноября с. г. был назначен командующим 5-й Армией, во-первых, как гость и во-вторых, как наш соработник**, с подчинением ему, Гикало даже части наших войск, но в настоящее время, вследствие отсутствия у него, Гикало, понимания наших целей и наших стремлений, а так как стремления Гикало мне совершенно чужды, нахожу необходимым его устранение, с назначением на его место другого. Копию настоящего протокола Чрезвычайного Заседания необходимо вручать и господину Катханову, как необходимо ее послать и господину Гикало...»

Вся речь построена на выпадах против Гикало и тех, кто организовался в сл. Шатой и не признавали монарха и Дышнинского. В конце декабря по Чечне стали циркулировать слухи, что казаки хотят передать г. Грозный Узун-Хаджи без боя. Слухами Чечня жила и они порой были правдивы, порой ложны, как и всякая молва. Но общие условия работы научили вникать в горский «хабар» и находить там крупицы истины. Правдивость же подобных слухов была вполне возможна, ввиду той предательской, провокационной линии, которую занял Дышнинский и же с ним. В это же время в городе готовилось восстание, с целью захвата. Когда же отряд двинулся в Грозный, чтобы помочь восстанию, Узун-Хаджинцы пытались задержать его, устроив засаду в ущельи. Это подтверждало слухи о переговорах Дышнинского с казаками.

Уже после удалось этого факта из следующего документа: «*Командующему Гойтинским партизанским отрядом полковнику* ***Наурби-Хаджи***. *Предписываю проверить и точно установить возможность сдачи казаками города Грозного, без боя войскам Северо-Кавказского Эмирства и самому лично прибыть ко мне для доклада о результатах сего поручения, чтобы я мог в утвердительном случае лично выехать на левый берег реки со штабом для ведения этой операции Фельдмаршал Дышнинский*».

Характерен еще документ, который освещает нам преступную деятельность горских верхов. Документ этот — воззвание ингушского героя того времени **Хизыра Орцханова**. «*Братья горцы*, пишет он в своем воззвании, *обращаюсь к вам с просьбой в особенности к ингушам, чеченцам и кабардинцам, чтобы вы прекратили всякую продажу своего скота, кукурузы и прочее, а также чтобы прекратили воровство, грабежи, мародерство и шпионство. Мы отдали Керенскому, а затем большевикам все свое золото и хозяйство и получили взамен покрашенные бумажки, которые теперь не имеют хождения. Ради этих бумажек мы потеряли своих могучих сыновей. У нас разорили мечети и аулы, стоящие более 10 миллиардов рублей*».

В конце воззвания он говорит, что «если Деникин победит Советскую власть, Азербайджан, Грузию и Латвию, тогда пусть идет к нам, слабым народам и мы тогда признаем его».

В заключение характеристики С. К. Эмирства укажу на курьезы, которыми она чрезвычайно богата. Лучшим средством привлечения того или иного лица как верного слугу считалось производство его в офицеры. Процесс производства проходил следующим образом:

Прошение Айдемирова: «*Во время боя с казаками в Чечень-Юрт под команде Тухарем и Ханиева я убил казачий офицер и трех казачьих солдат. В виду этого прошу Ваше Величество ее оказать произвести меня в прапорщики или же в подпоручики и дать мне вознаграждения 1500 руб. Хотя я могу себе приобрести винтовку. Надеюсь, что моя просьба не останется без Вашего внимания, как бедного человека пожалейте. К сему подписываюсь* ***Сосиба Айдемиров*** *(неграмотный)*».

На прошении резолюция: «*выдать 500 руб. согласно распоряжения Главнокомандующего С. К. Войсками и произвести в прапорщики. М. Ханиев*».

Еще пример не менее выразительный. Группа лиц, офицеров гвардии его Величества Эмира, ходатайствует о разрешении организовать дивизию и «*назначить начальником дивизии подполковника* ***Яндиева*** *с производством в следующий чин, т. е. в генералы, мы хотим его потому что он один может командовать его и разденцировать ее согласно военной тактикой и военной дисциплиной, а другого небесного олуха мы просим не назначать*».

Но назначение «небесных олухов» продолжается, а положение монархии с каждым днем ухудшается. Эмирские войска приходя в Ведено останавливались по окрестным аулам, пользуясь горским гостеприимством. Войска получали Эмирские деньги, закупали на них скот, хлеб и отправляли к себе на родину. Таким образом, окружающие аулы отдавали свое имущество, получая взамен негодные бумажки. А этих бумажек ежедневно выпускали до 500 тыс. руб.

В связи с резким ухудшением экономического положения Веденцы первые откачнулись от святого старика. Целый ряд повинностей уже не исполняются с тем рвением, как раньше. Слабела активная поддержка Имама. Это настроение развал отражался на пришлых войсках. Ушли Ингуши, Кабардинцы перекочевали в слободу Шатой. Тавлинцы, наиболее надежная сила, разлагались. Монархия как быстро выросла, так же быстро стала изживать себя.

Борьба с горцами. В сентябре весь горный Кавказский хребет был потерян для белогвардейского командования. Дагестанцы бились под Дербентом и Т.-Х. Шурой, беспрерывно разрушая Петровск-Дербентскую линию железной дороги. Лишь с поддержкой флота и бронированных поездов с трудом удавалось удержать наиболее важные для них пункты. Все попытки бросится в горные ущелья кончались неизменно неудачей. Самоотверженная стойкость дагестанцев дала возможность Северному Кавказу не беспокоиться за свой тыл. На противоположном конце горного хребта по Черноморью осели зеленоармейцы, сплошь состоящие из красноармейцев и дезертиров Добрармии.

Центр заняли Северо-Кавказские народности. Горные подступы зорко охранялись горцами, по временам спускаясь на плоскость и делая налеты на железную дорогу. Наибольшее внимание Добрармия обратила на Грозненский район. Здесь положение создалось для них определенно угрожающее их власти.

Под Кизляром в камышах осел партизанский отряд еще с лета. Камышинцы беспрерывно тревожили станицы и Кизляр. В Шатое — наиболее сильная революционная организация, которая была опасна по тому разлагающему влиянию, которое она внесла в ряды белых.

Агенты беспрерывно сновали в гор. Грозный и обратно. Дезертиры уходили с ними в горы. В сел. Ведено крепко засел Узун-Хаджи могучий своим религиозным влиянием. Он бросал фанатически настроенные массы на Добровольцев. Порою горцы

гибли под пулеметами с удивительным спокойствием. Разгром десятков аулов не давал успокоения. Наоборот — вносил в борьбу все более и более ожесточения.

В Дагестане в это время положение создавалось катастрофическим. Кавказский Краевой Комитет Р. К. П. (б) бросил в Дагестан красноармейские отряды, политически организованные силы и крупные средства.

Повстанцы подошли к Дербенту и несколько раз уже вырвались в город. Это заставило Добрармию принять ряд решительных мер против с. Шатой и с. Ведено, прикрывающих тыл Дагестана. Положение горячо обсуждается в правящих кругах, стягиваются силы.

Активное участие принимает в разрешении этого вопроса Английский представитель **Роландсон**. Призывается на помощь все влияние Англии, мировой державы. Роландсон посылает «ноту» горцам, призывая их к «благоразумию» и покорности.

В этой «ноте» сказалась вся преступная работа английских биржевиков. С циничной откровенностью Роландсон говорит об участии Англии в контр-революционном деле. Горцам в особенности должна быть ясной жандармская роль союзников после «ноты» английского представителя. Привожу «Ноту» полностью:

«*Объявление Чеченскому народу от Английской миссии. Я, представитель английской миссии при генерале Деникине, полковник Роландсон, обращаюсь к представителям Ингушетии, Чечни и Дагестана и говорю: Правительство Англии поддерживает генерала Деникина и его цели. Цели генерала Деникина уничтожение большевизма, возрождение Великой, Неделимой России и широкое, самоуправление горских народов. Вы не должны думать, что Англия вывела свои войска из Тифлиса и Баку потому что она против Деникина. Выгнав из Закавказья немцев и турок, Англия, исполнив свою задачу, отвела свои войска. Представитель Англии в Закавказьи 4 августа к. ст. объявил Грузии и Азербайджан, что в Дагестане*

право водворить порядок принадлежит генералу Деникину, и что Грузия и Азербайджан должны помогать Деникину в его борьбе с большевиками, иначе Англия будет смотреть на это, как на акт недоброжелательства к союзникам. Точно установлено, что есть грузины и азербайджанцы, которые поддерживают восстание, поднятое большевиками в Дагестане и Чечне.

Английская миссия хорошо знает, что восстание горцев не есть национальное движение, а большевистское и вызвано отдельными лицами, преследующими личные цели: большевики Гикало и Шерипов имеют связь с Астраханью и тамошними большевиками, против которых тысячи здравомыслящих горцев теперь воюют в рядах войск Деникина.

Англия помогает Деникину снаряжением, танками, аэропланами, пушками, пулеметами и будет помогать до исполнения Деникиным его цели. Англия дала для этого своих инструкторов. Будет очень жалко, если придется обратить это оружие против горцев, и их аулы будут разрушены. Англия знает, что виновны в восстании отдельные лица, а не все. Одураченные люди до сих пор верят обещаниям большевиков, но большевики никогда не держали своего слова и не исполняли ни одного обещания. Конец большевизма близок, так как войска Деникина в 300 верстах от москвы, расстояние как от Петровска до Баку. Нет сомнения, что Россия, очищенная огнем и кровью станет Великой и Неделимой. Она тогда справедливо воздаст тем, кто помогал его возрождению, а те, кто мешал этому, будут наказаны и наказаны немедленно. Я прошу Вас передать это вашим народам и распространить среди всех. Полковник английской службы ***Роландсон***».

Кроме этого стали спешно мобилизовать чеченские контр-революционные силы. Организовали «**Комитет по очищению Чечни от банд большевиков и Узун-Хаджи**». В состав его вошли: Председатель — Ибрагим Чуликов, тов. Председателя — **Ахмет Цутиев** и члены комитета — **Ахмет Хан Эльмурзаев, Магома Мациев, Ахмет Арса Мирзоев, Умар Хамирзоев, Эмби Исламов, Абдул Азим**

Мустафинов, касум Баширов, Абубакар Мирзоев, Эльмурза Мациев и Эши Яндаров.

Весь состав заполнен помещиками кулаками, Грозненскими домовладельцами.

«Чеченский Комитет по очищению Чечни от банд большевиков и Узун-Хаджи находя, что наступил последний час, когда должны решиться вопросы о жизни или смерти Чеченского народа, приступает к открытой своей деятельности по борьбе с преступниками, повергшими Чечню во все ужасы гражданской войны» заявляет торжественно Комитет в №1 своего «Вестника».

Но все это дипломатия или провокация, но необходимо все подкрепить соответствующей угрозой или силой. На помощь является услужливое горское офицерство и вот мы имеем удовольствие читать следующий приказ «***Объявляю Чеченскому народу****: Начальником Грозненской группы войск генералом Драценко предъявлено следующее решительное требование и условия, при выполнении которых еще невозможно спасти аулы от полного разорения и разрушения: 1) Если аул выдаст русских красноармейцев, большевиков, дезертиров, грузин, азербайджанцев, турок и других участников из отряда Узун-Хаджи,* ***Гикало, Эльдарханова*** *и прочих главарей и не сделает ни одного выстрела по войскам Добровольческой армии, то такой аул не будет уничтожен. 2) По требованиям отрядов генерала Драценко аулы должны давать проводников и охранять отряды Добровольческой армии от стрельбы злоумышленников с тыла: если раздастся хотя один выстрел из ближайшего аула, то этот аул будет немедленно разрушен; 3) Аулы, которые не могут выполнить выше означенные условия, должны теперь же озаботиться выводом в безопасные места всех женщин и детей, так как никакой пощады никому сделано не будет. Еще раз предупреждаю, что если вы своими средствами выгоните от себя банды Узун-Хаджи и выдадите большевиков, то этим спасете от разгрома свои аулы и имущество. Для объявления Чеченскому народу этих непременных и обязательных условий*

поставленных генералом Драценко, я посылаю Представителя Чеченского Национального Совета Ибрагима Чуликова и представителя от Надтеречного участка Антиева. Подпись: Правитель Чечни генерал от артиллерии ***Ирисхан Алиев****. Помощник Правителя Чечни по гражданской части полковник* ***Баймурзаев****. Помощник Правителя Чечни по военной части полковник* ***Григорьев***».

После соответствующей агитационной подготовки объединенные контр-революционные силы бросились на Чечню Ибрагим Чуликов с отрядом Чеченцев проходит по всей плоскости. Казачьи силы громят ряд аулов вдоль линии железной дороги — Гудермес, Исти-Су, Энгель-Юрт, Герзель, Хамау-Юрт. Чеченцы замкнулись в горах, ощетинились и не посмели белогвардейцы пойти на штурм скалистых ущелий. Генерал Драценко будто собирается идти в горы и шлет горцам строгий приказ:

«**К чеченцам Нагорной Чечни**. Банды Узун-Хаджи и большевиков, руководимые Гикало с грузинскими офицерами разбиты. В поисках спасения они бегут в разные стороны. Бегут и к Вам, надеясь в горах и ваших скалах найти себе спасение. Я требую от вас, чтобы ни один человек из находившихся в отряде Гикало и Узун-Хаджи, принимавших участие в борьбе против Добровольческой армии и дружественных нам чеченских отрядов, не проник в горы, где им бы удалось скрыться. Поэтому приказываю, вам в горных ущельях, тропах и дорогах, идущих из плоскостной Чечни в Нагорную поставить сторожевые посты, задерживать всех беглецов и доставлять их в Чечень-аул, где их будет принимать особая русская комиссия. Только таким путем вы можете заслужить себе прощение за все ваши преступления и предательства по отношению к Добровольческой армии и плоскостной Чечне. Предупреждаю, что все аулы и сакли, не исполнившие этот приказ, понесут суровое наказание. Это предупреждение и приказ распространяются и на все аулы в плоскостной Чечне и поэтому плоскостным аулам также надлежит всех укрывающихся красноармейцев и Узун-Хаджинцев, грузин и вообще большевиков,

обязательно доставлять Чечень-аул. Помните и о том, что все, кто побежит к вам в поисках спасения, являются виновниками гибели многих чеченцев и разрушения аулов. Знайте и то, что большую часть ваших братьев плоскостной Чечни с оружием в руках поднялись против этих разбойников насильников, нарушивших вашу трудовую мирную жизнь. Командующий войсками Южного района Северного Кавказа генерал майор **Драценко**».

В это время, когда пылали горские аулы гибли сотни повстанцев, когда население с жалким скарбом укрывалось в горах, готовясь к отчаянной обороне, Красная армия, сдерживая белогвардейский поток, отходила все дальше и дальше на север. Пал Курск, Воронеж. Подошел Юденич к Петрограду. Далеко была желанная помощь. Не было надежды на скорую поддержку с Севера. Но стойко продолжали держаться повстанцы, не желая покориться «галгаскам».

Крепло и ширилось влияние сл. Шатой. Каждый день приносил с собой подкрепление. В ответ на разгром аулов отряды делают налет на станции, разрушают железную дорогу, беспощадно уничтожая всех защищающихся. Агенты повстанцев снуют по городу и уводят с собою целые заставы, взводы. Этот период дает повстанцам не ослабление, а крупное моральное и численное увеличение сил.

Восстание в г. Грозном. В этой отчаянной, почти без всякой надежды на победу, самоотверженной борьбе, которая беспрерывно велась озлобленными горцами и красноармейцами с произволом и разгулом черной сотни необходимо выделить одну страничку, залитую кровью — восстание в Грозном.

Грозный с пролетарским населением никогда не был надежным местом для белогвардейцев. Произвол сыскного отделения, стражников, офицерства, низкая нищенская оплата труда создавало атмосферу глухого недовольства. Гарнизон, состоящий из солдат заражался рабочим настроением. Слухи же из Чечни, беспрерывные бои с горцами, красноармейский отряд среди них — все это накаляло атмосферу и заставляло командование держать в Грозном

крупные силы, добавляя в них надежные казачьи и офицерские части.

Но несмотря ни на какие репрессивные меры командованию не удавалось остановить брожение. Части менялись, приводились другие. Но и вновь пришедшие быстро давали значительный процент перебежчиков и дезертиров. Кроме того, в Грозный, как наиболее тыловой город эвакуировано было масса арестованных. К декабрю в тюрьме числилось уже до 600 арестованных. Сыскное отделение свирепствовало, расстреливая пачками. Всего за время царствования белых в Грозном было расстреляно до 200 человек.

Поражения на фронте нервировали белогвардейцев. Террор усилился. В Конце ноября заключенные получили сведения, что 300 человек из них заранее обречены на смерть. Уже до этого им удалось установить связь с агентами из сл. Шатой, с которыми они вели переговоры.

Получив сведения о массовом расстреле, тюрьма заволновалась и было решено устроить побег.

В конце ноября из Грозного поступило в сл. Шатой следующее донесение: «***Товарищ Листиков (кличка тов. Гикало).*** *Вот посылаю письмо из тюрьмы, все готово. Ради всего святого помогите нам, там их очень много, только поскорее, я их просила чтобы они подождали пока я донесу Вам, еще говорю, что много берутся за это дезертиры, которые скрываются Тов. Листиков, еще раз повторяю, все готово. 2 роты солдат подготовленных к этому и хотят занять город, если можно высылайте одного на рассмотрение дела, еще раз прошу не задерживать потому, что скоро будет расстрел и они хотят совершить побег, потому, что невозможно так продолжать 25 ноября* ***Нина***».

Письмо из тюрьмы: «*Уважаемый тов. Листиков. Мы заключенные при Грозненской тюрьме получили точные сведения о расстреле всех сочувствующих Советской власти в тюрьме. В виду этого организацией тюрьмы назначен массовой побег с занятием г. Грозного. По сему обращаемся к Вам, как к политическому работнику,*

с просьбой помочь в этом. Наша задача заключается в следующем: 1) занять город со всеми учреждениями для чего необходимо Вам с группою вооруженных людей подойти к тюрьме в указанный день и час, где тюрьма уже будет освобождена, которая сама вооружится и займет город. Или если это невозможно, то просим Вас приводить нас в лагерь т. Гикало. Сообщаем еще, что имеем точные сведения, что 2 роты стр. полка настроены в нашу пользу, но не имеют руководителя. Побег из тюрьмы назначен в четверг 21 ноября. Но если к этому времени Вы нам не ответите и не посоветуете как нам быть, то все равно побег будет совершен. Если же Вы назначите другой день, то мы можем ожидать до субботы 29-го ноября. При сем присовокупляем, что желательно было бы совершить побег с занятием города, ибо момент настал. Ожидаем с нетерпением Вашего ответа, 1919 г. 19 ноября. Грозненская тюрьма».

Подобные сведения застали отряд врасплох. Но вопрос был поставлен слишком остро, чтобы иметь возможность к серьезной подготовке. В тюрьму было послано настоятельное требование повременить с побегом, чтобы дать возможность отряду выяснить силы противника и провести соответствующую подготовку среди солдат.

Немедленно же был назначен ответственный организатор восстания, который и выехал в Грозный. Началась усиленная, спешная подготовка. Из тюрьмы требовали, умоляли начинать. Положение создавалось для них ужасным.

Невозможно было от них, поставленных в подобное положение требовать спокойного отношения к делу. Вместе с тем, явное безумие было поднимать восстание. В городе сосредоточились крупные силы — до 12000 человек, 30 орудий. Организация под страхом провала лихорадочно работала. Завязались связи с военнопленными, с некоторыми воинскими частями, командами.

Тюрьма, наконец, категорически заявила, что она выступает. А если отряд не окажет помощи, то вся ответственность ляжет на него. Выбора не было. Был назначен срок — ночь

с 21 на 22 декабря. 20-го отряд вышел с гор по направлению к Грозному. **Ахматуко Тесаев, Гусейн Эфенди**, Узун-Хаджинские генералы пытались задержать выступление отряда. Им было ясно, что если восстание удастся, то революционные силы настолько окрепнут, что бороться с ними будет уже невозможным. Отряд был обстрелян войсками Узун-Хаджи. Благодаря этому произошла заминка. Но к вечеру отряд уже оправился и форсированным маршем двинулся к Грозному. Стояла морозная декабрьская ночь. Леденящий ветер трепал лохмотья красноармейцев. Застывали полуобутые ноги. Отряд не знает, куда идет. Приказано идти — какие же могут быть разговоры. С трудом идут по снежным полям, волоча орудие и пулеметы. Ни звука неудовольства, упрека, жалобы. Отряд насчитывает до 250 человек. Ночь. Отряд останавливается верстах в 8 от Ново-Промысловской горы.

Тов. Гикало открывает краткую беседу. Необходимо было выяснить красноармейцам положение. Отряд идет возможно на поголовную гибель. От каждого человека необходимо взять максимум его воли, выдержки и спокойствия. Отряд шел на врага во много раз сильнейшего, прекрасно вооруженного.

— Товарищи, вы знаете куда идете спрашивает тов. Гикало.

— Нет... не знаем... Куда вы, туда и мы... везде с вами пойдем, — послышались ответы.

Тов. Гикало коротко обрисовывает положение и заявляет, что они идут почти на верную гибель. Но там умирают товарищи им надо помочь. Есть ли кто, который в состоянии повернуть обратно. Красноармейцы возбуждены, взволнованы.

— Идем, товарищи... Что зря говорить... — красноармейцы рвутся вперед. Как будто нет усталости и холодного леденящего ветра, гуляющего в лохмотьях.

Отряд вновь двигается к горе. В лощине под горой останавливается. Вперед выходят два взвода — 70 чел. Черной жилкой побежала в гору телефонная линия. Когда т. Гикало пытался пойти с передовыми взводами, красноармейцы запротестовали

и потребовали, чтобы он остался в тылу. Было ясно, что беспокоиться за твердость и стойкость красноармейцев не приходится. Горсточка храбрецов смело рассыпалась по кустам. Через полчаса завязалась перестрелка. Звенит телефон: «Сбили посты, взят пулемет. Если можно пришлите подкрепление». Высылается еще 50 человек… Красноармейцы сбивают батальон и сотню казаков, захватывают два орудия. Казаки в панике бегут в город, не пытаясь дать отпора… Гора занята. Дается условный орудийный выстрел. Там в городе вместе с этим выстрелом должны выступить. Проходит час за часом… В городе тихо красноармейцы, застывшие от холода, терпеливо ожидают… Из города нет никаких сведений. Дальше нет возможности стоять на горе и отряд снимается. Ночью останавливаясь на ночевку под горами в хут. Алхазурово. Почему не было условленного восстания. Измена? Провал?

Глубокой ночью на взмыленной лошади прискакал чеченец: «в городе восстание и идет сильный бой…». Отряд немедленно снимается и выступает в Возвиженку, через которую должна пройти тюрьма…

В городе произошла заминка из-за частичного предательства и из-за провала агента, который был послан в отряд… На следующую ночь, после условленной, к тюрьме подошло человек 30 вооруженных и открыли двери. Заключенные выступают на улицу и с криками: «Ура-а! Да здравствует Советская власть!» — обезоруживают патрули. Получилась невероятная вещь — обезоруженные, многие в кандалах, захватили почти все склады, 4 орудия и обезоруживали части. Добровольцы растерялись. Не понимая в чем дело, предполагая, что в город ворвались крупные силы красных, они в панике стали бежать из города.

Но среди заключенных нашелся предатель, офицер Нечволод, который немедленно явился в Штаб и передал весь план восстания. В его распоряжение передали 2 сотни казаков и он с успехом разбивал планы восставших. 4 захваченных орудия были вырезаны за город и изх них открыли огонь по казакам. Это дало возможность

главной массе заключенных скрыться. Часть захватила паровоз и выехала на Владикавказ, часть укрылась в городе и до 100 человек благополучно пробрались в Воздвиженку…

Передают из этого разгрома кошмарные картины. Двое политических смертников, муж и жена благополучно выбираются из г. Грозного. В мороз, с кандалами они доходят почти до Воздвиженки. По дороге чеченцы захватывают их и возвращают в город. Там, в страшных пытках, их убивают.

Многих захватили в городе и с ними расправлялись самым зверским образом. Вот что рассказывает Никита Лукьянов — Никитин, агент отряда, в своих воспоминаниях (с сохранением его орфографии): «я отправился счасже к т. Гекале Воздвиженку Гикало мине дал наказ: поезжай в город и узнай, что там делается. Я приехал ночью в город видел чудную картину, кто был привязан за шею, кто был прибитыми гвоздями на телефонных столбах, а кто висел вверху ногами. Я ужахнулся. Я сполнил свое дело…»

Ужаснулся не только Никитин, но глубоко возмущены были подобным зверством и те, кто вообще не против были уничтожить большевистскую заразу. Трупы замученных три дня висели на столбах напоминая гражданам незыблемость основ «единой и неделимой»…

Слобода Шатой и сл. Воздвиженка. После восстания в г. Грозном, хотя и неудачного, Красный партизанский отряд значительно окреп. В отряд влились бежавшие заключенные, которые внесли в отряд твердость, дисциплинированность и жгучую ненависть к офицерству. Численно отряд был еще слаб, до 400 человек. Но по своей спайке это была страшная для Добровольцев боевая единица. Экономически отряд находился в ужасном состоянии. Денег не было. Продовольствие получали от соседних аулов, которые сочувственно относились к отряду. Наибольшую помощь оказывали Гойтинцы, которые даже организовали партизанский отряд, подчиненный командующему т. Гикало.

После Грозненского восстания отряд окончательно остановился в сл. Воздвиженке. Все тыловые части-лазарет, команда выздоравливающих отдел снабжения, находились в сл. Шатой.

С этого времени налаживается связь с «камышинцами», с Дагестаном, с КК Комитетом РКП (б). Еще до восстания в отряд прибыл делегат КК Комитета тов. Мордовцев. А уже в начале января прибыли делегаты от XI армии и от КК Комитета, с которыми было прислано 2000000 рублей денег (Керенок). Прибытие работников и средств оживило работу в сл. Воздвиженке.

На основании приказа КК Комитета и XI армии был организован штаб Терской группы Красных Повстанческих войск. В подчинение штаба Группы входили все действующие в терской области партизанские отряды.

Работа быстро развернулась. На прибывшие средства закупалось оружие, патроны, обмундирование, лошади и проч. Влияние отряда настолько окрепло, что Чеченские торговцы охотно отпускали товар в кредит. За все время до конца марта в кредит у разных лиц штаб группы взял товаров на сумму 10000000 рублей николаевских денег.

Отряд подымался в боевом отношении с каждым днем. Крепло и его политическое влияние благодаря развернувшейся политической работе, как в отряде, так и среди населения. В отряде читались лекции, доклады, оформилась окончательно коммунистическая организация, в которую стали вступать и Чеченцы. Большого внимания требовала работа среди населения. В силу религиозных и бытовых условий не представлялось возможным строить революционное движение на коммунистической организации. Поэтому было выдвинута массовая организация бедноты, получившая название «революционные ячейки». «Политически-организационная работа штаба группы, начавшаяся в сл. Воздвиженке, после боя перешла в сл. Шатой, беспрерывно усиливаясь.

В Кабарде, Ингушетии, Осетии были созданы Ревкомы с подчинением их штабу группы. Через них велась военно-

политическая работа. Революционные ячейки стали широко распространяться главным образом среди бедноты, на что и рассчитывал штаб группы. Организация Горской бедноты и до сих пор еще в Горской республике в стадии своего разрешения. Поэтому не лишне будет подробнее остановиться на этом вопросе и посмотреть как его разрешал Политотдел штаба группы.

В целях планомерности работ было создано нечто в роде инструкции-устава Ревячеек, которого строго придерживались. Если мы всмотримся в прилагаемую инструкцию, то увидим, что организация ревниво охраняла себя от всякого сомнительного элемента. А таким явились или Узун-Хаджинцы, или контр-революционеры. Оставалась беднота, которая шла в ячейки.

Трудовым Горским Народам Северного Кавказа. (Чечни, Ингушетии, Балкарии и Осетии). «Бедняки горцы. Волна Красной армии из Советской России все ближе и ближе подходит к Северному Кавказу, где больше года томятся бедняки горцы, рабочие и крестьяне под ударами офицерской, казачьей нагайки. Час мести — час расплаты всем черным генералам и горским изменникам-предателям близится. Пусть знают они, что на крови народной свое счастье и богатство им не построить. Народ подымается и все их грабительские и провокаторские планы рушатся. Вы подумайте бедняки горцы, чеченцы, кабардинцы и балкарцы, где Ваши офицеры, интеллигенты, богачи? Все они с Деникиным и казаками. Все они думают только как бы прижать бедняка лучше, да отправить его на фронт против большевиков. Что сделал генерал **Мальсагов** в Ингушетии, **Чуликов** в Чечне, **Мирзоев** в Кабарде, а **Дорофеев** в Осетии? Разбиты и сожжены аулы с помощью их. Сотни молодых жизней погибло в боях защищая свою вольность. Дома разграблены и голодные старики и дети скрываются по горам у своих бедняков родственников. Так работают все, кому дороги интересы своих карманов, а не интересы ваши беднота горская.

Все кадеты горские, офицеры — Деникинцы и казачьи верхи видят, что дело предательское, дело их интересов гибнет. Они снова придумали лазейку для себя, они везде и всюду говорят, что дадут горским беднякам самостоятельность и создадут Горское Правительство. Вы знаете, что дало Вам Горское правительство, в прошлом году: они предали горских бедняков в руки добровольческой армии, вы знаете как оно обещало все вам, а дало разбитые, сожженные аулы, и теперь они хотят Вас обмануть и теперь чувствуют, что сил бороться против Красной армии мало, они хотят обманом удержаться. Не верьте им и знайте, что как были они предателями, так и останутся. Они надеются на вашу темноту и на пушки, пулеметы добровольцев и казаков. Красная армия России близка и сильна. Еще немножко страдания и горя и мы победим. Последние силы напрягают изменники и предатели, но смерть их уже ждет. Советская власть даст Вам, бедняки горцы мир, землю и свободу. Каждый аул, сожженный и разграбленный офицерскими казачьими бандами даже пострадавший отдельный горец-бедняк, будет широко и справедливо удовлетворен в своих убытках Кавказский Революционный Совет в Астрахани постановил за все убытки, причиненные добровольцами кадетами Горской бедноте уплатить и вознаградить. Знайте, что всякий пострадавший будет вознагражден. Семья убитого в боях с контр-революцией, будет вознаграждена. Всех, кто борется и кровь проливает за бедняков мы не забываем, как не забываем тех, кто изменил своему порядку и предал его на разграбление Деникинцам. Передайте всем кадетам, офицерам и всем, кто против Советской власти, что недолго им осталось праздновать последние недели. Они допивают, прогуливая награбленное по селам и городам. Силы наши растут, прибавляется и народ все больше понимает, где правда и где обман. Настанет день и час, когда народные массы бедняков, что страдали так долго и мучительно, могучей лавой покатятся на помещиков, богачей, банкиров, генералов и горских кадетов, задавит их, сметет всю нечисть, что столетиями давила Горских

бедняков. А этот час и день близок... Все горцы и бедняки готовьтесь к бою, организуйтесь».

Усиливается агитация и среди казаков. На Сунженскую линию выезжает ответственный организатор. Распространяются по станицам воззвания, в лесах собираются дезертиры, перебежчики. Несмотря на боязнь казаков Советвласти работа идет успешно.

Не приходится, конечно, говорить о том, что в Грозном работа не прерывалась. Частые провалы организации не убивали энергии. Агенты штаба группы ежедневно ездили в город. Установилась связь и с Астраханью. Штабом для этой цели был организован Чеченский партизанский отряд, который курсировал между камышенцами и сл. Шатой. Благодаря этой связи удалось получить необходимые директивы из Штаба XI армии и средства.

Позиция Штаба окрепла настолько, что была уже полная уверенность скорой победы. Вот что говорится в резолюции 1-й Партийной конференции:

«Население гор, придушенное рукой контр-революции с нетерпением ждет восстановления Советской власти. Горские массы являются безусловным противником Доброволии, которая свой авторитет поддерживает исключительно штыком и нагайкой. Чеченский народ, глубоко революционный по своему существу, несколько раз подымал знамя восстания под лозунгами столь же революционными, сколько и национально-религиозными. Но мы, как марксисты учитывая общий рост революции, который охватывает все пролетарские массы и слои, всегда говорили и говорим, что идеалистические надстройки буржуазно-религиозного характера, распыляться как дым, в силу объективных условий, что нами уже и наблюдается. В Чечне идет определенный раскол в пользу Советвласти и час соединения революционных горских масс с Советской Россией окончательно укрепит революционное состояние горцев. Мы коммунисты знаем, что только железной, партийной дисциплиной объективным революционным пониманием

нас окружающих условий и мощною организованностью в рядах бедноты и своих рядах будем победителями над черными генералами помещиками и капиталистами».

Успешно шла работа и вдали от штаба. Вот, например, что доносит Ингушский Ревком: «Командующему Красной Армией Терской области. За последние две недели Инг. ушский Ревком организовал почти во всех селах Ингушетии из сторонников Советской власти Комитеты, которым даны следующие инструкции: 1) Усиленная пропаганда идей Советской власти, 2) Агитация против эмирства и шариата, на котором оно якобы строится. 3) Борьба с усиливающимися грабежами и разбоями и той травлей Ингушей на Осетин, которая ведется местными контр-революционерами. 4) Агитация в пользу самого тесного объединения со всеми трудовыми элементами народов Терского края и наконец захват на местах власти по сигналу Окрревкома. Агитация против эмирства идет успешно. Оно само роет себе могилу. Большая часть населения не верит в успех его и ждет своего освобождения только от Советской России. Дух населения поднимается оно начинает организовываться само. Приступлено уже к организации Красной Армии и Штаба. Организация последнего облегчено копией постановления Реввоенсовета XI Армии. С организацией последней приходится тем более спешить, что в связи с объявленной Добрармией мобилизацией могут быть столкновения. Есть надежда, что в скором времени удастся создать значительную боевую силу. Командующим Ингушской Красной Армией Ревкома назначен тов. **Гулиев**, под команду которого со своим отрядом должен войти **Орцханов**; нежелание его подчиниться постановлению Ревкома, будет последним считаться изменой Советской власти. С Курской и Молоканской слободками, г. Владикавказа установлена уже связь. По словам их представителей они готовы к выступлению и ждут только сигнала. Оттуда Ревкомом вызваны представители с целью создать там подпольную организацию».

В общем революционное движение на столько окрепло, что его дальнейшему, беспрерывному росту ничто не могло помешать. Оно могло иметь лишь один выход — открытое нападение на Добрармию, но уже не под влиянием мулл и шейхов, а под руководством Штаба группы.

Воздвиженский бой. В начале января Красная армия стремительным ударом заняла г. Кизляр и стала продвигаться по станицам Терской линии. Наступление Красной Армии было неожиданностью для горских партизан, поэтому они не в состоянии были сделать быстрый нажим на добровольцев с тыла.

В момент, когда были получены точные сведения о движении Красной Армии, штаб группы стоял в сл. Воздвиженке. На основании агентурных сведений для Штаба группы было ясно критическое положение взорвавшихся вперед Красных частей. Опасения штаба группы оправдались — Красные части были разбиты, при чем один отряд был отброшен Хасав-Юрту.

Угроза с севера добровольцами на время была ликвидирована. Необходимо было парализовать действия. Штаба группы или же совершенно уничтожить его. 30-го января в Штаб Группы поступило предложение от Ибрагима Чуликова устроить свидание с т. Гикало для разрешения «весьма важных дел».

На совещании штаба было решено, что это предложение Чуликова весьма близко к западне, дабы «ликвидировать» т. Гикало как руководителя движения. Свидание не состоялось. Рано утром 31-го января конные добровольческие части ворвались в сл. Воздвиженку. Часовой из Штаба заметил казаков, которые выезжали на площадь слободы с тыла. Несколькими выстрелами часовой поднял тревогу. Красноармейцы выскакивали из домов в одном белье и с криками «ура», бросились на казаков.

После нескольких минут перестрелки добровольцы бежали из слободы, оставив несколько человек убитыми и 1 пулемет.

Первая конная атака была отбита. Через полчаса с передовых позиций сообщили, что крупные пехотные части наступают на сл.

Воздвиженку. Вслед за тем было установлено, что отряд окружен…

Штабу Группы предстояло выдержать отчаянную схватку. На лицо имелось до 400 человек, патрон мало, по 150 штук на бойца…

Долгих 8 часов бился отряд с наступающими добровольцами. Под огнем отряда щедро разбрасывались мертвые точки по ровному белому полю. Целые цепи сносились как втером и разбрасывались по снегу…

А добровольцы слали в атаку все новые и новые цепи. Десятки пулеметов осыпали дождем свинца слободу. Артиллерия ураганным огнем громила стойкий отряд. До 6000 человек бросила Добрармия на партизанский отряд…

В 6 верстах от сл. Воздвиженки, в сел. Дуба-Юрт стояли войска С. К. Эмирства во главе с Дышнинским. С первыми же выстрелами под сл. Воздвиженской сюда прискакали двое старо-атагинских чеченцев и явились к Дышнинскому. На их требование идти на помощь отряду, Дышнинский заявил, что когда надо будет, он даст приказ о выступлении. Сейчас же он еще не знает, кто с кем ведет бой.

Чеченцы — **Ноома Тукаев** и **Махмуд Хамзатов** — догадались, что Дышнинский просто предатель и желает гибели отряда. Они повели агитацию среди войск Дышнинского и среди почетных стариков сел. Дуба-Юрт. Войска заволновались и потребовали выступления на фронт. Долго пытался Дышнинский сдержать волнение, но все же был вынужден дать приказ о выступлении.

Но повел он войска круговым путем, при чем на мосту через Аргун целый час служил молебен…

А в это время в сл. Воздвиженке отряд стойко сдерживал атаки противника. Белые цепи подошли почти вплотную к Красным окопам. Горсточка бойцов не отходила ни на шаг. Уже ручные бомбы рвались среди наступающих. С минуты на минуту ожидалась рукопашная схватка, в которой погибли бы все партизаны…

Группа Узун-Хаджинцев, совместно с Шатоевцами не выполнили приказа Дышнинского. Пока служили мобелен, они ударили в тыл

добровольцам. Дорога очистилась и отряд, расстреливая последние патроны стал отходить в горы. Добрармия понесла в этом бою крупные потери — выбыло из строя до 1000 человек. Страшные потери, отчаянное сопротивление красных парализовало добровольцев. Они зажгли сл. Воздвиженку и в панике отступили в город, не решаясь преследовать отряд.

Отряд потерял 27 чел. убитых и 30 чел. раненых. Среди убитых был **Султан Дудаев**, ингуш, начальник Штаба группы, стойкий, выдержанный коммунист. С его смертью отряд понес крупную потерю.

Штаб группы отошел в сл. Шатой. Туда же отошел и Дышнинский. Две враждебные силы сошлись. Под влиянием стойкости отряда, раненных и наряду с этим предательское поведение Дышнинского взволновало Чеченцев. Для них было ясно, что они вновь стали жертвой предателя, авантюриста. Группы представителей бедняков приходили в Штаб группы и требовали, чтобы Дышнинский был обезоружен и арестован.

Штаб группы дипломатично отнекивался, заявляя, что это дело их самих и Имама и что не дело Штаба вмешиваться в их внутренние дела. Наряду с этим шла усиленная агитация о предательской роли Узун-Хаджинских героев.

Возбужденная толпа с помощью красноармейцев захватила артиллерию и пулеметы, а Дышнинского арестовала.

Прибывшему брату Имама вооружение было возвращено, но слава сл. Ведено погибла окончательно. С этого времени Узун-Хаджи перестал быть вождем освободительного движения, сохраняя за собою пока сияние святого, главы С. К. мусульман.

Руководящая работа по организации борьбы перешла в руки Штаба Группы. Быстро возникали партизанские чеченские отряды, шла запись в Красную Армию, организовывались революционные ячейки, окрепла связь с Ингушетией, Кабардой, камышинцами, с Дагестаном, с К. К. Комитетом РКП (б).

На трупах погибших в Воздвиженском бою погибла контр-революционная Сев. Кав. Монархия, и широко развернулось истинно-революционное движение. Это еще не было чистое, классовое движение. К нему примыкали кулаческие и спекулятивные элементы. Но оно окончательно отмежевалось от помещичье офицерских групп, и отрезвилось от национально-религиозного угара. Воздвиженский бой породил колоссальную тягу среди горских масс к Советской власти.

Не было слов, не было мысли, желаний, надежд вне связи с красной Армией и с Советской властью.

Сведения об успешном продвижении Красной Армии давали уверенность в скором окончании долгих бедствий, тяжестей тяжелой, кровавой борьбы. Беднота толпилась у штаба группы, возлагая на него настоящие и будущие надежды... Воздвиженский бой оставил у горцев неизгладимое впечатление. Это была самая яркая картина в революционной истории. Со сл. Воздвиженской связаны у горцев воспоминания о лучших боевых страницах их борьбы «с галгасками».

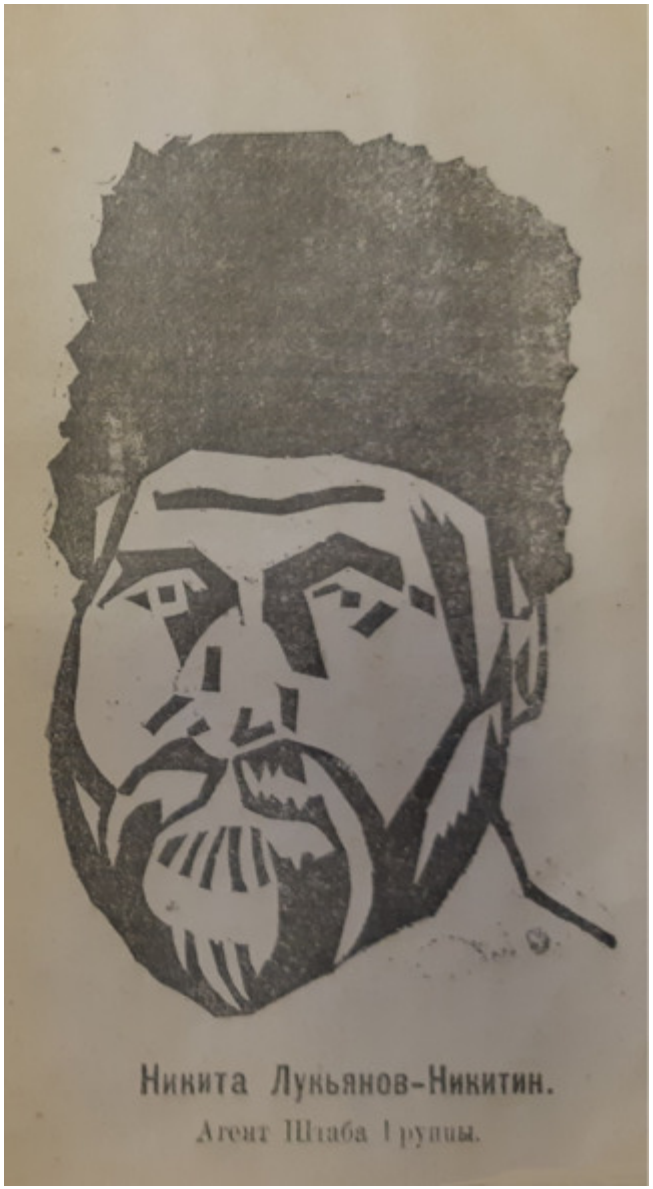
Ибрагим

Красный партизан

Магомет Шерипов

Узун-Хаджинский генэрал-губернатор.

Никита Лукьянов-Никитин.

Агент Штаба Группы.

Ноома Тукаев.

Красный партизан.

СЪЕЗД НАРОДОВ ТЕРЕКА В Г. МОЗДОК ЯНВАРЬ 1918 ГОД

ОРФ СОНИИ (СОИКСИ) г. Владикавказ ист. отдел Фонд 21, опись 1, дело 392.

Протокол заседания 1-го всеобщего демократического съезда Терской области в гор. Моздоке 25 января 1918 года.

По открытии заседания заслушивается доклад мандатной комиссии. Делегатов на съезд прибыло 257 человека по округам и отделам: от Сунженского отдела — 37, Моздокского — 63, Кизлярского — 28, Пятигорского — 33, Нальчикского — 45, Владикавказского — 35, городов: Владикавказа — 11, Георгиевска — 4, Грозного — 15.

Кроме того, многие делегаты еще не успели сдать мандатов и все время прибывают. Все мандаты утверждаются, кроме тех, а именно: Тамбиева и Хаудова, имеющих удостоверения комиссара Нальчикского округа и представителя общества комиссара Нальчикского округа и представителя общества овцеводов и сельских хозяев. Кроме того, несколько представителей воинских частей оставляются с правом совещательного голоса, а с правом решающего голоса — по одному из каждой части. Съезд единогласно признает себя правомочным для решения вопросов, поставленных в повестку и приступает к выборам президиума.

Открытым голосованием избирается: — председателем съезда Дмитриенко, получивший 212 голосов, товарищами председателя — Филатов, Богданов, Бабков, Тронов, секретарями — Белячков, Сомов, Соколов и Сахаров.

После выборов президиума председатель объявляет работы съезда открытыми и приветствует первый свободный народный съезд Терской области в Моздоке. Мы собрались сюда не для того, чтобы поговорить и спокойно разъехаться по домам, — мы приехали решить тяжкие вопросы нашей жизни. Надеюсь, что работы съезда спасут население области от нависшей над ней беды (аплодисменты).

Съезд выслушивает ряд приветствий от различных представителей. Представитель Нальчикского округа Филатов говорит, что кабардинский народ жил всегда мирно с русскими и сейчас горит желанием видеть мирную жизнь в области и приветствует съезд (аплодисменты).

В том же смысле высказывается делегаты кабардинцы. Со времен Иоанна Грозного мы жили мирно с русскими и желаем также жить и всегда. Представитель Сунженской линии — **Белячков** приветствует народ, освободившийся от влияния войскового правительства и других ложных руководителей. Представитель армейского центра Кавказской армии **Палавандашвили** говорит: кто довел нас до того, что мы и соседние народы льем кровь друг друга? Это те люди, которые теперь скрылись. От имени многострадальной кавказской армии я говорю: — вы должны поставить ребром вопрос о мирном сотрудничестве с чеченцами и ингушами, — спросить их не так, как это делали до сих пор ваши ложные руководители, а так, как говорит народ с народом, — языком тружеников. Нужно дать телеграмму и вызвать представителей ингушей и чеченцев (аплодисменты).

Буачидзе говорит от имени социалистического блока (объединенного совета социалистических партий, что те народы, которые не пойдут сейчас с русской демократией, — погибнут. Ингуши и чеченцы находятся под влиянием тех же паразитов и провокаторов, которые водили до сих пор и казаков и русских крестьян. Я прошу съезд, когда будут решаться вопросы, измерять семь раз его решения и один раз его отрезать (аплодисменты).

После окончания приветствий принимается регламент заседаний. Назначается время заседаний: с 9 час. утра до 2 час. дня. — Пленарные заседания (общие) и с 5 час. дня — заседания комиссий (секций).

Элердов делает от имени Владикавказской делегации заявление об арестах, которым члены делегации подверглись на пути в Моздок, именно, во Владикавказе и в Беслане. Во Владикавказе

были арестованы два делегата, в том числе председатель областного земельного комитета **Пашковский,** и член Осетинского Национального Совета **Гадиев**. Их водили к начальнику гарнизона и к коменданту, продержали два часа и отпустили. Когда делегация приехала в Беслан, делегат **Мамсуров** и там задержан; когда были арестованы еще два делегата, то делегация заявила, что в таком случае она вся останется и дальше не поедет. Тогда их освободили. Владикавказская делегация высказывает свое возмущение по поводу такого отношения к народным избранникам и предлагает съезду потребовать немедленного освобождения Мамсурова.

Съезд постановляет потребовать освобождения по прямому проводу и, кроме того, избрать комиссию на четырех человек, которая должна поехать в Беслан с наказом от съезда, — потребовать освобождения Мамсурова. Текст наказа поручается выработать президиуму, равно как и снестись с Бесланом по телеграфу.

Второй день. По открытии заседания 26 января председатель докладывает, что по телеграфному сношению с Владикавказом в 1 час дня к аппарату вызван председатель Осетинского Национального Совета, которому передана следующая депеша:

«24 на ст. Беслан был арестован Мамсуров, — делегат, ехавший на областной съезд в Моздок. Сообщение об аресте вызвало возмущение всего съезда, который уполномочил меня просить Совет распорядиться о немедленном освобождении Мамсурова. Он арестован офицерами осетинского полка. Называют фамилию в аресте офицера **Торчинова**. Виновных в аресте народного представителя прошу привлечь к ответственности».

Заслушивается приветствие Моздокского городского самоуправления, которое произносит городской голова. Оглашается резолюция, выработанная президиумом, по вопросу об аресте делегата Мамсурова: — «Первый Терский Областной Съезд в Моздоке трудовых народностей: казаков, кабардинцев, осетин, крестьян, рабочих и солдат, ознакомившись с заявлением Владикавказской делегации об аресте на ст. Беслан делегата

Грозненского Военно-Революционного Совета Мамсурова, считает недопустимым подобные посягательства на представителей народа. В аресте народных избранников съезд видит гнусную попытку контрреволюционеров во что бы то ни стало помешать священному делу объединения народностей и выявлению действительной их воли. Арест делегата съезда является оскорблением всему съезду и серьезной угрозой завоевания революции. От имени трудовых народов, населяющих Терскую область, съезд решительно заявляет, что стоя на страже завоеванных свобод, он не допустит никаких посягательств на неприкосновенность избранников народа и целость приобретений революции. Все осмеливающиеся стать против объединения народов и народных стремлений, будут безжалостно раздавлены». Резолюция принимается единогласно (бурные аплодисменты).

Слово предоставляется представителю осетинской группы, который оглашает следующую декларацию: Делегаты Осетии приносят искреннюю благодарность инициаторам созыва первого съезда трудовых элементов народностей Терской области. Делегаты уверены, что этот съезд явится первым и решительным ударом по гражданской войне в нашей области. От имени своих избирателей делегаты заявляют неуклонное решение поддерживать совместно со всей демократией гражданский мир и братство народностей области.

Осетины считают себя неотъемлемой частью Российской революционной демократии, о чем они выразили свою ясную волю на Ардонском съезде 1917 г. и считают для себя обязательным в совместной с ней работе осуществлять свои национальные, политические и экономические стремления.

Осетины никогда не поддавались чувству национального шовинизма и всегда стремились уважать права других народностей и в полном контакте с ними старались добиваться своих прав. Они полагали и полагают, что если все народности станут на эту точку зрения, то всем сторонникам гражданской войны будет пресечена

всякая возможность провоцировать столкновения между отдельными народностями.

Отныне мы все волей революционной демократии и Учредительного Собрания — граждане единой Российской демократической федеративной республики: федерация должна соединять, а не разъединять.

Протест делегата Белячкова «Почему решено даже послать делегацию к ингушам и чеченцам, если у нас обсуждается следующий вопрос: отменить или не отменить приказ о наступлении». Большинством 172 голоса против 130 предложение отвергается.

Представитель кавказской армии: Палавандашвили. Делегации предоставляется право пригласить в состав делегации казаков, знающих чеченский и ингушский языки.

Стр. 14 ...**Наказ Терского областного съезда представителей казаков, советов рабочих, солдатских, крестьянских депутатов, городских и слободских самоуправлений, осетин, кабардинцев и других национальностей**. Для прекращения начавшейся гражданской войны и спасения области от разрастающейся анархии, съезд считает необходимым объединить все национальности и группы, населяющие Терскую область, в один равноправный в своих частях союз. Для восстановления добрососедских отношений, съезд ждет от Чечни и Ингушетии действительных мер, обеспечивающих мирную жизнь. Для разрешения всех наболевших вопросов: земельного, национального, экономического, правового и других съезд предлагает чеченцам и ингушам прислать своих представителей на учредительный съезд народов области, который будет созван в самом непродолжительном времени.
Но предварительно съезд требует:

1. Прекращения всех военных действий, нападений, грабежей и разбоев.

2. Немедленного восстановления телеграфного и железнодорожного движения, разрушенного ингушами

и чеченцами.

3. Предоставление Чечней и Ингушетией действительной полной и верной гарантии безопасности работ по восстановлению линии железной дороги, телеграфа, телефона и возобновлению работ на старых и новых промыслах Грозненского района.

4. Выдачи чеченцами и ингушами разбойников, воров и всего порочного элемента для предания их народному суду, созданному объединенной народной властью, народов Терской области.

5. Наказания и выдачи контрреволюционных групп и лиц занимавшихся натравливанием темных масс на мирное население вообще и русских в частности, для предания их военно-революционному суду.

6. Уничтожение всех стеснений и препятствий, чинимых свободному движению по Военно-Грузинской дороге и удаление засевших там шаек и ингушской охраны.

7. Возвращение и передачи всего оружия и арсенала, захваченного чеченцами в крепости Ведено и Хасав-Юрта и ингушами в городе Владикавказе, как общегосударственного достояния кавказской армии.

8. Обмен пленными будет произведен после окончательного соглашения.

9. Чечня и Ингушетия ответ на выставленные предложения и требования должны дать в трехдневный срок после получения ими настоящего наказа.

2-Я СЕССИЯ ТЕРСКОГО ОБЛАСТНОГО НАРОДНОГО СЪЕЗДА В ГОР. ПЯТИГОРСКЕ

16 февраля — 5 марта 1918 г. Выпуск 1-й. Приложение: Декреты и распоряжения Терского Народного Совета. (Хранится в архиве музея краеведения г. Пятигорск. Ф. 3179. Печатная стенограмма).

События в Грозном в 1918 году. Представитель Тифлисского краевого центра **Хареншвили** горячо убеждает съезд сделать

перерыв на короткий срок, чтобы наметить кандидатов в председатели съезда и его товарищи. Членов же президиума от отдельных групп мы можем избрать и потом — в вечернем заседании.

Ю. Пашковский: И я, от имени Терского Народного Совета, прошу съезд сделать это, ибо текущая работа, которая сейчас идет на всех парах, требует, чтобы мы, члены Народного Совета, сдали поскорее наши временные обязанности по ведению собрания постоянному президиуму съезда.

Прения прекращены. Вопрос о перерыве ставится вновь на баллотировку и подавляющим большинством перерыв объявляется на 15 минут.

Приветствие ингушей. После перерыва председатель Терского Народного Совета Ю. Пашковский оглашает во вне очередном порядке следующую телеграмму:

«Ингушский народ приветствует трудовые народы всех национальностей, населяющие Терскую область. Братья труженики! Мы, трудовой народ Ингушетии, с Вами вместе должны излечить те болезни, которыми страдаем мы все. Наглая контрреволюционная черная рука не дала возможности с вами вместе приехать в день открытия съезда. Но мы с вами и приедем к вам. Члены Совета от ингушского народа, **Котиев, Сохалов и Ахриев**».

Оглашенная телеграмма вызвала бурю аплодисментов. Раздается возглас «Да здравствует Ингушский народ!». Новый взрыв аплодисментов.

Заседание 18-го февраля. Стр. 25 …Заседание открывается в 10 ч. Утра. Председательствует **С. Такоев.** Слово для внеочередного заявления предоставляется депутату казаку Хитрову. Согласно регламенту, говорит председатель, Вам предоставляется 3 мин. Для внеочередного заявления. **Хитров** заявляет что он должен сделать очень важное сообщение и потому просит его 3-мя минутами

не ограничивать. Собрание постановляет не ограничивать пока срок речи Хитрова.

Хитров — Граждане! По закрытии вчерашнего заседания я услышал, что чеченцы напали на ст. **Романовскую и Ермоловскую**. Мне, как депутату от ст. Романовской это было особенно больно, и я тотчас пошел в Народный Совет и обратился к **т. Томову**. Но там мне ответили, что по частным сведениям мы не можем принимать никаких действий, нам надо официальное сообщение. Когда же я пришел в заседание Совета, то я убедился в справедливости тех сведений, какие мне рассказали. Я читал телеграммы, какие, если угодно, могу и Вам прочесть.

Голоса: просим, просим...

Хитров продолжает: атаман станицы Романовской телеграфирует Народному Совету, что 16 февраля в 5 час утра чеченцы повели наступление на ст. Романовскую. Сожжены гумна со стороны **ст. Самашкинской**, а также сожжена мельница **Раденко**. Убито наших казаков 12, ранено 20. Наступление отбито в 11 час утра.

Это сообщает атаман ст. Романовской, а вот что телеграфирует Грозненский военно-революционный комитет:

Сегодня, по донесению станицы Ермоловская и Романовская в пять часов утра были атакованы чеченцами. Путь между ст. Ермоловской и **Грозным** был разобран. Атака отбита. Сейчас идет артиллерийская и ружейная перестрелка. Чеченская артиллерия действует из **Алхан-Юрта**. Части хотят перейти в наступление. Согласно вашего распоряжения приказаний о наступлении не даем. Необходимо вмешательство съезда. Ждем точных распоряжений.

Я, продолжает Хитров, обращался к члену Совета **Бабкову**, и тот мне сказал, что меры приняты уже. Казачья фракция уполномочила меня переговорить с председателем Совета, но тот мне ответил также, что меры приняты и поэтому съезду пока говорить об этом нет необходимости.

Я не оратор, но не могу молчать. Ибо дальше терпеть те насилия, грабежи и убийства, какие наши станицы терпят сейчас, немыслимо.

Я хочу сказать, что инициаторы нашего съезда не поставили первым наш самый главный, самый наболевший вопрос — война или мир. Мы сидим уже третий день, выслушиваем всякие заявления, то о Терско-дагестанском правительстве, то о круге, а вот о войне и мире, о нашем неотложном вопросе никто не говорит. Вчера я подал записку в президиум с запросом, когда же нам сообщат о результатах мирных переговоров!

Председатель мне сказал, что это сделает в докладе представитель Народного Совета. Но теперь, к счастью, я имею уже этот ответ, который мне дали из ст. Дубовой и могу его вам прочесть.

Голоса: просим, просим...

Хитров читает:

Выписка из протокола заседания Чеченского Народного совещания от 3 февраля 1918 года.

№ 1. Рассмотрев наказ делегации Моздокского съезда народов от 28 января с. г., доложенный председателем народного совещания **Ахметханом Матушевым**, совещание постановило:

По № 1 наказа выразить согласие. По 2 и 3 №№ наказа постановлено не препятствовать восстановлению железнодорожного пути и телеграфа, если будет обеспечено прекращение военных действий со стороны казаков. Это условие вызвано видимым неподчинением казаков Моздокскому съезду.

По № 4 выражено единогласное согласие, однако чеченский народ полагает, что практическое осуществление выдачи воров и разбойников может состояться только после установления трудовыми народами Терской области твердой области.

По № 5 чеченский народ полагает, что контр -революционеры должны быть судимы со всей строгостью и настаивая на этом, предлагает немедленно создать смешанную следственную комиссию для всей территории Терской области.

По № 7 наказа Чеченский народ выражает полное согласие, признает вооружение и арсенал **крепости Ведено** общегосударственным достоянием. Вместе с тем чеченский народ

полагает справедливым требовать, чтобы все артиллерийское и иное огнестрельное вооружение, состоящие у казаков, как общегосударственное достояние, было бы одновременно сдано в склады под смешанной охраной, состоящей из всех народов Терской области, так как все вооружение казаков казенного происхождения.

По №8 наказа чеченский народ, по соображениям религиозного характера, требует чтобы обмены пленных и выдача трупов состоялись немедленно. Подлинную подписал председатель чеченского народного совещания **А. Мутушев** скрепил секретарь **Арсунукаев**. Председатель Военного Совета Гребенского отряда, Полковник **Бочаров**. Дежурный член военного совета **М. Заичкин**.

Теперь мы знаем ответ чеченцев. Вот результаты к каким привели наши мирные переговоры. Граждане, кто довел нас до этой войны. Это наши деспотичные правители **Николаи** и **Караулов**. У меня имеется памятка Гребенца, в которой помещена резолюция Николая на докладе бывшего войскового атамана **Флейшера** о том, что казаков все время беспокоят чеченцы своим грабежом и насилиями. Николай, вместо того, чтобы обратить эту несправедливость внимание и принять меры, написал: По моему личному мнению такое соседство поддерживает в казаках их дедовскую доблесть. После Николая, мы имели казачьего защитника **Караулова**, который если не натратил чеченцев на нас, то вооружил их, зная отлично, что чеченцы считают нас казаков, своими заклятыми врагами, а землю, на которой мы живем, своею собственной.

Не начальники нужны теперь там, а мы сами, наш съезд. Мои станичники, братья, сидящие в окопах от мала до велика, мой отец 80 лет, они считают, что единовременный способ добиться прочного мира, это покорить чеченцев. Наши станичники ждали меня как Исуса, с Моздокского съезда, думая, что я привезу им долговечный и прочный мир. Но я считаю, что я не выполнил своего обязательства перед пославшими меня сюда.

Здесь говорили, что мы ели хлеб, соль и чурек по-прежнему. Мы ели с ними чурек, но чеченцы каждый день нападали на нас. Казаки, пославшие меня, говорят, что остается только одно — встать всем оружием в руках и побить их и выгнать их в горы что ли. Но я думаю, что это недействительная мера. Если мы их выгоним в горы, то они снова будут нападать на нас. Поэтому единственная мера — это разоружить их всех поголовно до последнего ножа. Я знаю, что если они и согласны добровольно сдать оружие, то сдадут самую малую часть, да и то поржавленного или кремневого. Но надо с ними так поступить, как Слепцов, которого они боялись как огня. Пусть они знают, что объединенная демократия сумеет наказать их.

Но если съезд и Народный Совет не пошлют нашей станице вооруженную помощь, то я имею наказ просить о переселении. Если не будет сделано ни того, ни другого, то 4 тысячи казаков ст. Романовской не признают этого съезда и мне останется только уехать домой, чтобы сделать доклад, похоронить своих братьев и защищать свои очаги.

Часть собрания аплодирует после речи Хитрова. Съезд постановляет открыть прения по заслушанному внеочередному заявлению.

Елисеев — козак. Я из Сунженской линии, где с самого начала лилась кровь. Казаки не хотели войны. Но я сообщаю, что все средства к миру исчерпаны. Когда Моздокский съезд посылал мирную делегацию, то казаки на это согласились, но уже в последний раз. И мы говорили своим станичникам, чтобы они не выходили из окопов и ждали результата мирных переговоров. Но 12 февраля казак со **ст. Карабулакской** выехал за сеном, и был взят в плен вместе с лошадью, 13 февраля убит казак станицы **Нестеровской**, того же 13 февраля были ранены два казака ст. **Ассинской** и один из них умер.

А затем чеченцы подбросили нам письмо, в котором они требовали перейти в их веру или убраться отсюда.

Портаев — казак читает протокол заседания казачьей фракции 17-го февраля. «Вынесено следующее постановление по вопросу первой программы областного съезда.

1. Организовав часть войска в составе 2-х батальонов из всех национальностей для заслона всей Сунженской линии, а там же, где понадобиться от разбоев и грабежей чеченского и ингушского абречества и для подавления контр-революционеров.

2. Командировать делегацию для агитирования среди ингушского и чеченского народа для внимания мирной делегации.

Председатель **Такоев**. Сейчас в президиум поступили 2 телеграммы, которые я считаю необходимым огласить немедленно.

Телеграмма первая. Председателю Народного Совета **Пашковскому**. Делегация сегодня утром отправилась в Базоркино, где ее ожидала ингушская делегация для того, чтобы выехать в Пятигорск. В момент выезда нашей делегации из города произошел инцидент между ингушами и осетинами, жертвою которого пали три ингуша и одна женщина. Инцидент произошел вследствие недоразумения. Недоразумение выяснилось, но настроение тревожное. Работает черная рука, усилия которой направлены к тому, чтобы создать условия, при которых невозможно была бы поездка ингушской делегации. Ингуши заявили, что несмотря ни на что они посылают свою делегацию на съезд, чтобы доказать всем не понимающим ингушского народа, что он хочет мира и идет с демократией. Завтра утром делегация вместе с представителями города едет в **Базоркино** за ингушской делегацией. Провокация работает усиленно. **Сахаров**, **Кесаев**.

Вторая телеграмма из Грозного. Пятигорск, Народный Совет. Сегодня товарищ Каграманянц имел свидание с представителями чеченского народа. По словам делегации, чеченский народ горячо откликнулся на приглашения Народного Совета. На съезд в Пятигорск идут выборы по аулам. Делегаты к вам выедут через принятое. О дне выезда сообщат нам.

Слово предоставляется члену временного совета казаку **Сомову**.

Сомов. Товарищи Казаки. К великому сожалению я не мог слышать речей предыдущих ораторов, которые были направлены главным образом, ко мне, как заведующему военным отделом в Народном Совете. Действительно, телеграммы, о которых говорил один казак, имеются и положение около Романовской и Ермоловской тревожное. Но Народный Совет принял меры к охране указанных станиц. Детально о них я не буду говорить, ибо они все-таки военная тайна, но скажу вообще, что охрана границ, прилегающих к Чечне усилена.

Теперь я обращаюсь ко всему съезду от имени казаков, что последних надо понять. Казаки три года гибли под огнем империалистической войны и наконец вернулись домой. А здесь они попали сразу в не менее тяжелую атмосферу гражданской войны. Но блеснул луч, трудовые народы поняли, что единственный способ локализовать гражданскую войну, это есть единение трудящегося народа. Был создан Моздокский съезд. Казаки, имея строгий наказ, не вступать уже ни в какие мирные переговоры, все-таки согласились еще раз принять в них участие, убежденные голосом демократии всей области. Казаки отступили от наказа и сделали это в силу единения всей демократии.

Результат мирных переговоров с Чечнею вам известен — в общем они ни к чему не привели. Но сейчас получены телеграммы, что приезд ингушей задерживается только благодаря работе провокационных сил, и что в Чечне идет горячая работа по выборам делегатов на Народный съезд.

Казаки говорят, что наступил решительный шаг. Да. Но пусть это не будет понято вами так, что казаки решили бесповторно начать войну. Они знают, что не весь чеченский народ, а только темные силы повинны в нападениях и грабежах. Но казаки волнуются, они требуют, чтобы были приняты решительные меры к безопасности их станиц, чтобы они могли здесь спокойно работать. Необходимо поставить заслон из смешанного отряда. Пока этого не будет, пока против вооруженных шаек или вернее, контрреволюционных сил

не будет сил не будет поставлен заслон — казаки не успокоятся. Казаки знают, что среди чеченцев, есть искренние сторонники мира. Но они также знают, что темные силы до тех пор будут успешно работать в темных массах Чечни, пока не будут поставлены силы. Казаки требует немедленной организации смешанного отряда на границе с Чечней, стены, о которую разобьются шайки абреков и темные силы.

Аплодисменты, главным образом казачьей фракции.

Сомов. Упомянув слегка о мирных переговорах, я подробно не касался их потому, что вам это должно быть известно из газет и прочее. И сообщу Вам только о краеугольном камне, который помешал успеху переговоров с чеченцами. У нас был наказ, где последним пунктом был первым, говоря, что остальные пункты для них не имеют значения и на них всегда сойдутся. Но мы не имели полномочий изменить наказ, а потому ничего из переговоров и не вышло.

Вопрос: С кем вы говорили?

Сомов: Прямо с чеченскими передовыми массами мы не могли говорить, нам пришлось говорить с муллами.

Голос: Прочтите письмо Мутушева.

Сомов: У меня его нет с собою.

Соколов: Я был участником мирной делегации, которая ездила к ингушам. Подробности этих переговоров вам известны. Я только укажу на одно важное обстоятельство — о восстановлении ж. д. линии между Бесланом и Грозным. Но ингуши поставили условием, чтобы никаких передвижений войсковых частей в сторону Ингушей не делалось, и не было бы там бронированных поездов. И тогда они ручаются за выполнение всех пунктов мирного наказа.

Даже выстрелы у Карабулака не мешали мирным переговорам. Мирная делегация как бы их не слышала. Но наказ мы представили не как ультиматум, а как просто пункты известного соглашения. Но члены Народного Совета, избранные от Ингушского народа не приехали по чисто техническим причинам. Они требовали тогда

гарантии безопасного проезда, но мирная делегация не мог дать им тогда таких гарантий. Но тогда же мы все время чувствовали, что нам кто-то мешал. Появился даже представитель военного союза, «военная мусульманская шура» как ее называют и требовал себе решающего голоса. Но когда между нами и ингушскими массами не было посредников, то соглашение быстро достиралось по всем пунктам.

Доклад военной секции. Съезд переходит к заслушанию доклада представителя военной секции, т. Полежаева, по вопросу об организации смешанного заслона на Сунженской линии, который был передан в секцию в срочном порядке вчерашним постановлением съезда.

Полежаев. Так как вопрос этот был не совсем ясен для военной фракции, то она пригласила в свое заседание делегата Грозненского в. — р. Комитета. И если мы сперва думали, что события около Ермоловки и Романовки есть простое абречество и хулиганство, то после доклада делегата Грозненского в. — р. Комитета, мы убедились, что чеченцы ведут правильные бои позиционного характера с защитниками станиц при помощи орудийного и пулеметного огня.

Затем военная секция признала подлежащими охране линии Тарскую, Сунженскую, Беслан, Грозный, **Гудермес**, Хасав-Юрт, а в первую очередь соорганизовать отряд для защиты линии: Грозный — Ермоловская — Романовская — Нестеровская.

Эта линия простирается на 50—60 верст, и секция признала необходимым немедленно послать туда 6 кавалерийских и 2 пехотных полка с пулеметами и артиллерией.

Заслон же всей линии сделать из смешанного отряда, в состав которого вошли бы: из осетин и кабардинцев по 2500 человек, от балкарцев 500 человек, от казаков 3000 человек и от иногородних 4000 человек, а всего 12500. Вопрос же о продовольствии и снабжении этого отряда необходимо передать на разрешение продовольственной секции.

Но посылаемый отряд отнюдь не должен быть наступательным. Его задача — только предохранять от пролития напрасной крови до разрешения вопроса о войне съездом.

Другой член военной секции вносит поправку в доклад т. **Полежаева** и говорит, что указанный в докладе отряд из 6 кавал. И 2 пехотного полка является главным отрядом. В первую очередь решено немедленно двинуть туда 4 казачьих полка.

Наконец вопрос ставится вновь на баллотировку, и подавляющим числом голосов решается заслушать доклад т. **Мельникова** без оглашения документов, каковые передать в военную комиссию.

Мельников. Я прибыл сюда из Грозного, где события разгорелись уже так, что дальше терпеть нельзя. Наши советы Грозненский и Карабулакский, еле сдерживают войсковые части от выступления с целью войны.

В ночь с 15 на 16, чеченцы разобрали два пути и выступили против Ермоловской. С ними были и ингуши, ибо в кармане одного из убитых нашли полковую книжку, в которой сказано, что он всадник первой сотни конного ингушского полка. Но так как в окопах сидели строевики, да еще с пулеметами, то нападение было отбито. Тогда чеченцы открыли пальбу из пушек, но это не причиняло вреда.

Грозненские войсковые части хотели идти в наступление, но совет не позволил. Теперь же получены сведения, что они все-таки выступили и уже громят аул Новые Алды.

Я просил бы поэтому в первую очередь поговорить об этом, а не о власти. Война у нас или нет? Грозненский комитет просит Вас вмешаться немедленно в это дело, немедленно в это дело, немедленно послать помощь вооруженной силой и продовольствием.

Председатель Анджиевский. Сообщает, что записал 19 ораторов. Вносится предложение о закрытии списка ораторов и другое об ограничении времени речей. Один из депутатов заявляет, что

президиум совершенно не придерживается регламента, поэтому заседания так затягиваются.

Косолапов. Другой представитель Грозненского в. — р. совета говорит что нам предстоит разрешить не вопрос местный, а вопрос государственного характера. Предыдущий оратор говорил, что надо послать делегацию, а не вооруженную силу. Я должен сказать, что если бы эти события происходили где-нибудь в другом месте, а не в Грозном, то может быть делегация и помогла бы. Но у нас страсти так разгорелись, что без вооруженной силы делегации вряд ли сумеют что-нибудь сделать. Здесь оглашали телеграммы, что в Чечне идут выборы депутатов на съезд. Но мы знаем, что там одновременно работает и черная рука, и если мы не сумеем этой черной руке противопоставить нашу силу, то мы рискуем, что рука поставит нас в безвыходное положение. Согласно нашему наказу, мы просим вооруженной помощи не для наступления, а только для заслона. Под защитою этого заслона мы можем и не вели, они ни к чему не приведут. Один из ораторов говорит, что прежде чем девать им наши силы, надо знать, какая власть ими будет распоряжаться. Но мы имеем власть, ибо продлили полномочия народному совету и нам остается только просить его и военную секцию выделить достаточные силы для заслона. Иначе, товарищи, погибнут те огромные богатства, какие имеются в Грозном, и целость которых имеет общегосударственное значение.

Хитров. Если мы будем решать вопросы, какие стоят на повестке дня, то нам может быть не удается их решить вовсе. Ибо как только чеченцы и ингуши сметут Сунженскую линию, то и нам здесь будет мало места.

Наказ комиссии поручается выработать президиуму съезда. В президиум подан следующий протест:

В виду того, что Моздокский съезд высказался вполне определенно о мирных переговорах с чеченцами и ингушами именно в том смысле, что переговоры с чеченцами и ингушами должны окончиться раз и навсегда, если они не примут требований

Моздокской мирной делегации, и что, в противном случае вопрос будет решен оружием, я решительно протестую против новых мирных переговоров с чеченцами и ингушами, тем более, что на этом съезде не представлены избранники от чеченцев и ингушей. Депутат станицы Барятинской, **Бухтияров**.

Слово предоставляется члену Закавказского центра т. Харкешвили, который вначале своей речи приветствует съезд от имени Закавказского центра советов рабоч., солд. и крест. депутатов.

Харкешвили. ...Я должен свидетельствовать, что бог христианский, многомилостив и сострадателен, и он направил посланника своего в город Ниниевин с предупреждением, что еще сорок дней и город будет наказан. Но город этот поклялся и прошло 40 дней, а он не был наказан. И когда посланник стал возмущаться этим, то Бог сказал ему: «Истинно говорю тебе, что в этом городе имеется 120 тысяч человек, которые не умеют отличить правой руки от левой. Я прошу вас, товарищи, говорит оратор, обращаясь к некоторым депутатам, над моими словами не смеяться, ибо ничего особенно смешного в них нет. И вот, товарищи, нам сообщали, что чеченцы подбросили нам письмо, в котором писали, чтобы мы приняли их Коран уходили отсюда. Что же нам остается делать, уходить ли действительно отсюда, как говорил Христос «бегством вашим спасайте жизнь вашу». Или нам надо действовать по завету Христа «Когда тебя ударят в левую щеку, то ты подставь правую». А если мы выйдем из нормы, то примем Коран и тогда нам может быть удастся спастись. Но мы знаем указание в писании: «Око за око, зуб за зуб».

Власов. ...Положение в Терской области ужасное, пожар разгорается с каждым днем и на арене нашего спора и здесь и в Моздоке носятся имена, трех народов: казаков, чеченцев и ингушей. Казаки говорят, что их грабят и жгут ингуши. Но кто такие ингуши? В 1905 г. в Белостоке сбрасывали людей с 4 и 5 этажей,

а ингушей там не было. Это делали мы русские. Чеченцы и ингуши это не народ, не они с нами, а те темные силы, которые сидят во Владикавказе, в крепком месте. Туземная дивизия еще не распущена и я вам скажу, что там я видел не одних туземцев, а таких же русских, как я сам. Товарищ Портаев спрашивает, перед кем провинились казаки? Я ему отвечу — они провинились перед буржуазией. Никто из сознательной демократии не бросает казакам упрека, но мы не можем бросить упреков ингушам и чеченцам. Мы собравшись сюда должны решить все вопросы — о земле, национальный вопрос и прочие.

Киров. ...Мы зовем всех трудящихся к объединению, и я далек от мысли возлагать ответственность за все то, что происходит в области, на ту или иную национальную группу. И те, кто говорит, что в этом повинны ингушский и чеченский народы — те творят политическое преступление. Но я говорил, что также преступно считать и все казачье население враждебным по отношению к туземным народам. Я говорил о горячих головах казаков и горцев, и говорил не без основания. Тот, кто знает события в Грозном, кто считал об этом в газетах, тот помнит вероятно, как около Назрани Ингушская молодежь бросалась с винтовками на пассажиров поезда, и как старики ингуши удерживали их и спасали русских и казаков, закрывая полами своих черкесок, своим телом. Вот горячие молодые головы из ингушей. Но и среди казаков есть такие головы. В моем распоряжении имеется документ, источник которого я не хочу называть, но который отлично известен многим казакам... И когда я говорил о четырех кулаках, то один из казаков почему-то решил, что четвертым нежелательным и самым опасным кулаком являются казаки. Надо помнить мои слова. А я говорил, что если в нашем единении не будет хоть одного народа, то оно никогда не будет прочным. И вот теперь, когда опасности надвигаются со всех сторон, если бы мы приняли в нашу семью тех, кто уже просится к нам, этот новый кулак был тою самою, которая помогла бы нам окончательно упрочить дело революции. Надо отбрасывать племенные различия,

надо собрать ягнят всей демократии в одну семью силою, и ни одного волка буржуазии в эту семью не пускать. Ибо в момент отстрой опасности этот волк может всех нас поссорить. И я утверждаю, что среди чеченцев и ингушей есть непобедимое стремление быть с нами, в нашей семье. Но у них много волков и они ходят в причудливых шкурах. И вот эти волки мешают чеченской и ингушской демократии слиться с нами. ...Товарищи чеченцы и ингуши, поднимем наш меч и подрубим ту ниточку, на которой висит домоклов меч, занесенный над нами. Пригвоздим к позорному месту тех, кто приготовил нам этот меч.

От имени социалистического блока приветствует ингушей и чеченцев Киров, занимающий трибуну под шумные аплодисменты съезда.

Социалистический блок ни одной минуты не сомневался в том, что дело демократии Терской области будет горячо поддержано, как ингушским, так и чеченскими народами.

Речь представителя чеченского национального совета Шерипова. Я рад приветствовать свободный съезд свободных народов Терской области от имени чеченского народа.

Шумные и продолжительные аплодисменты.

Приехав в Пятигорск, наблюдая за настроениями депутатов, за их речами, мы вынесли впечатление, что наш приезд вместе с ингушами был встречен с братской приветливостью. В ответ на это я должен сказать, что положение в Терской области сейчас таково, что не приехать на этот съезд чеченцы и ингуши не могли.

Вы знаете, что во времена самодержавия всем было тяжело, но настоящими пасынками императорской России были Чеченцы и Ингуши. Вместе с социальным гнетом, они терпели и гнет национальный. И вполне понятно поэтому, что после революции их желания и требования пошли по линии национальной.

Но когда оба эти народа подошли к разрешению социальных вопросов, то они увидели, что помимо национального объединения, есть еще международное, социалистическое. Действительное

международное объединение в Терской области началось недавно и это начало было положено Терской демократией на Моздокском съезде.

В то время, как верхи наши говорили, идите бить тех, кто вас когда-то обижал, берите ту землю, которая вам когда-то принадлежала, в самом народе началось движение, и народ, чувствуя, что дело здесь в чем-то ином, стал метаться в поисках выхода.

И когда прибыли первые вестники от Моздокского съезда в народе произошел окончательный переворот в настроении — от войны к миру. И всей Терской демократии и Моздокскому съезду чеченский и ингушский народы обязаны тем, что по всей линии соприкосновения этих народов с другими не льются потоки человеческой крови и не светит на далекое пространство зарево пожара.

18-го числа начались выстрелы из Грозного по аулам, но мы по всей нашей линии дали приказ не отвечать на выстрелы. И мы не стреляли. Но на другой день началась артиллерийская стрельба из Грозного, хотя из наших аулов, повторяю, не было дано ни одного выстрела, а пушки были поставлены за бензиновыми баками. И хотя мы посылали в Грозный письма с пленными, чтобы город не вмешивался в наши дела с казаками, что против города мы ничего не имеем и не будем иметь, — стрельба продолжалась.

Тогда вокруг наших пушек собралась большая толпа чеченцев и потребовала, чтобы мы открыли стрельбу по бакам с бензином. Нам больших трудов стоило уговорить народ не делать этого. А вечером, мы боясь, что толпа все-таки силой заставит нас стрелять, вывезли пушки на другое место, при чем снаряды тащили на своих плечах.

Что было около Романовской ингушский национальный совет отозвал с той линии всех своих офицеров и банды разбойничьи сами произвели нападение. А здесь это трактовалось, как организованное наступление чеченцев. К этому выводу пришел,

к сожалению и председатель военной секции съезда, гражданин Полежаев. Это не осторожно, это не демократично. А то, что до нападения на Романовку казаки напали на **Хадис-Юрт**, это вам не было известно, а между тем это так.

Дополнительно о событиях между **Грозным и Новые Алды** должен сообщить, что здесь получены две телеграммы: одна за подписью председателя следственной комиссии съезда, в которой говорится, что чеченцы начинали первые стрелять, другая же за подписью Сорокина, без подписи председателя следственной комиссии, в которой говорится, что чеченцы начали стрельбу первыми. Я прошу вас обратить на это внимание.

Заседание 3-го марта. Съезд заслушивает доклад чрезвычайной следственной комиссии, которая была командирована в г. Грозный для расследования обстоятельств столкновения у ст. Ермоловской и Романовской.

Следственная комиссия выехала из Пятигорска 19 февраля в 12 час.; прибыла она в Грозный 20 февраля вечером; в тот же вечер грозненской военно-революционной организацией был сделан доклад о событиях последних дней; начальник гарнизона гор. Грозного, начальник штаба военно-революционного совета также сообщили имевшийся в их распоряжении материал.

По сведениям, полученным в Грозном, 16 февраля в 5 часов утра чеченцы, по словам станичников станицы Романовской, в числе 5—6 тысяч человек сделали нападение на станицу Романовскую. Это нападение грозило совершенным уничтожением станицы, но к счастью для станицы чеченцы сделали ошибку — они, подходя к станице подожгли сенники. Станичники, увидя зарево, подняли тревогу и бросились к окопам. Начался ружейный огонь. Противник, освещаемый заревом был прекрасно виден казакам, а казаки были незаметны из-за огня в окопах. Если бы не оплошность чеченцев наступавших на станицу, то от станицы ничего бы не осталось. Чеченцы, поражаемые метким огнем казаков было немного

8 убитых и 16 раненых. Жертв со стороны чеченцев больше: 53 убитых и 25 раненых. Комиссия осматривала окопы и видела кровь, пролитую в этой ужасной гражданской войне.

— Не будь зажжены сенники, говорит Бичерахов, от станицы Романовской ничего бы не осталось.

Побывала комиссия на мельнице Руденко; убытки, причиненные наступлением чеченцев оцениваются в 250 тыс. рублей.

Убытки причиненные пожаром станице Романовской определяются суммой в 476 тыс. рублей.

Что побудило чеченцев совершить нападение на ст. Романовскую?

Следственная комиссия поэтому поводу материала не имела. На вопросы, делавшиеся чеченцам, чеченцы ответа не дали. Наступление на Романовскую было вполне организованное. Без сомнения наступавшими руководили люди, знакомые с военным делом и бывшие на фронтах. Чеченцы повели наступление 3-мя колоннами. Наступавшие были предусмотрительны: телеграфное сообщение с Грозным было прервано, желездорожный путь был разобран. Не учли нападавшие одного обстоятельства, что существует телефонный провод со станицей Ермоловской, а отсюда с Грозным. Ермоловцы немедленно послали первую сотню, но от Грозного к Романовской нападавшие сделали заслон.

Что касается Грозного, то стрельбы по нему в момент нападения на станицу, не было. Сидевшие в окопах услышав стрельбу стали нервничать. Окопники обратились к начальнику гарнизона за разрешением идти в наступление на Алды. Начальник гарнизона, боевой офицер, как подчиненный революционному штабу, ответил, что разрешения дать не может, пока не получит приказания. Окопники ответили, что они сами перейдут в наступление без разрешения. Наступление носило несерьезный характер. Убито было со стороны окопников 2, ранено 6.

Собирая таким образом материал, делегация могла быть односторонней. Необходимо было слышать и другую сторону.

23 февраля удалось устроить свидание с представителями чеченцев. На автомобиле следственная комиссия была доставлена в историческую местность **Курган**.

Здесь ее встретили представители народа и члены национального совета, окруженные толпой человек в 200—300. После приветствий по магометанскому обычаю, члены следственной комиссии приступили к беседе и начали задавать вопросы о нападении на ст. Романовскую и звали чеченцев на съезд в Пятигорск. Среди представителей были бывший член государственной думы **Эльдерханов** и студент **Чуликов,** которые живо интересовались работой съезда.

Мы хотели разбиться на мелкие группы, чтобы начать беседу в недалеко расположенных саклях на мельнице. Но народ зашумел и заявил, чтобы все переговоры шли публично. В это время показалась группа всадников и к нам подъехал в сопровождении всадников известный чеченский социалист **Али Митаев**. Он произнес горячую и прочувственную приветственную речь. Он заявил, что отец его за свои убеждения понес от русского правительства тяжелую кару. Али Митаев убежденный социалист. Он говорил, что только теперь трудовой народ начал отмежевываться от верхов. Необходимо принять все меры, чтобы эта классовая борьба скорее выявлялась и отмежевание закончилось. Он убежден в близости часа, когда все народы Терской области заживут мирной братской жизнью. **На вопрос — где Мутушев — Митаев ответил, что в данное время Мутушев не у власти**. Представителями чеченцев был поднят вопрос о сообщении им списка военно-пленных. Список этот чеченцам был сообщен; от них же списка их пленных до сих пор комиссия несмотря на обещание, не получила. К концу беседы около комиссии собралось чеченцев 700—800 человек. Среди чеченской толпы были фанатики, которые настаивали на том, чтобы покончить с делегацией.

Фанатики схватывали винтовки, чтобы пристрелить делегатов, но благоразумные чеченцы набрасывались на них и были тут же

на глазах. **Митаев сам, с нагайкой в руке бил нещадно таких фанатиков.**

Когда члены комиссии возвращались в Грозный, то не раз видели, как из-за кустов выскакивали чеченцы-фанатики, брали винтовки за изготовку, но чеченцы, охранявшие делегацию, всегда предотвращали выстрелы.

Что же происходит среди чеченцев?

По имеющимся сведениям в чеченских аулых не редкость стрельба между собою. Слышанную со стороны аула Новые Алды стрельбу делегации объяснили, что среди чеченцев имеются две партии — партия войны, и партия, которая борется за мир. Говорят, что последняя имеет большой успех и должна победить.

Бичераховым в бытность его в Грозном было получено через грозненский военно-революционный совет от представителя дагестанской почетной делегации Шейх-Узун-Хаджи письмо следующего содержания, помеченное 25 февраля.

«В дополнение моего письма от 21 февраля за № 2 сообщаю народу Терского казачества, что я прибыл в Чечню с почетной делегацией и регулярными войсками с целью прекращения гражданской войны, выяснения причины возникновения братства между соседями чеченцами и казаки на началах дарована свободы. Порученная нам дагестанским народом задача состоит в следующем:

1. Восстановление полного порядка, спокойствия и твердой власти в Чечне, Ингушетии и по возможности на всей территории Терской области.

2. Передача главарей разбоев, грабежей и зачинщиков гражданской войны справедливому суду.

3. Освобождение мирного населения от насильственного принуждения к бесплодной гражданской войне.

Для приведения изложенного в исполнение имею в своем распоряжении силу и средства и на помощь готов весь дагестанский народ.

Ввиду изложенного прошу соседних казаков прекратить сего числа перестрелку с чеченцами, на что призываю и последних; прошу возможно скорей приготовить поверенных с установлением мира и прислать их для переговоров. О времени получения сего письма и к которому числу казачество может прислать уполномоченных, прошу по возможности скорей, если это возможно, даже завтра, сообщить. О прекращении боев со стороны чеченцев мною приняты экстренные меры **Шейх-Узун-Хаджи**.

Настоящее письмо было напечатано в большом количестве экземпляров и разослано по всей Сунже. Так как делегация явилась следственной комиссией, то каких-либо окончательных переговоров о мире не была уполномочена производить. Попытки видеться с Шейх-Узун-Хаджи комиссия делала, но явиться на место переговоров не смогла, т. к. была лишена возможности выбраться из Грозного.

— Когда мы снова хотели выехать из Грозного, то окопники нас не пропустили, говоря, что ни в какие мирные делегации они не верят. Несмотря на то, что комиссию сопровождал тов. председателя военно-революционного совета, окопники дошли до того, что пригрозили нам ружьями. Принуждены были вернуться в Грозный. Сделано было собрание представителей окопов и все 13 окопных участков дали свое согласие на пропуск. Но и это ни к чему не привело. Окопники, находясь под влиянием улицы, все-таки нас не пропустили. Начальник одного из участков отказался нас сопровождать, говоря, что сидящие в окопах все равно их не пропустят.

В Грозном следственная комиссия обошла те помещения, где содержатся военно-пленные чеченцы. Положение военно-пленных требует улучшения. Делегаты нашли одного старика чеченца 70 лет, который просил освободить его и дать ему умереть среди своих; среди пленных есть женщины с детьми и даже женщины в последнем периоде беременности. Особенно поразила делегатов тюрьма, в которой также находятся пленные; в тюрьме сырость,

холод. Питание пленных невозможное. Делегат просит съезд разрешить вопрос о пленных таким образом, чтобы облегчить их неволю, а стариков и женщин освободить. В тюрьме в последнее время началась эпидемия тифа сыпного.

Чеченцы обстреливают Грозный из старых Веденских орудий. Снаряды их особого вреда не причиняют… Обычно они шлепаются в землю и, уткнувшись шипят, не разрываясь. Обстреливают чеченцы станицу Грозненскую и Щебелиновку. Объясняетсяэто тем, что половина домов в Грозном чеченских. Обыкновенно с утра чеченцы выпускают несколько снарядов. Это нервирует окопников, те открывают ружейную стрельбу. Затем чеченцы делают перерыв до 12 часов дня, когда снова открывают бомбардировку.

Следственная комиссия, получив 25 февраля от представителя Шейх-Узун-Хаджи приглашение через два дня явиться для переговоров на Курган, выехать не могла. Поездке мешала то бомбардировка, то окопники прямо заявили:

— Убирайтесь вы к черту.

Докладчик делает из всего виденного и полученных делегацией сведений вывод, что ни у нас ни у чеченцев нет власти. С делегатами, как с избранниками не желали считаться. По-видимому, то же происходит и у чеченцев.

— Это печально, но это верно, — говорит докладчик.

В посылке новых мирных делегаций на Сунжу нет нужды. Эту делегацию могут встретить с бранью, даже изобьют.

Следственная комиссия пришла к тому заключению, что необходимо установить заслоны как со стороны Сунжи, так и со стороны чеченцев. Необходимо, чтобы для заслона были посланы войска, хорошо дисциплинированные. Если не будет дисциплины, то эти заслоны сами будут переходить в наступление, когда им вздумается.

Докладчик приводит в пример посылку гаубичной команды в Грозный. Через два дня после прикрытия команда заявила, что не желает сидеть сложа руки и открыла огонь. Чеченцы ответили

пожаром. Они подожгли два бака с нефтью гражданина **Бондаренко**, вместимостью 200 тысяч пудов.

— Спасение будет только в посылке заслонов из нейтральных дисциплинированных воинских частей.

Следственная комиссия использовала все пути для мирной ликвидации гражданской войны. Ею были разосланы воззвания «Ко всем казакам и военно-революционным советам на Сунже».

В этом воззвании, между прочим говорится: «Вековая вражда чеченцев и казаков является плодом земельного неустройства. Обиженной стороной в этом отношении, нужно сказать правду открыто, являются чеченцы. Только на этой почве и только этим объясняются постоянные грабежи со стороны чеченцев. Всякий из них знает, что преступником никто не рождается, и что преступников создает среда — с одной стороны, и экономические условия жизни — с другой стороны. Если Пятигорскому съезду удастся благополучно разрешить земельный вопрос в области, тогда уверенно можно сказать, что будет вырвана с корнем хищническим набегам чеченцев. Итак, первым вопросом успокоения края, по мнению комиссии, является вопрос земельный. Разрешение этого вопроса должно быть поставлено в первую голову, что и сделал Пятигорский съезд.

Но для того, чтобы этот вопрос разрешить, необходимо полное представительство всех наций. От чеченцев на съезде по количеству населения должно быть около 150 делегатов, а между тем на съезде всего один делегат. Происходит это потому, что чеченцам со всех сторон закрыта дорога на съезд. Комиссия обращается с горячим призывом ко всем казакам и гражданам Сунжи не иметь препятствий к проезду чеченских делегатов на съезд. В этот исторический час вся ответственность за это падает на нас — русских.

Следственная комиссия своими глазами убедилась во время переговоров в Новых Алдах, что среди чеченцев имеется небольшая группа безответственных со стороны некоторых чеченцев

прикончить на месте со следственной комиссией, но за то мы были свидетелями того, что большая часть чеченцев является сторонниками мира, и на наших глазах нещадно били тех, кто имел желание покушаться на жизнь членов комиссии.

Бичерахов, говоря о положении дел в Грозном, рассказывал, как при нем члены военно-революционного грозненского совета брались руками за голову и говорили:

— До чего мы дожили.

— Полный развал, — говорит Бичерахов, — Власти нет. Командует улица.

Малютин. Я хотел бы спросить докладчика, с какой стороны начались выстрелы, когда уехала следственная комиссия.

Бичерахов. Я вам граждане нарисую общую картину. Утром, часов в 6—7 чеченцы открывают орудийный огонь, а потом открывают огонь и наши батареи. Открывают огонь первыми чеченцы, а наши отвечают и так происходит каждый день.

Шерипов. Мне бы интересно было задать товарищу докладчику вопрос, что наши пленные содержатся в сырой тюрьме он сказал, а про пищу ничего не говорил.

Бичерахов. Я уже говорил, что пища пленным отпускается неудовлетворительная. Но я попросил военно-революционный совет, чтобы он выпустил их из тюрьмы и перевел в другое место.

Шерипов. Товарищи и граждане! Освещение следственной комиссии совпадает с тем, что я говорил здесь на съезде, в Народном Совете и в социалистическом блоке. Я говорил везде, что на ст. **Романовскую** наступление было неорганизованное. Это подтвердил один из товарищей, прибывший раньше Бичерахова, который сказал, что некоторые из наступавших чеченцев были с **граблями и вилами**, вместо ружьев. И это подтвердят сами казаки, очевидцы. Очевидно, что эти были из горных аулов, а именно из Веденского округа.

Я вижу теперь, что здесь докладчику задается очень много вопросов и все эти вопросы сводятся к тому, что одна группа хочет

обвинить другую. Я вас, граждане, предостерегаю, чтобы этого не было ввиду того, что не успокаивает народ, только ожесточит. Я думаю, что масса Чечни тоже скоро поймет, что интересы буржуазии не сходятся с интересами демократии. Но таким образом, т. е. войной, она ничего не достигнет. И в войне могут погибнуть все интересы демократии. И все вожди и проповедники социализма принуждены будут сделаться обыкновенными рядовыми.

Я знаю настроение масс, и хорошо изучил свой народ, и если будет война, то она будет жестокой, взятые чеченцами станицы не будут пощажены и наоборот, взятые казаками аулы пощажены тоже не будут. В войне пострадают только бедные люди, богатые же будут сидеть в укромных уголках. И вот для того, чтобы война не открылась, я прошу товарищей кабардинцев и осетин принять самое горячее участие в заслоне, ибо они много могут помочь делу мира.

По предложению докладчика Бичерахова, съезд принял следующее постановление:

«Впредь до организации заслона сделать телеграфное распоряжение всему населению Терской области от имени съезда немедленно освободить всех пленных, захваченных друг у друга, где бы и у кого бы они ни находились, и прекратить стрельбу с обеих сторон. За неисполнение этого распоряжения виновные предаются военно-революционному суду. Вместе с тем съезд решительно требует выдачи трупов с обеих сторон».

О выборах Терского Народного Совета. Член Народного Совета Буачидзе обратился к съезду с речью, в которой просил съезд, чтобы он в заседании 5 марта произвел выборы представителей от всех национальностей в новый Народный Совет согласно положению, принятому съездом об организации власти. Каждая национальность выбирает депутатов в Народный Совет из расчета 1 депутат на 25 тыс. населения. Места депутатов в Народном Совете между национальностями распределены так: кабардинцев в области

считается **180 тыс.**, они имеют **7 депутатов**; осетин **200 тысяч — 8 депутатов**; казаков **250 тысяч — 10 депутатов**; балкарцев **60 тысяч — 2 депутата**; иногородних **370 тысяч — 14 депутатов**; чеченцев **350 тысяч — 14 депутатов**; ингушей **75 тысяч — 3 депутата**; кумыков **35 тысяч — 1 депутат**; от железнодорожников **2 депутата**; от почто-телеграфных служащих — **1 депутат**. Всех депутатов предполагается в Народном Совете — 63.

Вместе с группой иногородних участвует в выборах депутатов социалистический блок. Ко всем депутатам должны быть избранного трудового народа. Приветствую вас еще раз от революционной победоносной армии и предлагаю крепко стоять на своих постах для блага революции, для блага трудового народа.

Выборы депутатов в Народный Совет. Председатель оглашает список кандидатов в депутаты в Терский Народный Совет, намеченных от следующих народностей и групп: **от кабардинцев**: 1) Калмыков Батал, 2) Бозиев Лукман, 3) Лукожев Геронduко, 4) Щекехачов Дуля, 5) Ахохов Тембот, 6) Молов Такан, 7) Канкулов Мама. **От балкарцев**: 1) Энеев Магомет, 2) Юсуф Настуев; **от иногородних (соц. блока)**: 1) Пашковский, 2) Буачидзе, 3) Сахаров, 4) Бабков, 5) Элердов, 6) Мамсуров, 7) Карпинский, 8) Ратнер, 9) Ситник, 10) Гроздецкий, 11) Богданов, 12) Фигатнер, 13) Бутырин, 14) Андреев, 15) Сорокин; от казаков: 1) Шепелев, 2) Рогожин, 3) Шабунин, 4) Чаплыгин, 5) Игнатенко, 6) Данилов, 7) Дьяков, 8) Кудрявцев, 9) Сомов, 10) Петренко. **От осетин**: 1) Такоев Симон, 2) Наскидаев Сосламбек, 3) Кубалов Знаур, 4) Гостиев Андрей, 5) Каллагов Михаил, 6) Кесаев Николай, 7) Бутаев Казбек, 8) Токаев.

Председатель предлагает высказаться по поводу оглашенного списка депутатов. Председатель вторично оглашает список депутатов. Возражений против списка нет и он принимается.

«В Терский народный съезд. **Делегата Ауховской нации** 5 участка Хасав-Юртовского округа Терской области **Абети Чупалова**. Заявление. Прошу съезд предоставить в совете одно место члену

от **Ауховских народов** с тем, чтобы выбор этого члена был произведен на месте и об этом извещено Народному Совету с надлежащими документами о выборе 5 марта 1918 года. Пятигорск. Делегат № 225 **Абети Чупалов»**. Постановлено предоставить в Терском Народном Совете **Ауховской нации** не менее одного места.

Оглашаются следующие от 5 марта телеграммы, адресованные Народному Съезду: Из Грозного: «3 марта в Грозненском округе день прошел спокойно. Полковник **Кравченок**». Из Кизляра: «В Кизляре спокойно. Слухи о нападении провокационные. Исполнительный Комитет Совета».

(*Машинописная рукопись хранится в архиве, Северо-Осетинского Научно-исследовательского института г. Владикавказ.*)

«II Съезд народов Терека в Пятигорске 16 февраля — 5 марта 1918».

Стр. 207. Что же касается последнего вопроса — как входит Терская область в состав России, то фракция иногородних полагает, что в Терской области нет решительно никаких данных к отделению ее от России. Нам достаточно автономии. За федерацию стояла буржуазия на Дону, на Украине и на Юго-Восточный Союз. Мы боимся, что и у нас польются потоки крови, если мы будем стоять федеративной советской республикой. (Аплодисменты).

Шерипов — представитель чеченцев. Делигировавший меня сюда Чеченский национальный совет не дал мне официальных полномочий делать те или иные заявления по данному вопросу, но уполномочил меня сказать, что чеченский народ горячо желает мира, а не войны. (Аплодисменты).

Национальный совет уполномочил также меня сказать, что одной из главных причин наших общих несчастий является отсутствие в стране единства власти. Мы в Национальном Совете обсуждали вопрос о власти Совета Народных Комиссаров и пришли

к заключению, что она безусловно будет признана чеченским народом. (Аплодисменты).

Прежде чем выехать сюда, я просил постановление Национального совета по этому поводу, но совет не успел этого сделать, часть членов его разъехалась. Оставшиеся же члены совета уполномочили меня сделать это заявление. (Аплодисменты).

На днях у нас состоится съезд по этому вопросу.

Ахриев — представитель ингушей. Лозунги, выдвинутые Российской революцией, в том числе лозунг о земле, — давнишние чаяния ингушского народа. (Аплодисменты).

Все сказанное здесь представителем чеченского народа, относится и к нам, ибо мы представляем в сущности один народное доверие в глазах ингушского народа. Вывести нас из создавшегося положения может, очевидно, только признание власти Совета Народных Комиссаров. (Аплодисменты).

Мы, как и чеченцы, живем тоже без помещиков. У нас же есть только реальная сила, которая поддержит всех, кто идет на защиту завоеваний революции (Громкие аплодисменты).

II СЪЕЗД НАРОДОВ ТЕРЕКА 6 (19) МАРТА 1918 Г.

Переехал из Пятигорска во Владикавказ. Терский совет народных комиссаров. Декрет №19.

Согласно принятой областным съездом трудовых народов конституции Терского края исполнительный орган областной власти — Терский областной Совет Народных Комиссаров.

Ему вручается вся полнота военной и гражданской власти и области.

Председателем Терского Совета Народных Комиссаров избран член Терского Народного Совета — **Буачидзе**. Комиссаром земледелия — член Терского Народного Совета — **Я. П. Бутырин**. Комиссаром земледелия — член Терского Народного Совета —

Ю. Г. Пашковский. Комиссаром финансов — член Терского Народного Совета — **А. А. Андреев**. Комиссаром общественного презрения — член Терского Народного Совета — **А. И. Сахаров**. Комиссаром по национальным делам — член Терского Народного Совета — **Ахриев**.

В воскресенье **2 марта** состоялось заседание Терского областного Народного съезда, посвященное вопросу об убийстве депутата съезда тов. **Калабекова Султан-Гамида**.

Представители всех фракций выступили с прочувственными речами, посвященные памяти погибшего товарища, и выразили великую скорбь, печаль и соболезнование балкарской фракции съезда...

...Мы не должны никого обвинять — ни ингушей, ни осетин в убийстве тов. Калабекова. Трудовые народы — осетинский и ингушский — не могут быть повинны в предательском убийстве избранника Терской демократии.

Смерть товарища Калабекова — это дело рук темных сил, тех врагов народа, которые все время, систематически хотят сорвать революционное единение трудовых масс нашего разноплеменного края.

К событиям в селениях Ольгинском-Базоркино. Терский областной Народный съезд командировал в Базоркино и Ольгинское смешанную комиссию из членов съезда **Грос, Дудников, Власов, Дедзиев, Хашгургов, Кушхов, Карашаев, Урашев, Кязтоев, Арчаков, Дарсидов, Кастаев, Хамеев, Сычов, Селезнев, Маслецов, Тандуев и Дзгоев**. Делегации дан наказ предъявить требование о немедленном прекращении военных действий с обеих сторон хотя бы на 4—5 дней, чтобы дать возможность Народному Совету разрешить этот конфликт мирным путем.

Терский областной Народный съезд ставит население в известность, что неисполнение его требования идет против воли съезда и воли постановления трудовых масс всей области,

представленных на съезде. Ослушникам придется считаться с демократией всей Терской области и России.

В составе делегации приняли участие представители Закавказского Сейма и Грузинского Национального совета, прибывшие во Владикавказ со специальной целью — принять участие в работах по водворению мира в Терской области.

СЪЕЗД НАРОДОВ ТЕРСКОЙ ОБЛАСТИ

Газета «**Известия** *совета рабочих и военных депутатов Грозненского района*». №115, 26 мая, 1918 год.

Съезд народов Терской области. *Вечернее заседание 24 мая*. Заседание открывается около 6 часов вечера. Съезд приступает к обсуждению вопроса о том, открывать или не открывать прения по докладам т. т. Буачидзе и Бабкова. После ряда заявлений различных фракций о том, что по докладам открывать прения излишне, съезд подавляющим большинством, решает, прения по докладам не открывать, а ограничиться лишь заданием вопросов докладчикам.

Вопросы и ответы. **Латиев** заявляет, что казачью-крестьянскую фракцию интересуют следующие вопросы: 1) при каких обстоятельствах был арестован в ст. Кисловодской представитель власти тов. **Богданов**? 2) какова судьба имущества, оставленного беженцами Хасав-Юрта? 3) Какие меры принимаются властью к обмену пленных? 4) об обезоруживании станиц и роли в этом Нежевясова?

Председатель Корсаевский говорит, учительство, стоявшее всегда на своем посту и подготовляя тот тыл, который выведет народ на правильный путь, с особенным интересом и вниманием выслушало речь председателя совета народных комиссаров тов. Буачидзе, в особенности то место, где он говорил, что турки — прекрасный великий народ, но у них нет школ, нет просвещения. И организованное учительство интересуется очень вопросом о том,

каково положение просвещения в области, проводится ли в жизнь демократизация и национализация школы.

Речь товарища Буачидзе. Я начинаю свою ответную речь с конца. У некоторых граждан, замечаю, явилось недоумение по поводу моего доклада, но должен сказать, что доклад мой носил общий характер, с докладами же по различным отделам выступят мои товарищи по работе, и на заданные вопросы о положении народного просвещения в области, ответит комиссар просвещения. Что же касается т. т. Богданова и Фигатнера, то это дело обстояло так: — Не помню числа, но во время пребывания власти в Пятигорске был арестован жандарм Комиссаров, по моей же оплошности он был освобожден днем, когда же вечером стали рассматривать его документы, то оказалось, что за ним имеются неблаговидные проступки и преступления. Было решено, жандарма Комиссарова вновь арестовать и с этой целью в станицу Кисловодскую были посланы т. т. Богданов, Фигатнер и солдаты, которым поручено было привести в исполнение решение народной власти. Когда же т. т. Богданов, **Фигатнер** появились в станице Кисловодской, вблизи дома **Комиссарова**, то внутри этого дома раздался выстрел, послышались возгласы: «убили! убили!», сбежались казаки и представители народной власти были арестованы. Народная власть не реагировала на это, ибо она не имела реальной силы, и если тов. Бабков остановился в своей горячей речи на этом, то остановился, как на отдельном эпизоде; надо быть близоруким чтобы упрекать свое казачество в контр-революционности. Что касается обезоружения некоторых станиц, то я давал по этому вопросу объяснения казачьему съезду и съезд моим ответом удовлетворился. Скажу только, что фактически обезоружения не было, а было только отобрание в некоторых станицах орудий, которые предназначалось двинуть частью на Петровск — помочь революционным войскам справиться с дикими ордами Капланова, а частью — на Кубань. В отношении же судьбы имущества Хасав-Юртовских жителей, то вопрос этот

«хромает», народная власть никак не может войти в контакт с племенами, живущими в Хасав-Юртовском округе. Отвечая на заданный вопрос о судьбе пленных, тов. Буачидзе говорит, что на первом мирном совещании было решено, чтобы все пленные той и другой стороны были возвращены и если в некоторых местах это не приведено в исполнение, то будут приняты соответствующие меры.

Асланбек Шерипов. Земельному вопросу мы, чеченцы, придаем громадное значение. В нашем громадное значение. В вашем отсталом и темном народе нет культурных интеллигентных сил. Но у нас вокруг земельного вопроса идет борьба. Я считаю, что поход революции в терской области зависит от способа разрешения земельного вопроса чтобы этот важнейший вопрос был достаточно освещен, я предлагаю отложить сейчас и вопросы и прения по докладу комиссара и переводы, и сделать перерыв до завтра. Крестьянско-казачья фракция иногородних социалистического блока с.-д. присоединяются к этому предложению. Съезд постановил: отложить вопросы и прения по докладу комиссара земледелия Пашковского до следующего дня к 10 часов утра.

Стр. 4 …**Штаб Красной Армии** доводит до сведения всех граждан города **Грозного**, что с 15-го до 25-го мая 1918 г. будет производиться в помещении бывшего здания округа (рядом с Советом Рабочих и Военных Депутатов) от 3 часа дня до 8 часов вечера регистрация оружия, имеющегося на руках у лиц, не вошедших в состав Красной Армии, а посему каждый, имеющий какое-либо огнестрельное или холодное оружие и патроны, должен представить его на Отдел вооружения при Штабе Красной Армии, где после записи будет выдано удостоверение о том, что оружие предъявлялось для записи.

У лиц, не имеющих должного удостоверения, оружие будет отобрано к виновным же будут применены самые строгие меры наказания. Подпись: Ответственный Организатор Красной Армии **Левандовский**. Председатель Исполнительного Комитета **Гикало**.

СТАЛИН О ШЕРИПОВЕ

газета «Правда» №108, 1 июня 1918 года.

О Донщине и Северном Кавказе. Прежде всего выслушаем резолюции Терского Народного Совета. «Экстренное заседание чеченско-ингушской фракции Терского Народного Совета, обсудив сообщение об объявлении Северного Кавказа независимым единогласно приняло следующую резолюцию: объявление независимости Северного Кавказа есть чрезвычайно важный акт, который должен происходить с ведома и согласия всего заинтересовавшего населения.

Чеченско-ингушская фракция констатирует, что никаких делегатов для каких бы то ни было переговоров с Оттоманской делегацией в Трапезунде или с Оттоманским правительством в Константинополе чеченско-ингушский народ не посылал, что вопрос о независимости ни в каких органах и собраниях, выражающих волю чеченско-ингушского народа никогда не осуждался.

Поэтому лиц, смеющих говорить от имени народа, который их не выбирал, чеченско-ингушская фракция считает самозванцами и врагами народа. **Чеченско-Ингушская** фракция заявляет, что единственное спасение всех горцев Северного Кавказа и завоеванных революцией свобод, заключается в тесном единении с Российской революционной демократии.

Это диктуется им не только врожденной любовью к свободе, но и теми экономическими отношениями, которые в последние десятилетия тесно связал Северный Кавказ и Центральную Россию в одно неразрывное целое». (Принято 9 мая. См. «Народная Власть», орган Терск. Народн. Совета).

А вот и выдержка из пламенной речи оратора ингушей и чеченцев на заседании Терского Народного Совета, г. Шерипова, достаточно определенная для того, чтобы пресечь всякие нарекания на дагестанцев: «Благодаря великой Русской революции мы

получили ту прекрасную свободу, за которую столетия бились наши предки и кидались на штыки побежденные. Теперь, когда мы получили гарантию права на самоопределение, это право народ никогда никому не отдаст. Сейчас о независимости Северного Кавказа говорят помещики, князья, провокаторы и шпионы и все те с кем Шамиль вел смертельную борьбу в течении 50 лет. Сейчас есть отдельные попытки со стороны этих врагов народа провозгласить независимость Кавказа и объявит имамство. Но я утверждаю, что предкам этих князей Шамиль рубил головы и так он поступил бы и теперь. Наша фракции, представляющая Ингушский и Чеченский народ, в экстренном заседании независимости Северного Кавказа выразила в известной резолюции». (См. выше. Взято из «Нар. Власти»). (Примечание **МММ**: газета «Народная власть» в архивах и библиотеках РФ не сохранилась).

Из доклада В. И. Ленина о внешнем и внутреннем положении советской республики. 3 апреля 1919 г. …Что делает наше положение особенно трудным, что заставляет еще и еще раз призвать на помощь всех сознательных рабочих, так это затруднения в продовольствии и транспорте. Транспорт четыре года разрушался империалистической войной, и в стране, столь отсталой, как Россия, следы этого разрушения до сих пор не поправлены и поправить их иначе, как долгими месяцами, или, может быть, даже годами самой упорной работы — нельзя. А работать без топлива нет возможности. Лишь в последнее время мы начали получать уголь из Донецкого бассейна. Вы знаете, что в Баку нефть у нас отбили англичане. Они, захватив часть судов на Каспийском море и завладев **Грозным**, мешают нам воспользоваться нефтью. Без топлива же ни промышленность, ни железные дороги не могут работать. Приходится напрягать все усилия… (В. И. Ленин. Полн. Собр. Соч., т. 38, стр. 248).

Телеграмма В. И. Ленина К. А. Мехоношину об организации вывоза нефти с Северного Кавказа. 24 апреля 1919 г. Военная вне

очереди шифром. Астрахань Мехоношину. Крайне странно, что Вы посылаете только хвастливые телеграммы о будущих победах. Обсудите немедленно: первое — нельзя ли ускорить взятие Петровска для **вывоза нефти из Грозного**; второе — нельзя ли завоевать устье Урала и Гурьева для взятия оттуда нефти, нужда в нефти отчаянная. Все стремления направьте к быстрейшему получению нефти и телеграфируйте подробно. *Ленин*. (В. И. Ленин. Полн. Собр. Соч., т. 50, стр. 288).

«ГОРОД-ГЕРОЙ, КРАСНЫЙ ГРОЗНЫЙ»

Н. Ф. Апухтина-Гоппе. Москва.

Глава I. Слесарь механического завода Андрей Меркулов жил со своей женой Марфой и пятилетним сыном Марком в станице Грозненской у казака-кулака Кривоносова. Меркулов занимал только половину хаты, в другой половине помещалась лавка Кривоносова. Через тонкую дощатую стенку Меркуловы слышали все то, о чем говорили станичники в лавочке. Андрей, хотя в ту пору еще не записался в партию, но сочувствовал большевикам, посещал частенько партийные собрания в городе Грозном, почитывал большевистскую литературу. И муж и жена знали хорошо, что грозненцы-казаки уже давно хотят выступить против советской власти, что они ждут приказа из Моздока, чтобы напасть на рабочих и гарнизон Грозного. однажды вечером Андрей, вернувшись с завода, услышал за стеной оживленный разговор. Басил знакомый голос казака Омельченко: «Ой, ужотко мы покажем этим пролетариям-голодранцам. Покажем им, где раки зимуют. Покажем и чеченцам, азиатцам гололобым, что их сторону держат и на наши земельки зубы точат. Еще не пропала наша казацкая сила... Уже на Моздокской бьют смертным боем краснопузых бандитов»...

Ему поддакивал 80-летний, беззубый казак **Шевченко**. «Тише вы, — послышался хриплый голос Кривоносихи, — тут за стеной, сами знаете, самый пролетарий живет».

«Меркулыча нам бояться нечего — чай, не первый год знаем, почитай, со всей станицей покумился — не выдаст он», — басил Омельченко.

Слышал еще Андрей, как зазвенел звонок, и кто-то вошел в лавку. По голосу он узнал **Кривоносова**. «Здорово були, казаки, то есть, бишь, таперича граждане, — поздоровался он, и затем сказал: — Ну-ка, хозяйка, налей мне стакашек».

«Ну, голова, как дела?» — спросил Омельченко.

Кривоносов вполголоса ответил: «Дела, как дела. Наши части занимают исходное положение. Ждем приказа от нашего казацкого правительства из Моздока. Намедни в наш Ревком с тайным письмом приезжали. Вы только, казаки, поменьше болтайте, а то выпьете на грош, а языком выболтаете на рупь. Знаете, как деды учили — ешь пирог с грибами, а держи язык за зубами... Ну, я пойду». Кривоносов ушел.

Омельченко заспорил с хозяйкой Кривоносиха кипятилась: «Вот, видишь, на стене мелом 16 шкаликов написано, да долга за тобой за 2. Всего, значит, 18». Омельченко уверял, что в последний раз он расплатился окончательно. Сегодня он выпил всего десяток, да четырьмя шкаликами потчевал Шевченко. Долго спорила Кривоносиха с Омельченко, наконец, казак сказал: «Плачу за 16» и вышел.

Андрей решил на следующий день, после работы, пойти в штаб, к товарищу Гикало, которого давно знал по работе на заводе, и рассказать обо всем. Кривоносов между тем пошел в Грозненский станичный военно-революционный комитет. Высокого роста, с большой седой бородой, Кривоносов производил внушительное впечатление. Он несколько трехлетий до революции выбирался станичным атаманом, служил на действительной службе в Питере урядником, очень гордился этим и носил всегда синюю черкеску с галунами и красный бешмет, а в парадные дни — красную черкеску и белый бешмет. В станице Кривоносов слыл за богача, не жалел водки и вина, когда станичное общество выбирало его в атаманы,

а затем после свержения царизма — в председатели станичного военревкома. Он жил в большой, крытой железом, хате, неподалеку от двора, где была его лавка, и снимал половину Андрей с семьей.

Военревком помещался в здании старого станичного правления. Там, несмотря, на неприсутственное время, была толчея. Все смолкло, когда вошел председатель: «Здорово були, станичники!» — проговорил он. «Здравствуй, атаман» — отвечали казаки.

Они по-прежнему венчали председателя ревкома атаманом, хотя атаманство было официально уже упразднено волей дагестанских съездов трудовых народов Терской области. Кривоносов вызвал своего заместителя и верного соратника, юркого, с трусящейся рыжей бородкой и красными с перепоя глазами, казака Черноусенко. Оба вышли на улицу, прошли несколько шагов, оглянулись и, видя, что никто не следит за ними, остановились. Первым заговорил Черноусенко:

«Есть вести от наших и первостатейной важности!».

«Говори».

«Здесь не расскажешь, надобно совет держать».

Кривоносов приказал немедленно собрать членов ревкома.

«Только того, Чеботарева, не надо. Он, брат, и нашим и вашим виляет… большевикам, наверно, продал и волю нашу казацкую и веру православную!…».

«Слушаю, атаман», — отвечал Черноусенко.

Кривоносов пошел домой. По дороге забрел в лавку, где два казака угощались аракой, а третий валялся на полу.

«Вы, станичники, убрали бы эту падаль. Опять налимонился. За этого Шевченку раз хозяйку хотели оштрафовать».

«Ничего, атаман. Мы ему только одну банку поднесли, он и свалился. Мы его, пропойцу, сейчас выбросим. Не первый старина под забором ночевать…».

Гости вынесли пьяного Шевченко из лавки и бросили у забора соседней хаты.

«У нас гости будут, так ты, хозяйка, выпивки припаси да закуски и все такого...» — сказал Кривоносов жене. Кривоносиха заворчала:

«Все расходы да расходы. А будет ли из этого толк?.. Хочь раньше и расходовали на обчество, зато доходы были... А теперь?.. Одного жалованья при теперешних ценах на хлеб не хватит...».

Все же она стала снимать с полок коробки консервов, отрезала колбасы, сыру, по привычке свесила то и другое, вынула бутылку «церковного» для учителя. «Он не пьет араки» — сказала она вслух и пошла с провизией в свою хату, к которой крадучись, как на воровское дело, подходили члены ревкома. Все они, входя в парадную, размашисто творили крестное знамение и здоровались с председателем. Отвечая на приветствие, Кривоносов всем говорил одинаково: «Седайте! Гостем будете».

Первым пришел нестарый еще казак Безбрыжий. Он лишился руки на Турецком фронте, во время конной атаки и был озлоблен на советскую власть за то, что она заключила мир с «басурманами» -турками. Он все собирался добивать левой рукой турок.

«Ой, буду бить левой рукой большевиков», — сказал он, садясь в красном углу под висевшими в три ряда иконами. Кривоносов, поглаживая самодовольно свою седую бороду, добавил:

«Не токмо ты, инвалид, но и все казачата и казачки встанут на душеспасительное дело».

Влетел в парадную бывший хорунжий Матушкин. Он все еще носил серебряные погоны и четыре «георгия».

«Седайте, кавалер. Гостем будете», — приветствовал вошедшего Кривоносов.

«Хорошо бы перед заседанием по рюмочке», — предложил Безбрыжий. Кривоносов вынул из шкафчика графин, наполовину наполненный мутной, вонючей аракой, и три грязных зеленых стаканчика и поставил все это на стол.

«Вот только закуски нет. После заседания хозяйка приготовит», — сказал Кривоносов.

«Ничего, дело привычное» — молвил Безбрыжий, взял левой рукой графин и налил три стаканчика. Выпили, поморщились. Кривоносов налил по второму. Выпили по второму.

В парадную вбежал Черноусенко и скороговоркой отчеканил: «Заседание вижу началось».

«Бог троицу любит», — предложил Безбрыжий. Хозяин принес еще две большие рюмки. Выпили еще.

Кривоносов надел очки, распечатал дрожащей рукой пакет и по складам прочитал: «Из станицы в станицу, весьма срочно. Граждане, казаки, крестьяне, рабочие и горцы. Казаче-крестьянский совет начал борьбу за сохранение и укрепление всех завоеваний революции, которым преступная политика народных комиссаров готовит неизбежную гибель. Казаче-крестьянский совет будет бороться с советом народных комиссаров и его наемниками, поднявшими руку на мирное трудовое население...».

Кривоносов оборвал чтение, в хату вошел член ревкома — станичный учитель Лозовой. Он предложил: «Давайте, я дочитаю».

«Не надо! На заседании дочитаем», — сказал Матушкин. Нагнувшись, он ловко поднял брошенный Кривоносовым на пол пакет и тщательно осмотрел его. Там оказалась приклеенной другая бумажка. «А слона-то вы и не приметили — сказал он. — Кроме воззвания, здесь есть секретное предписание из Моздока нам, Грозненскому ревкому».

Кривоносов взял бумагу и стал разбирать: «Секретно. Весьма срочно. Кизлярскому военно-революционному комитету. Казаче-крестьянский совет предлагает вам немедленно по получении сего предложить командующему советскими вооруженными силами в г. Грозном в 24 часа сдать все оружие, броневики, и выдать большевиков. В случае невыполнения этих требований в назначенный срок предлагается открыть боевые действия против неприятеля. Председатель Терского Казаче-крестьянского совета Г. Бичерахов. Секретарь Г. Столбовский».

«Пойду бить левой рукой большевиков», — завопил Безбрыжий.

«Выступаем за наше правое дело», — добавил Черноусенко, наливая себе рюмку араки и залпом выпивая ее.

«Теперь мы заговорим с большевиками на языке винтовок и пушек», — перебил Черноусенко Матушкин. — «За дело, ревкомцы..., кажется, все наши в сборе?».

«Гордеича, что-то нет, а я наказывал через сына, чтоб беспременно был», — ответил Черноусенко. — Обойдемся и без Гордеича. Не до полуночи же сидеть. Не забывайте, что надо диспозицию на всякий случай дать станицам... Я уверен, что красные оружия не положат...».

Матушкин запел: «Будет буря, мы поспорим и поборемся с ней...».

«Начинать, так начинать», — сказал Кривоносов и занял председательское место.

«Так вот нам, казаки, надо разработать план наступления на Грозный. Сведения о боевых силах большевиков у меня имеются подробные».

Кривоносов вынул из-под бешмета кучу бумаг. Тут были сводки, планы и списки казаков.

«Матушкин — спец военного дела. Не даром тебе четырех „егориев“ на черкеску навесили. Тебе и карты в руки. Мы тебя назначим командующим нашим фронтом. Я думаю, казачество, возражений не будет?» — спросил председатель.

«Просим!» — заговорили хором присутствующие.

«Благодарю за честь. Долг свой перед войском выполню до конца», — расшаркиваясь и изгибаясь, как вьюн, произнес вновь испеченный командующий. — «Теперь позвольте, господа, то бишь, казаки, просить вас назначить мне начальником штаба полковника Зверева. Он академию генерального штаба, хотя и по 2-му разряду, но окончил, имеет боевой опыт — георгиевским оружием награжден. Будет полезен для нашего дела. Думаю, что он согласится и чинами считаться в такое горячее время не будет».

Все встали, кроме учителя, и перекрестились. Председатель потянулся к иконе, чтобы поцеловать ее, но зацепил лампаду, которая упала на пол и разбилась.

«Примета плохая», — с досадой промолвил он и сплюнул.

«Прощевайте», — кинул Матушкин, уходя.

«Таперича про военное хозяйство», — предложил Черноусенко. Председатель, подмигнув глазом ему, обратился к присутствующим:

«Верно говорит Иван Григорьич Черноусенко, что нам надо подумать, как снарядить казаков. Ведь обчественные наши денежки лопнули от большевиков в банке… Я гадаю, що помимо Григорьича — он, сами знаете, человек хозяйственный, честный, сколько годов казначеем по выбору ходил в станице, — нам некого другого брать!..».

Черноусенко, не дав председателю окончить речи и не дожидаясь, пока его выберут, вскочил со своего места и, отвесив низкий поклон, затарабарил: «Спасибо, спасибо, спасибо, станичники, за великую честь».

«А как ты, Григорьич, думаешь касательно средств? Откудова их брать на военные расходы?» — спросил приятеля Кривоносов.

«Перво-наперво продадим двух обчественных бугаев. К налетью подрастут новые. Во-вторых, — пустим добровольную по станице подписку. У-третьих, — обложим наших купцов-духанщиков».

В это время Кривоносиха крикнула в раскрытую дверь: «Закончили? Давайте графин и склянки».

Черноусенко бросился за графином, рюмками и стаканами, а секретные бумаги положил на окно. Все перешли на черную половину, и началась попойка.

Глава II. В парадную тихо вошел сын Кривоносова — Николай. Он только что приехал из Владикавказа и торопился к своей невесте-большевичке — учительнице станичной школы, Марусе Изюмовой. Николай поставил свой чемодан на пол, увидел какие-то бумаги

на окне и стал их читать. «Ба! Вот так штука! — подумал он. — Ведь это белогвардейское воззвание».

Закрыв дверь на крючок, Николай списал полностью приказ и положил бумаги на прежнее место. «Ну, теперь, немедля ни минуты, к своим. Надо их предупредить».

Он тихонько вышел из хаты. Кривоносиха услышала, как скрипнула дверь, и бросилась поспешно на двор: «Не воры ли?».

Она догнала сына за воротами: «Колюшка, родной, это ты! Побудь дома! Мы, почитай, цельныймесяц тебя не видели. Брось эту голоштанницу Маруську. Смущает она тебя только. Я ей все косы выдеру», — обливаясь слезами, твердила мать.

«Нет, матушка, я должен идти», — был ответ сына, и он твердой походкой зашагал по улице, оставив мать в недоумении. Он свернул с главной улицы на боковую и дошел до окраины станицы, где квартировала у бедной казачки-вдовы Моисеенко его Маруся. Он постучал в дверь. «Кто там?» — раздался звонкий голос. — «Свой. Это я». Она открыла дверь и ввела его в комнату.

«Ты во-время прикатил. У нас все в сборе», — сказала Маруся.

Оба вошли в накуренную хатку, в которой собирались молодые казаки. Ту же сидела и подруга Маруси — Галина, сообщавшая обо всем слышанном на тайных собраниях своему жениху Петрусю Петрусенко. Он, в свою очередь, осведомлял Черноусенко.

«Во-время ты явился, Николай», — сказал черный парень — Пограничный.

Не отвечая ему, Николай вынул записную книжку и прочел громко секретный приказ.

«Надо сейчас же дать знать в город и известить в станицах о контрреволюционных замыслах».

«Я коня в ночное не погнал», — отозвался молодой казаченок Остап Неупокоенков.

«Ты и езжай в станицы. В город же мы, я думаю, пошлем Пограничного».

Уже вторые петухи пропели, когда все разошлись по своим хатам. Николай и Маруся долго говорили, сидя на завалинке. Они думали о том времени, когда смогут устроить трудовую ученическую коммуну для детей казачьей, горской и крестьянской бедноты. Они сидели всю ночь и утром увидели Галину, которая вышла на двор умываться.

Вытирая бледное лицо расшитым полотенцем, Галина сказала: «А вы все милуетесь и не намилуетесь никак! А я к тетке Федорке белье мыть пойду. Надо же на приданое деньги собирать. Почитай, уже сотню отложила».

Но вместо того, чтобы идти к тетке Федорке, Галина пошла к Петрусевой хате. Петрусь в это время чинил плетень. Он сказал Галине: «Пойдем в хату». Но она, запыхавшись, стала нескладно рассказывать ему о приезде Николки, о приготовлениях красных казаков.

«Сведения важные, — покрутив усы, сказал Петрусь, — я думаю, как передам в ревком Черноусенко, благодарность нам будет хорошая. А этого Кольку-сицилиста я очень недолюбливаю. Родился казаком, казаком должен остаться, а он подался в большевики. Будет висеть на телеграфном столбе! Своими руками петлю на шею зачеплю и вздерну, вот так».

Петрусь надел праздничную черкеску, стянул себя крепко поясом и пошел к Черноусенко. Ему отворила сноха. «Дядько дома?» — спросил Петрусь.

«Знамо, дома! Как вчера пришли, так и завалились спать в кладовке. Пьяны дюже были. Все большевиков ругали».

Петрусь вошел в кладовку. Черноусенко валялся на тулупах. В кладовке до удушья несло аракой и вонью. Долго Петрусь не мог его разбудить. Наконец, Черноусенко хриплым голосом спросил: «Есть чего нового?».

«Есть, и первейшего антереса! — ответил Петрусь. — Эти изменщики — голытьба станичная, вооружается и, забыв хрест господень и веру дедовскую православную, в поход против нас

собираются, с большевиками рука в руку идут. Колька непутевый из области возвратился. Приказ, чтоб обезоружить красных чертей читал...».

«Приказ, какой приказ?» — с тревогой спросил Черноусенко и вспомнил, что оставил в парадной хате у Кривоносова секретные бумаги. «О, матушки! — завопил он. — Пропала моя бедная головушка! Колька-шалава беспременно слямзил приказ и передал его большевикам».

Черноусенко поспешно пошел в хату, вынул из сундука новенькую терскую бону в 25 р. и передал ее Петрусю. «Золотой в другой раз получишь, — сердито буркнул Черноусенко, — отваливай-ка!». Оба разошлись.

Глава III. В это время Пограничный уже был в городе. Он нашел штаб и, зайдя в одну из комнат, нашел там Гикало и передал ему копию белогвардейского приказа.

«Николай Кривоносов тайно списал приказ у отца, а наша ячейка решила немедленно передать копию вам», — доложил Пограничный.

Командующий позвонил. Вошел дежурный. «Немедленно пригласите начальника штаба и политкомов, — обратился он к вошедшему дежурному, а **Пограничному** сказал: — Мы ждали изо дня в день, что такого рода ультиматум нам будет предъявлен. А теперь идите к своим».

Они простились. Через несколько минут в комнате командующего собрались политкомы, и Гикало сообщил им о положении дел: «Товарищи! Я только что получил копию секретного приказа белых. Нам бросают вызов. Я оглашу текст приказа».

«Этого следовало ожидать», — сказал политком штаба Сандро **Квинитадзе.**

Гикало развернул на письменном столе план Грозного и его окрестностей и дислокацию гарнизона и подробно объяснил, какие

подступы в город надо забаррикадировать, где нарыть дополнительные окопы, где протянуть второй ряд колючей проволоки, куда направить части, где ставить резервы, где батареи и пулеметы. Когда боевой план и диспозиция были подробно разработаны, совещание решило пригласить к 6 часам утра в штаб представителей парткома и вместе выработать редакцию ответа белым. Политкомы отправились в свои части. Квинитадзе и Гикало остались в кабинете и работали до утра, когда дежурный доложил о приходе парткомовцев. В кабинет вошли 3 товарища: ответственный секретарь, заведующий агитпропом и заведующий учраспредом. Гикало прочитал приказ. Пришли и остальные политкомы. Завагитпром сказал: «Ответ может быть один», — и предложил текст ответа: «Убрать броневики и выдать оружие, ответственных работников и большевиков мы отказываемся». Все согласились с предложением завагитпропа.

Гикало вместе с начальником и политкомом штаба поехали осматривать позиции. Еще до рассвета в городе все оживилось. Был девятый час утра, когда с пограничного поста по телефону сообщили в штаб о том, что показались всадники с белым флагом. Команда разведчиков была уже на готове. Они сели на коней и выехали навстречу врагам. Они увидели казачьего командующего Матушкина на белом коне, в погонах и «георгиями» на белой черкеске. За ним, на сером коне, следовал трубач, державший белый флаг, и сзади десятка два вооруженных казаков. **Матушкин** вручил требование о разоружении в 24 часа командиру разведки. Тот ответил: «Срок 24 часа — дело хорошее! Но мы уже знали о ваших замыслах и приготовили вам ответ». И он вручил Матушкину полученную им из политкома бумагу.

«Что и требовалось доказать!» — с наглой улыбкой сказал Матушкин.

Война началась. Работа кипела на городской границе. Входы в город были забаррикадированы бревнами, досками, мешками с песком, сломанными повозками. На городской бане поставили

пулеметы. Из первого участка станицы выселились жившие там иногородние ремесленники и со своим скарбом, женами и детьми перебрались в город. Не прошло и получаса после разъезда делегаций, как в станице раздался тревожный набат. По городу открыта была из винтовок редкая одиночная стрельба. Им отвечали наши пулеметы. Красные части двинулись на 1-й станичный участок и, почти не встречая сопротивления белых, заняли его...

Глава IV. Истекая кровью, доблестные гикаловцы защищали с удивительной храбростью свое красное гнездо. Продовольствия и боевых припасов было мало. В первый же день обороны Гикало вызвал к себе старого рабочего и партийца **Осипова** по прозванию «Гудок», который долгое время скрывался от жандармов в нагорной Чечне и поэтому умел говорить по-чеченски. Решили, что Осипов с десятком молодых рабочих отправится в Чечню и закупит там снаряды, патроны, муку.

В первый день было выпущено свыше 1800 снарядов по станице. Такой наши стали беречь снаряды, выпуская не больше 100 штук в сутки. Казаки отвечали тем же. Помимо того, с обеих сторон шла пулеметная и ружейная стрельба. Железнодорожники не давали ни днем, ни ночью покоя белым. Они соорудили бронепоезд, который обстреливал левый фланг и тыл противника. Но вскоре в городе не хватило снарядов. К этому времени прибыл Осипов со своей командой из Чечни. Они привезли на арбах продовольствие, ящики с патронами и снаряды. Это ободрило осажденных. Бомбардировка продолжалась. Пули так и свистели по всем кварталам города. По улицам небезопасно было ходить. В заборах между домами были сделаны пробоины, по дворам вырыты ходы. Через эти лазейки пробирались люди. Днем и ночью командующий Гикало появлялся в самых опасных местах. Рабочий батальон ворвался в станицу Грозненскую, отбил у казаков большие запасы хлеба.

Как львы, отбивали железнодорожники бешеные атаки белых. Командир железнодорожной дружины **Кананов**, как только началась бомбардировка Грозного, занял все подступы к станции, отлично учитывая значение этого стратегического пункта. Казаки, получив подкрепление и бронеавтомобиль, возобновили яростную атаку на станцию. Броневику удалось ворваться на станцию. Красный бронепоезд, сооруженный рабочими, достойно встретил его. Из орудий был открыт огонь. Недолет, затем — перелет. Цель взята, снаряд угодил прямо в броневик, который перевернулся на бок. К казакам подходили свежие силы. Они открыли ураганный огонь из орудий по станции, и железнодорожники, в виду превосходства сил противника, принуждены были покинуть станцию и отойти через железнодорожный мост, за реку Сунжу. Здесь они немного отдохнули. Вечером из города разведчик привез приказ командующего Гикало — «Во что бы то ни стало вернуть станцию и выбить оттуда белых». Так как мост казачьей артиллерией был подбит, то железнодорожники стали сооружать для переправы через Сунжу плоты. Тогда белые спустили нефть в реку и подожгли. Железнодорожники, их жены и дети стали кольями мешать горевшую нефть и потушили ее. Сгорел один только плот. Железнодорожники переправились через Сунжу и выбили белых. Станция после этого несколько раз переходила из рук в руки. Казаки, понеся огромные потери и израсходовав свои снаряды и патроны, перестали нападать на станцию. Железнодорожники стали наступать. Ночью они сделали вылазку и взяли в плен до 300 белых офицеров в Голубинском саду. Эта потеря сильно подорвала силы белоказачества.

В городе тоже не дремали. 25 сентября грозненские красноармейцы, при поддержке самообороны, по всему фронту пошли в атаку на казаков. Бросая пулеметы и винтовки, казаки поспешно отступили. Наши заняли «**Беликовский**» мост. На правом фланге были заняты казачьи позиции у «сенников».

Наступил октябрь. Из Чечни прибывало мало продовольствия. Красноармейский паек был доведен до ¾ фунта в сутки. Но наши не роптали. В Чечню, в аулы и, кружным путем в станицы были командированы коммунисты. Они проникали в самые глухие, затерянные в горах, чеченские аулы. Посланный вторично в Чечню, Осипов привез вести о том, что в Чечне горская беднота организуется, что она ведет борьбу с кулаками-спекулянтами. Рассказал Осипов также о том, что чеченцы аула Ачхой-Мартан почти поголовно записались в Красную армию и идут на поддержку красных защитников Грозного. Чеченцы аула Атагинского, сформировав после приезда агитаторов красноармейский отряд, решили направить его на усиление армии во Владикавказе.

В городе усилились болезни, было много раненых, и поэтому был организован госпиталь. Туда на должность сестры милосердия была направлена Маруся Изюмова. Когда началась осада, она пошла в партком получать директивы для ячейки и не успела вернуться в станицу. На третий день в город из станицы прибежали двое станичников-коммунистов. Они разыскали Марусю и сообщили, что ее жених Николай Кривоносов схвачен и жестоко избит белыми палачами. Его спасла мать, и он скрылся неизвестно куда. А через месяц перебежчик, казак Ермоловской станицы, принес письмо от Николая. Он писал, что при помощи товарищей ему удалось бежать из-под ареста. Он находится у красных казаков. Он надеется вместе с казаками скоро освободить Грозный.

Глава V. Андрей Меркулов, успевший за полчаса до обстрела переселить свою жену и ребенка к теще в город, работал в разведывательном отделении штаба. Он вступил в партию большевиков и был направлен парткомом в казачьи станицы для партийной работы и для организации красных казаков. В половине октября Андрей приезжал с докладом в Грозный. На общем партийном собрании он сообщил о результатах своей работы

в станицах — Карабулакской, Нестеровской, Ассиновской, Михайловской и Троицкой.

«Вся молодежь этих станиц, — доложил он, — пошла сразу в ряды красной конницы и даже некоторых стариков за собой потянула. Намедни в Троицкой было устроено нами общее собрание, круг по-казацки, пяти красных станиц. Вынесли резолюцию — стоять на защите советской власти, прокладывать путь на соединение с красными силами Грозного. Приняли воззвание для посылки по враждебным станицам: Самашкинскую, Слепцовскую, Ермоловскую».

Андрей после собрания пошел к себе на квартиру. Теща его служила кухаркой у богатого нефтепромышленника, удравшего в марте 1918 г., когда на Тереке установилась советская власть, в Тифлисе, к меньшевикам. Варвара Золотухина, так звали тещу Андрея, осталась одна в богатой барской квартире. Здесь и была организована Андреем коммуна. Тетка Варвара, общая любимица, стряпала для коммуны обеды. Все обитатели ее жили по-братски и делились между собой последним куском хлеба. Жила в этой коммуне и сестра милосердия Маруся Изюмова.

В тот день, когда вернулся Андрей из поездки, она дежурила в госпитале. Вечером пришли с собрания партийцы и рассказали ей, что Меркулов возвратился и делал доклад о своей поездке. У Маручи забилось сердце. Она через Андрея посылала к Коле письмо. Жив ли он, или пал славной смертью за советскую власть? Вот вопрос, который гвоздем засел в ее мозгу. Дежурить надо было до утра. Маруся не утерпела и попросила санитара сбегать в коммуну. Через полчаса Варвара зашла в приемный покой, в руках у нее было письмо. «Письмо, бросилась навстречу вошедшей. Николай писал, что он работает политкомом при штабе красных казаков, что они идут на выручку, что недалек день, когда они встретятся. Маруся торжествовала.

«А что, Варварушка, не знаете, будет ли ваш зять на линию возвращаться? Я бы тогда письмецо моему Колюшке послала».

«Не знаю сама, голубушка! Он, почесть, с нами и не говорил. Пришел с собрания, чуток перехватил борщеца, да и бегом опять в партию: даже чайку не захотел напиться. Я в коммунию побегу, а то ребята придут с позиции — надо вечерить им собирать. Таперича не убивайся, а жди своего нареченного».

Старуха ушла. Изюмова начала выписывать требования на порции для больных и раненых.

«Тифозные с каждым днем все больше и больше поступают», — сказала она подошедшему к столу фельдшеру.

«Да, сестрица, сыпняк свирепствует, а у нас даже дезинфекционных средств нет, не достает мыла»...

В приемный покой два санитара внесли носилки с раненым. Сзади шел красноармеец с винтовкой. Раненый стонал.

«Так что, сестрица, мы раненого принесли вам, арестантским порядком препровожден», — сказал конвоир.

Маруся подошла к носилкам и узнала Петруся, жениха ее подруги Галины.

«Петрусь, это ты? Как это тебя угораздило?».

Раненый слабым голосом отвечал: «Я... хотел перебежать... в красные хотел записаться... Меня, прямо в упор... в живот ранили»... и закрыл глаза.

«Иванов, пригласите дежурного врача. Ранение полостное и, видимо, в тяжелой форме. Сами же приготовьте все в перевязочной».

Изюмова сняла полотнище палатки, которыми был прикрыт раненый. Она увидела, что повязка, сделанная из разорванной сорочки, вся промокла от крови. Петрусь открыл глаза: «Водицы, водицы... все жжет внутри». Она налила воды в стакан и дала раненому воды.

«Что невеста твоя?» — спросила Маруся.

«С Галиной повенчался я... второй месяц вот идет...» — отвечал раненый.

В Перевязочной Петрусенко раздели, а его окровавленную одежду принял цейхаузный, который переписал все это. Из черкески он вынул какую-то записку.

«Надо сестре показать писульку», — подумал он и понес в приемный покой. Изюмова поднесла записку к лампе и прочитала:

«Настроение в городе подавленное. На почве недоедания красноармейцы болеют сыпным тифом. Были случаи неповиновения начальству, аресты и предание полевому суду. Буржуазная рота целиком против советской власти, также много противников в рядах самообороны. В случае вашего дружного натиска буржуазники и большая часть самооборонщиков воткнут штык в спину красных. Самые слабые места позиции отмечены на прилагаемом ниже плане красным карандашом. Действуйте решительней, и как можно скорей, так как в городе ходят слухи о том, что красные казаки, изменившие нашему общему делу, идут на выручку осажденных. Следующую сводку передам в воскресенье. Ваш Архангел».

Ниже на бумажке был чертеж с цифрами: «До 400 штыков», «2 орудия», «2 пулемета».

Изюмова выронила бумажку на стол.

«Значит, Петрусь шпион. Следовательно, та, которую я и наши считали за свою... Галина тоже шпионка... Вот откуда у нее деньги были на наряды. Сейчас же надо сообщить в штаб». Она подошла к телефону и вызвала штаб.

«Немедленно прошу прислать в госпиталь кого-либо из товарищей-партийцев».

Минут через десять у госпиталя раздался шум автомобиля. Вошел штаба и принял от Изюмовой документ. Петрусенко был приговорен военно-полевым судом к высшей мере социальной защиты.

Глава VI. В городе стало известно от присланного Меркуловым нарочного, что красные казаки взяли станицу Самашкинскую и продвигаются к станице Закан-Юртовской, при чем на их сторону

перешли две конных и одна пешая казачьи сотни с артиллерией. В тот же день на рассвете казаки снова пошли в атаку, но были отбиты нашими, перешедшими в контратаку. Затем началась сильная артиллерийская перестрелка с обеих сторон.

«Ишь, как жарят, проклятые! — сказал молодой красноармеец. — Это они, как мухи в конце лета, больно так кусаются, но скоро перестанут кусаться. Снарядам их приходит конец. Последние выпущают. Зато нам из Чечни подвезено бомбошек столько, что еще на месяц хватит».

Действительно, скоро станичная артиллерия замолкла. Продолжали трещать пулеметы, но в нашу сторону пуль летело мало.

«Это военная хитрость, казацкая! — поучал командир Тронов. — Шалишь! Нашего брата не обманешь! Вон видите, товарищи, на колокольне у них пулеметы работают. Слухайте звук. А вон направо и налево трещотки такие приспособлены, чтобы пужать нас, а звук совсем другой. Прислухайтесь».

Наши батареи и пулеметы все усиливали огонь. Ровно в 10 утра наши цепи пошли вперед. Из станицы слабо отстреливались. Все же, нет, нет да и ранит нашего бойца. Гулко разрывается снаряд… Тронов не ложится. Он перебегает с первым звеном и сам командует прицел.

«Ты бы, товарищ командир, лег бы», — крикнул Андреев, подбежав со вторым звеном, только проговрил эти слова Андреев и успел скомандовать: «Прямо по опушке станицы, прямой прицел! Пли!», как увидел, что Тронов упал, сраженный двумя пулями. Андреев принял командование.

«Семенов, принимай команду над вторым звеном!» — крикнул он и пошел впереди первого звена.

Наши приблизились к станице. Горнисты заиграли «атаку». С криком «ура», с винтовками наперевес бойцы ворвались в станицу. Все смешалось. Казаки действовали кинжалами и шашками. Кинжал вверх, кинжал вниз, и — голова бойца покатилась по мерзлой земле. Шашка вверх, шашка вниз, и боец перерублен на две части. Наши

работали штыками и прикладами до остервенения. Казачки, казачата-подростки бегали с железными вилами, ломами, лопатами и ухватами и добивали наших раненых. Из хаты вскочила старая станичница: на ухвате у нее висел громадный чугун с горячим борщом. Она кинула чугун на раненых. Отец бросался на родного сына, брат — на брата, — не щадили друг друга. Казаки дрогнули. Наши погнали казаков. Через сделанные прорывы в проволочных заграждениях к нам прибывали все новые и новые силы из резервов. Особенно трудно было выбивать казаков из бетонных укреплений. Наши смельчаки под сильным ружейным и пулеметным огнем нанесли к бетонным сооружениям соломы и карбида и зажгли их. Ветер дул в сторону казаков, и удушливые газы горевшего карбида выкурили белых: они в одиночку выбегали из своего убежища.

Когда наши цепи стали наступать на станицу, красные чеченцы, спешившись, сидели в окопах. Они рвались в бой, но им приказано было не выступать.

И вот, когда наши пошли в атаку, выскочили с шашками наголо конные казаки.

«Хинца ваина тэа кочушылят рат» (по чеченски: «Теперь и до нас доходит очередь!»), — закричали чеченцы и вскочили на коней.

С криком «Аллах!» понеслись чЧеченцы на конных казаков. Еще момент, и всадники бросились друг на друга. Пошла рубка.

«Аллах! Аллах!».

Сверкали клинки шашек и кинжалов. Ржали и бегали по полю лошади без всадников. В одно мгновение чеченцы смяли казаков. Белые стали удирать. В станицу ворвались чеченцы, продолжая рубить налево и направо. Когда они подскочили к главной улице станицы, раздался страшный гул. В воздухе полетели камни, ранив двух всадников. Это взорван был казаками фугас. Но белые не рассчитали и, к нашему счастью, произвели взрыв преждевременно. Белые ушли в горы. Нам достались орудия, более

1000 снарядов, пулеметы, бомболеты, бронированные поезда. Автомобили, винтовки, патроны и много командующего Матушкина.

Эпилог. Выполнив задание парткома, возвратился из Чечни старый Осипов со своей командой. Им пришлось вместе с 1-й ротой красноармейцев прогнать белых бандитов со старых промыслов, которые в течении трех месяцев были отрезаны от города. Ликованию и благодарности освобожденных рабочих и их семейств, которые работали под постоянной угрозой расстрела, не было конца. Целый день, не умолкая, раздавались приветственные гудки. Освобожденные и освободители справляли свой пролетарский праздник. Трогательна была встреча команды Осипова — «гудчат» со своими родителями. Жена Осипова рассказывала мужу:

«Три раза меня трусили эти разбойники, пусто им быть. Все тебя искали. Все перевернули. Всех курочек куроцапы поворовали. Третий раз как пришли, все больше ахфицеры, сгребли меня, грешную, да и потащили. На телеграфном столбе хотели повесить. Тут, на счастье, знакомый сотник казацкий Бороденко проходил. Я к ему, взмолилась — защитить и помиловать, значит, прошу. А тот к палачам моим обратился. Говорит: „Бросьте, господа ахвицерья. Я эту старуху знаю. Она казачка, в что муж и сын ее в большевиках, она в этом не повинна“. И сам вытащил голову мою из петли. Виновата я перед тобой, старая дура».

В это время на улице загудел автомобиль. «Задержи коммунар, машину; кажется, в город направляется? Поедем в партком. Я с докладом. В это время нельзя дома на печи лежать», — кинул Осипов сыну. Тот выбежал.

«Хозяин ты бы хочь сынка оставил. Почитай сто днев и сто ночей не видала. Все оченьки выплакала!», — взмолилась старая.

«Сама знаешь, хозяйка, что служба, долг...» — был ответ.

«Машина дожидается», — закричал сын.

Жена уже не протестовала, «вернуться поскорей» просила уезжавших.

Оба сели на грузовик и покатили. Подъезжая к городу, увидели огненное пламя над вокзалом и спросили шофера: «Что это, товарищ?».

«Золотопогонники, как ударили, зажгли бензин на станции в баках», — пояснил шофер.

В парткоме Осиповым, отцу и сыну, дали задание: ехать на станцию и потушить пожар. Весь вечер и ночь работали Осиповы на пожаре, чуть сами не сгорели. К утру усилиями железнодорожников, подвозивших балласт, горевший бензин был потушен. Пожар, к счастью, не распространился на другие баки с нефтью, керосином и бензином.

В это время красный бронепоезд обстреливал станицу Ермоловскую, которая не хотела сдаваться. Красные казаки, взяв станицу Закан-Юртовскую, подходили с другой стороны. К этой же станице подвигалась Владикавказская Красная армия. Здесь, под Ермоловской, 13 ноября, они все соединились. Ермоловская пала. Оставив в станице караулы, объединенный отряд направился в Грозный. Был устроен грандиозный парад в честь освобожденных. Безмолвно лежали груды развалин в городе — мертвые свидетели ужасов осады. Окна в домах были забиты досками. Телеграфные провода порваны снарядами, стены его — изрешетены шрапнельными и ружейными пулями. В станице сгорело много хат. Белые разрушили городскую электрическую станцию, и потому по ночам город погружался во тьму. Из Грозного, Серго Орджоникидзе — чрезвычайный комиссар ЦИК на юге России — послал следующее радио:

«***Москва, Ленину, Владикавказ — Совнарком. Всем, всем, всем. После трехмесячной упорной борьбы, Грозненская Красная армия, под руководством товарищей Гикало и Левандовского, сегодня нанесла контрреволюционным офицерским бандам смертельный удар, изгнав их из Грозненской станицы. Разбитые на голову офицерские банды, удирая, подожгли несколько резервуаров с керосином и бензином; приняты меры к предотвращению пожара. Миллионы пудов бензина***

и керосина спасены от расхищения бандами. Размеры захваченных трофеев выясняются».

С красными казаками пришел в Грозный и их политиком Николай Кривоносов. В станице он узнал, что отец его повесился, а мать убита снарядом. Двор Кривоносовых и их лавка разграблены самими же станичниками. Стариков, конечно, ему было жаль, но делать было нечего. Николай побежал в госпиталь, где встретился со своей невестой Марусей Изюмовой.

Краевой партком перебросил его и Марусю перед самым вторжением на Терек банд Деникина на Кавказские Минеральные воды, в распоряжение Пятигорского парткома. Последний оставил обоих для подпольной работы.

Там пробыли Кривоносовы до начала 1920 года, когда восстановилась на Тереке советская власть. И тогда только они провели в жизнь свою мечту — устроили близ Михайловской станицы коммуну для детей чеченской бедноты. Эта коммуна и доныне слывет, как образцовая, не только на Северном Кавказе, но и во всем нашем Союзе. Осипов со своей командой ушел перед приходом деникинцев в горы Чечни с отрядом Гикало. Для красных партизан Осипов и товарищи его были незаменимыми проводниками — они знали Чечню вдоль и поперек. **Меркулов Андрей** от Кизляра прошел с XI Красной армией Астраханские степи. В Астрахани Меркулов свалился, заболев сыпным тифом. После он работал среди астраханских казаков, а в феврале 1920 г., пробравшись через Астраханскую степь, связался с красными партизанами и попал в Чечню к восставшим чеченцам, которыми командовал Гикало. С известным партизаном-подпольщиком Лукьяновым-Никитиным, снабжавшим гикаловцев продовольствием, Меркулов отважился пробраться к жене, которая с матерью и сыном скрывалась в Щебелиновке — в слободе Грозного, занятого деникинцами. Он отвез свою семью в более безопасное место, в Чечню. С гикаловцами по восстановлении советской власти на Тереке Меркуловы вернулись в Грозный. Меркулов организовал

сельскохозяйственную коммуну имени Ленина, и под умелым руководством Меркулова коммуна процветает и доныне.

Записка Г. К. Орджоникидзе В. И. Ленину. 14 марта 1920 г. События на Кавказском фронте развиваются довольно быстро. В ближайшие дни надеемся иметь Грозный, Владикавказ. Горское население ждет с нетерпением нашего прихода. Нужны большие суммы. Из ассигнованных миллиард четыреста миллионов выслано только двести миллионов. Настоятельно прошу немедленно выслать миллиард. (ЦГАОР, ф. 1235, оп. 95, д. 234, л. 95).

Телеграмма Г. К. Орджоникидзе В. И. Ленину о мероприятиях по вывозу нефти из Грозного. 26 марта 1920 г. Грозный занят, необходимо подвозить нефть. (Имеются) серьезные повреждения мостов, для восстановления которых необходима срочная высылка двух горемов (головной отряд ремонтных мастерских), о чем ходатайство уже возбуждается. В настоящее время необходимость в них более увеличилась, почему РВС фронта просит о доставке порожняка цистерн по мере надобности. *Орджоникидзе*. (Сборник «Борьба за Советскую власть в Чечено-Ингушетии (1917—1920)». Грозный, 1958).

Записка В. И. Ленина чрезвычайному уполномоченному СТО по снабжению красной армии и флота т. Рыкову А. И. 28 марта 1920 г. Взятие 15 млн. пудов бензина в Грозном заставляет нас принять ряд спешных и важных мер, как-то: 1. Особо строгая охрана бензина. Меры военные. Специальная ответственность военных. 2. Подсчет: сколько нам надо (maximum). Остальное — за границу за паровозы. 3. Сбор грузовиков (отовсюду, особенно из армии) и ремонт их для подвоза хлеба к станциям. 4. Мобилизация грузовиков и шоферов для этой цели. 5. Своз бензина в центральные склады.

Может быть, Вы соберете совещание (из Компрода и военного ведомства) по этому вопросу и внесете предложение совещания в Совет Обороны? Прошу Вас сделать это спешно. *Ленин*. (В. И. Ленин. Полн. Собр. Соч., т. 51, стр. 171).

Телеграмма общего собрания рабочих-железнодорожников Грозного В. И. Ленину. Март, 1920 г. Товарищу Ленину. Общее собрание рабочих-железнодорожников, заслушав доклад по текущему моменту, вынесло следующую резолюцию: мы, рабочие-железнодорожники, приветствуем вождя великой социальной революции товарища Ленина и других товарищей, идущих в авангарде революции. В то время, когда реакция давила и издевалась над нами, мы ни на минуту не сомневались в торжестве социальной революции. Наши надежды оправдались, и теперь мы ждем скорейшего непосредственного соединения с Советской Россией для того, чтобы совместными усилиями восстановить разрушенную грозненскую нефтяную промышленность. Да здравствует могучая Красная Армия! Да здравствует всемирная революция! Да здравствует III Интернационал! Железнодорожники Грозненского нефтяного района. (ЦГА ЧИАССР, ф. Р-73, оп. 1, д. 24, л. 3).

Телеграмма Грозненско-Владикавказского ревкома В. И. Ленину. 11 апреля 1920 г. Москва. Председателю Совета Народных Комиссаров Владимиру Ильичу Ленину. Сегодня в 17 часов при большом стечении рабочих от промыслов и заводов отправлен в Москву на Ваше имя маршрутный поезд с нефтяными продуктами — подарок от грозненского пролетариата. Грозненский пролетариат счастлив преподнесением его Вам. Знайте, что мы приложим все усилия и энергию, чтобы снабдить всю Советскую Россию нефтяными продуктами. С коммунистическим приветом Грозненско-Владикавказский ревком. (ГАРФ, ф. 130, оп. 4, д. 578.)

Из телеграммы В. И. Ленина Г. К. Орджоникидзе. 15 апреля 1920 г. По прямому проводу. В Ростов-на-Дону, РВС Кавкфронта, Орджоникидзе. …**Уполномачиваю Вас объявить горцам, что я обещаю провести через Совет Народных Комиссаров денежную помощь им. Выдайте им в счет этого 200 миллионов… *Ленин*.

ВОСПОМИНАНИЯ МИХАИЛА КАЛИНИНА 1923 ГОД

В Грозном. Грозный — это самый большой рабочий центр в нефтяной промышленности Северного Кавказа. Грозный много претерпел за время революции: сжигались вышки, ломались машины и даже буровые забивались всяким железным ломом. В настоящий момент восстановительная работа в полном разгаре; руководители промышленности надеются полностью выполнить свой план заданий. Город является самостоятельным, автономным от окружающих республик, но в нем находятся учреждения автономной Чеченской области.

Исключительно интересный митинг происходил на Старых промыслах Грозного — это верст двенадцать от города. Митинг был назначен в семь часов вечера. Когда мы подъезжали к промыслам, гудели все заводские гудки. Митинг был за промыслами, на поле. Все население промыслов, как рабочие, так и их семьи, расположились около вновь сделанной трибуны. Настроение исключительное, аудитория чисто пролетарская. Когда стемнело, быстро с промыслов протянули электрический провод и трибуну осветили. Митинг происходил несколько часов, затянулся до глубокой ночи. И в речах и в настроении грозненских рабочих чувствовалось, что они понимают ту ответственную роль, которая лежит на них, как на крепости пролетарской диктатуры среди крестьянского многонационального моря…

Стр. 202 …**У казаков**. Петропавловская станица находится в 12 верстах от Грозного, с числом от двух до трех тысяч жителей.

Посредине станицы большая площадь со станичными учреждениями, куда вливается ряд улиц. Все дома обнесены плетнями из ореха и ясеня. Хата так же разделяется на две половины.

Митинг начался с вопроса о казачьих нуждах. Не приводя речей выступавших казаков, я приведу отрывок из своей речи, которая иллюстрирует нужды станицы:

«Борьба с бандитизмом началась, и когда мы были в одном ингушском ауле, население аула клялось, что оно арестовало всех своих воров. Но вы должны понимать, что в этой борьбе мы должны быть чрезвычайно осторожны. Вы живете в этой станице, по вашим словам, свыше шестидесяти лет, значит, каждый из вас эти дома и окружающие земли считает своими родовыми, и это правильно, что вашей родиной сейчас является станица Петропавловская; но ведь чеченцы рассматривают вас как пришельцев… И вот мы должны оправдать свое существование здесь перед чеченцами своей культурностью, и я думаю, чем культурнее мы будем, чем более братски мы будем относиться к чеченцам, тем скорее у нас будет мир и согласие. Когда я ехал сюда, я думал, что вы будете жаловаться на несправедливости со стороны чеченского правительства, но ни одной такой жалобы я здесь не слышал. Значит, чеченское правительство относится к вам справедливо, а если казаки будут себя чувствовать хорошо у чеченского правительства, то это значит, что сделан большой шаг вперед, что братство народов начинает налаживаться, и дальнейшим сближением будет, чтобы вы своих дочерей выдавали замуж за чеченцев, чтобы казаки женились на чеченках».

После митинга мы не могли миновать казачьего обычая и отказаться от обеда. Вышел целый банкет, где участвовали приехавшие со мною лица и казачьи старики. Молодежь устроила танцы. **Характерно, что казаки переняли чеченский танец**. Между прочим, когда въезжали в станицу, то перед каждым домом был

вынесен стол, накрытый скатертью, и хлеб с солью, и около стола стояла семья. Этот день они превратили в праздник.

Стр. 203 …**У чеченцев**. 17-го, в час дня, после городского митинга, отправились в чеченский аул Урус-Мартан, с числом жителей от 30 до 35 тысяч человек. В дороге по обеим сторонам степи паслись большие стада овец, коров и в особенности много лошадей. В первом ауле нас встретила делегация с хлебом-солью, где впереди стояли почетные старики. Выступивший старик извинился, что их немного, народ думал, что успеет еще сходить в мечеть (в этот день был праздник Байрам, и мы проезжали как раз в час моленья), хотя их было не меньше 200—300 человек, не считая огромной толпы стоявших на флангах малышей и подростков. Такая процедура происходила и во втором ауле.

Обработка полей неважная. Поля засеяны большей частью кукурузой. По полям разбросаны грушевые деревья. Перед аулом была почетная встреча из стариков с хлебом-солью человек в 200. Урус-Мартан — огромное селение. Митинг был на торговой площади, в центре аула, на которой происходят базары. Это единственное место, где окна выходят на улицу; все остальные дома либо стоят задом, либо уходят далеко в сад или во двор. По обыкновению, митинг начался с выступления местных жителей…

КАЛИНИН. Товарищи, я очень жалею, что не могу говорить на родном языке здесь присутствующих, ибо в переводе некоторые слова теряют смысл и, пожалуй, вам трудно будет понять то, что я хочу выразить. Мне кажется, несколько меня не обманывает правильность глаза, — а я изъездил всю Советскую территорию, — я нигде не видел столько бедноты, как здесь. Наша власть есть власть бедноты, поэтому она особенно чутко относится к нуждам горских бедных людей. Одни из выступавших здесь товарищей, сказал, что если власть обращается хорошо, то и бедному человеку не надо умирать, ему нужно жить; а власть только тогда будет обращаться хорошо, когда беднота будет напоминать ей о своих нуждах, будет указывать те или иные несправедливости. Все люди родятся

хорошими и только потом в жизни они портятся: люди привыкают, чтобы им кланялись, чтобы им делали подачки, и от этого постепенно самый хороший человек делается дурным. Поэтому, если беднота хочет иметь хорошую власть, она должна смело указывать на все ошибки. Находясь в Москве, я постоянно имею доклады от представителей чеченской власти, но мне мало этих докладов, и поэтому я приехал сюда, чтобы здесь слышать из уст самого народа о ваших нуждах. Должен сказать, что ваша новая власть пока очень хорошая власть. Но если беднота не будет внимательно за этой властью следить, то она может испортиться. Здесь, вдали от центра, где целые десятилетия никогда не было порядочной власти, — раньше здесь на людей, в особенности на бедноту, смотрели буквально как на скот. Советская власть — бедноту, смотрели буквально как на скот. Советская власть — это власть простых людей. Я являюсь представителем этой власти, в то же время являюсь рабочим и крестьянином, поэтому любой середняк может самым простым языком рассказать мне свои нужды, и я пойму его. Может быть, я ошибаюсь, но здесь как будто бы на этом собрании бедноты у вас очень мало, я не вижу здесь той бедноты, которая бы ярко рассказала о своей нищете, о своих несчастьях. Наладить новую жизнь так, чтобы стало легче и лучше жить и бедняку и середняку, это очень трудная задача, однако Советская власть во главе с Лениным, о котором, наверное, вы слышали, поставила себе задачу только тогда, когда нас поддержат и бедняки и середняки. Мы не хотим, чтобы какая-нибудь из национальностей живущих в Советской Республике, была угнетаема. Раньше религия, или вернее, наши священники были самыми приближенными людьми к царскому дому, который сильнее всего угнетал рабочих и крестьян, поэтому теперешняя рабоче-крестьянская власть великолепно понимает ту горечь, которая целыми поколениями накоплялась у горцев, особенно притесняемых, бесправных, на которых смотрели, как на людей низшей расы. Наши господствующие классы смотрели свысока на горцев, а Советская

власть убеждена, что именно эти горцы должны составить самые лучшие, самые сильные, самые убежденные и умеющие класть свои головы, силы в защиту советской власти, которая является защитницей бедноты. Поэтому давайте вместе строить трудовое братское государство, пусть придут все честные горцы, которые хотят нам помогать, которые хотят быть настоящими братьями всего человечества, и мы вместе с ними построим новую жизнь, где легче будет жить бедноте, где не будет угнетения… Мы строим не государство горца или государство ингушей, или государство русских, — мы строим государство трудящихся, и всякая национальность, чем она беднее или несчастнее, тем более почетное место она должна занять в строительстве нового государства. Первая задача, которая стоит перед каждым честным гражданином, заключается в том, что надо приучиться любить другие национальности.

Теперь я перейду к вопросу о том, что нужно сделать для того, чтобы чеченцам жилось лучше, чем до сих пор. Улучшение жизни является делом не минутным, для этого потребуется много времени, труда и усилий. Советская власть стремится сейчас наладить мирную добрососедскую жизнь разных племен и национальностей, живущих здесь и соприкасающихся особенно тесно на Кавказе.

Мы у себя в Советской России забрали все земли у помещиков, считая, что помещики не имеют права владеть землей, что владеть землей имеет право только тот, кто на ней трудится. И если бы здесь в ауле было пять русских крупных помещиков, мы завтра же бы выселили их; но если бы здесь было 25 человек бедных крестьян, вместе с вами работающих, живущих своим трудом, Советская власть не имела бы морального права выселять их отсюда. Чеченскому народу мы так же даем большие права, чеченцы отныне являются не только гражданами своей автономной чеченской области, — потому что я уверен, если бы Чечня была совершенно самостоятельной, то завтрашний же день европейские империалисты захватили бы ее, — поэтому каждый чеченец должен

быть гражданином не только своей Чечни, но и гражданином всей Советской Федерации. Поэтому, когда вчера казаки Петропавловской станицы мне заявили, что их нужно выделять к Терской губернии, я решительно протестовал против этого, сказав, что если чеченцы раньше жили в русском государстве и теперь живут в общей федерации, то и вы извольте жить сделайтесь их товарищами, породнитесь с ними, и я уверен, что чеченское правительство обижать вас не будет, а московское правительство, в свою очередь, не обидит Чечню. Теперь чеченскому народу придется показать перед всем миром, что раньше он был в рабстве, подчиняясь большому государству, а теперь, когда вы стали маленькой свободной автономной Чечней, маленькая горсточка русских казаков, не по своей воле заброшенная в Чечню, не подвергается опасности и насилию со стороны чеченцев. Если этого насилия не будет, если вы будете жить мирно с казаками, то вы покажете всему миру, как действительно надо строить братское государство. Я думаю, что старая ненависть, которая существует между горцами и казаками, должна быть изжита, я прямо сказал казачкам: у горцев не хватает женщин, выдавайте своих дочерей за чеченцев, — а вам посоветую жениться на казачках...

Мне кажется, что к разрешению земельного вопроса нужно подойти с другой стороны: если вы не можете улучшить обработку своей земли, т. е. разводить более ценные культуры, вы должны заняться отхожими промыслами, как это практикуется в целом ряде русских губерний, которые не могут прокормиться своей землей; десятки тысяч крестьян у нас каждый год уходят в города плотниками, печниками, столярами и т. д.

Смоленские мужики, например, приехали сюда в Грозный работать на нефтяных промыслах. Вот как спасается от голодовок русский крестьянин; очевидно, что и чеченцам придется войти по этому пути, создавая своих кузнецов, ремесленников и проч. Я уже заявил в Грозном, что, чтобы чеченцы принимались на промыслах, они должны изучить целый ряд ремесел. Если

в Советской республике молодежь не боится пускаться в дальний путь по огромной советской территории, — можно с уверенностью сказать, что в любом городе вы можете встретить казанских татар, — то почему ваши красивые, ловкие горцы не могут пойти в глубь советской территории искать себе работу? Там они много чему научатся, и сюда в Чечню они будут приезжать только доживать свой век. В Советской республике жить несколько не хуже, чем у вас в горах.

...На вопрос о том, что будет с чеченцами, которые мучаются за границей, — конечно, мы их возвратим назад, если будет доказано, что они не замешаны ни в чем контрреволюционном.

Что касается материальной помощи чеченцам, то должен сказать прямо, что у нас очень много бедных республик, а наша власть очень бедная, и поэтому говорить, что будет какой-нибудь большой отпуск материальных средств, — это было бы с моей стороны обманом, подобным тому, в котором теперь вы упрекаете молодых представителей Советской власти, которые в борьбе с контрреволюцией сулили вам золотые горы. Я уже сказал, что Советская власть очень бедна, мы получаем только одну третью часть того, что получало самодержавное правительство, а между тем расходы на Красную Армию, на железные дороги, в особенности здесь, на Кавказе, где железные дороги пострадали больше, чем где бы то ни было, — эти расходы колоссальны. Вам облегчение сделано в том смысле, что нефть и основные продукты, выдаваемые здесь населению, будут выдаваться по удешевленной на 20% цене...

СТАРИК-ЧЕЧЕНЕЦ. Все ждали с нетерпением от тов. Калинина и наши жены и дочери, сидя сейчас дома, ждут, что тов. Калинин объявит нам какую-нибудь радость. Может быть, он привез какое-нибудь новое положение. Если действительно вы можете нас чем-нибудь обрадовать, то мы просим сообщить нам поскорей.

КАЛИНИН. К сожалению, никакой радости я вам сообщить не могу. Советская власть не привыкла обманывать людей, она прямо говорит, что счастье может быть завоевано только

собственным трудом, поэтому я не хочу обманывать вас, чтобы вы не могли после сказать: приезжал центр, наобещал всякой всячины и ничего не сделал. Мы все знаем, что всему народу России живется чрезвычайно трудно и тяжело, и я прекрасно понимаю, что и вам здесь живется не легче, но, чтобы улучшить свое положение, приходится много, неустанно работать. Если какая-нибудь помощь и будет, она будет настолько незначительна, что навряд ли она скажется на всей массе в несколько сот тысяч человек, которая может подняться из нищеты постепенно, только лишь посредством своего собственного труда. Что мы сделали, чтобы помочь чеченскому народу в этом отношении? Прежде всего мы сделали Чечню свободной, затем мы открыли Чечне учебные заведения, и теперь каждый чеченец может учиться где хочет, может занимать любой советский пост. Но, несмотря на то, что мы открыли школы, старикам придется умереть неграмотными, так как они уже не могут учиться, но в ваших школах будут учиться ваши дети. Чтобы улучшить ваше положение, нужно улучшить обработку земли. Если допустить, что теперь десятина дает 20—30 пудов, то путем улучшения через 10 лет она будет давать 300 пудов. Чтобы улучшить вашу землю, вы должны проводить каналы, чтобы орошать ее. Вы просите, чтобы вам облегчить положение. Ведь вам и так дана большая льгота: пятьдесят процентов всех налогов, которые собираются у вас, идут исключительно на нужды вашей автономной области. В Советской России нигде такого большого процента нет, мы даем на местные средства 15—20%. Все, что Советская власть может, она делает для улучшения вашего положения, и вы не должны думать, что кто-то приедет и что-то вам даст. Советская власть говорит, что вы будете обуты и одеты, но для этого вы должны тоже потрудиться, потому что нет таких людей богатых людей, которые могли бы всех обуть и всех одеть; здесь нужна усиленная работа, усиленная энергия самого чеченского народа.

ВОРОШИЛОВ. Товарищи, здесь высказывалось желание заслушать от тов. Калинина, нашего редкого, дорогого гостя, какое-

нибудь известие об облегчении, услышать какую-нибудь радость. Я лучше, чем тов. Калинин, скажу вам про это счастье, и как честный советский работник, как старый коммунист скажу вам, что вы действительно очень счастливы, не только потому, что вы являетесь свободной, самоуправляющейся автономной областью, но и потому, что принадлежа к народам Востока, вы находитесь в условиях не одинаковых с теми многомиллионными страдальцами восточных народов, Индии, Китая, Японии и Персии, — вы имеете великое счастье жить среди народностей, которые освободились от вековечного гнета и которые теперь устраивают собственными, правда неумелыми руками, свою жизнь. Это величайшее счастье мы завоевали своими собственными руками, но мы хотим его сделать еще большим, хотим, чтобы оно стало архисчастьем, и тут правильно сказал М. И., что вам нечего ждать, что кто-то приедет и что-то вам подарит. Ведь счастье с неба не валится и на дороге не растет. Счастье — это труд. Имеется ли у вас в автономной Чечне возможность собственными усилиями, собственным трудом ковать свое счастье? Безусловно, имеется, ибо вы не Турция, которая в течение десятков лет лила свою кровь и в настоящее время находится в условиях, во много раз худших, чем вы. Несмотря на то, что она поклоняется одному Богу с вами, — она верует так же как и вы, — и хотя она освободилась от султана, который насильственным образом захватил власть в Турции и называл себя чуть ли не заместителем пророка, но теперь Турция, освободившись от султана, со всех сторон окружена кровожадными капиталистами, и турецкий народ при всем желании не может освободиться от этих кровожадных шакалов. А мы с вами настолько счастливы, что этой самой несчастной Турции в продолжение целого ряда лет помогали, и эта помощь совершенно правильно оценивалась всеми нашими врагами, внушая страх к нам. Эти наши враги, мировые капиталисты и буржуазия, несколько дней тому назад убили нашего лучшего товарища Воровского, который был нашим представителем в Лозанне, где защищал вместе с нашими интересами и интересы

турецкого народа. Турецкий народ несчастлив тем, что он не может свободно работать, не может завоевывать свое счастье, не считая уже арабских и индийских народов, которые работают на самого могущественного капиталиста в мире — Англию. Несчастны и все 700 миллионов тружеников Востока, которые порабощены, как нация, извне пришедшими народами, а мы с вами счастливы, потому, что мы с вами живем в условиях полной свободы, а это первое условие, чтобы обеспечить себе счастье... И вот теперь я вам объявляю эту великую радость, которую вы не замечаете. Как только в Чечне наступит окончательное успокоение, как только не будет больше бандитизма, вы начнете вместе с нами постепенно улучшать свое положение, и пройдет очень немного времени, каких-нибудь пять лет, и у вас наступит полное счастье. Но для этого прежде всего, как я уже сказал, нужно прекратить бандитизм. Вы — народ, который всегда был свободным, и такой народ, конечно, не пропадет, вы напрасно здесь перед нашим дорогим гостем представлялись казанскими сиротами. Несомненно, что беднота у вас есть, но где ее нет? Несомненно, есть у вас и воровство, которое нужно совместными усилиями устранить. Теперь у вас есть своя собственная чистокровная чеченская власть, которая должна следить, чтобы все у вас шло правильно: если есть бедняк и на него наложено 60 пудов налога, то с такого бедняка не только нужно снять этот налог, но нужно еще и ему помочь. Вы знаете, что ваша власть, которая вам близка и которая говорит на вашем собственном языке, она будет вам помогать не из своего, а из вашего общечеченского кармана, правильно распределяя то, что вы ей даете; поэтому вы должны адресоваться всегда к своей власти. Если вы будете организованны, если вы будете организованно помогать вашей власти, то я уверен, что вы скоро совершенно твердо встанете на ноги. Если ваша власть вас не удовлетворяет, — а об этом мы как будто бы здесь не слышали ни одной жалобы, — то вы должны ее сменить. Вначале почти всегда дело идет плохо, и чтобы дело наладилось, нужно немало времени. Сколько времени вы живете

в автономной Чечне? Всего 3,5 месяца. Это срок слишком маленький, а между тем результаты мы видим большие. Вы сами говорили, да и как здешний краевой работник могу сказать, что за последний месяц грабежей почти нет. Я уверен, что пройдет еще немного времени, год — два, и Чечни нельзя будет узнать: у нас всюду, не только в Урус-Мартане, будут школы, в которых вы будете просвещать свою молодежь. Ваш культурный уровень поднимется, и тогда мы всему угнетенному Востоку будем маячить, как звезда, к которой они неустанно будут стремиться и которая облегчит нам возможность установить полный мир и счастье на нашей Советской земле и на всем магометанском Востоке. Да здравствует счастливая автономная Чечня!

Я не буду говорить о том, что мы всегда чеченскому трудовому народу, Чеченской автономной республике желали всяческих благ, так как это хорошо известно всем... Но мне, товарищи, будет в сто раз легче быть представителем чеченского народа, быть настоящим его кунаком, быть настоящим печальником всех его интересов, — если мы достигнем полного успеха в Чечне. У нас чрезвычайно много средств для того, чтобы бороться и раз навсегда победить бандитизм...

Я должен предупредить, что без конца бандитизм терпеть я не намерен, и поэтому вы должны самым серьезным образом подумать о том, чтобы поддержать ревком, и тогда я уверен, что мы скоро изживем все наши неурядицы, восстановим ваше хозяйство, будем настоящими с вами кунаками. Да здравствует на долгое будущее свободная Чечня! Да здравствует возрождающаяся культура чеченского народа! Ура!

КАЛИНИН. Товарищи! ...Вы все и особенно молодые работники должны проникнуться мыслью, чтобы общими усилиями создать лучшее будущее, и всякий, кто будет работать на этом поприще, всякий молодой работник, выдвинувшийся из чеченцев, получит полное удовлетворение. Разрешите мне пожелать, чтобы ваша молодая изрождающаяся интеллигенция, которую мы сейчас видим

в своей среде, весь свой ум, всю свою энергию направила на благо и на интересы чеченского народа. Эти интересы тесно связаны с укреплением, с окончательной победой Советской власти.

Так как был день праздника «байрам», то местные товарищи настояли посмотреть местные бытовые танцы, которые в высшей степени оригинальны: женщина идет короткими шагами в такт, и вся суть танца заключается в неуловимой пластике танцующей, которая приковывает внимание зрителя. Мужчина вокруг выделывает разные фигуры. Сначала танцевали молодые джигиты, а потом вытащили старика лет шестидесяти с молодой девушкой. Он считается лучшим танцором. Между прочим, — характерная черта, — среди танцующих была беднота без бешметов. Все же танцующие женщины одеты хорошо. У них почти прямое платье без талии, скрывающее всю фигуру женщины, довольно длинное, лишь у некоторых продернуты резинки, стягивающие талию поясом. Между прочим я спросил:

— А прежде танцевали богачи с беднотой?

— Нет, раньше этого не было. Это только в последнее время стало возможно.

Пляшущий старик оказался и хорошим музыкантом. Во время деникинского нападения на Чечню он был в окопах вместе с молодежью, играл им на своем инструменте…

М. И. Калинин и К. Е. Ворошилов на пуске первой группы нефтеперегонных заводов в г. Грозном

«ПРОЙДЕННЫЙ ПУТЬ». С. М. БУДЕННЫЙ

В январе 1923 года Анастас Иванович Микоян пригласил к себе Ворошилова и меня.

— Подписан декрет ВЦИК, — сказал он, когда мы вошли в его кабинет. — Чечня объявляется автономной советской областью. Надо сообщить об этом чеченцам. Создана делегация. В нее входите вы оба, Левандовский и еще ряд товарищей. Возглавляю делегацию я. Завтра выезжаем в Грозный. Проведем митинг, созовем съезд, выберем ревком.

— Придется быть в аулах? — поинтересовался я.

— Конечно, — кивнул Микоян.

— Какие будут указания насчет охраны? В Чечню ехать небезопасно. Кое-где еще действуют бандиты, особенно в горах.

Микоян пожал плечами.

— Охраны никакой брать нельзя. Что подумает о нас народ? Скажут: боятся большевики.

Я внимательно посмотрел на Ворошилова и предложил:

— Оркестр возьмем?

— Обязательно, — усмехнулся он. — Два возьмем. Пусть играют попеременно. Чеченцы любят музыку.

— Правильно, два оркестра, — согласился я.

— Оркестры берите, не возражаю, — сказал Микоян.

Предоставление Чечне автономии было очень важным событием. На Северном Кавказе в числе других административных единиц была и Терская область. Вскоре после победы Социалистической революции был созван в Моздоке в январе 1918 года I съезд народов Терской области. Второй съезд, состоявшийся в феврале — марте 1918 года в Пятигорске, признал Советскую власть, официально объявил Терскую область Автономной Советской Республикой. На съезде присутствовал делегат Чечни Асланбек Шерипов.

После этого в ауле Гойты состоялся съезд чеченского народа. Съезд признал Советскую власть и выбрал руководящий орган — Гойтинский народный совет. В него вошли коммунист чеченец Таштемир Эльдарханов, Асланбек Шерипов и другие.

В последующие месяцы Северный Кавказ стал ареной ожесточенной борьбы. Один за другим вспыхивали контрреволюционные мятежи. Вскоре район оккупировали белогвардейские части Деникина.

В марте 1920 года после разгрома Деникина Советская власть в районах Северного Кавказа была восстановлена. 13 ноября состоялся съезд народов Дагестана. От имени Советского правительства И. В. Сталин провозгласил автономию Дагестана. 17 ноября во Владикавказе состоялся очередной съезд народов Терской области, который принял решение образовать на территории Терской области Горскую АССР, вошедшую в состав РСФСР. Декретом ВЦИК от 20 января 1921 года Горская АССР была создана. Она объединяла осетин, ингушей, чеченцев, кабардинцев, балкарцев, карачаевцев и другие народности.

Национальное размежевание продолжалось. Позднее от Горской АССР отделились, образовав автономные области, Кабардино-Балкария и Карачаево-Черкесия. Затем — Чечня, Ингушетия, Осетия. Горская АССР была упразднена. Ныне на Северном Кавказе как равноправные члены братской семьи народов великого Советского Союза находятся четыре автономные республики, входящие в СССР, — Дагестанская, Кабардино-Балкарская, Северо-Осетинская и Чечено-Ингушская. И две автономные области: Адыгейская (в составе Краснодарского края) и Карачаево-Черкесская (Ставрополье). Но вернемся к нашему повествованию. Мы стали готовиться к отъезду в Грозный.

— Одевайся по всей форме, — сказал Ворошилов и предложил заменить обычную боевую шашку подарком Фрунзе — шашкой эмира Бухарского. Одел мне красную ленту через плечо. Потом

отступил и несколько секунд осматривал. Со свойственным ему мягким юмором Климент Ефремович произнес:

— Хорош! И усы как нельзя кстати. Пусть чеченцы посмотрят, как выглядит Буденный — гроза белогвардейцев.

Я начинал сердиться.

— Ну-ну, потерпи, — шутил Ворошилов, — чеченцы любят красивую форму. Веди себя, как подобает красному генералу: с достоинством, но по-пролетарски.

— Что же я должен делать «по-пролетарски»?

— Увидим по обстановке.

В назначенное время Микоян, Ворошилов, Левандовский, Таштемир Эльдарханов, я и другие специальным поездом выехали в Грозный. На вокзале нас встретили представители партийных и советских организаций города. В Грозном созвали короткое совещание с участием местных руководящих товарищей. Решили объявить об автономии Чечни в торжественной обстановке, на митинге, где должны были собраться наиболее влиятельные жители всех чеченских аулов. Стали думать, где созвать митинг. Грозный отпал с первых же минут обсуждения. Местные бандиты часто нападали на предместья города, грабили склады, поджигали промышленные предприятия. Опасаясь возмездия, чеченцы в город не придут. Все пришли к единому мнению — провести митинг в самом большом селении Чечни. Таким был Урус-Мартан, расположенный примерно в 30 километрах от Грозного. Конечно, бандиты могли запросто напасть на нас. Но, как говорится, волков бояться — в лес не ходить. К опасности мы привыкли. К тому же перед отъездом в Грозный хорошо вооружили сопровождавших делегацию музыкантов; они одновременно являлись и нашей охраной. Товарищи из Грозного выделили связных.

И вот мы едем в Урус-Мартан. Впереди на конях два наших оркестра со знаменами. На пиках — красные флажки. Едва отъехали несколько километров, со всех сторон к нашему кортежу стали

примыкать верховые чеченцы. Все окружены кто чем: револьверами, кинжалами, шашками, винтовками.

— Ну, как самочувствие? — спросил меня Ворошилов, кивнув головой в сторону чеченцев, которых набралось уже немало.

— А ничего, — ответил я. — Не в таких переделках бывали.

Чеченцы вели себя мирно. Они видели, что нас немного и едем мы с добрыми намерениями.

— Надо поговорить с народом, рассказать, кто мы, куда и зачем направляемся, — обратился Ворошилов к Микояну.

Наша группа остановилась. Оркестр — тоже. Ворошилов привстал на стременах и громко крикнул:

— Товарищи!

Чеченцы подъехали ближе.

— Мы приехали сюда, — сказал Климент Ефремович, — чтобы сообщить вам радостную весть. Советское правительство выделяет Чечню в автономную область. Вы начнете новую, культурную жизнь в новых условиях. Да здравствуют горные орлы революционной Чечни!

Многие из чеченцев хорошо знали русский язык и переводили слова Ворошилова тем, кто не понимал по-русски. Когда Климент Ефремович закончил, всюду загремело «ура». По нашему знаку оркестр исполнил «Интернационал».

— Начало хорошее, — сказал Левандовский.

С нами был фотограф. Ему пришлось изрядно потрудиться. Отбоя не было от желающих сфотографироваться. На нашем пути — исторический аул Гойты. Видны красные флаги, установленные на крышах домов чеченцев.

— Хорошо встречают, — удовлетворенно сказал Ворошилов.

Все население Гойты, начиная от ребятишек и кончая стариками, вышло на широкое свободное поле. Они приветствовали нас громкими возгласами. Чеченцы пережили все ужасы белогвардейщины. Когда летом 1918 года в Терской области вспыхнул контрреволюционный мятеж, для защиты Советской власти

в Чечне, как и в других местах, стали создаваться отряды Красной Армии. Красноармейцами Чечни командовал Асланбек Шерипов. Восстание было подавлено. Но в феврале 1919 года в пределы Чечни вступили регулярные белогвардейские части Деникина. В ряде районов, в том числе в Гойты, развернулись ожесточенные бои. В одном из них в сентябре 1919 года отважный сын чеченского народа Асланбек Шерипов погиб. Около погребены красноармейцы, павшие в боях с белогвардейцами.

Мы остановились у кладбища почтить память героев. Все обнажили головы. Климент Ефремович произнес краткую речь. Оркестр исполнил похоронный марш. Проявление с нашей стороны такого уважения к погибшим произвело сильное впечатление на чеченцев.

По мере приближения к Урус-Мартану число сопровождавших нас всадников все увеличивалось — их было уже несколько сот. Иные из всадников вырвались вперед и старались ближе подъехать ко мне. Часто я ловил на себе их любопытные взгляды. Доносились отдельные слова:

— Красный генерал! Красный генерал!

— Это о вас, — перевел Эльдарханов, обращаясь ко мне.

— Народ уже собрался, — сказал Климент Ефремович. — Приедем на место и сразу начнем.

Вот и аул. Остановились на широкой поляне. Местные товарищи быстро соорудили трибуну, и в четыре часа Климент Ефремович открыл митинг.

Передаю его речь, как она была изложена в газетном отчете.

— Товарищи трудовые чеченцы! — сказал Ворошилов. — Мы прибыли сюда по поручению высшего органа Советской власти — Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета, с тем чтобы объявить вам волю правительства Советской трудовой Республики о создании автономной Чеченской красной самостоятельной области.

Товарищи! Горные орлы недоступных гор Кавказа! Далеко за грозненские нефтяные вышки пронесся клич о даровании автономии трудовому чеченскому народу. Приветствуя вас на вашей родной земле, я выражаю уверенность в том, что вновь создаваемая семья трудовых чеченцев будет бороться честно и доблестно за те интересы, за которые неустанно и самоотверженно бились ваши лучшие сыны в упорной схватке с прихлебателями и наймитами внутренней и внешней буржуазии, пытавшейся поработить трудовой народ.

Область чеченского народа есть дополнение к великому, мощному советскому организму, простирающемуся от Кавказских гор до Тихого океана. Здесь, на вашей трудовой земле, вы будете строить нашу мощную крепкую Советскую Республику, строго охраняя интересы трудящихся.

Прошлое вашего народа дает нам полное право судить о том, что чеченский народ сегодня или завтра явится лучшей опорой Советской власти на Северном Кавказе. История ваших предков — дедов и отцов — полна героизма в мировой схватке со всеми насильниками, пытавшимися поработить и закабалить трудящихся. Ваш народ был вольным, свободным — вы не были и не желали быть рабами и прихлебателями.

Жизнь и условия борьбы выковали из вас стойких борцов за торжество всемирной революции. И это дало вам право на сегодняшнее торжество. Несмотря на то что на Советскую власть в течение четырех лет нападали со всех сторон капиталисты и прихвостни всех мастей, она выходила из всех схваток победительницей.

Выделение в автономные области Кабарды, Карачая имеет реальные результаты, а именно уничтожение бандитских шаек, налаживание мирного хозяйства. Кроме того, народ, освобожденный от существующей между отдельными народностями вражды, приступает к мирному труду.

Именем республики вашему народу предоставлено право полного самостоятельного управления в целях улучшения вашего положения, как экономического, так и культурного, и приведения в мирное состояние земли, занимаемой вами.

30 ноября ВЦИК постановил: выделить Чечню из состава Горской Республики в автономную область с резиденцией в Грозном. Границы определяются административной комиссией ВЦИК. В состав ревкома входят 13 человек. Это и есть воля нашего и вашего правительственного органа.

Свобода самостоятельного управления дарована вам не царем и князем, а самими же трудящимися. Это дает нам широкое право надеяться, что различным бандитским и разбойничьим выступлениям не будет больше места в красной свободной Чечне. Отныне в Чечне наступит порядок, и трудовой народ построит свою трудовую, новую жизнь. Свою речь Климент Ефремович закончил под громкие крики «ура». Оркестр исполнил «Интернационал».

Затем слово предоставили мне. Я рассказал о Красной Армии, о победах, одержанных над Деникиным, Колчаком, Врангелем, белополяками, о том, как создавалась 1-я Конная, о подвигах конармейцев. Приветствуя народ свободной Чечни, я высказал уверенность, что теперь чеченский народ наведет у себя твердый революционный порядок и на чеченской земле не будет места тем, кто покушается на права и жизнь трудящихся.

Выступил Эльдарханов. Он говорил о нуждах чеченского народа: нет школ, нет больниц; дороги и мосты находятся в плохом состоянии. Бандиты нападают на железные дороги, нефтепромыслы, совершают грабежи. Действия бандитов позорят чеченский народ, мешают укреплению его дружбы с русскими, дагестанцами, осетинами, ингушами. Надо навести в области твердый порядок.

После него произнесли речи Микоян и Левандовский. Затем слово взял мулла Ут-Гаджиев. Он сказал, что наемники Антанты распространяют слухи, будто большевики уничтожают мечети, вырезают всех мулл.

— А я был в Москве, — заявил Гаджиев, — зашел там в мечеть. Несмотря на то что в центре России проживает весьма малое количество горских народов, все мечети находятся в полном порядке.

Мы собирались после митинга вернуться в Грозный. Но нас пригласили в гости. Делать нечего, пришлось остаться, иначе чеченцы сочли бы нас трусами. Разместили нас в двух комнатах большого дома. Никакой мебели нет. Расселись на подушках, на коврах. Эльдарханов разъяснил нам, каковы обычаи чеченцев, что и как должны есть, как себя вести. Пока мы угощались, у дома собралась молодежь. Послышалась музыка. Начались своеобразные горские танцы, стремительные, шумные. Мы вышли к молодежи, вместе с хозяевами стали аплодировать танцорам. Число танцующих все увеличивалось. Не выдержал и пустился в пляс гармонист. Одновременно он плясал и играл. Загорелась кровь и у меня. Вспомнил наказ Ворошилова — вести себя с достоинством, но по-пролетарски — и посмотрел на него. Он понял меня, улыбнулся и кивнул головой. Я вошел в круг и принялся плясать, да с таким азартом, как будто сам жил в горах, лихо отплясывал лезгинку. Чеченцы были в восторге. Круг зрителей рос. Десятки людей в такт хлопали в ладоши и громко кричали: «Асса! Асса!».

Поздно ночью закончилось веселье. Мы уже собрались лечь, когда нам доложили, что в ауле находится вожак одной из бандитских шаек Али Митаев. Остались в селе и другие главари вооруженных отрядов, присутствовавшие на митинге.

Не один раз приходилось нам проводить разъяснительную работу среди врагов, ожидая каждую секунду, что вот-вот пойдет в ход оружие. Почему же не воспользоваться случаем и теперь? И мы поручили Эльдарханов пригласить Митаева в дом для беседы.

И вот распахнулась дверь. В сопровождении двух охранников в комнату вошел стройный средних лет мужчина в национальной чеченской одежде, на поясе — кинжал, револьвер, сбоку — шашка.

Это был Али Митаев. Мы пригласили его сесть. По его знаку охранники вышли.

Беседовали через переводчика. Мы спросили, почему он борется с русскими угнетателями. В свое время царское правительство арестовало и отправило в тюрьму его отца, где тот умер. Такая судьба ждет и его, Али Митаева, мы ничего не имеем и готовы гарантировать ему и всем его товарищам полную свободу, если, конечно он прекратит борьбу с Советской властью.

Али Митаев долго и подробно расспрашивал нас, что означает автономия на деле, как теперь будет управляться область, по каким законам жить. Наконец, сказал, что сложит оружие, если русские введут его в состав местной власти. Мы приняли его предложение. А. И. Микоян доложил о нем в Москву. И вскоре Али Митаев был введен в состав ревкома Чеченской автономной области.

19 января 1923 года в Грозном состоялся первый областной съезд трудящихся чеченцев. Съезд избрал революционный комитет автономной области. Его председателем стал Таштемир Эльдарханов.

«ТАК БЫЛО». А. И. МИКОЯН

Размышления о минувшем.

Глава 15. Проблемы казачества. Чечня

Стр. 246 ...Положение в Чечне было тогда очень напряженным. Там орудовали остатки антисоветских элементов, которые провоцировали чеченцев на выступления против советской власти, организовывали банды, нападавшие на предместья Грозного, на нефтепромыслы, железнодорожные станции и поезда. Были случаи убийств советских работников в чеченских селениях. Многие из этих банд продолжали действовать в Чечне и после того, как в нашем крае бандитизмом было в основном покончено.

Сохранилась запись выступления первого председателя Чеченского ревкома Таштемира Эльдарханова о положении в Чечне

в те времена. В ней сообщалось, что ко времени образования автономной Чечни на всей ее территории отсутствовала не только твердая власть, но и вообще какая бы то ни было советская власть. Бандитские шайки не только не давали покоя в самой Чечне, но и нападали на казачьи станицы. Были нападения на транспорт, на железные дороги.

Терпеть такое положение дальше было невозможно. Да и из самой Чечни, от ее наиболее активных партийных и беспартийных товарищей, в особенности от комсомольцев, все настоятельнее поступали просьбы укрепить у них власть, предоставить им автономию.

В это время я специально раза три встречался с Дзержинским, который пристально следил за ходом борьбы с контрреволюцией на Северном Кавказе. Он был очень встревожен деятельностью северокавказских казаческих банд и банд в Чечне.

В беседах с Дзержинским я говорил ему, что причиной напряженного положения в Чечне является отсутствие там настоящей советской работы. Горская республика с этим не справляется. Необходимо создать Чеченскую национальную автономию во главе с самими чеченцами, и тогда обстановка в Чечне несколько разрядится. Дзержинский поддержал нас.

Будучи в Москве, я посоветовался со Сталиным. Он отнесся к идее одобрительно, предупредил о необходимости проявить осторожность и выяснить подлинное настроение населения.

В октябре 1922 г. ЦК партии создал комиссию по чеченскому вопросу. В нее вошли Ворошилов, Киров, работавший тогда секретарем ЦК Азербайджана, и я.

Комиссия работала во Владикавказе и выезжала на места, знакомилась с фактическим положением дел. В ее работе принимали участие руководящие работники Горской республики: секретарь обкома партии Гикало, председатель ЦИК Зязиков (ингуш), предсовнаркома Мамсуров (осетин), Эльдарханов (чеченец) и другие.

После всестороннего обсуждения результатов своей работы комиссия вошла в ЦК партии с предложением о выделении Чечни из состава Горской АССР в автономную область с пребыванием ее руководящих органов в Грозном. Однако Грозный решено было в состав автономной Чечни не включать. Он по-прежнему должен был оставаться самостоятельной административной единицей с непосредственным подчинением не ЦК Горреспублики, а ВЦИК и краевому центру.

В установленном комиссией составе Чеченского ревкома было семь беспартийных и шесть коммунистов. Беспартийные чеченцы были тесно связаны с разными районами Чечни и пользовались у населения большим доверием. А это было главным для успеха работы ревкома Чечни. На ревком была возложена вся ответственность за правопорядок в Чечне, а также за ликвидацию нападений чеченцев на нефтепромыслы и железные дороги, на красноармейцев и учителей казачьих станиц.

В первой половине ноября 1922 г. все предложения комиссии были рассмотрены и в основном одобрены на заседании секретариата ЦК партии, и 30 ноября 1922 г. ВЦИК принял декрет об образовании автономной Чеченской области.

Стр. 250 ...В 1925 г. Дзержинский специально пригласил меня к себе по вопросу о Чечне. Он рассказал мне, что Пилсудский, являясь инструментом в руках Антанты, активизируется против нас, хочет иметь союз с Прибалтийскими государствами и через год-два начать военные действия против Советского Союза. Наши противники могут напасть на железную дорогу и отрезать нас от Баку — основного центра получения нефтепродуктов. Хотя Чечня и успокоилась, она вооружена. В свое время чеченцы отобрали оружие у тех войск, которые неорганизованно уходили с турецкого фронта.

Чтобы быть полностью спокойными, сказал он, нужно произвести разоружение Чечни. Я согласился с Дзержинским и сказал: «Пожалуйста, поставьте этот вопрос. Мы возражать

не будем». Он высказал опасение, что правительство, и особенно **Рыков**, провалит это предложение. Меня это несколько удивило. Я не совсем знал отношения между Дзержинским и Рыковым и не знал, что у Рыкова особая позиция. Дзержинский сказал: «Вы сами поставьте вопрос, но сперва переговорите со Сталиным».

Я встретился со Сталиным, который оказался в курсе дел и считал, что Дзержинский правильно ставит вопрос. «Чтобы Рыков не возражал, — сказал Сталин, — лучше ты пойди к нему, информируй его и заручись поддержкой».

С Рыковым у меня отношения были хорошие. В разговоре с ним, не ссылаясь на беседы с Дзержинским и Сталиным, рассказал об этом деле как о предложении крайкома партии. Я гарантировал ему, что разоружение Чечни произведем без осложнений, поскольку используем для этого армию — устроим военное обучение частей, братание с населением, культурные мероприятия. Затем власти организованно займутся разоружением в присутствии войск, которые отобьют охоту у кого-либо поднять оружие. Словом, я убедил Рыкова.

Сразу же позвонил Дзержинскому. Тот очень обрадовался. Мы внесли предложение в политбюро ЦК, и оно было одобрено. Стояла весна 1925 г. Я приехал в Ростов, где вместе с командующим военным округом Уборевичем, начальником ОГПУ Евдокимовым, членом Военного совета округа Володиным и секретарем крайкома партии Гикало обсудили предстоящее мероприятие. Пригласили также начальника ОГПУ по Чечне.

Договорились направить в Чечню «**на учения**» две дивизии. В ходе учений предусматривались общение с населением, вечера самостоятельности, концерты, сближение с местной молодежью, что должно было еще больше укрепить доверие к советской власти. Причем договорились, что воинские части должны были охватить все районы Чечни, включая отдаленные районы в горах, где они раньше никогда не были, с тем чтобы к концу учений все пути сообщения между районами и окружными селами были перекрыты.

Организующие разоружение органы ОГПУ должны мобилизовать из других районов края большое число опытных чекистов, которые вместе с войсками предъявят каждому селу требование сдать все оружие в том количестве, которое было известно по агентурным данным. Условились, что отдельно пройдут собрания коммунистов, командиров дивизий и чекистских работников, чтобы было единство действий. Словом, мы решили не торопиться, подготовиться тщательно, не спеша.

Наконец план во всех деталях был готов. В это время Сталин приехал в Сочи на отдых. Я поехал к нему, желая уговорить его выслушать товарищей, которые подготовили мероприятия. Он заинтересовался. **Уборевич**, сменивший Ворошилова на посту командующего округом. **Евдокимов** и я информировали его о полной готовности к выполнению плана разоружения Чечни. Сталин выслушал внимательно и одобрил наши мероприятия. Через 5 или 6 дней Уборевич и Евдокимов должны были приступить к выполнению задания. Они въехали в Грозный, чтобы оттуда руководить операцией, а я — в Пятигорск, поближе к Грозному, приберегая свой авторитет на случай необходимое вмешательства, если начнутся осложнения. Все шло хорошо — движение войск проходило по плану, население было спокойно.

Наступил день начала операции. В один и тот же час представители органов безопасности вызвали к себе председателей Советов и других ответственных лиц и предъявили им требование в суточный срок дать положенное количество оружия. Холодное оружие не предполагалось к изъятию.

В большинстве сел дело прошло удачно. Но в Урус-Мартане предъявили сотню винтовок и сказали: «Все!» Дали им еще 24 часа для сдачи оружия и пригрозили, если не сдадут, село будет обстреляно. На следующий день сдали еще несколько сотен винтовок. На наши возражения чеченцы ответили, что больше у них оружия нет, и навстречу войскам выставили женщин. Они хорошо знали, что по женщинам войска стрелять не будет. Мы дали указание

ограничиться изъятым оружием. Где-то в горах такой случай повторился, но все кончилось без кровопролития.

Во время этой операции Евдокимов преследовал цель поймать имама Гоцинского. С начала Октябрьской революции он возглавил борьбу против советской власти в Чечне и Дагестане и объявил себя имамом Кавказа. Он был связан с турецкими, затем с английскими агентами, имел вооруженный отряд. Гоцинский скрывался в горах, меняя места своего расположения, и, чтобы поймать его, чекисты пригласили к себе из сел, где он мог скрываться, стариков и, объявив их заложниками, предупредили, что если они не скажут, где находится Гоцинский, то разрушат села артиллерией, а их арестуют и предадут суду. Целые сутки уговаривали стариков, но все было безрезультатно. Тогда в этот район прислали самолет. Они страшно боялись самолета. Только после того, как по селу выпустили несколько снарядов с тем, чтобы без разрушения домов жители почувствовали его силу, старики сказали, в каком ущелье скрывается Гоцинский. Там его и нашли.

Всего в ходе операции было изъято более 30 тыс. винтовок, более 10 пулеметов. Конечно, какое-то количество винтовок оставалось у чеченцев, но основная масса была изъята. Эта операция коренным образом очистила воздух Чечни. Активные сторонники советской власти стали смелее себя вести. Бывшие контрреволюционные элементы склонили головы и притихли. Это была блестящая операция без всякого кровопролития. Войска вернулись спокойно в свои казармы.

Сообщение о решении курортно-отборочной комиссии «Грознефти». 17 мая 1923 г. Курортно-отборочная комиссия «Грознефти» и страхкома признала бурового мастера II группы Старых промыслов тов. **Ленина** нуждающимся в курортном лечении. Курортная карточка посылается т. Ленину в Москву через т. Калинина. «Нефтерабочий», №108, 17 мая 1923 г.

Сообщение о зачислении В. И. Ленина буровым мастером II группы старогрозненских промыслов. 17 мая 1923 г. Согласно требованию союза горнорабочих, биржа труда прислала на II группу промыслов исполнение на имя Владимира Ильича (Ульянова), зачисленного на должность бурового мастера. «Нефтерабочий», №108, 17 мая 1923 г.

Из личного альбома А. И. Микояна. Архив РЭМ СПб
15.01.1923 год.

Чеченцы аула Гойти, вышедшие навстречу делегации.

«ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ». А. И. МИКОЯН

«Юность» №3, 1967 год.

В Чечне. Стр. 50 …В период работы в Ростове секретарем Юго-Восточного Бюро ЦК мне часто приходилось бывать на заседаниях Реввоенсовета округа, в состав которого входил и я. Командующим войсками Северо-Кавказского военного округа тогда был К. Е. Ворошилов, его помощником — М. К. Левандовский.

Реввоенсовет заседал регулярно. В числе обсуждавшихся Советом дел были и актуальные тогда вопросы о борьбе с проявлениями бандитизма в крае. Помню, Левандовский принимал самое активное участие в разработке этих мероприятий.

В январе 1923 года мы с ним участвовали в поездке в Чечню, входившую тогда в состав Горской республики. Ездили мы туда для провозглашения автономии чеченского народа.

Чеченцы — самая большая по численности национальность среди северокавказских горских народов. По уровню развития Чечня в то время была, пожалуй, наиболее среди них отсталой. В аулах господствовал патриархально-родовой быт с непререкаемой властью стариков, духовенства и племенных вождей, между которыми шли бесконечные распри и раздоры. Если не считать нескольких открытых к тому времени при Советской власти школ в плоскостной Чечне, остальные школы были религиозные, мусульманские, с преподаванием на малопонятном для чеченцев арабском языке. Чеченский язык не имел своей письменности. Судебные дела вершились духовными лицами в шариатских судах с их унаследованными со времен средневековья нормами мусульманского феодального права. Других народных или государственных судов в Чечне не было.

Несмотря на малоземелье, низкий жизненный уровень населения, чеченцы не стремились в город Грозный, расположенный в центре Чечни, второй тогда после Баку, быстро растущий нефтяной район нашей страны. Ко времени событий, о которых идет речь, в составе грозненских рабочих чеченцев почти не было. Лишь через год после предоставления чеченцам автономии, в результате принятия особых мер по привлечению их в нефтяную промышленность, число нефтяников-чеченцев достигло нескольких сот человек.

Положение в Чечне к моменту нашей поездки было тяжелое: там орудовали остатки антисоветских, реакционных элементов, которые провоцировали чеченцев на выступления против Советской власти, организовывали банды, нападавшие на предместья Грозного, на нефтепромыслы, железнодорожные станции. Были случаи убийств советских работников в чеченских селениях.

На основании одних воспоминаний трудно, конечно, дать точную оценку тогдашней обстановки в Чечне. Однако сохранились запись выступления председателя Чеченского ревкома Таштемира Эльдарханова о положении в Чечне к моменту провозглашения ее автономии. Выступил Эльдарханов в феврале 1924 года, то есть спустя год после провозглашения автономии, на заседании Чечревкома, где и мне пришлось принимать участие.

Вот эта запись выступления Эльдарханова, какой она сохранилась в архиве:

«Нужно сказать, какое наследство новая власть автономной Чечни получила от Горской республики. Здесь нужно указать, что на всей территории автономной Чечни отсутствовала не только твердая власть, но и вообще какая бы то ни было Советская власть. Бандитские шайки, руководимые атаманами, — крупные бандитские шайки не только не давали покоя в самой Чечне, но свои действия перебрасывали на соседние государственные образования, на казачьи станицы и, в общем, создали полный террор. Были покушения на транспорт, железную на транспорт, железную дорогу.

Не было почти ни одной школы, которая является базой благополучия населения. Нужно было на местах создать власть. Здесь ревком сталкивался с самыми неблагоприятными обстоятельствами для создания такой власти, которая отвечала бы советскому строительству».

В соответствии с пожеланиями коммунистов и передовых людей Чечни, чтобы приблизить Советскую власть к населению, выбрать его из-под влияния реакционного духовенства, ВЦИК принял 30 ноября 1922 года декрет об образовании Автономной Чеченской области. Для осуществления этого мероприятия в январе 1923 года мы и направились туда с К. Е. Ворошиловым. Вместе с нами ехали также С. М. Буденный, работавший заместителем командующего войсками Северо-Кавказского военного округа, и М. К. Левандовский.

Участие в этой поездке Левандовского было весьма кстати, потому что он лучше нас знал и Грозный и всю Чечню, был хорошо знаком с обычаями чеченского народа. Активный участник гражданской войны в Терской области, Левандовский, возвратившись в начале 1918 года из армии в Грозный, сразу же оказался в гуще борьбы за Советскую власть, с головой ушел в работу по созданию красногвардейских отрядов, а затем красноармейских частей. После отступления войск Красной Армии в Астрахань в начале 1919 года на его долю выпала тяжелая и ответственная обязанность по формированию 33-й Кубанской дивизии, куда вошли остатки **XI Армии**. Революционных чеченцев тогда возглавлял коммунист Асланбек Шерипов, который затем пал в бою с белогвардейцами. В борьбе с деникинской контрреволюцией в Терской области гремело имя Николая Гикало, руководителя партизанских соединений и партийных организаций, охватывавших как революционных рабочих, так и чеченские партизаны, ходили буквально легенды.

Рассказывали, что как-то партизанскому отряду нужно было перейти в наступление. Однако в отряде среди чеченцев появились колебания. Гикало не смог убедить партизан и поднять их дух

к наступлению. Тогда он заявил чеченцам: «Поскольку имеются разногласия, я спрошу у Ленина, как нам поступить». Он отошел за деревья, воткнул большую палку в землю, что-то приставил к уху и стал громко говорить, чтобы было слышно отряду: «Москва, Москва, товарищ Ленин, это говорит Гикало. У нас разногласия — наступать или нет. Как быть — дайте указания». Затем несколько раз повторил: «Да-да», — как будто он на самом деле слушал Ленина. «Значит, товарищ Ленин, говорите, что наступать? Понял, понял, наступать».

Отряд пошел в наступление и добился успеха. В тот период многие горские чеченцы о телефонной, а тем более о радиосвязи имели представение только понаслышке. Тем не менее сколько нужно было смелости и мужества, чтобы рискнуть на такой метод «убеждения» колеблющихся!

Я близко познакомился с Николаем Федоровичем Гикало, когда приехал работать на Северный Кавказ. Он оказался не только легендарным партизаном и несгибаемым революционером, но и опытным, политически подготовленным партийным работником. Гикало работал секретарем Горского обкома РКП (б), затем одним из секретарей Северо-Кавказского крайкома партии. Во время нашей совместной партийной работы на Северном Кавказе Гикало еще больше вырос как руководящий партийный деятель.

Левандовский хорошо знал и Асланбека Шерипова и Гикало. Он знал также многих других местных революционных работников.

Чтобы привлечь внимание чеченского народа к провозглашению автономии как акту большой важности, чтобы поднять авторитет автономного Ревкома Чечни, заручиться поддержкой автономной власти со стороны чеченцев, было решено объявить об автономии Чечни в торжественной обстановке на съезде чеченского народа. Конечно, речь не могла идти о съезде в обычном понимании. Фактически был намечен созыв большого представительного митинга, на котором присутствовали бы наиболее влиятельные жители чеченских аулов.

Съезд надо было по идее провести в центре Чечни — в Грозном. В этом городе Советская власть уже держалась крепко, а в аулах Чечни она была еще очень слабой. Но между Грозным и аулами общения почти не было. Больше того, существовала отчужденность Чечни от Грозного, так как чеченцы боялись наказания за нападения на предместья города. Поэтому возникло опасение, что представители многих чеченских аулов не приедут на съезд в Грозный. Стало ясно, что если съезд созывать в Грозном, он мог бы провалиться.

Решили провести съезд в самом большом селении Чечни — Урус-Мартане, находящемся примерно в 30 километрах от Грозного. Решение это было нами принято по прибытии в Грозный, с участием местных чеченских и грозненских руководящих работников, после всестороннего обсуждения вопроса. Конечно, поездка в Урус-Мартан была связана с большим риском: там нас просто могли уничтожить бандитские группы. Незадолго до нашего приезда в Чечне был убит председатель Ревтрибунала **Андреев**. Но другого выхода у нас не было, иначе все это важное мероприятие могло сорваться. Надо было ехать в Урус-Мартан.

Климент Ефремович предложил обставить эту поездку с большим внешним эффектом.

— Чеченцы любят эффект и помпезность. Возьмем с собой два духовных оркестра, чтобы они попеременно играли, — сказал Ворошилов.

— Это верно, оркестранты будут одновременно и скрытой охраной, — дополнил Левандовский.

Так и решили. С нами ехал также Эльдарханов — коммунист, чеченец по национальности. Декретом ВЦИК от 30 ноября 1922 года об образовании Чеченской автономной области он был назначен председателем ревкома области. Ехали с нами также и другие члены ревкома.

Буденный оделся в полную военную форму. На боку висела шашка эмира Бухарского, сверкавшая серебром и разноцветными

камнями. Широкая красная лента, перекинутая через плечо, ярко бросалась в глаза. В общем, Семен Михайлович своей подтянутостью и некоторой торжественностью производил впечатление, не говоря уже об осанке и натуральных буденновских усах.

Направляясь в Урус-Мартан, мы по дороге устраивали остановки у могил, в которых были похоронены чеченцы и наши русские товарищи, погибшие от рук белоказаков. Сходили с коней, склоняли головы, а оркестранты исполняли траурную мелодию. Уважение к погибшим товарищам высоко ценится у кавказских народов. Весть о нашем поклонении могилам быстро распространилась по аулам, из которых все новые и новые сотни всадников, вооруженных кинжалами, шашками, винтовками, револьверами, присоединялись к кортежу и вместе с нами двигались в Урус-Мартан. По мере нашего продвижения местные жители все почтительнее приветствовали нас. Мы почувствовали, что чеченцы относятся к нам хорошо. С нами был фотограф, который производил съемки наиболее важных эпизодов нашего пути. Чеченцам нравилось, когда их фотографировали, и у фотографа едва хватило пластинок на всех желающих сфотографироваться.

В Урус-Мартан — большое село, за ним виделось зеленое поле, подготовленное для проведения собрания. Стояла только что сооруженная небольшая трибуна. Перед трибуной несколько рядов скамеек для стариков. Народу собралось около десяти тысяч человек. Одни сидели на траве, другие стояли, многие были на лошадях. И вся эта масса народа расположилась вокруг трибуны, оказавшейся, таким образом, в самом центре.

Первым выступил Ворошилов, который сказал примерно следующее.

После славной победы Октября помещики и капиталисты начали гражданскую войну против рабоче-крестьянского правительства. Их поддержали иностранные капиталисты, которые прислали в помощь белогвардейцам вооружение и свои армии. Контрреволюционные

войска были разбиты, интервенты изгнаны из пределов нашей Родины. Уже тритий год на всей территории страны Советская власть все более набирает сил, становится все крепче. Наша Красная Армия дала предметный урок капиталистам. Международный авторитет Советской России растет с каждым днем. Экономическая блокада нашей страны ликвидирована, капиталистические страны налаживают торговлю с нами, а с некоторыми из них устанавливаются дипломатические отношения.

Далее Климент Ефремович говорил о мирном созидательном труде, о том, что завоеванный мир дает нам возможность, продолжая оставаться начеку и укрепляя Красную Армию, посвятить теперь все силы хозяйственному и культурному строительству.

Потом я говорил о национальной политике Советской власти.

В первые же дни после Октябрьской революции Ленин объявил о равных правах всех народов страны, о праве наций на самоопределение. Наряду с Советской Россией возникли другие советские республики, они тесно сотрудничают друг с другом, составляя одну семью советских народов. Самоопределились и горские народы Северного Кавказа, образовав Дагестанскую республику и многонациональную Горскую республику. Затем из Горской республики выделились автономные области — Кабардинская, Карачаево-Черкесская и Адыге-Черкесская. Теперь Советское правительство, прислушиваясь к голосу чеченского народа, в соответствии с его желанием, приняло решение о провозглашении автономии Чечни. Партия большевиков и Советское правительство надеются, продолжал я, что чеченский народ, объединенный ныне в автономной области, имея свою национальную чеченскую власть с местопребыванием в городе Грозном, занимающем центральное положение в отношении всех районов Чечни, достигнет больших успехов в деле укрепления советского строя, подъема хозяйственной жизни, налаживания кооперативной торговли, в деле развития культуры и здравоохранения.

Затем выступил Буденный. С большим подъемом он рассказал о подвигах Красной Армии в гражданской войне, о победах, одержанных над Деникиным, Врангелем, Колчаком, обрисовал мощь советской кавалерии, артиллерии, беззаветную храбрость пулеметчиков на тачанках, бывших тогда на вооружении Красной Армии. Так сильна, так хорошо организованна наша Красная Армия, сказал он, что она в состоянии разбить любого врага, который посягнет на Советскую страну.

Чеченцам явно импонировал вид Буденного, они с интересом и симпатией смотрели на него, внимательно слушали. Было слышно, как-то здесь, то там чеченцы с восторгом произносили на своем языке: «Большой генерал!».

Затем выступил Эльдарханов. Он поблагодарил Советскую власть за предоставление автономии Чечне и призывал чеченцев всемерно поддерживать власть Советов. Он говорил об организации работы сельских Советов, районных органов власти, об укреплении революционного порядка в Чечне, налаживании хороших отношений между чеченцами и жителями Грозного, с населением соседних казачьих станиц, с народами Дагестана и Горской республики, остановился на том, как экономически отстал чеченский народ, как плохо он еще живет. Нет до сих пор ни одной нормальной школы, нет больниц, нет развитой торговой сети; дороги и мосты находятся в плохом состоянии. Можно ли терпеть такие факты, обращался он к горцам, как нападения на железные дороги, нефтяные промыслы, грабежи, которые позорят чеченский народ, мешают его развитию и дружбе с другими народами — русским, дагестанским, осетинами, ингушами? Чеченский ревком берет на себя полную ответственность перед Москвой, сказал он, за установление твердого советского порядка в области и надеется на поддержку чеченского народа.

В самом начале выступления Эльдарханова старики чеченцы неожиданно пали на колени, видны были их спины. Мы недоумевали: не является ли это демонстрацией недоверия или

протеста против высказываний Эльдарханова? Но чеченские товарищи объяснили нам, что наступило время намаза (молитвы), и вот старики стали молиться. Кстати сказать, Левандовский, будучи фотолюбителем, заснял много интересных сцен из этой поездки, и в частности момент, когда старики чеченцы молились на митинге. Он показывал мне потом эти снимки.

Митинг завершился выступлениями нескольких стариков чеченцев, которые в пышном восточном стиле выражали благодарность Советской власти за предоставление автономии. Они при этом высказывали надежду, что смогут сохранить свои старинные традиции и обычаи. Со своей стороны они обещали помощь в установлении мира и порядка в области.

Митинг закончился во второй половине дня. Мы намеревались и фактически имели возможность засветло вернуться в Грозный, но старики окружили нас и стали уговаривать:

— Раз приехали в гости, оставайтесь ночевать. Мы обидимся если уедете.

Было ясно: если мы уедем, горцы сочтут, что мы струсили. А горцы очень не любят трусов.

Посоветовавшись между собой, дали согласие остаться ночевать. Чеченцы обрадовались, разместили нашу группу в двух больших комнатах одного дома, а рядом, в других домах, — оркестрантов, а также товарищей, присоединившихся к нам в Грозном.

Эльдарханов предложил устроить вечером танцы, чтобы поближе познакомиться с молодежью.

Наступил вечер. Заиграла гармонь. Несколько парней и девушек пустились в пляс.

Решили устроить конкурс с денежными призами: мужчинам за лучшее исполнение танца, а девушкам и за исполнение танца и за красоту. В конкурсное «жюри» вошли Буденный, Левандовский и я. Танцевали очень хорошо. Не выдержал и гармонист: он одновременно играл на гармони и танцевал, причем выделывал такие коленца, что вызывал всеобщее восхищение.

Взыграла кровь и у Семена Михайловича. Неожиданно для всех он ворвался в круг и пустился в пляс, лихо танцевал лезгинку, как настоящий горец. Чеченцы в восторге начали дружно хлопать в ладоши и выкрикивать: «Асса!», «Асса!».

Яркая картина охватившего всех веселья и сейчас живо встает перед многими глазами, словно это было вчера. Вспоминается и такой эпизод, курьезный, но характерный для темперамента горцев. Климент Ефремович поручил Левандовскому проинструктировать оркестрантов, то есть охрану, и других сопровождавших нас товарищей о том, как следует себя вести на случай стрельбы или какой-либо другой неожиданной суматохи, которая может подняться в селе ночью. При открытии чеченцами стрельбы наши сопровождающие должны воздержаться и не прибегать к оружию, за исключением случаев крайней необходимости в целях самозащиты. В числе других слушал эти указания Климента Ефремовича и председатель Чеченского ревкома Эльдарханов, интеллигентный, солидный, располагающий к себе и, по тогдашним нашим понятиям, пожилой человек. И вот Эльдарханов, под впечатлением огненной пляски Буденного, вызвавшей в нем прилив неподдельного энтузиазма, выхватил револьвер и трижды выстрелил в потолок дома, где мы находились. Мы только переглянулись, — неудобно было делать ему замечание в присутствии многих чеченцев. Поздно вечером, когда закончилось веселье и чеченцы ушли, мы удивленно спросили Эльдарханова, как он мог нарушить столь простую и ясную инструкцию. В свое оправдание он только развел руками и сослался на нахлынувшие на него чувства радости и общего подъема. Добавлю, чтобы не вызвать ненужных домыслов, что никаких спиртных напитков тогда никто из нас не пил.

Вечером, после ухода приглашенных чеченцев, мы обменялись впечатлениями о митинге, о настроениях чеченского народа и были довольны хорошим ходом событий. Нам сообщили, что среди присутствовавших на митинге чеченцев находился некий Али

Митаев, известный духовный вождь одной из религиозных сект, настроенный реакционно, антисоветски. У него — собственный вооруженный отряд преданных ему горцев-мюридов. На митинге они находились среди тех, кто был на конях верхом. После митинга Али Митаев и его люди не уехали в свое село, а остались ночевать в Урус-Мартане. Остались на ночь в Урус-Мартане и другие главарии вооруженных отрядов чеченцев.

Мы решили воспользоваться случаем, поговорить с этим человеком и поручили Эльдарханову через местных чеченцев пригласить его к нам для беседы, так сказать, «с глазу на глаз». Мы сидели на коврах и подушках: в помещении не было стульев. У каждого из нас был маузер, лежавший под подушкой. Ждали прихода Али Митаева. Вдруг двустворчатые двери шумно распахнулись. Появились два вооруженных с головы до ног чеченца, которые в глубину комнаты не вошли, а остались стоять у двери. Через несколько секунд спокойной походкой вошел Али Митаев — стройный мужчина в чеченской одежде, вооруженный кинжалом, шашкой, револьвером. Мы пригласили его сесть. После этого два охранника Али Митаева вышли из комнаты. По-русски он не говорил. Переводил Эльдарханов. Мы сказали, что хотим побеседовать откровенно, как представители Советской власти, с человеком, который, как мы знаем, пользуется влиянием у чеченцев и который борется против Советской власти. Мы хотели бы услышать от него, чем он недоволен, чем именно не нравится ему Советская власть.

Выслушал он нас спокойно, подумал и, не горячась, ответил:

— Почему я должен быть доволен Советской властью? Моего отца в свое время русское правительство арестовало и отправило в ссылку, где он умер. Я же прячусь от Советской власти, ибо, если попадусь, меня тоже арестуют. Иными словами, мне уготована та же судьба, что и моему отцу. Вот почему я, защищая себя, свой народ и свои обычаи, борюсь против Советской власти.

Мы ему разъяснили, что Советское правительство не отвечает за действия старого, царского правительства. Более того, коммунисты свергли царизм, сняли всех его чиновников. Поэтому неправильно ответственность за действия этих чиновников приписывать Советскому правительству, которое вышло из народа и стоит за равенство и дружбу всех народов страны, в том числе и чеченцев. Мы сказали ему: как официальные представители Советской власти, против вас лично и ваших товарищей ничего не имеем и готовы гарантировать вам всем полную свободу, если, разумеется, вы прекратите борьбу против Советской власти и ее представителей.

Далее мы подробно объяснили ему смысл объявления автономии Чечни, которая дает чеченскому народу возможность жить своими традициями, развиваться и строить новую жизнь. В ходе беседы выяснилось, что Али Митаева заинтересовала возможность примирения с Советской властью при условии, если будет сохранено его влияние в своем районе и ему будет разрешено держать при себе отряд верных людей. И мы пошли еще на один шаг.

Дело в том, что для тогдашней сложной обстановки в Чечне характерным было большое влияние, которым пользовались среди чеченцев местные духовные князьки. Опираясь на еще живучие в то время религиозные и родовые традиции, они были фактически вершителями всех дел среди чеченской массы населения.

Выделялись тогда в Чечне три главные реакционные группировки. Одна из них была влиятельной в районах плоскостной Чечни, где под воздействием близости города Грозного общий уровень развития был сравнительно выше, чем в других чеченских районах. К Советской власти эта группировка относилась, в общем, неплохо. Такие настроения были в некоторых самых бедных горных районах. Была другая, крайне реакционная группировка, господствовавшая в горных районах. Была другая, крайне реакционная группировка, господствовавшая в горных районах

Чечни, особенно на границе с Дагестаном. Во главе этой последней стоял непримиримый враг Советской власти имам Нажмутдин Гоцинский, претендовавший на лидерство во всех районах Чечни, Дагестана и у других народов Северного Кавказа. Его резиденция находилась в труднодоступных горах, он располагал большим числом вооруженных мюридов, складами вооружения. Во время гражданской войны Гоцинский со своими отрядами выступал против Советской власти. В 1918 году он со своими вооруженными мюридами собирался вкупе с турецкими войсками идти в поход на Советский Азербайджан. Он вынашивал бредовые претензии на устранение Советской власти на Кавказе, который он объявил «своим государством». Требовал ухода Советской власти до границы, которая, по его «скромным» замыслам, должна была пройти где-то около Ростова. Лелеял мечты о присоединении к «своему государству» — ни мало ни много — Крыма и Туркестана, угрожал зажечь пламя войны, если не будут приняты его условия. Теперь же Гоцинский отсиживался в своей резиденции и ни в какие отношения с представителями Советской власти не входил. Не приехал он, конечно, и на съезд в Урус-Мартан. По имевшимся у нас данным, он был связан с разведкой западных стран через турецких и английских агентов.

Али Митаева и его секту, по их отношению к Советской власти, можно было бы поставить между этими двумя группировками. Али Митаев, как это выяснилось из его действий, оставаясь враждебным к Советской власти, стремился все же как-то прикрыть свои антисоветские настроения. Его группировка враждовала с другими и в отдельных случаях склоняясь в сторону сотрудничества с советскими органами.

Учитывая все это, мы опасались, что наличие таких влиятельных в то время реакционных сил может серьезно мешать утверждению власти ревкома Чеченской автономной области. Поэтому мы решили пойти на эксперимент, который, как мы полагали, дал бы возможность вбить клин между этими группировками и привлечь

одну из них хотя бы на временное тактическое сближение с Советской властью в теперь уже автономной Чечне. Думали мы также, что это в какой-то мере поможет в борьбе против банд, нападающих на железную дорогу и нефтяные промыслы. Это был, конечно, довольно рискованный эксперимент, предпринятый для того, чтобы найти выход из трудного положения. Мы заявили Али Митаеву:

— Вы человек молодой, способный и пользуетесь у чеченцев своего района определенным влиянием. Почему бы вам не участвовать активно в строительстве автономии чеченского народа? Вас утвердят членом Чеченского ревкома, то есть автономного правительства, с тем, чтобы вы могли под руководством Эльдарханова вести работу по повышению культуры и жизненного уровня чеченского народа.

Вначале это предложение удивило его: он не совсем верил в его серьезность. Но после дальнейших разъяснений, хотя все-таки и не без сомнений, он дал согласие быть членом ревкома. Мы расстались с ним по-хорошему.

...Ночь прошла спокойно. Правда, на всякий случай бдительный Левандовский дал оркестрантам приказ: один спит, другой бодрствует. С наступлением утра мы отправились в обратный путь. Из села нас провожали как самых лучших друзей; много народа вышло на улицу. Несколько сот чеченцев верхом на конях сопровождали нас почти до самого Грозного. Возвращались мы с полной уверенностью, что сделали хорошее и нужное дело.

Мы сообщили в Москву о нашем предложении Али Митаеву, и вскоре он был назначен ВЦИКом членом ревкома Чеченской автономной области.

Став членом ревкома, Али Митаев раз в неделю приезжал в Грозный на заседания ревкома. Его сопровождали до самого здания ревкома около 30 всадников и ждали там конца заседания. Али Митаев выходил, садился на коня и в сопровождении своих людей возвращался в аул. Так продолжалось несколько месяцев.

Но скоро стало известно, что он ведет двойную игру, продолжая враждебно относиться к Советской власти, и использует свое положение в антисоветских целях. Создалась опасная ситуация. Поступали сведения о том, что он укрепляет свои вооруженные отряды и замышляет в подходящий момент поднять восстание. Подтверждались данные о подрывной деятельности Али Митаева, о его прямых связях с имамом Гоцинским. Прятать свою деятельность ему становилось все труднее. Он прекратил свои поездки в Грозный на заседания ревкома. ОГПУ, встревоженное этим, добилось согласия ВЦИКа на его арест. Это произошло через год с лишним после введения его в состав Чечревкома.

Говоря об эксперименте с Али Митаевым, предпринятом с известным риском, надо отметить некоторые выгодные для Советской власти стороны. Этот эксперимент позволил Чечревкому укрепить свое влияние среди чеченских масс в районе, где действовал Али Митаев, а также и в других районах, которые стали постепенно поддерживать ревком. Было внесено некоторое успокоение в Чечне. Али Митаев и другие группировки вынуждены были действовать уже осторожнее, перестали открыто противодействовать советским органам. Вместе с тем было выиграно и время, за которое сформировались преданные Советской власти национальные кадры.

После образования автономии положение в Чечне стало улучшаться, хотя и медленно. Укрепление Советской власти было сопряжено с большими трудностями. Организация местных Советов осложнялась тем, что все делопроизводство до этого велось на русском языке, а чеченцев, хорошо знающих русский язык, было очень мало, их не хватало для замещения административных постов в советских органах. Другая часть местной интеллигенции прошла арабскую школу. Духовенство настаивало на том, чтобы делопроизводство и культурная работа в Чечне проводились на арабском языке — в противовес русскому. Мусульмане, которые

знали арабский язык, и часть интеллигенции поддерживали эти настроения. А народ не знал ни арабского, ни русского языков.

В таких условиях, без национальной письменности, невозможно было ликвидировать безграмотность взрослого населения, поставить дело образования молодого поколения, наладить работу советских органов и вовлечь в нее трудовые слои народа.

Вот почему подлинно революционным событием явилось введение письменности на чеченском языке. Стало налаживаться издание учебников на чеченском языке, организовались курсы обучения чеченской письменности. Это дало свои плоды: через год в народных школах Чечни училось уже более 1500 человек.

Весьма положительным фактором являлось то, что Чеченский ревком состоял из чеченцев, представлявших все районы Чечни. Они ездили в районы, встречались с народом. Стали проводиться мероприятия по землеустройству, строительству небольших мостов, открытию врачебных и фельдшерских пунктов. Были созданы органы государственной торговли с филиалами в районах. Чеченцы безбоязненно стали ездить в Грозный, торговать на базаре. Около 800 чеченцев удалось устроить за год работать на промыслах, где до этого чеченцы не работали. Чеченцы из районов стали охотно приезжать в Чеченский ревком и обычно обращались к тем членам ревкома, которые были из их района.

Но до нас дошли сведения, что между членами Чеченского ревкома нет спаянной работы, многие были настроения против председателя ревкома Эльдарханова. Каждый стремился насадить в аппарат своих сторонников из родственников и знакомых.

В связи с этим примерно через год после провозглашения автономии Чечни мне вновь пришлось побывать в Грозном, чтобы вместе с членами ревкома и бюро областного партийного комитета обсудить создавшееся положение. После откровенного обмена мнениями мы добились нормализации отношений между членами ревкома во главе с Эльдархановым. У него, конечно, были свои недостатки, за которые его сильно критиковали. Поддерживая

справедливые критические замечания и сдерживая необоснованные нападки отдельных членов ревкома, я в товарищеском плане поправлял их. В результате удалось приостановить разлад между ними и убедить, что все они должны работать на своих местах, что никого снимать мы не собираемся.

Крайне затруднительным было тогда финансовое положение в Чечне. Ревкому не хватало средств для проведения культурно-хозяйственных мероприятий, строительства школ, дорог, не говоря уже о содержании управленческого аппарата. Дотации, выделявшиеся ревкому из краевых средств, не могли покрыть огромных потребностей Чечни. В самой Чечне не было промышленных предприятий, торговая сеть только зарождалась, кооперация была еще очень слаба.

Грозный же был самостоятельным городом, и от его промышленности Чеченский ревком никаких отчислений не получал. В этих условиях многие чеченцы рассматривали Грозный как чуждый им город. Грабежи, которые здесь многократно совершали бандитские элементы, не вызывали у чеченцев осуждения. Зачастую бандиты свободно разгуливали по деревням, расценивая свои бандитские налеты как удальство.

Совершенно естественно, что назрела забота, как изыскать для Чеченского ревкома источники доходов, как заинтересовать чеченцев в успехе работы промыслов Грозного и привлечь их к активной борьбе с бандитскими элементами. Стало очевидным, что без вовлечения чеченских советских органов и самого чеченского народа в борьбу с бандитизмом грабежи не прекратятся. Обсудив все это с Эльдархановым и другими членами ревкома (среди них были **Заурбек Шерипов**, **Джемал Токаев**, **Даут Арсанукаев**), я поехал в Москву.

Доложив ЦК и правительству о создавшемся положении в Чечне, я внес предположение о том, чтобы материально заинтересовать чеченцев в успешной работе грозненской нефтяной промышленности. Предложение установить отчисления в пользу

Чеченского ревкома с каждого пуда нефти, добытой в Грозном. Но одновременно было решено, что за ущерб за грабежи, совершаемые чеченскими бандитами в Грозном, будет покрываться из этих отчислений Грознефти в пользу Чеченского ревкома ставились в прямую зависимость от успехов борьбы с грабежами на промыслах.

Чечревком стал обращаться к чеченскому народу с призывами бороться с бандитскими вылазками, убедительно доказывая, что фактически бандиты грабят не Грозный, а бюджет автономной области, являющийся единственным источником строительства школ, дорог, больниц и прочего.

Все это привело к положительным результатам. Доходы Чечревкома увеличивались, влияние его укреплялось, расширялась культурно-хозяйственная работа, чеченцы успешно вовлекались в борьбу с бандитскими элементами.

Вот как об этом сказано в выступлении председателя ревкома Эльдарханова, записанном в протоколе заседания первого съезда Советов Чечни в июне 1924 года:

«Первой ударной задачей ревкома была ликвидация бандитизма. Наряду с этим ревком занялся строительством. При скудных средствах ревкому удалось построить несколько мостов, провести канал, открыть школьную сеть. Линия политики ревкома была взята та, которая предначертана центром в соответствии с программой коммунистической партии и в условиях чеченской деятельности. Введен родной язык и национальная письменность в школах. Организовано мануфактурное товарищество „Чечпайторг“ с отделениями на местах для снабжения трудящихся мануфактурой по дешевым ценам. Борьба с бандитизмом достигла больших успехов: выслано до 60 бандитов, конфисковано 200 лошадей, арестовано до 500 бандитов. Главари бандитов почти все явились».

Прекращение грабежей свидетельствовало о большом оздоровлении обстановки в Чечне. Оно облегчило сближение между городом Грозным и чеченской деревней. В ходе борьбы

с бандитизмом удалось лучшие элементы, особенно молодежь из крестьян, бедняков, середняков и интеллигенции, вовлечь в активную советскую работу.

Однако нападения на железные дороги все еще продолжались. Тогда мы решили пойти на новый рискованный эксперимент. Посоветовавшись с местными людьми, пригласили для беседы одного бывшего главаря бандитов (из числа явившихся в Чечревком с повинной; мы в таких случаях амнистировали их за прежние дела и предоставляли полные гражданские права), который имел своих сторонников — вооруженных людей, раньше участвовавших в нападениях и грабежах. Предложили ему набрать доверенных людей, раньше участвовавших в нападениях и грабежах. Предложили ему набрать доверенных людей и возглавить охрану железной дороги. Договорились, что охране будет выплачиваться зарплата, а он, как начальник, будет получать больше остальных. Всем им предоставим право бесплатного проезда по железной дороге на чеченской территории. Железнодорожной администрации вменим в обязанность оказывать им всяческую помощь.

«Берете ли вы на себя при таких условиях ответственность за ликвидацию нападений на дороге?» — спросили мы его.

«Вожак» был высокого роста, красивый мужчина лет 40—45. По-русски говорил плохо, но понять его можно было. Он обрадовался такому к себе доверию и дал слово, что, если будет поручено, он подберет нужный состав охраны и ликвидирует нападения на железные дороги. «Я знаю кто занимается этими нападениями, сказал он, — и мои люди с ними справятся».

Мы выразили ему доверие, хотя, конечно, беспокоились, чем все это кончится (тем более, что наши чекисты были против этого «опыта»). Но через некоторое время выяснилось, что наш эксперимент оправдал себя: грабежи на дорогах действительно прекратились. При моем очередном приезде в Грозный вожак охраны представился мне — подтянутый, с шашкой, кинжаом и револьвером, он взял под козырек и на ломаном русском языке

доложил, что всякие нападения на железные дороги прекращены и на дорогах Чечни полный порядок. Он очень был доволен тем, что я похвалил его и поблагодарил.

В конце июля 1924 года в Грозном состоялся первый областной съезд Советов Чеченской автономной области. До этого происходили выборы аульских и окружных Советов. В процессе выборов в советские органы выдвигались новые революционные элементы из чеченцев, из которых и создавался советский актив.

Постепенно старики потеряли монопольное право решать все дела в деревне. Советский актив, особенно из молодежи, стал играть все более руководящую роль в деятельности Советов.

На первом областном съезде Советов присутствовало около 400 делегатов. Многие из них приехали из самых отдаленных чеченских аулов. Значительно, что впервые на этом съезде была образована фракция РКП (б) в количестве 50 человек — это было серьезным шагом вперед в деле укрепления влияния коммунистов в Чечне. Кроме того, среди делегатов съезда было уже 27 комсомольцев.

Эльдарханов убедительно просил меня прибыть на съезд и принять в нем участие. Крайкомом партии было признано целесообразным использовать эту встречу с чеченцами для укрепления позиций Советской власти в автономной области.

Вместе со мной на съезд поехал представитель ОГПУ на Северном Кавказе **Ефим Георгиевич Евдокимов** — опытный, способный чекист, пользовавшийся полным доверием Дзержинского. Евдокимов был тверд в делах, но благоразумен, выдержан, руководствовался прежде всего чувством партийного долга и ответственности.

Прилетели мы в Грозный на небольшом двухместном самолете немецкой фирмы «**Люфтганза**», обслуживавшей тогда на правах концессии пассажирские авиалинии, в частности на Северном Кавказе. Летчиком был также немец.

Съезд проходил в одном из городских клубов. Делегаты съезда приняли нас хорошо. Мне было предоставлено слово, и я подробно рассказал об успехах внешней и внутренней политики Советской власти, говорил о задачах Чеченской автономной области в деле укрепления Советской власти, налаживания народного образования, поднятия сельского хозяйства, развития торговли и кооперации на селе.

Двое выступавших после меня делегатов-чеченцев из стариков подняли вопрос об освобождении Али Митаева. Один просил освободить его из-под ареста во имя «великого исторического для трудящихся Чечни момента сбора плодов революционной борьбы». Другой просил освободить Али Митаева на поруки 60 делегатов съезда. Мне пришлось разъяснить, что арест Али Митаева вызван государственными соображениями, что ведется следствие, по окончании которого выяснится вопрос об освобождении его или о дальнейшем направлении дела.

Это происходило на первом заседании съезда, и у меня создалось впечатление, что этими моими разъяснениями вопрос был исчерпан. Но не тут-то было. После окончания первого дня съезда было созвано совещание совета старейшин для обсуждения вопроса о составе будущего исполкома области. Совещание длилось почти всю ночь. Видимо, группа стариков, сочувствовавших Али Митаеву, сговорилась воспользоваться этим совещанием, чтобы вновь поднять о нем вопрос. Чеченские делегаты выступали степенно, с характерной для них церемонностью, хвалили Советскую власть, говорили приятное и лично в мой адрес. Это были принятые на Востоке вежливые фразы, отражавшие скорее укоренившийся традиционный ритуал, чем действительные оценки.

Я благодарил выступавших за хорошие чувства, проявленные к Советской власти, за хорошее отношение ко мне, хотя подчеркивал, что моя роль и значение преувеличены, что их добрые слова в мой адрес отношу всецело к нашей партии и Советской власти.

В таком духе прошло несколько выступлений ораторов, а затем каждый выступавший стал завершать свои пышные речи просьбой ко мне — освободить из-под ареста Али Митаева.

Мои разъяснения, что таких прав я не имею, что сделать этого не могу, не производили нужного впечатления. Речи в защиту Али Митаева продолжались, причем некоторые из ораторов говорили долго, с горячностью и напряжением, даже доходили до экстаза. Страсти накалялись, и Евдокимов стал заметно беспокоиться. Он хотел даже «на всякий случай» вызвать человек десять охраны, опасаясь расправы надо мной, но это я ему, конечно, запретил. После каждых нескольких ораторов мне приходилось вновь выступать и в разных выражениях убеждать и уговаривать делегатов, доказывая невозможность освобождения Али Митаева до окончания следствия.

Вдруг в зале появляется старая чеченка (а обычно женщин на такие собрания чеченцы не допускали). Это была мать Асланбека Шерипова, погибшего в 1918 году от рук белоказаков. Она тоже начала с пышных фраз, а затем именем своего сына, отдавшего жизнь за Советскую власть, стала умолять освободить Али Митаева.

Высказав уважение к ней, как матери, родившей и воспитавшей храброго революционера, отметив заслуги ее сына, геройски погибшего в битве за Советскую власть, память о котором продолжает жить в наших сердцах, я повторил ей то же, что говорил прежде, — о невозможности без суда и следствия освободить Али Митаева.

Наконец участники совещания убедились, что дальнейшее обсуждение этого вопроса бесполезно. Мы простились. Евдокимов был очень доволен, что все окончилось благополучно. Хочется к сказанному добавить еще и такую характерную деталь: открытие учредительного съезда автономной Чечни сопровождалось пением и «Интернационала» и молитвы Шамиля.

Когда мы вышли из клуба, где проходил съезд, уже начинало светать. Сели в самолет и полетели в Ростов. Я попросил летчика

лететь вдоль Кавказского хребта на возможно близком расстоянии от снежных гор. Утренняя заря, синее небо и сверкающие в солнечных лучах снежные вершины гор хорошо успокаивали после столь бурного и трудного заседания...

Мой рассказ затянулся, но, думается, пришедшие на память эпизоды проливают свет на ту сложную и трудную обстановку, в которой приходилось устанавливать Советскую власть в отсталых национальных окраинах нашей страны. На пути укрепления Советской власти здесь стояло тогда много укоренившихся веками пережитков — родовых, племенных и религиозных.

По существу, происходил прыжок от патриархально-родового быта чеченского народа, минуя некоторые стадии общественных формаций, к советской системе. В истории Чечни это был период подлинного вовлечения чеченского народа — разбросанного в горных аулах, оторванного от культурных жизненных условий — в дело строительства социализма. Создавалась и росла национальная по форме и социалистическая по содержанию культура чеченского народа. При Советской власти чеченский народ впервые получил собственную письменность на чеченском языке. Началось проведение землеустройства, развитие государственной и кооперативной торговли, строительство дорог, жилья и бытовых учреждений. Все это вызвало огромный подъем у чеченского народа, выходившего на широкую дорогу новой жизни в общей многонациональной семье равноправных советских народов.

В 1934 году Чеченская и Ингушская автономные области слились воедино, а в 1936 году Чечено-Ингушская область была преобразована в Чечено-Ингушскую автономную советскую социалистическую республику — в составе Российской Федерации.

В Чечне (1923 год).
Стоят (справа налево): А. И. Микоян, К. Е. Ворошилов, С. М. Буденный и Таштемир Эльдерханов.

ЦЕНА одного номера в частной продаже 5 руб.

Год издания 1-й.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

Советская Автономная ЧЕЧНЯ

Еженедельный Орган Облревкома и Оргбюро Р.К.П. (б.) Чечни.

Подписная плата с пересылкой 25 рублей в 1 месяц (четыре номера)

№ 5. Четверг — ЕЖЕНЕДЕЛЬНАЯ ГАЗЕТА. — 5 Июля 1923 г.

Славной памяти первого революционера Чечни Асламбека Шерипова.

ОТВЕТ АНГЛИИ.

Все спорные вопросы улажены.

Турция не может сговориться с союзниками.

Землетрясение в Персии.

По Советской России.

Новый нефтяной фонтан в Грозном.

Сношение России с другими странами

Поворот в сторону лучшего.

Ураган в Дагестане.

20 миллионов пудов.

Торговый договор с Италией.

редактор газеты Эльдарханов

МИТАЕВ АЛИ — МУЧЕНИЯ ЗА НАРОД

«Грозненский рабочий» 11 декабря 1976 года, №293.

Крах одной авантюры. Становление Советской власти в Чечено-Ингушетии сопровождалось, как и во всей стране, ожесточенной классовой борьбой. Непосредственное и активное участие в ней принимали органы государственной безопасности СССР, 59-я годовщина со дня образования которых исполняется в декабре с. г. Ниже публикуется рассказ об одном из эпизодов деятельности чекистов того времени в нашем крае.

В 1922 году обстановка в Чечне была сложной. Еще давали о себе знать отголоски разгромленного в середине 1921 года, но до конца не ликвидированного контрреволюционного выступления, спровоцированного Саидбеком Шамилевым и Нажмутдином Гоцинским. Гоцинский укрывался в горах, закупал оружие, заготовлял продовольствие, устанавливал связи с разбежавшимися единомышленниками.

Часть белогвардейских офицеров и других сторонников прошлого, оставшихся в подполье на Тереке и Сунже, вела контрреволюционную работу, распускала разного рода провокационные слухи.

В отдельных местах действовали бандитские группы и бандиты-одиночки. Они нападали на поезда, грабили государственное имущество, расправлялись с активистами новой власти.

В Шалинском и других округах мусульманское духовенство приступало к формированию так называемых шариатских судов и шариатских вооруженных отрядов.

Тем не менее, наперекор недругам Советской власти, политическая активность трудящихся масс росла день ото дня. В селах создавались партийные и комсомольские организации, формировались советские органы управления; начали функционировать школы, обучение в них велось по новым программам.

30 ноября 1922 года ВЦИК принял постановление о выделении Чечни из состава Горской республики в автономную область. Во всех

округах проводились митинги и собрания трудящихся. Велико было воодушевление людей. В принимаемых резолюциях они выражали полное доверие органам Советской власти. В Грозный прибыли видные деятели Коммунистической партии.

15 января 1923 года на большом лугу около Урус-Мартана состоялось заседание съезда представителей аулов. Уполномоченный ВЦИК К. Е. Ворошилов торжественно объявил о создании Чеченской автономной области. С приветствиями к участникам заседания обратились С. М. Буденный, А. И. Микоян, Н. Ф. Гикало. Они выразили уверенность в том, что трудящиеся области будут крепить Советскую власть, доведут до конца дело, за которое боролась их лучшие люди.

Выступившие в ответ делегаты с чувством большой благодарности Коммунистической партии, лично В. И. Ленину отмечали историческую значимость принятого правительством решения, заверяли ВЦИК о своей полной поддержке мероприятий Советской власти, говорили о необходимости создания и укрепления, формирования рабоче-крестьянской милиции.

На съезде подали свой голос и так называемые «почетные» лица из числа кулацко-мусульманской верхушки. Они ратовали за шариатские суды и шариатские вооруженные части, за применение адата и положений шариата. Подавляющее большинство отвергло их домогательства. Съезд, поручив ревкому принять на основе советского законодательства срочные меры по наведению должного революционного порядка, скорейшей ликвидации бандитизма, наметил в общих чертах пути развития экономики области.

В это же самое в Ростов, в полномочное представительство ГПУ из Шали пришло письмо… Корявым, малограмотным почерком на клочке газетной бумаги безымянный автор писал: «В ауле Автуры Шалинского округа проживает человек, по фамилии Митаев Али, который имеет людей по скупке оружия и боеприпасов в военных

частях. Закупаемые патроны направляют Митаеву в мешках с солью».

Письмо с небольшой препроводительной запиской ростовские товарищи переслали грозненским чекистам.

Сейчас, когда досконально изучены различные документы, просмотрены архивные справки, прочитаны следственные дела, можно уверенно сказать: человек, сообщивший о делах Митаева, в данном, конкретном случае с честью выполнил свой гражданский долг. Он своевременно побудил чекистов проделать работу, в результате которой была предотвращена одна из серьезнейших попыток организованного выступления против Советской власти в Чечне, сорваны далеко идущие опасные замыслы контрреволюционных элементов.

К тому моменту, когда безымянное письмо из Ростова возвратилось в Грозный, фамилия Митаева чеченскому областному отделу ГПУ была известна. Имелись некоторые сведения о его встречах с Н. Гоцинским, систематических разъездах по селам Шалинского и Гудермесского округов, о том, что Митаев, как сын шейха, активно продолжает «дело» отца. Были данные и о его попытках вмешаться в советское строительство — сформировать по своему усмотрению судебную систему и вооруженные отряды. Однако вся эта деятельность особого беспокойства у чекистов, к сожалению, не вызывала.

Поступившая информация о производимых закупках оружия и боеприпасов придавала иную окраску всему, заставила чекистов быть более бдительными.

В первой половине февраля 1923 года начальник Чеченского областного отдела ГПУ т. Абрамов вместе с оперативным уполномоченным приехал в с. Автуры и остановился у Митаева. После непродолжительного отдыха чекисты осмотрели усадьбу. В центре двора находилась могила Бамат-Гирей-Хаджи Митаева, над ней возвышался капитальной постройки массивный зиарат, на стенах которого отчетливо выделялась арабская вязь. Справа

от зиарата стоял жилой дом. Рядом были надворные постройки с не закрытыми на замок дверями. В углу одного из них, на досках, лежало несколько мешков с солью.

Во время беседы с Митаевым Абрамов поинтересовался его хозяйством. Тот отвечал скупо. Сказал, что у него три жены, какого-либо законченного образования не имеет, но арабский язык знает. Почти все свое время отдает религиозной деятельности.

Когда же зашел разговор об отце, сразу оживился. Пояснил, что Бамат-Гирей когда-то являлся векилом шейха Кунта-Хаджи, но в последующем основал мюридское формирование собственного имени, и даже едко иронизировал по поводу отдельных взглядов и высказываний своего бывшего устаза.

Митаев решительно возражал против формирования в области государственных органов управления, создания советской судебной системы, защищал целесообразность и необходимость шариатских судов, отправления правосудия на основе адата и положений шариата. Откровенно хвалился тем, что из своих мюридов скомплектовал целую кавалерийскую сотню.

Говорил торопливо, много. Размахивал руками, часто поднимался из-за стола, тут же снова садился. Нередко обращался с просьбой подтвердить сказанное к присутствующему на беседе своему приближенному, исполнившему у него что-то вроде секретарских обязанностей. Всем своим поведением как бы демонстрировал искренность, готовность услужить. Но в его суетливости многословии, угодничестве чекисты верно заметили попытку скрыть действительные намерения, ввести их в заблуждение. Первоначальное мнение подтвердилось, когда на другой и в последующие дни они побеседовали с жителями с. Автуры и других сел, проделали много другой необходимой работы.

Митаев, как оказалось, держал в повиновении значительную часть верующего населения Шалинского и Гудермесского округов. Немаловажную роль тут играли широко бытовавшие в ту пору нормы адата, запрещающие мусульманину сообщать в государственные

органы какие-либо сведения о своем единоверце, а также фанатичная преданность мюридов своему устазу. Всем этим Митаев умело пользовался.

Али Митаев являлся первенцем, любимым сыном шейха Бамат-Гирей-Хаджи. После смерти шейха он занял главенствующее положение в мюридском формировании, стал ревностно поддерживать и распространять «учение» своего отца, развернул бурную деятельность по привлечению новых мюридов, главным образом из среды молодежи. В отношении способов — не стеснялся. Прибегал даже к тому, что спускался в могилу отца для «разговора» с ним, распространял различные слухи о своих «видениях».

Общее число мюридов у Али Митаева для чекистов оказалось неожиданным. По самым скромным подсчетам, их было свыше шести тысяч. Проживали они в Шалинском, Гудермесском, Веденском округах и в Ингушетии. Формирование отличалось дисциплинированностью, преданностью устазу, оно имело и крепкое вооруженное ядро в лице кавалерийской сотни.

Впервые на политической арене А. Митаев появился в начале гражданской войны. Не присоединяясь ни к белым, ни к Советской власти, он выступал как некая третья сила. Однако во многом это была тактика выжидания: кто победит? Во время господства белой армии на Кавказе и ее противоборства с Северо-Кавказским эмиратством Митаев занимал внешне пассивную позицию. В действительности же заигрывал с той и другой сторонами: помогая эмиратству посылкой ему боеприпасов, он в то же время поддерживал контакт с национальным комитетом, тайком встречался с белогвардейским генералом Алиевым.

Вторичное установление Советской власти на Кавказе Митаев встретил с осторожностью: свою деятельность ограничил занятием религией. Придерживался нейтральной позиции и тогда, когда в конце 1920 года Саидбек Шамилев спровоцировал вооруженное выступление.

С началом советского строительства в Чечне обстановка в ряде мест осложнилась. Активизировался и Али Митаев. Он установил связь с имамом Н. Гоцинским, скрывавшимся в горах, приступил к созданию шариатских судов и комплектованию вооруженной части.

Ко времени провозглашения Чеченской автономной области он стал уже заметной фигурой и позволил себе в открытую выступать на съезде в Урус-Мартане против основных положений государственного управления.

Буквально через несколько дней после беседы с Абрамовым, а конкретно — 15 февраля 1923 года, Али Митаев встретился с приехавшим к нему из Тбилиси представителем ЦК так называемой партии национальных демократов Грузии. На встрече присутствовал И. К. Федюшкин, житель станицы Червленной, полковник армии, бывший командир третьего Волжского полка, впоследствии белогвардейский офицер, только что прибывший в станицу после отбытия срока наказания.

Собрались скрытно, с соблюдением мер, предосторожности. Позднее, спустя месяцы, уже на допросе, указанный представитель покажет: «Али Митаев на той встрече согласился поддерживать с нами встрече согласился поддерживать с нами контакт в организации совместного восстания, обещал выставить в качестве повстанцев несколько тысяч человек. И далее: «На мой вопрос к Федюшкину, может ли он поручиться, что после победы восстания казачество не пойдет против нас, он заявил: «Сначала убьем медведя, а потом будем делить шкуру».

Но об этом, как и о многом другом, чекисты узнают потом — и об упомянутой договоренности совместного вооруженного выступления против Советской власти, и о практических мерах объединения с офицерством белоказачества, и о попытках установить связь с иностранными органами…

В конце марта 1923 года Митаев приехал в село Беной и собрал своих приверженцев. Агитировал против Н. Ф. Гикало, называл его

абреком.

Тем временем оживилась борьба тейповых группировок. Пробравшиеся во многие местные ревкомы националистически настроенные и кулацко-муллльские элементы всячески препятствовали советизации, социалистическим преобразованием, стремились укрепить свое положение. 9 апреля 1923 года Чечоргбюро в целях нейтрализации антиобщественной деятельности А. Митаева приняло постановление о целесообразности ввода его в состав областного ревкома. А на другой день были распущены все комсомольские организации в селах и само оргбюро РКСМ.

17 мая того же года в селе Беной состоялось нелегальное сборище представителей духовенства. С пространной речью к собравшимся обратился Н. Гоцинский. Он призвал их объединиться для скорейшего вооруженного выступления «в целях достижения полной независимости». Через два дня — 19 мая — Али Митаев официально был введен в состав Чечоблревкома и ему, как имеющему в своем распоряжении шариатский вооруженный отряд, поручили организовать охрану железной дороги от налетов бандитских групп. Практически это означало, что единственная магистраль, связывающая Северный Кавказ и Азербайджан с центром страны, на протяжении многих километров оказалось под его, Митаева, контролем.

«Грозненский рабочий» 12 декабря 1976 года, №294.

Крах одной авантюры. В конце мая 1923 года сотрудники отдела ГПУ проанализировали сложившуюся обстановку. Они увидели определенную последовательность в поступках и поведении Митаева, зависимость событий от его действий. В этой связи чекисты решили (говоря современным языком) оказать на Митаева профилактическое воздействие, попытаться тем самым в какой-то степени предотвратить нежелательное развитие событий, а заодно — не доводить дело до привлечения Митаева к уголовной ответственности, если он еще способен одуматься. Характерный штрих! Еще на заре своего существования, в обстановке острой

классовой борьбы внутри страны, советские органы государственной безопасности, руководимые верным ленинцем Ф. Дзержинским, важнейшее место в своей работе отводили предупредительно-воспитательным мерам. Это было их долгом и обязанностью перед партией, государством, перед трудящимися.

10 июня 1923 года заместитель председателя Чеченского облревкома Заурбек Шерипов беседовали с А. Митаевым. Ему были высказаны претензии, даны соответствующее разъяснения. На какое-то время Митаев притих, прекратил реакционную и контрреволюционную деятельность, чаще, чем раньше, стал участвовать в работе облревкома, хотя роль его там по-прежнему сводилась к простому присутствию на заседаниях.

В середине августа 1923 года в Чечню из Кахетин в сопровождении двух охранников прибыл бывший князь, а впоследствии главарь банды Челокаев. В Грозном он встретился с Митаевым. Как потом выяснилось, они обсуждали возможность совместного вооруженного выступления против Советской власти. Митаев дал обещание Челокаеву поддержать его вооруженными людьми, если тот поднимет восстание в Кахетии. На прощание подарил двух верховых лошадей.

В конце августа 1923 года А. Митаев прибыл в Гудермес и зашел к сотруднику ГПУ Берелову. Заявил ему, что с бандитизмом в Чечне не удастся покончить до тех пор, пока он, Митаев, не будет назначен на должность начальника областной милиции. Через несколько дней с аналогичным предложением он обратился в отдел ГПУ к Абрамову. По понятным причинам, просьбу оставили без удовлетворения.

7 сентября 1923 года Эльдарханов Таштемир, работавший тогда председателем Чеченского облревкома, приехал в село Автуры, остановился на квартире Митаева и осмотрел его хозяйство. Оно оказалось немаленьким. Али имел около 40 голов крупного рогатого скота, значительно более 200 овец, десяток верховых лошадей, различные постройки, сад. И гость, и хозяин осмотром остались довольны: Митаев торжественно подарил Эльдарханову своего

лучшего скакуна; не остался в долгу и гость: он подарил Митаеву «маузер» с золоченной рукояткой. Может быть, тогда, а вернее всего несколько ранее, между ними состоялась еще одна договоренность. На бланке Чечоблревкома за личной подписью председателя Митаев получил любопытный документ: «Предъявителю сего разрешается сбор пожертвований по Чеченской области. Просьба к местным властям препятствий не чинить. Эльдарханов». К этому документу А. Митаев присовокупил и собственноручно написанный на арабском языке рескрипт и вручил документы некоему Магомадову Эфенди, в действительности Ярагиеву, родом из Бухары, одно время проживавшему в Турции, полковнику турецкой армии. Вместе со своими подручными Ярагиев ревностно исполнил поручение. Было собрано большое количество различных вещей и продуктов, все переправлено и спрятано во дворе Митаева и его приближенных.

Буквально через несколько дней после отъезда Эльдарханова Митаев принял у себя вновь приехавших из Тбилиси двух представителей грузинского паритетного комитета. Их встреча не ускользнула от внимания чекистов, однако детали ее, характер бесед остались неизвестными. Впоследствии, когда грузинские чекисты будут расследовать контр-революционную деятельность паритетного комитета, его бывший секретарь на следствии заявит: «... на заседании президиума наш курьер сделал доклад о своей поездке. Он доложил, что виделся с Али Митаевым; ознакомился с положением в Чечне и убедился, что Митаев согласен поддержать контакт с паритетным комитетом в организации совместного восстания, обещал выставить в качестве повстанцев несколько тысяч человек и просил прислать из Грузии пятьдесят офицеров для работы в качестве инструкторов.

После встречи с представителями паритетного комитета, Митаев значительно активизировался. Почти весь октябрь он провел в разъездах. Агитировал за перевыборы ревкома, требовал созыва съезда. Возобновил нападки на продовольственный налог. Клеветал

на национальную политику Коммунистической партии. С тем, чтобы хоть как-то прикрыть свой откровенный национализм, делал акцент на конкретных лиц, особенно злобно говорил о Н. Гикало.

«Кто такой Гикало? — обычно восклицал он. — Нам дали свободу и автономию, а Гикало не допускает этой свободы и автономии в руки горцев. Почему он интересуется горскими народами? Мы, Чеченцы, ему не принадлежим...».

Сотрудники отдела ГПУ знали, что к высказываниям Митаева прислушиваются не только мюриды его формирования. Это объяснялось рядом причин. Одна из них — членство Митаева в ревкоме. На встречах с населением он часто рекомендовал себя членом областного революционного комитета, и это, как правило, производило впечатление. Как видим, расчет на то, что Митаев будет сдерживаться в своей реакционной деятельности в связи с вводом его в ревком, не оправдался.

Вновь, таким образом, встал вопрос о пресечении вредной деятельности А. Митаева. И снова было принято решение о предупредительно-воспитательном воздействии. Но на этот раз чекисты признали целесообразным использовать печать. В газете «Нефтерабочий» — предшественнице «Грозненского рабочего» — появилась статья о неблаговидной роли Митаева. В ней прямо указывался виновник срыва поставок продовольственного налога, разоблачалась его демагогия по вопросам свободы и автономии, в отношении органов государственного управления. Должных выводов и из этого повторного предупреждения Митаев не сделал.

Заканчивался 1923 год. С огромным напряжением страна выходила из голода и разрухи. Политбюро ЦК РКП (б) приняло резолюцию «Об очередных задачах экономической политики». В середине января 1924 года в Москве состоялась XIII конференции РКП (б), а через несколько дней, 21-го, в Горках скончался Владимир Ильич Ленин. Прошли Пленумы ЦК РКП (б) и ЦК РКСМ, принявшие обращение «К партии. Ко всем трудящимся», «Ко всем членам Российского Коммунистического Союза Молодежи. Ко всем молодым

рабочим и крестьянам СССР». Состоялся II съезд Советов, который утвердил Основной Закон (Конституцию) СССР. 29—31 января Пленум ЦК РКП (б) принял решение о проведении Ленинского призыва в партию, в феврале ЦК РКСМ объявил призыв рабочей молодежи в комсомол.

Все эти события нашли горячий отклик в сердцах трудящихся Чеченской области. По-иному среагировали на них притаившиеся белоказачье офицерство, кулацко-мулльская верхушка, определенная часть главарей мюридских формирований. Некоторые из них стали упорно распространять небылицы о близком конце Советской власти и предстоящем создании теократического государства. Другие из села в село «по секрету» передавали, что в Чечню тайно из Англии вернулся Топа Чермоев и привез для борьбы против Советов большие денежные средства, что за границей уже подготовлены войска, и военные действия вот-вот должны начаться, что налог сдавать уже не надо и т. п. и т. д.

Вновь активно начал действовать А. Митаев. В конце января 1924 года в Гудермесе он повторно встретился с приехавшими туда представителями туда представителями паритетного комитета. В феврале провел несколько дней в станице Червленной и беседовал с бывшими белыми офицерами. В марте ездил по селам и усиленно агитировал за перевыборы ревкома. Участились поездки людей от Митаева к Н. Гоцинскому и обратно. Поступили сведения о приезде к Митаеву какого-то представителя паритетного комитета. В феврале провел несколько дней в станице Червленной и беседовал с бывшими белыми офицерами. В марте ездил по селам и усиленно агитировал за перевыборы ревкома. Участились поездки людей от Митаева к Н. Гоцинскому и обратно. Поступили сведения о приезде к Митаеву какого-то представителя из Баку и о том, что на 16 апреля Али созывает к себе мулл из сел горных округов области.

Все это, естественно, вызвало беспокойство чекистов. В последних числах марта 1924 года в Грозный по делам службы

приехал ответственный работник Юго-Восточного представительства ГПУ. Он заслушал доклады об обстановке, ознакомился с имевшимися на Митаева материалами. На итоговом обсуждении сотрудники почти единодушно пришли к заключению, что Митаев не заблуждается, а сознательно и целенаправленно занимается преступной деятельностью. Были тщательно взвешены все «за» и «против» ареста Митаева. Сошлись на мнении, что дальнейшее промедление может нанести существенный ущерб социалистическому строительству в области. И Митаев был арестован. Следствие полностью подтвердило правильность принятого тогда решения.

Из общей цепи заговора, сплетаемого паритетным комитетом и белоказачьим офицерством, было вырвано важное звено, а в оставшиеся — внесены растерянность и смятение. Трудящиеся массы Чеченской области задержание Митаева, а затем конвоирование его в Ростов восприняли как свидетельство крепнущей мощи Советской власти. Это явилось фактором большого политического звучания.

Своеобразную позицию в ходе следствия по делу Митаева занял председатель Чечоблревкома Эльдарханов. В сентябре 1924 года вторая сессия исполкома облревкома под его председательством приняла беспрецедентное постановление, в котором указывалось, что «освобождение Митаевых не может угрожать порядку и спокойствию Чеченской автономной области» и постановлялось «**ходатайствовать о их совершенном освобождении».**

Все это, безусловно, осложняло работу по делу. Тем не менее было доказано наличие соглашения паритетного комитета с А. Митаевым о совместном вооруженном выступлении против Советской власти; подготовка им восстания в Чеченской автономной области; договоренность А. Митаева с Н. Гоцинским о совместных контрреволюционных действиях; его связь с бандой Челокаева и белоказачьим офицерством; контакт А. Митаева с партией

«Иттихат-ислам»; попытка установить связь с закордонными антисоветскими центрами.

Следователь выяснил, что паритетный комитет антисоветских партий Грузии, подготовляя мятеж в Закавказье, стремился распространять свое влияние и на Северный Кавказ.

Через своего младшего брата Умара, тайно эмигрировавшего за границу в 1920 году и проживавшего в г. Константинополе, А. Митаев настойчиво пытался связаться с враждебными СССР заграничными кругами.

Находясь в эмиграции, Умар Митаев имел тесный контакт с работниками некоторых спецслужб и организаций бежавшего из России отребья — белогвардейским генералом Глобачевым, небезызвестным Саидбеком Шамилевым и т. д.

Таковы в самых общих чертах деяния, совершенные Митаевым против Советского государства, задокументированные чекистами в процессе расследования дела.

Расследуя уголовное дело на А. Митаева, собирая доказательства его преступной деятельности, чекисты внимательно разбирались в действиях тех, кто так или иначе оказался с ним в одной компании. К счастью, таких, как выяснилось, было немного. Заслуга чекистов, кроме всего прочего, состоит и в том, что своевременным арестом А. Митаева они предотвратили возможность вовлечения им в преступные деяния более или менее значительного числа лиц. По одному делу вместе с ним сотрудники Федюшкина, Хаджиева, У. Митаева и Холухоева. К остальным — нашли возможным крайних мер не принимать. Рядовых мюридов в свои планы Али Митаев не посвящал.

У читателя может сложиться впечатление: в рассказе больше говорится о Митаеве и его соучастниках, нежели о делах чекистов. На первый взгляд, может быть и так. Но в том-то и суть, что о враждебной деятельности Митаева, и подручных стало известно именно в результате дел чекистов, в результате их нелегкого труда. В числе других по данному делу много и плодотворно поработал

уполномоченный отдела ГПУ Юго-Востока России, старый большевик Арменак Абульян. В 1925 году он был назначен на должность начальника Чечено-Грозненского отдела ГПУ. Именем А. Алубьяна названа одна из улиц Заводского района города Грозного.

Перекидывая мосты от тех далеких дней к нынешним, хотелось бы сказать еще вот о чем. В нашей республике и сегодня можно встретить людей, почитающих Али своим религиозным устазом, считающих себя «митаевцами». Пусть наш рассказ о контрреволюционных делах этого «святого» поможет увидеть его подлинное лицо.

Н. Храмов, зам. председателя КГБ при Совете Министров ЧИАССР.

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ НАРКОМНАЦА ЗА 6 ЛЕТ СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ. 1924 ГОД

«**Шесть лет нац. политики Советской власти и Наркомнац**». Москва. 1924г. Деятельность Наркомнаца по автономному устройству национальностей.

Чеченская Автономная Область. Постановлением ВЦИК'а Чечня с 1 декабря 1922 года выделена в Автономную область, делящуюся на пять округов (Грозненский, Шалинский, Веденский, Шатоевский, Надтеречный и Гудермесский). Населения в Чечне до 460 тысяч чел., из которых 450 тысяч чеченцев и 10 тысяч казаков. Чечня в ровной мере, как и все горцы Северного Кавказа, пережила все тяжелые моменты гражданской войны. Чечня в прошлом — это самый темный угол Северного Кавказа, где над умами большинства населения безраздельно властвовал авторитет мусульманского духовенства, богачей и знати, стремившихся с начала Октябрьской революции, в целях сохранения своих привилегий, держать массы в оппозиции по отношению советской власти. Параллельно, развился бандитизм, имевший свои корни еще в прошлом, когда он являлся протестом против угнетательской политики царских чиновников. Чеченские привилегированные слои освящали все это религиозными

лозунгами, которые должны были сделать более острой их борьбу против советской власти. Но и здесь Революция сумела вскоре отыскать верный путь приобщения чеченцев к советскому строительству, вызвав их доверие к себе, благодаря ликвидации прежнего колонизаторства. Первым долгом были отобраны земли у прежних захватчиков и возвращены чеченской массе.

Общая площадь территории Чечни 8716 кв. верст. земли 915271 десят., из коих большая часть неудобна для хлебопашества: скалиста или покрыта лесами и кустарниками. Под посевами в 1923 году находилось всего 86690 дес., что на одно хозяйство составляло 1,38 десят. посевной площади, считая 62855 хозяйств у чеченцев, живущих в 200 аулах в плоскостной и в горной Чечне. Топографические условия края, особенно в горной его части, с его глубокими ущельями, непроходимыми горными кряжами, лесами, горными речками без переправ и т. д. делают связь между селениями Чечни чрезвычайно трудной.

Хозяйственная мощь населения Чечни сильно подорвана гражданской войной. Необходимо отметить, что Чечня вела беспримерно-героическую борьбу против Деникина, в результате чего, население около 24 аулов, разгромленных белогвардейцами, осталось без крова в чрезвычайной нужде. Помимо этого, и скотоводство в горной Чечне сократилось, в сравнении с довоенным, на 2/3, а хлебопашество в плоскостной части, служившее раньше (как и скотоводство) опорой для чеченцев, пришло ныне в чрезвычайный упадок. Источники местных средств вследствие этого очень скудны, отчего, в первую голову, страдает дело народного здравоохранения и просвещения. В особо трудном положении находится дело народного здравоохранения, благодаря чему за последнее время заметна значительная убыль населения.

Открытые недавно 7 врачебных участков со 150 кроватями далеко не удовлетворяют массовой потребности в медпомощи. Да и эти пункты, если не будут приняты на госснабжение в 1923—1924 году, закроются из-за отсутствия местных средств. Таким

образом, Чечне грозит возврат к тому печальному прошлому, когда никаких медико-санитарных организаций не было и темное население прибегало к помощи знахарей, которые только эксплуатировали его под видом лечения.

В не менее тяжелом положении находится в Чечне и дело народного образования. до революции были здесь некоторые русские школы, а в эпоху гражданской войны и бандитизма все было сметено. Был период, когда в Чечне совсем школ не было.

В настоящее время там всего 4 школы, из которых 3 — в казачьих станицах, одна сельскохозяйственная и три детских дома. Функционируют педагогические курсы для подготовки преподавателей — чеченцев.

Изданы пока букварь и задачник на чеченском языке и делаются все усилия к открытию школ, но отсутствие местных средств является пока большим тормозом в этом деле. Без поддержки центра не представляется абсолютно никакой возможности поставить дело народного образования в Чечне на должную высоту, меж тем неграмотность населения выражается чуть ли не в 98%. В 1923—24 году намечено к открытию 20 школ I ступени, с общим количеством учащихся до 3000 человек.

Деятельность Представительства Чеченской Автобласти. Представительство Автономной Чеченской Области при Наркомнаце начало свое существование с декабря 1922 года. Из работ Представительства можно отметить следующие:

1) Установление контактно-деловой связи с учреждениями центра, ограждение и защита в центре хозяйственных и прочих нужд Чеченской области.

2) В целях подготовки политических и культурных работников, недостаток которых очень остро чувствуется в Чечне, — Представительство принимало все меры к забронированию за Чечней мест в **К. У. Т.В**. (Комунистический Университет Трудящихся Востока) на Рабфаках и ВУЗ'ах Москвы, Петрограда, Ростова и Ставрополя. Удалось добиться в 1923 г. в КУТВ добавочно 21 место

(кроме прежних 13), в остальных же учебных заведениях предоставлено было Чечне лишь по 1—2 месту.

3) Представительство старалось, по мере возможности, снабжать Область всем необходимым; так, отправлены были в Область: медикаменты и хирургические инструменты, две аптечки Красного Креста, инструменты, пишущие машинки, телефонные аппараты, автомобильные шины, писчая бумага, газетная бумага, шнуры и лампы для электрического освещения, детская обувь, белье для беспризорных детей, хозяйственные принадлежности для детдомов, юридическая литература, обмундирование, заказанное представительством для Чечмилиции и т. д.

4) В виду того, что до сего времени не установлены точные границы Чеченской Автономной Области с Горреспубликой, часто возникают на этой почве земельные споры. Представительством принимались все необходимые меры к разрешению в центре вопроса об установлении точных границ Автономной Чечни, для чего земельные вопросы передавались Представительством на заключение в Федкомзем при Наркомнаце — для дальнейшего направления их в высшие инстанции.

Главные земельные вопросы следующие: а) установление точных границ Чечавтобласти; б) вопрос об установлении административного подчинении Ревкому Чечни чеченских земель, передаваемых в эксплуатацию Грознефти; в) мелиоративные работы в Чечне, выражающиеся в прорытии канала Атаги — Гойты, который должен оросить до 14 тыс. десятин земли. На означенные работы отпускаются, в виде ссуды, средства из центра.

5) При выделении Чечни в Автономную область все внимание Чечоблревкома было сосредоточено на искоренении в Чечне бандитизма, но ввиду того, что у Чечни не хватало средств на содержание милиции, а главное богатство края — нефть, в силу концентрации добывающей промышленности, изъята из непосредственного пользования Чечни, Грознефтью, по ходатайству Чеченского Представительства, отпускается фонд

специального назначения, на борьбу с бандитизмом, в размере 35 тысяч руб. зол. ежемесячно. В настоящее время Представительство усиленно ходатайствует об увеличении дотации.

6) В связи с Всесоюзной Сельско-Хозяйственной Выставкой, Представительством принимались меры к размещению экспонатов по выявлению быта Чечни, по приему экскурсантов и т. п. В настоящее время часть экспонатов Автономной Чечни передана на Чеченско-Дагестанскую Выставку, организованную профессором Яковлевым, председателем этнолого-лингвистической экспедиции, ездившей осенью 23 года в Чечню, для изучения истории, языка и быта чеченцев.

Горская Автономная С. С. Республика. Горская республика образована декретом ВЦИК от 26 января 1921 г. Наиболее выпуклые моменты, предшествовавшие провозглашению автономии горских народов, приведены были выше. Вначале, как известно, Горская Республика объединила почти все сев.-кавказские народности, не вошедшие в Дагестанскую Республику. Нужно признаться, что при необычайной национальной пестроте и спутанности экономических интересов каждой народности, трудно было регулировать работу внутреннего строительства: не хватало ни работников, ни сил для систематической работы среди всех народностей. Это привело к тому, что некоторые с центром Федерации и поднятия культурного и экономического их положения, возбуждали вопрос о выделении их в отдельные автономные области.

Таким образом, из Горской Республики, последовательно выделилась сначала Кабардино-Балкарская Область, затем Карачаево-Черкесская и, наконец, Чеченская Область. Всего населения, после этих выделений, в Горской Республике насчитывается 306653 человек. Из них: Осетин — 128705 чел., Русских — 90804 чел., Ингушей — 66482 чел., Проч. — 20662 чел.

Одним из важнейших вопросов для Горской Республики, требующих скорейшего разрешения, является земельный вопрос,

обостренный вследствие малоземелья горцев и, прежней захватнической политики русской власти. Еще во время острой борьбы за установление советской власти, пришлось переселить ряд казачьих станиц, земли которых были переданы горцам. Земли эти были, в свое время, захвачены у горцев казаками, которые к тому же способствовали в первый период контр-революционным происками на Сев. Кавказе. В настоящее время, после проведенной земельной реформы, положение хотя и видоизменялось в пользу коренного населения, но не настолько, чтоб полностью удовлетворить горцев.

В виду малоземелья, поднимался вопрос о переселении горцев в соседние районы и республики, но потом было решено все силы и энергию перебросить на интенсификацию сельского хозяйства, мелиорацию, а также на развитие промышленности, для того, чтоб оттянуть обнищавший, благодаря малоземелью, элемент — к участию в промышленности. По данным 1922—23 гг., распределение площадей в Горской республике таково: Общая площадь — 972577 десятин. В том числе: пашни — 522397, сенокоса — 105615.

Совет национальностей при Наркомнаце.

«ПО ЧЕЧНЕ». (ПУТЕВЫЕ НАБРОСКИ)

Журнал «**Перевал**», сборник №2. Москва. 1925. А. Костерин.

У мюридов в гостях. Аул Ойсунгур, 3-го июля.

На удобных и пыльных, как стоптанные туфли, Грозненских улицах попал в сильные объятья и был притиснут лицом к серебру гозырей.

— Ай, Алексей, здравствуй!

Черная борода, пухлые, влажные губы защекотали лицо. Это — Алибек, ингуш, мюрид Али Митаева.

Али Митаев, говорят, скоро будет шейхом. Его дед был мюридом шейха Кунта-Хаджи, главы сильной и влиятельной секты. При имаме Шамиле дед Али в боях с русскими убит. Отец Али был шейх и умер при царе в ссылке.

Данных у Али Митаева сделаться шейхом, как видите, достаточно. И Али деятельно готовился взять пятую, но... попал в ГПУ.

У каждого шейха должны быть мюриды — последователи, поклявшиеся оружием защищать своего шейха. У Али были еще отцовские мюриды, но и лично своих Али усиленно вербовал. В этом ему помогло одно обстоятельство: при назначении ревкома Чеченской автономной области Али был назначен членом ревкома и получил задание навербовать из чеченцев охрану для железной дороги.

Как шейх и как член ревкома Али быстро вырос в глазах Чечни. Росло и число мюридов — по некоторым данным у Али до 10000 мюридов.

Не забывал Али воздействовать и на мозг впечатлительных чеченцев. Об одном таком приеме рассказывал горец:

Горец остановился у своего кунака, который живет как раз по соседству с Али. Ночью горец вышел на двор по своим надобностям. Ночь светлая, лунная. Через плетень четко видна

стихшая, задумчивая сакля Али, — высокая, просторная, в изразцах, — дворец по здешним понятиям. Вдруг, — одна из дверей распахивается, и во двор выскакивает Али в нижнем белье. Крупными скачками ходит по двору, размахивает руками и громко, истерично вскрикивает:

— О, боже, боже! Когда же ты оставишь меня в покое? Отец, ну, что я могу сделать?

Оказывается, к Али частенько является его отец (умерший, как я уже отметил, в ссылке при царе, т. е. в руках русских) и начинает изводить его нравоучительными беседами.

О чем эти беседы? Трудно сказать, но ожидаемое восприятие сана шейха (святой), а дальше недалеко и до имама (глава мусульман), вербовка мюридов, — но ясно ли, что дух отца требовал у сына: «Иди и спаси правоверных мусульман!».

А какое впечатление производит на дикого чеченца: полуголый, уважаемый человек прыгает в лунных бликах по двору, дико выкрикивает имя Бога, пророка, отца, распугивает своих собак и вызывает тоскливый вой соседских?

Но наш горец поступил по-иному. Он подобрал на дворе свежий коровий помет (не погнушался) и послал к Али свой пахучий, липкий привет. Помет сочно ляпнулся в спину Али, и святой, отплевываясь, с руганью бросился в саклю.

И горец весело щерит свои острые зубы:

— не любит дух шейха коровьего… Бросил беспокоить нашего Али. Мюрид этого-то шейха и встретил меня на улице. У А… пышная черная борода, бритая голова, плотная гибкая фигура — сильный ловкий зверь.

— Что делаешь, Алексей?

— Еду в Чечню.

— Хорошо… Где Гикало?

Потом осмотрелся вокруг и понизил голос:

— Алексей, у меня есть вино, резал баран, — идем кушать?..

За пахучим шашлыком и искристым кизлярским вином А... стал осторожненько выпытывать:

— Чего в Чечне будешь делать?

Говорю ему о материалах для газет, для журналов и книг. Но по черным глазам А..., глазам чуткого, сильного зверя, вижу: не верит.

— Алексей, поедешь в Автуры?

И ожидающе стынут глаза: не боюсь ли?

Смеюсь ему:

— Если приглашаешь, поеду...

А ехать в Автуры, главное гнездо мюридизма, когда-то сам-то глава сидит в уютных подвалах ГПУ, ехать к озлобленным мюридам в гости — не совсем приятная по впечатлениям поездка.

Через два дня выезжаю с товарищем чеченцем в Чечню. Товарищ, Мазлак по имени, ярый безбожник, а в революционных боях — с 17 года. А... нас провожает.

За первыми горами от Грозного открывается широкая плоскость Чечни, замкнутая кольцом горных хребтов.

В этом году плохой урожай. Солнце жгло поля, тучи висли на горных вершинах, а плоскость горела, трескалась земля, знойной горечью першило в горле.

Фургон дребезжит, взбивает пыльную пудру. И долго после фургона виснет над дорогой и полями пыль, лениво растекается в знойной безветренной суши.

По пути передышка в ауле Ст. Атаги. Встретил члена ревкома. Молодой. Его брат был коммунист, надежда чеченской бедноты, — убит в бою с белыми. Этот — надежда либерально-националистических слоев Чечни. Самодовольно сытое лицо, холодные, серые глаза, железные мышцы на широком костяке.

— Зачем ты едешь в Чечню?

Опять говорю о газетной работе. Серые глаза подозрительно щурятся, — не верит.

— Жалко, что меня не было в Грозном, — я бы тебя не пустил. В Чечню. Знаем мы Гикало, знаем и тебя. Довольно, пусть сама Чечня скажет, кого она хочет видеть у власти…

Я понимаю его боязнь — идут выборы в советы, и националистические слои Чечни боятся всякого влияния из Ростова и Москвы.

Узнав о том, что я еду в Автуры, еще больше проникся подозрением: зачем человеку ехать к мюридам и рисковать? Не иначе — имеет задание из центра.

— В Автуры ехать не советую, — мюриды нервничают, могут пойти на все… А тебя могут взять в плен заложником… Делай, положим, как хочешь — ты Чечню знаешь не хуже моего…

Ночуем в ауле Шали. И только на другой день к обеду приезжаем в Автуры, который прижался к самым горам.

Из Шали провожает еще один чеченец и передает с рук на руки. По обычаю: за меня, как за гостя, отвечают за все, где я остановился, поэтому каждый передает своему кунаку (другу). Это мои «меры» на случай пленения, которое весьма возможно.

В Автурах сразу окружает насыщенная атмосфера религиозного фанатизма. В ауле со дня ареста Али Митаева прекращены вечеринки, танцы, свадьбы, песни, за исключением религиозных. Ко мне в саклю тискаются мюриды, — обтрепанные, с горящими глазами, со сдержанной злобой. Все почему-то уверены, что я власть имеющий. Идут бесконечные рассказы о деде Али, о Бамат-Гирее — отце Али. О их борьбе с царским правительством, о священной войне…

А в окно слышно, как горбатая девочка лет 12-ти, укачивая ребенка, поет:

О, боже! О, боже! О, боже!

Освободи хорошего и доброго Али

Из рук неверных христиан

О, боже! О, боже! О, боже!

Под вечер, когда комната разредилась от толпы мюридов, Алибек крепко стиснул мою руку, в глазах загорелся огонек, близко придвинулся, жарко задышал:

— Алексей, болтают чеченцы, что хотят мюриды взять тебя в плен... Мне говорили: в плен Алексея взяли? Алексей, клянусь, валалайзум (клятва), ходи по Чечне, по горам, по аулам, — ты наш гость. Если кто тронет пальцем, вот...

Сверкнул кинжал и сильно вонзился в стол:

— Вот, — мы за тебя отвечаем... Но болит душа у нас — арестован Али. Что делать надо — хотим здесь его видеть? Плачут родные... Алексей, мы, мюриды Али, клятву дали Али умереть с ним. Если Али умрет в Ростове арестованным, и клятва и обычай наш — отомстить...

Тяжело дышал Алибек. Кровь ударила в лицо, в потемневшие глаза. Нервным, сильным движением вырвал кинжал из стола и вложил в ножны:

— Мы воевали за Советскую власть, Алексей, но умрет Али, мы пойдем мстить... Да, мстить за смерть Али... Что делать, Алексей? Мы умрем за Али, но это не хорошо будет, война будет...

Вечером окна и двери сакли были наглухо закрыты, и на столе неожиданно появилась четверть. В углу комнаты посадили девушку играть на гармонь.

Мюриды, приставленные ухаживать за мной, жадно хлобыстали водку стаканами. Девушка, с мертвым, неподвижным лицом, вытягивала из гармоньи унылые звуки. Ей приказывали замолчать — она безразлично кончала. Приказывали играть, — она с тем же мертвенно-неподвижным лицом растягивала гармонь, рвала из нутра боль и тоску, визгливый плач...

В комнате душно и жарко. Надышали, накурили, лица багровые потные.

— Танцевать!

Гармонь заплакала молитву Шамиля. Упившийся мюрид, местный учитель, выскочил на середину комнаты и пошел гибко извиваться, выщелкивать ногами, с визгом —

— и-и-и-и эйха...

Забаламутил потный воздух. Потом выхватил кинжал, выхватил кинжалы у других — два в зубах, два в руках — и в сверканье клинков заметался по комнате. Дикая пляска, с режущими криками свистом —

— у-у-уррса-а-а...и-и-и эй-ха...

Далеко за полночь шел дикий разгул мюридов в ауле, где скорбь и печаль об Али, арестованном неверными...

Власть советская. Аул Гудермес, 5-го июля. На утро мюриды выкатили линейку, долго стоявшую без употребления, впрягли пару сытых коней, и мы с добрыми пожеланиями запылили из гнезда мюридизма.

Дорога побежала к далекому, синему перевалу. Утро, а солнце ослепительно жжет. И опять клубится пыль из-под линейки, долго, лениво виснет над дорогой. Желтые поля пшеницы застыли в знойной истоме.

Ехал с нами председатель ревкома соседнего округа (волость). Раздерганная, выщипанная бороденка, ссохшиеся губы и под ними три зуба — два вверху, один внизу. Когда смеется, а смеялся и пел он всю дорогу, три зуба ехидно щерились на нас, на ссохшиеся поля, на знойный застывший воздух. И перло из него чадное самодовольство:

— Я присядатель, мой републик за Герменчук, мая власть двасать аул... И-эх, гони собак-лошадь, и-и-и...

Возница учитель-мюрид хлестал по коням. Кони жарко схватывали дребезжащую линейку, — взмокли, секлась сквозь кожу темная кровь, мухи звенели в знойном воздухе.

— Альксей, — голос у председателя хрипло-скрипучий.

— Нет, а если была бы — жарко пить...

Учитель смеется:

Услужливые мюриды сунули в мою сумку две больших боржомских бутылки.

Председатель завертелся на зыбкой линейке:

— Давай, пить надо.

Предревкома из вежливости предложил мне. Отказываюсь.

— Зачем, Алексей, не надо? Пить хорошо… Теплое вонючее сусло загулькало в широкую глотку. Не отрываясь, высосал полбутылки.

— Здорово! — похвалил его.

Предревкома оторвался от, ощерил хриплым смехом три зуба, сощурил замаслившиеся глазки:

— Ай, хорошо… пей, Альксей…

Бутылка опорожнилась у остальных моих спутников. Таким же манером исчезла и вторая.

Зной и духота. От выпитой водки председатель разомлел, отрыгивал зловонное сусло, щерил зубы. Рыгнул раз, два и запел о Зелим-хане:

Постель его — черная земля,

Подушка — чинаровые корни,

Одеяло — голубое небо.

Был голоден — кушал чинаровый лист.

От жажды пил росу…

Учитель, тоже захмелевший, нахлестал лошадей. Лошади с храпом рвались сквозь зной и духоту. Задыхались кони, пеной взмылили бока, а желтые поля, звенящие зноем, бежали в даль. За линейкой билась клубами пыль, висла в неподвижной духоте.

По пути сомлевшая окружная власть вывалилась из линейки.

— Эт мой републик, мой власть здесь, — бормотал предревкома и свалился в тени тута спать. А мы дальше через горный хребет в центр округа аул Ойсунгур…

Синими сумерками въехали в аул, приткнувшийся на склоне хребта…

Утром ознакомлялись с работой ревкома. От всего ревкома нашли только двух делопроизводителей — русских. Молодые, задорные, быстро вспыхивающих злобой.

— Власть хотите видеть? По нашему так — тюха там, матюха здесь, а колупай с братом уехали. Ха, полторы недели никого нет и никакой власти по-нашему нет. Как работаем? А вот, — один финагент стал требовать подводу ехать составлять списки. Зампред плюнул финагенту в физию, а потом размазал плевок пощечиной. Утерся финагент и пошел пешком. Жаловаться не могли, — съедят с кишками... Дела ревкома? Вот у себя на квартире держим. В ревкоме растащут. Был там замок. Особый замок, американский — ударишь по одному боку — запрется, ударишь по другому — отопрешь. Сейчас и этот замок украли.

Прошли в ревком. Раньше здесь была почтово-телеграфная контора. Голые столпы, по стенам плакаты. Плакаты ярко-красочные, кричащие, прислали из Москвы, но здесь их не понимают и не читают. Глазеют на яркое пятно. Поверх плакатов накалываются приказы, объявления.

В одной из комнат ревкома арестованный в эту ночь вор. Забился в угол, по-волчьи вспыхивают глаза. На ногах кандалы лошадиные. Дверь в комнату подперта колом. Охраняет старик с оружием: палка, на конце которой вделан штык от берданки, — от собак оружие.

Стал плакаться нам старик:

— Я почетный, кубовой выборный, а меня заставили стеречь вора... Я уйду...

Уходя из ревкома, делопроизводитель потешался со злобным сухим смехом:

— Борьба с бандитами! От них вес округ стонет, а у нас ни одного милиционера. Старик уйдет, конечно, не дурак же он, чтобы целые сутки здесь околачиваться. А что будем делать? Отправить в город, — штаб милиции в Гудермесе за 15 верст, сюда никого не присылает. Отпустим вора, или товарищи придут и освободят... Срочные секретные пакеты отправляем через базар, — отвези, мол, пожалуйста. Сами мы по делам службы пешком ездим... Так-то вот, — и их мать твою в душу и боженят... Житьишко, — телефона нет, газет

нет, книг нет и делать нечего. Ну, что мы делать будем? Властей-то наших нет?

Думалось, что и нам придется тащиться пешком из аула. Но у Мазлака здесь есть один кунак, а кунак быстро представил в наше распоряжение арбу и пару волов.

И опять синяя вечерняя мгла кутала горы, задернула даль. Арба зыбко трусилась по пыльной дороге к станции железной дороги, что в 7 верстах отсюда...

— Йолло, — подгонял возница волов и тянул унылую песнь...

Бора-хан. Аул Брагуны, 7-го июля. Там, где смутная Сунжа, облизав мазутные грозненские берега и прорвавшись через горную лощину, вливается в Терек, на узкой береговой излучине между двух рек приткнулось селение Брагуны.

С одной стороны, петлями вьется Сунжа, играя под солнцем мазутной радугой. С другой — широко расхлестнулся Терек, омывает левым берегом станицу Щедринскую, правым селение Брагуны. А на западе узкий полуостров запирается лесистым горным хребтом.

Уже темно, когда подъезжаем к Сунже. Темным силуэтом, тонким и острым встает на другом берегу минарет, врезается в расцвеченное звездами небо.

Возница-чеченец встал у переправы, от которой нервной нитью убегал в темноту стальной канат.

— Ге-ге-эй! Бурун давай... — понеслось над рекой, метнулось в лес. Тихо у минарета, лишь звонко откликнулись собаки.

Опять кричали и так же молчали Брагуны. Зажгли костер. Пламя метнулось, заиграло на темной, таинственной реке. Где-то в стороне стонали и скрипели мельницы. За спиной темный, тихий лес, пристанище бандитов. У ног Сунжа быстрыми кругами мчалась в кровавых вспышках костра. Первобытьем повеяло от чуткой ночной тишины, от острого шпиля мечети.

— Давай бурун!

— А-а, у-у-у... — откликнулись лес и Сунжа.

Щелкнул затвор и грохнул выстрел. Дрогнула ночь, охнула, — и опять тишина, опять первобытьем веет от стона и скрипа мельниц, от бликов костра на широких, быстрых кругах Сунжи…

Наконец, стальная нить задрожала, тугой струной натянулась, заскрипела и скоро из ночи вынырнул паром…

Остановились у председателя ревкома. Торговец. Татарин. Две жены у него.

— Наше селение разный народ — татары, кумыки, чеченцы, кабардинцы… Ничего, живем мирно…

— Постойте, но как же сюда кабардинцы попали?

— Не знай, селение наше старое, по-нашему называется Бора-хан. Много лет назад из Крыма вышел Бора-хан и сделал здесь свое селение. Тогда не было здесь чеченцев, не было казаков. Наше селение было. Я хорошо не знаю, старики есть — рассказывают…

Гостеприимный хозяин разложил подушки по коврам, долго угощал кухонными изделиями своих жен…

На утро он посоветовал пройти к самому старому жителю, расспросить его, что интересно…

Курез Абдурахманов — кабардинец. По его собственным исчислениям ему 106 лет…

— Давно, давно алты изгиль (шестьсот лет) назад, еще не было великого хана Мамая, вышел из Крыма Бора-хан и Керим-хан. Здесь у горного хребта, где сливаются Сунжа и Терек, поставили селение, а другое на берегах Сулака. От Бора-хана и селение назвалось и Бора-хан арак (гора). Кругом были леса, земли вольные, безлюдные, а на случай налетов две реки и горы Бора-хан защищали селение. Потом оттуда, с гор стали спускаться чеченцы. Имамы чеченские хотели покорить Бора-хан. Были бои. Умар-Хаджи, Кази-Магома, имам Шамиль — все хотели взять Бора-хан.

Последний раз был в Бора-хан кади Дудыр-хан. Он собрал для Шамиля дань, но ему не передал. Опять пошел Шамиль на Бора-хан. Был большой бой, в нем убит Дудыр-хан, а Шамиль так и не взял

Бора-хан. Потом пришли русские, и Бора-хан перешел под их покровительство...

Сидит Курез на ковре, поджав ноги. С голого коричневого черепа крупные капли пота сползают на сморщенное лицо. Гноящиеся, серо-тусклые глаза не видят. Мухи ползают по омертвевшим векам, присасываются к гною, не видят, не чувствуют омертвевшие глаза. Когда говорит, натужно пытается восстановить в помутневшей памяти сказания дедов, виденные и пережитые события.

— Жалуется, — говорит переводчик, — память стала слаба, забывает, что и как было...

Когда мы уходили, Курез встал, пожал нам руки и пошел в мечеть.

— Видишь, пошел, — смеется переводчик, — и говорит еще, что если бы не ослеп, то он совсем бы себя хорошо чувствовал...

Я долго смотрел, как столетие с хвостиком, слепо тыкая впереди себя палкой, тихо брело к острому, тонкому шпилю мечети...

В пыли веков. Сел. Брагуны, 8-го июля. Это был пожелтевший лист бумаги, сложенный пополам. От долгого лежания бумага на перегибе потемнела, надломилась. Старик, пожелтевший и надломившийся, боязливо передал этот лист бумаги, исписанный с внутренней стороны мелким арабским бисером. Об этой бумаге мне говорили, как о летописи чеченского рода — Гендригойского. Родовая запись, прошедшая через тысячелетие. С большим усилием, с уговорами, подходами, с мобилизацией сельского председателя удалось вытянуть бумагу для перевода. Вызвали сельского кади, переполненного самодовольством, важностью собственной персоны – никто, кроме него, во всем ауле не прочтет этой летописи.

Тяжел и неуклюж перевод на русский язык с цветистого, образного арабского:

«Гендригойцам оставляю свои записи о далеком прошлом, о начале нашего рода. Моим братьям Муцалхан, Хата, Альва —

о далеком прошлом, о начале нашего рода. Извещаю вас, что род наш пошел из города Шеми, что лежит отсюда на юг Ассирии. Градоначальником Шеми был богатый и могущественный человек по имени Ахмат-хан. Владел Ахмат-хан многими землями, было много людей ему подвластных. Лучшие женщины города были в его гареме. Но красой и гордостью его были три сына: старший — Шамхан, Средний — Сеид Али и третий — Абас. Прослышали сыновья о великих и богатых горах на севере, о горах Дагестанских. Задумали братья идти к этим горам, разведать, сколько верно говорят о горах Дагестанских. С тяжелой скорбью отпустил Ахмат-хан своих сыновей в далекое и неизвестное путешествие. Со многими людьми, с семьями своими выехали братья на север. Несколько лет шли братья — прошли от моря и до моря, шли по берегу моря и вышли за горы Дагестанские в неизвестную, незаселенную страну. И увидели братья, что богат и красив этот край: многочисленные реки текли с гор, в реках рыб можно ловить руками, — богатые, полные всякого зверя нетронутые леса. Из скал били горячие источники, которые исцеляли от всяких болезней, сочилась нефть, которая вспыхивает от искры кремня.

«...И основали братье селение Махкеты, что значит «пришедшие к желаемой земле». 10 лет прожили братья в селении Махкеты. И во всех их делах было благополучие. Род их увеличивался и стало братьям тесно жить в одном селении. И решили они искать другое место удобное для поселения, для посевов и скотоводства. И нашли они большую реку, на которой один из братьев, Сеид Али, основал селение, и назвал реку и селение по имени сына своего — Аргун. Третий брат Абас, после долгого исследования местности, основал селение Нашхай, в верховьях реки Аргуна. Нашхай — страна, откуда вышли гендригойцы.

«Старший брат, Шамхан, владел селением Махкеты. После основания этих трех селений было основано еще одно — Гордали, по имени сына Шамхана. Кроме этих четырех селений, больше никого в те времена в Северном Дагестане не было.

«Основав эти селения и укрепив свой род в богатой стране, ими открытой, братья известили своих родственников в городе Шеми, и с того времени стали переселяться и другие роды племени Нохча (чеченцы).

«Записываю это в году 430-м от появления Магомета».

Перевод закончен, и старик торопливо забрал от муллы летопись своих отцов, старательно завернул в обрывок газеты. И только тогда в его глазах исчезла тревога за обрывок записанных дедовских преданий.

У братских могил. Крепость Ведено, 11-го июля. Там, где дорога выбегает из ущелья на круглую и ровную возвышенность и опять исчезает в щель меж гор, стоят серые, облупленные стены, поросшие мохом и травой — крепость Ведено.

Дорога эта — вторая по благоустройству после Военно-Грузинской и названа царской (патча-ха-ниг). Ровной светлой лентой бежала она от Грозного по плоскости, по горным ущельям, через перевалы, через пропасти Дагестана к Темир-Хан-Шуре.

Обваливается, осыпается теперь дорога, — сорваны мосты, серыми обломками торчат стены сторожевых будок. Надрываются лошади на разрушенной дороге. А когда брызнут в горах дожди, мутно разливается река, заливает дорогу. 1 мая красноармейские подарки и снаряжение были выброшены из фургона и проглочены разлившейся бурной речкой Эрджа-акх — Черная река.

Облупленные, надтреснутые стены — когда-то грозная неприступная крепость Ведено.

В крепости, у обрыва в ущелье — небольшой парк и в нем два ряда аккуратно обложенных кирпичами братских могил.

В год 20—21, подогретые провокацией Гоцинского и мулл, вздрогнули, вспыхнули горцы, и тяжело легли в скалах и ущельях красные бойцы прошли по хребтам, рассеяли банды Гоцинского. И лишь два ряда скромных братских могил в тени и тишине парка напоминают о минувших днях.

Здесь каждый шаг, каждый кирпич говорит о прошлых героических днях. Узнали о моем приезде и забрели два ослепших бойца.

— Бомба с аэроплана ударила — лучше б убила. Посоветуй, помоги, ты же наш, что нам, старым и слепым делать?

Что скажешь старым и слепым?

Идут еще и еще — пожилые, молодые. Крепко жмут руки:

— Здырастуй, помнишь, я Шатой отряд... Я Атага отряд... Я с тобой Центорой был...

Крепко жмут руки, улыбаются, показывая зубы.

— Гикало где? Здоров? Хорошо, хорошо... Приходи ко мне — гость будешь.

О Гикало вопросы идут вслед за обычным приветствием. С именем Гикало у горца связаны и разгром Чечни, и победа над белыми, за Гикало тянулась горская беднота в дни разгула религиозного фанатизма и генеральской реакции.

Но от первых вопросов горцы быстро перебрасываются к злобе дня — выборы, власть, о Ленине. Чеченец любит политическую жизнь — жизнь острую, беспокойную. И за всем этим — прошлое, которое ценит, любит, которым гордится.

Со сдержанной, спокойной горделивостью приходят сподвижники Зелим-хана. Спросишь их о Зелим-хане, — еще больше холодной сдержанности. А стал рассказывать — забьется сердце под тесной черкеской...

Вечером в «гарнизонном клубе» спектакль. Ставится пьеска из боевой жизни красной армии. Молодняк подходит к клубу с песнями и прибаутками, гомоном вваливаются в низкое, тесное помещение. Тесно, душно. Воздух пропотел, и никак не протолкнешь его из помещения. Протискиваются сюда и чеченцы. А женщин — несколько человек, да и те русские. Ждать начала тоскливо, и красноармейцы сбились в клубок.

— А ну, хлопцы, спивай шо ни то...

И два-три десятка здоровенных глоток рявкнули в тесном и душном клубе:

Эй, живо, живо, живо,

Даешь батарею,

Снаряды поскорее,

Чтоб было веселее…

А чеченцы чутко присматриваются — еще чужда и непонятна красноармейская жизнь…

Когда занавес туго открылся, — тишина такая же плотная и тяжелая, как тяжел и плотен вспотевший воздух.

Красноармейцы не смотрят на сцену, а живут с ней. С плотных рядов то-и-дело срываются замечания:

— Гей, ложку забув… Вот мнет, аж за ушами пищит… Бачь, часовой спыть…

Когда заснувший часовой снимается штыками белых, движение по рядам и громкий вскрик:

— Ха, чертяка, заснув и убили…

После спектакля зрители по-взводно уходят по лунной улице к белым стенам старой крепости…

Крепость затихает. Из парка от братских могилок, через ущелье, близко и далеко встает тяжелый горный массив. Тихо дремлют горы под синей мглой в мертвых лучах луны. Сквозь стройные тополи парка пробиваются лунные блики, ползают по кирпичам братских могил…

Земля и люди. Аул Дышне-Ведень, 15-го июля. На плоскости зной и духота. Лошади лениво бредут по шоссе. Из придорожного кустарника оглушающе звенят цикады. Зелень кустов под густой, пыльной вуалью. И мы, распаренные зноем, запудрены пылью. Зной гонит липкую испарину, грязными струйками стекает по лицу.

Дорога вильнула в ущелье и поползла с легким уклоном вверх. Слева глубоко падало ущелье, справа громоздились лесистые

вершины. А зной так же удушлив, синей мглой задернул дальние горы.

На склоне ущелья при дороге пашет чеченец. За спиной винтовка, через плечо патронташ, на поясе револьвер, кинжал. Не доставало еще бомбы для этого мирного пахаря. Буйволов тянет впереди женщина, две других бьют непокорную скотинку палками...

Проехав с полверсты, мы сели отдохнуть от зноя в тени дерева.

Чеченец скоро кончил пахать и пошел к своему дому. В это время с горы ему наперерез быстро спускается другой чеченец, близко подходит, поднимает винтовку — бац, — и у мирного пахаря отлетает полчерепа, а убийца так же быстро исчезает в скалах. Вся эта история проходит перед глазами в течение каких-нибудь десяти минут. Оказывается, произошла ссора из-за клочка земли, и обиженный не нашел другого способа отомстить за обиду.

От крепости Ведено начинаются «черные» горы, — густо поросли щетиной чинаровых и сосновых лесов, а на самых вершинах альпийские луга. На плоскости, да и здесь в горах на Веденской лощине земля жадно ждет дождя. Кукуруза морщит свои длинные, заостренные листья, картошка блеклая, речонка еле заметна, теряется в щебне.

А на вершинах каждое утро застревают тучи, — напоят влагой сенокосы и пастбища, а потом расплавятся солнцем, обрывками расползутся по синеве неба.

Богаты пастбища на вершинах. Бараны за 3—4 месяца нагуливают тяжелые курдюки, обрастают длинной, тонкой шерстью. Из коров ведрами хлещет молоко, — густое, маслянистое. Там же на вершинах гонят его на масло и сыр. 3—4 месяца наполняют кадки горца сыром и маслом на весь год, одевают и обувают его.

Еще богаче сенокосы. Жирная, густая трава выше человеческого роста. В конце августа, когда по утрам на вершины заглядывает хрустко звенящие заморозки, зазвенят здесь косы, наметывая тяжелые стога сочно-пахучего горского сена.

Сенокосы, пастбища и скот — все богатство горца...

В нескольких верстах от Дышне-Ведень громоздко выперла вершина.

— Это ваша вершина?

— Нет, раньше здесь были сенокосы дышне-веденцев, хорочоевцев, эрсеноевцев, беноевцев, даргинцев, ца-веденцев… Сейчас эту вершину захватили махкетинцы…

Аул Мехкеты в 20-ти верстах отсюда. У них многотысячные гурты баранты, коз и коров. Много для них надо сенокосов и пастбищ. И вот весь изломанный вершинами хребет на десятки верст захватили махкетинцы.

— А что с ними сделаешь? Воевать надо…

— А где ваша вершина?

— Наша за Хорочоем. Владеем вместе с беноевцами и хорочоевцами…

Сейчас и из-за этой вершины вспыхнула вражда.

Вражда между Дышне-Ведень и Хорочой стародавняя. Еще в начале 18 года повздорили из-за Веденской лощины. Раньше лощина, окружавшая крепость Ведено, не запахивалась. Взяв крепость, горцы стали делить лощину и, конечно, подрались. Залегли две цепи, зарылись в окопы. Бой. Дышне-веденцы в атаку, — выбили хорочоевцев. Десятки раненых и убитых. Старики соседних аулов помирили и с грехом пополам поделили лощину, засеяли.

А в это лето хорочоевцы неожиданно заявили:

— Пастбищная гора наша, и убирайтесь с нее со своей барантой.

Этот ультиматум означал полное закабаление дышне-веденцев, так как других пастбищ не было. А права землепользования здесь определяются так:

— Мы с Шамиля владеем этой горой.

— Нам при царе отвели эту гору.

Советских землемеров здесь не было, а хорочоевцы выдвинули новый принцип разрешения земельных конфликтов:

— Мы наметим в Дышне-Ведень 10 человек, и пусть они дадут клятву на Коране, что гора принадлежит дышне-веденцам. А вы

намечайте у нас 20 человек...

Дышне-веденцы согласились. Тогда хорочоевцы наметили тех, которые должны были ответить хорочоевцам своей кровью (кровная месть), а стороной сообщили:

— Если клятву не будете давать, мы простим вам кровь.

В Дышне-Ведень тревога. С мечети крик муллы, несколько выстрелов: сзывают на собрание.

На собрании 10 человек, намеченных дать клятву и тем самым отстоять землю, как один отказались.

Старики догадались:

— Им обещали кровь простить...

Собрание забунтилось:

— Мы сами вас перережем...

Но, в конце концов, решают отказаться от клятвы, а хорочоевцам заявить:

— Если вы нас прогоните с горы, мы выгоним скот на ваши посевы.

Опять война. Дышне-веденцы назначили командующего, разбили всех мужчин от 16 лет на роты и взводы. Получилась солидная сила до 3-х тысяч бойцов. Поговаривала молодежь:

— У нас поискать, и пулеметы найдутся. Разнесем Хорочой...

Уже в Ростове мне чеченцы передавали: Война началась. Хорочоевцы прогнали скот с горы. Дышне-веденцы выгнали его на посевы хорочоевцев и выстаивали заставы в ущелье, — не пройти, не проехать хорочоевцам. Были перестрелки. Взаимно сожгли друг у друга по одному хутору. Раненые.

Спрашивается: где же власть?

Власть есть: в крепости Ведено окружной ревком. У него 10 милиционеров.

Что могут сделать 10 милиционеров среди поголовно вооруженного населения?

Это одно. А другое: вот что пишут горцы о начальнике милиции в заявлении на мое имя (с сохранением орфографии подлинника):

«Осенью 1923 года мы служили Веденском окружной милиции, при поступлении на эту должность мы дали по четыреста тысяч рублей начальнику милиции Махмадхану Асхабову. Пройдя несколько время было сокращение штатов милиции, начальник милиции Махмадхан Асхабов созвал нас всех в ставку, т. е. штаб милиции и объявил нам, что нужно нас всех уволит, хто мне даст взятку тот будет оставлено, это слова он передал своему близкому гражданину Алам Кужулову и сам с собрании ушел, а потом Кужулов начал говорить нам, что он дал тоже начальнику милиции Махмадхану Асхабову полмесячного жалованье и вы тоже дайте ему не ниже своего месячного жалование. Потом мы отказались, а следующие менцанери согласили дали ему взятки: (перечисление и мзды). Это может подвердить (имена)...»

Дальше рассказывают, как они жаловались на подобные действия Асхабова и как из этого ничего не получилось. И дальше:

«Начальник милиции все время служит, делая еще масса приступлении, например, он послал своих менцанеров на гору пригнал 4-х быков, за этими быками ездил Адам Кужулов и Тимирсулта Белтиев, и сам начмилиции погнал в Грозный и продал мясникам и там за неправльный пайки они в Грозном подрались...»

И дальше в том же духе.

Бросил свой длинный язык к порогу полковника, —
Чтоб отсох язык кляузника...

Чеченцы уверены, что он организует банду.

Оттого-то горцы и разрешают свои конфликты собственными средствами:

— У нас один закон и одна власть — винтовка... ***А. Костерин.***

ШАРИАТСКИЙ СУД В ЧЕЧНЕ 1925 ГОД

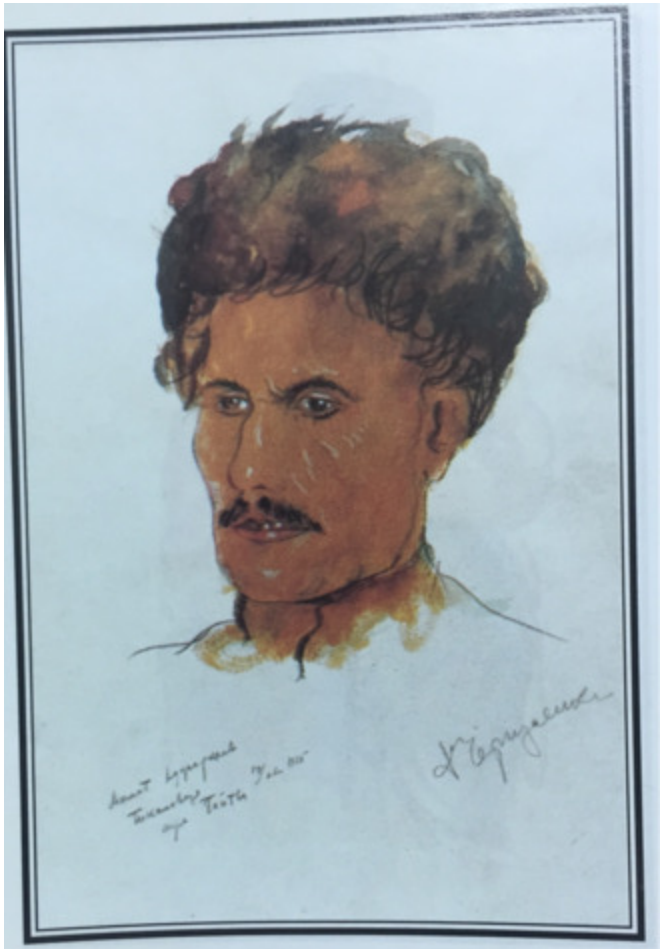
«SERLO — СВЕТ» еженедельная газета на чеченском и русском языке Адрес Грозный ул. Ленина д. 12 Среда №26, 9 сент. 1925 год цена 5 коп.

Статья, Даниилбека Джамалдиновича Шерипова — **«Шариат».**

— Шариат, или вернее Шаръа слово арабское и обозначает в переводе — законный путь. Ученые арабисты сделали выборки из корана и составили специальные книги, содержащие в себе перечень преступлений с соответствующими статьями наказания. Таковыми книгами является «Мехель» и «Ширвани» и. т. д. Статьи этих книг весьма суровы и беспощадны. Мелкие кражи, например, караются отсечением пальца руки и. т. п. Более серьезными преступлениями Шариат считает убийство без всякого повода и связь с замужней женщиной. Оба вида этих преступлений караются смертной казнью. Кража коня считается тоже серьезным преступлением, так как конь является главным товарищем в боях и пособником достижения владельцем его так называемого «Газавата» (Священной смерти). Целиком Шариат применялся только имамом Шамилем, у которого была введена в войсках железная дисциплина. В Шарсудах, допущенных сейчас в силу особых условий в Чечне, Шариат применяется только лишь постолько, посколько, это возможно в современной обстановке. В Шариате существует два положения: апелляционное и безапелляционное, т.е «Маржох» и «Ражох». По Маржоху можно себе разрешить себе то или другое; иначе говоря, решения по Маржоху можно считать паллиативами Ражох может отменить решения Маржоха, Ражох разрешает убийства на почве кровной мести, но не обязывает к этому. Убийца может откупиться. Существующие в Чечне Шарсуды ограничены в своих действиях. По уголовным делам подсудность их ограничена мелкими кражами, по гражданским делам подсудность ограничена до 1000 рублей. Бракоразводные дела также целиком передаются Шарсудами, так как советскими законами, пока существует венчание у мулл, развода фактически добиться нельзя. Правда, Нарсуд может вынести определение о расторжении брака, но этим ничего

не достигается; по мусульманским законам развод может состояться лишь тогда, когда муж даст развод, т. е. произнесет установленные особые при разводах слова: «При свидетелях таких-то (не менее двух), именем Бога даю тебе развод. После произнесения этих слов развод считается состоявшимся вполне. Женотдел выражает свой протест против передачи бракоразводных дел Шарсудами и конечно, протестуя, имеет в виду соблюдение интересов горянки. Скажу на это следующие: ЧечЦик, передавая бракоразводные дело Шарсудам, имел ввиду интересы горянок.

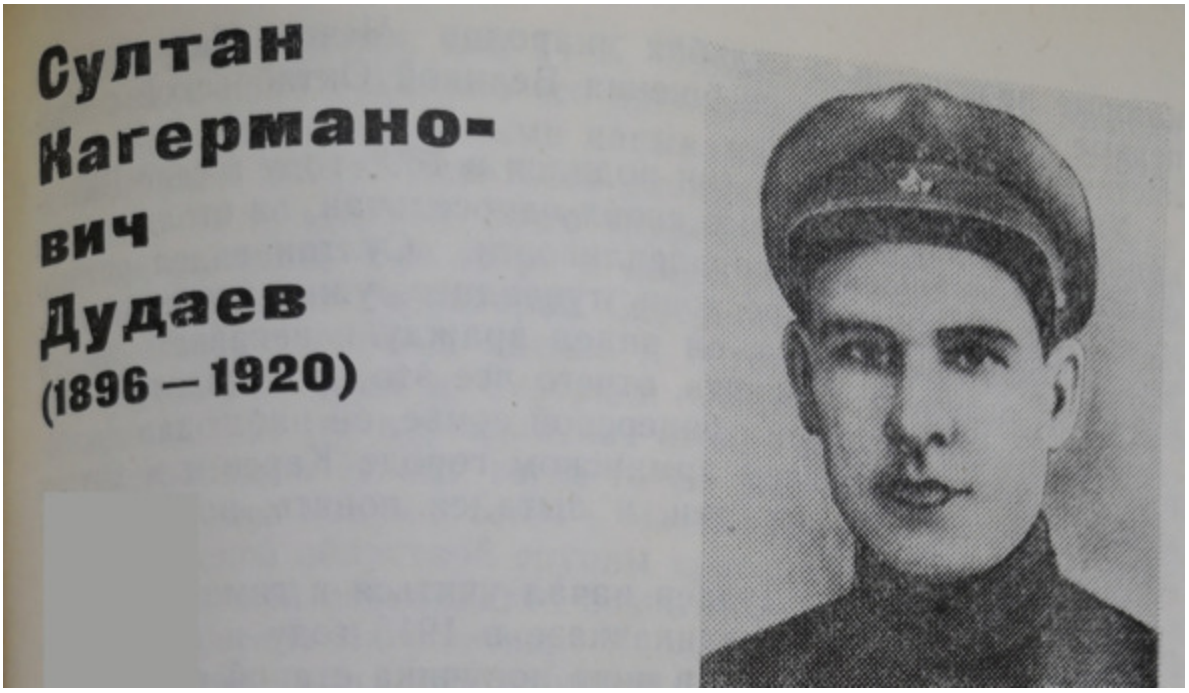
Советские суды, конечно, не отказываются принимать к производству бракоразводные дела но достигается ли этим цель? В Шариатском судопроизводстве главную роль играет присяга. Признавший очистительную присягу с присяжниками, т. е. с ближайшими родственниками, подтверждающими справедливость принятой очистительной присяги считается не подлежащим к приговору. Строгая беспристрастность, тяжущиеся сторонам диктуется Шариатом. Даже не разрешается улыбка по адресу одного из тяжущихся, иначе говоря, при допросе Судьи должны сохранять на лице одинаковое выражение к своим сторонам. В Автономной Чеченской Области функционируют 10 Шариатских судов на периферии и одна Шариатская Областная Коллегия в г. Грозном**, как кассационная инстанция.** Шарколлегия является последней инстанцией шариатского судопроизводства. Если Облсуд или Прокуратура усмотрит из действий Шарколлегий явное пристрастное или грубое нарушение несоответствующее советским Кодексам, такие действия приостанавливаются и решения пересматриваются в плоскости указанных нарушений. Шарсуды состоят из Председателя и двух членов, а Шарколлегия из 5-ти членов и секретаря. Состав Судов и Коллегий избирается из числа опытных шариатистов чеченского аула. Шарсуды содержатся на местном бюджете.

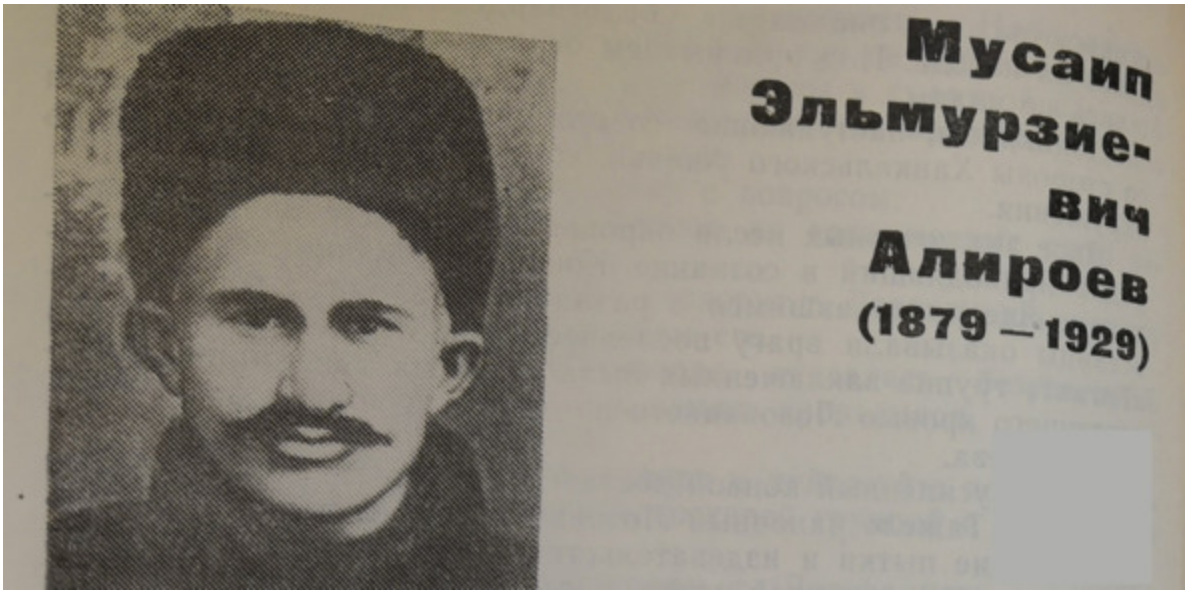

119. Ф. М. Черноусенко.
Ахмат Адусаркаев - гикаловец. с.Гойты. Чечня. 1925 г.

117. Ф. М. Черноусенко.
Абдурахман Дозаев - участник восстания 1905 г. с. Гойты. Чечня 1925 г.

ЭЛЬДАРХАНОВ ТАШТЕМИР

Декреты Горской Республики.

Горского Центрального Исполнительного Комитета Советов Рабочих, Крестьянских Красноармейских и Казачьих Депутатов.

Декрет №1. 26-го Апреля 1921 года, г. Владикавказ.

Сего числа, согласно постановления 1-й Сессии Горского центрального исполнительного комитета приступил к исполнению своих обязанностей Президиума Горцика в следующем составе:

Председатель: Эльдарханов Таштемир Эльжуркович.

Заместитель: Зязиков Индрис Бейсултанович.

Секретарь: Гацолаев Афако Дзамбулатович.

Члены: **Калмыков Бейтал Эдыкович**, **Такоев Симон Алиевич**, **Энеев Магомет Алиевич**, **Носов Николай Федорович, Алиев Умар Джешуевич**, **Рогачев Георгий.** О чем объявляется для всеобщего сведения. Председатель Горцика**: Эльдарханов**. Секретарь Горцика**: Гацолаев**.

Декрет № 2. 26-го Апреля 1921 года, г. Владикавказ. Согласно постановления 1-й Сессии Горского Центрального Исполнительного Комитета Рабочих, Крестьянских, Красноармейских и Казачьих Депутатов назначается Совет Народных Комиссаров Горской Социалистической Советской Республики в следующем составе:

Председатель — **Такоев Симон Алиевич**

Наркомвнутдел — **Зязиков Идрис Бейсултанович**

Наркомюст — **Станский Иосиф Фомич**

Наркомзем — **Датиев Ислам Магометович**

Наркомфин — **Гацолаев Василий Максимович**

Наркомсобес — **Горчханов Али Исаевич**

Наркомрабкрин — **Мальсагов Иналук Гайтиевич**

Наркомпрос — **Бутаев Казбек Саввич**

Наркомздрав — **Носов Николай Федорович**

Наркомтруд — **Калибердин**

Нрид Наркомпрод — **Ивенский**

Военком — **Смирнов Александр Сергеевич**

Всем вышепоименованным товарищам предлагается немедленно приступить к исполнению своих обязанностей, о чем

довести до сведения Президиума Горцика. Председатель Горцика**: Эльдарханов**. Секретарь Горцика**: Гацолаев**.

Приказ №3. 27-го Апреля 1921 года, г. Владикавказ. Всем членам Горцика, выехавшим на места, представить к следующей Сессии Горского Центрального Исполнительного Комитета Рабочих, Крестьянских, Красноармейских и Казачьих Депутатов полный письменный отчет о своей работе, для чего завести дневники о повседневных работах. Председатель Горцика: **Т**. **Эльдарханов**. Секретарь Горцика: **В. Абаев.**

Декрет № 11. О воспрещении возвращения казаков в выселенные станицы. 5 июля 1921 года.

В настоящее время главным образом в Чечне наблюдается случаи обратного вселения казаков в станицы, предназначенные к заселению горской беднотой. При этом возвращающиеся казаки, веря ложным слухам о состоявшемся как будто распоряжении Советвласти об обратном вселении казаков, распространяют эти слухи среди населения Чечни, возбуждая тем самым против себя горские народы и вызывая у них недоверие к постановлениям Советвласти. Принимая во внимание, что никаких распоряжений

Советской власти о обратном вселении казаков не было, что все земли станицы их предназначены в исключительное пользование Горской бедноты, что распространение слухов об обратном вселении казаков является ничем иным, как злостной провокаций, имеющей горцев против казаков, как нарушающее состоявшееся распоряжение Советвласти, является актом самовольным, а также во избежание и предупреждение могущих быть на почве возвращения казаков нежелательных столкновений между трудовыми народами Горреспублики, Горцик постановил: 1) аннулировать все разрешения на право вселения казаков в заселенные станицы, оставить таковые и возвратиться в указанные ему по выселении места, 3) запретить казакам хотя бы на временное проживание в вселенных станицах и вообще во всей Чечне, 4) ко всем подчинившимся настоящему постановлению, помимо принудительного выселения, применить наказание в административном порядке; 5) Предложить Совету Народных. Комиссаров через соответствующие Комиссариаты срочно приступить к исполнению настоящего постановления. Председатель ГОРЦИК **Эльдарханов.** Зам. секретаря **Зубков**.

Постановление № 15. 16 июля 1921 года. Тов. Зязиков и т. Гацолаев с 12 июля 1921 года освобождаются от занимаемых ими должностей — первый Заместителя Председателя ГЦИК, второй Секретаря ГЦИК. Т. Бутаев и Ионисиани с 12 июля с. г. назначаются: первый Заместителем Председателя ГЦИК, второй — Секретарем ГЦИК. Тов. Гацолаев с 12 июля с. г. назначается Заместителем Председателя Совнаркома. Председатель ГЦИК **Эльдарханов**. Зам. Секретаря ГЦИК **Ал. Зубков**.

Выступление Т. Э. Эльдарханова на открытии второго съезда Советов Горской Республики 18 января 1922 года. Т. Эльдарханов. По поручению Горского Центрального Исполнительного Комитета, объявляю второй Съезд Советов Республики открытым. (Аплодисменты, оркестр исполняет «Интернационал»). Т. т. делегаты, истек более чем год времени, как с кровавого фронта мы перешли

на фронт внутренний для борьбы с разрухой, и на этом фронте на почве борьбы с бандитизмом, с эпидеями и также от коварной руки наших врагов погибло немало славных борцов за свободу. В этот торжественный час открытия второго съезда предлагаю почтить память наших павших вставанием. (Оркестр исполняет траурный марш). Этот съезд является верховным органом Горской Республики и отныне и до закрытия Съезда власть передается Вам — Вы мудрые представители с мест являетесь выразителями воли трудящихся Горской Республики. Вашему вниманию предлагается ряд животрепещущих вопросов; Вы, люди с мест, подойдите к разрешению их с практической стороны и своими постановлениями оправдайте же надежды, которые возложили на вас трудящиеся Горской Республики. Позвольте от имени Центрального Исполнительного Комитета и Совета народных Комиссаров Горской Республики приветствовать настоящий Съезд и пожелать ему успеха в трудном и ответственном деле. («Интернационал»). Слово для приветствия от Горского Областного Партийного Комитета представляется т. Гикало (Второй съезд Советов Горской Республики. Стеногр. отчет. Владикавказ, 1922).

Список членов большого президиума Горского Исполнительного Комитета: 1. Зязиков, 2. Носов, 3. Измайлов, 4. Гикало, 5. Груздов, 6. Зубков, 7. Мамсуров, 8. Абаев Шамиль, 9. Мутушев, 10. Ошаев, 11. Шерипов Заурбек.

Доклад на IV секретном совещании ЦК РКП (б) с ответственными работниками национальных республик и областей в Москве 9—12 июня 1923 года. Эльдерханов (Чечня). Товарищи, автономная Чечня представляет из себя небольшую территорию около 0,5 миллиона, исключительно чеченцев, выделенную из состава Горской Республики декретом центральной власти 30 ноября 1922 г. Фактически новая власть — революционный комитет автономной Чечни — вступила в управление областью только с 1-го февраля 1923 года. Для того чтобы показать те достижения, которые имеются налицо после 3-4-месячного

управления автономной Чечней новой революционной властью, я должен сказать несколько слов для характеристики предшествующего момента. Я должен коснуться ряда ненормальностей со стороны наших товарищей, допущенных ими при управлении Чечней. Слащавые речи по адресу трудящихся, улыбки по их адресу, хватание за бороды мулл, выколачивание 5—6% задания, излишний военный нажим, от которого страдало мирное население, бандиты же убегали в горы, — в конечном итоге создали фронт против Советской власти. Тов. Орджоникидзе, который является свидетелем происходивших в Чечне событий, может подтвердить это, и я должен здесь определенно указать, что не раз он этих товарищей призывал к порядку. Но усердствующие товарищи, считая, что их работа не кончена, продолжали действовать таким же темпом в том же направлении, пренебрегая местными работниками. В конечном итоге создали в Чечне анархию, создали в Чечне единый фронт, к сожалению, не за Советскую власть, а против Советской власти. И таково было положение до объявления автономии Чечни. Революционная власть, управляющая Чечней с 1 февраля, за этот непродолжительный промежуток времени сделала большие достижения в борьбе с бандитизмом, разросшимся в Чечне до небывалых размеров. Бандиты организованно нападали с пулеметами на железную дорогу, покушались на ограбление и крушение поездов и пр. Борьба с бандитизмом заслонила все очередные вопросы перед революционным комитетом автономной Чечни. До того в Чечне не было никакой власти, не было милиции, — не было абсолютно ничего, напоминавшего Советскую власть. Страна представляла из себя одно разрушение, как будто бы Атилла с одного края до другого, огнем и мечом прокатился по автономной Чечне. Нужно было создать крепкую власть и противопоставить ее бандитизму. Теперь я могу определенно заявить, что в Чечне, о которой привыкли говорить, что это вольная страна, не признающая ничего, где никакой власти нет и не может быть создано, я заявляю, как

лицо, возглавляющее автономную Чечню, что теперь здесь имеется твердая власть. Бандиты не шалят, успокоение наступило, многие главари сдались, а более нахальные, не считающиеся с властью, попались, заключены в подвалы ГПУ и, для отрезвления еще болтающихся кое-где в Чечне бандитов, подлежат высылке мера не проводится в исполнение. Поскольку меня информировало центральное ГПУ, высылка эта по политическим соображениям их нужно направить на Север, чтобы они при других условиях исправились и сделались бы впоследствии полезными гражданами для своей автономной ибо полностью доказана их принадлежность к бандитизму и есть постановление Ревкома, по которому они должны быть высланы, что воздействуют и на остальных.

Затем здесь по вопросу о борьбе с бандитизмом, товарищи дагестанцы говорили о том, что чеченские бандиты им покоя не дают. Я заявляю вам, что на территории Чечни бандиты под собой почвы не имеют, но если они под Махач-Калой позволяют себе шалить, то отсюда можно сделать вывод: призвать местную власть к борьбе с бандитами. Мы отвечаем за свою территорию и не обязаны устанавливать твердую власть вне нашей территории, это есть обязанность лиц, стоящих во главе той территории. Товарищи, когда вопрос о великодержавном шовинизме подчеркивается выступающими ораторами, когда он является злобой дня, основным мотивом, из-за чего местные работники не имеют возможности проявлять волю и характер в своей работе, то я должен заявить, что еще задолго до XII съезда партии все эти причины для нас были устранены. Власть, поставленная во главе Чечни, не видит перед собой никаких причин, препятствующих ее дальнейшей работе, и если и дальше будет так идти, то от этого выиграет и Чечня, и вся наша республика.

Когда к автономной Чечне присоединяли казачий район, находящийся в окружении чеченскими землями, то представитель казачества, коммунист, на заседании Административной Комиссии ВЦИК, под председательством тов. Белобородова, заявил: если это

станет фактом, то казакам придется выселиться, ибо они задохнутся от чеченского бандитизма. Заявляю, что действительность говорит другое. В казачьем районе спокойно, бывший в Чечне, в частности в казачьем районе, тов. Калинин мог быть свидетелем того, что казаки довольны властью Чечни, что для них настали дни, когда они, без винтовки за плечами, спокойно могут пахать. Мирный труд обеспечен, первый камень братства заложен, и крикливые выражения о том, что на почве антагонизма между казаками и чеченцами возможны обострения, совершенно отпадают. Жизнь говорит другое.

В мою бытность в Москве, в декабре месяце, мною был поставлен в НКПросе РСФСР вопрос о народном образовании. Между прочим, у нас картина такая: в царское время в Чечне только функционировало 37—40 школ, а в настоящее время в Чечне только 4 школы: три школы — в казачьих станицах, одна сельскохозяйственная и, кроме того, два детских дома — на всю территорию автономной Чечни. Когда об этом было заявлено в территорию автономной Чечни. Когда об этом было заявлено в территорию автономной Чечни. Когда об этом было заявлено в Комиссариате народного просвещения, мне определенно сказали, что историческую несправедливость нужно исправить, нужно дать Чечне сверхсметное ассигнование, чтобы открыть 30—40 школ. Если не будет оказана эта помощь, то ко дню празднования 10-летия Октябрьской революции, когда должна быть ликвидирована неграмотность в полном объеме, в Чечне, может быть, будет только 10—15 школ, а неграмотность выразится в 97%. Я очень рад присутствию здесь тов. Луначарского, которому особенно дороги интересы народного образования, в особенности тех наций, которые остались не по своей вине, и полагаю, что вопрос о сверхсметном ассигновании, который был разрешен принципиально, пройдет и нам будет дана возможность открыть 30—40 школ. По истечении двух месяцев мы будем иметь 30—40 учителей. Буквари, книги, задачники на родном языке уже отпечатаны, школьные помещения

на местах приводятся в порядок, но нет совершенно обстановки, и если тут нам не будет оказана помощь, то мы лишены будем возможности привести в исполнение те свои начинания по народному образованию, которые мы наметили. Тут мне могут сказать, что Чечня получает нефтеотчисления в 35 тыс. зол. руб., получает половину продналога; но надо подчеркнуть, что с организованным бандитизмом бороться нелегко, и что 68% всех этих отчислений и дотаций идут именно на эту борьбу, а на строительство, на создание школ в существующих условиях денег тратить в достаточном размере мы не имеем возможности. Поэтому, повторяю, мы просим этой поддержки, чтобы потом, став на ноги, не беспокоить никого. Этого мы вправе ожидать, ибо Чечня была заброшенным уголком и остается таким же до настоящего времени.

Несколько слов относительно сотрудников наших ревкомов. Революционной властью для сотрудничества приглашены лояльно демократически настроенные к Сов. власти элементы и даже сомнительные. Там, где нет просвещения, где беднота идет в хвосте за муллами, от которых ее нелегко оторвать, потому что царство небесное дороже для нее земельных благ, — тут, товарищи, нужно было считаться с объективными условиями. Для примера приведу один случай. Приглашен на службу Али Митаев, которого тов. Орджоникидзе прекрасно знает. Это сын известного шейха, имеющий за своей спиной мюридов, который в декабре организовал шариатские полки и угрожал советскому строю. Сейчас этот Али Митаев член Ревкома и задания Ревкома выполняет безоговорочно. Тем, которые говорят, что нам грозит опасность, если мы привлечем элемент, не вполне выдержанный по отношению к Советской власти, что нам нужно от них отгородиться, стать к ним спиной, идти с кучкой вполне выдержанный по отношению к Советской власти, что нам нужно от них отгородиться, стать к ним спиной, идти с кучкой вполне подготовленных и преданных,

необходимо указать, что при такой политике мы рискуем оторваться от массы. Нужно считаться с местными условиями.

В конце я должен сказать, что не останавливаясь на задании иметь один только начальные книжки и буквари, Ревком организовал издательское общество, Научно-Педагогический Совет. Чечня начала работать. Недалеко то время, когда у нас будет своя маленькая библиотека на своем языке. Письменность у нас есть. Есть одна газета, которая издается пока на русском языке, но в недалеком будущем она будет издаваться на местном языке.

Я хотел бы сказать еще пару слов о партийной организации. Фактически в Чечне коммунистов почти нет, выделено Оргбюро Чечни, всего 5 человек, из них 3 товарища — чеченцы, двое не чеченцы. Всего имеется каких-нибудь несколько коммунистов на всей территории Чечни. Но мы все-таки не расположены здесь ныть, ибо за своей спиной имеем население, революционно настроенное, вооруженное с ног до головы и готовое идти против тех, которые пойдут против его свободы. Свободолюбивые чеченцы, хотя они сейчас — нужно определенно и честно сказать — благодаря недачи им материальных благ, не связаны кровно с советской властью, но если над Советской Россией сгустятся тучи, если будут посягательства на их свободолюбие, — эти горцы, как один человек, придут ей на помощь.

Личное дело персонального пенсионера № 21533—32 — Эльдарханов Таштемир Эльжуркаевич. ГАРФ ф. 539, оп. 7, дело 4913.

Краткий автобиографический очерк т. Эльдарханова.

Родился в 1871 г. в селении Гехи, Грозненского округа. Происходит из трудовой горской семьи, дед мой по имени Эльдархан в войне Кавказских горцев за свою независимость во главе с Шамилем играл не маловажную роль и с его именем связаны героические подвиги горцев против своих вековых угнетателей. По имени деда и фамилия нашего рода — Эльдархановы. Детство мое протекло в обстановке суровой горской

действительности. 7—8 лет от роду я поступил в Грозненскую Горскую школу, благодаря хлопотам отца, временно проживавшего в то время в Грозном в качестве выборного депутата горского Словесного суда. По окончании той школы поступил во Владикавказское ремесленное училище. О поступлении в реальное училище и в гимназию и думать не приходилось, так как детям рядовых горцев доступ туда был закрыт. Двери этих учебных заведений широко были открыты для сынков купцов, чиновников, офицеров и лиц, имевших особые заслуги перед царским правительством. Образование оное я завершил в Тифлисском учительском институте, куда я был послан Обществом Распространения грамотности среди горцев. В 1893 году, по окончании курса учительского института, я был назначен исполняющим должность учителя Майкопской — Горской школы. Через 5—6 лет был переведен на ту должность в Грозненскую горскую школу. В течение 9 лет оставался без прав государственной службы. Ходатайства мои об утверждении в должности перед попечителем Кавказского учебного округа и Министром Народного Просвещения были оставлены без последствий. Мотив — горцам магометанского вероисповедания не может быть дано право государственной службы в министерских учебных заведениях. Наконец, по жалобе моей на министра Народного Просвещения правительствующий сенат разъяснил, что понятие учительской должности, но раз я допущен, то мне должны быть объяснения, хотя я и был восстановлен в правах, но в течение всей моей долголетней учительской деятельности оставался на положении затравленного, неизменно получая 33 р. 66 к. в месяц.

В 1905 году за выступления против власти на разных съездах я был уволен с учительской должности, как политически неблагонадежный.

В 1906 году горцами Северного Кавказа был избран в первую государственную думу, где защищал интересы обездоленных горцев. После разгона думы подвергался гонению, арестам и был выслан

из пределов Северного Кавказа в Закавказье, где находился до падения царизма, зарабатывая кусок хлеба работой в татарских школах сперва в Баку, а потом в Геокчай.

По возвращению на родину на съезде Чеченского народа был выбран заместителем председателя Грозненского Чеченского Совета. Этот совет просуществовал недолго. Состав его раскололся на два враждебных лагеря и в итоге в Чечне образовались два совета: Атагинский, представлявший из себя объединенный кулак шейхов, мулл и буржуазной интеллигенцией во главе с известным авантюристом гр. Мутушевым в противовес ему Гойтинский революционный народный совет, который был подлинным защитником трудящихся Чечни и истинным сторонником Советской власти. С начала организации этого совета до его роспуска, в связи занятием Чечни белогвардейцами во главе его, по выбору, стоял я. Гойтинский совет сделался революционным рычагом всей Чечни. Дела этого совета известны далеко за пределами Чечни. По занятии Грозного белогвардейцами — Гойтинский совет приютил в Чечне беженцев красноармейцев во главе с т. Гикало.

Средствами и людьми Гойтинский совет помог т. Гикало сформировать партизанский отряд, сыгравший немаловажную роль в борьбе с белыми.

На предложение Деникина выдать красноармейцев и т. Гикало и меня, Гойтинский совет ответил категорическим отказом и после этого начались военные действия против Чечни. Совет был распущен, образовав комитет обороны Чечни под моим председательством. Тысяча лучших сынов Чечни помогли в неравной борьбе, десятки аулов были сметены с лица земли. Чечня покорилась силе, на время затаив зло против ненавистных врагов. В безысходный момент Комитет военной обороны эвакуировал красноармейцев в горы и вслед за ними удалился туда и я.

В горах я не переставал внедрять сознание горцев веру в Советскую власть, руководимую нашей партией. Живым свидетелем этих событий в Чечне и роли моей в них является т.

Орджоникидзе. После изгнания белых, в период мирного строительства, я при невероятно тяжелых политических и экономических условиях на самых ответственных постах предгорцика, предревкома, предисполкома Чеченской автономной области проводил в жизнь, как умел и не за страх, а за совесть, директив вышестоящих партийных и советских органов. В конце 1925 года я переброшен на работу в Ростов н/Д, где исполнял обязанности члена Президиума Краевого Исполнительного Комитета, Члена Президиума кавплана. С 27 октября 1928 года назначен членом Правления Крайпотребсоюза. Перерывов по службе с 1917 г. не было.

Мою революционную деятельность, твердость и выдержанность в трудные моменты могут подтвердить товарищи: Орджоникидзе, Микоян, Киров, (?) нер, Орахелашвили, Махарадзе и др. // Эльдарханов//

Стр. 4. **Трудовой список** Эльдарханов Таштемир Эльжуркаевич.

Составлен Крайсоюзом всего 8 записей на четырех листах № -019813. Подпись (Абшаров). Всего 15 записей на пяти листах. Подпись не разборчива. Печать Управление Объединение Грознефть. Всего 17 записей на шести листах. Продолжен ПСК Грознефти. Всего 21 записей на шести листах.

1. Родился в 1871 г.;

2. Национальность — Чеченец.

3. Социальное положение — крестьянин; 3) Служащий.

4. О) Самообразование — 3) Среднее.

5. Профессия — Учитель рабочий со стажем 36 лет.

6. О) Партийность — I) Член ВКП (б) Партбилет № -0260227; I) Член профсоюза СТС № 7101; О) На военном учете не состою. Подпись (Эльдарханов) 1929 г. 18 октября.

1) **1917 г.** — Член президиума чеченского народного совета и комиссар Чеченского округа. (не подтв. документов).

2) **1918 март** — Председатель революционного Гойтинского Народного совета трудящихся Чечни (по выбору) не подтверждено

документом).

3) **1920 г.** — Председатель революционного комитета Чечни по назначению вышестоящей Советской власти. В том же году, съездом чеченского народа избран председателем исполнительного комитета Чечни.

4) **1921 г.** — **Учредительным собранием горских народов Северного Кавказа избран председателем Горской республики с одновременным исполнением обязанностей Пред. Исполкома Чечни.**

5) **1922 г.** — С выделением Чечни из состава Горской Республики назначен ВЦИК председателем революционного комитета Чеченской Автономной Области съездом советов Чечни в 1924 г. Избран председателем исполнительного Комитета Чеч. Авт. Обл. в этой должности оставался до осени м-ца и числа не помню 1925 г.

6) **С 1925 г.** — С конца этого года отозван в распоряжение Крайкома работал в Краевом Исполнительным Комитете в качестве члена президиума КИК'а, а потом членом президиума Севкавплана.

7) **1928 год** 27 октября — Член правления Крайсоюза основная работа по Крайсоюзу — Национальные союзы Потребительской кооперации. (Поставление Правления). За все время работы с 1917 г. перерывов не было член правления Крайсоюза Эльдарханов.

8) **1930 год** 15 июнь — Выбыл из состава Правления в связи с перевыбором Правления (Собр. Уполномоч. В 1930 г.). Зав. общим отделом.

9) **1930 год** 15 июнь — Акционерное общество «СК Сельстрой» член Правления Акц. о-ве Севкавсельстрой (пр. по СКСельстрою №74, параграф 4).

11) Июнь Авг. 7**—1930 г**. — Назначен директором МЕМОР. Конторы Севкавсельстроя. (пр. по мемор. к-ре СКСельстроя № 6, параграф 1).

12) **1931 год** 1 январь — Назначен Зав. Плановым Эконом. Сектором. (пр. по тресту СКСС №1, параграф 1).

13) **1931 год** 18 январь — Назначен постоян. Представителем в РКК административной части.

15) Освобожден от занимаемой должности вследствие перехода на другую работу. (пр. по тресту №4 от 17/VIII-32 г.).

16) **1932 год** VIII-27 — Зачислен в стр. техн. Упр. на должность пом. директора (Расп. по Упр. об. Грознефти №51, параграф 1).

17) **1933 год** VII-26 — Переведен в ПСК в связи с реорганизацией Управл. Объединен. Грознефти с 10/VI. Основан. приказ №43.

18) **1933 год** VII-15 — Назначен директором Проэктно-Сметной конторы Грознефти.

20) **1934 год** IV-1 по XI-1 — Был в отпуске по болезни.

21) **1934 год** XI-1 — Назначен зам. директора Транспортной к-ры.

22) **1935 год** VII-15 — Полагать в профотпуске на курортном лечении с сохранением содержания с 17/VII по 17/IX-35 г.

23) **1935 год** X-14 — Исключен из списков Транспортной к-ры Грознефти ввиду смерти. Заведующий конторой (подпись).

ШАХТЕМИР ЭЛЬДАРХАНОВ

РГАЭ (хранится в Вороново) ф. 8543 оп. 9. Д. 3274. Народный Комиссариат пищевой промышленности СССР. /личные дела на букву «Э»/.

Лист 10. Моя автобиография. Я родился в 1888 году в селении Гехи, Урус-Мартановского района Чеч. Инг. Автономной Области. Происхожу из крестьян. Под судом и следствием до и после революции не был. В Красной Армии не служил. На учете состоял, но во время переучета в 1923 году мая 13 дня снят. В войсках или учреждениях белых, как добровольно, так и по мобилизации не служил. В 1917 году примерно в ноябре месяце пришлось эвакуироваться из города в родной аул, вследствии возникшей национальной розни между хозяевами положения в то время — Казаками и Чеченцами, что вылилось в форму беспощадного избиения Чеченцев оставшихся в городе. С тех пор жил в Чечне и в родном

ауле, помогая в сельском хозяйстве больному брату и в опасных случаях удаляясь в горы. С отступившим из гор. повстанческим отрядом у нас была самая тесная связь, тем более, что покойный мой старший брат с 1905 года был руководителем революционного движения в Чечне и штаб революционного движения находился в нашем доме в селении Гехи, там же находился и командующий повстанческим отрядам тов. Гикало и чрезвычайный комиссар Северного Кавказа тов. Орджоникидзе. После упорных боев с белыми, когда несколько десятков Чеченским селений было сметено или разрушено до основания нам всем пришлось отступить в горы не ослабляя революционную борьбу против белых, путем организации и действий отдельных партизанских отрядов, что и продолжалось до 1920 года.

Состав членов семьи моей четыре человека и все находятся на моем иждивении. Из близких моих родственников два племянника подвергались репрессиям, оба они были раскулачены из-за личных счетов сельской властью, но по выяснению восстановлены в правах. Никто из моих родственников у белых не служил, а равно нет у меня родственников, которые имели бы связь с заграницей и никого за границей не имею. — С малых лет я находился на иждивении старшего брата. С его помощью я получил образование. В 1902 году окончил Грозненскую Горскую школу, по окончании названной школы, перешел в 6-ти классное Пушкинское Городское училище, каковое окончил в 1905 году. Представить свидетельства об окончании указанных учебных заведений не смогу, так как таковые вместе с домашними вещами остались в квартире во время эвакуации из города при нашествии белых и квартира до основания была разграблена. Учиться дальше я не имел возможности ибо мой старший брат, на иждивении у которого я всегда находился, был вовсе снят с работы за участие в революционном движении. —

Работать я начал с 1906 года, сначала в качестве конторщика в г. Баку в Нефтепромышленной конторе М. Мухтарова, оттуда перешел на работу по собственному желанию в Бакинский городской

обоз, так как труд оплачивался лучше, где проработал до Октября 1916 года. после этого я перевелся на родину в гор. Грозный и работал в Обществе взаимного кредита в качестве Зав. Комиссионным Отделом. — проработал короткий отрезок времени пришлось эвакуироваться, так как оставаться в городе было не возможно в следствии гонения на нас со стороны белоказаков. До 1920 года находился в Чечне, после восстановления Сов. Власти по назначению был помощником Комиссара округа, потом Начальником милиции того же округа, оттуда по домашним обстоятельствам уволился и жил в родном ауле до 1923 года, работая около одного года по просьбе общества председателем Сельского совета в родном ауле.

В 1923 году был назначен заместителем председателя правления промышленного комбината Нац. Области. Кстати сказать в числе промышленного объединения комбината входил и Спиртовый завод. Работал в должности беспрерывно, в 1929 году я был назначен управляющим этого же Комбината. После слияния города с Чеченской Нац. Областью, а именно в Октябре 1929 года по моей просьбе я был назначен Директором Спиртового завода, где, и работаю по настоящее время. —

Моменты революционного движения и моего участия, могут подтвердить Нарком тяжелой промышленности товарищ Орджоникидзе, товарищ Гикало, председатель Совнаркома Грузии тов. Махарадзе. /Эльдарханов Шахтимир Эльжуркаевич/. 21 июля 1936 года. город Грозный.

Лист 11. Трудовой список Эльдарханов Шахтимир Эльжуркаевич.

Родился в 1888 году. Национальности — Чеченец. Образование — низшее. Член ВКП (б) с 21/х — 1926 года Партбилет № 0999765 кандидат с 21 августа 1924 года. Член Профсоюза с 1 февраля 1923 года. На военном учете не состою.

1) Политсостав ср. группа 4 категория (Уч. Воен. Билет № 21) По переучету Нач. состава вовсе снят с учета ст. 25 литер. — в 1931 году 13 май.

1. 1906 год сентября 17. Конторщик Нефтепромышленной конторы М. Мухтарова. — (Удостоверение названной конторы от 19 марта 1914 года №7572.

2. 1913 года мая 1. Пом. Зав. Городским обозом Бакинской Городской Управы. — (Свидетельство Бакинской Городской Управы от 10 IX — 1917 года №4055).

3. 1916 года октября 7. Заведывающий Комиссионным Отделом Общества Взаимного Кредита. —

4. 1920 по 1921 года Пом. Комиссара и Начальник Милиции Грозненского округа по назначению. —

5. 1921 по 1922 года Председатель Совета сел. Гехи Чеченской Автономной Области. —

6. 1923 февраля 1. Зампредправления Чечпромторг — комбината

7. 1927 год Ноября 11. В память 10-й годовщины Октября получил грамоту героя труда и чугунные часы. — Грамота М. Чечепромторга от 11 ноября 1927 года. —

8. Получил грамоту ударника и нагрудный знак.

9. 1929 года января 5. Управляющий Чечпромторг комбинатом постановление Президиума Облика от 31/XII-1928 года №97 56.

10. 1929 года октября 1. Директор Грозненского Винокуренного завода Протокол Президиума Чечоблика № 21 / 272 и приказ винзавода №1 от 1-го октября 1929 года.

11. 1931 года апреля 27. За выполнение производственной программы 1-го квартала с перекрытием недокура особого квартала за достигнутые результаты по развертывания соцсоревнования и ударничества, за надлежащую постановку учета результатов соцсоревнования выдана ему премия в размере месячного оклада зарплаты Приказ по Северо-Кавказскому Тресту от 27 Апреля 1931 года за №57.

12. 1931 года августа 16. За выполнение задания по выкурке в 1-м полугодии на 133,91% при перевыполнении задания как в 1-м, так и во 2-м кварталах объявлена ему благодарность. Приказано по Сев. Кавказскому Тресту от 16 августа 1931 года за №130.

13. 1933 года апреля 25. За перевыполнение производственной программы 1-го квартала, за снижение себестоимости продукции, за выполнение плана по рабсиле и общее руководство работой Винзавода премирован полуторамесячным окладом зарплаты, месячной путевкой в Дом Отдыха и жетоном ударника приказ по Северо-Кавказскому тресту от 25 апреля 1933 года №95.

14. 1933 года IX-22. За выполнение производственной программы на 97, 1% без учета 3-х недельного простоя из-за отсутствия сырья не по вине Винзавода, за достигнутые наибольшие результаты по Тресту относительно выходов спирта в размере 31, 58 дкл. И 60, 62 д: 1, из тонны сухих припасов и 2, из крахмала получил премию в 350 рублей приказ по Северо-кавказскому тресту от 22-го сентября 1933 года за №249.

15. 1933 года XI — 25. За борьбу по перевыполнению промфинплана от имени Севкавспирта и Конкурсной Комиссии выражена ему «искренняя благодарность» Именное письмо Севкавспирта от 25-го ноября 1933 года.

16. 1934 года январь 1. За правильное умелое руководство Грозвинзаводом, за правильную расстановку и использование наличных сил рабочих и специалистов и за мобилизацию внутренних ресурсов, что обеспечило успешное выполнение плана премирован именными часами, двухмесячным окладом зарплаты и грамотой ударника Севкавспиртотреста Приказ по Северо-Кавказскому Тресту от 9 января 1934 года №10. —

17. 1935 год 17. На основании представления Краевой Конкурсной Комиссии Треста, за большевитское руководство заводом и подлинную большевистскую борьбу, за план и результаты количественных и качественных показателей премирован 500 рублей Приказ по Сев Кавказскому Тресту от 17 февраля 1935 года №36.

18. 1935 года Март 9. — За выполнение и перевыполнение годового плана производства спирта, задания по снижению себестоимости и по выходам спирта из сырья в период конкурса в IV квартале 1934 года премирован полуторамесячным окладом

зарплаты. Приказ по Народному Комиссариату Пищевой Промышленности от 9 Марта 1935 года за №349.ж

19. 1935 год Декабрь. За досрочное выполнение плана 1935 года, улучшение качественных показателей работы завода выхода спирта и единицы сырья и расход топлива за успешное выполнение ремонта Грозненского Спиртзавода премирован радиоаппаратурою Приказ по Народному Комиссариату Пищевой Промышленности СССР от 31 декабря 1935 год за №2376.

Подлинный за надлежащей подписью. С подлинным верно: Зав. Кадрами Грозненского Спиртзавода (Курачинский).

Лист 13. Аттестация за время с I/X-1929 года по 1936 год.

Эльдарханов Шахтемир Эльжуркаевич, директор Грозненского спиртового завода работает в этой должности и в системе НКПП с октября 1929 года. За время работы в системе НКПП неоднократно премирован трестом Главспиртом и тов. Микояном. Партвзысканиям не подвергался. В 1929 году проходил чистку рядов ВКП (б) и в 1936 году получил новый партдокумент. На обязанности тов. Эльдарханова лежит руководство спиртовым заводом, дающим до 1300 дкл. спирта в сутки. Чутко относится к рабочим и ИТР, любит всякие массовые полезные для завода и коллектива мероприятия, заботится о предоставлении квартир, повышении заработка для рабочих, так и ИТР в том числе и молодых специалистов. Отношение к соц. Собственности крайне бережливое и добросовестное. **IV. Политическая характеристика**. Общее и политическое развитие и культурный уровень удовлетворительный, кругозор достаточный, работает над собой мало, имеются элементы лени, любитель отживших национальных обычаев, праздников, веры и так далее. Управляющий Северо-Кавказским Спиртотрестом Черепов.

Эльдарханов Шахтемир Эльжуркаевич

НОВЫЙ СОСТАВ ПРЕЗИДИУМА ЧЕЧЕНСКОЙ ОБЛАСТИ

Приложение к чеченской газете «**Серло**» среда 7 октября 1925 г. №30.

7-м Пленумом Чеченского Областного Центрального Исполнительного Комитета на заседании своем, состоявшемся в гор. Грозном 27-го сентября с. г., пересмотрен состав Президиума ЧечЦИКа. Председатель ЧечЦИКа **Эльдарханов Таштемир** и заместитель его **Шерипов Заурбек** освобождены от указанных обязанностей. Постановлено образовать два президиума — Большой из 13-ти и Малый из 5 членов.

В состав **Большого Президиума** вошли **Арсанукаев Дауд** — Председатель ЧечЦИКа, **Иоанисиани Григорий** — 1-й заместитель, **Хамзатов Махмуд** — 2-й заместитель, **Сайханов Абу** — ответственный секретарь, **Энеев Магомет**, **Токаев Джамал**, **Мидаев Даша**, **Ацаев Сату**, **Тучаев Ахмат**, **Кагерманов Махмуд**, **Мусрев Абубакар**, **Абдулхакимов Асхаб**, **Темиров Шаха**.

Кандидаты к ним: **Саламов Абдул-Халим**, **Акаев Джу**, Миронов, **Ошаев Халид**, **Яхшаатов Хас-Магомет.**

В состав **Малого Президиума** вошли: Арсанукаев Дауд, Иоаннисиани Григорий, Хамзатов Махмуд, Сайханов Абу и Энеев Магомет. Подпись: Ответственный секретарь ЧечоблЦИКа. **А. Сайханов**.

«ТОВАРИЩУ КРАСНОАРМЕЙЦУ ПАМЯТКА КАК ОТНОСИТЬСЯ К НАСЕЛЕНИЮ ВО ВРЕМЯ МАНЕВРОВ В ЧЕЧНЕ»

Ростов-Дон. 1925 г.

Осенью этого года нашим частям придется проводить маневры и операцию по изъятию оружия и бандитского элемента в Чеченской автономной области. Время маневров и операции — самое ответственное испытание для красноармейца. Красноармеец в эти дни должен показать, как и чему он научился за время пребывания в Армии. На время маневров создается такая обстановка, которая напоминает войну, с тем, чтобы можно было испытать Красную Армию, как она станет действовать, если враг трудящихся осмелится посягнуть на пролетарское государство.

Во время маневров каждый красноармеец должен думать, что он в боевой обстановке и вести себя так, как он вел бы себя согласно всех прежних разъяснений своих командиров и политработников во время боя. Только в этом случае мы хорошо и с пользой проведем маневры. Предстоящая во время маневров операция по разоружению и изъятию бандитского элемента

значительно приблизит условия маневров к действительно боевой обстановке.

Операция очень сложная и требует хорошей подготовленности красноармейцев, точного исполнения своего долга, крепкой дисциплины и беспрекословного выполнения всех приказаний своих командиров. При изъятии бандитского элемента возможно оказание с их стороны вооруженного сопротивления нашим частям. В этом случае красноармеец должен хорошо знать особенности боевой обстановки в горах, о необходимости постоянной бдительности и осторожности, чтобы не погибнуть совершенно случайно и бесполезно.

Одной из важнейших задач красноармейца во время маневров и операции — это построить правильные отношения с населением. Закрепить смычку Красной Армии с рабочим и крестьянином. Красная Армия есть Армия трудящихся. С кем бы ей не пришлось воевать в будущем, ее союзниками в войне и той страны, против буржуазии которой Красная Армия будет сражаться. И важная задача каждого красноармейца суметь в боевой обстановке отличить врага от союзника и так построить свои действия, чтобы показать этому союзнику, что Красная Армия идет ему на выручку, помогает сбросить иго насилия и нищеты. Поэтому особенно строго наши законы карают красноармейцев за насилие, мародерство и т. п. по отношению к населению воюющей с нами страны.

Во время маневров каждый красноармеец должен это помнить и так вести себя чтобы заслужить любовь и уважение жителей, добиться чтобы ни одной жалобы, ни малейшего недовольства против Красной Армии не было, чтобы трудовое население сказало: «Да, Красная Армия действительно Армия трудящихся, наша защитница». На маневрах предстоящих осенью этого года, вопрос о взаимоотношениях красноармейцев с жителями особенно серьезен. Маневры будут происходить в Чечне. Для того, чтобы правильно подойти к чеченцам, завоевать их доверие и уважение,

нужно знать, кто они такие, условия их жизни и те особенности, какие у них имеются.

Кто такие Чеченцы. Чеченцы — одно из самых воинственных племен Кавказа. Целые столетия пришлось Чеченцам отстаивать свою свободу против различных народностей, посягавших на нее. Русское царское правительство победило Чечню; внесло чеченские земли в список своих повелений, но покорить чеченцев, заставить их смириться не могло. Неоднократно восставали чеченцы против поработителей, вели постоянную борьбу против казаков, которых поселило царское правительство на землях, отнятых у чеченцев. Даже выселение наиболее неспокойной части чеченцев в Турцию не успокоило всей Чечни. Жестокие расправы царских войск с чеченцами, когда чеченские аулы разграблялись, сжигались, насиловались чеченские женщины, беспощадно расстреливался народ, так же не могли успокоить и покорить Чечню. Наоборот, все сильнее и сильнее развивалась острая ненависть чеченца к угнетателю, к русскому. Убить русского, ограбить и сжечь его селение стало считаться доблестью. Эта национальная вражда чеченца к русскому нарочно развивалась царизмом, так как это облегчало его борьбу и мешало соединиться угнетаемым царским произволом для общей борьбы с ним.

В годы гражданской войны чеченцы поняли, что их друзьями являются трудящиеся России и бок-о-бок с ними боролись против царских генералов, дав многих партизан в ряды отрядов Красной Гвардии. Чеченцы в трудные минуты, когда перевес брали белогвардейцы, помогали красным отрядам укрыться в горах. Так впервые зародилась смычка между чеченцем и русским рабочим и крестьянином. В дальнейшим эта смычка все укреплялась. В 1920 году, когда меньшевики Грузии попытались с помощью контр-революционного кулачества и духовенства втянуть Чечню в борьбу против советской власти, и то потому, что соввласти она не видела и ничего о ней не знала. Вся же остальная Чечня осталась верной Революционному Союзу.

Гражданская война, общая борьба против произвола и насилия царизма и его ставленников заложили первый камень в дело крепкой дружбы и смычки русского рабочего, и крестьянина, и горца чеченца бедняка. Задача красноармейца во время маневров закрепить этот союз.

Что должен знать красноармеец, чтобы закрепить Союз с горцем-чеченцем. Помнить, что у горца еще сохранилась недоверчивость к русскому. Враги советской власти — кулаки, ростовщики, барантоводы, мусульманское духовенство, всячески стараются использовать эту недоверчивость, чтобы поссорить горца с красноармейцем. Поэтому — красноармеец должен каждый свой поступок подумать: не напомнит ли он горцу — чеченцу старые времена, не породит ли он в нем национальной вражды к русскому. Красноармеец должен хорошо усвоить, что только крепкий Союз всех многочисленных национальностей, населяющих наш Союз, полное равноправив между ними, полное уважение друг к другу и взаимная поддержка и помощь обеспечат мирное строительство и рост мощи СССР.

Горцы, благодаря прежней царской политике, сильно отстали от русских в хозяйственном и культурном отношении. Царское правительство старалось окружить чеченцев крепкой стеной от остальной России. С этой целью оно отобрало у чеченцев земли на плоскости, передало их казачеству, а чеченцев загнало в горы. Горы не были в состоянии прокормить всех чеченцев, получилось перенаселение. Чеченцы не имели промышленности, их занятия сводились к земледелию, скотоводству и кустарной промышленности.

Пахотной земли и пастбищ в горах очень мало, каждая лысина на вершине горы рассматривается как удобная земля. Пахотной земли на душу приходится меньше четверти десятины, да и то земля была в руках у купечества, которое сдавало ее в аренду бедноте на тяжелых условиях. Горная земля не удобна для земледелия, урожай дает очень небольшие и лишь таких растений, которые

лучше всего переносят засуху, поэтому горцам приходится сеять исключительно кукурузу и ею питаться. Способ хозяйства самый отсталый, до сих пор еще землю пашут сабанами, удобрения земля не получает и поэтому горца часто постигает неурожай.

Не лучше дело обстоит и со скотоводством. Пастбищ недостаточно. Отдельные селения Чечни и Дагестана все время вели, да еще и в настоящее время ведут, между собою борьбу за пастбища. Это борьба часто переходит в настоящие войны, которые длятся иногда целые годы. Недостаток пастбищ содействует вымиранию горского скота. Горская корова не больше теленка, поэтому продуктов от нее еле хватает чтобы прокормить семью чеченца-бедняка, а о продаже не приходится и думать.

Лучше обстоит дело с барановодством, но оно выгодно лишь тогда, когда у владельца много баранов и он достаточно получает с них продуктов: шерсти, сыра, мяса. В Чечне имелись крупные барановоды, имеющим по десяткам тысяч баранов, что же касается до бедноты, то она лишь уплачивала, «бараньи проценты» и жила впроголодь. Крупные барановоды давали в долг под проценты барашку беднякам. Проценты брались очень высокие, бедняк должен был отдавать ростовщику барановоду половину или две трети, приплода, а также и шерсти и выходит что работал на барановода бесплатно, все более и более должал ему и, в конце концов, становился почти крепостным. Эти бараньи кабальные проценты и до настоящего времени еще сохранились в глухих горных аулах, куда не дошла еще Советская власть. Так дело обстоит со скотоводством. Кустарная промышленность развита сильно, но ведется самым отсталым образом, отнимает много времени и все же кустарь горец зарабатывает ровно столько, сколько нужно, чтобы не умереть с голоду. Кроме того, развитию кустарной промышленности мешает недостаток спроса, вследствие общей бедности населения. Торговля в Чечне развивается слабо, вследствие сильно развитого бандитизма и грабежа. Вот каким было,

да пожалуй и по сейчас остается хозяйственное положение горца чеченца.

Культура у чеченцев. Красноармеец знает, что культурное развитие всякого народа зависит от его богатства. Ясно, что вследствие такой нищеты подавляющей массы чеченцев их культурность — развитие очень низкое. Почти на все 100 процентов чеченцы неграмотны. Даже азбуки на родном языке у чеченцев при царизме не было, так как царизму, который старался довести чеченцев до вымирания, как беспокойное племя, выгодно было их невежество. Лишь небольшая часть чеченцев обучалась грамоте на арабском языке, готовясь в духовенство, да наиболее богатая часть населения училась в русских школах. Благодаря этому чеченцы совершенно не знают науки и до сего времени сохранили массу суеверий и предрассудков, оставшихся от глубокой древности.

Почетные старики. Самый быт чеченцев старый патриархально родовой. Полным владыкой рода был и остается почетный старик, молодежь не имеет никакого права голоса и обязана слепо подчиняться старикам, которые решают все вопросы за все селение. Без почетных стариков селение ничего не решит. Это засилье стариков сохранилось и до настоящего времени и сильно мешает культурному ходу Чечни, так как старики чеченцы, как и все вообще старики, крепко держатся за старину и ведут жестокую борьбу против всякого новшества, свежего духа. Население Чечни еще не поднялось на столько чтобы ценить способность человека управлять и уметь строить жизнь не по седине. Уважение к седине у чеченцев очень сильно и с этим нужно считаться. Обидеть почетного старика, значит показать неуважение к нему, значит обидеть весь его род, все селение.

Религиозность. Среди всех культурно отсталых народностей сильна религиозность. Это же мы наблюдаем и у чеченцев. Чеченцы мусульмане, причем у них не чистое мусульманство, имеется примесь и христианства, так как когда-то грузинские цари, покорив Чечню, попытались распространить среди них христианство и кое-

чего добились; в горной Чечне можно еще и сейчас встретить христианские часовни. После грузинских царей пришли арабы и ввели мусульманство.

Чеченец религиозен до фанатизма, на основе религии он строит всю свою жизнь, религией освещает все свои предрассудки и суеверия. Царское правительство всегда поддерживало всякую религию, затемнявшую сознание человека, поэтому оно поддерживало и религию чеченцев, и их духовенство — мулл, создавало специальные школы «медресе», где обучали на арабском языке и изучали только «Коран» — евангелие мусульман. Если до сих пор сильно еще значение попа в русской деревне, то тем более сильно значение муллы в чеченском ауле. Кроме мулл у чеченцев много святых шейхов, хаджи и т. п., которые пользовались и пользуются громадным влиянием на чеченцев и управляют их жизнью.

С религией у чеченцев связано много обычаев, с которыми необходимо всегда считаться, чтобы не обострить отношения, не создать вражды. С религией может быть борьба только через улучшение экономического положения населения. Никакой насмешкой, никакой горячей речью религии не переработать, никакие гонения на религию не помогут, а поэтому вести сейчас в Чечне антирелигиозную агитацию, как это у нас в частях делают кружки безбожников, дело бесполезное и даже вредное. Чеченец может подумать, что Советская власть и Красная Армия покушаются на его религию притесняют ее а это напомнит ему времена царизма, прежние угнетения и обострит отношения. Нужно избегать всего, что могло бы задеть религиозные чувства чеченцев.

Не допускать ни малейшей насмешки, когда чеченец производит намаз — моление в любом месте. Не допускать ни малейшей насмешки, когда мулла с мечети кричит призыв к молитве. Помнить, что религия запрещает мусульманину есть свинину, не вносить ее в дом чеченца и не есть при нем, тем более не предлагать ее ему. Не начинать с чеченцами разговоров о религии, не смеяться над

суевериями, над муллами. Проходить мимо религии, как будто она тебя совершенно не касается. Помнить, что малейшая насмешка над религией со стороны красноармейца моментально становится известной во всей Чечне и служит для контрреволюционеров из кулачества и духовенства средством для борьбы против Советской власти.

Отношение к женщине. Одним из глубоких пережитков древности, скрепляемых до настоящего времени религией, является положение женщины-чеченки. Женщина-чеченка не пользуется никакими правами, она является собственностью своего отца или своего мужа. На женщину смотрят как на рабочую силу, которая обязана выполнять все домашние работы, муж же является джигитом, наездником-воином. Лишь за последнее время мужчина стал принимать участие и в хозяйстве, но все же положение женщины остается очень тяжелым. Мужчина всегда имеет право прогнать свою жену и взять другую. Женщина покупается, жених вносит калым ее отцу и тогда забирает ее. Женщина не имеет права есть вместе с мужчиной, она должна жить в отдельной комнате. В отношении женщины у чеченцев имеется обычай, с которым нужно считаться:

Посторонний мужчина не должен разговаривать с женщиной, не должен касаться ее руками, т. е. здороваться с нею за руку, тем более не допускается похлопать по плечу, как это часто случается у нас, даже продолжительный взгляд на женщину-чеченку со стороны постороннего мужчины может быть принят как оскорбление для женщины и ее родных (это находится в связи с обычаем горцев; при объяснении юноши и девушки в любви они не имеют возможности говорить друг с другом при посторонних, а только переглядываются отсюда и значение «перемаргиваться»), нельзя оставаться с женщиной чеченкой наедине, нельзя допускать какой-либо насмешки над женщиной. Незнание и не соблюдение этого обычая чеченцев посторонними часто вызывает сильные

обострения, доходящие до пускания в ход кинжала со стороны оскорбленного мужчины.

Не следует допускать насмешек над этими странными обычаями чеченцев, так как они всецело происходят вследствие культурной и экономической отсталости их. Если кр-ец изучал русскую историю, то он должен знать, что и у русских лет двести тому назад был такой же взгляд на женщину и также часто русский мужчина запирал свою жену в высокий терем, считаясь ее полным хозяином. Только по мере экономического и культурного роста русского народа изменился взгляд на женщину, да и то еще не полностью и не у всех.

Кровничество. За всякую обиду мстить кровью — таков обычай у чеченцев. Обычай очень вредный, так как благодаря ему иногда друг с другом из-за старой обиды ведут формальную войну целые рода. Кровничество начинается обычно из-за нарушения адатов — обычаев горцев, из-за личного оскорбления и т. д. Бывали случаи, когда чеченцы считали своими кровниками и русских и это иногда наблюдается и в настоящее время. Причем в отношении русских этот обычай еще усложняется тем, что здесь допускается мщение не только в отношении обидчика или его родственников, но и в отношении всех вообще русских. Так, горец оскорбленный и обиженный кр-цем, может считать своим кровником каждого красноармейца и, следовательно, всю Красную Армию. Этот обычай горцев также должен учесть красноармеец и избегать всего, что может сделать из горца врага Красной Армии.

Гостеприимство. Сильно развитое гостеприимство — отличительная черта горских племен, хорошо знающих, как тяжело человеку остаться в горах без кровли. Гостеприимство развито и у чеченцев. Наши части во время маневров 1923 года отмечали, что горцы Чечены и Ингуши их встречали много приветливее, чем казаки. Обычай гостеприимства, не смотря на тяжелое экономическое положение, сохранился у чеченцев и до настоящего времени. Только уж если чеченцу приходится очень тяжело, самому есть нечего, он не угостит своего гостя. Не нужно злоупотреблять

этим гостеприимством чеченца, нужно помнить о его бедности. Чеченцы народ гордый, очень мало чеченцев, которые пошли бы попрошайничать, к попрошайке нет уважения у чеченцев. Это должны усвоить все красноармейцы и не допускать всякого попрошайничества и злоупотребления гостеприимством, это повысит авторитет Красной Армии в глазах населения.

Как представляет себе чеченец человека-воина. Чеченцы народ очень воинственный, храбрый, обращающий большое внимание на винтовку, на опрятность одежды, на чистоту оружия, на лихую посадку и джигитовку кавалериста, любят точность и исполнительность, дисциплину, не любят, когда человек много без толку болтает, излишне суетлив. Труса чеченцы презирают, даже чеченская женщина может ударить труса. Бывали случаи, когда чеченцы даже дружественных нам аулом поднимали стрельбу по отступающим в панике кр-цам.

Это требование чеченца к человеку воину-джигиту, должен хорошо усвоить каждый красноармеец и стараться с честью нести звание воина Рабоче-Крестьянской Красной Армии. Ни малейшей халатности, растяпства, разгильдяйства. По одному неряхе красноармейцу чеченец сделает заключение о всей Красной Армии и потеряет к ней уважение.

Социальные болезни в Чечне. Те условия, в какие поставило царское правительство чеченцев — нищета, теснота, некультурность — содействовали развитию среди чеченцев социальных болезней. Чеченец не знал врача, не знал правил санитарии и лечился только у домашних знахарей и мулл. Это содействовало распространению болезней. Особенно сильно распространился сифилис. По примерному подсчету до 90 процентов всего населения Чечни страдает этой болезнью. Красноармеец должен учесть это и всегда соблюдать те предосторожности, о каких ему говорили на санчасах. Не пить из общей кружки, не есть из общей чашки, не пользоваться чужим утиральником и т. д. Но одновременно нужно помнить, что ни

малейшего презрения к чеченцу, пренебрежения, гнушения не должно быть — это оскорбит горца.

Мало кто из чеченцев знает русский язык. Красноармеец должен в тех случаях, когда ему нужно о чем либо переговорить с чеченцем, попросить толмача — переводчика. Терпеливо разъяснить все что нужно, не проявлять нетерпения и т. п., так как в этом случае ничего ровным счетом не добьешься.

Что делает Советская влсть для улучшения хозяйственного положения и поднятия культурного уровня Чечни? Только у нас в Советском Союзе правильно разрешен национальный вопрос. Все национальности совершенно равноправны, нет господствующих и угнетенных наций, для каждой нации обеспечена полная возможность свободного национально культурного и бытового развития.

РКП (б) и Советская власть особенно заботятся о национальных меньшинствах, ранее угнетаемых царским правительством и принимают все меры для восстановления у них нормальной хозяйственной жизни и поднятия культуры.

Первым делом Советской власти на Северном Кавказе было возвращение чеченцам земель, несправедливо отобранных царским правительством. Ряд старых чеченских аулов вновь перешли в руки чеченцев. Этим Советская власть показала чеченцам, что их интересы близки интересам трудящихся СССР. Значительная часть чеченцев из горных аулов переселилась на плоскость. В настоящее время в плоскостной Чечне идет значительный хозяйственный рост: построен Атагино-Готинский водный канал для борьбы с засухой, оказывается значительная сельско-хозяйственная помощь населению, отремонтированы все мосты и приведены в порядок дороги, во всех крупных селениях открыты больницы, развивается кооперация. Создана чеченская национальная азбука, изданы буквари и книги, открыто 37 школ, в ряде селений имеются избы-читальни. Советская власть в плоскостной Чечне работает нормально и пользуется авторитетом среди населения.

Совсем хуже дело обстоит в горной Чечне. Здесь еще до настоящего времени нет настоящей Советской власти. Управляют селениями различные чеченские святые — хаджи, почетные старики и богатые кулацкие роды. Советские законы и порядки сюда еще не проникли, не проникла и Советская культура. Отсутствии Советского аппарата затрудняет хозяйственный подъем Горной Чечни и не дает возможности оказывать регулярную помощь населению. Благодаря этому мы имеем в Горной Чечне громадную бедность, чрезвычайно низкую культурность и сохранение наиболее вредных суеверий и предрассудков.

Особенно тяжело чеченцу — бедняку. Как и везде в Чечне — имеются кулаки, которые являются такими же мироедами, как и наши русские и также живут потом и кровью бедноты. Но здесь в горной Чечне произвол кулака ничем не ограничен, и он полностью закабалил бедняка и обложил его тяжелыми процентами. Мы уже говорили «о бараньих процентах», не меньшее место занимают и извозные проценты, когда безлошадный горец за взятую для провоза на базар подводу отдает ее владельцу половину стоимости того, что везет продавать. Часто кулаки пытаются отобрать в свою пользу землю наиболее задолжавшихся бедняков.

Таково положение бедноты в горных аулах и только установление крепкой Советской власти в них даст облегчение бедняку, защитит его от произвола кулака и даст возможность восстановить разрушенное хозяйство.

Что же мешает установлению крепкой Советской власти в Чечне? Прежде всего — это чрезвычайная трудность продвижения, здесь почти не имеется удобных дорог, а преобладают горные тропы, движение по которым очень затруднительно, а иногда сопряжено с опасностью. Благодаря этому имеются такие селения и хутора, где еще не было представителя Советской власти и население которых совершенно не знает, что такое Советская власть. Ясно, что при этих условиях Центральному Исполнительному Комитету Чечни чрезвычайно трудно наладить в горах Советский

аппарат и проследить за его деятельностью и оказать помощь населению.

Бандитизм. Не менее сильно влияет так же и развитие бандитизма. За время гражданской войны в Чечне скопилось очень много оружия, учесть и изъять которое не представляется возможным. Злонамеренный элемент, по большей части из кулачества, настроенного контр-революционно и из скрывающихся контр-революционеров, использует это оружие в свою пользу, организует налеты на соседние с Чечней области и Республики и тем самым нарушает их хозяйственную деятельность. Помимо этого бандиты приносят большой вред и самой Чечне, так как часто совершают налеты на соседние селения. Бандитизм также мешает и свободному развитию торговли между Чечней и соседними областями, так как ни один торговец и мирный житель, везущий в город продавать свои продукты, не может быть уверен, что его не ограбят.

Мешает бандитизм и кооперации, а тем самым срывает дело восстановления хозяйства. Насколько вреден бандитизм для Чечни и окружающих ее областей и Республик, мы видим из следующих примеров:

В течение июля месяца в самой Чечне бандитами у трудовых горцев угнано 63 лошади, 46 голов крупного рогатого скота и 25 голов мелкого. Мелкий грабеж в квартирах и домах считать не приходится. Ни один гражданин не может проехать без опаски по районам, где действуют бандиты. Он рискует потерять и лошадей, и скот, и все имущество и даже жизнь. Особенно зверски бандиты относятся к женщинам. Молодая девушка, которая вышла на станцию Гудермес, встречать своего брата, больше уже домой не вернулась. Она была найдена зверски зарезанной и изнасилованной.

Нападают бандиты и на милицию, когда она выполняет свой долг. Не редки случаи убийства чеченцев-милиционеров. Мелким уголовным бандитизмом контр-революционеры бандиты

не удовлетворяются. Бывают случаи нападения на кооперативы, на кассы. Иногда злоумышленники нападают и на нефтепромысла г. Грозного, угрожая этим самым нормальной работе важнейших источников для СССР.

Были случаи нападений на проходящие поезда и ограбление их. Иногда чеченские бандиты портят железную дорогу с целью вызвать крушение поездов. При встрече с красноармейцами бандиты не щадят их. Стоит зазеваться кр-цу и продвигаться в горы без большой предосторожности, он неизбежно будет обезоружен, раздет и зверски убит. Не так давно около одного из аулов бандиты устроили засаду, обстреляли неосторожно следующих кр-цев, одного из них убили, другого ранили и убили двух лошадей. У кр-цев забраны шинели и винтовки.

Борьба с бандитизмом чрезвычайно затруднительна. Неприступность горных дорог, возможность скрыться в любой момент и запутать следы делают бандитов особенно дерзкими. Милиция справиться с бандитами не в состоянии. Поэтому Красная Армия должна принять все меры к тому, чтобы за время маневров уничтожить в корне бандитизм, отобрать все оружие у злонамеренного элемента.

В борьбе с бандитизмом Красная армия должна проявить и суровость и жестокость, так как покончив с ним, она тем самым откроет путь для восстановления крепкой Советской власти в Чечне, хозяйственному ее восстановлению и избавит соседние области республики и нефтепромысла от той опасности и гнета, и каким их постоянно подвергают бандиты контр-революционеры.

Муллы — пособники контр-революции и бандитизма. Очень сильно отражается на советизации Чечни и контр-революционная деятельность духовенства. Все попы не любят Советскую власть за ее борьбу с темнотой и невежеством, с помощью которых они строят свое безбедное существование. Не любят за это Советскую власть и чеченские муллы и всеми силами стараются помещать ее упрочнению. Они действуют пользуясь религиозным фанатизмом

массы, обманывая ее, что Советская власть притесняет религию, хочет запретить молиться и т. д. Совершая намаз муллы обязательно затрагивают этот момент. Некоторые особенно зарываются и призывают население к «газавату», т. е. к общей войне против всех неверных. Бывают случаи, когда муллы организуют и бандитские налеты, всячески покровительствуя бандитам и укрывая их, принимают участие в дележе награбленного.

Особенно злую борьбу муллы ведут против всех культурных начинаний Советской власти. Так, например, все муллы являются противниками новой чеченской азбуки и настаивают, на том, чтобы сохранить старую арабскую, очень трудную азбуку. Здесь они преследуют цель сохранить за собой знание учителей и распространять через школы мусульманское вероучение, закрепляя тем самым свое влияние на массы. Одновременно с этим муллы ведут ожесточенную агитацию среди населения за непосещение советских школ и за закрытие их, при чем на чеченцев все же посылающих своих детей в советскую школу, муллы налагают штрафы. Безусловно, что при царизме муллы таковой агитации против даже русской школы не вели. Не менее жестокую борьбу ведут муллы и против избы-читальни и кое-где добились закрытия их. Борются они и против народного суда, так как раньше все споры разрешали они самостоятельно и основательно подрабатывали на этом.

Горская беднота начинает пробуждаться. Среди большинства темного населения агитация духовенства встречает еще поддержку. Это объясняется экономической зависимостью бедняка от кулачества и от низкой культурности. Но все же следует отметить, что и среди чеченцев появляется критика своего вероучения, уже имеются безбожники. На первом месте, конечно, стоит комсомол, который насчитывает в Чечне до 1500 человек и иногда активно борется против кулачества и духовенства.

Кулаки и муллы, чувствуя в лице комсомола своего главного врага, яростно борются с ним, ведут среди населения агитацию

против комсомольцев, как безбожников, отказываются хоронить умерших комсомольцев, чтобы запугать их родственников, отказываются выполнять религиозные обряды в отношении их, иногда даже устраивали избиения комсомольцев и разгон их собрании.

Несмотря на такую контр-революционную роль мусульманского духовенства, красноармеец все же должен помнить, что чеченцы еще очень религиозны и всецело подчиняются муллам. Поэтому никакого открытого проявления вражды к духовенству проявлять нельзя, так как это только усилит их агитацию против Советской власти. Нужно твердо помнить, что Советская власть никому не запрещает верить во что он хочет и проповедывать любую религию, а борется только против контр-революции, объявляя беспощадную войну.

Вот те причины, которые мешают установить в горной Чечне крепкую Советскую власть, а тем самым мешают и хозяйственному и культурному росту чеченцев. По мере общего укрепления Советской власти улучшится и положение в Горной Чечне. Наша операция во многом будет содействовать этому улучшению. Все это должен усвоить каждый красноармеец для того, чтобы знать, как ему вести себя среди чеченцев во время маневров и операции.

Коротко повторим. I. Помни, что национальная вражда по отношению к русскому у чеченцев еще совсем не изжита, Чеченец всегда особенно внимательно следит за действиями и поступками русского. Помни это и всегда продумай свой поступок при встрече с населением, не вызовет ли он национальной неприязни, не будет ли он на руку врагам Советской власти. Помни, что ты должен укрепить смычку чеченца-бедняка с русским рабочим и крестьянином.

II. Помни, что чеченцы отстали в культурном отношении, что среди них сильный религиозный фанатизм, что у них сохранилось много предрассудков и суеверий. С этим нужно считаться всегда: никогда не задевать религиозных чувств чеченца, не заводить

разговоры о религии, не вести никакой антирелигиозной пропаганды, так как чеченец тебя не поймет и только озлобится. Не допускай ни малейшей насмешки, когда чеченец исполняет свой религиозный обряд — «**Намаз**». Не допускай насмешки, когда мулла кричит с мечети. Не вноси в дом чеченца и не ешь в его доме свинины, тем более не предлагай ее чеченцу, — это сочтут за оскорбление. Не допускай неуважения к почетным старикам, — это озлобит против Красной армии весь его род и все селение. Помни, что всякая твоя ошибка даст только пищу для враждебной, со стороны мулл, агитации против Советской власти и Красной армии.

III. Помни, что посторонний человек не должен по обычаям чеченцев разговаривать с женщиной чеченкой, касаться ее рукой, продолжительно и пристально смотреть на нее, оставаться с ней наедине. Не допускай насмешек над женщиной-чеченкой. Не нарушай этих обычаев, так как это ведет к кровничеству.

IV. Помни, что у чеченцев есть обычай, за личные обиды, мстить кровью — кровничество; что оскорбив чеченца, ты сделаешь его кровником не только себе, но и всей Красной армии.

V. Не злоупотребляй гостеприимством чеченцев. Ни в каком случае не позволяй попрошайничества, а тем более вымогательства и насилия. Это подорвет уважение со стороны чеченцев ко всей Красной Армии.

VI. Помни, что чеченец привык ценить в воине молодцеватую выправку, опрятность, и чистоту одежды, чистоту и исправность оружия, строгую исполнительность и дисциплину. От кавалериста чеченец требует лихой посадки и джигитовки. Чеченец не любит и презирает много и без толку болтающих людей, трусов и т. п. Покажи чеченцу, что ты умеешь с честью носить звание воина рабоче-крестьянской красной армии. Не допускай ни малейшего растяпства, халатности и разгильдяйства, так как этим ты подорвешь уважение ко всей Красной Армии.

VII. Помни, что среди чеченцев распространены сильно венерические заболевания. Будь осторожен, но старайся не оскорбить горца своим пренебрежением.

VIII. при разговорах с чеченцами учти, что мало кто из них знает русский язык, и если тебе нужно что-либо спросить, проси толмача (перевод). Не сердись, если тебя не понимают.

IX. Помни, что злейшим врагом для Чечни является бандитизм. Разоружение и искоренение его обезопасит соседние с Чечней области и республики и обеспечит хозяйственный и культурный рост Чечни. Бандит и его пособник, укрыватель, злейший враг Советской власти и всех трудящихся.

X. Помни, что от твоего поведения будет зависеть впечатление, какое останется у чеченцев о Красной армии. От твоего поведения зависит крепость смычки горца с рабочими и крестьянством СССР. **Политуправление С.-К. В. О**.

НАБЕГ ОГПУ НА ЧЕЧНЮ В 1925 ГОДУ

(Российский государственный военный архив. Фонд 25896, опись 9, дело 284.) **РГВА, Москва.**

Управление войсками Северо-Кавказского военного округа. *ОПЕРАЦИЯ по РАЗОРУЖЕНИЮ ЧЕЧЕНСКОЙ АВТОНОМНОЙ ОБЛАСТИ И ИЗЪЯТИЕ БАНДИТСКОГО ЭЛЕМЕНТА*.

В связи с созданием положением в Чечне Реввоенсоветом округа по поручению, Крайкома РКП/б/ был разработан План операции по разрушению наследия Чечни и изъятию контр-революционного и бандитского элемента. Срок операции определялся с 23 августа по 10 сентября. На заседание Бюро Сев. Кав. Краисполкома от 25/У11-а/г. был утвержден положенный ниже план РВС.

Руководство операции полагалось на РВС и ПП ОГПУ ОКК.

Для разрешения и процесс операции вопросов политических и вопросов связанных с укреплением Советской власти была

создана Партийная комиссия, в состав которой были введены от **Ч. А. О.** Секретарь Чеч. Орг. бюро РКП/б/ т. **ЭНЕЕВ**. Секретарь Обкома РЛКСИ т. **МИДАЕВ**, Пряд. Чеч. ЦИК а т. **ЭЛЬДАРХАНОВ** и его заместители т. **АРСАНУКАЕВ**.

Разрешено политических вопросов по укреплению Советской? В группах войск и отрядах было возложено на представление Чеч. ЦИК а совместно с Командованием и Уполномоченным ПП ОГНУ заслуги.

В основном план операции складывался из следующих моментов

1/ изоляции Чечни / закрытие ей границ/

2/ Главный и первый удар наносился по горной чести, причем в первую очередь стояло задачей ликвидация **Гоцинского** и **Атаби-Шамилева.**

3/ Плоскостная Чечня подлежала разоружению во вторую очередь и

4/ Операция в целом проводилась от имени командования.

При разработке плана были приняты все меры к наиболее полному сохранению тайны, с целью чего круг лиц, знающих об операции был весьма ограниченным, Из работников Чечни в детальный план операции был посвящен только Секретарь Чеч. Орг. бюро РКП/Б/, на которого и была возложена вся предварительная работа по подготовке соответствующего кадра местных работников. Все же остальные работники Чечни должны были быть посвящены в курс дела лишь с момента начала операции.

11ю Вся территория Чеченского автономной области для разоружения была разделена на 8 районов в зависимости от характеров животности и оттенков бандитизма.

Далее соответственно связанностью каждого района был произведен расчет войсковых средств привлеченных для разоружения.

Таким образом действующие части Округа распределились

1.Группа Комдива 5 т. **АПАНАСЕНКО:** 3 бригада 5-кандидат

Стр. 5. 38 стр. полк 13 дивизии

82 стр. полк 28 стр. дивизии

84 стр. полк 28 стр. дивизии

Всего 2517 бойцов при 44 пулеметах и 6 горных 2 легких орудиях с задачей разоружения Итум-Калинского и Шароевского обществ район. К 4.

2. Группа **Комдина** 28 тов. **Козицкого** I бригада 5 кавдивизии 83 стр. полк.

Всего II36 бойцов при 26 пулеметах и 2 горных орудиях с задачей разоружения дайского района.

3. Группа Комдива 13 тов. **Шуванова.**

37-й стр. полк

39-й стр. полк

I вск. 5 кавдивизии

13 артиллерийский полк.

Всего бойцов 1449 при 17 пулеметах 4 горных и 6 легких орудиях с задачей разоружения 6 и 7 районов.

4. Группа Комполка 66 тов. **Король-Миронов**.

64 стрелковый полк

66 стрелковый полк

Эскадрон 22 стрелковой дивизии

Всего бойцов 1207 при 20 пулеметах и 4 орудиях с задачей разоружения 2-го района.

5. Владикавказский отряд.

Сев. Кав. нац. Школа

Владикавказском пехотная школа

Зокадрон 28 стр. дивизии

Владикавк. Дивизион ГПУ

Всего бойцов 288 при 12 пулеметах с задачей разоружений 3-го района.

6. Ботлихский отряд

Кав. эскадрон 13 стр. дивизии

Даг. Нац кав. школа

Всего бойцов 143 при 2 пулеметах с задачей прикрытие проходов из Чечни в Дагестан.

7. 2-я кавбригада, 5 кавдивизии. Взвод 28 артполка.

Бойцов 450 при 10 пулеметах и 2-х легких орудиях, первоначально использован как резерв и впоследствии производившая и самостоятельно операции на плоскости.

Кроме того в распоряжении командования находились **3 и 5 авиа-отряды и бронепоезд №11** и в каждой группе находились особые оперативные группы войск и сотрудников ГПУ. Всего к операции в Чечне было привлечено 6183 бойцов при 137 станковых и 102 легких пулеметах, 14 горных и 10 легких орудиях.

III. Высадка войск, назначенных для разоружения Чечни, началась в Грозном 22 августа. Несмотря на то, что группировка войск объяснялось населению и красноармейцы как подготовка к маневрам население Чечни видимо хорошо было осведомлено об истиной цели сосредоточения и усиленно обсуждаю вопрос о том, как реагировать на требование о разоружении. За всеми передвижениями частей постоянно следили конные и пешие чеченцы, причем несомненно преступный элемент получая вполне достоверные сведения как о передвижениях, так и о численности прибывающих частей. Как это обстоятельство так и данные ГПУ говорили за то, что чеченцы окажут сопротивление разоружению, но в какой именно форме было еще не вполне ясно-заключалась лишь возможность массового восстания пассивное сопротивление было ожидать такие и нападений на наши войска мелких банд. Виднейшие главари контр-революционного движения в Чечне как Гоцинский и Атаби-Шамилев еще с 12-го августа начали рассылать своих мюридов со аулам призывая к сопротивлению, кое где например, в Дышни-Ведень муллы говорили о предстоящем появлении «имама», который объявит войну Советской власти. Некоторые бандиты начали уходить с оружием в горы, частично группируясь около предводителей. В связи с этим план операции

был построен на стремительном разоружении крупными силами наиболее бандитски настроенных III, Iy и y районов с применением максимума репрессий дабы сразу-не заставить население выдавать открывающихся там главарей Гоцинского, Шамилова, Ансалтинского. В дальнейшем при удачном исходе первого нажима предполагалось более мелкое дробление сил с целью одно-переменного охвата всей Чечни. Главнейшими центром бандитизма являлось Зумсоевское общество, и состав которого общество в состав которого входит шесть довольно крупных аулов, расположенных к западу от Донская; другим центром являлся район Келой –Дай завязанный родственно с Атаби-Шамилевым. В районе этих же аулов скрывались главари контр-революционной части Чечни — Ансалтинский и Гоцинский. Для разоружения этого района и изъятия указанных главарей и было направлено около двух третей всех сил, назначенных на операции — группы т. т. Апанасенко и Козицкого — всего четыре стрелковых к четыре кавалерийских полка, причем резерв Командующего войсками округа — кавалерийская бригада был расположен так-же около этого района. На равнине, где сопротивления ожидать было нельзя, действовали группа т. Короля (66-й стр. полки с одним эскадроном, дивизион ГПУ, имеющие при себе легкую артиллерию). Операции на равнине начались 25 августа, когда группа т. Короля окружила аул Ачхой. В селении был собран сход, на котором было предположено жителям в двухчасовый срок все имеющиеся оружие. Так как в указанное время сдача оружия не началась, по аулу было выпущено 15 шрапнелей сперва на высокий разрыв четыре затем на поражение. После того, как было ранено две чеченки, жители начали отдавать оружие. **Одновременно оперативная группа ОГПУ начала производство обысков**. В результате было изъято 228 винтовки и 32 револьвера разных систем: вся операция была закончена в течении 11 часов, после чего войска стали биваком в 2 верстах севернее аула. Ночью охранение полка было обстреляно со стороны аула ружейным огнем, на что последовал ответ пулеметов, и обстрел прекратился. Совершенно аналогичным

способом разоружение шло и в последующие дни, и разница была лишь в степени упорства жителей и, сообразно с этим, в количестве выпущенных по каждому аула артиллерийских снарядов.
По окончании разоружения почти в каждом ауле устраивался митинг, на котором разъяснялась цель разоружения, и, надо заметить, что чеченская беднота в конце концов относилась к этому более или менее сочувственно и лишь иногда высказывало опасение, что те, кто припрятал оружие или ушел с ним в горы, после ухода войск начнут еще более притеснять обезоруженное бедное население. Менее успешно шло первоначально изъятие порочного и бандитствующего элемента населения все почти, кто чувствовал за собой какую либо провинность, уходили в горы. Таким образом разоружены:

Группой Короля

26 августа Шалажи

27 августа хутора в районе Рошня

28 августа Мереджой-Беречь

29 августа в обеих группах была дневка

30 августа полк. Хутора по Гехи

31 августа мелкие хут. У Шалажи.

Группой т. Шуванова

Нажай-Юрт, Айти-Мохк, Саурго, Бильты, Зандак, Гилени,

Зандаккара, Гендырген, Даттах.

При разоружении было лишь одно нападение на часть дивизион ГПУ 50 сабель, арестовавшей в **Рошня** 14 сообщников известного бандита **Шипшева**: Часть эта попала в засаду, но отстрелялась, причем два из арестованных было убито, один тяжело ранен, три успели бежать, бросившись на первых выстрелах в обрыв. С нашей стороны убит один красноармеец. Группы т. т. Апанасенко и Козицкого 26 августа располагались 1-я в районе Денкал-Евдокимовское, вторая в Памятой около **Шатой** деятельно готовясь к предстоящей операции. Особенно много было потрачено усилий на устройство примитивных вьюков для горных орудий, которые

не могли следовать за войсками на колесах. В этот же день самолеты осмотрели район действий обоих групп и связались с нашими сигнальными постами. В группу **т. Апанасенко** явились часть представителей Зумсоевского общества (от 2 тейпов из 10) с предложением своих услуг по ограждению войск от обстрела с гор, а также по содействию войскам в исполнение предъявляемые население и, наконец, что требования к последнему будут предъявлены на месте. Одновременно явились и союзники председатель Бугуроевского общества между Денкал и Зумсой сообщил, что Зумсоевцы предполагали устроить на Бугороевской земле засаду нашим частям, но что Бугуроевцы не только потребовали их удаления со своей земли, но и решили выступить против Зумсоевцев с оружием в руках, если те откроют враждебные действия Красной Армии. РВС Округа по получении об этом известие признал возможным не разрушать Бугуроевское общество широко оповестил об этом население. Население частично готовилось к сопротивлению: цена на патроны возросла на 50%, ночью два молодых чеченца пытались разоружить часового 83 полка, но были схвачены, другому часовому неизвестный чеченец предлагал за винтовку женщин, наши посты видел группу конных до 60 человек, направляющихся на Дай. Однако были голоса против всякого сопротивления, так как войск **«пришло длинной колонии от Ставрополя до Грозного»**. 27-го августа группа тов. Апанасенко разделенная на две колоны, подошла к Зумсою с запада в 8 часов и с юга и 12 часов причем южная часть прошла по старой Шамилевской дороге, считавшейся до тех пор непроходимой для регулярных войск, причем протащила с собой и два орудия. Зумсой был окружен, но еще ранее Зумсоевцы оставили мысль об активном сопротивлении: колона подошедшая с запада увидела на крайних домах белые флаги. На собранном сходе было предъявлено требование сдать 800 винтовок, 200 револьверов, выдать бандитов и главаря Атаби-Шамилева. До 12 часов шел торг старики ссылались на то, что Атаби, выехал из аула, совсем своим родом и их

приверженцами, увез и оружие. В 12 часов, когда, подошла к Зумсою южная колона, жителями было предъявлено еще требование уговорить ушедших в горы вернуться. Это требование было подкреплено появление трех самолетов сбросивших в Зумсоевское хутора 12 пудов бомб и взрывом домов ущельях бандитов, что и сказало долинное действие: с 17 часов началась сдача оружия. (В тот же день с утра группа т. Козицкого подошла к Келою где также на сходе предъявила требование о разоружении, в ответ ни что было принесено 9 винтовок. Тогда по аулу был открыт артиллерийский огонь; после первых не выстрелов к штабу группы бросилась с плачем криками толпа женщин и детей, при существование при штабе группы представители чеченского ЦИКа начали говорить о бесполезности дальнейшего обстрела, так как оружие до сдано все, а прибывшие старики доложили, что оно сдано полностью. Между тем были ясно видны между саклями мужчины с винтовками, и артиллерийский огонь продолжался. После часового обстрела было сдано еще 15 винтовок, не начавшийся обыск сразу дал еще больше, чем было всего сдано, и потребовалась вторичная артиллерийская репрессия. Всего до вечера сдано 59 винтовок, 9 револьверов и арестован крупный бандит **Масауров Дуда.** Выяснилось, что часть мужского населения отправилась в Дай, где якобы готовилось вооруженное сопротивление. На следующий день обстрел Зумсоя, как артиллерийский, так и с самолетов был повторен, что оказало важное действие: видя что репрессии продолжаются и войска не отступает от своих требований, жители в течение часа принесли 102 винтовки и, тогда как за весь предыдущий день ими было сдано лишь 27. Одновременно с обстрелом саперами были взорваны дома рода Атаби, его самого и всех, с ним ушедших. Эта суровая мера вызвала перелом в настроении населения о сопротивлении, даже пассивном, стали думать уже гораздо меньше, и, наоборот довольного много голосов стало распадаться за то, чтобы добровольного выполнить все требования войск. В течении 28 и 29 группа т. Козицкого

производила операции по разоружению удобных дорог на подступах к Дай группа производства оцепление оставив артиллерию далеко позади. Не именно этого оружия продемонстрировало и глазах горцев якобы слабость почему требование о сдаче оружия первоначально почти не было выполнено. Перенесенная ночью на руках красноармейцев по ишачьим тропам горная пушка к утру 28/III открыла по **Дай** огонь. Среди населения произошел некоторый перелом, после чего было предъявлено категорическое требование видать помимо оружия скрывавшегося шейха Ансалтинского. Однако если оружие после артиллерийского обстрела было сдано более не менее быстро, то для воздействия на население в отношении Ансалтинского, пришлось прибегнуть к троекратной воздушной бомбардировке и нескольким артиллерийским обстрелом, стоившим аулу четырех убитых пяти раненных и 20 разрушенных домов. Кроме того оперативной группой ОГПУ были взяты заложники. Все перечисленные выше репрессии, а главное твердость приведения их имели своим результатом выдачу шейха Ансалтинского, скрывавшегося в окрестностях аула Дай, 2/IX утром он передался Командованию группы. В тоже время сформированный в Шатой чеченский отряд не погоню за Атаби Шамилевым при деятельном участии органов в ГПУ работа которых со стояла сперва в расколе банды при помощи обещания смягчения участи добровольно явившихся, затем в изъятии ближайших родственников Атаби, как заложников и, наконец в давлении на укрывавшее его Зумсоевское общество. Атаби сдался 7-го сентября. Таким образом, между 5 и 7 сентября операции в горной Чечне были закончены, разоружение же ее как указывалось ранее, было закончено к 4-му сентября, почему Командующий Войсками округа призвал начать разоружение равниной Чечни в полном объеме, для чего 5 и 6 сентября произведена следующая перегруппировка: 5-й кавдивизия в составе двух бригад была выбрана на разницу для разоружения района между р. р. Аргун и Хулхулау, группа т. Короля,

усиленная 64 стр. полком, приступила к разоружению участка между р. р. Рошня и Аргун, а группа т. Шуванова со 2-й бригадой 5-й кавказскими получила участок между р. р. Хулхулау и Аксай. В горах для окончательной подчистки оставалась 28 стр. дивизии. Не перечисляя по дням всех движений войск, следует отметить лишь сопротивление Урус-Мартана, являющегося, в сущности, столицей Чечни. Ему было предъявлено т. Королевым требование на 4.000 винтовки и 800 револьверов, но фактически он сдал лишь немного более тысячи винтовок и около 400 револьверов. Требованию же выдать шейхов **Бела-хаджи** и **Солса-Хаджи** Урус-Мартан хотя и пассивно, но упорно сопротивлялся в течение трех суток с 6 по 9-ое сентября. Для убеждения жителей Урус-Мартана потребовался не только серьезный артиллерийский обстрел потребовавший 90 снарядов еще и бомбежка самолетов разрушившая 12 домов. Раненных в Урус-Мартане было 5 человек. 12-го сентября операция по разоружению равнинной Чечни была закончена, причем репрессии, примененные против Ножай-юрта, имели результатом сдачу **Гибертиева** — бывшего председателя Нажай-юртовского окружного исполкома, сформированного при приходе в Чечню наших войск банду около ста человек и укрывавшегося с ней в районе Беной. Отдельно надо отметить операции Владикавказского отряда т. Буриченко, нашедшего из Владикавказа 21-го и прибывшего в **Кий,** 25-го августа. Не имея артиллерии этот отряд на первых горах встретил вооруженное сопротивление в ауле Кереты, был атакован с тыла на перевале между Гули и Кий, причем стоявшей там наша застава потеряла одного убитым, одного раненным и пять лошадей и в течении суток с лишним был отрезан от своих сообщений с Владикавказом. Справившись с этим: затруднениями отряд до 8-го сентября простоя, в Кий разоружая окрестные аулы при помощи высылки мелких конных и пеших партий. Вполне возможно, что он не смог бы выполнить своей задачи, если бы не было успеха его соседей т. т. Апанасенко и Короля, которые разоружив свои районы высылали

небольшие отряды в Басхой западный, на Чанты-Аргун, Херкув, Хайхарой и Ялхорой, в каковых пунктах и связались с отрядом т. **Буриченко**. Следует, наконец еще отметить, что на равнине аула сами сдавали оружие, ее ожидая прибытия войск — Алли, Старосунженский, Гойты, причем и последний аул просил не производить обстрела дабы ему, революционному аулу, не было стыдно перед другими. Эта льгота была оказана: группа т. Короля вступила лишь для митинга. 12- го сентября операции по разоружению Чечни были закончены, и лишь и Ново-Чеченском округе оставалась 2-ая бригада и 5-я кавалерийская дивизия, закончившая его разоружение 14-го сентября. Потери участвовавших в операции войсковых частей составили: 5 убитых, 8 раненных красноармейцев и 10 лошадей. Репрессии выразились в воздушной бомбардировке 16 населенных пунктов и артиллерийском, ружейно-пулеметном обстрелах 101 населенного пункта из общего количества 242 разоруженных аулов. Во время обстрела со стороны населения имелись мертвые, 6 убитых и 30 раненных. Взорвано 119 бандитов и убито в перестрелках 12 человек банд-элемента, ранено 5. Далее за время операции изъято 309 человек банд-элемента, из коих наиболее видными являются:

1/Нажмудин Гоцинский
2/Атаби-Шамилев Амаев
3/Его брат Ума Умаев
4/ Эмин Ансалтинский
5/Бело-Хаджи
6/Эмин Ансалтинский
7/Кагиров
8/Наид Беков — убит
9/Гибертиев
10/Эстемиров
11/Али-Булат-убит.

Из общего числа арестованных — 105 человек расстреляно, 183 человек впредь до окончания следствия арестованы и остальные 21 человек частью высланы, частью освобождены. Всего за время операции изъято 25299 винтовок, 4319 револьверов, 75556 винтпатрон, 1678 револьверных патрон и 1 пулемет. Кроме того, изъят аппарат «Корзе» и один телефонный аппарат. В процессе проделанной работы следует отметить особо роль ОГПУ в лице его оперативных групп и частей действовавших вместе с полевыми войсками. Всего в операции участвовало 26 человек руководящего состава, 56 чел. рядовых сотрудников и 304 сабли отдельной дивизионы войск ОГПУ. Основная работа по изъятию банд-элемента почти полном была выполнена средствами ОГПУ. Полный контакт командования групп с находившимися в составе последних группами ОГПУ несомненно привел к успешному завершению всей операции. Кроме того изоляция Чечни путем закрытие ее границ силами приграничного не чеченского населения (до 2.000 человек) всецело проведения под руководством работников ОГПУ в значительной мере способствовало общему успеху, равно как и мнение чекистами местности, быта и подготовительная проработка ими материалов по движению бандитизма, запасах скрываемого оружия поставили и исключительно благоприятные условия действовавшие в Чечне войска. Прямым следствием наложенного следует, поэтому считать разгром бандитских баз: Шипшева, Кагирова, Эстемирова, Гибертиева, Шамилева, Гоцинского, Ансалтинского, Бело-Хаджи, Каим-Хаджи. И полную ликвидацию 4-х банд. 1) Кагирова, 2) Эстемирова, 3) Шамилева, 4) Гоцинского. С общим количеством изъятых бандитов, как было указано выше 309 человек из коих наиболее видных и главарей 38 человек.

III. Хотя все подготовительные работы к операции проводились при сохранении строгой тайны, местное население догадывалось об операциях уже в момент производства заготовок по снабженческой линии. Эти догадки облегчали развитием бандитизма и уголовных преступлений, какие наблюдались в Чечне

до прихода воинских частей и относительно которых у населения было твердое мнение, что этот разгул бандитизма остаться не может. До момента сосредоточений войск настроение населения характеризуется, как воинственное. Был сильно распространен «хабар» о войне Англии с СССР, о занятии Москвы англичанами и т. п. отсюда делались выводы, что Красная Армия в горы не пойдет, что Соввласть боится восстания в Чечне, что идут сюда небольшие части и т. д. Вместе с развитием в Чечне и на границах бандитизма отмечается и повышение в цене оружия. К моменту сосредоточения войск в настроении населения наблюдается растерянность и колебание. Отмечается радушное и заискивающее к красноармейцам. Из наиболее бандитских аулов (Чишки, Зумсой) прибывают в части представителями с предложение горных ущелий и пр. были попытки обмануть части путем подготовки к сдаче негодного оружия и патрон, наполненные песком, как делалось в прошлом году. Особенно сильное впечатлено в этот момент производят на население кордоны, выставленные на всех границах Чечни. Кажущееся миролюбие населения находит свое объяснение как в том, что оно начало воочию видя концентрацию сил убеждаться в мощи Красной Армии и серьезности ее намерений, а так же в желании наручным изъявлением покорности расположить в Красную армию. Наряду с таким наружным миролюбивым настроением поведение и деятельность банд-элемента и местного духовенства характеризуется как деятельность враждебная частям. Бандитский элемент, объединяясь с намерением оказать частям сопротивление, скрывается в горах, увлекая за собой значительную часть мирного мужского населения. Духовенство пустилось распространять пророчества о богатой добыче, ожидающей чеченцев в случае борьбы с Красной армией, что Советская власть хочет арестовать все мулл и шейхов и уничтожить мусульманство. В Веденском округе имела место агитации за «газават» священную войну. С применением частями репрессий в настроении населения наступил полный перелом. Настроение разоруженных аулов

характеризуется подавленное, а население аулов еще не разоруженных начинает высылать командованию своих делегатов и с изъявленном готовности выполнить все требования Власти. После решительных действий частей «хабар» о войне перестал пользоваться доверием среди населения. Стал преобладать «хабар», что Красная Армия пришла восстановить порядок. Слухи о стремлении Соввласти уничтожить мусульманскую религию в это время еще продолжают иметь место. Дошедшие на плоскость сведения о разоружении горной Чечни и репрессиях создают среди населения плоскости тревожное настроение. Был дано слух, что Советская власть намерена восстановить казаков в прежних правах, вернуть им земли и аулы. Как общее положение «делегаты» съездов высказывали недовольство на Центральную чеченскую власть, мало обращающую внимание на район Горной Чечни, совершенно не посещавшую их и не известную широким массам чеченского населения. Иногда делегаты прямо указывали, что Советской Власти они не знают и не смыкали о ней. В частности, указывали на то, что с 17 года до настоящего времени у них совершенно не было суда, вследствие чего усиление развивалось кровничество и бандитизм взаимное воровство. Делегаты обращали внимание на неналаженность землеустройства, на недостаточно быстрый темп переселения с гор на плоскость, на отсутствие помощи бедноте, на отсутствие школ, больниц, кооперации, страхования и на неустроенность дорог. В результате разъяснения население соглашалось, что бандитизм и злоупотребление оружием, находящимся у мирного населения, в значительной степени тормозило деятельность органов Сов. власти, но не менее констатировало слабость этой Власти и необходимость ее укрепления. Характерно отметить, что само население, а равно и присутствовавшие на митингах и съездах муллы просили принять меры по борьбе с кровничечеством и лицами, поддерживающими род кровников, как с уголовными преступниками.

В. **Политическая работа**. I. Необходимость полного сохранения военной тайны дала возможность ввести в курс деталей операции только Секретаря Чеч. Орг. бюро РКП (б) т. **Энеева**, которому и было поручено провести всю подготовительную работу в Чечне. Подготовительная работа заключалась в выборе в каждую группу и отряд представителей ЧЕЧ. ЦИК а из наиболее революционной части его членов, а таких групп на местных товарищей членов партии и комсомольцев, при чем функции последних во время операции долины были заключаться в ведены агитработы среди населения, а также в качестве переводчиков. Намеченные товарищи до самого последнего момента не должны были знать о своем предназначении и о предстоящей операции, так что подготовительная работа среди них но проводилась; выделено было до 70 человек. Об операции местные организации ничего не знали даже в момент прибытия в г. Грозный войск. На совещании и заседании Чеч. орг-бюро прибытие войск было объявлено предстоящими маневрами. Члены Чечоргбюро и Чеч. ЦИКа в массе своей ***не были введены в курс дела***, не был введен в курс дела и Пред. Чеч. ЦИКа т. **Эльдарханов**. И все не, несмотря на эти мероприятия, «хабар «новость» о предстоящем разоружении по Чечне распространилась, но без участия членов Чеч. ЦИКа. Из сводок ПП ОГПУ видно, что о совещании, проведенном командование с товарищами возглавляющими соваппарат Чечни на следующий день ходили явно искаженные слухи. Таким образом работа сов. и парт-организаций Чечни на следующий день ходили явно искаженные слухи. Таким образом работа сов. и парт-организаций Чечни началась уже в процессе самой операции.

II. В отношении работы представителей Чеч. ЦИКа при группах и отрядах следует отметить, что за весьма малым исключением она сводилась к роль переводчиков. Лишь в некоторых случаях представители Чеч. ЦИКа пытались воздействовать на ход операций, особенно в смысле применения репрессий, выступая перед командованием ходатаями за население. Вообще же во всей

деятельности представителей Чеч. ЦИКа сквозила какая-то неуверенность и боязнь населения. Такое поведение представителей ЧЕЧ. ЦИКа и групп местных товарищей может быть объяснена наличием родовых связей, которые чрезвычайно еще сильны среди местной организации. Тов. Энеев сам в отношении одного из представителей Чеч. ЦИКа во второй группе **Окуева сказал, что он во первых** «***Хочароеевец***» (название тайпа, рода), **во-вторых чеченец** и лишь **в третьих коммунист**, что его следовало бы перевернуть. Один из наиболее сильных представителей Чеч. ЦИКа т. **Арсанукаев** (Зам. Пред. Чеч. ЦИКа) объяснил нерешительность своих сотоварищей следующим: « **вам (командованию хорошо быть настойчивыми в отношении репрессий, вы сделали свое дело и ушли, о нам придется здесь оставаться и работать»**. Как характерный момент следует отметить то, что особенно сильную нерешительность проявили представители Чеч. ЦИКа а в тех районах, откуда они происходя, в тех из случаях, когда представителем Чеч. ЦИКа был из уроженцев Плоскостной Чечни, а отряд оперировал в нагорной части, работа представителей Чеч. ЦИКа была достаточно выдержанной. В отношении некоторых членов Чеч. ЦИКа (например-**Токаева** было заметно, что они стремились, благодаря операции повысить свой вес среди населения в целях завоевания голосов при предстоящих перевыборах советов и благодаря завоевания голосов при предстоящих перевыборах советов и благодаря этому допускали ряд ошибок. В отношении авторитета представителей Чеч. ЦИКа среди населения мнение командования и политорганов групп и отрядов единодушно, что этот авторитет весьма незначителен и помощь, оказанная частям, очень небольшая. В данном случае вполне возможно, что командование предъявило несколько повышенные требования, не учитывая достаточно местных условия. Такие следует учесть и то обстоятельство, что среди местных товарищей достаточной подготовительной работы проведено не было и они были захвачена врасплох. Общий же вывод можно сделать такой, что представители

Чеч. ЦИКа и комсомольские группы в общем со своей работой справились и при достаточно сильном руководстве подготовленных товарищей (среди местной организации их весьма мало) эта работа была бы значительно продуктивнее.

III. Участие партийных и комсомольских организаций Чечни в общем определяется тем же отсутствием подготовительно работы. Всего в Чечне мы насчитываем ячеек РКП (б) — 3 кандидатских групп РКП (б) — II, комсомольских ячеек — 56 членов партии — 23 человека, кандидатов 147, членов РЛКОМ — 1683. Ячейки главным образом, сосредоточены в районе плоскостной Чечни, в горной Чечне имеется всего 5 ячеек КСИ и 2 кандидатских группы. Таким образом в пределах Горной Чечни на помощь комсомольских организаций особенно рассчитывать не приходилось. Тем не менее, следует отметить выдающуюся работу Шаройской комсомольской ячейки, находящейся в самом глухом районе горной Чечни, где скрывался и был пойман Гоцинский, вблизи **Грузинской границы**. Эта ячейка приняла активное участие в проводимой операции при чем совершенно не считалась с родовыми связами. Она еще до прихода отряда составила список населения; имеющего оружие во все районе и тем самым дала возможность отряду действовать наверняка. При поимке бандитов и резидентов Гоцинского члены ячейки на сельских сходах показывали их отряду ГПУ. Ячейка первая подала пример сдачи оружия, представила командованию все имеющееся у членов оружие. При чем когда командир отряда хотел тотчас не возвратить оружие обратно, ячейка высказывалась против, указав, что население подумает, что они помогают отряду только для того, чтобы сохранить оружие. Ячейка чрезвычайно облегчила отряду по изъятию Гоцинского. Эта ячейка является прекрасным примером, показывающим, что при правильном руководстве местная низовая комсомольская ячейка может и значительно степени революционизироваться и быть мощным орудием советского влияния. Характерно отметить, что Гоцинский еще до прихода отряда в этот район, пытался бороться против ячейки,

используя все свое влияние и в **частности проклял Шаройскую землю за находящихся там безбожников.** Со стороны остальных ячеек было такие оказано частям необходимое содействие. В ряде плоскостных аулов, несмотря на отсутствие директив сверху ячейки КСИ развивали предварительную агитацию за сдачу оружия, подавали сами пример населению сдачи оружия, им принадлежащего, оказали частичную помощь в деле изъятия бандитского элемента. Почти во все горных округах и районах существующие исполкомы заменены Ревкомами с привлечением революционного элемента из бывших Гикаловцев. В целях наибольшего авторитета создаваемых Ревкомов во главе его ставилось лицо, пользующееся в данном районе или округе достаточным авторитетом, в качестве заместителя председателя ставился член или кандидат партии, преимущественно из числа окончивших КУТВ. В деле назначения Ревкомов представители Чеч. ЦИКа в следствии недостаточного знания местного населения не мог сыграть достаточно большой роль в деле подбора нужных лиц. (в Галангоевском районе представитель Чеч. ЦИКа выдвинул в Ревком двух лиц которые оказались замешанными в бандитизме. Поэтому при построении Ревкомов приходилось пользоваться главным образом данным Чеч. ГПУ. Безусловно считать вполне законченной работу по назначению равкомов, особенно сельских не приходится, так как она проводилась в смешном порядке. В дальнейшем необходимо тщательно проверить весь состав и главное, проинструктировать, взяв твердый курс на соваппарат в противовес совету старейшин — шейхов. Эта работа особенно не обходима в связи с предстоящими перевыборами советов, при чем для борьбы с установившимся взглядом на роль советской власти, как лишь на номинальную власть, необходимо добиваться выдвижения действительно влиятельного и советски настроенного элемента. В отношении Чеч. Орг. бюро РКП (б) и Чеч. ЦИКа уже выше было сказано, что во избежание преждевременного разглашения предстоящей операции, они не были о ней

осведомлены, поэтому их работа за исключением выделения необходимых для войск представителей и переводчиков, началась уже с самого момента операции. Председатель Чеч. ЦИКа т. Эльдарханов был вызван Реввоенсоветом в укрепление Шатой, куда позднее прибыл и ответственный секретарь Чеч. Орг. бюро. Тактически вся их работа велась к участью в работе партийных комиссий и к выполнению ее постановлений. Однако, несмотря на то что т. **Эльдарханов не был предупрежден о предстоящей операции,** со стороны его упреков в отношении командования не было и он примирился с создавшимся положением стараясь показать свое полное сочувствие операции. Значительную работу провел ответственный секретарь Чеч. Орг. Бюро Энеевв, принявший активное участие в работе парткомиссий и во всех созданных подкомиссий. Кроме того **Энеев** осуществлял руководство деятельностью представителей Чеч. ЦИКа и комсомольских групп. Самый состав Чеч. ЦИКа имевший в своей среде сомнительных в отношении политической благонадежности личностей (**напр. Шерипов (Заурбек), подлежащий аресту** согласно постановлению Бюро Крайкома, определено ведущий Антисоветскую линию в своей работе и связанный с вожаками контр-революционного движения, малая ответственность его среди населения, которое открыто заявляет что и развитии контрреволюции контр-революции и бандитизма, виновна только бездеятельность центральной власти в Чечне, совершенно не известной в ее горной части. Все это подтверждало правильность взятой линии в отношение твердых выдержанных партийцев как своих сил для нового строительства здесь недостаточно, если не сказать больше.

(архив РГВА, фонд 25896, оп. 9, дело 285.) **СКВО**.

Политическая обстановка и движение бандитизма в Чеченской Автономной Области предшествовавшее операции разоружения.

Али-Митаевщина. Стр. 2 …На фоне возврата плоскостной части Чечни к старым феодальным отношениям и расцвета анархии,

к концу 1922 года по всей области начинает нарождаться одно из крупных политических движений в Чечне, известное под именем «Али-Митаевщины».

Будучи наиболее умным и дальновидным представителем из всех боровшихся за власть феодальных фамилий, шейх Али-Митаев весьма быстро учитывает создавшуюся обстановку и используя анархию, бездействие советского аппарата, а главное опираясь целиком на реакционное духовенство — он начинает собирание вокруг себя сил, якобы в целях укрепления власти, но в действительности для восстановления шариатской государственности. Такое собирание сил первоначально протекало путем вербовки мюридов, и заключение союза с менее активными фамилиями, в конечном счете дало Али Митаеву господство на плоскости. Затем национальная интеллигенция, являвшаяся выходцами из нарождавшейся торговой буржуазии, будучи также недовольной политикой горского правительства выдвинула требование автономии Чечни и вошла и союз с Али Митаевым, как представителем единственной реальной силы, начавшей господствовать в Чечне в условиях не прекращавшейся анархии. Поэтому в Чечне еще до выделения ее в автономную область был выброшен лозунг «автономия и шариат» вокруг которого объединились плоскость и предгорье. Горы же занятые внутри патриархальным противоречиями на этот процесс реагировали мало, но вообще были настроены антисоветски, поскольку не получили от революции и советской власти конкретных улучшений своего быта. В силу изложенного Советский аппарат в тогдашней Чечне мог работать только при поддержке духовенства (стариков), что в действительности и имело место придавая Советскому аппарату совершенно несоветский характер.

Более того официально возглавлявший советский аппарат Чечни Председатель Чеч. Ревкома Эльдерханов — считаясь с возрастающим влиянием Али Митаева не мог провести ни одного мероприятия без предварительного с ним согласования. Советская власть была

подменена Али-Митаевщиной. Одновременно с этим миридизм как военная организация Али Митаева достигла в 1923 году значительных размеров, распространяясь даже за пределы Чечни — в Ингушетию соблазняя горцев выгодами работы у власти и могуществом Али Митаева.

Такая обстановка Чечни была своевременно учтена зарубежными контр-революционными организациями, стремившимися установить через многочисленных агентов в горах свою базу причем были предприняты шаги к привлечению на свою сторону авторитетов не только Али Митаева, но Гоцинского и др. в результате чего Гоцинский надолго остался на Кавказе прочным резидентом от Антанты и зарубежных горских контрреволюционных организаций. Эти обстоятельства привели к необходимости арестовать Али Митаева, что и было выполнено в середине 1924 года.

Арест Али Митаева и удар по его организации значительно разрядил обстановку дав возможность роста новым общественным прослойкам безусловно советской формации. Таким образом усилились комсомол и женское движение, причем влияние комсомола настолько возросло, что крестьянская беднота стала находить в нем защиту своих интересов и рассматривала его как новый советский аппарат в противоположность отмиравшему старому созданному Али-Митаевщиной. Все это вместе взятое к весне текущего года привело к значительному падению шариатских судов и отходу от духовенства части крестьянства разнявшегося на комсомол.

Естественно, что духовенство увидев в таком сдвиге начало своего конца повело ожесточенную кампанию против комсомола как разрушителя религии, выдвинула категорические требования восстановления шариатских судов и начала одновременно поддерживать бандитизм.

Представители же Чеченской интеллигенции желая использовать этот момент борьбы приступили к сведению старых счетов с Чеч.

ЦИК-ом, противясь его якобы колонизаторской политике и пропагандируя восстановление полной национальной автономии Чечни. Всех перечисленных предпосылок оказалось достаточно для того чтобы в начале текущего года в Чечне появились признаки нарастающей классовой борьбы.

Борющимися силами в данном случае явились с одной стороны комсомол и вокруг него вся здоровая советская общественность, а с другой реакционное духовенство, спасающее свое существование и интеллигенция с национально-шовинистическими стремлениями.

Кроме того во всей области продолжал остро стоять земельный вопрос с вытекающими из него кровавыми неурядицами, нагорная Чечня по прежнему путалась в своей экономической немощи и Гоцинский подготовлял переход к имамату, пользуясь тем, что фактически Советской власти в нагорной Чечне почти не существовало.

Наконец отсрочка предстоявшей окончательной ликвидации шариатских судов, исходотайственная ЧечЦИКом в разгаре завязавшейся борьбы неожиданно укрепила позицию духовенства и заставила промежуточные слои изменить ориентацию на последнее, ввиду несомненной якобы помощи духовенству со стороны Советской власти. Таким образом постепенно вновь созрела обстановка приведшая в свое время и возникновению Али-Митаевщины и осложненная к тому же поднявшим голову бандитизмом.

Причинами бандитизма, являвшегося всегдашним препятствием мирного строительства Чечни, помимо изложенных выше условий к началу операции явились:

а) значительное обострение земельных конфликтов на почве запутанности в Чечне аграрного вопроса.

б) частный недород.

В) вялость борьбы с бандитизмом по причинам общей слабости Советского аппарата в Чечне.

По состоянию на I/VIII в Чеченской Автономной области имелось банд: 1) Банда Эстемирова с кадром в 8 сабель несомненно политического характера; 2) банда Кагирова с кадром в 7 сабель уголовного характера, но имевшая связь с Гоцинским; 3) банда Шипшева в 7—10 сабель политического характера; 4) банда Атаби-Шамилева в 7—10 сабель, представлявшая собою ядро контрреволюции в горной Чечне и обычно состоявшая при особе Гоцинского.

Кроме того за последнее время в Чечне был сильно развит пограничный бандитизм, заключавшийся, в непрерывных нападениях на приграничные районы Терека, Сунжи, Дагестана и Грузии с целью угона скота и сопровождаемых многочисленными убийствами.

Наконец, постоянное пребывание Гоцинского в Чечне при твердо установленной связи его с зарубежной горской контрреволюцией и капиталистическими странами способствовало организации здесь базы не только для панисламистских стремлений, но и возможностей активных выступлений против Советской власти при каждом внешнем осложнении СССР.

Конкретно же бандитское движение в текущем году выразилось в многочисленных приграничных столкновениях и грабежах, нападении на **отряд ГПУ,** убийстве миллиционеров и красноармейца и обстреле **крепости Шатой**. Таким образом вся перечисленная выше обстановка Чечни и привела к необходимости ее поголовного разоружения и изъятия бандэлемента.

Группа горянок Горской Республики.

«НОХЧИ-ТУРПАЛ»

Ф. Серов. Севкавкнига. 1927 год.

Нохчи-Турпал. (Чеченские богатыри). В ауле пусто. Одна половина, ближе к речке, распласталась обгоревшими балками на обрыве и жуть наводит оголенными стенами, а кучи черепицы и кирпича — немые свидетели злобы и дикости — громоздятся почерневшими грудами.

А другая — разбита и пустыми окнами таращится на улицу. Аул большествистский. Вчера здесь была расправа: из города с отрядом приехал генерал. Остановились у аула, окружили его, потребовали сдать оружие. Чеченец без винтовки, что европеец без галстуха. Может и стрелять не надо, но когда винтовка на плече — веселей.

— Ей-бо, наш аул одна винтовка нет, — горячо убеждал старик Мата генерала, а тот пыхтел папироской и приговаривал:

— Врешь, подлец, врешь!... Я все знаю — ты за большевиков, скотина! Вы все за них... Все бандиты... Оружие сдавать сейчас же! Так и передай своим. Не сдадите сожгу аул. Камня на камне не оставлю, сукины сыны! Так и скажи. Пошел!..

— Ей-бо наш аул...

— Пошел, зверь! Так и скажи... — повернулся и ушел.

Мата долго стоял, мял в руках полу изодранного бешмета, глядел в землю, потом на уходящего генерала, хотел было сказать что-то, но — махнул рукой и, опустив глаза в землю, тихо побрел по змеистой тропинке, бегущей снизу по обрыву к аулу.

— Ну что? — спросили из группы поджидавших у аула.

— Драться, — спокойно ответил старик. И произнес это так, как будто драться также обычно, как есть и спать.

О подробностях никто не спрашивал. Разве убедишь? Да и что убеждать, когда в каждой сакле — винтовка, когда на прошлой

неделе передали партизанам две сотни, да и еще передать собрались. А тут белые подоспели — сами забрать хотят!

— Не дадим, — решил Мата — драться будем… И побрел домой.

У Маты три сына и седая голова. Старый Мата в ауле — в почете. Небольшое хозяйство у него, но мудрости в нем много: он учился в арабской школе. Он за «Дыкало». Большевики против Чермоевых и других чеченских богачей, поэтому Мата за большевиков. Землю, говорят, всем… Это совсем хорошо! Белые против большевиков, поэтому Мата против белых и сыновья Маты с ним. Как это можно, чтобы сын не думал головой отца! У Маты три сына, три джигита: Али-бек, Ума и Магомет. Младший холост, двое женаты.

Сыновья — мать в хлопотах, а дочери — в подарках. От дочерей прибыль: выйдут замуж — калым будет. А сыновья — одна беда! И досталось же старой Таме от своих сыновей. Ребятами были — стекла били у соседей. Подросли — тоже покоя нет: оседлают коней, уедут, день, два — нет.

Мать ждет и молчит. Беспокоится, плачет в углу, чтобы старый Мата не видел. Знает Мата, о чем плачет старуха, да не по сердцу ему слезы женские.

— Ничего, джигит будет, — скажет и взглянет на старуху, а та подолом глаза скорей утирает.

— Баба, — подумает Мата, плюнет и сядет у сакли сыновей поджидать. Ножом палочку стружит…

— Мигарчову? (Откуда?) — спросит приехавших.

Слезут сыновья с коней, станут перед стариком и начнут рассказывать, где были. Хочется ему сказать ласковое слово, да нельзя детей баловать. Крикнет им сердито, чтобы уходили и отвернется, а сыновья усмехнутся в нос, отойдут молча: знают, что не хочется сердиться старику и что он это так… для порядка. А иногда разойдется старик, да за провинность отлупит6 бить жалко, а надо!

Подошел Мата к сакле, отворил дверь и крикнул сыновьям: — Собирайтесь!

В ответ — ни слова. Быстрая возня, щелкнули. Старик сел на полу, на ковре. Сыновья у двери — готовы. В углу старуха плачет, смотрит на детей, а на старика взглянуть не смеет. И радостно ей, что сыновья джигиты и страшно ей: убьют еще.

А старик сидит и думает: обедать или нет. Посмотрел в угол, и — старухе:

— Приготовь еду, с собой возьмем.

Та завозилась было: цицель печь хотела, курицу варить.

Усмехнулся Мата: — Барана резать — ножик точить... Давай, что есть.

Собрала.

Осмотрел старик сыновей. Вышли. А старая Тама глядит вслед уходящим и плачет.

— Хоть бы обернулись!..

Скрылись. Вернулась в саклю, села в угол и — завыла...

За аулом три выстрела — сигнал: — Сдаете или нет?

В ответ — молчание.

Снова выстрел. Опять молчат.

— Сволочи! — цедит из гнилозубого рта генерал, ходит, волнуется. Остановился, блеснул заплывшими свиными глазками.

— Давай!

Казаки залегли. Ждут. Аул молчит.

— Пли!..

Огненная змейка пробежала по дороге.

— Тр-р-р-р!..

Аул молчит, как вымер.

— Пли!.. Тр-р-р-р!

Из аула в ответ коротенькие, прерывающие змейки: вспыхнет, как молния, и загаснет, зажигая другую и — снова... Казаки — в атаку.

Через час аул горел большим костро, а в речке золотилась вода: дойдет до костра, позолотится, загорится и — меркнет, скрываясь за аулом.

Старый Мата лежал у своей сакли, широко разбросив руки. В седой бороде запеклась кровь.

Скорчившийся труп старухи обугливался в углу догоравшей сакли. А в глазах ее был тот страх, которым она жила, боясь за жизнь джигитов-сыновей. А джигиты-сыновья на быстроногих конях мчались из дома по равнине к горам, ибо осталась им одна дорога — дорога из родного аула.

За своим аулом нет ничего страшного, нет и родного: джигит на воле — безудержный ветер, беспрестанная туча. В ауле пусто. Утренний ветер пепел сметает в речонку, а в саклях аула холодный сквозняк. Кружится ветер игривый на безлюдьи, да треплет седую бороду старого Маты, в которой кровь смешалась с серебром волос. Треплет бороду убитого отца и гонит по равнине трех сыновей-джигитов, вольных, как ветер, беспрестанных, как туча.

В небо уперлись вершины горные. Проткнули его насквозь. Края его — тучи — повисли лиловыми клочьями на скалах, цепляясь за деревья и кусты. Цепляются и падают ниже и ниже. И чудится, что тучи падают, а горы стремятся все выше и выше, протыкая небо и входя в него своими острыми, как кинжал, вершинами.

Ветер, вырываясь из ущелья, мчится вместе с Аргуном. Мчатся оба и поют. Шумит Аргун и свистит ветер, вместе складывая звуки в горную песнь и звенит она, переливаясь, то грозным призывом, то ласковой сказкой. Ласковой сказкой о мирном житье, о маленьком счастье аульном, и грозным призывом к мести, к каре за Мату, за старуху Таму, за саклю, аул за пепел, который бросает ветер в мутную, холодную воду речушки, что, огибая обрыв, вьется и песни поет под разбитым аулом.

Где горы упали вниз на равнину, спускаясь кое-где отлогими скатами, а порой и ломаясь высоким, скалистым обрывом, стремящимся обратно вырваться вверх, — там лагерь.

Костры. У одних вполголоса беседуют старики и, медленно поднося цигарки из шамилевского табаку ко рту с прокопченными зубами, выпускают серый дым, который, смешиваясь с бурым дымом костра, весело кружась, улетает в черное, звездное небо.

У других, громко разговаривая и скаля белые хищные зубы, весело смотря молодые и варят чеченскую кашу — мамалыгу, вкусную, отдающую кукурузой и маслом. Дальше — пандорщик бренчит на пандоре, и кавказский мотив смешивается с топотом ног пляшущего джигита, а он то вырубает землю ногами, то вдруг, среди безудержного пляса, замрет на одной ноге с приподнятым каблуком... Замрет и вновь бросится в дикий пляс, свободный как ветер, независимый, как горы.

У одного костра тишь — тут слушают.

Чернобородый, с огненными глазами, рассказывает сказку, старую сказку о том, что в озере у аула Ялхарой жил дух Джебраила и что нельзя было грязнить хрустальную воду озера: загрязнившего постигали несчастья.

В Ялхарое жила колдунья. Чтобы досадить Джебраилу, она стала стирать грязное белье в озере. Закипела вода, заметался дух Джебраила и выбросил на берег три волны, которые смыли колдунью с бельем. И не мог дух воды остаться в осквернённом ложе: превратившись в быка, ушел на гору. С тех пор и стоит на горе.

— Хы-ы!.. Т-ц-ц!.. — удивленно прищелкивают сидящие вокруг.

А кругом ночь, и костры языками лижут темноту. У сидящих перед глазами — гневный Джебраил и злая колдунья. Смыкаются веки и клонятся на плечи головы. Давно сварили мамалыгу, и танцор-джигит, протянув усталые ноги, спит у потухшего костра. Спят старики, а ночь мигает миллионами глаз от края до края, горящими по небу. Забыв про несчастье, спят среди всех и три сына старого Маты: Али-бек, Магомет и Ума. Спят, тихо улыбаясь, и видят сны. И никто бы не сказал, что у этих трех людей вчера убили отца, мать и сожгли саклю.

В человеке — два человека — две жизни: одна днем, а другая ночью. Разно живут они и не знают друг друга. Жизнь согнала сюда людей и сроднила их. У каждого своя причина, и все причины одинаковы — брата убили, скот забрали, саклю сожгли. У кого что — все сюда.

Идти некуда: впереди — белые враги, разоренные аулы. Со всех концов по дороге тянутся в одиночку и группами вооруженные всадники.

Начальник партизан — Асланбек Шерипов. Он коммунист, выходец из чеченской интеллигенции. Захватило его еще со школьной скамьи, ушел в революцию.

Дома не держали: своя дорога. Работал в городе, белые пришли и — ушел в горы. Храбрость горца и твердость убеждения сделали его начальником отряда. В отряд шли разные люди: и просто бандиты — пограбить, лошадей «карапчить», и честные чеченцы — пострадавшие от белых. Умел Асланбек выделять чуждых: чистился отряд, оставались лучшие, преданные. Их-то и объединил Асланбек, думая оформить эту массу и превратить стихийную борьбу в сознательное классовое движение чеченской бедноты.

Трудное дело! Дика душа горца, ой, как дика! Не видит он врага. Живет бедняк с кулаком рядом, работает на него, а врага в нем не видит. Хоть говорят, что «скот богатого — боль сердца бедного», а все-таки низко кланяется бедняк богачу. И хочет Асланбек научить, указать, кто враг бедноты чеченской, да трудно. Знает чеченец, что есть у чеченцев и у всех магометан один враг — неверный. Знает, что все чеченцы против врага бороться должны. Дерутся пять раз убедить –не убедишь — свет сделать; Ноябрь подобрал группу человек в десять — не убедишь! Дерутся, да богу молятся и ничего не сделаешь. Подобрал группу человек в десять. Долго учил, туго шли, понимать стали. С ними и орудовал.

Разные люди в отряде, не сжились еще. Все молодежь, нет дисциплины, частые вывихи: поссорятся, да и ну палить друг в друга. Трудно Асланбеку. Дерутся зато хорошо: как дьяволы налетят и —

шашками в капусту. Сидит Асланбек и думает, не в первый раз думает, как бы большевизировать эту массу. Учить некогда — драться надо. Здесь в горах, рядом, под боком, русские партизаны. Гикаловцы. Те другие — настоящие большевики, тертые. С заводов, с промыслов… Отступили в горы и орудуют в тылу у белых. О них говорить нечего — у них дисциплина.

Идея одна, а отряды разные. Помогают друг другу, но вместе не сливаются: чеченцы не хотят. А Асланбек только об этом и думает. И вот сейчас, сидит ночью и в мыслях: — Как-бы вместе?… Да, нет — не хотят!..

Холодеет перед утром ветер, меркнут звезды. Просыпаются партизаны и упругие тела потягиваются от ночной дремы, протирают глаза и в каждом рождается дневное. Восходит солнце. На поляне у лагеря, на черных бурках, партизаны совершают свой утренний намаз, долго и усердно молятся. Молятся и верят, что не пошлет Аллах победы им, чеченцам-большевикам, если они ему молиться не будут.

Сидит Асланбек в палатке и показываться не хочет — молятся. Кончился намаз, — вышел Асланбек и, перебрасываясь с ближайшими словами, пошел по лагерю.

— Салям алейкум!.. — приветствует прибывших сыновей Маты Асланбек.

— Алейкум салям! — отвечают те.

— К нам? Что ж, надумали?

— Да, к тебе.

— А как дуда живет?

— Дуда нет уже — убили дуду.

Рассказывают сыновья, как приехали белые, как дрались, защищая аул, чеченцы, как убили старого Мату, рассказывают, а сами в землю глядят — боятся не выдержат.

— Теперь к тебе.

— Дикенду, дикенду (хорошо), — одобрительно прогудел Асланбек и отошел. Чем утешишь? — Ничем!

— Еще один аул! — думает Асланбек. — Или все сыны Чечни приедут, лишенные крова, и тогда вырастет один отряд — народная армия, а пока — везде кровь, слезы, дым. Не все идут, как ни велик отряд, а многих лет!

— Ничего, придут все. Поймут — тогда отыграемся.

Верит Асланбек, что придут, да и нельзя не верить: каждый день горят аулы, каждый день приходят в отряд лишенные крова.

— Белые разгулялись. Ничего! Чеченские партизаны готовятся, растут. Жара будет. Отыграемся!

Хабар (разговор, сплетня). Везде хабар. Да и что такое Чечня без хабара? Есть ли на свете более приятное, чем остановиться с соседом среди дороги и спросив: какой хабар есть? — слушать длинные повести. Базар может разойтись. Солнце может вскарабкаться на середину неба, дома с нетерпением могут ждать, а здесь — хабар!

Подерется сосед с соседом где-либо в ауле, а уж на другой стороне Чечни, за сотни верст, — хабар. Там просто драка, а здесь — один из дравшихся окажется убитым и целые семьи дерутся.

Что из мухи слона! — Хабар делает слона без мухи.

Думать нельзя, — говорят чеченцы. — Сегодня подумаешь, — завтра все знать будут.

И нет такой тайны, которую сохранить можно. Белые в городе готовятся кончить с Асланбеком: окружить кольцом и — живьем. Тайна! А на дороге из города остановились две арбы. Сидят двое и рассуждают:

— Ей-бо, не поймают! Как можно! Гналась ворона за орлом! Побьет Асланбек.

А Асланбек в лагере уже знает.

Сидит и железки на скулах двигаются быстро, быстро. В глазах недобрый огонек, а в голове:

— Пусть идут. Разве один Мата убит? Разве один аул сгорел? Разве только три сына остались без отца и сакли?.. Нет!.. Много! Вся Чечня! А если много — могут побить! А разве партизаны здесь

потому, что им хочется бегать от белых? Или пришли они сюда по доброй воле? Нет! Жизнь согнала. Не бегать от белых, а драться сюда пришли партизаны, — вот почему они здесь. Могут ли их побить? Нет!..

Играют железные желваки, брови сдвинуты, и во всей коренастой фигуре Асланбека — твердость и настойчивость.

— Ждать будем, не уйдем. Подмога придет. Жара будет!

— Абубакар! — окликнул Асланбек сидящего рядом. — Белые ловить нас собрались. Не драться, а ловить. Понимаешь? Поезжай к Гикало, скажи, что помощь нам понадобится. Немного нас. Выдержим ли? Так помогать нам не надо, а в случае бить будут — пусть выручает. Да, скоро надо: к вечеру — обратно.

— Дикенду! — кивнул тот и вышел.

Оседлал, нырнул в кукурузу и скрылся.

— Алаудин! — позвал Асланбек, — приготовьтесь, драться будем. Белые идут.

— Дикенду, дикенду! — скороговоркой произнес тот.

— Сабурде (подожди), — Асланбек, — когда?

— Сегодня ночью или завтра утром.

Побежал по лагерю.

— О-о-о-о-о-ой!.. Магомет!..

— О-о-о-о-о-ой!.. Бата!..

— О-о-ой!.. Абу!..

Понеслись по лагерю призывные звуки, гортанные голоса. Лагерь пришел в движение. Собирали людей, щелкали винтовки, заблистали кинжалы и шашки. Вынимали патроны, проверяя их количество. Не крепко ли обоймы сидят в патронташах? И все — на конях. А на месте лагеря — пепел ночных костров, да местами — потоптанная трава.

Душно в городе. Копотно. Навалилось раскаленное солнце. Жарко. Потеют стены саманных домов, а земля трескается. Дым из труб, заводов и промыслов пеленает небо в серую дерюжную, грязную простыню, а под этим живут люди.

Потеют чахлые деревца, не давая прохлады, и на горячем песке рвутся бледным узором их жалкие тени. Живут утром, да вечером. У города станица. Там — другая жизнь, деревенская. Вечером на лавочках парни с девчатами. Заигрывают, гармоники поскрипывают, да где-то далеко горланят песнь. Казацкий мотив, длинный такой, протяжный, степной. Пахнет катухами, конюшней, навозом. У домов палисадники и цветы — пестрые, простые. Вечером в станице пьяные выкрики, песни, катанье на извозчиках.

— А... мать его... черт!.. Завтра выступаем... В Чечню... Гололобых бить.

Пьяна вся станица. Кое-где драки. И ночью — до утра — где-то в переулке шатается пьяный сын Запорожской Сечи и поет пропитым голосом: — Прощай ми-и-и-лка, уезжаю...

И лишь под утро, когда казаки уезжали из города, свалился в каком-то палисаднике головорез казак и заснул под цветами, забыв о походе. Едут казаки в Чечню и плывет с ними залихватская песнь. Плывет и ширится, расползаясь по полям кукурузы. Чужды эти песни полям. Далеко разносит ветер враждебную песнь.

— Слушайте, мол, едут...

Долго-ль вам, снежочки, во сырой земле лежать,

Долго-ль вам, казаченьки, горе-горевать...

Рвет ветер и разносит. За полсотни верст слышит Асланбек:

...Долго-ль вам, казаченьки, горе-горевать...

— Не долго. Скоро. Сегодня...

Шелестит ветер и, в такт ему кивая, боязливо-радостно шепчет кукуруза. Быков, лошадей, коров обещали пригнать.

— Приедем!

Едут и не слышат, о чем поет ветер и о чем шепчет враждебная кукуруза. Да и скажет-ли ветер чужаку свою тайну? Едут недружно. От вчерашней попойки болят головы. Гадко. И песнь как-то зудом несется. Недружно, как ленивые жернова, ворочается мысль.

— Коров бы лошадей пригнать...

Навстречу арба. Старик с мальчонкой, маленьким, лет двенадцати.

— Стой, бисов сын! Куды ползешь! Откуда?

Тошнотно. Тупость в голове, туман. Кто виноват? Хочется избить кого-нибудь, хочется пьяную дурь из головы измыть на ком-либо.

Хочется... Рука сжимает нагайку.

— Кто? Чеченец? — Больше ничего не надо.

— Бей... бандиты!

Рука судорожно сжимает и поднимает нагайку.

— А-а-а... бисов сын!.. Бей!..

Дюжие руки подымались беспрестанно. Мелькали в воздухе нагайки, со всплеском опускаясь, стегали по скорчившимся на арбе фигурам.

— Миколай! — кричит краснорожий, с бычьими глазами, подмигивая. — Кобылка-то, кажись, твоя?

— Эге-е-ж... моя кобылка.

— Ах, сучий сын! Отпрягай, собака!

С арбы — в шею, тот бормочет что-то по-чеченски.

— Отпрягай, говорю!

И снова всплеск нагаек.

— У-у... бандит! — Зуботычина.

Отпрягли, забрали, поехали дальше. Стало веселей. А избитый остался у арбы, двумя оглоблями упершейся в землю, неподвижной надолго. Лихо по степи несется песнь:

Долго-ль вам, снежочки, во сырой земле лежать,

Долго-ль вам, казаченьки, горе-горевать...

— Не долго.. скоро.. сегодня..

Небо. Степь. Солнце. Безумно жжет солнце. Едут, не останавливаясь, на разморенных конях. Жарко. Солнце плавит тело и разноцветные рубашки на дюжих спинах полосятся мокрыми пятнами. Открытые рты и красные лица. Жмурятся глаза, и пот со лба струйками стекает по лицу. В знойной дали тонет кукуруза, уходя

бесконечно-зеленым морем, а дальше — горы. Туда, к ним. А до них далеко! Как далеко под этим солнцем! Палит.

— Ну, и жара! — слышно.

Никто не ответил, только — Уфф! — пронеслось одновременно.

Снова молчат. Песни не идут. Вдали знойно трепещет раскаленный воздух. Тяжело переступая, понуро идут лошади. Жаркие потники пропитались горячими каплями пота. Сбросить бы и потник и всадника долой, да крепко держит тугая подпруга и солнце размаривает. Весь день жгло. Только под вечер, когда за бугры вдали завалилось раздобревшее солнце, стало легче. Не знойно, но душно. Ползут сумерки. Туманится дорога, растворяются тени, рождается страх. Дорога приутихла. В сумерках топот слышней, чем при свете, а в приумноженном шуме лентистой кукурузы — неизвестность. Верхушки кукурузы собираются в кучи и вырастают в причудливые фигурки. В сторону шарахаются испуганные взгляды. Жутко! Чужая дорога и чужая степь.

— Часовых ставить!..

Соорудили коновязи, скучились и уселись без огней. Всухую поели снеди, вкусно приготовленной дома и заботливо завернутой в дорогу. Спать. Буйная ночь с вином и без сна дремотно туманит голову. Клонятся черноусые казаки, валятся на траву храпят. Сопя и водя по воздуху, вздрагивая мускулами, стоят нервные кони и, положив головы на шею друг другу, гладят в темь, настораживая уши. Чуют. Что чуют они в этой ночи? Ночные шорохи кукурузы, стрекотанье и ветра порывы? Что может быть в этой ночи?.. Что?.. Крепко спят казаки, а кони чуют... Казак на часах. Спать — во как хочется! Ржут лошади — зорко всматривается казак. Иль устали глаза, иль в самом деле?.. Движется тень по дороге и не тень человека, — нет — туча. Силится дальше всмотреться казак, может и сон, и страх?.. Долго смотрел, а туча росла. Привык глаз, кажется, что-то колеблется, не двигаясь с места. И только, когда совсем близко стал слышен топот, вспыхнул в тиши, как яркий свет, испуганно пронзительный крик, и эхом глухим отлетел в ударах

копыт. Разморенные дремой, вскочили казаки. Недружно, но быстро схватились за винтовки и засвистали пули по налетевшим. Вскинулись передние всадники и с громким стоном, взламывая руки, падали со вздыбленных коней. Опрокинули. Смяли. Казаки — на коней. Одни с колен отстреливаются, другие с седла.

Чеченцы ринулись снова. Не выдержали казаки и поскакали, а те сзади… **Хорошо молятся всадники Асланбека, еще лучше рубятся.** Как слепые орехи, катятся казачьи головы, с хряском ломаются спины, плечи. Шпорят быстроногих коней казаки, а чеченцы сзади сильней наседают, рубят, не дают очухаться. Тесная ночь спасла немногих. Ушли.. Солнце утром увидело убитых. Увидело и скрылось. Ждут в станице белолицые казачки женихов и мужей. Ждут и не дождутся.

— Скоро приедем, коней приведем, коров…

Не приедут: в плен не брали.

А отряд Асланбека мчится по полям кукурузы, — где тут по дороге за врагом в догонку! Наперерез. Мчатся всадники, а рядом кони без седел — добыча, трофеи. За чужим поехали, свое потеряли. Не догнали. За день наморолись и уснули на первом привале. Тишь. Ни ветерка. Молчалива кукуруза. Изредка дремлющий лист, прикоснувшись к другому, щуркнет и смолкнет. Сонные поля и дорога. Истомленная за день, земля отдыхает, спит. Дальв тумане еще соннее. И горы перестали стремиться в высь. Уснули, уставшие. От ночи веет прохладой. Тишь…

«СЕВЕРО-КАВКАЗСКИЙ КАЛЕНДАРЬ НА 1927 ГОД» ЖУРНАЛ

Октябрьская революция на Северном Кавказе.

Стр. 17 …**Особенности Северо-Кавказского Края**. Царизм оставил на Северном Кавказе запутанный клубок национальных и земельных отношений, осложненных сословным вопросом.

Откуда взялось «казачество»?

В основе великорусского казачества, точно так же, как и украинского, лежала обязательная военная служба пограничного населения. Здесь и выросла казачья «вольница». Но уже к середине 18-го века казацкая Украина превратилась в помещичью страну. С некоторым запозданием тот же процесс совершался и на Дону, при чем, именно это запоздание и спасло донское казачество от участи украинского. При этом помещичье-дворянское землевладение возникало на Дону не путем обезземеления казачества, а путем закрепощения выходцев с Украины «черкасов» и беглых русских крестьян. Впоследствии казачество Северного Кавказа пригодилось царизму и в качестве орудия колониальной политики царизма и для борьбы с внутренним врагом.

Казачество Сев. Кавказа не является «нацией», оно представляет из себя смесь, состоящую из потомков рязанских казаков, остатков запорожцев, украинских казаков, оказаченных николаевских солдат, крестьян и калмыков. Среди казачества издавна существовало неравенство, во-первых, между рядовым казачеством, с одной стороны, и офицерством и чиновничеством — с другой; во-вторых, между станичными обществами. Участки, поступившие в свое время во владение генералов, офицеров, колебались от 200 до 400 и даже до 1500 дес. Казачьи верхи пользовались правом выхода из казачьего сословия и были уравнены в правах с дворянством. Как и помещики Европейской России, они спускали свои земли, которые через Крестьянский банк попадали в крестьянские руки. Рядовое же казачество, получив от 16 до 30 дес. на мужскую душу, к революции имело неравномерные паи. Например, на Дону, размер пая колебался от 25 дес. удобной земли до 5 дес. Значительная часть рядового казачества сгибалась под тяжестью военной службы, требовавшей больших расходов на снаряжение. Не даром сложилась поговорка: «Слава казачья, а жизнь собачья».

Существовала и казачья буржуазия. Мы, в прошлом знаем на Дону «торговых казаков», а в 1917 году на Кубани во главе

казачьей контр-революции стоят Бардиж и Н. С. Рябовол — директора Куб.-Чер. железной дороги.

В бывших казачьих областях Края, казачество являлось полновластным хозяином земель. Между тем, к началу революции на Дону и на Кубани, так называемые иногородние, т. е. не казаки, составляли большинство населения.

Уже к концу 19-го века в областях Донской, Кубанской и Терской, войскового сословия насчитывалось 2754885 человек, а невойскового сословия — 2863647 человек. Так, в 1913 году в Донской области из 3209787 человек. Так, в 1913 году в Донской области из 3209787 чел. населения, войскового сословия насчитывалось лишь 1426561 чел., т. е. 44,5%.

Между тем, в казачьих областях существовало вопиющее земельное неравенство между земельной обеспеченностью казачества и «коренного» крестьянского населения.

Не коренное же, «иногороднее» население было совершенно лишено земли и занималось сельским хозяйством на арендованной земле. Между тем, иногороднего население обоего пола в 1915 году в Донской области насчитывалось 1124 тыс. чел., из которых сельским хозяйством занималась 727 тыс. чел., а в Кубанской области-1286 тыс. чел., из которых «оседлых» посчитывалось более 763 тыс. Казачье хозяйство также широко применяло наемный труд, и батраки составляли значительную часть всех иногородних.

Иногороднее население не только вынуждено было арендовать землю у казачества по высоким ценам, но одной «посаженной» платы вносило, как, например, на Кубани, до 60 руб. и более. Иногородние являлись бесправными жителями станицы и не пользовались голосом на станичном сборе. Можно было родиться и умереть в станице и, тем не менее, быть «иногородним».

Но существовали иногородние другого порядка. К иногороднему населению относится также буржуазия и крупные землевладельцы, которые точно так же были заинтересованы в уничтожении казачьего землевладения, препятствующего развитию хозяйства.

Казачество обложило данью иностранный капитал, воженный в нефть и уголь Северного Кавказа, по преимуществу: бельгийский, английский и французский. Затем, наряду с безземельным и малоземельным иногородним крестьянином, на кулацких казачьих хозяйствах появился нарост из средних и крупных частновладельческих хозяйств. Казачьему землевладению и казачьим феодальным порядкам грозила опасность с двух сторон: снизу-со стороны бесправного и безземельного, иногороднего батрака и арендатора, который заключил союз с рабочим классом и крестьянством России, и сверху-со стороны тоже иногороднего крупного землевладельца и иногородней крупной буржуазии, пытавшийся разорвать феодальные узлы, путем насаждения буржуазной диктатуры и ликвидации сословных преимуществ, под знаком восстановления «Великой, Единой и Неделимой». Казачье землевладение разлагалось еще задолго до революции-с опозданием против украинского на 100 с лишним лет.

Северо-Кавказский Край сложился в результате завоевательской политики царизма. «Покорение» Кавказа повлекло за собой великий исход горских народов из России: так, в Турцию ушли Черкесы, переселялись Кабардинцы, Чеченцы и Ингуши, а оставшиеся народы перетасовывались царским правительством и между ними вклинивались казачьи населения.

В «покорении» Кавказа казачество служило орудием, а горцы-жертвой царского правительства.

В итоге завоевательной политики наиболее плодородные и удобные земли оказались в руках казачества. Эти земли расположены в плоскостной части бывшей Терской области, по долинам рек (Терек, Сунжа), -на долю же горцев достались голые скалы, ущелья и малоплодородные почвы. Граница между плоскостью и горами являются в то же время границей, отделяющей районы, более или менее обеспеченные землей от горных районов, имеющих нищенские наделы. В 1911 году на душу мужского пола в казачьих отделах приходилось 19,9 дес., из них 15 дес. удобной;

на 1 душу горского населения приходилось 9,5 дес., из них 6,3 удобной. В нагорной же полосе на 1 хозяйство приходилось удобной земли 0,2 дес. Особенно страдали от малоземелья: Ингушетия, Осетия и Чечня. Жители нагорной полосы ежегодно платили казачеству и кабардинцам за аренду земель 777079 рублей, что на душу населения нагорной полосы составляло 7 рублей.

Ко времени укрепления русского владычества на Кавказе, почти у всех горцев, за исключением чеченцев, где сословий не существовало, (у чеченцев нет даже слов «**прикажите**», «**господин**»), — мы всюду встречаем более или менее развитый феодальный строй. Освобождение горского крестьянства явилось сокрушительным ударом по феодальному строю горцев, хотя горские крепостники, подобно русским помещикам, себя не обидели. О том, как произошло «освобождение» крестьян у горцев, мы можем судить по карачаевцам и кабардинцам. После отмены крепостного права в Карачае, освобожденным крестьянам земля не была выделена в Большом Карачае, а они были выселены в другие места. На 40000 крестьян приходилось 206083 дес. всей земли, на 126 карачаевских князей и дворян приходилось 237035 десятин. В Большой Кабарде на 324000 десятин общего земельного фонда — 200 князьям и узденям было выделено 23 проц. — 75000 десятин, а в Малой Кабарде из 83000 десятин 57 лицам было выделено 19 проц. — 16000 десятин, с правом пользования общественными пастбищами. После покорения Кавказа привилегированные сословия горских народов приобщились к правящим классам Российской империи, превратившись в офицеров царской армии.

В 1917 году перед рабочим классом на Северном Кавказе стояла чрезвычайно сложная задача: необходимо было разбить три круга, сковывавшие горское крестьянство — родовой быт, национальную ограниченность и религиозный быт, национальную ограниченность и религиозный фанатизм; необходимо было освободить трудовое казачество от влияния казачьих верхов, якобы возрождавших

«казачью вольницу», а на самом деле предававших казаков русским и иностранным капиталистам.

Нужно было объединить горское крестьянство и трудовое казачество с русским крестьянством, иногородним батраком и арендатором для борьбы, под руководством рабочего класса, против иногородней казачьей и горской буржуазии, горских феодалов и казачьих помещиков.

Февраль-Октябрь. Героическая борьба пролетариата, крестьянства, горцев и трудового казачества Северного Кавказа за свое освобождение закончилась лишь в 1920 году, когда Советская власть окончательно утвердилась на Северном Кавказе.

Февральская революция поставила у власти на Северном Кавказе в городах — буржуазию, в казачьих областях — казачьи верхи, в горских областях в зависимости от экономического уклада, — помещиков-феодалов (влиятельные роды), националистическую буржуазию, помещиков-феодалов, или влиятельные фамилии, с их общим союзником — мусульманским духовенством.

На Дону после февральской революции комиссаром Временного Правительства был назначен кадет Зеелер, а во главе организованного Войскового Правительства в Новочеркасске вскоре после революции встал атаман **Каледин**, (сначала был **Волошинов**), возглавлявший в мятеже **Корнилова**. Заседавший с 4 по 14 сентября Донской Войсковой Круг, отказался выдать Каледина. Под крылом Войскового Правительства при участии бежавших из ставки в Новочеркасске генералов **Алексеева**, Корнилова и др., там организовалось ядро Добровольческой армии. В Новочеркасск отовсюду стекалось контрреволюционное офицерство. Нараставшую генеральскую контрреволюцию поддерживала эсэровско-меньшевистская Ростовская Городская Дума, во главе с с.-р. Николаевым. Организованный после февральской революции Совет, состоял из социал-соглашателей. Однако, большевистская

организация постепенно собирала силы, развивала широкую агитацию.

На Кубани комиссаром Временного Правительства был назначен крупный землевладелец, кадет **Бардиж**. На открывшемся 9—22 апреля Областном Съезде уполномоченных от населенных пунктов встал вопрос о земельных и других привилегиях казачества. Съезд передал власть на местах Гражданским Комитетам, но в смешанных населенных пунктах сохранил действенность управления и власть атамана. Съездом был избран комитет из казачества и иногородних, с участием горцев, и на тех же основаниях областной Совет. Однако, постановление съезда о передаче власти Гражданским Комитетам не было проведено в жизнь. Бардиж издал приказ о том, что Гражданские Комитеты не являются органами власти. 17 апреля (ст. ст.) собралась Кубанская Краевая Рада и объявила казачьи земли собственностью казачества, оставив иногородним лишь их земли. Фактически власть принадлежала Войсковому Правительству, во главе с атаманом Филимоновым.

На Тереке, после февральской революции, стали возникать Гражданские Комитеты. Одновременно стали организовываться казачьи верхи. Тотчас же после революции 14-марта, во Владикавказе был созван Казачий Круг, на который приехал член Государственной Думы М. А. **Караулов.** Круг избрал войсковое правительство и атаманом — Караулова. Принятое Кругом положение об управлении, ничем существенным не отличалось от дореволюционного.

Наряду с казачьими верхами организуются верхушки многочисленных народов, населяющих Терек, княжеские роды Карачая, остатки кабардинских князей и узденей, баделиата и тагиата Осетии, генералы и офицеры Ингушетии, муллы, шейхи и чеченские богачи, беки и князья Дагестана. На двух съездах в 1917 году горской знатью и буржуазией был избран Центральный Комитет Союза горских народов Северного Кавказа, в который

вошли: Кабарда, Осетия, Ингушетия, Чечня и весь Дагестан. Главными деятелями были **Рашид-хан-Капланов** — князь кумыкский, миллионер-нефтепромышленник **Тапа Чермоев** и др. Этот центральный комитет, совместно с терским войсковым правительством, организовал, так называемое, «Терско-Дагестанское правительство», во главе с князем Хаплановым и министрами: Чермоевым, Карауловым и другими.

Горские народы имели свои национальные советы, но эти советы ничем себя не проявляли.

До провозглашения на Тереке власти Совнаркома (март 1918 г.); здесь шла ожесточенная борьба горских народов с казачеством и между собою, национальная вражда усиленно подогревалась белогвардейцами. Так, казачество находилось в состоянии войны с Чечней и Ингушетией, а Ингушетия с Осетией и т. д. Эти войны носили ожесточенный характер и влекли за собой разорения и опустошения. Например, в **ингушско-осетинской войне** было дотла сожжено селение Батако-Юрт (до 700 дворов). Казачьи верхи национальной рознью пытались заглушить классовую борьбу.

В Ставропольской губернии власть перешла к земской управе, при чем комиссаром был назначен член государственной думы Старлычанов, а в Черноморской губернии сначала Николаев, а потом Долгополов. Еще задолго до Октябрьской революции казачество становится на путь отторжения от России казачьих областей. В сентябре состоялась конференция донского, кубанского и терского войска, занявшего враждебную позицию по отношению к временному правительству по причине стремления правительства «к уничтожению казачьей самостоятельности». В сентябре войсковой круг на-Дону выносит постановление о федеративном устройстве Дона, на Кубани в октябре войсковая рада принимает «основные положения о высших органах в Кубанском крае», передав законодательную власть краевой раде, а исполнительную — атаману и войсковому правительству. В порочный круг контрреволюции вовлекаются и горские народы. 20 октября во Владикавказе был

подписан договор об организации «Юго-Восточного союза казачьих войск, горских народов Кавказа и вольных степных народов». Одновременно организуется рабочий класс. Корниловщина всколыхнула рабочие массы и крестьянство. Большевики завоевывают Советы, на рудниках Донбасса организуется Красная Гвардия и уже 2 ноября (н. с.) большевики захватывают власть в Туапсе.

Октябрьская революция. В Ростове сообщение об Октябрьском перевороте получено по радио — иного сообщения не было — траллером «Колхида». Совет встретил известие с энтузиазмом и принял резолюцию о поддержке питерского пролетариата. Был образован В.-Р. Комитет, куда вошли и социал-соглашатели.

25-го ноября Ревком предъявил войсковому правительству ультиматум, в котором требовал отказа войскового правительства от власти, отмены военного положения и возвращения оружия разоруженным казакам и пехотным частям. В этот решительный момент меньшевики и эсэры, представители городского самоуправления, союзов и областного военного комитета, вышли из Ревкома и выпустили лицемерное воззвание, в котором призывали к прекращению гражданской войны и предлагали Красной гвардии разоружиться. Контрреволюция не дремала. В ночь с 25 на 26 ноября ген. Потоцкий напал на театр «Марс», где помещался Ревком и штаб Красной гвардии. Однако, Ревком в это время заседал на «Колхиде» и нападавшие ограничились тем, что ими были убиты т. т. Кунда и Казбирюк. 26-е ноября прошло в подготовке. 27-го ноября Красная гвардия заняла вокзал и взяла в плен ген. Потоцкого. Некоторую помощь рабочим оказали траллеры Черноморского флота, к которому был послан за подмогой т. **Ченко** (съезд черноморских моряков послал ростовским рабочим 3 траллера, 1 крейсер, 2 миноносца и 2 истребителя, но в Дон вошли лишь траллеры и истребители). Рабочие Ростова сражались до 2-го декабря, когда Ревком и штаб Красной гвардии оставили город под натиском белогвардейцев.

2-го (ст. ст.) декабря Ростов занял Каледин. После занятия города начались расстрелы. В Донецком бассейне в период декабрь-январь возникают первые полки Красной Гвардии Донецкого бассейна, а на юге, на Кубани, встает красный фронт. Казачество отказалось сражаться за Каледина.

В Новочеркасске в это время собрались генералы Корнилов, Деникин, Лукомский, Марков, Эрдели и другие — организаторы белогвардейской добровольческой армии. Между тем, Красная Гвардия со всех сторон стиснула добровольческую армию: с юго-запада под командой **Антонова-Овсеенко**, с северо-востока фронтовое революционное казачество, под руководством созданного в ст. Каменской Областного Военного Рев. К-та, во главе с **Федором Подтелковым** и **Кривошлыковым**, с Кубани тоже двигались части 39 дивизии под командой Автономова.

Условием победы на Дону послужил переход фронтового казачества на сторону Советской власти. Ростовскими большевиками т. т. Сырцовым, Френкелем и др. были созваны казачьи съезды в Воронеже (7 января) и Царицыне (17 января), а 23 января в ст. Каменской, где был избран Военно-Революционный Комитет, который повел казачество против Каледина, под лозунгом «долой атаманов и офицеров». Казачество выдвинуло из своей среды вождей: Подтелкова, Кривошлыкова, Голубова (вскоре, впрочем, изменившего) и многих других.

9 февраля (ст. ст.) в Ростов вступили красные части. Через день было занято гнездо контр-революции — Новочеркасск. Потерпев поражение, Каледин застрелился.

На Кубани, после известия об октябрьском перевороте, войсковое правительство ввело военное положение, а меньшевистско — эсэровская дума, в свою очередь, вынесла резолюцию о борьбе с «анархистско-большевистским восстанием». Так оформился единый цонтр-революционный фронт.

Возвращение фронтовиков-казаков революционизировало станицу; фронтовики иногородние тоже вернулись домой

с надеждой на освобождение. Екатеринодарские большевики: Е. Полуян, Вишнякова, Ивницкий, Як. Полуян, Марочкин и др. энергично вели работу по подготовке восстания. Собравшаяся в декабре краевая рада и 2-я сессия съезда иногородних раскололись: левая часть иногородних и казачества 18 декабря 1917 года вынесла резолюцию о признании Совета Народных Комиссаров, объявив недействительными постановления краевой рады и правительства, и избрала Совет Народных Депутатов. 17 декабря (по ст. ст.) было положено начало формированию революционных войск, во главе с анархистом Тимофеевым.

В Новороссийске в это время переворот уже совершился. 14-го декабря (н. ст.) власть здесь безболезненно перешла в руки Советов, а 20 января (и. ст.) Советская власть восторжествовала в Армавире, а затем в Тихорецкой и Кавказской — узловых железнодорожных пунктах, где были расположены части 39-й дивизии, революционного оплота Кубани. 17 февраля (н. ст.) в Армавире собрался 1-й Областной съезд Советов, избравший Исполком, в который вошел большевик Як. Полуян.

Центром революционной борьбы стала станица Крымская. 17 января — 4 февраля на съезде революционных станиц и воинских частей в ст. Крымской был избран Областной Военно-Революционный Комитет, под председательством большевика Якова Полуяна. Новороссийским фронтом командовал Бушко-Жук, со стороны Тихорецкой наступал Сорокин. 20 января (ст. ст.) на Екатеринодар из Новороссийска были двинуты красногвардейцы, которые, однако, были разбиты под Энемом. 24 января у ст. Афипской произошел второй бой, и тоже неудачно. Наконец, 14 марта Екатеринодар был вырван у рады, отряд белогвардейцев, под командой генерала Покровского, бежал из Екатеринодара. Бардиж был пойман и расстрелян в Туапсе.

На Кубани, как и на Дону, условием торжества советской власти послужило то обстоятельство, что кубанское казачество не оказало

поддержки Филимонову и Бардижу: оно или оставалось безучастным зрителем, или боролось против казачьих верхов.

Малочисленный пролетариат Терека к октябрю еще не успел сорганизоваться. Пролетарский центр — Грозный, был разоружен. Части Дикой дивизии потребовали ухода из Грозного **112-го Пехотного Запасного Полка** вместе с которым уехало много рабочих. Национальные войны захлестнули Терек. Основная линия борьбы шла между казаками, с одной стороны, ингушами и чеченцами, с другой.

В Моздоке в январе был созван социалистическим блоком Съезд трудовых народов Терской области. На Съезд трудовых народов Терской области. На Съезд были приглашены все народы, кроме чеченцев и ингушей, находившихся в состоянии войны с казаками, кабардинцы и балкарцы. Народный Совет переехал в Пятигорск и объявил себя народной властью трудовых народов Терской области. Положение Терско-Дагестанского правительства в это время было плачевно.

15 февраля ст. ст. 1918 г. в Пятигорске открылся второй Съезд трудовых народов Терской области, на котором присутствовали представители всех народов, в том числе ингушей и чеченцев. Съезд признал неправомочным заседавший во Владикавказе казачий круг, принял закон о социализации земли, признал Терскую область часть Федерации, и большинством 220 голосов против, 22 при 44 воздержавшихся, признал 4—17 марта, Совет Народных Комиссаров. Председателем Совнаркома был избран **Ной Буачидзе**. Правые с.-р. и меньшевики ушли со Съезда. Впоследствии Съезд переехал во Владикавказ. Терско-дагестанское правительство бежало в Тифлис. Офицерские сотни пытались было оказать Съезду сопротивление, но были разоружены. С этого времени начинается организация Красной Гвардии. Одновременно в Пятигорское организуется первый большевистский Совет, во главе с председателем **Анджиевским**.

По уездам и станицам до возвращения фронтовиков, у власти стояло офицерство. Фронтовики приступили к созданию Советов и организации Красной Гвардии.

Областной Народный Совет был создан на основе национально-сословного представительства (при нем существовал, между прочим, казачий Хоз. Совет). В Ставропольской губернии еще до Октябрьской революции власть ускользала из рук земской управы. После Октябрьской революции губернский комиссар Старлычанов созвал «Народное Собрание», с участием буржуазии, для решения вопроса о власти, и сложил полномочия. Ставропольское крестьянство пошло за большевиками и удалило из Народного Собрания представителя буржуазии.

Народное собрание, превратившееся в 1-й Съезд Советов, в 12 часов ночи с 13 января 1917 года на 14-е января 1918 г. вынесло постановление о вступлении Ставропольской губернии в РСФСР — еще ранее было принято постановление 2-го Съезда Советов о земле и избран Совнарком во главе с большевиком Пономаревым.

В 1918—19 г. Советская власть просуществовала на Северном Кавказе недолго: в Ростове 3 месяца, в Екатеринодаре 6 месяцев, в Новороссийске 8 месяцев, в Пятигорске более 10, а во Владикавказе более 11 месяцев. Контрреволюция наступала с севера на юг: весной 1918 г. пала Донская Республика, летом Ставропольская (окончательно в ноябре), осенью Кубано-Черноморская и в начале 1919 года — Терская Народная Республика.

Постановка на очередь аграрного и национального вопросов восстановила против Советов кулацкую часть казачества, в каждой станице образовались фронты иногородних и казачества, а на Тереке — казачества и горцев.

Главной причиной падения Советской власти на Дону послужила германская оккупация. 5 мая командующий Украинским фронтом Антонов-Овсеенко снял с себя командование и дал приказ

об отступлении. Вместе с германскими войсками боролись против красногвардейских частей контрреволюционное казачество и белогвардейское офицерство.

В Ростов приехал находившийся в ст. Каменской Областной Военно-Революционный Комитет, во главе с председателем Подтелковым и секретарем Кривошлыковым. Вновь образованный Ревком признал Донскую область самостоятельной Донской Советской Республикой и избрал Совнарком, в который входили: Подтелков, Сырцов, Болотин, Кривошлыков и др. Но о советском строительстве не могло быть речи. В Донской области в это время кишело офицерство, организовывавшее восстания: в Сальском округе начало борьбе положили бежавшие из Ростова отряды Попова и Семилетова. Со стороны Украины надвигались на Дон немцы и Дроздовская бригада, в районе Новочеркасска и Александровска — Грушевского орудовали банды Краснова. Все же в Ростове в апреле был созван 1-й Съезд Советов. 3-го мая немцы заняли Таганрог и потребовали, чтобы Ростов был очищен к 6-му мая. Чувствуя за собой силу, в Ростове вступила Дроздовская бригада, но 7-го мая она была выбита отступавшей из Новочеркасска группой красных войск, продержавшихся в Ростове два дня. Но под давлением немцев, они тоже отступили к Батайску, где существовал укрепленный фронт против немцев. Донская Советская Республика пала под натиском наступавших немцев и восставшего казачества, обманутого офицерством. Герои-казаки Подтелков и Кривошлыков были повешены контрреволюционным казачеством в хут. Пономареве, Донецкого округа, куда они отправились с целью вербовки казачества для борьбы с контрреволюцией.

В этот период в округах разгорелось крестьянское движение. Так, в Сальском округе эта борьба приняла грандиозные размеры. Отряды Гнилорыбова и Семилетова зверски расправлялись с восставшими. В одной только станице Платовской отряд Гнилорыбова расстрелял 365 человек. Против белогвардейцев

организуются красногвардейские отряды Думенко, Шелкоплясова и других. С отступлением из Сальского округа в Царицын красных войск, с ними ушло до 9/10 иногороднего населения.

В этот период на Дону, Кубани и в Ставрополье зародилась 1-я Конная Армия. Она созрела из партизанских крестьянских отрядов, боровшихся с добровольческой армией и контрреволюционными отрядами Гнилорыбова, Семилетова и других. Организаторами этих отрядов являлись: Буденный, Шивкопляс, Губарев, Никифоров, Думенко, Сердечный и многие другие. Отряды первоначально насчитывали в своих рядах 100—150 бойцов. Войдя в состав 10 армии, партизанские отряды, под руководством в полки, бригады, конный корпус и в 1 Конную Армию, во главе с Ворошиловым, Буденным и Шаденко.

На Кубани после занятия Екатеринодара красными войсками, был создан Военно-Революционный Комитет из представителей Екатеринодарского Ревокома, Юго-Восточной армии и Кубанского Ревкома. Председателем был избран Автономов, т. т. председателя — Кравченко и Ивницкий. Созванный 13 апреля (н. ст.) 2-й Областной Съезд Советов провозгласил Кубанскую область Советской Республикой, издал декрет по земельному вопросу о социализации земли, постановил выселить помещиков, уничтожил арендную плату и предоставил пользование землей беднейшему населению. Иногороднее население приступило к захвату земель, началась полоса кулацко-казачьих восстаний.

В это время на Кубань двигались отступавшие из Ростова, после поражения Каледина, отряды добровольческой армии. у станицы Калужской, близ Екатеринограда генералом Покровским и вместе с ним двинулись на Екатеринодар, насчитывая в своих отрядах 8—9 тысяч человек.

Наступление началось 10-го апреля (н. ст.). Рабочие Екатеринограда проявили исключительный героизм: отцы боролись, матери были сестрами милосердия, дети разносили патроны. Собравшийся в это время 2-й Областной Съезд Советов ночью

заседал, а днем с оружием защищал Екатеринодар. С 10 по 11 апреля белым удалось ворваться в город, но они были оттуда выбиты. 13 апреля (н. ст.) на ферме под Екатеринодаром разорвавшимся снарядом, был убит генерал Корнилов. Его смерть внесла дезорганизацию в ряды наступавших белогвардейцев, и белые с генералом Алексеевым, Марковым, Деникиным и членами государственной думы **Родзянко** и **Гучковым**, бежали обратно на границы Дона и здесь, при помощи немцев и Краснова, приступили к созданию армии.

Для борьбы с белогвардейцами, 1 мая 1918 года произошло слияние Кубани с Черноморской Республикой, объединившихся в Кубано-Черноморскую Советскую Республику, а затем была создана Северо-Кавказская Республика, в составе Черноморья, Кубани, Ставропольской губ. и Терека.

5—7 июля в Екатеринодаре состоялся 1-й Северо-Кавказский Съезд Советов, на котором по предложению т. Орджоникидзе была организована С.-К. Республика и избран ЦИК, в состав которого вошли: Рубин, Як. Полуян, Кудрявцев, Самарский, Мальцев и др.

Еще ранее был организован Чрезвычайный Штаб обороны Кубани и Черноморья, во главе которого был поставлен центральной властью т. Снесарев. Чрезвычайный Штаб Обороны Кубани и Черноморья сосредоточил войска у Батайска, где находились также украинские части, отступившие перед германской армией. В течение 3-х месяцев революционные войска сдерживали немецкую ландверскую дивизию.

Советскими силами командовал т. **Калнин**. В то время как главные советские силы находились под Батайском, против организовавшихся добровольческих отрядов оперировал, во главе небольших сил, Федько. Между тем, на Кубани началась полоса кулацких восстаний. На Таманском полуострове высадившиеся немецкие войска (**58-й Берлинский полк**) снабжали казачество оружием, против них сражались Таманская армия, возникшая из солдат кавказского фронта: иногородних и революционного

казачества. В то же время в самом Екатеринодаре выступили меньшевики и эсеры. Одновременно с этим, грузинские меньшевики повели наступление на Сухум и Сочи, а в конце июня оправившиеся добровольческие отряды предприняли наступление на Тихорецкую, с целью отрезать сражавшиеся на Батайском фронте войска от Царицына. 18 июля им удалось взять Тихорецкую. 10 августа белогвардейские отряды после ряда боев заняли Екатеринодар, а 26 августа — Новороссийск. Сменивший Калнина главком Сорокин оказал упорное сопротивление.

4 октября партийные советские органы были перенесены в Пятигорск, сюда же переехал и Штаб. Отрезанная Таманская армия вынуждена была с боем, в невероятно тяжелых условиях, отступать на Туапсе-Майкоп-Армавир.

Иное положение сложилось в Ставропольской Республике. Ставропольский Совнарком пользовался полной поддержкой крестьянства. Совнаркому удалось положить начало крестьянской армии, созданной из демобилизованных солдат и из ставропольского крестьянства. Однако, левые эсеры, во главе с председателем Исполкома Мещеряковым, организовали заговор и пытались взять власть в свои руки, арестовав председателя Совнаркома тов. Пономарева, но неудачно. В июле в Ставрополье вспыхнуло офицерское восстание, которое было подавлено.

Против надвигающейся со стороны добровольческой армии угрозы, также стихийно стали возникать партизанские отряды. Один из таких отрядов (тов. Шейхо) вначале состоял из 6-ти человек, а через 2 месяца вырос в значительную силу, насчитывая в своих рядах 750 сабель. Такие отряды существовали уже в марте 1918 г. В феврале 1918 года при отступлении разбитых добровольцев с Дона на Кубань в с. Лежанку, Ставропольской губ., фронтовики-солдаты оказали отряду упорное сопротивление, но добровольцы зверски расправлялись с разбитыми партизанами.

Когда 21 июля 1918 года Ставрополь был занят белыми (окончательно Ставрополь был занят ими позднее), в. с. Благодарном

возникает Уездное Военное совещание и объявляет мобилизацию. Партизанское движение охватывает всю Ставропольскую губ. (отряды Сергеева, Щербакова и др.), чуть ли не в каждом селе была своя армия. Из некоторых сел ушло партизанить почти все мужское население.

На Тереке национальный вопрос заслонял остальные вопросы. После неудачной попытки заключения союза с горскими верхами, казачество пыталось опереться на иногороднее крестьянство против горцев. Контрреволюционеры провоцировали пробиравшихся с кавказского фронта солдат. В Ингушетии, Чечне муллы и шейхи разжигали религиозный фанатизм. 22 мая в Грозном собралась 3-я сессия Народного Совета, поставившая ребром земельный вопрос, но казачество отказалось идти на уступки. Социалистический блок окончательно развалился: эсэры и меньшевики пошли за казачьей белогвардейской контрреволюцией. В Народный Совет были избраны: **Звягин, Щербаков, Касаев, Загородний** и др.

На смену национальным группировкам пришло классовое расслоение. Еще ранее, осетинское крестьянство, под руководством керменистов вступило в борьбу с кулаками и помещиками, а кабардинское крестьянство, во главе с коммунистом т. **Калмыковым** и др. захватывало помещичьи земли. Духовенство раскололось и демократическая часть его, во главе с муллой Кахтановым, пошла с крестьянством.

В период июнь-август на Тереке разгорается гражданская война. Во главе контрреволюции становится казачья секция Терского Народного Совета.

В августе банда под начальством Соколова и Беликова напала на Владикавказ и разогнала Терский Народный Совет. 12 дней город находился в их власти. Красноармейцы отступили в горы и лишь на 13-й день при помощи Ингушей город был очищен от белых. Эсеры и меньшевики были в лагере казачьей контрреволюции. В Моздоке было поднято эсэровско-белогвардейское восстание и организован «Терский Казачье — Крестьянский Совет», во главе

с полк. Бичераховым, куда вошли эсеры — Мерхалев и другие. Лишь в Ноябре Моздок был освобожден «Шариатской колонией», состоящей из мулл и эфенди, под командой тов. Мироненко. Одновременно казаками ст. Грозненской был осажден Грозный. Рабочие организовали Красную Гвардию и во главе с Гикало героически защищались 3 месяца — с 29 июля до 16 ноября. Лишь в ноябре на 5-й сессии Съезда Трудовых Народов Терской области, Конституция была изменена в соответствии с Конституцией РСФСР. Председателем Совнаркома был избран большевик тов. Буле и по отношению к контрреволюционерам Народный Совет занял решительную позицию.

В гражданской войне на Северном Кавказе пролетариат приобрел себе верных союзников в лице крестьянства, иногороднего населения и трудового казачества русских областей, а также крестьянства Кабарды, Осетии, Ингушетии и Чечни.

В августе 1918 года ингуши спасли Владикавказ; кабардинцы, осетины и ингуши ликвидировали моздокское правительство; чеченцы выдвинули из своей среды выдающегося революционера Асланбека Шерипова.

В великой революционной борьбе на Северном Кавказе особое значение имела XI армия, переименованная из Северо-Кавказской, в задачу которой входило соединение с X-й армией, находившейся в районе Маныча, и с XII-й — в Терской области. XI армия была образована 4 октября из Северо-Кавказской армии, председателем Рев. Воен. Совета XI-й армии являлся Як. Полуян. Уже в сентябре Армия представляла из себя плохо боеспособную массу, численность которой точно не была известна, линия фронта тоже. 28 октября Главком Сорокин арестовал членов ЦИК Северо-Кавказской Республики: Рубина, Крайнего, Дунаевского, Власова и по его приказанию, они были расстреляны под Машуком. Властолюбивый Сорокин давно мечтал о диктатуре, которую мешал ему осуществить ЦИК. Созванный 2-го ноября в Невиномысской (на участке тов. Кочергина) 2-й С.-К. Съезд Советов объявил Сорокина вне закона.

Сорокин пытался скрыться, но был арестован в Ставрополе тов. Ивницким и убит в Ставропольской тюрьме одним из своих командиров, Высленко.

Вследствие неудачных операций под Ставрополем, недостатка патронов, снарядов — база находилась в Царицыне, — измены главкома Сорокина и, наконец, тифа — армия таяла и теряла свою боеспособность. На помощь XII армии, но он был разбит у ст. Мекенской 4-го февраля (н. ст.). Реввоенсовет XI-й армии, выяснив, что XII-я армия не может придти на помощь, дал приказ об отступлении на Астрахань. За армией отступало 60 тыс. беженцев. 19-го января (н. ст.) Пятигорск был эвакуирован, а 20-го туда вошли добровольцы.

Лишь благодаря командующему XI-й армией т. Левандовскому, удалось спасти значительную часть армии, 80 орудий, 300 пулеметов и огромное количество винтовок.

Отступление через астраханские степи остатков XI-й армии является одной из трагических страниц революционной борьбы на Севером Кавказе. В борьбе за Советскую власть особенно отличилась также Таманская армия, отрезанная белыми на Таманском полуострове и с боем, в невероятно тяжелых условиях, пробившая себе дорогу. За бои под Ставрополем эта армия получила знамя ВЦИК. Героически боролась и «Стальная дивизия» во главе с т. Жлобой, прозванная так за свою стойкость.

Контрреволюция и борьба за освобождение Северного Кавказа. К концу января 1919 г., весь Северный Кавказ, был захлестнут волной контрреволюции. Белогвардейский поток катился с севера на юг, питаясь кулацко-казачьими восстаниями и меньшевистско-эсеровским предательством. Упираясь ногами в казачьи верхи, контрреволюция, головой упиралась в Антанту (Деникин), в германскую армию (Краснов), в турецкое командование (Нури-Бей). «Патриотизм» добровольческой армии питался деньгами Антанты, казачья «самостатийность» Краснова — «Всевеликое Войско Донское», — выросла под охраной немецкого ландвера.

Жалкая кубанская Рада, заключившая союз с Добровольческой армией, уподобилась медведю, который при дележе добычи получает от репы вершки, от гороха корешки, при чем роль умного мужика играл ген. Деникин. В кровавой Вандее союзники были за кулисами, лишь изредка показываясь оттуда, чтобы в нужный момент поддержать своих ставленников.

На Дону тотчас по взятии Новочеркасска «Круг спасения Дона», из представителей ближайших станиц, объявил самостоятельность Дона, под именем «Всевеликого Войска Донского». Атаманом был избран Краснов — ставленник немцев. Войсковой Круг на Дону служил послушным орудием в руках Краснова, пытавшегося заключить с Вильгельмом договор. Однако, донское казачество, а тем более крестьянство, далеко не склонно было сражаться, и на границах Дона, к концу Красновщины образовались значительные зеленые армии дезертиров.

16 августа (н. ст.) был взят белыми Екатеринодар и у власти стала Краевая Законодательная Рада, правительство и атаман. Для контрреволюционного казачества слово «иногородний», стало равнозначаще «большевику». Рада открыто проявляла ненависть к иногородним, которые были совершенно устранены от власти. В самой Раде член рады Толкунов требовал уничтожения иногородних. На Тереке в общем была та же картина.

Особенно упорное сопротивление Добровольческой Армии оказали горцы. Борьба горцев не затихала до конца белогвардейщины. Начало белогвардейщины ознаменовалось посылкой в горы карательных отрядов и местью горской бедноте со стороны князей и дворянства.

В Кабарде князь Серебряков и «правитель» Кабарды князь Бекович-Черкасский, огнем и мечом мстили кабардинскому и балкарскому крестьянству. В Осетии свирепствовали карательные отряды полковника **Икаева**, **Дорофеева**, ген. **Водбольского**, и «правителя» Осетии полковника **Хабаева**. В Дигории было разрушено до основания селение Христиановское, все имущество

и скот были разграблены казачьими и кабардинскими отрядами. Здесь погиб член ЦК партии «Кермен», **Георгий Цаголов**. В Ингушетии были сожжены карательными отрядами дотла аулы **Сурхохи и Экажево**, за отказ от мобилизации против красных войск. В Чечне было сожжено 22 аула. Чечня героически защищалась от добровольческого нашествия. Герой этой борьбы Асланбек Шерипов погиб. До окончательного укрепления советской власти, Чечня являлась непотухающим революционным вулканом. Борьба Чечни против добровольцев полна героическими эпизодами, напоминая времена Шамиля.

До февраля 1919 года на Северном Кавказе контрреволюция слагалась из следующих различных частей: Краснова, опиравшегося на германские штыки и очень мало на казачество; Горского Правительства в Дагестане, опиравшегося на турок, Кубанскую Раду на Кубани, пытавшуюся проявить самостоятельность Терского Войскового круга, и наконец, Деникина, как представителя помещичьей буржуазной контрреволюции, опиравшегося на союзников. К февралю 1919 года, звезда Краснова, с уходом германской армии, закатилась. Под давлением союзников, донским атаманом был избран **Богаевский** и Деникин превратился в Верховного Главнокомандующего Юго-России.

Главной силой контрреволюции на Северном Кавказе, являлась Добровольческая армия, зародившаяся в гор. Новочеркасске, созревшая на Кубани и распространившая свою власть на весь Юг России. Командование Добровольческой армии, получая щедрую помощь от союзников, тем не менее в первый период своего существования, получило орудия и снаряды из немецких складов. Под лозунгом «Единой Неделимой России», с гимном «боже царя храни», разнузданная белогвардейщина зверски расправляясь с восставшим населением, вешала, расстреливала и пытала. Началось восстановление дореволюционной России: насаждались губернаторы, полиция, даже газеты писали: «пал за веру, царя и отечество». 1/3 урожая, крестьяне должны были отдавать

помещикам. Деникина поддерживала Кубанская Рада, продававшая казачество иностранным капиталистам и помещикам, но казак отказался защищать помещиков и к концу деникинщины, кубанские казачьи полки уходили с фронта. Деникин и Рада посылали донцов расстреливать кубанцев. Деникин не церемонился с казачеством. И якобы, «за измену» повесил на Кубани, вождя федералистов-республиканцев, Калабухова.

К концу деникинщины выросло казачье повстанческое движение против добровольцев, или, как их называли, «кадетов».

Власть «кадетов» — добровольцев навсегда останется в памяти трудящихся Северного Кавказа, как кошмарное послесловие к завершенной истории царской России. Мощным напором Красной Армии и трудящихся Северного Кавказа добровольческая армия и связавшие с Деникиным свою судьбу казачьи верхи в 1920 году, были отброшены за пределы России.

Во время деникинщины в Чечне выросло своеобразное движение, направленное против Деникина. Шейх Узун-Хаджи, пользовавшийся в Дагестане и Чечне славой «святого», пытался объединить мусульман на основе шариата под зеленым знаменем Магомета и создать «Шариатскую монархию», под покровительством турецкого султана Магомета — Бахидина XI. Военным министром эмирства был бывший царский пристав князь Дышнинский. Разжигая религиозный фанатизм, Узун-Хаджи создал значительную военную силу и успешно боролся с Добровольческой армией. Он пытался подчинить себе и т. Гикало, но произошло обратное: «Шариатская монархия» развалилась и чеченцы пополняли отряд т. Гикало. Существовало партизанское движение и в Ингушетии, где в борьбу с Добровольческой армией было вовлечено несколько тысяч человек.

На Северном Кавказе, как мы видели, контрреволюция продвигалась с севера на юг. XI армия отступала в астраханские степи, часть красноармейских отрядов ушла в Грузию и там была разоружена, но в горах, куда скрылся ряд работников, горело пламя

революции до момента окончательного освобождения Северного Кавказа от деникинщины, опрокинутой в море мощным ударом Красной Армии. Деникин загнал революцию в подполье, но ни деникинская контрразведка, ни расстрелы, ни пытки, ни шомпола, ни виселицы не могли уничтожить работы ВКП, ушедшей в подполье. Под бдительным оком деникинской контрразведки, под угрозой виселиц и пыток, теряя лучших товарищей, ВКП собирала и организовывала трудящихся Северного Кавказа для последней борьбы.

Особого внимания заслуживает партизанское движение черноморских крестьян, уходивших в горы и получивших название «красно-зеленых». «Красно-зеленые» сыграли немаловажную роль в борьбе за освобождение Кубани и Черноморья от деникинщины: «зеленая армия» все время тревожила тыл белых, создавая постоянную угрозу их непрочному владычеству. Были там и красноармейцы, оставшиеся в горах, и рабочие Новороссийска и Краснодара. Во главе «красно-зеленой» армии стоял главный штаб, затем существовали районные штабы. В армии существовала твердая дисциплина, зеленоармейцы пользовались среди мирного населения Кубани и Черноморья симпатиями и поддержкой. Красно-зеленые во времена деникинщины были настоящими хозяевами побережья от Новороссийска до границы меньшевистской Грузии. Добровольческая армия пыталась бороться с зелеными, но безуспешно. В Сочинском районе карательный отряд, во главе с полковником **Петровым,** в селении Воронцовке, где образовался отряд партизан, расстрелял и повесил массу крестьян, оставив трупы висеть несколько дней. Другой отряд с полковником **Чайковским** ограбил и сжег селение Пластунку. Члены ВКП вели в «зеленой армии» политическую и организационную работу и руководили ее штабом.

«**Зеленая армия**» делала налеты на Новороссийск, где ей удалось захватить у милиции обмундирование и снаряжение и освободить из тюрьмы заключенных.

«Красно-зеленые» еще до прихода Красной армии заняли Сочи, Туапсе, Геленджик и, вместе с Красной Армией, вступили в Новороссийск. Захватив Сочи, «красно-зеленые» организовали флот из моторных лодок, которыми останавливали проходящие суда. Это движение пытались использовать эсэеры, создавшие «Комитет Освобождения Черноморья» (**КОЧ**), но крестьянство пошло за большевиками.

На Тереке революционным очагом служили горы, где, несмотря на зверства карательных отрядов революционное движение не затихало до момента занятия Терека Красной Армией. 1919 год на Тереке прошел под знаком партизанской борьбы. В горах действовали многочисленные партизанские отряды. В камышах точно так же оперировали довольно сильные отряды. Горцы оказали упорное сопротивление «галгаскам» — добровольцам, — и за это сопротивление палачи отвечали исключительной жестокостью.

В Чечне, в слободе Шатой, выросла из отряда тов. Гикало грозная революционная сила. Свою революционную борьбу отряд гикаловцев начал с одной горной пушкой — «**сискал-карабином**» («курузный чурек» — эта пушка стоит сейчас на Гикаловской площади в гор. Грозном). В начале отряд тов. Гикало насчитывал в своих рядах 60 человек при 13 винтовках и 2 пулеметах и отряд кабардинцев 200 человек, а в начале 1920 г. — до 800 штыков, 35 конных и 12-ти пулеметов. В отряде тов. Гикало были красноармейцы, сюда же стекались чеченцы и кабардинцы, спасаясь от преследований карательных отрядов и мести помещиков.

В начале 1920 года организуется штаб терской группы Красных повстанческих войск, которому подчинились все действовавшие в Терской области отряды. Штаб пользовался большим доверием среди чеченцев и имел даже кредит разных лиц, задолжав им до 10-ти милл. рублей «романовскими». В отряде имелась коммунистическая организация и велась политическая работа. В Кабарде, Ингушетии и Осетии были созданы подчиненные штабу ревкомы, при чем командиром ингушской Красной Армии был тов.

Гулиев. Отряд т. Гикало вел большую работу по организации чеченской бедноты, подготовляя ее к активному выступлению.

Деникину сначала посчастливилось. Захватив Царицын и Харьков в конце 1919 года, он отдает приказ войскам идти на Москву. В октябре он занимает Воронеж, Орел, Чернигов и Киев. К этому времени его армия состоит из 80000 штыков, 30000 сабель, 1500 пулеметов и 400 орудий. Но момент расцвета деникинщины был в то же время и началом ее конца. 14 октября инициатива переходит в наши руки. Разгром Буденным корпусов Шкуро и Мамонтова и захват Воронежа и Касторной, заставили Добровольческую армию отступить. Красная армия преследует белых. 15 декабря Красная армия занимает Богучар, 30-го — ст. Каменскую. Армия Деникина покатилась на юг. Разногласия между Деникиным и Кубанской Радой повлекли за собой уход с фронта кубанских частей. Под влиянием побед Красной Армии и в силу целого ряда причин, о которых мы говорили раньше, деникинский тыл начинает разлагаться. 7-го января 1920 года Красная армия заняла Новочеркасск, 8-го января 1920 года конница т. Буденного, переброшенная с Донбасса и Азовского моря, заняла Ростов н-Д. Вместе с конницей Буденного здесь боролась и 13-я Кубанская дивизия под командой т. Левандовского.

Одновременно с наступлением на Ростов развиваются операции и на Волге. После взятия Царицына, а затем Сарепты (8 января 1920 г.), ведутся операции по линии железной дороги Царицын — Тихорецкая. 2-го марта Красная Армия заняла Батайск — под Ростовом — 9-го марта Тихорецкую. Добровольческая армия бежала по трем направлениям: Екатеринодар — Новороссийск, Майкоп — Туапсе и по Владикавказской жел. дор. — в Терскую область. 17 марта 22-я дивизия и конный корпус т. Жлобы заняли Екатеринодар, который стал Краснодаром. Белые в панике отступили в Новороссийск. В то время, как с одного конца города отступали белые, следом за ними, с другого конца города, входили красные части. В Екатеринодаре было взято в плен 27 тыс. солдат и 9 тыс.

офицеров. 22 марта Красная армия заняла Майкоп, а в ночь с 26 на 27 марта Новороссийск, где было захвачено 20 тысяч солдат и 2 тыс. офицеров. Отступление Добровольческой армии носило характер панического бегства.

В марте 1920 года на Северном Кавказе была восстановлена Советская власть. Но контрреволюция не раз пыталась снова поднять голову. 14 августа 1920 года Врангель, принявший от Деникина командование Добровольческой армией, высадил десант на берегу Азовского моря, в районе Ахтари, южнее Ейска. 18 августа он занял узловую станцию Тимашевскую. Но население Кубани не оказало ему поддержки, на которую он рассчитывал и, после боев, 27 августа белые стали отступать, а 5-го сентября десант погрузился на суда. Подобные же высадки десанта были и на Черноморском побережье. Однако, эти отрыжки белогвардейщины не нашли в казачестве отклика. Впоследствии повстанческое движение выродилось в уголовный бандитизм, утратив свой политический характер. Трудящиеся Северного Кавказа, героически боровшиеся за Советскую власть, получили, наконец, возможность приступить к мирному строительству.

Северо-Кавказский Край к десятилетию Октябрьской революции. Северо-Кавказский Край в эпоху царизма был основан на экономическом порабощении и национальном угнетении горцев и сословной вражде казачества и иногородних. Во время белогвардейщины казачьи верхи, горские князья и дворяне и иногородняя буржуазия не раз пытались объединить область и губернии нынешнего Северного Кавказа — в 1917 г. Юго-Восточный союз, в 1918 г. — Дон-Кавказский союз, в 1919 г. — Юго-Восточный союз. Но все эти попытки не увенчались успехом, потому что в основу объединения было положено экономическое порабощение горцев и иногородних, национальное угнетение и сословная вражда, которые существовали и при царизме. Лишь Советская власть могла объединить народы Северного Кавказа, трудовое казачество и иногородних под одной советской крышей.

На первом съезде Советов Северного Кавказа тов. Рыков сказал: «Мы должны создать такое положение, чтобы все народности жили, как вполне равноправные со всеми остальными народностями Союза: ни одна народность не может пользоваться преимуществами перед другой. Этого можно добиться только в том случае, если будет создано такого рода краевое управление, которое включило бы в себя все эти разноименные народности и имело бы экономическую базу для экономического роста, для восстановления хозяйства, для помощи наиболее отсталым, наиболее бедным, наиболее темным и угнетенным во времена царизма, народам. Именно для этого мы и организовали «Краевое Правительство Северного Кавказа».

Вопрос о самоопределении народностей разрешен в Крае путем образования автономных областей, состоящих или из одного народа (например, Чечня) или из двух и более (например, Кабардино-Балкарская автономная область). Наиболее угнетенные при царизме горцы имеют право на наибольшее внимание и помощь в деле культурного подъема. Здесь мы имеем огромные достижения. В 1908—12 г. г. в низших школах училось 3725 горцев, средних — 1536, в профессиональных и технических — 44 горца, а в 1924—25 году в низших школах 32430 детей, в средних — 4654, а в профессиональных и технических — 1219. Горцы имеют свое печатное слово, книги и газеты на родном языке. Ширится в глухих уголках Северного Кавказа рабселькоровское движение. Растет и культурная горская молодежь. Так, в 1924—25 году в Совпартшколах обучалось 500 горцев, в ВУЗ′ах до 600 человек, на Рабфаках до 367 человек. Горцев-комсомольцев насчитывается до 15000. Горянка из рабыни превратилась в равноправного члена общества, умирают отживающие адаты, ослабевает кровная месть, этот кровавый пережиток прошлого, и чем ярче горит светочь культуры, тем скорее угасает религиозный фанатизм.

Втянутое в контрреволюцию казачество Северного Кавказа долгое время недоверчиво относилось к Советской власти.

Но гражданская война многому научила рядовое трудовое казачество. Преданное своими белогвардейскими вождями казачество. Преданное своими белогвардейскими вождями казачество поняло, что оно было жестоко обмануто и служило пушечным мясом для отечественных и иностранных капиталистов. Но Советская власть не мстит за ошибки. На 1-ом Съезде Советов Северного Кавказа тов. Рыков сказал: «Я думаю, что настоящий Областной Съезд Советов должен явиться гранью в истории Северо-Кавказского Края, после которой должны быть забыты все старые ссоры, старые обиды. Значительные группы населения и отдельные лица убедились в том, что они сделали ошибку, когда восстали против нас, они глубоко раскаялись и на протяжении последнего времени доказали своей работой, своим отношением к рабоче-крестьянской власти свою преданность Советам».

Советская власть не допустит угнетения иногородних казачеством, но она не допустит и такого положения, при котором иногородние разжигали бы сословную вражду. Казаки и иногородние пользуются одинаковыми правами, никакая группа населения не имеет преимуществ перед другой группой. Партия и Советская власть внимательно относятся к бытовым особенностям казачества (одежда, обычаи и проч.). Любовь казака к коню, привычка отбывать военную службу со своим конем, поощряется Советскою властью на Кубани и на Тереке создана территориальная кавалерийская дивизия.

Когда-то казачество образовалось из крестьян, бежавших от помещичьего гнета и царских батогов, но царизм, поработив казачество, превратил его в слепое орудие завоевательной политики на Кавказе и употреблял его для усмирения революционного движения. Октябрьская революция вернула казачество к крестьянству, от которого казачество было оторвано. На 3-й Сев. Кав. Партийной Конференции тов. Микоян сказал: «Мы должны убедить и иногороднего и казака, что они рука об руку, в тесном союзе должны идти к той цели, к какой идет рабочий класс.

Мы уже говорили о том, что казачье землей владение препятствовало экономическому развитию Края и служило главной причиной обострения национальной и сословной вражды. Национализация земли, признание за иногородним равного с казачеством права на пользование землей и справедливое разрешение больных вопросов между казачеством и горцами, обреченными царским правительством на вымирание, все это создало условия для подъема сельского хозяйства. Советская власть вырвала с корнем главную причину сословной и национальной розни, уничтожив отжившее и препятствующее экономическому развитию Края казачье землевладение. Вместе с тем в руки трудящихся на Северном Кавказе перешли 3065080 десятин частновладельческой земли и общая площадь трудового землепользования возросла на 8,9 проц., а по отдельным округам до 70 проц. (Донецкий округ).

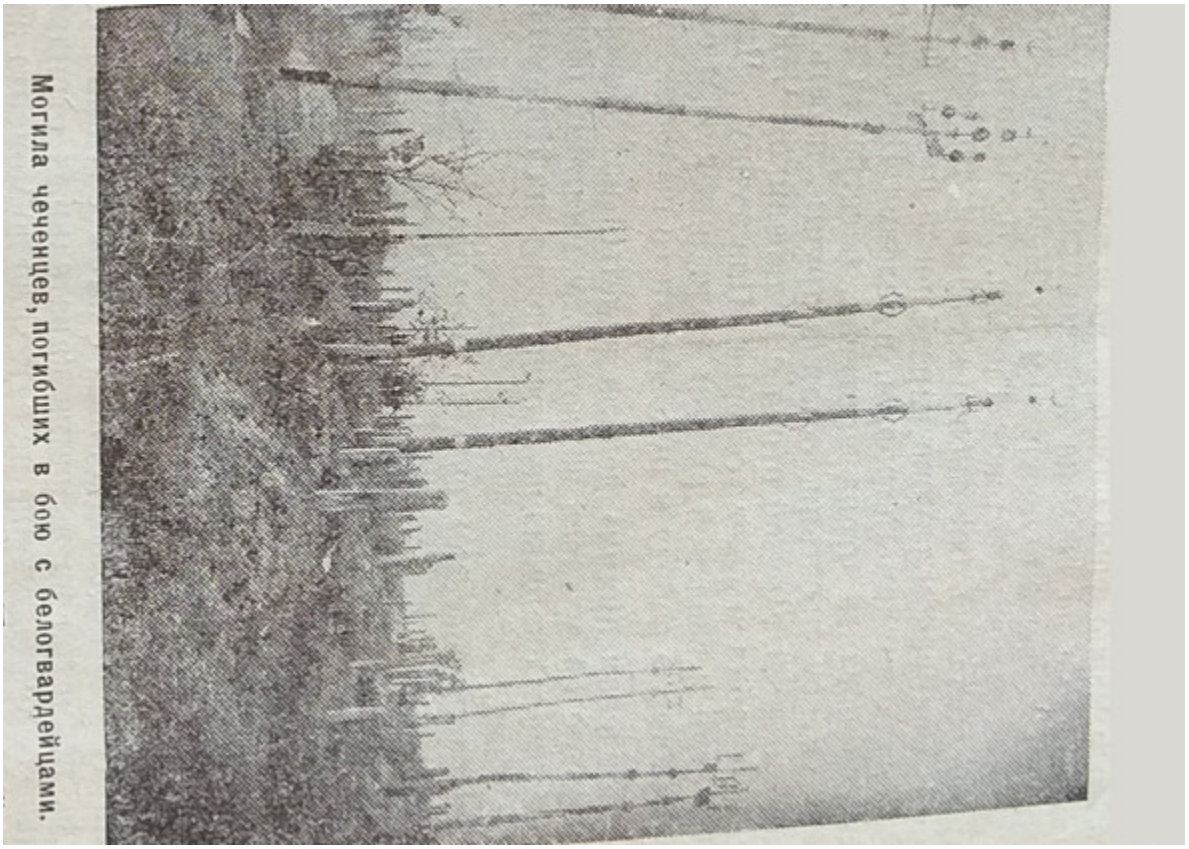
Значительно возросла площадь трудового землепользования за счет частновладельческих земель в национальных областях: в Кабардино-Балкарской области на 28,7 проц., в б. Карачаево-Черкесской на 22,8 процентов.

Северный Кавказ пострадал от гражданской войны значительно больше других частей СССР, неурожай 1921 г. точно также подорвал сельское хозяйство, поэтому и восстановление сельского хозяйства протекает здесь медленнее. В 1926 году посевная площадь достигла на Северном Кавказе до 80 проц. довоенной, количество скота — 67,5 проц., а валовая продукция, т. е. стоимость того, что производит сельское хозяйство Края, достигло 75 проц. довоенной. Государство оказало населению значительную помощь. Например, после неурожая 1921 года семенной ссуды выдано 17,8 проц. мил. Пудов, ссуд на сохранение скота 1877000 рублей и на общественные мелиоративные работы 2658000 рублей.

Кредит, сельско-хозяйственная кооперация всех видов, землеустройство, тракторизация и агрономическая помощь, все это переводит сельское хозяйство Северного Кавказа на новые рельсы

и делает его более доходным и выгодным для хлебороба, а также более культурным. «Мы идем и должны будем идти к обновленному социалистическому сельскому хозяйству», — сказал на 3-й Партийной Конференции Северного Кавказа тов. Микоян.

Наряду с сельским хозяйством растет и промышленность Края. В 1926 году общая продукция промышленности возросла по сравнению с довоенной на 32 процентов. Растет численность пролетариата: с 1924 по 1926 год количество рабочих промышленности и жел. дороги возросло с 170 до 239 тыс. Только через индустриализацию нашего хозяйства, в тесном союзе с крестьянством, а на Северном Кавказе, кроме того, с трудовым казачеством, горским пастухом и земледельцем, мы придем к социализму.

Могила чеченцев, погибших в бою с белогвардейцами.

Вожди революционного казачества
т.т. Подтолков и Кривошлыков перед казнью.

«СЕВЕРО-КАВКАЗСКИЙ НАСТОЛЬНЫЙ КАЛЕНДАРЬ НА 1928 ГОД» ЖУРНАЛ

Горцы Северного Кавказа. (Краткий этнографический очерк).

Стр. 70 …Главным горным хребтом Кавказ делится на две части: Северный Кавказ и Южный Кавказ — или Закавказье. В Закавказьи живут грузины, имеретинцы, армяне, тюрки, аджарцы, абхазцы и много других племен. На Северном Кавказе живут: аварцы, казикумукцы, лезгины, те же тюрки, народности входящие в состав Дагестанской ССР, а также чеченцы, ингуши, хевсуры, осетины, русские, кабардинцы, балкарцы, карачаевцы, адыге, черкесы, абазинцы, абадзехи, шапсуги, ногайцы, туркмены и проч., составляющие ныне или автономные образования или округа, или районы, входящие в состав нашего Северо-Кавказского Края.

Когда пришли эти народности на Северный Кавказ, еще достоверно неизвестно, но за исключением русских, явившихся

позднее других, все остальные народности Края живут здесь столетиями и тысячелетиями. Они когда-то из себя представляли большие и сильные народности, но благодаря географическому положению Кавказа, беспрерывным потокам новых поселенцев и соседей, часто очень сильных, как например, русских, турки, татары, эти некогда мощные кавказские народы-туземцы постепенно начали вырождаться и ослабевать. Этому обстоятельству особенно сильно способствовала царская Россия, Турция и, отчасти, крымские ханы.

Русские князья еще с 10-го века устремили хищнический взгляд на Кавказ, с его богатыми природными богатствами. Кроме того, царской России необходимо было проложить торговый путь к Востоку: в Персию, Закавказье, Туркестан и пр.

Завоевание горцев (торговое, экономическое и политическое) со стороны русских совершалось различными приемами, начиная установлением семейных связей русских влиятельных особ и кончая хищнической войной. Так, уже великий князь Ярославль Киевский в 1029 году женился на «ясыне» (осетинке), в 1116 году Ярополк (сын Владимира Мономаха) также женился на дочери кабардинского князя Темрюка.

Но в то же время, почти с 965 года по 1880 год, царская Россия то переставая, то усиливая, покоряла кавказских горцев. Правда, за это время среди горцев появлялись и такие вожди, которым удавалось отчасти объединить горцев для совместной борьбы с русским царизмом: **имам Шамиль, его эмиссар — Магомет-Амин, ставленник Турции Сефербей-Зан** и многие другие. Но это была временная отсрочка.

Для более успешного «усмирения» кавказских горцев, царская Россия пользовалась, как сказано выше, всякими приемами: Россия среди горцев насаждала сословные группы (дворянство, чиновничество), главным образом — среди кабардинцев. Наделяла привилегированные группы землями и навязывала им «институт православия» и пр.

Она настаивала одно горское племя на другое и, таким образом, распыляла силы горцев. Наконец, просто посылала большие войска против горцев, громила их, сносила с лица земли их аулы и даже изгоняла за пределы Кавказа, как это было с адыгами-черкесами, которые с 1864 года в большинстве своем переселились в Турцию.

Благодаря силе, царская Россия до некоторой степени покорила (усмирила силой) горцев. В 1826 году генерал **Абхази** покорил северных осетин; а в 1832 году — южных осетин (проживающих в Закавказьи); в 1552 году Кабарда впервые вошла в состав царской России, впоследствии часто от нее получая помощь против других горцев, еще не покоренных.

Вместе с тем царская Россия, для окончательного усмирения кавказских горцев широко поставила переселение казаков на земли, ранее находившиеся у горцев. Так, например, в 1590 году на Терек были переселены т. н. «терские казаки»; в 1792 году на Кубань было переселено «черноморское войско» из-за реки Буг; в 1795 году туда же было переселено 1000 дворов донских казаков; в 1809—11 и в 1821—25 годах на Кубань были переселены крестьяне из полтавской и Черниговской губерний.

Горское население Северного Кавказавесьма своеобразно по племенному составу и по языку. Быт и уклад их жизни не так уже резко разнится друг от друга, так как исторические и географические условия, почти для всех их одинаковые, выработали в них много общего; почти одинаково воззрение на жизнь, почти одинаковые обычаи.

Кроме того, мусульманство, которое исповедуют все горцы, за исключением незначительной части осетин, наложило на их нравы и обычаи общий определенный отпечаток. Сходство это, впрочем, не настолько исчерпывающее, чтобы каждая народность потеряла своеобразие. И потому обычаи одних горцев иногда отличаются от обычаев других. Благодаря тому, что горцы своими врагами были с равнин загнаны в горные ущелья, куда не проникала никакая культура, они в культурном отношении очень отстали; даже

сейчас, когда среди них ведется усиленная ликвидация безграмотности, процент грамотности горцев в некоторых областях доходит не свыше 7 процентов.

Благодаря такой оторванности от культуры, горцы до настоящего времени частично сохранили свою первобытную культуру, которая начала изменяться коренным образом только с Октябрьской революции и под ее действием; с этого времени горские народы наравне с другими народностями Советского Союза получили возможность самоопределиться, устраивать свою культуру, улучшать свое хозяйство, создавать промышленность.

Горские народы Северного Кавказа, в целях их скорейшего политического, культурного и экономического развития, прежде всего в административном отношении выделены в особые автономные области, округа и районы. Чеченцы образуют Чеченскую автономную область, осетины — Северо-Осетинскую автономную область; ингуши — Ингушскую автономную область; кабардинцы с балкарцами — Кабардино-Балкарскую автономную область; черкесы — Черкесский автономный округ; адыги — Адыгейскую автономную область; шапсуги — Шапсугский район, входящий в состав Черноморского округа Северо-Кавказского Края, а туркмены особым районом входят в состав Ставропольского округа.

«ШЕСТЬ ЛЕТ» — 1921/1927 Н. ВАСИЛЬЕВ. ГРОЗНЫЙ. 1927

К объединению с большевиками.

Стр. 7... Шейх из селения Гойты **Ибрагим-Хаджи** одним из первых почувствовал революционное настроение масс, поддержав предложения Асланбека Шерипова, он также побуждал население к посылке делегатов на Владикавказский съезд. **Палавандашвили** гойтинцы отвезли в гор. Грозный, где он связался с организацией, и затем отправили его обратно в Грузию. Его приезд и разъяснения

убедили чеченцев в необходимости объединения с русским населением для совместной борьбы с зашевелившимся уже тогда контр-революционным казачеством.

Ибрагим-Хаджи еще настойчивее стал агитировать за объединение с грозненцами, и на конец, из селения Гойты были посланы в город Грозный представители для переговоров. Гойтинцы выделили из своей среды 13 делегатов на Грозненский съезд советов.

Съезды. Социал-революционеры, желая закрепить свое влияние на население, созвали в Моздоке съезд народных представителей. Но эти представители фактически никого не представляли, и съезд был перенесен в Пятигорск. Но и там дело не ладилось. Чечня представляла из себя слишком крупную единицу, чтобы ее можно было оставить в стороне. Казачество держалось двусмысленной политики, стараясь натравить большевиков на чеченцев и наоборот, обещая поддержку и тем и другим. Оно надеялось под шумок захватить власть в свои руки. Съезд был перенесен в Грозный.

Объединение с грозненцами. Чтобы устранить, наконец, вмешательство буржуазии и переговоры, гойтинцы решили послать с делегацией шариатский полк (гойтинскую самооборону). Видя такую внушительную силу, буржуазия уже не решились вмешаться, и переговоры закончились успешно. Гойтинцы выделили из своей среды 13 делегатов на Грозненский съезд советов, а шариатский полк в составе 519 чел. Влился в отряд тов. Гикало, переименовались в Гойтинский отряд Красной армии.

Этот поступок гойтинцев вызвал среди населения других аулов, находившейся целиком под влиянием духовенства и зажиточных, бурю негодования. Гойтинцы стали считаться «выродками», нарушившими обычай и даже шариат.

Меджилис. В скором времени после организации отряда Красной армии, из незадолго до того расколовшегося Атагинского совета, имевшего в своем составе духовенство, буржуазию, интеллигенцию и революционные элементы, выделились его

революционная часть. В сел. Гойты образовался Гойтинской народный совет (меджилис).

Грамотных людей для работы в совете не было. Единственным способным человеком, могущим выполнить эту работу, был **Таштемир Эльдерханов**, не имевший, однако, оформленных большевистских взглядов. И он был приглашен на эту работу.

С организацией Совета совпал приезд из центра тов. Шляпникова. Своими советами он много помог организации Совета и направлению его работы. Под руководством тов. Шляпникова была организована чеченская народная милиция. Связавшись с грозненской организацией, тов. **Шляпников** был отправлен гойтинцами в направлении Пятигорска.

Подготовка к борьбе. В то время, когда в соседних областях шло усиленное укрепление революционных завоеваний, наиболее культурно-отсталая Чечня еще находилась в большинстве под влиянием мулл и националистических чувств. Но будущая коммунистическая организация уже намечалась: начала пробуждаться чеченская молодежь. Она острее воспринимала ход событий и сильнее чувствовало влечение к революционной борьбе, чем старики.

Выразителем мыслей молодежи Асаланбек Шерипов, питавший в воззвании к трудовым чеченцам:

«Проснитесь, все честные чеченцы! Наши предки гибли за эту свободу и землю, которую теперь продают шейхи и муллы и все чеченские богачи. За эту свободу, за землю вы все должны восстать, как один человек. Не должно быть партий и их главарей — шейхов, а должен быть единый трудовой чеченский народ. И тогда вы защитите свободу, власть и завоюете землю. Мы, молодежь, верим в то, что еще не погибли в Чечне герои и борцы за народную свободу. Все, что здесь пишется, сознается народом, чувствуется, думается, но никто не смеет говорить и действовать. Будьте же смелы: ведь, все в руках народа. Только поймите друг друга, объединитесь, — и тогда вам никто не будет страшен. Мы верим в то,

что народ проснется — он уже просыпается, — возьмем в свои руки власть и сами будем творить свою жизнь. И восставший народ, вопреки злой воле — темной воле шейхов и мулл-должен защитить народную власть — ту власть, которая дает вам землю и волю. На нашей стороне есть вера и любовь — вера в торжество правого дела, в разум чеченского народа и любовь к свободе!»

Нарождающаяся революционная сила — чеченская молодежь стремилась к совместным действиям с грозненскими организациями.

Стодневный бой. Хорошо вооруженная станица Грозненская, охваченная контрреволюционными настроениями, создавала все большую угрозу рабочей большевистской организации г. Грозного. Казаки открыто становились на сторону реакционеров и старались спровоцировать чеченцев на разрыв с большевиками. Между тем и в отряде тов. Гикало и в Гойтинском отряде ощущался большой недостаток оружия и патрон. Революционно-настроенное чеченское население закупало оружие и патроны и отправляло в Грозный отрядам.

Отступление. В конце 1918 оттуда, где шли бои с наседающей белогвардейщиной, шли тревожные вести. К врагу внешнему присоединился и враг внутренний — **Тиф**. XI-я армия упорно отбивалась от белогвардейцев, но тиф косил бойцов, — и красные войска отступали все дальше и дальше. Угроза нападения белогвардейцев на Грозный становились все более реальной. Красные части отступили к Кизляру и двинулись дальше, в пески.

В конце января 1919 года в Грозном были получены известия готовящемся серьезном наступлении белогвардейцев на Грозный. Пошли слухи, что они думают бросить на этот участок крупные силы. Гикало в это время был во Владикавказе.

Между тем Асланбек Шерипов получил от разведчиков донесения о незначительство сил противника и настаивал на защите города, надеясь отбить белогвардейцев. Но замещавший тов. Гикало, тов. Пиллер решил отступить и повести отряд на соединение с владикавказскими партизанами. Забрав из казначейства деньги,

Гикаловской отряд **3 февраля 1919** года оставил Грозный. Гойтинский отряд вместе с Шериповым, проводив гикаловцев, ушел в Гойты. Город был занят белыми.

Невдалеке от аула Ачхой-Мартан на гикаловцев напали чеченцы, окружили их и стали грабить. О сопротивлении нечего было и помышлять, так как силы были слишком неравны.

Партизаны **Мордовцев и Самбиев** прискакали в с. Гойты за поддержкой. Гойтикский молодняк поскакал на выручку, но было уже поздно. Весь обоз отряда был разграблен, а бойцы обезоружены и раздеты. Все же отряд успел спасти тов. Пиллера и присоединившегося по дороге к отряду тов. Гикало. Они также были обезоружены и раздеты. Их свезли сначала в селение Гехи, а затем уже они перебрались в сел. Гойты. Туда же понемногу сошлись и уцелевшие партизаны в числе около 700 чел. Гойтинцы всех их приютили, и это селение стало базой революционного движения в Чечне.

В Гойтинский Народный Совет приехала делегация Горского правительства, с предложением чеченцам войти в состав организованного ими Горского государства на Кавказе. Ставка этого правительства находилась в гор. Темир-Хан-Шуре. Но гойтинцы, отлично понимая, к чему может повести согласие на предложение делегации, наотрез отказались. Делегация уехала ни с чем.

Травля гойтинцев. Белогвардейцы, закрепившиеся в Грозном, потребовали от чеченцев выдачи им большевиков. К этому требованию присоединились и чеченские духовенство и кулачество. Урус-мартановцы послушались и выдали красноармейцев, но гойтинцы отказались выполнить это требование.

Тогда «отцы духовные», совместно с кулачеством, повели против гойтинцев и руководившего ими Ибрагима-Хаджи даже был проклят ими, как изменивший, по их мнению, шариату. И все же, несмотря ни на что, гойтинцы не согласились на предательство. Взбешенное духовенство, пославшее своих делегатов в Грозный

на белогвардейский съезд, совместно с казаками вынесло постановление об уничтожении этого революционного аула.

Первые комсомольцы. Тем временем жившие в селения Гойты партизаны занялись организацией гойтинской молодежи. В последних числах февраля ими был организован кружок молодежи, в который вошли т. т. **Мидаев Даша, Ибрагимов Аббас, Шуаипов Аюб, Макуев Сулейман, Цокаев Халид, Гарбиев Ахмат и Хузаев Алаудин.** Руководил этим кружком т. **Порванецкий**, который простым, понятным языком объяснил этим пионером комсомольского движения в Чечне задачи Советской власти, компартии и молодежи. Он объяснил им стремления белогвардейщины, способы борьбы с ней, разъяснял все возникающие у них вопросы и приучал их крегулярному и правильному проведению собраний.

И эти беседы явились первыми семенами комсомольского посева. Они разбудили дремавший ум чеченского молодняка и заставляли молодежь внимательней присматриваться к окружающему.

Гойтинский бой. Озлобление белогвардейцев их чеченских сторонников против гойтинцев достигло высшего предела. Видя их непоколебимую твердость, белогвардейцырешили силой оружия принудить гойтинцев к выдаче партизан.

Рано утром 7 марта сильный казачий отряд с артиллерией и пулеметами занял вырытые гойтинцами, но не охранявшиеся, окопы. Гойтинцы зашевелились, красноармейцы встали у пулеметов, и бой начался.

У гойтинцев чувствовался недостаток патронов, но все же несколько атак белогвардейщины было отбито. Наконец, казаки заняли северную часть селения. Схватки начались на улицах.

Знаю, какую вражду посеяли между ними и другими аулами кулачество и духовенство, гойтинцы ни от кого не ожидали помощи. И все же они ни на минуту не поколебались, решив во что бы то ни стало дать отпор казакам и спасти партизан.

В критический момент на помощь гойтинцам беднота соседних аулов, узнавшая о неравном бое. Подкрепление подошло с оружием и патронами. Это решило исход боя, и казаки были разбиты. Они спешно отступили, понеся большие потеря и оставив в руках гойтинцев два пулемета.

Добровольческое командование растерялось. Отчаянная самозащита гойтицев, а в особенности помощь им соседних аулов, явилась для белогвардейцев полной неожиданностью. Это ясно видно из приказа генерала **Шатова**, аулам Алхан-Юрт, Гехи, Урус-Мартан, Атаги и Чечен-Аул:

«Сегодня по приказанию начальства я предпринял наступление на аул Гойты для захвата скрывшихся там большевиков и для ликвидации там большевиков и для ликвидации там большевизма, в районе, близком от частей добровольческой армии. Наступление это велось с ведома и одобрения Горского правительства, причем в нем должны были принять участие Дагестана и чеченских полков. Мною были даны предупреждения в некоторые аулы, что я вовсе не веду борьбу с чеченским народом, что я доказал, проходя мимо попутных аулов и даже не оставляя никакой охраны, тем им свое доверие. Вместе с тем, имея под своей командой многочисленные части терских казаков и зная обостренные отношения чеченцев с ними, я не взял с собой ни одного терского казака. Однако, доверие мое оказалось ошибочным. Все окрестные аулы поднялись против меня и стали нападать на меня со всех сторон. Аул же Алхан-Юрт, который я мог снести со своего пути, напал на моих отдельных людей, которые были ограблены и убиты. Все это показывает, на сколько чеченский народ не уяснил себе задачи добровольческой армии, которая не ищет покорения народов, а цель ее — бороться с большевизмом. Если чеченский народ не хочет одуматься и если сел. Гойты, северную часть которого я сегодня занял, не пришлет своих представителей для принятия моих условий по выдаче большевиков и других, то я буду принужден действовать уже не так слабо, как сегодня, а беспощадно карать всякое сопротивление мне.

Сегодняшний день я выеду в Грозный, где буду ждать немедленно прибытия представителей от аулов. Надеюсь, что народ одумается и не заставит меня принять меры, которых я сам бы не хотел».

Отправка партизан

Победа над белогвардейцами не вскружила гойтинцам голов. Они предвидели неизбежное подавление их белогвардейской ордой. Пользуясь временным затишьем, они стали по двое — по трое переправлять партизан в горные аулы к своим знаковым. Отправка производилась по ночам, необходимо было соблюдать всяческие предосторожности. И все же в короткий промежуток времени все партизаны были переправлены в безопасные места. Тов. Гикалобыл отправлен в сел. Шатой.

С отъездом партизан руководить кружком молодежи стало некому, сами члены кружка еще не успели достаточно подготовиться, — и кружок распался. Снова молодежь находила применение своей энергии лишь в помощи старшим, осуществляя их связь с партизанами.

Первые бои. Неудача под аулом Гойты до последней степени озлобила белогвардейцев. Чечня, так неожиданно давшая им отпор, стояла на их пути к Дагестану. И белогвардейцы всей своей тяжестью обрушились на Чечню. Подтянув силы, добровольцы, 26 марта широким фронтом пошли в наступление.

Тогда на защиту поднялась вся Чечня. На помощь плоскостным аулам, на которые был направлен удар противника, двинулось население горных аулов. Организовался штаб руководства чеченскими отрядами. Дравшийся там Асланбек Шерипов в это время писал тов. Гикало:

«Тов. Гикало! Главари чеченцев, собравшихся в Алхан-Юрте, просят вас прибыть возможно скорее сюда. Они организовались в штабе и хотят просит вас помочь им своими советами и указаниями. Я прибыл сегодня, говорил в организации, — все прошло великолепно, меня встретили даже „салатом“. Важно то, что я теперь могу все-таки работать. Со мною прибыли горцы, прибудут

еще. Здесь собралось очень много людей. В Ханкальском ущельи тоже много чеченцев. Общее настроение — наступательное. Прибудьте непременно. Возьмите с собой еще охрану. Привет, **Асланбек Шерипов**».

Главные свои силы добровольцы бросили по линии железной дороги и на сел. Алхан-Юрт. Этот аул загораживал дорогу вглубь Чечни. Добровольческая тяжелая артиллерия три дня молотила аул. Трижды белогвардейцы бросались в атаку, но каждый раз отступали, неся большие потери. Та же картина была и по линии железной дороги.

Лишь ни исходе третьего дня добровальцам удалось прорвать фронт под Алхан-Юртом. Этот аул, и без того разбитый артиллерийским обстрелом, был сожжен. Та же учать постигла и другие, попавшие на пути белогвардейщины, аулы.

Сейчас же из щелей повылезли «**спасители**» народа — контр-революционеры Алиевы, Чуликовы. Они уже сторговывались с «победоносными» генералами. Чеченцы вынуждены были принять условия остались впоследствии только на бумаге. В это время подчинились добровольцам и непокорные гойтинцы: партизаны были вне опасности.

Под властью белых. Разгул «завоевателей» особенно ярко выявился в поведении белогвардейцев в селение Гойты, как первом ауле, оказавшем сопротивление их силе. Вскоре же после подчинения гойтинцев в аул приехал правитель Чечни генерал-от-артиллерии Ирисхан Алиев (впоследствии расстрелянный ВЧК).он привел с собой сотню казаков, которым и приказал согнать сход и окружить его кольцом. Когда все было готово, ***Алиев обратился к населению с речью на русском языке, хотя сам был чеченцем.*** Он требовал от населения беспрекословного подчиняя правительству Единой России искоренения большевизма. Сначала он говорил ласково, а затем перешел на угрозы, так как увидел мрачное молчание оскорбленного населения.

От имени схода ему ответил **Хузаев Эдилсолтан**, командовавший сотней Гойтинского отряда Красной армии. Он упрекнул Алиева за русскую речь, как могущего говорить по-чеченски, и заметил, что одну из хороших сторон Единой Неделимой генерал показал им сгоном схода и окружением его казаками. Сход бурно выражал одобрение речи Хузаева. Видя такое настроение население, Алиев не решился даже не арест Хузаева и уехал ни с чем.

Через три дня приехал в Гойты с отрядом солдат и сотней казаков полковник Олейников. Во время его проезда по аулу красноармеец-боец **Хамид Жамулханов** не встал, за что был арестован и подвергнут 6-ти месячному заключению. Собравши сход, полковник Олейников заговорил с населением ласково, убеждая его образумиться. В знак этого он просил принять его солдат и казаков, как дорогих гостей. В то же время он заявил, что все имущество, увезенное ранее с Новых промыслов, должно быть к следующему утру отвезено обратно, под страхом наказания. В ту же ночь требование его было исполнено.

Затем он заявил, что подозревает население в укрывательстве большевиков и потому намерен окружить селение и сделать обыск. А в это время в ауле находились **Асланбек Шерипов, Хузаев** и **Лабазанов.** Узнав о намерении **Олейникова**, гойтинцы отправили партизан в Грозный к подпольным работникам, где они и пробыли то время, пока белые находились в ауле.

Хотя солдаты относились к населению дружественно, но все же содержание их для населения было затруднительно. Хозяйство пострадало от продажи имущества и скота, а урожай кукурузы остался в поле несобранным. Кроме того, казаки, с ведома своего начальства, вели себя в ауле, как в завоеванной колонии.

Желая поскорее избавиться от «дорогих» гостей, Гойтинские старики собрали 12,000 руб. и отнесли их полк. Олейникову. Тот деньги принял, смягчился и увел отряд. За время владычества белогвардейцев гойтинцам трижды пришлось откупаться то их командования. Сначала этот комитет вел контр-революционную

агитацию, а затем перешел к действию. **Ибрагим Чуликов** с чеченским отрядом прошел по своей плоскости, сея смерть и разрушение. Казаки разгромили аулы **Гудермес**, **Исти-Су, Энгель-Юрт, Герзель-Аул и Шама-Юрт,** расположенные вдоль железной дороги. Чеченцы отошли в горы, а туда уже контр-революция двинуться не осмеливались. 5 марта 1920 года белогвардейцы без боя оставили Грозный. Весть об этом быстро дошла до т. Гикало, и партизаны заняли город.

Гикало. Положение стало чрезвычайно напряженным. Нужно было немедленно действовать. В это время т. Гикало приступил к организации отряда партизан.

С 12 невооруженными красноармейцами он занял сл. Воздвиженскую, пользуясь удалением оттуда белогвардейцев. Слух об этом быстро распространился в горах, и в несколько дней отряд вырос до 70 чел., из них 20 чел. Вооруженных, с пулеметом, полученным в наследство от Асленбека. Организация этого отряда сразу подняла двух чеченской бедноты, и она стала снабжать партизан оружием и продовольствием.

Прибывший из Тифлиса грузинский штаб, имевший целью оказать помощь Узум-Хаджи, натолкнулся на уже окрепшее влияние партизанского отряда. Националисты видели для себя большую опасность в этом отряде, но открыто выступить против него опасались. Да и отряд держался чрезвычайно осторожно и, медленно закрепляя свое влияние, не обнаруживал открытой вражды к Узум-Хаджи.

Для поднятии своего авторитета Грузинский штаб начал наступление на добровольцев, но этот раз чеченцы были разбиты. Грузины сдали оружие и ушли обратно в Тифлис.

Эмирство. В середине сентября в сл. Ведено появился Иналук Арсанукаев из рода Дышнинских. Раньше он служил приставом и женился на какой-то грузинской княжне. Это подало ему мысль назваться князем Дышнинским. Он предъявил Узум-Хаджи

сфабриковавшую грамоту и назвал себя посланником турецкого султана.

Под влиянием «грамоты», Узум-Хаджи был провозглашен главою Северо-Кавказского эмирстваи с его утверждением было составлено правительство. В составе правительства были: Великий Визирь с портфелями министров иностранных дел юстиции, народного просвещения, вакуфных дел и имущества, главнокомандующий войсками эмирства, военно-юридеческой академии ротмистр фельдмаршал князь Дышнинский, министр двора его величества генерал-майор Касим-Хаджи, военный министр генерал-майор Шиты Истамулов, министр путей сообщения, почт и телеграфов **Куси Байгиреев**, министр земледелия и государственных имуществ **Билза Шамилев**, министр финансов **Абдул-Азим Абдуллаев (Батуев**), министр продовольствия и промышленности **Магомет Хамхаев** и министр внутренних дел **Хабала Бесленеев**.

Дышнинский создал штаб, 6 армий с командующими генерал-майорами и целый сонм офицерства. Погоны сыпались без счета. Монетный двор выпускал ежедневно до 500.000 руб. бумажных денег. Одураченные блеском нового правительства, горцы шли в бой и стойко бились. За не имеющие никакой цены бумажки они отдавали правительству продовольствие и фураж.

Несмотря на внешнее укрепление, положение эмирства было шаткое. Изнутри его влияние разъедало влияние партизанского отряда и группировавшейся вокруг него революционной части населения. Дышнинский стал изобретать способы борьбы с этим врагом. В речи своей на заседании совета министров 28 ноября 1919 года он стремился доказать, что республика неприемлема, как отрицание халифа, а с ним Магомета и бога. Он находил необходимые полное подчинение правительству т. Гикало, ставя, в противном случае, вопрос об его разоружении.

В то же время Дышнинский вел переговоры с казаками о сдаче ему без боя гор. Грозного. Когда в конце декабря в городе подготавливалось восстание большевиком, и Гикаловский отряд

двинулся к ним на помощь, Дышнинский пытался в ущельи задержать его, устроив засаду. В этих действиях ясно проявилась физиономия эмиртсва. Влияние его стало быстро падать, за счет чего возрастало влияние партизан.

Комитет по очищению Чечни. Одновременно с этими событиями, спешно стала организовываться и чеченская контр-революция. Организовался «Комитет по очищению Чечни от банд большевиков и **Узум-Хаджи».** Председателем комитета был **Ибрагим Чуликов**, его товарищем — **Ахмат Цутиев** и членами — **Ахматхан Эльмурзаев**, **Магома Мациев, Ахмет Арсамирзоев, Умар Хамирзоев, Эмби Исламов, Абдул-Азим Мустафинов, Касум Баширов, Абубакар Мирзоев, Эльмурза Мациев и Эши Яндаров.** В состав комитета вошли исключительно помещики, кулаки и грозненские домовладельцы.

Сначала этот комитет вел контр-революционную агитацию, а затем перешел к действию. Ибрагим Чуликов с чеченским отрядом прошел по всей плоскости, сея смерть и разрушение. Казаки рагромили аулы Гудермес, Исти-Су, Энгель-Юрт, Герзель-Аул и Шама-Юрт, расположенные ВДОЛЬ железной дороги. Чеченцы отошли в горы, а туда уже контр-революция двинуться не осмеливались.

Повстанцы отвечали разрушением железнодорожной линии и уничтожением охраны. Их агенты беспрерывно агитировали в городе и увидели оттуда новые подкрепления к партизанам.

Восстание в гор. Грозном. Положение белогвардейцев в Грозном было неважное. Населенный рабочим, город кипел революционными настроениями. Под влиянием население воинские части разлагались, их приходились часто менять. Дезертирство среди добровольцев росло. К декабрю в тюрьме число арестованных дошло до 600 чел., несмотря на то, что охранка расстреливала их целыми группами: за время владычества белых в Грозном было расстреляно до 2.000 чел.

В конце ноября заключенные узнали о готовящемся расстреле 300 чел. из них. Решено было устроить побег. Через агентов,

поддерживавших связь заключенных с т. Гикало, они запросили у него помощи. Эта просьба застала отряд врасплох. Заключенным было отправлено извещение о необходимости несколько повременить. Был назначен ответственный руководитель восстания, и началась лихорадочная подготовка. В городе в это время находилось до 12.000 белогвардейцев с 30 орудиями. Восстание было безумно, но выбирать было нельзя. Завязывалась связь с некоторыми воинскими частями, военнопленными.

Заключенные, наконец, заявили что ждать дольше нельзя, и расстояние было назначено в ночь с 21 на 22 декабря. 20 декабря отряд с гор двинулся к Грозному. По дороге отряд был обстрелян узум-хаджинцами, но все же спешным маршем двигался на Грозный. Ночью, по глубокому снегу, двигался отряд, тащя с собой пулеметы и орудия. Быстрым налетом заняли Новые промысла и остановились в ожидании вестей из города. Но там было тихо. Отряд ушел в хут. Алхазур. На следующую ночь туда прискакал чеченец с известием, что в городе идет восстание, и отряд двинулся в сл. Воздвиженскую, куда должны были придти заключенные.

Оказалось, что восстание задержалось из-за частично предательства и провала агента, посланного в отряд. Но все же в ночь под 23 декабря к тюрьме подошло 30 чел. вооруженных и открыли двери. Заключенные, не имея оружия, закованные в цепи, обезоружили патрули, захватили почти все склады и 4 орудия. Предполагая нападение крупных красных частей, белые совершенно растерялись и начали бежать из города.

Но среди заключенных оказался предатель, который отправился в штаб и передал белым план восстания, а затем с двумя сотнями казаков двинулся против восставших.

Орудия, захваченные восставшими, были вывезены за город, и из них открыли огонь по казакам. Под этим прикрытием часть заключенных захватила паровоз и выехала во Владикавказ, часть скрывалась в городе и до 100 чел. добрались до Воздвиженской.

С захваченными повстанцами белые расправились со зверской жесткостью.

Вот что пишет об этом очевидец — агент партизанского отряда Никита Лукьянов:

«...я отправился сейчас же к т. Гикале Воздвиженскому. Гикало мине дал наказ: поезжай в город и узнай что там делается. Я приехал ночью в город видел чудная картину, кто был привязан за шею, кто был прибитыми гвоздями на телефонных столбах, а кто висел кверху ногами. Я ужаснулся. Я исполнил свое дело...»

Воздвиженский бой. В начале января 1920 года, Красные войска заняли Кизляр. Это было так неожиданно, что партизанская группа, штаб которой находился в сл. Воздвиженской, не смогла сделать нападения на белых с тыла. Эти красные части были разбиты и отброшены к Хасав-Юрту. Добровольцы решили ликвидировать партизан.

30 января штабом группы было получено от Ибрагима Чуликова предложение устроить свидание с т. Гикало. Но партизаны заподозрили здесь западную и отказали.

Ранним утром 31 января в сл. Воздвиженскую ворвалась большая группа казаков. Заметивший их часовой поднял тревогу и выскочившие в одном белье партизаны отбили эту атаку. Казаки оставили несколько человек убитыми и пулемет.

Отряд был окружен. С трех сторон находились крупные сил белых, а с четвертой стороны — громадный обрыв в реку. В отряд было 400 чел. но патрон было мало: всего по 150 штук на бойца. Положение было тяжелое, но атаки белых отбивались один за другой. Бой длился 8 часов.

В 6 верстах от сл. Воздвиженской — в ауле Дуба-Юрта стояли войска под командой Дышнинского. Как только в сл. Воздвиженской начался бой, двое старо-атагинцев прискакали к Дышнинскому с требованием выступить на поддержку партизан. Но Дышнинский заявил, что когда будет нужно, — он даст приказ, а пока он еще не знает, кто и с кем ведет бой.

Ноома Тукаев и **Махмуд Хамзатов,** догадавшись о предательстве Дышнинского, повели агитацию среди войск и населения Дуба-Юрта. Наконец, Дышнинский вынужден был выступить, но повел войска круговым путем и, желая оттянуть время, в течении часа у моста через реку Аргун служил молебен. А между тем на глазах у них гибли партизаны.

Группа узум-хаджинцев и шатоевцев не выдержала и под командой **Канта Синваригова** бросилась с тыла на белых. Кольцо было прорвано, и партизаны, под прикрытием чеченской кавалерии, отошли в сл. Шатой. У партизан было убито 27 чел. и 80 чел. ранено, но зато у белых выбыло из строя до 1.000 чел.

Дышнинский со своими войсками также ушел в Шатой. Предательство Дышнинского, особенно четко выделенное на фоне стойкости партизан, возмутило чеченцев. Они требовали от штаба группы обезоружения отряда Дышнинского и ареста его самого. Штаб дипломатично отказался, заявив, что это — дело их самих, но в то же время разъяснил предательскую роль Дышнинского. Тогда чеченцы с помощью красноармейцев захватили артиллерию и пулеметы и арестовали Дышнинского.

Приехавшему брату имама оружие возвратили, но авторитет узум-хаджинской группировки окончательно упал. Все надежды чеченцев обратились на партизан.

5 марта 1920 года белогвардейцы без боя оставили Грозный. Весть об этом быстро дошла до т. Гикало, и партизаны заняли город.

В мирной обстановке. Молодежь зашевелилась.

Вскоре же после ухода белогвардейцев грозненская молодежь стала объединяться в комсомольскую организацию. Организационная работа продолжалась до сентября, когда, наконец, был организован Грозненский Окружком РКСМ. В то же время в аулах Шали и Старые-Атаги по инициативе расположившихся там красноармейских частей организовались кружки чеченской молодежи. Эти кружки вначале не ставили себе задачей участие в политической жизни. Молодые красноармейцы, руководившие

кружками, старались втянуть членов кружков в культурно-просветительную работу и приучить их к регулярному и правильному проведению собраний. Эти кружки через своих руководителей были, хотя и слабо, связаны с Грозненским Окркомом РКСМ.

Грозненские комсомольцы горели желанием помочь чеченской молодежи в организации комсомола, и Окрком начал подготовленную работу. В грозненской организации в это время состояли два рабочих-чеченца братья **Саид** и **Халид Казалиевы.**

Первые ячейки. После проведения 2-й окружной конференции, состоявшейся в январе 1921 г., Грозненский Окрком выделил для работы в Чечне Оргбюро РКСМ из т. т**. Елисеева, Шведова Владимира и Халид Казалиева.**

Оргбюро сейчас же оформило Шалинский и Старо-Атагинский кружки в ячейки, а затем, проведя соответствующую подготовительную работу, с мая по август 1921 года организовало ячейки в аулах Алхан-Юрт, Гойты, Кулары, Хадис-Юрт, Шама-Юрт и Урус-Мартан. Организация ячеек встречала сильное противодействие со стороны зажиточных и в особенности со стороны духовенства. Выделенным в Оргбюро товарищам приходилась вести кровопролитную и опасную по чеченским условиям работу.

Ячейки намечено было организовать в первую очередь в наиболее пострадавших от гражданской войны аулах, как наиболее революционно-настроенных. Кроме того, в целях лучшего охвата организуемых ячеек руководством, решено было их организовывать сначала в ближайших аулах. Оргбюро РКСМ, не стремясь к быстрому количественному увеличению организации, стремилось к созданию твердого и выдержанного комсомольского ядра.

Организация, между тем, стала стихийно расти и быстро достигла численности в 500 чел. В представлении чеченцев партия

и комсомол были однозначащими организациями,, и в комсомол, кроме молодежи, вступали и взрослые в возрасте до 40—50 лет.

В период такой лихорадочной организационной работы достигнуть достаточно руководства этой вздувающейся волной у Оргбюро не было возможности. Оценить отдельных вступающих членов тоже было нельзя. поэтому в организацию вошло много шкурников и несознательной молодежи. Многие, по своей темноте, смотрели на комсомол, как на организацию, которая должна была выдавать своим племенам за службу обмундирование, оружие и жалование. И это быстро сказалось в организации.

Шатание. Как только стало известно, что комсомольцы не являются служащими, что они от организации никаких материальных благ не случат, — шкурнический элемент стал отпадать от организации так же стихийно, как и вступал. Вместе со шкурниками отпадали и слабые комсомольцы, не осознавшие задач организации. Это и было вполне естественно.

Чеченский молодняк был крайне отсталым, а воспитательной работы за такой короткий промежуток времени провести в достаточной степени не было возможности. Этот стихийный распад организации.

Враждебные группировки. Реакционно- настроение духовенство, представители которого были почти единственными, помимо буржуазной интеллигенции, развитыми людьми в Чечне, первые ясно увидели в комсомольской организации своего смертельного врага. Духовенство осознало, что комсомол — это та волна, которой выпала задача смыть все остатки гнилого капиталистического строя, в том число и наиболее ревностных слуг капитала — духовенство. Увидев, что ему предстоит смертельная борьба, духовенства к этой борьбе приготовилось.

Заметив шатание и настроения паники в комсомольской организации, духовенство, опираясь на темноту населения, повело против комсомольцев бешеную агитацию. Для успеха агитации оно

не брезговало никакими средствами, положив в основу своей борьбы лозунг «Цель оправдывает средства».

Зная, как глубоко вкоренились в сознание темных чеченцев вековые адаты, духовенство обвиняло комсомольцев в стремлении разрушить обычаи и в нарушении шариата. Муллы кричали на всех перекрестках и проповедовали в мечете, что комсомольцы безбожники, хулиганы, бандиты, и что их нельзя хоронить на кладбище. Большую поддержку духовенству оказывал ярый контр-революционер **Али Митаев**. Он вел агитацию среди комсомольцев о выходе их из организации и вступления в число его мюридов. Мало того — по его указанию мюриды вступали в организацию и своей агитацией взрывали ее изнутри.

Духовенство воздействовало, главным образом, на родителей комсомольцев. Для темных чеченцев духовенство являлось высшим авторитетом, и родители комсомольцев стали давить на своих сыновей, угрожая, в случае их не выхода из организации, изгнанием из дома.

все комсомольцы были взяты на учет и занесены в списки порочного элемента, как бандиты, между тем к этому времени в организации оставались самые лучшие и стойкие ребята.

Первые выборы. В такой-то трудный момент в конце 1921 ода была созвана 1-я чеченская окружная конференция РКСМ, на которую съехались 29 делегатов. На этой конференции был избран первый Окружной Комитет РКСМ в составе т. т. **Казалиева С., Мидаев Д., Альтемирова Османа, Шалдаева Ахмада, Янхотова Данга, Елисеева Тимофея и Шведова Владимира.** На конференции был выработан план дальнейшей работы, причем главное внимание было уделено очистке комсомольских рядов от примазавшегося элемента и организационному оформлению стихийно возникающих в аулах ячеек. В то время, когда в других областях комсомольские организации возникали под руководством РКП (б), в Чечне она возникла самостоятельно, а потому и приняла на себя двойную тяжесть, вследствие отсутствия партийного руководства. Чеченский

Окрком РКСМ приступил к работе в условиях полного безвластия на местах. Заслушанный на конференции доклад Ревкома только подтвердил это Окркому РКСМ с первых же шагов пришлось начать подтвердил это Окркому РКСМ с первых же шагов пришлось начать борьбу с бешеной агитацией духовенства и с разлагающим организацию шкурническим элементом.

Борьба за авторитет. Комсомольцы стали организовывать отряды по борьбе с бандитизмом и устраивали субботники и воскресники, исправляя дороги, мосты и другие общественные сооружения. Они активно участвовали в сборе пожертвований в пользу голодающих Поволжья. Шкурнический элемент частью отпадал механически, не желая участвовать в такой работе, частью исключался, — и комсомольская организация все больше оздоровлялась. Комсомольцы на деле опровергали распускаемы о них духовенством вздорные слухи и завоевывали все большее и большее доверие бедняцкого населения. На заседании Окркома РКСМ 20 февраля 1922 г. встал вопрос о созыве конференции. Было решено созвать конференцию 15-го марта, поставив на повестку дня вопросы о новой экономической политике и продналоге, о 2-м Горском Съезде Советов, о 3-й Горской конференции РКСМ, доклад Окркома об очередных задачах комсомола в Чечне и перевыборы Окркома. Но в это время комсомольцы были заняты работой в своем хозяйстве, и в начале марта конференцию решено было отложить. Рост организации поставил перед Окркомом РКСМ вопрос о создании райкомов для лучшего руководства работай ячеек. И 31-го марта вопрос этот разрешился в положительную сторону созданием 1-го райкома в сел. Новые-Атаги и прикреплением к районам инструкторов Окркома. К району Новые-Атаги, Шали и Чече-Аул был прикреплен т. **Багринцев,** а к селениям Новые-Атаги, Урус-Мартан и Алхан-Юрт т. **Якушкин**. Для сплочения комсомольской организации исоздания опоры против духовенства, кулачества и бандитов, из комсомольцев Ново-Атагинской ячейки был создан 1-

й пробный отряд Особого Назначения, причем на первое время комсомольцам оружия выдано не было.

Руководство. Аульские ячейки требовали непрерывного наблюдения в руководства со стороны Окркома РКСМ. Необходимы были частые выезды инструкторов, а между тем средств передвижения у Окркома не было. Для урегулирования этого вопроса Окрком связался с Ревкомоми посылал своих инструкторов совместно с инструкторами Ревкома.

В конце июня снова стал вопрос о созыве окружной конференции. На заседании Окркома РКСМ Председатель окружного Ревкома товарищ **Курбанов** настаивал на созыве конференции после проведения реорганизации аульских ревкомом. Но Окрком РКСМ учел, что вопрос о реорганизации власти на местах необходимо обсудить на конференции, так как это дает возможность при участии комсомольцев лучше провести реорганизации. Конференцию решено было созвать 10-го июля в сел. Гойты. Но и на этот раз конференцию пришлось отложить, так как в этот момент комсомольцы еще более были заняты полевой работой.

Работай чеченской организации это время руководители Горский Обком и Грозненский Окрком РКСМ. Первый осуществлял руководство через письменную связь, что не приносило существенной пользы в большинстве своем неграмотной организации, а второй через прикрепление своих работников к Чеченскому Окркому РКСМ. Чеченская комсомольская организация все больше расла и развивалась, а штат Окркома РКСМ был настолько мал, что охватить полностью организацию своим руководством был не в состоянии. Несколько раз на заседаниях Окркома ставился вопрос о расширении штата, посылались ходатайства в Горком РКСМ, но оттуда средствне отпускали, своих же средств у Окркома не было, — и вопрос этот не мог сдвинуться с мертвой точки.

2-я конференция. Вопрос осозыве конференции еще два раза появлялся на повестке дня заседаний Окркома РКСМ. Положение

организации на местах было таково, что конференцию откладывать больше не было возможности, — и она была назначена на 1-е сентября. К этому времени организация насчитывали в своих рядах 400 членов и кандидатов РКСМ, объединяемых 10-ю ячейками. Такое численное уменьшение организации, несмотря на стихийный ее рост, объяснялось проведенной первым составом Окркома РКСМ энергичной чисткой организации. На конференцию съехались 29 делегатов. Отсутствие в Чечне партийной организации возлагало на комсомол всю ответственность за советизацию Чечни. И потому вопросу 2-я конференция уделила большое внимание. Было признано необходимым участие комсомольцев в советской работе на местах, как могущее явиться средством противодействия кулачеству, залезшему во многие аульские ревкомы. В то же время конференция не ослабила внимания и к дальнейшему оформлению организации и укреплению ее рядов. Если на первой конференции комсомольцы еще не могли освоиться с обсуждением тех или иных деловых вопросов, то на 2-й конференции они уже проявили большое сознание своей роли и вдумчивое отношение к работе конференции впервые были выделены делегаты на Горский Областной Съезд РКСМ в г. Владикавказ.

Руководящий актив. На первом организационном заседании Окркома секретарем был избран товарищ Казалиев Саид. Кроме него в состав Окркома вошли т. т. **Янхотов, Елисеев, Мидаев, Шангириеев, Шалдаев** и кандидатами **Курбанов Саид, Исрапилов и Чартоев,** причем Мидаев был прикреплен к Гойтинскому и **Шалдаев** — к Ново-Атагинскому районам. Остальным членам и кандитатом Окркома было поручено руководство работой ячеек, с ответственностью за правильную ее постановку.

На следующем же заседании Окркома РКСМ т. т. **Мидаев Д.** и **Яхшаатов Х. М**. были утверждены постоянными инструкторами Окркома, с введением в штат. Им было поручено проведение переучета активистов в организации. Под руководством тов. Казалиева и с помощью управделами Окркома РКСМ тов.

Могильницкой ими был составлен план дальнейшей политико-воспитательной работы среди комсомольцев. Для подготовки секретарей ячеек к более самостоятельной работе было решено созывать два раза в месяц районные совещания секретарей ячеек. Товарищам Мидаеву и Яхшаатову М. Х. было поручено при объезде ячеек ставить на общих собраниях вопросы о коллективном приобретении комсомольцами литературы. Вопрос о литературе встретил в комсомольской среде живой отклик. Тяга комсомольцев к знанию была настолько велика, что комсомольцы складывались деньгами и зерном и приобретали литературу.

Недостаток средств. С развитием работы для Окркома требовались и средства. Нужно было содержать постоянных работников, нужны были канцелярские принадлежности, а средств не было. На заседании Окркома РКСМ 27-го сентября было решено ходатайствовать перед Ревкомом о выделении участка земли ин надела слоб. Воздвиженской для коллективного посева, в целях создания фонда Окркома. В начале октября вопрос был разрешен в положительную сторону, и участок был выделен. Для руководства работой по обработке участка и для мобилизации комсомольцев с лошадьми была выделена комиссия в составе товарищей **Шахгиреева, Альтемирова,** Воздвиженской были запаханы и засеяны 10 десятин земли. Обработка этого участка явилась для чеченской комсомольской организации первым опытом коллективной работы.

Нужно отметить, что в этой работе особую активность проявила ячейка сел. Старые-Атаги. Комсомольцы этой ячейки, помимо общей со всеми работы, приняли на себя и охран посевов по ночам.

Комсомольцы на Советской работе. В это время, в согласии с Окружным Ревкомом, было признано необходимым непосредственное участие комсомольцев в работе Ревкомов на местах. Во многие аульские ревкомы пробрались люди, не отличавшиеся симпатиями к советскому образу правления. В большинстве случаев это были или зажиточные люди или же их

ставленники. После выработки Окрком РКСМ подробных инструкций по работе комсомольцев в аульских ревкомах, комсомольцы во многих аулах заняли должности председателей Ревкомов и начальников милиции. Этому вовлечению комсомольцев на советскую работу много способствовал Председатель Окружного Ревкома тов. Курбанов. Отлично понимая, какое громадное значение имеет комсомольская организация для строительства советского государства вообще и для советизации Чечни — в частности, он во все время нахождения на должности председателя Окружного Ревкома проявлял очень внимательное отношение к комсомольцам. Благодаря помощи т. **Курбанова** Окрком РКСМ получал средства передвижения тов. Курбанова в Окружном Ревкоме между ним и комсомольской организацией существовало самая тесная, неразрывная связь.

Для успешного сбора продналога комсомольцы были мобилизованы в ЧОН и переведены на казарменное положение. Комсомольцы и здесь оправдали оказанное им доверие. Благодаря их участию налог былсобран успешно, тем более, что они действовали не столько принуждением, сколько личным примером, в первую очередь сдавая налог. Двухмесячное нахождение комсомольцев на казарменном положении дало им возможность приобрести навыки в дисциплине и до некоторой степени усвоить военное дело. Этот сбор комсомольцев в последующей работе Чеченской организации имел немалое значение для поднятия комсомольской дисциплины.

Укрепление авторитета. Активное участие комсомольцев в общественной работе внимательное отношение к ним со стороны Окружного Ревкома се более и более укрепляли авторитет организации в глазах бедняцкого населения. Видя стремление комсомольцев к помощи беднякам, население все чаще и чаще обращалось за советами и помощью не в аульские ревкомы, а в комсомольские ячейки. Такое положение, принося несомненную пользу бедноте, в то же время создавало не который разнобой

в работе ревкомов и вызывало недоразумение между ними и ячейки. Но ни один из обращавшихся в ячейку крестьян-бедняков не уходил без дельного совета и без всемерной помощи комсомольцев. В ноябре месяце были организованы две новых ячейки в селениях Брагуны и Гудермес. Увеличение организации еще острее поставило перед Окрком РКСМ вопрос о необходимости увеличения штата.

Съезд духовенства. Обеспокоенные быстрым ростом авторитета комсомольской организации, духовенство стало опасаться за свое влияние. Для обсуждения положения был созван съезд духовенства. Инициатором был Али Митаев, и делегатами оказались наиболее контр-революционные представители духовенства. Естественно, что с самого же начала работа съезде приняла контр-революционную окраску. Здесь **Али Митаев** в своем выступлении заговорил об автономии. По его мнению, Чечне необходимо было выделиться, чтобы установить верховенство шариата. Он доказывал что при автономии легко будет задушить комсомольские движение, так как тогда Чечни не будет зависеть не только от коммунистов, но и от советской власти. Съезд этот был сорван Хайтаевым, и делегаты разъехались, не вынеся никаких решений.

Объявление автономии. С выделением Кабарды в автономную область, Горская Республика стала распадаться. В руководящих органах создалось засилье осетин. Движимые национальным чувством, заботясь о возрождении Осетин, они все силы направляли на это. Забота же об общем восстановлении хозяйства входящих в Республику национальных областей отошла на задний план. Чеченский актив, по своей слабости, не мог участвовать в управлении Республикой и, будучи в стороне, не имел возможности поднять свою квалификацию. А подготовка актива был необходима. Все эти условия поставили перед Чечней необходимость выделения в автономную область, тем более, что это совершенно не противоречило политике партии.

Чеченская делегация, во главе с Таштемиром Эльдерхановым,

отправились во ВЦИК с ходатайством было принято во внимание и, вопрос об автономии Чечни был ускорен и разрешен в удовлетворительном смысле. Для создания областного Исполкома автономной Чечни был организован Ревком, в состав которого вошли ездившие в Москву делегаты, а председателем был назначен **Таштемир Эльдарханов.**

1923 год. Переломный момент. Выступление Али Митаева на съезде духовенства отразилось на настроении последнего. Слухи об автономии придали новые силы духовенству и реакционерам, и они с удвоенной яростью возобновили свою агитацию. Они распускали слухи, что, с выделением в автономную единицу, Чечня будет совершенно независима от Советской власти, а тем более — от коммунистов. Их агитация стремились восстановить былое верховенство шариата и сильных тейповых группировок. Духовенство, при активной поддержке кулачества и контр-революционного элемента, повело бешеную атакуна комсомольскую организацию. Переломный момент снова создал безвластие на местах. Прямым следствием этого, а также и недавнего голода, явился стихийный рост грабежей и бандитизма. Но комсомольская организация духом не падала и деятельно готовилась к участию в реорганизации советского аппарата на местах. Юго-Восточным Бюро ЦК РКСМ был прислан для организации Областного Огрбюро РКСМ в качестве секретаря тов. Бессолов. Под его руководством многие комсомольские ячейки прислали своих представителей и даже явились в полном составе на празднество по случаю объявления автономии, проводившееся 13-го января 1923 года в селении Урус-Мартан. Присутствие комсомольцев в организованном порядке на празднестве и их выступления с приветствиями произвели на население очень хорошее впечатление.

Видя тяжелое положение Оргбюро, не имевшего никаких средств для работы, комсомольские ячейки произвели самообложение членов, по 15 фунтов пшеницы с каждого. Оргбюро РКСМ нашло это

нецелесообразным и постановило дальнейший сбор пшеницы прекратить, а собранную уже пшеницу употребить на приобретение литературы для ячеек.

Давление реакции. Между тем положение комсомольской организации на местах стало быстро ухудшаться. В состав Областного Ревкома вошли в большинстве сторонники духовенства и кулачества. Правда, в состав Ревкома вошел тогда член РКП (б) с 1917 года **Джамал Токаев**. Он всеми силами старался помочь комсомольской организации. Но достигнуть решительного перевеса в работе Ревкома он в одиночку еще не мог. Это придало реакционерам еще больше бодрости, и они всей тяжестью навалились на организацию. Они ревностно распространяли среди населения слухи о «ликвидации» коммунистических организацией, в связи с объявлением автономии, и об установлении шариата. И как бы в подтверждение этих слухов, слухов, посланный Областным Ревкомом для реорганизации власти на местах ярый Ново-Алдынский реакционер **Магомет-Мирза** повсюду смещал с административных должностей комсомольцев и назначал единолично, без согласия населения, бывших старшин и офицеров. Действия и агитация областного работника, естественно, наталкивали и население и неустойчивых комсомольцев на мысль о прадивости «ликвидаторских» слухов. И у населения и у комсомольцев на местах появились опасения возврата старого режима с атаманами, старшинами и прочими его «председателями». Характерным показателем «плодотворной» деятельности **Магомет-Мирзы** и результата агитации реакционного элемента служит приводимый ниже доклад секретаря ячейки Гойты Магомета Чекуева в Оргбюро РКСМ. «7-го февраля 1923 г. приехали в селение Гойты известный ново-алдынский контр-революционер Магомет-Мирза и **Ахмет-Закар Хаджиев** для назначения новой власти. Магомет-Мирза является помощником начальника Чеченской областной милиции **Абубакара Эльдерханова.** Он остановился у приверженца эльдерхановской партии, причем о цели его приезда знали только

эльдерхановцы. Остальное население ничего не знало. Здесь ясно существовало предварительная сговоренность. К Магомет-Мирза собрались сейчас же все эльдерхановцы, во главе с **Чода Яшуркаевым**, **Хату Довлиевым, Хасаном Кориевым и Ибрагимом Абаевым.**

После предварительно совещания, Магомет-Мирзой был созван сход, где он и выступил с докладом. В этом докладе он называл комсомольцев чертями, собаками, агентами и безбожниками и утверждал, что комсомольцы мешают работать чеченской власти. Вот его подлинные слова: — «Не слушайте их: они идут против автономии. Этой сволочи не будет между ними — мы их уничтожим». После этого доклада Магомет-Мирзы получил шумное одобрение кулаков, а бедняки растерялись. У них явились предположения, что может быть, случился переворот. Да и как было не думать, когда новый чеченский «рассах» Эльдарханов прислал того, кто при Советской власти сидел в уголке и дрожал за свою шкуру. У бедняков и красных партизан появилось разочарование в автономии, благодаря которой к власти приобрелись деникинские прихвостни. Председатель и 6 его помощников были назначены лично Магомет-Мирзой из числа эльдархановцев. И получилась аульская власть точно такая, как была 7 лет назад. Вновь назначенная власть не допускает комсомольцев в аульские правление и не дает работать ячейке. Комсомольцы даже боятся проводить открытые собрания, и работа проводится подпольно, как в 1919 году при деникинцах. По сообщению приезжавшего из Москвы представителя Чечни, ЦИК отпустил для детдомов 900 миллиардов рублей, а между тем сотрудники Наробраза уже 6 месяцев не получают жалованья». С объявлением автономии Эльдерханов поснимал с работы комсомольцев, а насажал везде своих родственников и сторонников — контр-революционеров. На нужды бедняков не обращают никакого внимания, и бедняки автономией недовольны. У населения, боровшегося с белогвардейщиной, явилось сильное недовольство возвратом к власти тех, кто не так

давно дрожал и проклинал Советскую власть и большевиков. Печально и положение чеченских детских домов. В Чечне есть 6 домов, где находится около 200 человек детей-сирот. До объявления автономии Советская власть содержала эти дома, и дети жили хорошо. А с объявлением автономии дети сидят в холодном помещении, не имеют обуви и не видят уже 3 месяце горячей пищи. Между тем недавно для них были отпущены мука, мясо и пшено. Чая они тоже не видели и уже забыли, пьют ли люди вообще чай. Заведующий детдомами обращается в Наробраз, а там ему отвечают, что Эльдерхановцами не отпускаются для детдомов средства». Секретарь Оргбюро РКСМ доводил об этом до сведения Областного Ревкома, но последним никаких мер не принималось. Все резче и резче выявлялось расхождение советского аппарата с комсомольской организацией. Ревком старался всеми силами подорвать работу комсомола. Организация, как это ни странно при Советской власти, вынуждена была уйти в подполье. Секретари ячеек осаждались матерями комсомольцев, просившими об исключении из организации их сыновей. Чтобы избежать этих просьб, секретари почти не жили дома. Собрания ячеек проводились тайно за селениями, причем выставлялись дозорные для своевременного предупреждения о возможном разгоне со стороны аульского Ревкома. В это время реорганизовалось Чеченское Оргбюро ВКП (б). Сначала комсомольцы–было обрадовались, ожидая от него поддержки. Но надежды эти скоро погасли. Все же работа организации шла своим чередом. По ячейкам проводился переучет членов, еще более очищавший комсомольские ряды. Организация непрерывно оздоровлялась. Понемногу, не затрагивая беспартийных, товарищи **Казалиев, Мидаев и Альтемиров** по поручению Оргбюро РКСМ вели среди передовых комсомольцев антирелигиозную пропаганду. Население было настроено фанатично, и поэтому пропагандистам приходилось соблюдать большую осторожность, чтобы не повредить делу.

Гонения. Между тем духовенство и кулачество, чувствуя за собой поддержку пробравшихся к власти выразителей их чаяний, уже перестали удовлетворяться одной агитацией. Движимые стремлением уничтожить комсомольскую организацию, они перешли к физическим мерам воздействия на комсомольцев. Начались аресты и избиения комсомольцев. В сел. Шама-Юрт одного комсомольца убили. Вот что писал комсомолец Гойтинской ячейки в Оргбюро РКСМ, испытав на себя методы борьбы реакционеров с комсомольцами. «Месяц тому назад (приблизительно 18 февраля) к нам в аул приехала комиссия и остановилась у **Юсупа Джамбулатова**. Вечером для комиссии была устроена вечерника, где меня угостили стаканом вина. Спустя более месяца, т. –е. 24-го марта, арестовали меня, что мы были пьяны, чем и нарушили шариат. Между тем **Эссанукаев и Автурханова**. При аресте нам заявили, что мы были пьяны, но даже и не присутствовали на вечеринке. Нас посадили в подвал. Мы заявили, что нас арестовали незаконно, и потребовали отправки в город. На наш протест не обратили внимание и оставили нас в подвале, но часового не поставили. Воспользовавшись этим, мы разошлись по домам. На следующее утро ко мне пришел комиссар селения **Хасан Кураев** и его помощник **Абу-Керим Гачаев и Ибрагим Минцаев** и снова арестовали меня, отобрав в виде штрафа медный кувшин. Я без сопротивления пошел с ними в правление. По приходе туда, комиссар ударил меня по лицу и приказал идти в подвал. Когда же я заявил, что он не имеет права меня бить, они все трое набросились на меня, подняв меня, ударили сильно об пол, а затем стали душить. Тогда я обнажил кинжал и стал защищаться. Они бросили меня и ушли, но не успел я выйти из правления, как они вернулись и привели с собой подмогу. Меня обезоружили и посадили в подвал. Часа через два-три, не найдя **Эссанукаева и Автурханова,** они меня освободили. Часа через три снова пришли за мной и привели отца Эссанукаева и самого Автурханова. Нас привели к правлению, где мне связали руки и ноги, и понесли быть

розгами. Комсомольцы и бедняки, видя это, заявили, что не позволят бить меня без суда, за что их тоже хотели избить. В это время мне удалось освободиться от веревок, я выхватил у кого-то кинжал и набросился на собравшихся меня бить. Началась суматоха, и я бросился бежать, думая направится в город. Но я успел пробежать всего 50—60 саж. Меня догнали, избили до беспамятства, а затем уже избили розгами. Очнулся я в подвале, где со мной оказались комсомольцы **Биркъ Сулейманов, Ахмад Автурханов** и отец комсомольца **Эссанукаева.** Несмотря на сильные поранения от побоев **розгами**, я выбрался из подвала и направился в г. Грозный. Переночевав в селении Алды, я сегодня встретился с Эссанукаевым, с которым и пришел в Оргбюро РКСМ. Обращаясь в Оргбюро РКСМ, надеюсь, что дело будет разобрано, и будут приняты надлежащие меры. Добавляю, что в то время, когда я был в беспамятстве, у меня вытащили 150 рублей денег и документы, — порвали». Для лучшей характеристики этого издевательства необходимо объяснить, что из себя представляли подвал, в котором сидели комсомольцы, и как проводились наказание розгами. Во времена Шамиля в Чечне существовал обычай наказывать нарушителей шариата розгами. Виновных связывали и клали на площади в центре аула. И каждый житель аула должен был ударить виновного розгой. Сожаление виновного считалось за нарушением шариата и каралось таким же образом. Подвал, куда сажали виновных, представлял из себя отвесную яму в 9 аршин глубиной, ничем не прикрытую. В эту яму виновных буквально бросали, не заботясь о целости их членов. И эти-то «прелести» шариата испытали на себе гойтинские комсомольцы.

Заявление **Хаджиева Супьяна** было датировано 26 марта 1923 года. Оргбюро РКСМ ходатайствовало перед Областным Ревкомом о возбуждении преследования против виновных в истязании тов. Хаджиева но Ревкомом никаких мер принято не было, и дело заглохло. Мало того, Хаджиев после этого шариатский суд Урус-Мартанского округа приговорил к лишению свободы на три года

со строгой изоляцией, после чего он был заключен в Грозненский И. Т. Д.

В апреле 1923 года он был освобожден тов. **Калининым**, приезжавшим в город Грозный. И этот приезд товарища Калинина послужил реакционерам новым источником для развития агитации. Они внушали темному населению, что в России уже Советской власти нет, коммунистов помощи. Эта агитация имела свое действие, и наиболее темная и неустойчивая часть населения стала отходить от комсомольской организации.

Угроза ликвидации. Приехавший из Юго-Восточного Бюро ЦК РКП (б) секретарь чеченского Оргбюро РКП (б) тов. **Азнарашвили**, не будучи знаком с обстановкой Чечни в этот момент, поддался влиянию Эльдерханова и стал на его сторону на первом же заседании Оргбюро РКП (б) 10-го апреля 1923 года, по докладу секретаря Оргбюро РКСМ тов. **Бессолова**, несмотря на протест члена Оргбюро РКП (б) **Джамала Токаева**, было вынесено постановление о роспуске комсомольской организации в следующей редакции: «Признать ненормальным существование ячеек КСМ на местах, не имея там даже слабых ячеек РКП (б), которые могли бы внести коммунистический элемент в воспитание молодежи, и надзора за их качественным составом. Находясь в таком положении, они принимают болезненные формы воспитания и уродливый состав, как качественный, так и количественный. Большинство входит в ячейку с целью личной выгоды, зачастую дискредитируя своими действиями партия, в населении не разбивающимися, считаю их партийным органом. Сложные условия коммунистической работы в Чечне не могут быть охвачены и правильно учтены комсомольской организацией, при отсутствии местных серьезных работников, отчего результаты усиленной работы приносят отрицательные явления. Принимая во внимание эти обстоятельства, Оргбюро РКСМ, как таковое, распустить, передав все дела Оргбюро РКП (б), которому и вести работу среди молодежи. Все существующие ячейки РКСМ также распустить, преобразовав их в кружки революционной

молодежи Чечни. Постановление это проводится в жизнь по утверждении его Юго-Восточным Бюро ЦК РКП (б)».
Таким образом, против комсомольцев стал и актив только-что нарождавшейся партийной организации. И это после того, как комсомольцы вынесли на своих плечах всю тяжесть революционной борьбы и организованного периода, сумев завоевать себе авторитет среди бедняцкого населения. Комсомольцы не сдались. Оргбюро РКСМ 11-го апреля 1923 года вынесло протестующее постановление и направило его в Юго-Восточное Бюро ЦК РКСМ.
Постановление это гласило следующее: «Закрытие комсомольских ячеек и преобразование их в кружки революционной молодежи признать шагом в корне неправильным и совершенно нетактичным в условиях, в которых сейчас находится чеченская организация РКСМ, по следующим соображениям:

1. Комсомольская организация в Чечне существует уже третий год. за время своего существования она доказала свою устойчивость, доказательством чего служат пережитые его трудные моменты, отчаянное преследование ее всякого рода контр-революционным элементами, беззащитность ее от нападков и, вместе с тем, после всего этого, опять упорное устойчивое ее существование в данный момент.

2. Чеченская организация в процессе работы за 2 года своего существования доказала значительный прогресс по пути коммунистического воспитания, результатом чего являются: а) частичное, но значительное в чеченской действительности, освобождение от религиозного дурмана и почти полное освобождение от религиозного фанатизма, что до сих пор невидно в Чечне; б) защита ее бедняцкого слоя населения, что, естественно, ведет к классовому расслоению чеченского народа; в) борьба ее с бандитизмом, при условиях когда каждому комсомольцу угрожает кровная месть;
г) устройство ее субботников; д) пропаганда, хотя и в малой мере, идей коммунизма и т. д. и т. д.

Все это говорит за то, что чеченская организация в достаточной мере заслужила звание комсомола, и существование ее будет вполне возможным. **Нужна только поддержка со стороны органов Советской власти, а не преследование.**

3. Закрытие комсомольских ячеек в Чечне будет в глазах народа полным поражением «коммунизма», и, с другой стороны. — торжеством реакционных элементов. Кроме того, оно как-бы оправдывает распространенную муллами агитацию, что, безбожники-комсомольцы будут наказаны богом, что опять-таки, будет иметь нежелательный результат. С одной стороны это будет способствовать поднятию религиозно фанатизма в народе, а с другой убийственно угнетет молодежь и в корне убьет ее прогрессивные стремления по пути к коммунизму. 4. Предположение о том, что раньше комсомола можно создать парторганизацию, которая бы взяла руководство над комсомолом, не отвечает действительности. Ибо единственный революционный, более свободомыслящий элемент в Чечне члены комсомола (молодежь), и вне его немыслима никакая партийная работа. А потому единственный путь к партии — это только через комсомол.

5. И, наконец, симпатии чеченской бедноты на стороне комсомола. Исходя из вышеизложенного, Чеченское Оргбюро РКСМ категорически высказывается за оставление Комсомола и, в крайнем случае, допускает произвести еще одну чистку. Передачу же руководства организацией Оргбюро РКП (б) признать желательным и необходимым, благодаря чему, может быть, не будет того преследования ячеек со стороны администрации, которое имело место до сих пор»

26-го апреля на заседании Оргбюро РКП (б) был поставлен вопрос о секретаре Оргбюро РКСМ тов. Бессолове и вынесено решение ходатайствовать о снятии его с работы. В виде мотивировки такого постановления указывалось на его неприспособленность к национальной обстановке и проведение работы по общероссийскому методу. Но все же комсомольцы победили.

Юго-Восточное Бюро ЦК РКП (б) отменило постановление Чеченского Оргбюро РКП (б) о ликвидации комсомола в Чечне и дало Оргбюро РКП (б) соответствующие указания. Комсомольская организация снова почувствовало под собой твердую почву.

Результаты травли. Этот период гонений и травли со всех сторон, когда, казалось, уже не было надежды на какую-либо поддержку, сильно затормозил комсомольскую работу. Но в то же время эти гонения принесли организацией и большую пользу. В этот период неустойчивый и примазавшийся элемент отошел от организации, избавив ее от мертвого груза. Сознательное же и твердые комсомольцы под влиянием травли еще более революционизировались и проникались большим стремлением еще более революционизировались и проникались большим стремлением к борьбе за организацию сплотилась и окрепла. Не видя ни от кого поддержки, комсомольцы привыкли надеяться только на свои силы, и на этой почве неуклонно на свои силы, и на этой почве неуклонно росла их активность. В то же время Оргбюро РКСМ энергично проводило очистку комсомольских рядов от чуждого элемента. Из многих аулов в это время поступали просьбы об организации ячеек, но просьбы эти не удовлетворялись полностью, так как Оргбюро РКСМ с большой осторожностью стало производить прием новых членов в организацию. В аулах же Брагуны и Чечен-Аул ячейки были расформированы, ввиду отсутствия подходящих секретарей, создавшейся вокруг ячеек трудной обстановки и обострения отношений с местной властью.

Кампании. В этом году впервые комсомольская организация участвовало в праздновании 1-го мая в с. Гойты. Организация приготовилась к этому празднеству заранее, и поэтому оно прошло успешно. Организованное выступление комсомольцев на празднестве нанесло сильный ущерб агитации духовенства и кулачества о ликвидации коммунистических организаций. Эти смертельные враги комсомольцев пытались сорвать празднество, но это им не удалось. В то же время комсомольцы деятельно

готовились к проведению 2-й годовщины своей организации и 5-ти летия Всеобуча. Годовщину организации решили провести совместно с грозненской организацией, а празднование годовщины Всеобуча ознаменовать принятием шефства над допризывниками русских станиц, входящих в состав Чечни. Из среды допризывников было намечено организовать ячейку. В день 2-й годовщины чеченского комсомола были намечены к передаче в партию, как лучщие комсомольцы, товарищи **Темаев Тепсурко, Хаджиев Эду, Чекуев Магомет, Гельдабиев Махмуд, Анзоров Муна, Сулейманов Бирка, Кагерманов Чоба, Улубаев Хату, Улубаев Абдурахман, Мидаев Даша, Бакаев Халид и Альтемиров Осман.** Комсомольцы, явившиеся первыми ласточками коммунистического движения в Чечне, создавали из числа своих членов первые кадры чеченской партийной организации. В это же время были посланы первые комсомольцы на юридические и командные милицейские курсы. Произведенный в 1922 году коллективный посев на участке слободы Воздвиженской для создания фонда Оргбюро РКСМ урожая не принес. Весною это посевы сильно пострадали от набегов враждебных комсомолу группировок, и собранный урожай не покрыл задолженности Земле управлению по взятой для засева участка семенной ссуде.

Нужда в политпросветработниках. В организации остро чувствовался недостаток политико-просветительный работы. Оргбюро РКСМ неоднократно возбуждало ходатайство перед Юго-Восточным Бюро РКСМ о прикомандировали политпросветработника, но эти ходатайства долгое время оставались «гласом вопиющего в пустыне». Оргбюро РКСМ, при существовавшем штате, не имело возможности обслужить организации члены и показали себя стойками перед лицом гонений на организацию и усиленной агитации контр-революционных элементов, но все же эти члены были неграмотны, как технически, так и политически. В целях большого сплочения организации

и более успешного ее обслуживания пришлось временно приостановить прием новых членов.

Секретарь — растратчик. 16-го июля 1923 года секретарь Орбюро РКСМ т. Бессолов был откомандировал, а не его место был выделен по рекомендации Оргбюро РКП (б) тов. **Челясеко Жан Жанович.** Этот товарищ, по его словам, был членом Итальянского комсомола, но официально его прошлое и до сих пор для тогдашних работников Оргбюро РКСМ остается неясным. Он проработал секретарем Оргбюро РКСМ всего 10 дней, а 26-го июля уже стоял вопрос о снятии его, как совершенно непригодного к работе. Сам же тов. **Челяско** предупредил решение Оргбюро и скрылся из Чечни, захватив с собой всю наличность кассы Оргбюро РКСМ. Секретарем Оргбюро РКСМ был выделен командир взвода ЧОН тов. **Виноградов**, но в скорости он был командирован на повторные курсы, и в Оргбюро остались т. т. **Сапаров**, **Васильев, Казалиев, Мидаев и Азнарашвили** (как представитель Оргбюро ВКП (б).

Подготовка актива. Для укрепления и руководства организацией требовались хорошие секретари ячеек, а их не было. Не было и средств на организацию курсов-съездов и совещаний.

Заботясь о создании хорошего комсомольского актива, Оргбюро РКСМ стало деятельно выделять комсомольцев в совпартшколу, на сельско-хозяйственные курсы, в военно-политическую школу, на курсы милицейского начсостава и на ростовские комкурсы. В то же время, зная огромное значение общественных работ для Чечни и стремясь к поднятию своего авторитета, комсомольцы приняли деятельное участие в постройке Атаги-Гойтинского канала. Они рассчитывали, что для населения слова ничего не значат, а имеет значение лишь дело, показ, и не ошиблись в своих расчетах. Авторитет комсомольской организацию в глазах бедняцких слоев населения снова стал расти.

Переучет. В первое время после объявления автономии точного учета организации не было. В Оргбюро РКСМ имелись только приблизительные данные об ее численности. Поэтому сразу же

после некоторого укрепления своих позиций Оргбюро РКСМ решило произвести переучет своих сил. В условиях Чечни, при почти полном отсутствии грамотных членов, это была тяжелая, длительная и ответственная работа. Переучет осложнялся еще и тем, что одновременно с этим нужно было производить и генеральную очистку комсомольских рядов от остатков примазавшегося элемента.

Взаимоотношение с партией. Оргбюро РКП (б) мало уделяло внимания комсомольской организации. Объяснялось это тем, что руководящая головка Областного Ревкома и Оргбюро РКП (б) недооценивала роли и роста чеченского комсомола. Представители Оргбюро РКП (б) на заседании Оргбюро РКСМ приходили очень редко, да и посещение их никакой пользы комсомольцам не приносили: они являлись лишь молчаливыми слушателями. Представители комсомольской организации на заседания Оргбюро РКП (б) не допускались. Раньше единственным настоящим руководителем чеченского комсомола был Грозненский Окрком РКСМ, но с выделением Чечни в автономную область он отдалился. Чеченские комсомольцы должны были надеяться только на свои силы, а эти силы были еще слишком слабы. И все же комсомольцы не падали духом. 12-го декабря 1923 года секретарем Оргбюро РКП (б) был назначен тов. **Энеев**, и эта перемена впервые внесла живую струю в работу комсомольской организации. Он присутствовал на ближайшем же заседании Оргбюро РКСМ и своими советами помог в разрешении многих затруднительных для комсомольцев вопросов. Отношение к комсомолу со стороны Оргбюро РКП (б) резко изменилось. Лучше всего это видно из следующей выписки из протокола заседания Оргбюро РКП (б) от 12/XII- 1923 года; Доклад секретаря Чечоргбюро РКСМ **Виноградов**.

Работа среди девушек. С 21 декабря 1923 года комсомольцы стали вести подготовительную работу среди девушек. Влияние мулл и старых адатов в Чечне было еще сильно. Чеченская женщина считались за домашнее животное, не смеющее иметь своего мнения и обязанное во всем покоряться своему хозяину-мужчине. Благодаря

этому, работа среди девушек на каждом шагу встречала рогатки и, казалось бы, неопределимые препятствия. Эта работе требовало большого такта и при малейшей ошибке грозила провалиться. И все же неграмотные, темные, забитые комсомольцы-чеченцы взялись за эту работу.

1924 год. Возобновление приема. К январю 1924 года некоторые ячейки настолько уже окрепли и организационно и идеологически, что пополнение их рядов новыми членами не могло уже вызвать понижения их работоспособности, и Оргбюро РКСМ разрешило ячейкам сел. Шали, Гойты и Старые-Атаги возобновить прием новых членов. К этому времени закончился и переучет организации. Укрепление организации позволило выдвинуть на очередь вопрос о создании ячеек, тем более, что из аулов то и дело поступали коллективные заявления молодежи об организации ячеек. В январе же была начата по ячейкам разъяснительная кампания для вовлечения комсомольцев в спортивные кружки, но эта кампании, по местным условиям, больших результатов не дала. В данном случае можно было рассчитывать лишь на длительную постоянную работу, так как подавляющее большинство комсомольцев еще было слишком отстало. В феврале возобновился прием новых членов и в Алхан-Юртовской ячейке. Внимательное отношение со стороны Оргбюро РКП (б) сказывалось: организация все более укреплялась. Дисциплина в ячейках крепла, так как все недисциплинированные и пассивные комсомольцы безжалостно отсекались от организации, как мертвый груз.

Воспитание и шефство. Начатое в 1923 году издание комсомольской странички в местной газете шла слабо. Материал, даваемый комсомольцами, зачастую носил разоблачительный характер. Но этот материал часто не пропускался ответ редактором. Поэтому страничка становилась безжизненной, не интересовало комсомольцев, а также и не имела достаточного политико-воспитательного значения для организации.

Собрания ячеек и собеседования сделались регулярными, уменьшились неявки не собрания и беседы. Проводимая в ячейках ликвидация технической и политической неграмотности все более повышала сознание комсомольцев и расширяло их кругозор. В целях лучшего пролетарского руководства аульскими ячейками, с Грозненскими Окружным комитетом РКСМ было условлено прикрепить к аульским городские ячейки. Однако, существенного результата эта мера же дала, вследствие затруднительности живой связи.

На учебу. Острая нужда в секретарях аульских ячеек вплотную поставила вопрос об организации курсов-съездов секретарей ячеек. И этот вопрос был разрешен выделением 14 человек выдержанных и способных комсомольцев для прохождения курсов. В то же время были посланы на **Рабфак Донского Государственного Университета** 5 комсомольцев и 2 беспартийных и на курсы ЧОН в Махач-Кала 6 человек комсомольцев.

Работа среди детей. Развивавшаяся работа комсомола дала возможность позабавиться и о создании детской организации. 19 мая было организовано при Оргбюро РКСМ Детбюро в составе т. т**. Васильева, Эльдарханова Иса, Ямушкина, Исаевой и Смышляева.** Первые попытки организации пионерских отрядов встретили скрытое противодействие враждебных группировок. Особенно ярко эти проявилось в школе II ступени имени т. Эльдарханова. Там вопрос был даже поставлен так, что детям нужно учиться, а не заниматься политикой. Все же Детбюро не отпускало рук и понемногу подготавливало почву для создания детской организации.

Апрельское совещание. Апрельское совещание секретарей ячеек уделило большое внимание международному положению СССР и денежной реформе. Совещание, будучи извещено о призвании Советского Союза рядом капиталистических государств, отметило укрепление значения СССР. Денежная реформа была признана мероприятием, направленным исключительно к соблюдениям

интересов трудящихся, и участники совещания поставили принять все меры к разъяснению населению денежной реформы. Вместе с тем было постановлено развить через ячейки в аулах агитацию среди населения за подписку на крестьянский выигрышный заем, а также оказывать Областному Финотделу помощь в налоговой работе. Из докладов секретарей ячеек с. С. Гойты и Гехи выявилось, что работе сильно мешает отсутствие помещений, игнорирование ячеек местными властями и противодействие духовенства и кулачества. Совещание постановило просить Оргбюро РКСМ об устранении этих тормозов. На этом совещании было решено возобновить прием новых членов, ограничив число принимаемых для каждой ячейки таким образом, чтобы было обеспечено руководство ими со стороны старых членов ячейки. Удалено было большое внимание также вопросам политико-просветительной работы, ликвидации неграмотности и работы среди девушек и батрачества. Такие совещания возможность Оргбюро всегда быть в курсе состояния организации на местах и направлять работу ячеек. В то же время секретари ячеек, делясь опытом, создавали единую линию работы. После совещания прием новых членов возобновился во всех ячейках, но число могущих быть принятыми лишь в одной ячейке достигало 20-ти человек. В большинстве же ячеек это число колебалось от 5 до 15 человек. Ячейка сел. Шама-Юрт была лишена права приема новых членов, ввиду ее ненадежности. И это мнение о Шама-Юртовской ячейке не замедлило подтвердиться. Во время производства разоружения населения у членов Шама-Юртовской ячейки было отобрано оружие. А после отказа — вышли из организации, доказав свои шкурнические стремления. Поэтому старый состав ячейки было решено считать распущенным, а ячейку реорганизовать, допустив в нее лишь наиболее надежных бедняков.

Майское совещание. Майское совещание секретарей ячеек было посвящено вопросам международного положению, подготовке к 3-й годовщине чеченской организации, докладам ячеек, переименования комсомола в Ленинский и созыва Областной

конференции. Еще так недавно едва разбиравшиеся в задачах своей организации, на этом совещании комсомольцы выявили себе далеко шагнувшими вперед. Празднование 3-й годовщины чеченской организации решено было провести под лозунгом вовлечения в организацию наибольшего числа бедняцкой молодежи. Ячейки обязались провести подготовительную работу для превращения празднования годовщины в праздник всей чеченской молодежи. Из докладов ячеек выяснилось, что в работе ячеек произошли частичные изменения к лучшему. Так, улучшилась взаимоотношения ячеек с местными властями и усилилось участие ячеек в общественной работе. Но в то же время хромали работа среди женщин и детей и проведение бесед. Членские взносы уплачивались комсомольцами крайне неаккуратно. Решение ЦК РКСМ о переименования Комсомола в Ленинский встретило живой отклик чеченской организации. Комсомольцы целиком присоединились к этому решению, давая обещание оправдать то почетное звание т твердо идти по пути, указанному Ильичем. Созыв областной конференции решено было назначить на 4-е июня 1924 года.

К этому времени разверстка, данная ячейкам на прием новых членов, была заполнена, и прием в организацию был приостановлен до областной конференции.

По указанию Юго-Восточного бюро ЦК РКСМ, чеченская организация должна была перейти на выборные начала. Но чеченские работники еще сомневались в своевременности этого перехода. Вопрос этот долгое время находится в стадии обсуждения и был разрешен в положительном смысле лишь перед самой областной конференцией.

Первая (3-я) Областная Конференция. Первая Областная Конференция чеченской организации РКСМ, продолжавшейся с 4 по 7 июня 1924 года, принесла с собой новую полосу работы организации. На конференции. На конференции организация впервые чувствовало под собой твердую опору. Впервые на конференции не упоминалось о необходимости борьбы

за существованием организации с враждебными группировками. Организация, наконец, стала вполне легальной, чему немало способствовало большая поддержка со стороны секретаря Оргбюро РКП (б) т. **Энеева.**

Делегаты конференции присоединились к решению ЦК РЛКСМ о переименовании комсомола в Ленинский. Было решено провести по ячейкам ряд бесед о значении переименования, чтобы каждый член организации стремился к выполнению заветов Ильича, оправдываю свое высокое знание Ленинца.

По докладам Юго-Восточного Бюро и Областного Оргбюро РКСМ были вынесены резолюции, установившие полную удовлетворительность их работы. Но в то же время выявилась необходимость и дальнейшего развития работы чеченской организации. Техническая неграмотность в организации еще сильно давала себя чувствовать. Актив рос медленно, отставая от общего роста организации. Требования момента заставили обратить внимание на скорейшую ликвидацию неграмотности среди комсомольцев и создание способного к руководству организацией актива. Все более усложняющаяся работа в организации требовала партийного руководства низовой сетью организации. Организованные Оргбюро РКП (б) в аулах кандидатские группы полностью это руководство осуществить не могли, ввиду своей слабости. Поэтому конференция решила развить работу по созданию в организации партийного ядра, путем передачи в партию наиболее твердых и проявивших себя на работе комсомольцев. Вместе с тем к этому времени вполне назрел вопрос о необходимости передачи в партию переростков. Допускаемая в прошлом в организацию зажиточная молодежь, лишь тормозила общий ход развития организации, вызывая в ней нездоровые уклоны и шатания. Во избежание в будущем таких явлений, решено было в дальнейшем при приеме новых членов держать твердый курс на бедняцкую молодежь.

Работа среди детей и женщин все же достаточно не продвинулись

вперед. А между тем развить эту работу нужно было во чтобы то ни стало. Дети обучались в медресе, а в советские школы шли слабо, тем самым подпадая под губительные влияние духовенства. Нужны были срочные меры и упорная работа для отвлечения детей от этого разлагающего влияния, и конференция заострила внимание организации на этом вопросе. Вместе с тем конференция нашла необходимым возложить на каждого комсомольца обязанность начать борьбу за вовлечение девушек в первую очередь со своего семейства. Для этого рекомендовалось постепенно, путем бесед с родственниками, бороться с калымом, как главным злом, закрепощающим женщину. С этой же целью использовать также вечерники для разъяснения девушкам значения комсомольской организации через проведение в присутствии девушек бесед с беспартийной молодежью.

Особенности чеченского хозяйства давали основание предполагать возможность успешного развитию кооперации. Но отсталость населения требовала серьезной подготовительной работы. Комсомольцы являлись в ауле основным кадром революционного советского актива и вся тяжесть работы по вовлечению населения в кооперацию должна была лечь на их. Из аулов поступали массовые заявления молодежи о желании вступить в комсомол, но эти просьбы до того удовлетворялись далеко не полностью, в виду невозможности осуществить достаточное руководство вновь организуемыми ячейками. Влияние комсомольской организации распространилось уже и на горные районы: оттуда также стали поступать просьбы об организации ячеек. Эти обстоятельства поставили перед конференцией необходимость расширения сети ячеек для возможно большего охвата организацией лучшей части чеченской молодежи. И конференция, учти укрепление организации разрешила этот вопрос в положительную сторону, признав одновременно необходимой организацию еще двух райкомов. Из доклада ОНО выяснились тяжелые условия работы по народному просвещению, благодаря чему результаты выявились еще весьма

слабо. В дальнейшем необходимо было работу ОНО усилить, для чего и было вынесено пожелание наибольшего привлечения к этой работе комсомольцев. Настаивая на переходе чеченской организации на выборные начала, как вполне оформившейся, Юго-Восточное Бюро ЦК РКСМ не ошиблось в своих расчетах. Яснее всего это доказали выборы Областного Комитета, в состав которого вошли действительно активные, стойкие, развитые и работоспособные комсомольцы. Первый состав Областного Комитета был создан из товарищей — члена Оргбюро ВКП (б) **Токаева Джамала, Мидаева Даша, Чеканова (**Грозгубком**), Виноградова, Орлова, Сливицкого, Сайханова А. (**Ведено**), Азиева, Мамаева, Сайханов Абу и Саламова.** Кандидатами в члены Областного Комитета были избраны **т. т. Гельдибиев М., Берсанцукаев, Ачигов Ахмат, Басханов М., Видаев Д и Гисаев Муса**. На этой конференции впервые были выделены делегаты на Всесоюзный Съезд ВЛКСМ; выделены **т. т. Орлов** и **Мидаев.**

Подготовка актива. В развитие постановления конференции об увеличении и улучшении активного ядра организации, I-й Пленум Обкома РКСМ решил расширить количественный состав совещаний секретарей ячеек. Вместе с тем, при этих совещаниях решено было организовать семинарские курсы-съезды, для проработки на них вопросов комсомольской практики. Это и было проделано на ближайших двух совещаниях, созванных в летнем периоде. Для улучшения же квалификации областного актива заместитель секретаря Обкома РКСМ т. Мидаев Даша был командирован, согласно разверстки Крайкома РЛКСМ, на трехмесячные курсы в г. Железноводск. Намеченная конференцией организация двух райкомов требовала увеличения постоянного штата работников. I-й Пленум возбудил ходатайство перед Крайкомом РЛКСАМ об увеличении штата Обкома на 2 ответственных и 2 технических работников. Но разрешение этого вопроса в Крае затянулось, а своих средств у Обкома не было, и перед Обкомом снова стала угроза отставания руководства от роста организации.

Работа по налогу. Надвигавшаяся налоговая кампания требовала привлечения к этой работе всех активных сил аула. Областной Финотдел главную поддержку в своей работе ожидал от комсомольской организации и в своих ожиданиях он не ошибся. Комсомольцы живо откликнулись в своих ожиданиях он не ошибся. Комсомольцы живо откликнулись на просьбу Финотдела о содействии, и аульские ячейки приняли активное участие в сборе налога, подавая населения пример своевременной уплатой налога и ведя разъяснительную компанию среди населения. Попутно комсомольцы использовали все средства дня агитации среди населения за подписку на крестьянский выигрышный заем, доказывая пользу его для крестьян.

Новые ячейки. Организация новых ячеек сразу пошла вполне успешно, распространяясь и на горные районы. Сначала были организованы ячейки в аулах Шатой, Самашки, Цацан-Юрт, Старо-Сунженский, Нижний-Наур и Старый-Юрт, а затем ы аулах Урус-Мартан, Джугуртой, Беной и Герменчук и, наконец, в аулах Кулары, Алхан-Кала, Кень-Юрт, Шама-Юрт, Бердыкель и Мескер-Юрт. В то же во всех ячейках наблюдался большой наплыв молодежи, желающей вступить в организацию. С ростом организации и с укреплением ее рядов росла и дисциплина. Комсомольцы стремились к созданию твердой организации, могущей подать пример населению в строительстве новой жизни. И ячейки выбрасывали из своих рядов пассивный элемент и тех членов, которые своим поведением пятнали организацию, возбуждая недовольство населения.

Первый Съезд Советов Чечни. Проходивший в июле 1924 года первый Съезд Советов Чечни проводился под знаком диктатуры эльдерхановщины. В это время лишенных избирательных прав в Чечне не было, и съезд оказался на лишенных избирательных прав в Чечне не было, и съезд оказался на 60 проц. кулацким. Комсомольцы, возглавляемые тов. Токаевым на Съезде резко выступали против эльдархановцев, выражая мнение бедноты, ненавидевший правление «рассах» — Эльдарханова. Но кулаки

победили своим большинством. Несмотря на свое поражение при выборах, комсомольская организация показала себя, как реальную силу, и Облисполкому волей-неволей пришлось переменить свое отношение к комсомольцам, тем более, что на их стороне было Оргбюро РКП (б) и симпатии большинства бедняцкого населения. Взаимоотношения с советскими органами наладились, и комсомольцы все больше и больше вовлекались в советскую работу. В урегулировании взаимоотношений сыграло немалую роль активное участие комсомольцев в кампании по перевыборам советов. Правда, кое-где аульские власти пробовали оказывать давление на комсомольские ячейки, но твердая поддержка Оргбюро РКП (б) быстро уничтожала эти реакционные настроения. Духовенство и кулачество шаг за шагом сдавали свои позиции и ограничивались лишь незначительными уколами исподтишка. Одним из достижений организации необходимо отметить введение в состав Облисполкома представителя Обкома РЛКСМ. До съезда на учебу шли неохотно: кто-то пустил слух, что то кто пойдет учиться, будет проклят. Но выступление на съезде курсантов резко изменило отношение молодежи к учебе. После съезда сразу было подано до 700 заявлений о желании быть командированными в учебные заведения.

Со своим активом. Командированные на курсы ЧОН в гор. Махач-Кала 6 комсомольцев по возвращении были назначены секретарями аульских ячеек. Они явились первыми, получившими соответствующую теоритическую подготовку, аульскими работниками. К сентябрю месяцу организацию настолько разрослась, что потребовался некоторый перерыв в приеме новых членов для должной обработки уже принятых. Вопрос об увеличении штата Обкома РЛКСМ все еще не был разрешен, и прием в организацию с 23 сентября снова был приостановлен. 22 октября секретарь Обкома РЛКСМ тов. Орлов был отозван в Крайком РЛКСМ, и секретарем был выделен тов. Мидаев Даша, к тому времени возвратившийся уже из города Железноводска

по окончании трехмесячных курсов. Чеченская организация уже имела свой, хотя и небольшой, но достаточно подготовленный актив.

Ноябрьское совещание. Ноябрьское совещание секретарей ячеек еще раз подтвердило необходимость участия комсомольцев в налоговой кампании. Как лучший метод работы, помимо агитации, была отмечена необходимость введения представителей от комсомольцев в окружные налоговые комиссии. В то же время комсомольцы обязались следить за выявлением скрываемых кулачеством объектов обложения, за правильным применением льгот и оказывать местной власти помощь в принудительных взысканиях.

Из докладов секретарей ячеек аулов Шали, Нижний –Наур, Ведено, Шатой, Урус-Мартан, Старые-Атаги, Самашки и Валерик выяснились частичные нападки на ячейки со стороны кулачеству там, где его представители пролезли в сельсоветы. Работе ячеек опять таки мешали отсутствие помещений и малочисленность грамотных членов. Ликвидация неграмотности продвигалась медленно. Актив был отправлен на учебу, а Обком не мог развить достаточного руководства, так как не располагал достаточным штатом. Благодаря политической неграмотности комсомольцев, работа среди женщин и детей продвигались слабо. Как достижения, были отмечены вовлечение ячейкой сел. Валерик шести девушек, организация рядом ячеек отрядов «ЮП» и организация Нижне-Наурской ячейкой кооператива.

Совещание признало, что недостаточность работы ячеек объясняется в большей своей степени слабой подготовкой и необеспеченностью секретарей, принужденных главное свое внимание уделять своему хозяйству. Пионерская работа без соответствующей подготовки вожатых также налажена быть не могла. Поэтому совещание указало на необходимость создания курсов секретарей ячеек и вожатых, а также на желательность привлечения секретарей ячеек на советскую работу.

К началу декабря штат инструкторов Обкома был доведен

до 6 человек. Это дало возможность усилить руководство работой организации, и 3-го декабря снова был разрешен прием новых членов.

Батрачество. Очередной задачей работы перед организацией стала работа среди батрачества, как наиболее желательного для организации элемента. Ячейки, заботясь о вовлечении батраков в организацию, в то же время заботились и о защите их экономических интересов, помогая Союзу Всеработземлеса в учете батраков и заключении договоров.

Результаты за год. За 1924 год комсомольская организация Чечни, пользуясь поддержкой партийной организации, выросла и количественно и качественно. Дисциплина в ячейках неуклонно укреплялось, рос новый аульский актив, и ячейки завоевывали все большее доверие бедняцкого населения. К концу 1924 года организация насчитывала в своем составе 40 ячеек, объединявших 1524 члена и 38 кандидатов, в том числе 21 девушку. Развивалось и пионерская организация, насчитывавшая в это время 4 отряда, объединявших около 150 пионеров. Лучшей иллюстрацией качественного роста комсомольской организации является передача за 1924 год в партию 50 комсомольцев 1924 год явился для комсомольской организации Чечни годом окончательно укрепления ее позиций, годом крупного поражения враждебных комсомолу группировок.

Роль учащихся. В 1923 году вербовка на курсы среди комсомольцев шла слабо. Молодежь, ввиду агитации духовенства и кулачества, пехотно шла на учебу, несмотря на большую тягу к знаниям. Благодаря этому, на курсы в 1923 году попала в большинстве интеллигентная молодежь, бесполезная для комсомольской организации. В 1924 году картина резко изменилась. Комсомольцы охотно стали идти на учебу, заполняя места в совпартшколе и других учебных заведениях. Если в 1923 году организацией было командировано на учебу всего 25-30 человек, то в 1924 удалось пропустить через курсы и командировать на учебу

более 150 человек. Так, на кавалерийские курсы в национальные школы было командировано 20 человек, в совпартшколу — 35 чел., на курсы по подготовке в учебные заведения — 35 чел., на курсы ликвидаторов неграмотности — 36 чел. и т. д. Вскоре же между ранее попавшими на учебу интеллигентами и вступившими в учебные заведения комсомольцами начались трения, перешедшие затем в открытую вражду. Интеллигенты не хотели отрешиться от реакционных наклонностей, тогда как комсомольцы стремились к искоренению этих течений. Интеллигенты, следуя советам **Эльдерханова**, стремились лишь к изучению общих наук, а комсомольцы стремились к ознакомлению и с вопросами политического характера. В этой борьбе неразвитые комсомольцы своей убежденностью взяли верх. Выезжая же во время каникул на практику в аулы, они своей еще более закрепляли авторитет учащихся среди населения.

1925 год. Руководство. Укрепление авторитета организации и растущее доверие к ней со стороны бедняцкого населения все более усиливали тягу молодежи в комсомол. Из аулов поступали десятки коллективных заявления об организации ячеек. Организованные уже ячейки были завалены заявлениями желающих поступить в комсомол. Влияние организации на молодежь возросло до того, что даже наиболее отсталая молодежь горных районов присылала одно заявление за другим об организации ячеек. И главное внимание руководящего актива было перенесено на оформление и укрепление организации в горах, хотя на этом пути вставили большие трудности. Главными из них были отсутствие средств передвижения и поголовная неграмотность молодежи горных районов. Если в плоскостных ячейках к этому времени уже были кое-как грамотные, а местами даже и прилично-грамотные секретари, то в горных ячейках об этом пока могли только мечтать. В то же время имевшийся в распоряжении Обкома РЛКСМ инструкторский аппарат был слаб и качественно. Весь наиболее развитый актив был командирован на учебу, и работа проводилась

с большими усилиями руководящего актива. Инструктирование ячеек все же непрерывно улучшалось. У многих ячеек-прежнему не было помещений для собраний, в организации не было средств, не на что было приобрести канцелярские принадлежности, а потребности все росли. У комсомольцев ощущалась огромная тяга к знаниям, к развитию, а средств на приобретение литературы и газет не было.

Переростки. Организация была перезагружена членами, переросшими комсомольской возраст, и это обстоятельство грозило созданием в некоторых возраст, и это обстоятельство грозило созданием в некоторых ячейках нездоровых уклонов, борьба с которыми была бы трудна из-за невозможности осуществить необходимое руководство работой ячеек. Для ликвидации этой ненормальности прием переросших в организацию был прекращен, с исключением лишь для горных районов. Одновременно была усилена работа по передаче переросших в партию. И эти мероприятия принесли организации большое облегчение, сократив число переросших членов и увеличив ряды партийной организации.

Отсеивание вступающих. Шкурники и карьеристы, отшатнувшиеся от организации во время гонений, теперь вдруг почувствовали огромное желание снова состоять в организации и даже имели стремления к восстановлению своего стажа. Но этим их стремлениям со стороны комсомольцев были противопоставлены предохранительные меры. Желающие вступить в комсомол предварительно изучалась, о них собирались подробные сведения, и этим обеспечивались возможность вступления в организацию лишь действительно пролетарского элемента. Эти предохранительные меры проводились уже не только областным активом, но и самими ячейками, стремившимися к сохранению чистоты своих рядов.

Разоружение. Спокойному и успешному восстановлению чеченского хозяйства мешал бандитизм. Крестьян, выезжая на работу в поле, вооружаясь с головы до ног, так как ежеминутно

можно было ожидать нападения бандитов, отбиравших последний рабочий скот.

Во время гражданской войны в Чечне скопились громадные запасы оружия. В каждой сакле обязательными предметами были винтовки, револьверы. И главным средством уничтожения бандитизма являлось изъятие оружия. Комсомольцы поняли значение разоружения и приняли в нем горячее участие. Сдав свое оружие, они деятельно помогали комиссии по разоружению в изъятии оружия у остального населения. Попутно они пользовались всяким случаем, чтобы разъяснить населению необходимость сдачи оружия.

Рост организации. Доверие населения к комсомольцам усилилось и следствием этого явилось усиление тяги молодежи в Комсомол. Если к началу года организацию насчитывала 40 ячеек с 1.520 членами и 38 кандидатами, то к концу года было уже 86 ячеек с 2.753 членами и 32 кандидатами. Несмотря на то, что за год по разным причинам выбыло 568 чел., организация за год увеличилась на 80,6%.

Вовлечение девушек. Работа среди девушек встречала на своем пути много почти непреодолимых для темных комсомольцев трудностей, но все же продвигались вперед. Комсомольцы обратили главное внимание на калым, они старались об установлении твердой небольшой суммы калыма, чтобы сделать его простой обрядной формальностью, и этим завоевывали симпатии девушек. Если к началу года в организации было лишь 21 девушка, в том числе **8 чеченок**, то к концу года их было **уже 66**, в том числе **22 чеченки.**

Расширение аппарата. Руководство аульскими ячейками осуществлялось через **волорганизаторов** и инструкторов. Стремительный рост организации создавал недостаточность такого руководства. Требовалось приближение руководящего аппарата к местам, так как крайняя разбросанность ячеек не давала никакой возможности обслужить их имевшимся до сих пор штатом. И эти обстоятельства заставили организовать при Обкоме орготдел и политпросветотдел и ввести в штат областного инструктора.

А в апреле 1925 года были созданы окружные Оргбюро РЛКСМ в Шалинском, ново-Чеченском, Урус-Мартановском и Надтеречном округах.

Полит.-просвет. Работа в городе. Благодаря наличию в города хорошего кадра комсомольского и партийного актива, политпросветработа в городских ячейках развивалась успешно. В городе было **4 ячейки,** из которых одна была производственная — русская, а в остальных состояло **80 проц. чеченцев.** В периоде февраль — март была произведена в городских ячейках политпроверка, выявившая политическое развитие городских комсомольцев. В результате из 212 комсомольцев было отнесено 3-й **категории 17 чел., ко 2-й категории — 26 чел., и к 1-й категории — 172 чел**. выяснение политической грамотности городской организации позволило лучше ориентироваться в работе, и после политпроверки в городе были организованы **1 ленинский**, **1 политический и 7 комсомольских кружков**. Одновременно был организован семинарий для руководителей этих кружков. При чеченском клубе и совпартшколе были организованы юношеские секции с двумя юнкоровскими кружками, драмкружком и другими. В силу своей молодости, эти секции и кружки вначале опыта увеличивало продуктивность их работы. Городская организация чеченского комсомола крепла, выковывая из своих членов новый кадр стойкого и работоспособного актива.

Полит.-просвет. Работа в ауле. В аульские ячейках в это время политико-просветительная работа продвигалась много слабее. Ячейковый актив был слишком слаб сам, кандидатские группы РКП (б), сами недавно организовавшиеся, существенный пользы принести не могли. К 8 ячейкам были прикреплены активисты-чеченцы, в 26 ячейках комсомольцы сами, преодолевая трудности, наладили регулярность проведения политбесед, под наблюдением и инструктированием волорганизаторов РКП (б) и РЛКСМ. Под руководством последних в двух окружных центрах были организованы 2 кружка политграмоты. В программе ячейковых

бесед и кружков были изучение программы и устава РЛКСМ и истории юношеского движения на западе, в России и в Чечне, Силами руководящего актива были завербованы 9 юнкоров и организованы 7 кружков юнкоров, которые и стали выпускать 4 стенгазеты. в 14 ячейках, главным образом, горных, политико-просветительная работа почти не проводилась. С февраля в разных округах организовались 6 сельско-хозяйственных кружков. Работа их проводилась при агрономических участках под руководством агрономов. Вначале работа этих кружков была рассчитана на приобретение комсомольцами элементарных знаний, направленных к поднятию сельского хозяйства. Члены кружков занимались корчеванием пней на полях, удобных для посева, увеличивая площадь удобной земли. Им разъяснились агрономами улучшенные способы обработки земли.

Комсомольцы быстро воспринимали эти новые для них истины и стремились передать их окружающему населению. Сельско-хозяйственные кружки помогали агрономам в организации конкуров на лучшее трудовое сельское хозяйство.

Ликвидация неграмотности. Главным препятствием на пути развития политико-просветительной работы явился огромный процент неграмотности. Руководящий актив стремился к скорейшей ликвидации неграмотности в организации, ставя ее обязательным условием для пребывания в рядах организации. Да и у самих комсомольцев наблюдалось огромная тяга к учебе, особенно на русском языке. Комсомольцы видели в грамотности на русском языке путь к дальнейшему своему развитию. Чтобы создать достаточный кадр комсомольского чеченского актива, нужно было пропустить комсомольцев через курсы и ВУЗы, а для поступления туда требовалось знание русского языка. Благодаря недостатку грамотных по-русски комсомольцев, чеченская организация не смогла даже заполнить предоставленные ей места на курсах. Так, на кооперативные курсы в г. Владикавказ, вместо требуемых **40 человек**, было командировано **32 чел.** На курсы ТООГПУ в гор.

Москву, вместо 10 чел., — 7 чел. и т. д. Это обстоятельство создавало в комсомольской среде огромную тягу к ликвидации неграмотности на русском языке. Да другого пути к ликвидации неграмотности у комсомольцев в то время и не было, так как вопрос о чеченском алфавите еще находился в стадии обсуждения.

Правда, еще в 1923 году учителя-арабисты **Сугаипов и Тучаев** приспособили арабскую графику к особенностям чеченского языка. На этой графике было издано за 1923 и 1924 года 13 детских книг, букварь, два задачника и первая книга для чтения **«Детский Мир».** Но арабская графика трудно поддавалась изучению, тайнами арабской графики ведали, большой частью, муллы, а потому эта графика и не привилась.

Несмотря на огромное стремление к учебе, ликвидация неграмотности среди комсомольцев затягивалась. Некоторые ячейки не имели возможности ликвидировать неграмотность своих членов из-за отсутствия в этих аулах ликппунктов не было возможности, так как политпросвет ОНО не располагал достаточным средствами. Благодаря этому, ликпунктами было охвачено едва 40 проц. неграмотных комсомольцев мешало отсутствие литературы, а избами-читальнями политпросвет все ячейки снабдить не мог. Лишь к концу года избы-читальными были организованы почти во всех аулах, где имелись комсомольские ячейки. Для облегчения прохождения комсомольцами и кандидатскими группами РКП (б) по аулам был направлены 2 политшколы-передвижки.

Курсы секретарей. Заботясь о создании хорошего аульского комсомольского актива, Обком РЛКСМ организовал двухмесячные курсы секретарей ячеек. На эти курсы были набраны 50 чел., по одному т каждой ячейки. Занятиями на курсах руководили 5 активистов, имевшие для этого достаточную подготовку. В программу курсов вошли, главным образом, вопросы практической комсомольской работы. Результат работы курсов не замедлил сказаться на работе ячеек. После выпуска курсантов и возвращения их в свои ячейки стало наблюдаться заметное

улучшение в общей работе ячеек, а также и в их взаимоотношениях с партийным организациями, местной властью и населением.

Экономработа и кампании. Экономотдела при Обкоме РЛКСМ не было, с одной стороны, в силу отсутствия материальных средств, а с другой — в силу отсутствия имеющего соответствующую подготовку работника. Поэтому экономработа осуществлялось через представительство комсомольцев во всех профессиональных союзах, для чего было выделено 7 чел. Эти представители заботились о защите интересов молодежи, о заполнении брони подростков, о приобретении молодежью квалификации. Все же, несмотря на неблагоприятные условия работы и отсутствие предшествующего опыта, работа эта проводилась комсомольцами довольно успешно. Комсомольские ячейки участвовали в проведении кампании по сбор единого сельско-хозяйственного налога, в охране аулов, они были инициаторами работ по исправлению дорог и мостов, они активно участвовали в работах по сооружению каналов. В этом году комсомольцы особенно организованно провели празднования 1-го мая, годовщины чеченской организации РЛКСМ, Международный Юношеский День и годовщину Октябрьской революции.

Связь с партией и Советами. Взаимоотношения с партийной организацией, и советскими органами наладилась, и отдельные стычки аульских ячее с забравшимися в сельсеветы представителями зажиточной части населения уже не оказывали на комсомольской такого удручающего действия, как прежде. Комсомольцы чувствовали за собой твердую поддержку партии и знали, что всякое выступление зажиточных, основанное на ненависти к комсомолу, встретит должный отпор и со стороны партийной организации и со стороны советских органов. К концу 1925 года партийное ядро комсомольской организации состояло уже из 17 членов и 102 кандидатов РКП (б), не считая переданных в партию переростков.

Пионерская работа. Начатая в 1924 году работа по созданию пионерских отрядов продолжала развиваться охватывая все большее число детей. Велась подготовка квалифицированных пионерработников, для чего несколько человек были командированы на курсы вожатых. Но широкий постановке этой работы мешало отсутствие средств. Не было возможности содержать необходимый аппарат.

Все же пионерское движение росло, возникали новые отряды, втягивалась новые десятки и сотни детей. Движение распространялось и на девочек. Если к началу года организация насчитывала 7 отрядов, объединявших **324 пионера и 32 октябренка,** то к концу года было уже 24 отряда, объединявших **1189 пионеров и 38 октябрят, в том числе 42 девочки-чеченки, 36 городских и 27 казачек.** Руководителями отрядов были 4 **кандитата РКП (б), 19 комсомольцев и 1 беспартийный.**

Работа в отрядах велась, главным образом, на основе проведения бесед, организации игр и спортивных упражнений и разучивания песен. Наиболее сильными отрядами издавались 3 стенгазеты. Но в пионерской организации, так же, как и комсомольской, остро давала себя чувствовать неграмотность. Поэтому с наступлением учебного сезона вся работа по детскому движению была перенесена в школы. Связь пионерской организации с комсомольской была самая тесная. Имея всего-на-всего одного платного работника, пионерская организация не могла пользоваться достаточным руководством, и ей грозил развал. Но комсомольцы не допустили до этого и, сами не имея достаточной подготовки, по мере руководили отрядами ЮП и заботились об их укреплении. И если пионерская организация за 1925 год не только не ослабла исключительно внимательному попечению, которым окружали комсомольские ячейки организуемые в их селениях пионерские отряды.

Результаты годичной работы. Пятый год существовал чеченской комсомольской организации проходил под знаком усиленной

организационной стройки, увеличения и укрепления ее рядов. Этот год был годом учебы большие слои населения и беспартийной молодежи и подготовки смены. На курсах выковывался новый комсомольский актив. Правда, эти командировки на курсы лишили комсомольскую организацию деятельного актива, на зато у организации появилась твердая уверенность через некоторое время получит действительно квалифицированную силу.

Рост авторитета комсомольской организации увеличивал и число комсомольцев, вовлекаемых в общественную и советскую работу. К концу года числилось комсомольцев в Облисполкоме по выбору 5 чел. в окружных исполкомах по выбору 13 чел. и по представительству — 13 чел, В сельсоветах по выбору 72 чел, и представителей — 20 чел. В правлениях кооперативов по выбору 19 чел. и представителей — 17 чел. в профорганизациях по выбору 19 чел. и представителей — 7 чел. в сельско-хозяйственных товариществах по выбору 6 чел. и представителей — 8 чел. Кроме того, членами кооперации состояло 189 чел. и членами добровольных обществ — 409 чел.

1926 год. Слабость партийного руководства. Разрастаясь и укрепляясь, чеченская комсомольская организация по своему составу являлось организацией крестьянской, так как процент рабочего молодняк в ней был очень незначителен. Незначительность чеченской промышленного пролетарского ставили перед Обкомом сложную задачу практического пролетарского руководства организацией. Ощущалась недостаточность охвата чеченской молодежи школами фабрично-заводского ученичества и бригадным ученичеством.

Пролетарского руководство аульскими ячейками могло бы осуществиться через вовлечение в организацию батрачества, как пролетарского элемента крестьянства. Но чеченское батрачество, в силу бытовых местных условий, было настолько забито, что в то время не представляло из себя сколько-нибудь ощутительной политической силы. Работа ячеек среди батрачества не была

поставлена на должную высоту, как в силу неподготовленности и слабости самих ячеек, так и в силу скрытия батраков зажиточным населением под видом родственников. Этот недостаток партийно-пролетарского руководства не был бы так ощутителен, если бы в аулах было достаточно твердых партийных ячеек. Но, к сожалению, в это время аульских ячеек РКП (б) было немного и, благодаря не грамотности и неподготовленности своего состава, они поддержки комсомольским ячейкам дать не могли. Существовало договоренность о шефстве с грозненской промышленной комсомольской организацией, но шефством было охвачено лишь небольшое число ближайших аульских ячеек. Но и это шефство осуществлялось через письменную связь, а это-то вид связи как раз и не мог иметь существенного значения для направления работы ячеек.

Уклоны среди актива. Можно было бы обеспечить руководство организацией через актив, но его численность в это время была незначительна. Кроме того, и в среде самого актива наблюдались различные ненормальные уклоны. В большинстве случаев активист, которому удавалось мало-мальски выдвинуться, старался скорее получить портфель и бежать с комсомольской работы. Нередки были случаи отказа активистов от низовой работы, в силу устремления к областному масштабу. Между тем эти активисты даже не имели более и менее достаточной подготовки к практической работе, а лишь щеголяли, обычно, несколькими усвоенными трескучими фразами. Такие болезненные уклоны, естественно, не могли не отозваться на общем состоянии организации. Аульский актив никак не мог свыкнуться с необходимостью проведения плановой работы, а вел ее кустарным способом.

В результате, в аульских ячейках, где подавляющее большинство комсомольцев было неграмотно, создавалась очень благоприятная почва для развития тейповых группировок и построения самих ячеек на родовой почве. Но все же чеченская комсомольская организация, в большинстве своем, если и не путем сознательного

отношения к своим задачам, то путем внутреннего чутья молодежи, преодолевала эти вредные уклоны. Идеологически верные т практически правильные навыки в работ аульских ячеек понемногу прививались, хотя и не так быстро, как бы того хотелось руководящего ядру. Особенно ярко выразилось правильное понимание организацией своих задач во время повторного разоружения. Комсомольцы приняли в разоружении активное участие и много помогли делу личным примером, сдавая свое оружие. Правда, и здесь дело не обошлось без некоторых вредных уклонов, в виде нежелания сдать оружия, но эти уклоны были явлением частичным и проявились, главным образом, среди переросшего состава.

Снова перероствки. Допущение перероствков в состав организации было, конечно, довольно большой ошибкой организации. Но окружающая обстановка не давала возможности избежать этого в силу целого ряда причин. Лучшая часть перероствков являлось организаторами ячеек и оттолкнуть их от организации значило бы принести организации еще большой вред, чем допущение их в комсомольские ряды. С другой стороны, в горных аулах, где население было наиболее отсталым, переросток приходилось принимать в организацию для подготовки их к вступлению в партию.

Рост активности. Все же нельзя не отметить, что, несмотря на множество неблагоприятных условий, активность чеченской молодежи вообще, и комсомольцев — в частности, за 1926 год значительна возросла. С ростом активности росли и запросы молодежи, выражавшиеся, главным образом, в тяге на учебе. Растущая активность комсомольцев наглядно проявлялась в их деятельном участии в строительстве новой жизни аулов — в организации кооперативов, участии в строительстве новой жизни аулов — в организации кооперативов, участии в работе аульских советов и в общественных работах. Но, вместе с тем, среди аульских комсомольцев замечался частичный уклон в сторону ухода в город

на «легкую» работу и отрыва от своего сельского хозяйства. Малочисленность состава Обкома и отсутствие необходимых средств не позволяли Обкому достаточно обсуживать организацию путем живой связи и живого руководства. Окружные Оргбюро РЛКСМ, в силу недавней организации и отсутствия достаточного кадра актива, еще не были приспособлены к практическому руководства работой аульских ячеек.

Вторая областная конференция. Таково было общее состояние организации и условия, в которых протекала ее работа. И все же, к моменту созыва 3-го пленума Обкома, перелом к лучшему выявился настолько заметно, что этот пленум смог наметить целый ряд мероприятий к дальнейшему развитию работы организации. Созванная в январе 1926 года 2-я областная конференция ВЛКСМ нашла необходимым в дальнейшем строго регулировать рост организации, допуская его лишь за счет лучших слоев молодежи, путем отбора желающих вступить в организацию и недопущения в организацию переростков. Было обращено большое внимание на выдвижение и основательную подготовку актива, введение плавности в перевыборы бюро ячеек и упорядочение работы ячеек, путем улучшения повесток дня и разбора ячейками вопросов местной жизни.

Конференции учла, что развитие работы организации и укрепление ее рядов находятся в прямой зависимости от развития комсомольцев. И одной из неотложных задач организации конференция определяла ликвидацию технической неграмотности среди комсомольцев на основе латинской графики, а также ликвидацию политической неграмотности. Недостаточность вовлечения в организацию батрачества и его участия в работе объяснились, главным образом, отсутствием эконом работы и защиты со стороны организации экономических интересов батраков. Поэтому перед организацией встала задача введения планомерной эконом работы и усиления работы среди батрачества. Не ослабила конференция своего внимания и к вопросам помощи

партии в проведении ее политики, сельско-хозяйственного образования комсомольцев, участия в военном строительстве и руководства пионерской организацией. В бюро Обкома были избраны товарищи **Мидаев Даша, Мещеряков Василий, Шайко Павел, Бойко Иван, Висаитов Ахмат и Лукаевич Николай.** Членами Обкома — товарищи **Азиев Мухат, Чекуев Магомет, Анзоров Муна, Сайдулаев Ахмат, Певченко, Джафаров Абдул, Абдулкаев Хамид, Токаев Джамал, Арсанукаев Дауд, Гисаев Муса, Казалиев Саид, Пилибас Иван, Сайханов Осман, Межидов Аюб, Хахаев Юсуп, Гулиматов Магомет, Татарханов Пасиха, Касаева Шумисат, Яндаров Харун, Али-Хаджиев Идрис** и представители от Облженотдела и грозненского Окркома ВЛКСМ. Кандидатами — товарищи **Уцмигов, Омаров Хажук, Хмиров, Окаев Шама, Терлоез, Юсупов и Токашев.**

Организационная работа. В основу организационной работы легли решения 3-го пленума Обкома, Областной Конференции, Краевой Конференции и 7-го Съезда ВЛКСМ. При существовавшей обстановке, при чрезвычайной слабости комсомольского актива, работа не могла обходиться без нажима, путем контроля и требования отчетности и ответственности. Лишь ко второй половине года, с большими трудностями, удалось привить в организации плановые формы работы, но отдельные срывы наблюдались и до конца года. Вредно отражалось на работе то обстоятельство, что актив смотрел на комсомольскую работу, как на второстепенную, стремясь к занятию должностей на советской работе. Но все же за год организация значительно окрепла и количественно и качественно. Введение плавности в работу ячеек дало возможность. Улучшить и усилить руководство ее, а также немало способствовало и выдвижению нового ячейкового актива, усилению работы среди девушек и большему вовлечению комсомольцев в общественно-политическую жизнь аула. Усиление дисциплины в ячейках, путем наложения на комсомольцев дисциплинарных взысканий, вплоть до исключения из организации,

сильно сократило число случаев нарушения дисциплины и побудило комсомольцев более сознательно относиться к своим обязанностям.

Регулирование роста. Вопросы регулирования роста организации тщательно прорабатывались Обкомом и передавались на обсуждение окружных комитетов и окружных совещаний актива. После этого ячейки получили специальные указания, касающиеся этого вопроса, и результатом явился правильный рост организации. В начале года в организации было 86 ячеек, и в них рабочих 79 чел. (2,9 проц.), батраков — 102ч. (3,7 проц.), крестьян-бедняков — 1929 ч. (70 проц.), средняков — 530 ч. (19,3 проц.). За год организация увеличилась на 1111 чел., из которых было 207 рабочих, 690 чел. крестьян-бедняков, 75 чел, средняков, 34 чел, батраков, 2 кустаря и 4 служащих. Таким образом, к концу года организация состояла из 107 ячеек объединявших 3865 членов и 53 кандидата, из них рабочих 286 чел. (7,4 проц.), батраков 136 чел. (3,6 проц.), крестьян-бедняков — 2619 чел. (67,7 проц.), средняков — 705 чел. (18,3 проц.), Правда, к концу года процент пролетарских прослоек организации, за исключением рабочих, несколько упал, но все же рост организации за этот период ненормальным назвать нельзя. Рабочее ядро организации было недостаточно, батраков было мало, но в этой обстановке большого сделать было невозможно. Незначителен был рост организации и за счет девушек. К началу в организации было 26 чеченок и 40 русских, а концу года, 57 чеченок и 95 русских. Такое слабое вовлечение девушек объясняется слабостью работы ячеек, не выполнивших решений пленума Обкома и Областной Конференции. Женработниц в аулах не было, и организация отдельных женских комсомольских ячеек не прививалась. Для усиления работы среди девушек решено было развивалась. Для усиления работы среди девушек решено было развивать эту работу через школы кройки и шитья, организация групп при ликпунтах и отдельных комсомольских групп.

За год число ячеек возросло с 86 до 107, увеличившись на 21 ячейку. Допустив такое большое увеличение числа ячеек, Обком допустил

ошибку, не рассчитав своих сил, необходимых для обслуживания организации. Благодаря этому, в ячейки совершенно не понимали сущности комсомольской организации, а в некоторых появились и сильные тейповые уклоны. По постановлению Оргбюро ВКП (б) на май месяц прием в организацию был прекращен, а для изучения состава организации были созданы 6 комиссий. Были приняты решительные меры к разгрузке организации от переростков, путем передачи в партию активных и исключения из организации худшей их части.

Руководство. Руководство работой организации осуществлялось через 4 окружных Оргбюро, один подрайком и одного окружного инспектора, которые были непосредственно связаны с 51 ячейкой. Подбор работников в Окружных Комитетах представлял немало трудностей, так как местный актив в округах для этой работы был слаб. Особенно плохо обстояло дело с политпросветработниками, и потому пришлось послать в округа русских. Естественно, что эти работники, не зная чеченского языка, не могли в должной мере развернуть политико-просветительной работы. Для руководства работой окружных комитетов производилось обследование их работы, и эти обследования выявили долгую их бездеятельность и слабость усвоения окружными комитетами задач практической работы. Живое руководство проводилось, главным образом, через окружные совещания актива, на которых и разрешались вопросы практической текущей работы. Немалое внимание также уделялось освещению работы и помещению руководящих указаний в местной газете **«Серло».** Увеличилось и участие комсомольцев в селькоровской работе.

Проведенным обследованием ячеек было достигнут значительное улучшение их работы, так как, одновременно с обследованием, ячейкам давались практические указания, Актив, получая руководство на совещаниях, в свою очередь, передал свой опыт ячейкам, тем самым поднимая их работу. В сильных ячейках – в окружных центрах, в казачьих станицах, в городе

и на производстве –организовались различные комиссии, чем достигались почти поголовное вовлечение комсомольцев в работу. Аульское же ячейки были ещё слабы, и эти формы работы там не могли быть применены. Установлению более нормальной работы ячеек помогло также закрепление бюро ячеек и введение плановости в перевыборы бюро. В целых выявления успехов ячейкового актива, в городских ячейках проводилось взаимное обследование, оживлявшее работу и заставлявшее подтягиваться актив. Ячейкового актива было очень мало Если даже считать активистами членов бюро ячеек, то в августе месяца их было всего 4165 человек, в том числе 22 девушки. Но и этот актив на 70 проц. не был достаточно подготовлен для самостоятельной работы. Областной и окружной актив состоял 21 человека, в том числе 8 человек русских. Большинство активистов являлись выдвиженцами, но особенно крупным являлись выдвижение 4 человек секретарями окружных комитетов ВЛКСМ и 3 человек на областную работу. В городе находились 8 партийных ячеек, а в ауле -9 ячеек и 14 кандидатских групп. Кандидатские группы, в силу неграмотности своего состава, были слабы, и руководства комсомольскими ячейками обеспечить не могли. Во многих аулах комсомольские ячейки были единственными политическими организациями, и это придавало им особое значение. Связь комсомольских ячеек с партийными осуществлялась через взаимное представительство, по партийное руководство этим осуществиться не могло. Тяга комсомольцев в партию наблюдалась большая, по партийное ядро увеличивалось слабо, так как в этом году прием в партию приостанавливался.

Общественная работа. Участие комсомольцев в общественно-политической работе росло, что особенно ярко выделилось при перевыборах советов. Благодаря деятельному участию комсомольцев в перевыборной кампании, число комсомольцев, выбранных в советы, возросло в 8 раз: до перевыборов их было 72 человека, а после перевыборов стало 591 чел. Активно участвуя

в составлении списков порочного элемента, лишенных избирательных прав и выступлениями на сходах с разоблачением кулацких махинаций, комсомольцы еще более закрепили за собой сочувствие бедноты. Были случаи, что комсомольцы подпадали под влияние кулацких группировок, или же выдвигали кандидатуры неавторитетных среди населения комсомольцев, противопоставляя себя сходу, но такие случаи были в виде исключения. Результатом активности комсомольцев явилось и 35 чел. членами ревизионных комиссий. Из этого числа 15 чел. были избраны председателями сельсоветов и 3 чел. председателями окружных исполкомов. Кроме того, на самостоятельной работе в сельско-хозяйственной кооперации было 8 человек, потребительский — 37 чел., членами кооперативов — 223 чел., месткомов — 36 чел., заведывающих избами-читальнями — 21человек, членами МОПРа — 710 чел., ОДВФ — 748 человек, Доброхима — 349 человек, ОДН — 503 чел. и фабзавкомов — 19 человек. В абсолютной своей величине эти цифры, по сравнению со всей организацией, очень малы, но и это в тогдашней обстановке было значительным достижением. Не ограничиваясь этим официальным участием, комсомольцы не оставляли без внимания ни одной общественной работы, подавая населению пример активности.

Дисциплина. Борьба с ненормальностями в организации проводилось через организованную при Обкоме конфликтную комиссию и выдвинутых в округах уполномоченных КК. Благодаря энергичной работе комиссии, державшей связь через представительство с областной контрольной комиссией партии, организация укрепила дисциплину и очищала свои ряды от разлагающего элемента.

Ликвидация неграмотности. После второй Областной конференции главное внимание по агитпроработе было обращено на ликвидацию в ликвидацию в организации технической неграмотности на основе латинской графики и начальной политической неграмотности. Для этого Обкомом было намечено,

связавшись с политпросветом не имел средств для организации необходимого числа ликпункты и политиросвет не имел средств для организации необходимого числа ликпунктов. Поэтому просьбы многих ячеек об организации ликпунктов в из аулах не были удовлетворены.

Политнеграмотность. В городских ячейках все комсомольцы были технически грамотны, и поэтому здесь главное внимание было обращение на ликвидацию политической неграмотности. Политическое развитие комсомольцев и в городских ячейках было довольно слабое. Но клуба в городе не было, политико-воспитательную работу вести было негде и результатов ее учесть не было возможности. Невозможность проведения плановой работы расхаживало комсомольцев, а применение по отношению к ним жестких мер положительных результатов принести не могло. В 1925—26 учебном году работали 3 политкружка в городе и 3 в Гудермесе. В кружках было записано 250 человек. Работе кружков мешали отсутствие помещения и слабость руководителей, -и, несмотря на наличие твердой программы, занятие производились без всякой системы. Но все же проведенная политпроверка выявила, что число политически неграмотных комсомольцев значительно сократилось. Кроме этого, на собраниях грозненских и гудермесских ячеек летом прорабатывались решения 7-го Всесоюзного Съезда ВЛКСМ и 4-й Краевой Конференции ВЛКСМ. В Грозном и Гудермесе ячейками выпускались 7 стенгазета, но общее отношение к делу печати было крайне халатное. Несмотря на все старания Обкома заинтересовать комсомольцев литературой, дело это двигалось плохо. Лучшей иллюстрацией этого может служить то обстоятельство, что всеми грозненскими и гудермесскими ячейками выписывались всего –на-всего 80 экземпляров краевых и центральных газет. В тех аулах, где имелись избы-читальни, вся политико-воспитательная работа среди комсомольцев сосредотачивались в них. При всех 36 избах-читальнях были организованы и политкружки, но и здесь а тем более в аулах, не имевших изб-читален, работа шла вяло. Учет

работы в ячейках был поставлен слабо, а это создавало полную невозможность учета достижения в этой работе. При подготовке к новому учебному году Обкомом ВЛКСМ были организованы двухнедельные курсы руководителей политчиток, и с 5-го ноября 1926 года 13 политчиток начали свою деятельность. Эти политчитки охватывали 325 человек аульских комсомольцев, и 100 человек охватили 2 комсомольских школы-передвижки. При избах-читальнях издавались в 1926 году 25 стенных газет, имелось 36 политкружков, 24 сельско-хозяйственных кружка и 9 санитарных кружков, и во всех этих кружках подавляющее число членов состояло из комсомольцев. Благодаря деятельному участию комсомольцев в работе изб-читален, последние понемногу становились действительными культурными центрами аулов.

Латинская графика. Переход ликпунктов на латинскую графику сначала встретил со стороны комсомольцев довольно сильное противодействие. Комсомольцы видели, что для поступления на курсы или на советскую работу необходима грамотность на русском языке и считали изучение латинской графики совершенно излишним. Опасаясь, что увеличение числа ликпунктов на основе латинской графики вытеснит русских учителей и лишит их возможности обучиться русской грамоте, комсомольцы доходили до бойкотирования ликпунктов. Так, благодаря неразумению значения латинской графики для темной Чечни, комсомольцы на первых порах явились как бы врагами нарождавшейся чеченской письменности. Но руководящий актив сейчас же начал разъяснительную кампанию, и эта ненормальность была устранена. Упавшая-было посещаемость комсомольцами ликпунктов снова стала расти. За лето на русском языке и на латинской графике была ликвидирована неграмотность среди 832 комсомольцев, но все же в организации еще оставалось до 60 проц. совершенно неграмотных. В силу национальных бытовых особенностей, девушки не могли посещать ликпункты совместно с мужчинами, и для них требовалась открытие специальных женских ликпунктов. Но средств

у Политпросвета не было, и ликвидацию неграмотности среди девушек провести не было возможности.

Экономработа. Организовавшаяся в январе при Обкоме ВЛКСМ экономкомиссия решила направить свою работу в сторону обслуживания молодежи через представителей комсомольских организацией в профессиональных союзах. В экономработу было втянуто 15 городских комсомольцев, 25 чел. в округах и 60 человек в ячейках, но у этого актива не было никакого опыта и подготовки в экономработе. За год удалось вовлечь в состав грозненского Фабзавуча 40 чеченских подростков, которые были отобраны из 115 чел., намеченных экономкомиссией. Материальные положение учеников Фабзауча было вполне хорошее. Они обеспечивались учебными пособиями, питанием, одеждой и стипендией. Но положение 13 бригадных учеников и 11 учеников на промыслах было неважно, как в смысле питания, так и в смысле жилищных условии. Немалое внимание организацией уделялось и сельско-хозяйственному образованию: из 70 человек учеников сельско-хозяйственной школы большинство было комсомольцем.
Среди чеченской молодежи наблюдалась стремление к поступлению на «чистую» работу, а на производство, в особенности на промысла, молодежь шла неохотно. Особенно большая тяга была к поступлению в милицию. Но все же экономкомиссии удавалось проводить вовлечение чеченского молодняка в грозненскую промышленность. Работа ячеек среди батрачества выражалась в помощи окружному уполномоченному по батрачеству в проведении учета и охвате договорами батраков.

Смена смене. Вместе с ростом и укреплением комсомольской организации, росла и крепла и пионерская организация. Отсутствия у работников достаточно опыта, роспуск школ 1-й ступени на летние каникулы и полевые работы разрушали работу организации. За летний период по этим причинам распались 7 отрядов в аулах **Шама-Юрт, Шали, Самашки, Старо-Сунженском, Цацан-,Юрте и Валерике,** по с началом учебного года эти отряды были

востановлены. Многие вожатые отрядов были неграмотные или малограмотные, литературы на родном языке не было, и потому работа отрядов хромала. Некоторые отряды проводили читки газеты **«Серло»,** работу с неорганизованными детьми помогали бедному крестьянству и устраивали огороды.

Пионеры участвовали вместе с комсомольскими в проведении всех празднеств и кампаний, привлекая к участию в них и неорганизованных детей. Летом был проведен двухнедельный лагерный сбор, в котором участвовало 80 пионеров, в том числе 45 чеченцев. В городе, в Урус-Мартане и в Ведено были устроены, пионерские площадки, которые за время своего существования сумели обслужить 190 человек — детей бедняков и сирот. Необходимо отомстить, что населении сочувственно отнеслось к организации площадок и оказало пионера большую помощь.

Этот год дал пионерский организации некоторый опыт, который передавался все вожатым через созыв совещаний. Несмотря на сильные колебания в начале года, к концу года организация выросла и количественно и качественно.

1927 год. Совпартшкольцы на практике. Начало года совпало с усилием комсомольской работы по области. Этому способствовала отправка на практические работы курсантов **Чечсовпартшколы.** Эти курсанты, большинство которых являлось комсомольцами, были распределены по селениям наиболее отсталых округов. Сразу же по приезде на места они взялись за оживление работы комсомольских ячеек, изб-читален, ликпунктов и сель-советов.

Из сел. **Исти-су** поступают сведения об урегулировании собраний комсомольской ячейки, о проведении регулярных политбесед в организованной школе политграмоты. Совпартшколы начали работу среди женщин, первым шагом которой было избрание десяти делегаток. В сел. Беной курсанты пробудили бездействовавшую до того ячейку и, заинтересовав комсомольцев, наладили ее работу. Упавшая-было совершенно посещаемость резким скачком поднялась. Сел. **Элисхан-Юрт** не имело никакого просветительного

уголка. Приехавшие совпартшколыцы добились открытия ликпункта. Недостатка в желающих учиться не было, — и ликпункт сразу начал работать с полной нагрузкой. Не желая отрывать население от повседневной работы для проведения частых сходов, курсанты решили организовать при сельсовете консультацию. Несмотря на свою новизну для чеченского аула, это начинание привлекало внимание населения, и посещаемость консультации сразу же достигала 40 чел. в день, хотя селение было небольшое. Консультантам приходилось трудно, так как на селение интересовалось самыми разнообразными вопросами. Приходилось одновременно быть и агрономом, и землемером, и юристом, и кооператором. Но все же курсанты с этой работой справились, и ни 6 один из пришедших на консультацию не уходил неудовлетворением. **По Ножай-Юртовскому** округу курсантами было организовано школ политграмоты. Эти школы охватили 230 чел., в том числе 25 чел. беспартийных. Занятия проводились на родном языке, путем бесед, с расчетом на выявлением активности самих учащихся. Этот метод вполне оправдал себя. Несмотря на то, что этот округ является одним из наиболее отсталых в смысле культурности населения, учащиеся проявили повышенную активность. Каждый вопрос подробно разбирался до полного его усвоения. Курсантам приходилось полностью использовать свой теоритический багаж. Во всех комсомольских ячейках проводились занятия, на которых прорабатывались устав и программа ВЛКСМ. По инициативе курсантов еженедельно проводились заседания сельсоветов, причем в повестку дня включались наиболее жизненные вопросы. Проводились частые сходы, на которых курсанты делали доклады на самые разнообразные темы.

В сел. Ножай-Юрт, являющемся окружным центром, курсантами была налажена работа комсомольской ячейки, избы-читальни и ликпункта. Умелым к походом к работе они заинтересовали молодежь и взрослое население, и посещаемость увеличивалась резкими скачками. С населением проводились частые беседы,

и даже был поставлен спектакль на родном языке. 12-го января курсантами была проведена конференция беспартийной молодежи **Ножай-Юртовского** округа. На повестку дня были поставлены вопросы международного положения, о Китае и о роли молодежи в советском и социалистическом строительстве. Эта конференция дала возможность выявить огромную активность молодежи, стремящейся к работе, но не знающей еще, как за нее приняться. Особенно попал в цель доклад об участии молодежи в строительстве. В прениях выступило 12 человек. В их выступлениях чувствовались деловитость и серьезной подход к делу. Выступавшие бичевали ненормальности в работе местных органов власти и отмечали беспомощность молодежи в культурном и правовом отношениях. — «Мы бессильны, беспомощны в борьбе с адатами, с обычаями и со старыми укладами, которые поддерживаются стариками. Старики не дают нам выступать на сельских сходах, они часто берутся за колья и гонят нас с собрания. Наши собрания ничем не отличаются от собраний царского времени. решение вопросов еще во многих случаях зависит от зажиточных почетных стариков».

-«Оградите комсомольские ячейки от произвола стариков, на учите их работать, — и тогда мы, вместо муллы и мечети, будем идти вместе с комсомольцами. Созывайте чаще вот такие конференции учите нас работать, а мы сумеем противопоставить себя кулацком засилью».

В этих выступлениях вылилось все стремление молодежи к освобождению цепей старого быта, к перестройке жизни на новый лад. Они выявили огромное желание молодежи к участию в работе. Приведенные здесь несколько примеров работы, проделанной курсантами на практике, достаточно ясно говорят сами за себя. Практические работы явились для курсантов экзаменом, и этот экзамен они выдержали с честью. В процессе работы обнаружилось, что даже те курсанты, которые в школе проявили слабую приспособленность к усвоению теории, на практике оказались

вполне работоспособными. Это испытание курсантов придало комсомольской организации много бодрости. В лице курсантов комсомольцы увидели тот растущий актив, который поможет им в борьбе с темнотой и с тяжелыми пережитками старого быта.

Проявляют инициативу. Практические работы курсантов захватили только наиболее отсталые округа, оживив их работу. Но и в других округах комсомольцы не сидели сложа руки. Сведения с мест говорят о повышенной активности комсомольцев, не ограничившихся работой внутри ячеек.

Так, **в сел. Курчалой** комсомольцы исправили дорогу длиною **26 саж**. И шириною 6 саж. **Шалинской** ячейкой исправлена улица и вся дорога до **сел. Агишты.** Та же работа была проделана и ячейками с. **с. Автуры, Сержен-Юрт, Мескер-Юрт** и многими другими ячейками. Ячейками всеми силами стремились к улучшению жизни селений. Не ограничиваясь работой по исправлению дорог и общественных сооружений, комсомольцы оказывали деятельному помощь бедноте, помогая в хозяйственных работах не имеющим рабочего скота и рабочих рук. вдовы и калеки стали с надеждой смотреть на эту молодую, новую силу.

Перевыборная кампания. Ввиду приближения перевыборов советов, кулачество зашевелилось. Не желая оставаться в тени, кулачество исподволь стремилось подготовить благоприятную почву для проведения в советы своих ставленников. Использовались все средства, но особенное внимание уделялось усилению тейповый группировок. Эти группировки предоставляли кулачеству большие возможности при поддержке тейпа провести в совет нужных зажиточной части населения людей. Но перевыборная кампания не застала комсомольцев врасплох. Они точно видели кулацкие махинации принимали против них свои меры. Если зажиточные старались разбить население по тейповым признакам, то комсомольцы старались о классовом расслоении. Ячейками созывались собрания бедноты и средников, где подробно выяснялись задачи населения в предстоящих перевыборах. На этих

собраниях комсомольцы вскрывали кулацкие махинации и стремились создать противодействующую им силу. И они в большинстве случаев достигли своей цели. Беднота и средники, внимательно слушая до клады комсомольцев, отходили от кулачеству, создавая в противовес тейповым свои, классовые группировки. Комсомольцы деятельно участвовали в составлении списков лишенных избирательных прав. И многие кулаки, путем различных махинаций надеявшиеся сохранить избирательные права, теряли эту надежду. Представители комсомольских ячеек работали в избирательных комиссиях, заботясь о выдвижении наиболее работоспособных и подходящих по своим убеждениям кандидатов в советы.

На перевыборных собраниях комсомольцы, ну смущаясь присутствием зажиточных, открыто и резко выступали против них, показывая населению их настоящее лицо. Партийных ячеек по селениям было немного, и вся работа легла на комсомольские ячейки. И эту работу они выполнили с честью. Правда, кое-где комсомольцы, благодаря своей малоразвитости, сбивались с правильной линии. В двух-трех селениях комсомольцы выдвигали из своей среды неавторитетных среди населения кандидатов, противопоставляя себя сходу, или подпадали под влиянием кулацких группировок, но такие случаи являлись редкостным исключением. в общем же, участие комсомольцев в перевыборной кампании дало хорошие результаты. Лучше всего за это говорят цифры. В 167 сельсоветов избрано членами было **3260 чел.,** причем комсомольцев из этого числа прошло **395 чел. или 12,1 проц**. Абсолютное число комсомольцев, избранных в сельсоветы, против прошлого года уменьшилось (уменьшилось и общее число членов сельсоветов),но процент увеличился на 1,7. Председателей сельсоветов было избрано **167 чел., из них комсомольцев — 13, или 7,8 проц**. здесь тоже выявилось увеличение процента избранных комсомольцев. 3 комсомольца были избраны председателями окрисполкомов. На областной съезд было избрано359 делегатов,

причем комсомольцы получили 44 места. В состав Облисполкома были избраны 2 комсомольца.

Активная работа комсомольцев по проведению перевыборной кампании не пропала даром. Они, с одной стороны, обеспечили себе возможность участию в работе советов, а с другой — немало помогли проведению в советы действительно работа способных людей из бедняков и средников. И если при перевыборах советов кулачество потерпело поражение, то немалая часть этих услуг легла на комсомольскую организацию.

Состав организации. К маю месяцу чеченская комсомольская организация насчитывала уже **118 ячеек**, объединявших **4313 членов и 55 кандидатов**. В числе членов ВЛКСМ было **4085 юношей и 228 девушек, в том числе 89 чеченок.** По социальному положению члены разбивались на следующие группы: **рабочих — 229 чел., крестьян-бедняков — 2933 чел., средников — 803 ч., батраков — 160 ч., кустарей — 18 ч. И прочих 100 ч. В том числе неграмотных было 3052 ч., малограмотных — 762 ч., получивших низшее образование — 507 ч. Со средним образованием — 29 ч.**

Пионеры. К этому времени развивались и пионерская организация, достигшая численности в **60 отрядов** с **3194 пионерами, в числе которых было 354 девочки 256 чеченок, и 273 октябрятами**. Пионеров –комсомольцев было 167 ч. Основным кадром отрядов были чеченские дети, насчитывавшие **2844 ч., а остальное число в 350 ч**. попадало на другие национальности, преимущественно на русскую. Социальное положение было следующее: детей рабочих **279 ч., крестьян — 2815 ч. и прочих — 130 ч.** Среди вожатых отрядов было 6 девушек, что явилось для чеченской организации большим достижением. Немало было достижений и в общей работе пионерской организации. Если в 1926 году пионерские отряды не имели никакого понятия о звеньях, то в 1927 году эти звенья были организованы, и работа в них налажена. Будучи разбиты, таким

образом, для занятий на более мелкие группы, пионеры получили возможность проявлять большие инициативы, и работа пошла более успешно. Организованное 6 мастерских — сапожная, столярная, переплетная и др. — работали слабо, но все же они дали организации некоторый опыт в применении детского труда. Аульские отряды под руководством учителей и при содействии местных организацией устраивали от рядовые огороды, приобретая навыки в улучшенной обработке земли. Так, огороды были устроены в с. с. **Шали, Ойсунгур, Урус-Мартан, Новые-Алды, Закан-Юрт, Мекен-Юрт** и др. не последнее место в развитии огородного дела в Чечне имел именно пример пионеров.

Перевыборы бюро ячеек. Придавая большое значение плавности перевыборов бюро ячеек, Обком ВЛКСМ для проведения этой кампании распределил по округам своих членов. Перевыборы бюро ячеек были строго распределены по календарному плану для каждого округа. Предварительно была проведена разъяснительная кампания о необходимости выборов в бюро ячеек наиболее активных, показавших себя на работе комсомольцев.

Перевыборами бюро в ячейках руководили члены Окркомов. Последних к этому времени насчитывалось уже 9. Благодаря внимательному отношению областного и окружного актива и самих рядовых комсомольцев, перевыборы прошел успешно, и в состав бюро ячеек вводились такие комсомольцы, которые на деле могли бы руководить работой ячеек. Окружные конференции прошли под знаком серьезной, деловой работы. Работа Окркомов подвергалась здоровой критике. На конференциях обнаружилась повышенная активность рядовых комсомольцев, деловито выступивших в прениях. Выявилась также возможность применения новых методов работы, с сельско-хозяйственным уклоном. Это и было принято во внимание при проведении 3-й Областной Конференции.

Первые выборы. В такой-то трудный момент в конце 1921 ода была созвана 1-я чеченская окружная конференция РКСМ,

на которую съехались 29 делегатов. На этой конференции был избран первый Окружной Комитет РКСМ в составе т. т. **Казалиева С., Мидаев Д., Альтемирова Османа, Шалдаева Ахмада, Янхотова Данга, Елисеева Тимофея и Шведова Владимира.** На конференции был выработан план дальнейшей работы, причем главное внимание было уделено очистке комсомольских рядов от примазавшегося элемента и организационному оформлению стихийно возникающих в аулах ячеек. В то время, когда в других областях комсомольские организации возникали под руководством РКП (б), в Чечне она возникла самостоятельно, а потому и приняла на себя двойную тяжесть, вследствие отсутствия партийного руководства. Чеченский Окрком РКСМ приступил к работе в условиях полного безвластия на местах. Заслушанный на конференции доклад Ревкома только подтвердил это Окркому РКСМ с первых же шагов пришлось начать подтвердил это Окркому РКСМ с первых же шагов пришлось начать борьбу с бешенной агитацией духовенства и с разлагающим организацию шкурническим элементом.

3-я Областная Конференция. Созванная 26-го мая 3-я Областная конференция прошла под знаком необходимости перехода к новым формам работы. Несмотря на то, что конференцией подчеркивалось много недостатков в работе организации, — эти недостатки нельзя было отнести за счет халатности рядовых членов или актива. Недостатки эти объяснялись, главным образом, внешним причинами и до последнего времени сильно дающими себя знать тяжелыми бытовыми условиями в обстановке сильно отсталой в культурном отношении национальной области. Как бы то ни было, но конференция констатировала, что организация выросла, укрепилась и имеет уже возможность перейти к новым формам работы. Период организационной горячки прошел, работа организации приобрела уже плавность и регулярность. Эти обстоятельства поставили перед конференцией задачу как можно большего приближения организации к повседневной жизни аула и к выполнению очередных задач, выдвигаемых партией и властью.

Конференция отметила необходимость усиления участия комсомольцев в работе кооперации и во всей общественной работе аула. Наметилась необходимость усиленного, постоянного самообразования актива, чтобы предупредить возможность отставания его от быстро культурно растущей организации. Общее укрепление организации поставило на очереди вопрос о необходимости уделения особенно большого внимания вовлечению девушек, путем организации самостоятельных женских ячеек, как это было при чулочно-вязальной мастерской в селении Урус-Мартан. За последнее время снова стало заметно оживление деятельно духовенства. Стараясь закрепить шатающуюся под их ногами почву, муллы усилили подпольную агитацию среди взрослого населения за посылку детей на учебу в арабские школы. Заметно стало распространение новых религиозных песен. Посещаемость арабских школ поднялась. В связи с этим перед комсомольской организацией стала неотложная задача активной работой среди детей и взрослого населения парализовать влияние духовенства. Для этого было намечено не допускать ослабления работы пионерских отрядов в летнее время, тем самым усиливая свое влияние на детскую организацию. Главное же внимание организации было обращено на участие комсомольцев в улучшении сельского хозяйства. Хозяйство чеченских крестьян до сих пор ведется старинными способами, благодаря чему труд крестьянина оплачивается слабо. Преобладает посевы кукурузы, не дающей достаточного дохода для поднятия хозяйства. В связи с этим, очередной своей задачей Чеченский Комсомол поставил добиваться поднятия сельского хозяйства.

Для успешности проведения этой работы намечено было каждому комсомольцу начать со своего хозяйства, перевести ео на новые методы ведения, стремясь к коллективной обработке земли. Имея в виду большое значение для чеченских крестьян показа, а также небольшой предшествовавший опыт некоторых ячеек, конференция не выразила сомнений в успехе этой работы. Совершенно

особняком выделился вопрос о переростках, число которых в организации достигало 28 проц. Разрешение этого вопрос требовало особенной осторожности, так как большой процент переростков являлись организаторами комсомольских ячеек, и отталкивать их — значило бы принести комсомольской организации непоправимый вред. Число переростков особенно увеличилось потому, что прием в партию временно приостанавливался. Вопрос этот был разрешен в плоскости передачи лучшей части переростков в партию с выдвижением остальных на общественную работу, создавая беспартийный крестьянский актив.

На учебе. Число комсомольцев, вовлеченных в разного рода учебные заведения, все увеличивалось. Только внутри области училось **в Совпартшколе 120 чел**., **Педтехникуме — 69 чел., сельскохозяйственной школе — 40 чел., в столярных мастерских — 12 ч. и в телеграфе — 6 чел.** Кроме того, с 1926 года **в типо-литографии газеты «Серло» работали 11 чел**. учеников, начавшие уже обнаруживать порядочные успехи. Эти ученики были разбиты по наборному, печатному, литографскому и переплетному цехам.
В июне приняты в переплетный цех две ученицы-чеченки сразу же показавшие себя вполне способными работниками, обнаруживая большое желание работать. В этом году снова были выделены комсомольцы в **Фабзавуч** и **на Ростовский, Владикавказский** и **Грозненский Рабфаками**.

Политико-просветительная работа. В 1926—27 учебном году по области работало на плоскости 58 ликпунктов, в горной **полосе — 21 и женских — 2.** На этих ликпунктах **обучилось грамоте 450 чел. комсомольцев и 22 женщины-чеченки**. Кроме того, в гор. **Грозном** были открыты курсы по подготовке чеченок-ликвидаторов неграмотности на основе латинской графики. Этими курсами было положено начало плановой постоянной работе по ликвидации среди женщин.

В Асланбековском округе работали 3 политчитки, пропустившие 82 комсомольца, в том числе 13 девушек (8 чеченок) и 9 чел. беспартийных. **В Гудермесском** округе работал 4 школы политграмоты 1-й ступени, охватившие **до 100 чел.** комсомольцев, и одна школа 2-й ступени, посещавшаяся **30 учениками**. В **Гудермесском** округе учебники имелись из расчета один на **5 чел**. учащихся, а в Асланбековском — один **на 2 кружка**, насчитывающих в своем составе **60 чел**.*, но* все же комсомольцы учились охотно, и посещаемость не падала.

На общественной работе. Вскорости же после областной конференции с мест стали поступать сведения о выдвижении переростков на общественную работу. Переростки, заколебавшиеся-было, увидев возможность использовать свои силы на общественно-полезной работе, горячо взялись за дело.

Не отставали от них и избранные в сельсоветы и кооперативы. Их участие сказывалась оживлением работы последних. Комсомольские ячейки усиленно взялись за исправление дорог и мостов, увлекая своим примером и беспартийных.

Усилилось и участие комсомольцев в селькорской работе. Так, к августу на учете редакции **чеченской газеты «Серло**» числилось **54 селькора**-комсомольца и **7 пионеров**, при общем числе приславших анкеты 121 селькоре. Следствием этого явилось улучшение освещения в газете комсомольской работы и усилилось вскрытие местных болячек.

Для внедрения в массу комсомольцев и пионеров. Областное Бюро ЮП стало регулярно помещать в газете беседы с пионерами и вожатыми отрядов. Но помещено было всего 8 бесед, после чего эта работа стала. Комсомольцы **Асланбековского округа**, сами подписывали на газету, вызывали другие ячейки, но все же выписка газет комсомольцами продолжала оставаться довольно слабой.

Проводившаяся в июле «Неделя обороны» встретила среди аульских комсомольцев живой отклик. Они приняли участие в сборе

пожертвований на самолет «Красный Чеченец», немало помогая успешному проведению кампании.

На повороте. Комсомольская организация Чечни возникла в обстановке тяжелой борьбы с белогвардейщиной, в пору разрухи. В свои неопытные руки она взяла дело советизации Чечни, как единственная коммунистическая организация.

Давимая тяжелым наследием рабского прошлого, забитая, отсталая Чечня нашла в своем молодняке силу, властно толкавшую ее по пути к новой жизни. Не имея никакой подготовки, движимые лишь классовым инстинктом и стремлением к лучшей жизни, комсомольцы нашли в себе силы преодолеть все препятствия стоявшие на пути развития организации.

Комсомольцы выдерживали тяжелую борьбу с духовенством и кулачеством. Временами казалось, что они не выдерживают бешеного натиска врагов, пользовавшихся для борьбы с ними своим авторитетом среди населения. Гонения на комсомольцев в 1923 году, казалось, должны были окончательно подломить неокрепшие еще силы организации. И все же комсомольцы выдержали эту борьбу. Они прошли сквозь строй тяжелых испытаний, очищая в них свои ряды, выковываясь в крепкую, сплоченную организацию. В дни самых тяжелых испытаний комсомольцы не прерывали лихорадочной организационной работы. Ячейка за ячейкой возникали по аулам, распространяя свое влияние на чеченскую бедноту.

Последние три года пришли в усиленной работе по поднятию культурного уровня организации. Недоставало средств, недоставало возможностей, но комсомольцы твердым шагом шли к намеченной цели. Процент неграмотности в организации высок и сейчас. Но актив вырос, в учебных заведениях Чечни и во многих крупных городах СССР подготавливается новый кадр актива. И это дает организации уверенность в скорой победе своего извечного врага темноты.

Период лихорадочной организационной стройки прошел, организация стала на твердые ноги. Есть еще много, конечно, недостатков в работе, но они уже не так болезненно отзываются на организации и устранение их не представляет такого труда, как раньше.

Жизнь и строительство Советского государства предъявляют комсомолу Чечни новые требования. Укрепив свои ряды, комсомольцы устремляют теперь все свое внимание на поднятие своего культурного уровня и на перестройку жизни аула.

Комсомольской организации предстоит огромная работа по перестройке малопродуктивного чеченского сельского хозяйства. Им предстоит быть пионерами в применения улучшенных способов обработки земли, во введении более ценных и технических культур и в организации сельско-хозяйственных коллектив. Первые шаги некоторыми аульскими ячейками уже сделаны. Проведенные комсомольцами совещания домохозяев выявили благоприятную почву для работы, несмотря скрытое противодействие преданного старине консервативного элемента — стриков.

На путях к этой работе перед комсомольцами стоит много трудностей. Еще не раз приведется организации напрягать все свои силы в борьбе с врагами чеченского крестьянства — темнотой и нуждой. Но эти трудности, несомненно, будут побеждены так же, как были побеждены трудности в предшествовавшей шестилетней работе.

1927 год — седьмой год существования Чеченского Комсомола является годом поворотным. Комсомол Чечни — этот шестилетний, но выросший не по летам юноша, — укрепив под собой почву, приступает к новым формам работы.

Теперь, не по примеру прошлых лет, Комсомол Чечни чувствует за собой твердую поддержку партии и советов. И этот поворот на новые пути работы не только создаст в ней никаких перебоев, а наоборот, указывая более близкие понимания рядового чеченского

комсомольца конкретные цели, вызовет усиление активности молодняка.

Чеченский Комсомол не остановили трудности борьбы с контрреволюцией, бандитизмом и бешеной травлей со стороны духовенства. Его не остановили ни избиение комсомольцев, ни разгон ячеек, ни провокации. И трудности работы по поднятию национального хозяйства в условиях мирного труда Комсомол Чечни не устрашат. Но вышел победителем из борьбы с темными силами, укрепив свои ряды, — выйдет с частью он и из этого испытания.

Организатор и руководитель первого кружка чеченской молодежи в ауле Гойты тов. Порванецкий.

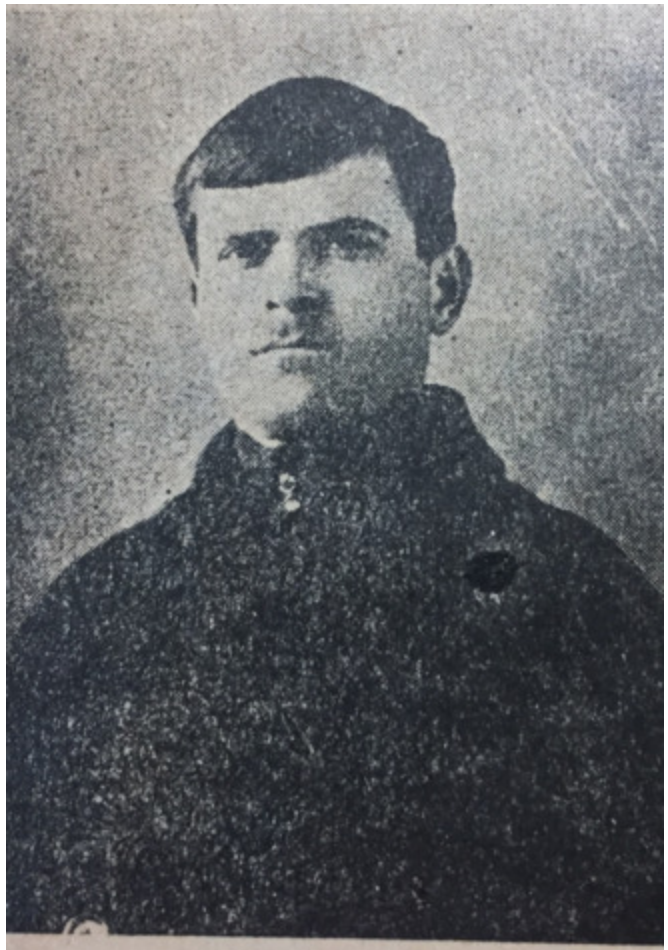
Мидаев Даша.

Казалиев Халид.

Елисеев.

Казалиев Саид.

Альтемиров Осман.

Чемиев Магомет.

Яхшаатов Хасмагомет.

Бессолов.

Чекуев Магомет.

Бакаев Халид.

Темиркаев Муца.

Челяско Жан Жанович

Первые курсы-с'езды секретарей ячеек, созванные в фервале 1924 года.

1-я областная конференция ВЛКСМ в 1924 году.

Выпуск первых курсов вожатых отрядов Ю. П.

2-я областная конференция ВЛКСМ в 1926 году.

Ученики типо-литографии „СЕРЛО“

«АСЛАНБЕК ШЕРИПОВ». Е. ЭШБА. ГРОЗНЫЙ. 1927

«Мы вам докажем, как надо умирать за свободу. В нас вы не найдете мюридов газавата, но увидите мюридов революции» (из речи А. Шерипова).

История дает много примеров и в большом и в малом масштабе, как отдельные личности ярко отражают глубокие сдвиги, происходящие в народных массах. Нам кажется, что жизнь и деятельность Асланбека Шерипова символизируют собою, ярко, в концентрированном виде отражают те глубокие сдвиги, которые произошли в массах трудового чеченского народа в течение революционных 17-18-19 годов, и вместе с тем указывают этому народу единственно правильный путь освобождения и культурно-экономического возрождения.

Вот краткие биографические сведения: родился Асланбек в 1897 году в Ведено, в довольно состоятельной семье чеченца-офицера, где он получил предварительную подготовку в грамоте, а затем был определен в Полтавский кадетский корпус. Но мальчику, очевидно, не понравилась ни военная муштра ни перспектива быть русским офицером, и он стал бомбардировать отца письмами с просьбой перевести его или в реальное училище, или в гимназию. И он был переведен из корпуса в 5-й класс грозненского реального училища, которое он окончил через два года, вместо полагавшихся трех лет; он был одарен такими удивительными способностями, что не было ему 20-ти лет, как он блестяще одолел среднее образование и готовился получить высшее, мечтая поехать даже заграницу. В этот момент грянула Февральская революция, и вот 20-ти летний юноша-красавец, со всем пылом своего горячего сердца, с железной настойчивостью воли уходит с головой в революционное движение и проделывает путь от наивного националиста-революционера до большевика-коммуниста. В 17-ом году он становится ярым сторонником «Союза горцев Сев. Кавказа», созданного

клерикальными (пан-исламистскими), интеллигентскими и ищущими слоями горцев (напр. Тапа Чермоев, князь Тарковский и т. д.), едет в качестве представителя присоединиться к последнему. Характерна была встреча молодого, пылкого горского националиста с грузинскими меньшевиками в Сухуме, на 1-м абхазском съезде (Чхенкели и др.). Обладая выдающимися ораторскими способностями, Шерипов в своей блестящей речи обрушился на Чхенкели и др., бросив им в лицо название «националистов, прикрывающихся социально-демократическими фразами», открыто назвал себя горским националистом, поддерживающим лучшие традиции борьбы горцев с самодержавием под знаменами Шамиля, и звал абхазцев именно под эти знамена. Нам, горстке коммунистов, тогда работавших в Сухуме, пришлось, естественно, выступать и против Чхенкели и против Шерипова, и против замаскированных и против откровенных националистов, и поддерживать большевистский лозунг — «власть — советам рабочих и крестьянских депутатов» но, признаться, нам импонировало откровенное, честное выступление Шерипова куда больше, чем лисье, половинчатое выступление социал-шовинистов. В Абхазии, понятно, Шерипова подняли на руки националистические, кулацкие и дворянские круги. Прошло некоторое время, — Шерипов опять на Северном Кавказе; и он начинает уже различать реакционные тенденции «Союза горцев», замечает, как происходит сближение верхов этого союза с так называемым «юго-восточным» — казачьим контр-революционным союзом, и он резко порывает со своей предыдущей линией и от общих лозунгов национального освобождения переходит уже к классовым лозунгам борьбы чеченской бедноты в союзе с русскими рабочими и крестьянами против общих врагов, против контр-революционных верхов казачества. Он ведет решительную борьбу и с внутренними реакционными слоями Чечни — духовенством, купечеством и торгашами. В 18 году, в Терском народном совете он возглавляет ингушско-чеченскую фракцию и пламенно работает над делом сближения трудовых

горцев с трудящимися русскими в борьбе против контр-революции; он носит звание комиссара по национальным делам Терской республики и командующего Чеченской армией. В 19-м году, уже после отступления красных из Владикавказа и Грозного, он вступает в коммунистическую партию, делая этим следующий и решительный шаг в своей политической деятельности, и готовит вместе с Гикало новые силы из рабочих и чеченцев-бедняков — к борьбе с деникинцами. Характерно, что он несколько раз нелегально пробирался в Грозный, чтобы установить связь с рабочими. Решительный, храбрый, преданный делу коммунизма, — Асланбек Шерипов сложил свою голову в битве с белыми 11-го сентября 1919 г. под слободой Воздвиженской.

Для всякого, кто знает Шерипова и наблюдал за его бурным развитием, не может быть сомнения, что, если бы не оборвалась эта красивая жизнь так рано, — Чечня имела бы в его лице действительно выдающегося вождя и организатора бедноты. Пусть товарищей не смущает факт происхождения его не из бедняцкой среды: вообще говоря, подобные примеры, когда выходцы из верхов целиком отдаются делу защиты интересов бедноты, имеются в достаточном количестве; а в частности — А. Шерипов настолько резко отошел от предрассудков окружавшей его среды, особенно за последний период, когда он стал большевиком и связался с грозненскими рабочими, что был награжден из этой среды кличкой «босяка». Кроме того, ему чужды были какие-либо семейные и родовые (тайповые) уклоны; ведь, достаточно только поставить вопрос: «Шерипов — и родовые уклоны», что бы одна постановка этого вопроса оказалось пустой и бессмысленной; Шерипов был убежден (и на самом деле это было так), что он представляет интересы всей трудовой Чечни.

Итак, А. Шерипов — яркая личность, выдающийся оратор с явными признаками талантливого публициста-писателя (его статьи, переводы народных песен, о чем см. ниже) и храбрый революционер-коммунист.

Однако, если не познакомиться с историей чеченского народа, с его экономическим и политическим положением, если не знать, как отразились Февральская, а затем Октябрьская революции на массах чеченского народа, — нельзя понять и объяснить, почему должен был выделиться из чеченского народа именно такой революционер, как Асланбек Шерипов, и именно с такими специфическими чертами и с его специфическими этапами развития — от наивного националиста до коммуниста.

Чеченский народ был самым крупным, сравнительно с другими многочисленными горскими племенами, жившими по Кубани, Тереку и в Дагестане, с которыми царское правительство вело ожесточенную войну в течение больше полувека. Кроме того, чеченцы занимали плодороднейшие земли по берегам Сунжи и Терека и расположились в стратегическом отношении в выгодных пунктах — у ворот нескольких важнейших ущелий к Дагестану и к главному Хребту (Веденское, Шатоевское ущелья). Поэтому главные удары царских полчищ и самые зверские способы войны (сжигание аулов, уничтожение лесов) обрушивались в первую очередь на чеченцев.

Вот так, например, характеризует чеченцев генерал Ермолов, один из выдающихся генералов в борьбе с горцами: «Кабардинцы несносными шалостями вызывают на бой, и я должен терпеть, ибо занят гораздо опаснейшими злодеями — чеченцами и имею в предмете некоторые работы со стороны Дагестана, дабы упрочить обладание наше сею важною и воинственною страною. Когда змеи пьют кровь, тогда жало комаров не так чувствительно. Так разумею я кабардинцев»... (Стр. 40—41, «Письма Ермолова», Махач-Кала, 1926).

Вполне понятно, что выдающийся организатор горских племен в борьбе с царизмом — имам Шамиль — находил главную свою опору именно в Чечне (его резиденция была в Чечне — в Ведено). Шамиль, бывший пастух, сумел блестяще организовать военный отпор царскому колоссу не только в силу своих чисто — военных

талантов, но, главным образом, своими реформами явно демократического характера: Шамиль, свергнув власть дагестанских шамхалов (князей), в Чечню пришел с лозунгами объединения народа, независимо от родов и племен, на основе шариата; при чем провел удивительно мудрые гражданские реформы и впервые установил чисто государственные формы управления как в Дагестане, так и в Чечне. Вот несколько показаний представителей царского самодержавия, врагов Шамиля: «Администрация и законодательство составляют... главную заслугу Шамиля в деле, которым он руководил. Такая заслуга ничего не имеет общего с заслугой полководца... Результаты его управления нам известны, и теперь смело можно сказать, что успехи войны, казавшиеся непонятными, следует приписать главнейшим образом настойчивости, с которой Шамиль старался распространять шариат». (А. Руновский. Кодекс Шамиля. С-Петербург. 1862 г., стр. 1—3).

«Из представленного вкратце обзора управления, введенного Шамилем в Чечне и обществах внутреннего Дагестана видно, что все его усилия и реформы стремились к тому, чтобы образовать нечто похожее на правильно организованное государство... На старания Шамиля к прочному соединению разнородных племен Кавказа в одно стройное целое, повинующееся одному верховному главе, по справедливости можно смотреть, как на смелые порывы энергического ума, которому нельзя отказать ни в политическом смысле, ни в обширной предприимчивости, характеризующей гениального человека, одаренного железной волей, и сумевшего в продолжение почти 20-ти лет управлять по своему произволу (?! Е. Э.) народом, от природы (?! Е. Э.) чуждым порядка и подчиненности». (А. П. Берже. Чечня и чеченцы. Тифлис. 1859 г., стр. 115).

Шамиль организовал централизованную военно-гражданскую систему власти; наряду с наибами (начальниками округов с военными функциями) были выборные старшины; характерно, между прочим, что для секретного наблюдения за деятельностью властей у Шамиля была особая организация мухтасибов (нечто

в роде ЧК по борьбе с преступлениями по должности!). для характеристики направления реформ Шамиля укажем несколько примеров: он освободил от налога всех несостоятельных и установил прогрессивную систему взимания налога, усилив средства казны конфискацией имуществ эмигрантов (перешедших на сторону врагов), и штрафными деньгами с обвиняемых в известных преступлениях, и военной добычей (Кодекс Шамиля, стр. 35). Облегчил значительно положение женщины: издал целый ряд постановлений, которые давали имущественные права женщине, в случае развода с нею мужа, и затем — ограничил размеры калыма 20 — 10 рублями, при чем не возбранялось довести этот размер и до бесконечно малой величины (Кодекс Шамиля, стр. 18—21). В обычай кровной мести, который использовался почти исключительно наиболее сильными и богатыми родами — в ущерб бедноте, — он внес целый ряд ограничений, которые до известной степени уравновешивали шансы сторон, независимо от их экономического положения (см. К. Ш., стр. 11). Мы уже не говорим, что он ввел вполне определенные правовые нормы в экономические отношения (т. н. гражданское право, купля-продажа, долговые обязательства, наследования и т. д.).

Достаточно и сказанного, чтобы понять, что, под влиянием угрозы отнятия самостоятельности и земли со стороны царизма, горские раздробленные народности сделали героическую попытку объединиться в одно государство, выделили для этого соответствующих вождей, из которых самый талантливый — Шамиль, и выдержали изнурительную борьбу с колоссально превосходными силами царизма. Тут уместно будет вспомнить, что Маркс, в одной из своих корреспонденций в «Нью-Йоркскую Трибуну», говоря о положении борьбы горских народов с царскими войсками, охарактеризовал эту борьбу в самых восторженных выражениях, и говорил, что народам Европы следовало бы поучиться примеру героической борьбы горцев за свободу против наседающего царизма. Маркс имел ввиду, что тогдашняя царская Россия была

душителем свободы не только «своих» народов, но и западно-европейских. (Вспомним Венгрию 1848 г., Францию 1814 г., Польшу, Германию).

И вот — в 1859 году — Шамиль сдался, был побежден: совершенно несравнимое количественное, а затем и техническое превосходство царских рабов оказалось сильнее героизма в борьбе за свободу со стороны немногочисленных горских народов... Но какой ценой добился царизм победы? Ценою разорения горцев, в особенности чеченцев, разорения не только путем подрыва хозяйства во время полувековой изнурительной войны, но и путем насильственного переселения сотен чеченских аулов с плодороднейших мест в сторону гор и заселения этих земель казаками — этим авангардом воинствующего царизма, а также путем устройства целого ряда крепостей в самых важных стратегических пунктах для того, чтобы держать в страхе «непокорных горцев» (крепости — Грозная, Воздвиженская, Ведено, Шатой и мн. др.). Уже цитированный автор Берже приводит очень подробную таблицу наименований всех аулов Чечни с точным перечислением — какие аулы, когда, каким генералом были выселены, и вот в примечании к этим таблицам он делает следующее резюме:

«На р. Сунже до 1819 г., кроме чеченских аулов, наших (т. е. казачьих) поселений не было». (стр. 20). «В 1859 г. аулы эти (а их перечислено десятки — Е. Э.) уже не существовали (!), и жители их... ушли (!) за Сунжу (стр. 21). Из этих аулов (переселено 6 — Е. Э.) остались в 1850 году только первые три» (стр. 22). И такие цитаты — сплошь (на стр. 23 — 33). Вот несколько из них:

«Многие из этих аулов существовали еще до 1846 г., или до пробурки Гехинской просеки» (стр. 23). «В этих аулах было до 1000 дворов. После вырубки Гехинской просеки в 1846 году... большая часть этого населения сосредоточилась между низовьями Валерика и Гехи» (стр. 23). «В них считалось до 600 дворов, которые, после посещения (!) этих мест нашими войсками зимой 1849 и 1850 года, поселились по ближайшим укреплениям... или

перешли… к черным горам» (стр. 24). «Когда наши отряды начали ходить по Малой Чечне, жители этих аулов разбежались по лесам… и некоторые ушли… к черным горам» (стр. 24).

Подводя итоги всем этим и подобным примечаниям к своей таблице разоренных аулов Малой Чечни, автор пишет: «Следовательно, население Малой Чечни с 1847 года по 1850 год уменьшилось слишком вдвое, а с 1840 года — почти вчетверо». (стр. 26).

И дальше, в отношении Большой Чечни он пишет, например: «В настоящее время… на всем течении Аргуна не находится никаких поселений» (стр. 26). «На Бассе находился аул Шали, окончательно разоренный нашими войсками в 1841 году, а теперь он опять поселен на старом месте в числе 780 дворов, в версте ниже укрепления Шали» (стр. 27). «Аулы эти ныне не существуют» (стр. 31). «Из них первые три разорены в 1840 году, а последний — при действии наших войск в Аухе, в феврале 1850 года». (стр. 32).

Кажется довольно! Надо отдать справедливость «беспристрастию» Берже: он довольно точно перечисляет «результаты» царской войны против горцев. И на том — спасибо! На теле чеченского народа оказалось столько ран, что не оставалось живого места.

Мог ли легко забыть свое унижение этот народ? Конечно, — нет. 50 лет «мирного» правления горцами отнюдь не отличались спокойствием, и больше всего «беспокойство» шло со стороны чеченцев. В ответ на это царское правительство, на ряду с выселением в Сибирь и экзекуциями, прибегало также и к тому, чтобы выселить чеченцев в Турцию. Вот что пишет, например, генерал Лорис-Меликов, командующий войсками Терской области: «С одной стороны стесненность территории, происшедшая от водворения в пределах области стотысячного казачьего населения, поставила большую часть туземных племен в полную невозможность прежних условий хозяйственного быта… Между тем, племя это (т. е. чеченцы — Е. Э.), уступив (!) казакам почти половину

своих земель, хотя и удобных для землепашества, но наименее важных для целей военных, успело сохранить за собой по правую сторону реки Сунжи всю выгоду лесистой местности, изрезанной ущельями черных гор». И вот все это приводит генерала к убеждению «необходимости переселения чеченцев в Турцию». (Письмо начальнику гл. штаба Кавказской армии от командующего войсками Терской области, 7-го мая 1864 г. Г. А. Дзагуров. «Переселение горцев», 1925 г., Севкавкнига, стр. 16). Это в конце концов и выполняется: 5000 семейств чеченцев выдворяются в Турцию.

Народ, разоренный войной, лишенный половины лучших земель, задыхался под грязным сапогом победившего царского чиновника... Было несколько восстаний, безуспешных и разорительных... Тогда почетная обязанность мстить угнетателям переходит к так называемым абрекам. Вот что пишет по этому поводу Асланбек Шерипов в предисловии к своим переводам чеченских народных песен:

«Но особенную окраску абречество приняло после окончательного утверждения русской власти на Кавказе. Несоответствие русского суда и обычного права горцев, преступная администрация Кавказа и общая политика притеснения заставляли многих сильных личностей из чеченцев (и вообще из кавказцев) становиться на нелегальное положение... Их продолжали преследовать — и для успешной борьбы с вредным элементом ввели систему „круговой поруки“. От этого возмутительного акта страдали уже лица, имевшие несчастье быть родными или даже просто односельчанами „преступника“. Это создавало новые кадры озлобленных людей, решившихся на все... И вот начиналась месть начальству: абреки убивали административных лиц, грабили почту, казначейства и др. правительственные учреждения, а власть еще пуще налегала на мирное население: штрафы, экзекуции, высылка в Сибирь, виселица и т. д. Власть терроризовала мирное население, — а абреки терроризовали эту власть. И, конечно, народ смотрел

на абреков как на борцов против притеснений и зверств власти… Наиболее отважные и удачливые из абреков так поражали психологию чеченцев, что они считали их продолжателями дела Шамиля и его мюридов. В одно время ходили даже слухи, что Зелимхан объявит себя имамом и изгонит царскую власть… Вот этот характер политического протеста и борьбы с властью придавал абрекам в глазах народа ореол национальных героев, что, в свою очередь, отразилось и в песнях». («Из чеченских песен», в переводе А. Шерипова, со слов Ахмата Автуринского. Владикавказ. 1918, стр. 2—3, предисловие).

Нужно иметь ввиду, что самую интересную песню «Абрек Геха» А. Шерипов перевел еще в декабре 1916 года, т. е. еще до революции. Отсюда очень нетрудно сделать вывод, в какую сторону направлялось мышление юноши, какими традициями мести за народное дело он проникался уже на ученической скамье… Близкие Шерипову нам передавали, что любимейшим писателем Асланбека еще в реальном училище был Горький, любимейшим произведением — «Буревестник», любимейшей фразой — «безумству храбрых поем мы песню». Нам кажется, еще до революции в голове Асланбека твердо сформировалось убеждение в необходимости беспощадной борьбы за уничтожение гнета, и, естественно, разрешение этой задачи он искал в традициях героической борьбы Шамиля и его беззаветных мюридов, а затем — и абреков в образе современного ему, но все же сказочного абрека Зелимхана…

Я думаю, что как ни прекрасны три народные песни в оригинале, на чеченском языке, в устах народного певца, но в переводе, сделанном Шериповым, должно быть есть много творческого лично от переводчика… Трудно цитировать эти песни, ибо они невелики размером, цельны, и все от начала до конца прекрасны. Но, за недостатком места, привдеем только два отрывка из них.

«Полвека бились… Много пало горных героев. Под взмахом беспощадной косы красавицы смерти падали самые сильные из сынов свободного Кавказа: так под серпом падают самые

крепкие, твердые и прямые стебли полевых злаков, — и, сгибаясь, спасаются слабые и гнилые из них» («Асир-Абрек» — из цитир. книжки А. Шерипова, стр. 12).

А вот конец песни о «Гехе»: «Тройной круг подлых воронов сжимал Сокола-абрека все сильнее, и смерть казалась Гехе огненным, свинцовым крылом вражеских пуль. А Геха радовался ее прикосновениям... и, вдоволь натешив сердце борьбой и кровью трусливых врагов, абрек Сокол сам кинулся в объятия смерти, кинулся со страстью, со всей силой своей могучей души, кинулся, как юноша в объятия возлюбленной... ведь, для сильных сердцем, красивая смерть — волшебная сказочная красавица... Над абреком Соколом закружилась, каркая злобно, воронья стая, сверкнули десятки жадных до крови прикладов и холодных клинков, — и рвали его упругое тело, упивались, как пиявки, его горячей кровью... А стая подлых воронов каркала-каркала радостно-хищно и трусливо, и мертвого терзала ясного, гордого Сокола... И лежал растерзанный Геха, словно торжествующий победитель, а подлые вороны трусливо и опасливо жались друг к другу: они и мертвого боялись его, смелого Сокола... И абрек Геха погиб красивой смертью, погиб победителем. Ибо победитель не тот, кто сражает врага, а тот, кто в жертву борьбе на верную смерть без раздумья бросает душу и тело свое...» (Цитир. книжка Шерипова, стр. 7—8).

Конечно, так «переводить» гимн безумно храброй борьбы и красивой смерти мог только человек, сам зараженный решимостью к отчаянной борьбе. Тут перед нами несомненный «буревестник» нового народного гнева против царизма, возможный глава этого протеста-восстания, но все еще весь окутанный романтической дымкой прошлого, представляющий народ в целом, без разделения его на борющиеся экономические группы, — на классы.

Наступила революция, — и в нее вошел 20-летний юноша, полный революционного заряда против царизма, за освобождение своего народа... Он выражал и ярко, молодо выражал — чувства

и возмущение народа. Это был первый этап как в революционной деятельности Асланбека, так и в настроениях чеченских масс в начале Февральской революции. Вскоре, однако, стало заметно, как на спину этой революции, на первых порах казавшейся такой всеобще радостной, стали прочно устраиваться богачи всякого сорта, — и Чечня тоже не была исключением: наиболее реакционные шейхи и Тапа Чермоев — чеченец-нефтепромышленник, — вот кто стали во главе движения.

Шерипов так пишет об этом периоде революции в Чечне: «Чермоев в первые месяцы революции пользовался самым большим авторитетом. Чермоев опирался при этом не только на сочувствие широких масс народа, но и на остальных помещиков, а также на шейхов и мулл... Группа же помещиков, шейхов, мулл и купцов, почувствовавшая не только жажду власти, но и опасность пробуждения революционного сознания масс, тяготела к казачеству и всячески отпугивала чеченцев от иногороднего населения. В этом одинаково было заинтересовано и казачество — и поэтому, вплоть до января 1918 г., все стремления и вся политика чеченского комитета и союзного с ним казачества состояли в том, чтобы изолировать Чечню от революционной демократии» (т. е. — от рабочих и иногородних крестьян — Е. Э.). (См. ст. «Революция и Чечня» А. Шерипова, газета «Народная власть», №97, от 3 августа 1918 года).

Немного раньше (приблизительно июнь-июль 18 года) он пишет в проекте воззвания «Ко всем честным чеченцам» (не опубликованная рукопись): «Вот уже полтора года, как пало душившее вас царское самодержавие. И с первых же дней революции всю судьбу Чечни вы отдали в руки шейхов и мулл».

Затем Шерипов подвергает жестокой критике эти элементы, разоблачает их предательство интересов народа, и говорит — что: «...вместе с шейхами и муллами всегда шли и взаимно поддерживали купцы, подрядчики, помещики, спекулянты и мародеры. Шейхи и муллы поддерживают всегда больше богача,

чем бедняка». И далее продолжает: ...«С самого начала шейхи, муллы, купцы, подрядчики, помещики, спекулянты, мародеры поняли, что их интересы могут пострадать, если чеченский народ возьмет власть в свои руки. И они, поддерживая друг друга, заключили союз с казаками — и не старались добыть для народа земли»... И заканчивает воззвание такими пламенными словами: «Мы, молодежь, верим в то, что не погибли еще в Чечне герои и борцы за народную свободу. Будьте смелее: ведь, все — в руках народа... Мы решились спасти Чечню из того страшного тупика, в какой ее загнали шейхи и муллы, и не найдется в мире той силы, которая могла бы нас запугать и удержать от борьбы за народ и волю. Ибо мы готовы все принести в жертву для народной свободы. Мы пойдем на смерть за народ не по обязанности, а с наслаждением и радостью». (стр. 1—6, рукопись).

Интересно, как объясняет Шерипов причину, почему Февральская революция выдвинула в Чечне в качестве руководителей кулацко-клерикальные круги. — В вышеуказанной статье «Революция и Чечня» он пишет: «Среди шейхов Чечни немало таких, которые погибли в ссылке или были возвращены из Сибири после революции, — ибо, повторяю, они к власти старого режима стояли в самой сильной оппозиции и всегда руководили всеми активными выступлениями против этой власти. И знающим эту роль шейхов должно быть вполне понятно, что на 1-м съезде Чечни после революции (14 марта) — полную, бескровную победу одержала группа шейхов, к которым примазались и группы помещиков и купцов».

И в продолжении этой статьи (газ. 3 августа) он пишет: «Несомненно, демократическое настроение народа учитывало только прошлую борьбу против старого режима, которую вели шейхи и муллы... Это настроение... не могло сразу учесть того факта, что революционность и оппозиционность духовенства, основанная не на самой природе этого сословия, а только на притеснениях старого строя — должны были исчезнуть вместе с этим строем».

Тут мы имеем классическую, по своей ясности формулировку того, почему на первых порах народ пошел за муллами и шейхами. Шерипов, недолюбливавший духовенство даже в самом раннем возрасте, несомненно, однако, и сам пережил в начале революции иллюзии «общенародного» характера этой революции, и в новых «вождях» чеченского народа, выдвинутых 1-м съездом, он еще не видел реакционеров; он даже поддерживал их, что доказывается фактом его активной работы по организации так называемого «союза горцев/»; но эта иллюзия длилась лишь несколько месяцев. Уже после грома рабочей революции в Октябрьские дни Шерипов делает решительный шаг от реакционно-националистических кругов, едет делегатом на Пятигорский съезд, а затем — в 1918 году — становится на платформу советской власти и, возглавляя ингушско-чеченскую фракцию народного совета Терской области, прямо сотрудничает с большевиками. Впоследствии, уже будучи большевиком, после свержения на Тереке советской власти, в своем письме правителю Чечни от Добрармии, председателю атагинского совета — генералу Э. Алиеву и И. Чуликову» А. Шерипов писал:

«Первым проявлением классового сознания имущих элементов Чечни и вообще горцев является авантюра Юго-Восточного союза. Этот неестественный союз вечных экономических врагов повел ко многим несчастьям горцев (свидетельство этому — разбитые аулы и разоренное население), но он же дал и первый толчок народному самосознанию. Именно: трудящиеся группы горцев, доверившиеся раньше своим имущим единоверцам (в подлиннике — „единомышленникам“ — Е. Э.), воочию увидели теперь, что имущие элементы преследуют только свои, а не общие интересы. Следующий шаг был нетрудный: наиболее сознательные элементы народа (Гойтинский район) отшатнулись от сторонников казачьей ориентации и обратили свои взоры на советскую Россию, как на истинную защитницу интересов трудящихся. И ответом проснувшегося народного сознания на авантюру Юго-Восточного союза явилась посылка делегатов на Пятигорский съезд (в числе

которых был и т. Шерипов — Е. Э.) и позднее — признание советской власти — в лице Терского народного совета» (стр. 7—9 рукописи).

В 18 году, летом, в момент, когда казачья контр-революция организовывается и явно угрожает революции, Шерипов — друг большевиков, в первых рядах борцов против контр-революции. Известна его дружба с т. Орджоникидзе, который представлял тогда на Тереке центральную советскую власть, и который в высшей степени дружески и с восхищением отзывался о Шерипове.

Очень интересны пламенные речи Шерипова в народном совете, построенные уже по-большевистски, хотя он еще — не член партии. Горячее воззвание «К оружию», выпущенное против казачьей контр-революции от имени всего народного совета, составляется Шериповым.

И это был период возникновения Гойтинского революционного чеченского народного совета. Мы видим, в каком контакте идет перелом в настроениях чеченской массы, главным образом, конечно, бедноты, — и в деятельности и взглядах самого Шерипова, как он этот перелом отражает. Приведем несколько цитат, характеризующих этот период деятельности Шерипова.

Проходит ночное заседание 4-й сессии народного съезда Терской области 29-го июля 1918 года. Между казачьей контр-революцией и народной властью открылась вооруженная борьба, делаются попытки к миру, посылаются делегации, но никаких результатов: началась гражданская война. Совет народных комиссаров (исполнительная власть) заявляет о своей отставке. И вот Шерипов, от имени чеченской и ингушской фракций, протестует большевикам встать во главе революционных сил против поднявшей голову контр-революции:

«И мы с величайшей подозрительностью, — говорил он, — относимся к тому утверждению, которое говорит, что движение казачества создано хулиганством совдепов и личным недоверием к комиссарам. А мы утверждаем, что если бы совдепы состояли даже из небесных ангелов, а комиссары были бы небесными богами, —

движение это началось бы все равно (аплодисменты). Совершенно верно утверждение, что здесь не может быть середины, и власть может быть или советской, или монархической. А все те группы, которые коалируются со сторонниками Учредительного собрания, не ведают, что творят. И поэтому для нас было полной неожиданностью, что в этот момент, когда происходит решительная схватка между революцией и контр-революцией, вследствие выражения недоверия к тому или иному комиссару, которое явилось ловким приемом агитации, Совнарком слагает свои полномочия. Я считаю, что Совнарком должен продолжать свою борьбу еще более упорно и энергично (шумные аплодисменты). Не им, на которых мы возлагали такие надежды и думали, что они научат нас и выведут на широкий путь, уходить сейчас. И поэтому — отставку их не принимаем (аплодисменты) ... Над нами, горцами, здесь смеялись, иронизировали по поводу нашего блока с большевиками, называли насмешливо „голосующей скотинкой“. И они не понимали, что смеются над самими собой, ибо мы не виноваты, что мы были плохие парламентские деятели, чем вы (обращается оратор к правым скамьям), не мы в этом виноваты, а старое царское правительство, и отчасти — вы сами. Мы дики, мы невежественны и нищи! Ибо в то время, когда мы, угнетенные, давимые страшной нуждой и мраком, сидели в своих ущельях и горах, вы прогуливались по аллеям курортов... Я не буду прибегать к демагогическим приемам, но контр-революционное движение реально таилось в казачестве. Но если оно не будет раздавлено в казачестве, контр-революция охватит всю область, в том числе и Чечню. Мы не скрываем, что Чечня раскололась на две части, что у нас даже два совета, но у нашей группы нет иного выхода, кроме последовательной революционной борьбы. Все пути отступления у нас отрезаны. И мы еще раз заявлением, что мы будем последними, которые будут умирать в борьбе за революцию (бурные аплодисменты)». (№ 94, газ. «Народная Власть», от 31-го июля 1918 года).

А вот одно место из речи Орджоникидзе на том же заседании: «О нас говорят, что имеется блок диких с большевиками. Да, но мы предпочитаем лучше умереть с дикими, чем идти вместе с палачами народа (аплодисменты)». (В той же газете).

А на заседании того же съезда 31-го июля тов. Кавтарадзе в одном месте своей речи, подводя итог статистико-экономическому анализу распределения земельных благ среди населения Терской области, говорил: «Терская область представляет оригинальнейшее явление. Здесь национальная борьба почти совпадает с классовой. Ингуш борется с казаком не потому, что он — казак, а потому, что ингуш безземелен, обездолен, а казак владеет землею. И правильна политика советской власти, если она опирается, а если не опирается, то должна опираться, на ингушей и чеченцев. В этом не виноват ни ингуш, ни казак. Это — последствие проклятой царской политики, которая из казаков устраивала здесь свои баррикады. У хозяина земля отбиралась, его пускали нищим по миру, а пришельцев этой землей наделяли (аплодисменты), на единицу доли неказака приходится 19 таких же единиц казака... объективные условия таковы, что мы стоим перед необходимостью уничтожить историческую несправедливость, созданную преступной политикой царизма». (Та же газета от 3 августа 1918 года).

Уже в этот период своей деятельности, когда Чечня разбилась на два лагеря — революционный и реакционный — и когда А. Шерипов фактически (не формально) возглавлял гойтинский народный совет, — он ставит вопрос о Грозном, о важности для революции установления правильных взаимоотношений между грозненским пролетариатом и чеченским крестьянством, вскрывает все препятствия контр-революционного характера и националистических предрассудков и призывает самым энергическим образом преодолеть эти препятствия и добиться единого революционного фронта (теперь мы сказали бы «смычки») между грозненским пролетариатом и чеченской беднотой:

«Хотя при старом строе, — пишет он в статье „о Грозненском районе“, (№ 98 газ. „Народная Власть“ от 4 августа 1918 года), — Владикавказ был „назначен“ областным центром, вследствие сосредоточения в нем областных административных органов, однако, фактическим экономическим и торговым центром Терской области был город Грозный. Особенно ярко это выявилось после революции в политическом отношении, и это понятно. В Грозненском районе сосредотачиваются интересы главных групп населения Терской области. С одной стороны, чеченцы, с другой стороны — казачество, и между этими группами рассеяна группа иногородних. Кроме того, в Грозном сосредоточена и главная часть терского пролетариата, как в самом крупном промышленном центре области. К сожалению, руководящие партии и власть в области до сих пор не учитывают громадного значения Грозненского района, который, в силу указанных обстоятельств, является и центром политическим. А фактически власть и направление политики в Терской области всегда зависели и будут зависеть от того соотношения и борьбы реальных сил, которая происходила и будет происходить в Грозненском районе. И поэтому является настоятельно необходимым, чтобы со стороны народной власти обращалось больше внимания на Грозный, чем это делалось до сих пор. Особенно этого требует та опасность революции, которая в Терской области стала вполне реальной силой. А что при употреблении некоторых усилий можно в Грозненском районе создать условия, которые заставят всю Терскую область идти по пути защиты и укрепления завоеваний революции — покажет картина того положения, которое сейчас наблюдается в этом районе».

Далее он, напоминая столкновение чеченцев со слободками, говоря о роли как чеченских, так и казачьих реакционеров в деле разжигания национальной вражды, упоминая о пожарах нефтяных промыслов и о разорении чеченских аулов, приводит пример того, как представители грозненского пролетариата (в лице совета) и чеченского крестьянства (в лице гойтинского народного совета)

сумели установить мир, прекратить межнациональную войну. Нам кажется, что эта постановка вопроса является поучительной и по происшествии десяти лет нашей революции. Конечно, сделано колоссально много для сближения грозненского пролетариата и чеченской бедноты; как увидим ниже, этот союз был в дальнейшем закреплен, сцементирован кровью в совместной борьбе против белых, но укрепление смычки, искание всяческих организационных и иных путей (в этом отношении очень важно вовлечение чеченцев на производство) для действительной стопроцентной смычки грозненского пролетариата с чеченской беднотой — и сейчас имеет актуальнейшее значение не только для Чечни и Грозного, но и для соотношения сил во всем Крае...

Тут характерно отметить, что добился прекращения провокационной борьбы между «Грозным и Чечней» именно Шерипов, который в начале июня 1918 года делал по этому поводу специальный доклад на грозненском совете, в результате чего была выделена комиссия в составе трех товарищей — Пиллера, Мордовцева и Шерипова, которым и было поручено установить мир между «городом и Чечней» (см. газету «Известия Совета Рабочих и Военных Депутатов Грозненского района» № 152 от 11-го июля 1918 года).

В этот период, когда уже окончательно выявилась контр-революция в области, а также внутри Чечни (атагинский совет во главе с И. Чуликовым), А. Шерипов ведет с ней бешеную борьбу, становится решительным сторонником советской власти и является, в сущности, выдающимся большевиком-чеченцем, хотя формально он еще не вступил в партию. Насчет оформления он отвечал товарищам, что вступит в партию в самый тяжелый для нее момент борьбы с контр-революцией: так он и сделал, вступив в партию после падения советской власти в Грозном и во Владикавказе.

Характерно, что главные удары он стал наносить шейхам и муллам, как самой организованной и внушительной силе прошлого Чечни. Вот, например, что он говорит в уже цитированном

«Воззвании» ко всем честным чеченцам: «Чеченцы! Вы хвалитесь тем, что у вас не было и нет князей. Неправда! Шейхи и муллы в тысячу раз хуже князей. Разве не вашими трудами живут они?» (стр. 3).

Власть — бедноте, долой шейхов, кулаков, мулл, союз с грозненскими рабочими — вот какой путь нашел Асланбек уже в 1918 году, когда официально еще не состоял в компартии. Когда контр-революционное казачество временно взяло верх, — многих из революционеров это дезорганизовало. Деятели гойтинского совета стали обнаруживать бездеятельность, нерешительность, в нем стали брать верх некоторые реакционные элементы. И Шерипов реагирует на это резко: подает заявление гойтинскому совету о сложении с себя обязанностей командующего чеченской Красной Армией.

«На этот шаг я решился, — пишет он, — потому, что при существующем порядке организации борьбы с контр-революцией, при существующем отношении их к этому вопросу со стороны ответственных руководителей гойтинского совета выходит только то, что без всякой пользы для народных интересов тратится масса народных денег; и должен открыто, как делается мною всегда заявить, что, по моему непоколебимому убеждению, чеченский народ выйдет благополучно из создавшегося за последнее время кризиса только тогда, когда совершит у себя настоящую революцию. Вот скоро два года, как Чечня вручила свою судьбу в руки шейхов и мулл (говорю о положении вещей во всей Чечне, а не только в гойтинском совете), и два года в погоне за наживой, в споре из-за власти и ложные шейхи и муллы, в союзе с купцами, подрядчиками, помещиками, мародерами и спекулянтами, продавали интересы Чечни, и теперь пришло время, когда на сцену истории революции в Чечне должна выступить новая, действительно революционная сила — это чеченская молодежь... Знаю, что моя отставка и мое мнение о необходимости действительной революции в Чечне послужат для провокации, клеветы и сплетен всех цветов

и оттенков, и потому я также заявляю, что слагаю с себя звание командующего чеченской Красной Армией, но не слагаю с себя звания бойца за интересы трудовой Чечни, ибо эту борьбу я буду продолжать бесстрашно, беззаветно, вопреки всем провокациям» («Народная Власть», №133 от 13 октября 1918 года).

Чечня билась в тисках, ни один вопрос, а главное — земельный, не получил разрешения, но сил, энергии, поисков путей было за эти почти два года затрачено много. Не помогал и «атагинский совет» с его ориентацией на союз с казачеством: именно при содействии вождей атагинского совета (Чуликов и К-о) белые уничтожили десятки чеченских аулов, при первой же к тому возможности.

Не находил выхода и гойтинский совет, хотя и «левый, революционный», но колеблющийся между муллами и беднотой, нерешительный. И Шерипов выбирает решительно третий путь, путь на организацию молодежи против всех реакционных сил Чечни — муллов — шейхов, помещиков, торговцев, мулл и их приспешников. Порывает официально с половинчатым гойтинским советом, разоблачает и громит контр-революционный атагинский совет и начинает работать над втройне тяжелой задачей: сорганизовать вторую, настоящую революцию в Чечне, связаться крепко с грозненским пролетариатом и повести совместную борьбу с белыми. При отсутствии в Чечне каких-либо организованных революционных ячеек, при отсутствии настоящих революционеров-большевиков из чеченцев — легко себе представить, настолько эта задача была трудной; однако, Шерипов, опираясь на уже проснувшуюся сознательность чеченской бедноты, со всем пылом пламенного и бесстрашного революционера взялся за осуществление этой задачи.

Для характеристики его настроений этого периода, когда казалось, белые надолго укрепились в Чечне, приведем только два отрывка из случайно сохранившихся записок. Вот, например, он пишет из своего грозненского подполья своим родным: «Я нахожусь спрятанным в надежном месте, в горах (это пишется нарочно,

из конспиративных соображений — Е. Э.), не беспокойтесь, я нахожусь в полной безопасности. Всем передайте привет». А вот другая записка: «Дорогой Х... Будьте спокойны. Все хорошо. Дела идут отлично. Скоро освободимся от казаков. Приложите все усилия к тому, чтобы побольше людей ехало к Чишкам и Дачу-Борзою. Им предстоит легкое и великое дело. Асланбек».

Но для полной характеристики его революционной решимости, все силы его гнева против контр-революции, необходимо привести полностью его письмо, частично опубликованное, к генералу Алиеву и Ибрагиму Чуликову.

«Правителю Чечни от Добрармии и председателю атагинского совета Э. Алиеву и И. Чуликову. Опьяненные кратковременным успехом Добрармии, вы и присные вам, т. е. чеченские купцы, спекулянты, офицеры, помещики, шейхи и муллы, — с пеной бешенства у рта и с ядовитой желчью в сердцах распространяли и распространяете среди чеченского народа самые невероятные провокации и гнусные сплетни по адресу всех инакомыслящих и действующих. Путем саботажа, шпионажа, провокации и подлой измены урус-мартановские купцы, муллы, офицеры горского правительства и члены атагинского совета помогли Добрармии разбить чеченские аулы и ввергнуть народ в море отчаяния. Совершив свое черное дело измены и предательства, вы затем в воззваниях к народу обвиняли в поражении Чечни большевиков и их чеченских единомышленников. Наводнив всю страну шпионами, доносчиками и провокаторами и развращая народ, вы травили и после своей победы всех противников Добрармии. Вам показалось и этого недостаточно и вы начали арестовывать и бросать в тюрьму всех честных и благородных в Чечне, часто невинных даже с вашей преступной точки зрения. Ненавидя народ, но и боясь его гнева, в оправдание своего преступного союза с казачеством и своего образа действий, вы призывали себе в помощь религию, шариат и все др. священные для народа лозунги, играя ими, как ловкий фокусник. Тут к вашим услугам были наши

продажные шейхи и муллы, для которых враг трудящихся Деникин давно заменил Аллаха, — а генерал Алиев — пророка Его. Большевики не только Добрармией, но и религией объявлены вне закона, все, кто идет с ними, — враг божий и человеческий; большевики — источник всех бед и зол, их надо остерегаться, как чумы. Так говорили вы, и то же повторяли муллы народу. Поставленные у власти не народным доверием, а силой казачьего кулака, объявленного муллами атагинского совета, „носителем шариата“ — вы стремитесь давно знакомой системой устрашения и „бараньего рога“ — „покорить, подчинить и навести порядок“ в родной вам стране. В этом стремлении вы забываете не только о правде, о порядочности и честности (сознаю, что наивно писать о таких элементах к вам) — но и об осторожности... Для того, чтобы вы поняли то, что пишется вам здесь, вам надо припомнить некоторые факты из прошлого. Когда над отчаявшейся землей весенним громом грянула великая российская революция — мы все с восторгом и самоотвержением принялись за работу на благо всего чеченского народа. Народ всю судьбу свою вручил в руки шейхов, мулл, офицеров, помещиков и купцов. И понятно, почему это так случилось: вечно занятый у сохи, коснеющий в невежестве от николаевской системы народ не знал ни русского языка, ни письменности и не имел никакого политического развития. И потому выбрал вершителями своих судьб представителей названных групп, которые, само собою понятно, имели больше данных для общественной работы. Народ же считал, что так как они — чеченцы, то поэтому будут защищать интересы групп. Но в этой наивной вере своей народ жестоко ошибся. Ибо, слыша глухие раскаты, начавшиеся на севере классовой борьбы, где пролетариат кровью и железом добывал свое право, — муллы, помещики, купцы и т. д., стоявшие тогда у власти, инстинктивно почувствовали страх перед возможностью распространения классового сознания в горских массах. И этот страх — страх перед возможностью революции в горской среде — заставил имущие классы Чечни забыть интересы

большинства и во главу угла поставить интересы групповые, т. е. свои собственные. Говоря прямее и, следовательно, проще, — шейх и мулла испугались, что народ перестанет даром работать на них и кормить их; помещик испугался за свою землю, купец пришел в ужас перед перспективой потерять не только многопроцентные прибыли, но и товар; офицер вспомнил о своих погонах; словом, каждый подумал о себе, забыв о народе. И они все в дружном союзе, раньше трудового народа и друзей его, поняли свои интересы и, обманывая народ через популярных в то время шейхов и мулл, от имени всей страны, начали вести политику спасения своих преимуществ и привилегий. Первым проявлением классового сознания имущих элементов Чечни и вообще горцев является авантюра юго-восточного союза. Этот неестественный союз вечных экономических врагов повел ко многим несчастьям для горцев (свидетели этому разбитые аулы и разоренное население), но он же дал и первый толчок народному самосознанию. Именно: трудящиеся группы горцев, доверившиеся раньше своим имущим единомышленникам, следовало бы сказать „единоверцам“ — Е. Э.), воочию увидели теперь, что имущие элементы преследуют только лишь свои, а не общие интересы. Следующий шаг был не трудный: наиболее сознательные элементы народа (Гойтинский район), отшатнулись от сторонников казачьей ориентации и обратили свои взоры на Советскую Россию, как на истинную защитницу интересов трудящихся. И ответом проснувшегося народного сознания на авантюру юго-восточного союза явилась посылка делегатов на пятигорский съезд и позднее признание советской власти в лице терского народного совета. Между прочим, Вы, Ибрагим Чуликов, когда посылался пишущий эти строки на пятигорский съезд — нашли необходимым на...» (в этом месте письмо обрывается, или, возможно, что конец его потерян — Е. Э.).

Генерал Алиев и Ибрагим Чуликов были организаторами контр-революции в Чечне, они собрали вокруг себя всех чеченских богачей, грозненских домовладельцев-чеченцев, добровольно стали

в прямое подчинение Деникину и помогали белым жечь аулы, громить массовое национально-революционное движение. Нужно отметить здесь, что между народный характер советской революции нашел свое яркое отражение даже на этом маленьком чеченском участке борьбы: объединились не только реакционеры Чечни и казачества, но их союз скрепил английский империализм. Приведем одно характерное воззвание того периода:

«Объявление чеченскому народу от английской миссии. Я, представитель английской миссии при генерале Деникине, полковник Роландсон, обращаюсь к представителям Ингушетии, Чечни и Дагестана и говорю: «Правительство Англии поддерживает генерала Деникина и его цели. Цели генерала Деникина — уничтожение большевиков, возрождение великой, неделимой России и широкое самоуправление горских народов. Вы не должны думать, что Англия вывела свои войска из Тифлиса и Баку потому, что она — против Деникина. Выгнав из Закавказья немцев и турок, Англия, исполнив свою задачу, отвела свои войска. Представитель Англии в Закавказьи 4 августа н. ст. объявил Грузии и Азербайджану, что в Дагестане право водворить порядок принадлежит генералу Деникину, и что Грузия и Азербайджан должны помогать Деникину в его борьбе с большевиками, иначе Англия будет смотреть на это, как на акт недоброжелательства к союзникам. Точно установлено, что есть грузины и азербайджанцы, которые поддерживают восстание, поднятое большевиками в Дагестане и Чечне. Английская миссия хорошо знает, что восстание горцев не есть национальное движение, а большевистское и вызвано отдельными лицами, преследующими личные цели; большевики Гикало и Шерипов имеют связь с Астраханью и тамошними большевиками, против которых тысячи здравомыслящих горцев теперь воюют в рядах войск Деникина. Англия помогает Деникину снаряжением, танками, аэропланами, пушками, пулеметами и будет помогать Деникину до исполнения его цели. Англия дала для этого своих инструкторов. Будет очень жалко, если придется обратить это оружие против

горцев, и их аулы будут разрушены. Англия знает, что виноваты в восстании отдельные лица, а не все. Одураченные люди до сих пор верят обещаниям большевиков, но большевики никогда не держали своего слова и не исполнили ни одного обещания. Конец большевизма близок, так как войска Деникина в 300 верстах от Москвы, расстояние как от Петровска до Баку. Нет, сомнения, что Россия, очищенная огнем и кровью, станет великой и неделимой. Она тогда справедливо воздаст тем, кто помогал ее возрождению, а те, кто мешал этому, — будут наказаны и наказны немедленно. Я прошу это передать вашим народам и распространить среди всех. Полковник английской службы Роландсон». (Газета «Вестник чеченского комитета по очищению Чечни от банд большевиков и Узума-Хаджи». Грозный, 6 октября 1919 г., №1).

И на полях Чечни скрестились мечи двух основных сил, борющихся во всем мире, — большевизма и капитализма. Когда опьяненные успехами «добровольцы» набросились на чеченские аулы и стали громить их, — Шерипов пишет и распространяет открытое письмо за своей подписью, с явным намерением, чтобы оно попало в руки командования белых, а также населению, где он пишет: «...Я всеми доступными мне средствами и способами проводил в Чечне идею советской (народной) власти и объединения чеченцев с русской революционной демократией... Посему я заявляю, что всякие преследования, притеснения за политику советской власти в Чечне я прошу и хочу принять на себя. Аулы и отдельные красноармейские группы чеченцев, признавшие советскую власть, не должны подвергаться никаким притеснением и репрессиям, это все простые чеченцы, мало разбирающиеся в сложных политических вопросах... Ответ за все готов держать я... Заявляю, что не приму никакого участия в работе с теми, кто будет иметь союз с казачеством, и кто в чеченских делах будет опираться на шейхов и мулл, которых я считаю предателями народа». (22-го ноября 1918 г., с копии).

Здесь важен момент безбоязненной ответственности и заступничество за тех, кого он вел. Черта, несомненно, настоящего вождя, проявляемая в трудные минуты поражений. Тов. Гикало, с его горсточкой храбрецов-пролетариев, отступивших из Грозного, нашел приют и товарищеское раньше всего со стороны Шерипова. Нам вспоминается рассказ Гикало, что Шерипов стал ему настолько близким другом, что после его смерти родня Шерипова считала Гикало «вместо Асланбека».

И Шерипов помогал Гикало сколачивать новый революционный кулак в горах Чечни, поддерживал связь с грозненскими рабочими, имел связи с солдатами белых, готовил чеченскую молодежь, у него уже вырисовывался большой план наступления на белых одновременно в нескольких пунктах (Грозный, Воздвиженка, Кизляр).

Но случилось так, что стихийное движение чеченцев опередило его; надвинулось это движение против ближайшего белогвардейского пункта — Воздвиженской. Шерипов, узнав об этом, спешит к восставшим, уговаривает их отложить наступление на Воздвиженку, убеждая в бесцельности одного удара и т. д. Но настроение масс было наступательное, и уговорить не удалось. Что же, уходит ли от ошибающейся массы Шерипов со своим более правильным, по его убеждениям, планом будущего большого наступления? Нет, он становится во главе массы, бьется в первых рядах ее, и при преследовании опрокинутого противника, получает смертельное ранение и умирает...

Мы утверждаем, что Шерипов поступил, как настоящий революционер, как вождь, а не как резонер. Тут будет уместно вспомнить примеры Либкнехта и Розы Люксембург, которые погибли, идя во главе восставших Берлинского пролетариата, хотя и были против восстания. Конечно, аналогия должна быть оговорена всей колоссальной разницей в масштабах и характере движения и в величинах вождей. Однако, геройский поступок Шерипова, с радостью отдавшего жизнь в борьбе с контр-революцией, при

условии, когда он не был согласен на выступление именно в данный момент, — роднит его с великими пролетарскими борцами...

Асланбек пишет простыми словами пламенное воззвание к деникинским солдатам воздвиженского гарнизона о переходе их на сторону красных. Мы приводим здесь это воззвание целиком, написанное рукою Шерипова и обагренное кровью его сердца (экземпляр, взятыйиз кармана смертельно раненого борца): «Солдатам воздвиженского гарнизона. Товарищи солдаты! Опомнитесь! Контр-революция Деникина и казаков ведет вас на борьбу с красными чеченцами и вашими братьями-красноармейцами. Вашей кровью враги революции хотят залить революцию и ее завоевания. На всех фронтах советские войска гонят казаков. В Англии и Италии разгорается пламя всемирной революции — и английские войска уже ушли из России и Кавказа. Остатки 11-й армии оправились и наступают в направлении на Червленную. В Грозном и др. городах тайные организации сов. Власти поднимут восстание. От имени советской власти обращаюсь к вам — перебейте своих офицеров и казаков и переходите к нам. Гарантируется безопасность и неприкосновенность всем вам. Иначе под натиском красных чеченцев и красноармейцев погибнете и вы. Помните — в наступление не ходите; если будут наступать на Воздвиженку — перебейте офицеров и с белыми флагами идите к нам. Тогда получите прощение — и наравне со своими братьями будете биться за советскую власть. Будьте на страже — скоро, на днях будем наступать. От имени советской власти объявляю, что не выполнившие настоящий приказ — понесут самую тяжелую кару. Командующий чеченской Красной армией А. Шерипов».

Асланбек погиб, но движение бедноты разросталось, гикаловские силы крепли. Однако, был момент, нам думается, последний из значительных в этом отношении, когда эта революционная масса опять встала было под знамена религиозного движения: мы разумеем движение Узум-Хаджи. Вспоминается, картина, когда мы с Гикало были в Ведено, для переговоров с Узум-

Хаджи. Вспоминается, картина, когда мы с Гикало были в Ведено, для переговоров с Узум-Хаджи, в конце сентября или в начале октября 1919 г. — К веденскому полю огромной лентой тянулись тысячи и тысячи пеших, конных, молодых и старых — горская беднота, сторонники секты «Кунта-Хаджи». Они шли признать власть «имама Узума-Хаджи». Вот заполняется большая площадь перед домиком, где жил Узум-Хаджи, и начинаются, под звуки религиозных песен и многочисленных барабанов, под знаменами зелеными, разноцветными, — ритмические массовые религиозные пляски... Экстаз танцующих все наростал, многие доходили до исступления, с пеной у рта, бледные, подхватывались и выводились из строя... Так продолжалось час, два... Тысячная толпа — в исступлении, и вдруг, под вооруженной охраной, с шашками на голо, торжественно выводят под руку, одетого в белое, глубокого старика, в белой чалме: это — Узум-Хаджи. Мгновенно все затихает. Имам произносит несколько коротких фраз, смысл которых заключается в том, чтобы его слушались беспрекословно, как посланника пророка, и удаляется... Тов. Гикало, с глубоким сокрушением спрашивал меня: «Можно ли с этими людьми строить советскую власть, социализм? Ведь это — средневековье!». И во мне также закрадывалось сомнение, настолько потрясающе была картина! Но дело было, все таки, не в религии: это — мятежная беднота металась, ища выхода из своего нищенского положения, готова была искать любую дорогу, любого вождя; в основе — не религия, а экономика. Так оно и случилось: прошло лишь несколько месяцев, — и беднота, шедшая с Узум-Хаджи, как только этот последний, вкупе с авантюристом «князем» Дышнинским, выявил свою реакционную физиономию — отшатнулась от него и перешла в лагерь Гикало, в лагерь Гикало, в лагерь советской власти...

Асланбек погиб за дело чеченской бедноты, за дело грозненского пролетариата, за дело Октябрьской революции... И не он один: десятки и сотни простых, безграмотных бедняков, геройски отдали свою жизнь революции в качестве красных

партизан... Оказалось, что эти «дикари» — чеченцы тоже умеют драться за дело революции, способны выдвигать из своей среды новых «Шамилей», мюридов Октября. А кто, как не октябрьские, пролетарские революционеры, эти погибшие вожди дагестанской бедноты, не менее славные, чем Асланбек — Улубий Буйнакский, Махач Дахадаев, Казбек? Разве смычка с крестьянством, с крестьянской беднотой не есть кровное дело победившего пролетариата, чтобы успешно прситупить к закладыванию фундамента социализма? И разве работники крестьянской бедноты, боровшиеся и положившие свою жизнь за дело союза с пролетариатом и поддержки его, не достойны названия пролетарских революционеров? Нам кажется, — что да, вполне достойны.

Но борьба далеко, далеко еще не исчерпана, хотя и положено много сил. Горская беднота, — в частности, чеченская, — все еще ждет разрешения кардинальнейших вопросов. Достаточно указать, что Чечня почти на 400000 населения имеет всего 180000 дес. пахотной земли; что в чечне еще не проведено землеустройство, что все еще идет эксплуатация бедноты, что еще сильны — блок кулачества с духовенством, что слаба кооперация, что мало дорог, что население болеет ужасными социальными болезнями (сифилис, туберкулез, малярия), что неграмотность — почти поголовная, что своя письменность только нарождается, что женщина — все еще полурабыня, что кровная месть все еще не изжита, — достаточно указать на все эти моменты, чтобы понять, что есть еще много дела для новых «Асланбеков», есть еще над чем поработать, куда отдать свои силы беззаветно.

И все таки — основа заложена: идея советской власти привилась к трудящимся Чечни, у них нет другой дороги, кроме как с советской властью, с пролетариатом. «Путей отступлений нет», как говорил еще в 18 году Асланбек. Сделаны первые шаги к проведению дорог, каналов, построены десятки школ и больниц, зарождается

кооперация, намечается организация бедноты, сколачиваются крепко органы советской власти...

Но рычагом всего, основой всего должно явиться строительство комсомола и партии. Без партии и комсомола, действительно представляющих интересы бедноты, без того, чтобы эти организации стали политически и технически грамотными, думать о решительной борьбе с указанными болезнями Чечни не приходится. Нужна настойчивость, упорство, преданность делу, которые были свойственны Асланбеку, чтобы возможно скорее построить, укрепить хорошие организации партии и комсомола, чтобы с успехом разрешать предстоящие задачи. И в этом отношении на молодежь Чечни выпадает почетная обязанность... К пятилетию комсомольской организации в Чечне мы писали: «Поистине в лице Асланбека Шерипова наша комсомольская организация имеет «предтечу», славного предшественника, революционные, талантливые и яркие слова которого были подтверждены и запечатлены делом и кровью... Если опередить коротко, какие задачи стоят перед комсомолом, то нужно сказать: «Даешь качество! Не гнаться за увеличением числа членов, а привести сначала уже имеющуюся организацию в порядок. Со всей силой налечь на обучение грамоте — технической и политической... Неграмотного комсомольца всегда забьет, «за пояс заткнет» грамотный кулак, грамотный мулла — этого не надо забывать. Надо сделать так, чтобы комсомольская семья не терпела бы впредь таких «уродов», которые покупают женщин (калым), имеет «гарем» (несколько жен), мстят за убийство пра-пра-прадеда какому-нибудь отдаленному и ни в чем неповинному отпрыску когда-то жившего убийцы... Надо, чтобы комсомольская организация была авангардом, передовою частью бедняцко-середняцкой молодежи; поэтому кулаков, которые богато живут за счет чужого труда, не должно быть в среде комсомола. Не должно быть так, чтобы комсомолец, происходящий из того или иного рода (тайпа), был бы просто ангелом этого тайпа, проводником тайпового влияния, нет — он должен забыть о своем

тайпе и всегда помнить, что он защитник бедноты, к какому бы тайпу бедняк не принадлежал, и враг всякого реакционера и богача, если даже они из его тайпа, — вот каков должен быть комсомолец, если он не хочет надувать свою организацию. Карьеристов — вон! Кто пошел в комсомол из-за оружия, из-за привилегий, из-за получения теплого места, — это не комсомольцы, а враги комсомола. И нужно еще изгнать решительно одно явление из комсомола: некоторые думают, что раз он комсомолец, — он может службу получить, поэтому забрасывают свое хозяйство, а крестьяне такому комсомольцу не доверяют. Нужно, чтобы комосмолец свое хозяйство вел образцово, а еще лучше, если он вместе со всеми членами ячейки будет сообща работать, показывая пример коммунистической спайки и более выгодные результаты от общего труда… Ныне в Чечне положение мирное, нет бандитизма, идет лихорадочная культурно-хозяйственная работа по возрождению поруганной царскими чиновниками страны. И комсомол в этом деле — в первые ряды!». (Газета «Грозненский рабочий» от 2-го июля 1926 года, из статьи «Прошлое — славное, но главное впереди» — Е. Э.).

10-летие Октября нужно сделать в Чечне исходным пунктом для закрепления настоящих партийных и комсомольских организаций… Все остальное — приложится, и, в частности, этим будет наилучше сохранена память об отважном молодом революционере Чечни — Асланбеке Шерипове, который был твердым, как сталь, и ярким, как звезда…

Грозненский пролетариат поставил памятник Асланбеку Шерипову, чеченскому революционеру-большевику… На крутом берегу Сунжи, в отгороженном зеленом садике, стоит этот скромный памятник, а на противоположном берегу Сунжи — рядом стоят мечеть и церковь: два мира расположились друг против друга… Асланбек своею кровью, алою, как знамена октябрьских битв, запечатлел право на окончательную победу над старым миром… Он в 18 году говорил: «Мы вам докажем, как надо умирать за свободу.

В нас вы не найдете мюридов газавата, но увидите мюридов революции» — слова, которые должны стать лозунгом для молодой Чечни!...

Есть другой памятник — садик «имени Гикало». Посредине садика, на курганчике — небольшое горное орудие: это одно из орудий, с которым дрались против белых красные партизаны — рабочие и чеченцы — под руководством сосредоточенного, хмурого, но изредка хорошо улыбающегося героя партизанской войны т. Гикало... Всякий, кто хочет сказать в Чечне и Грозном, что он участвовал в 18-19-20 годах в борьбе с белыми, просто, говорит, что он — «гикаловец»...

Памятник Асланбеку Шерипову — и «садик с пушкой» имени Гикало... Пламенный революционер угнетенной царизмом национальности и вождь красных рабочих отрядов, которые поддерживались чеченской беднотой: ведь, это — настоящий памятник Ленину в Грозном, в центре Чечни, в городе нефтяных рабочих!... И порой кажется, что не надо было бы ставить памятников лично Ленину: все равно повсеместно этих памятников нельзя поставить, да и не везде они бывают удачны; учением же Ленина, плодами им посеянного проникнуто все и вся на бесконечных пространствах СССР, и не только СССР... **7-го сентября 1927 года. Гор. Грозный**.

«АТЛАС СОЮЗА СОВЕТСКИХ СОЦИАЛИСТИЧЕСКИХ РЕСПУБЛИК». МОСКВА. 1928

Чеченская Автономная Область.

Чеченская Автономная Область является по пространству и населению самой крупной из национальных автономий, входящих в состав Северо-кавказского Края. Она образована декретом ВЦИК от 30/XI1922 г., при расчленении Горской Республики. В ее состав

вошла территория, населенная почти исключительно народом нахчи или чеченцами, бывшая ранее в составе Грозненского округа.

Территория Области занимает площадь пространство в 9,2 тыс. кв. м. и разделяется на 14 округов (на правах районов). В составе этих 14 округов или районов организовано 167 сельсоветов, охватывающих 1391 населенный пункт. На территории Области имеется один город — Грозный, представляющий не только административно-политический центр Автономной Чеченской Области, но и большой центр нефтяной промышленности, с населением в 70896, а с нефтяными промыслами — 97095 чел. по переписи 1926 г. и выделенный на правах округа в самостоятельную административную единицу, не входящую в состав Чеченской Области, а подчиненную непосредственно северо-Кавказскому крайисполкому. Южную границу Чеченской Области представляет линия Главного Кавказского хребта (в середине ее находится вершина Тебулос-Мта), где она соприкасается с Грузией. На востоке Чеченская Область граничит с Дагестанской АССР, на западе — с Ингушетией и Сунженским округом и на севере — с Терским округом Северо-Кавказского Края. Она простирается по северным склонам Большого Кавказа в его восточной части почти от водораздельной линии, лежащей в области вечных снегов, к северу по Терско-Сунженской наклонной равнине до реки Терека. Ее рельеф, почва, климат, растительность чрезвычайно разнообразны, и, как следствие этого, весьма различны и типы и формы ее крестьянского хозяйства. По рельефу она может быть разделена на три полосы — горную, предгорную и плоскостную. В сельскохозяйственном отношении Область делится на четыре резко различных района: 1) горный район альпийских пастбищ, 2) горно-лесной, 3) предгорный полузасушливый и 4) плоскостной засушливый. Горный район занимает южную наиболее высокую зону горных лугов, где преобладают неразвитые почвы горных склонов на твердых материнских породах. Его растительность в более низкой полосе — субальпийские луга с густым и высоким травостоем

и большим распространением многолетних трав, а в более высокой — луга альпийские с низкорослыми густыми травами, частью с торфяным мхом. Это район экстенсивного скотоводства, главным образом, овцеводства. Осадков — больше 600 мм. Здесь получают начало все главные реки Области: Фортанга, Аргун, Джалка и Белая, впадающие в реку Сунжу и вместе с нею в Терек. Горно-лесной район (до Черных гор) представляет местность очень расчлененную многочисленными долинами рек, покрытую лиственными лесами. Почвы здесь — глинистые или суглинистые, темно-серые лесные с примесью гравия и щебня. Подпочвы — суглинки, галечник и пески. Осадков — около 600 мм. Среди лесных пород здесь находим: дуб, граб, ясень, клен, липу, бук, осину, березу, черешню и в верхнем поясе сосну, но преобладают бук и граб. В хозяйственном отношении этот район можно назвать скотоводческо-земледельско-лесным. Преобладают посевы кукурузы. Имеются плодовые сады. Предгорный полузасушливый район простирается от Черных гор до реки Сунжи. Осадков здесь выпадает около 400 мм. Почвы — глинистые, суглинистые, а в северной части — светло-каштановые с вкраплением солонцев. Подпочвы — глины, галечники и пески. Растительность — лесостепная. Предгорный район — это (так называемая Чеченская котловина, представляющая наиболее густо населенную часть Области) –средоточие ее сельскохозяйственной жизни с преобладанием полеводства и садоводства. Главная культура — кукуруза, затем идут пшеница, ячмень, просо, распространены бахчи. В восточной части района (по реке Аксаю) имеется сеть оросительных каналов. В предгорном районе, много железистых и серных источников с температурой до 70^0. Плоскостной засушливый район располагается между реками Сунжей и Тереком в северной части Области. Здесь количество осадков — от 350 до 400 мм, при чем они обычно выпадают во второй половине лета. В связи с господствующими сухими и жаркими восточными ветрами и ежегодными засухами это очень вредно

отражается на земледелии. Урожаи здесь бывают в среднем через три года в четвертый. Почвы — черноземы, суглинки, солончаки и супеси. Растительность района представляет разнотравнозлаковую степь с преобладанием пырея. Леса совершенно отсутствуют. Хозяйство –земледельческо-скотоводское. В посевах преобладают кукуруза, просо, озимая пшеница и бахчи. Скотоводство смешанное — овцеводство и крупное скотоводство. Рек нет, грунтовые воды — горько-соленые. На склоне Терского хребта в станице Горячеводской и разъезда Брагуны имеются целебные источники горячей воды с температурой около 70^0, первый с дебетом до 100 тыс. ведер, а второй — до 4 млн. ведер в сутки. Сводя в общую картину природные условия Чечни, надо сказать, что северная часть ее относится к засушливой зоне, серединная или большая часть Чечни лежит в зоне неустойчивого увлажнения, и только южная высокогорная часть относится к влажной зоне. В почвенном отношении северная Надтеречная полоса имеет сравнительно бедные каштановые и светло-каштановые суглинистые почвы, и только незначительная часть имеет черноземы, а остальная Чечня относится к типу лесных почв и почв россыпей и осыпей. Таким образом, общие условия климата и почвы в Чечне мало благоприятствуют сельскому хозяйству. Горные богатства Чечни мало изучены, кроме нефтяных месторождений, на которых развилась большая нефтяная промышленность Грозненского района. В Чечне встречаются: железный и медный колчедан, свинцовые руды, сурьмяные руды, углекислые и серно-кислые известняки, кристаллический гипс, глины различного химического состава, сера, селитра, твердые горючие материалы — сланец и уголь — и разные минеральные источники — серные и углекислые.

Коренное **население** Области — чеченцы (94,0% всего населения). Они представляют собою народность чечено-дагестанской группы собственно кавказских или, по новой терминологии, яфетических народов Кавказа. Чечня исторически в бытовом отношении делится рекою Гойтой (приток реки Сунжи)

на Большую Чечню, к востоку от этой реки, и Малую — к западу от нее. Большая Чечня — страна преимущественно гористая, Малая — равнинная, в зависимости от чего и сложились их бытовые особенности. Чеченцы называют себя народом нахчи, название же чеченцы — русское, оно создано терскими или гребенскими казаками в XVIIвеке и происходит от аула Чечень, который служил центром, где замышлялись и организовывались все военные операции против русских. Народ нахчи или чеченцы исторически распадается на несколько обществ, населявших отдельные долины и горные котловины; вот эти общества: ичкеринцы, кисты, ингуши, галашевцы, назрановцы, карабулаки и др. Из них ингуши говорят особым наречием чеченского языка и теперь составляют Ингушскую автономную Область. Карабулаки после покорения Восточного Кавказа выселились в Турцию. Теперь общее количество нахчи или чеченцев во всех обществах, которые часто ошибочно называют племенами, — около 300000 чел. Чеченцы еще в XVIIвеке пришли в соприкосновение с гребенскими казаками. В русских исторических актах о них впервые упоминается в записях под 1708 г. С конца XVIIIвека они формально подчиняются России. До 40-х годов прошлого века между чеченцами и русскими существовали более или менее мирные отношения; но когда к ним было предъявлено требование выдать оружие, они признали над собою власть известного имама Шамиля и вместе с ним участвовали в газавате или священной войне против гяуров — русских. После 20 лет борьбы Чечня была окончательно подчинена и часть чеченцев была выселена с гор на плоскость, а те, которые не хотели подчиниться этому и не мирились с потерей свободы, выселились в турцию. Тип чеченцев в антропологическом отношении смешанный — цвет глаз, цвет волос и величина головного указателя очень колеблются. Среди яфетидов чеченцы отличаются наибольшей длинноголовостью. Глаза встречаются темно-карие, голубые и светло-зеленые; волосы — от темно-русых до черных. Встречаются лица, которых не отличишь от великороссов. Рост — высокий, сложение — стройное. Женщины-

чеченки в молодости обычно очень красивы. Занятие чеченцев — земледелие, в частности, полеводство с преобладанием культуры кукурузы. При этом землепользование до недавнего времени оставалось родовым, за исключением участков, расчищенных из-под леса и распаханных отдельными дворами. Кроме кукурузы сеется пшеница. Затем идут просо и ячмень. На втором месте в чеченском хозяйстве стоит скотоводство, при этом очень немного разводится лошадей. Преимущественно разводится мелкий скот, в особенности, овцы и, отчасти, крупный рогатый скот. Серьезный промысел в Чечне — пчеловодство. Значительно развиты кустарные промыслы — выделка бурок, сукон, посуды и черепицы. Селения плоскостной Чечни — большие аулы, застроенные турлучными саклями или домами на станичный образец, обычно очень опрятными, чисто выбеленными. В горной Чечне селения представляют собою собрание домов — крепостей, лепящихся под защитой родовых боевых башен. Сложены они из камня, часто двухэтажные, с окнами без рам, с каминами, вместо печей. Обстановка горской сакли очень несложная: кровать, скамьи, столики для еды, кое-какая посуда. В плоскостных селениях обстановка — близкая к городской. Одежда — обще-кавказская, горская: черкеска из желтого или серого сукна, цветной бешмет, суконные ноговицы и чувяки, папаха, башлык, бурка. Национальный женский костюм почти совсем исчез. Пища чеченцев — молочно-растительная: пшеничная похлебка, кукурузная или пшенная каша, кислое молоко, сыр. В большом употреблении из напитков буза. Самым характерным в быту у чеченцев являлось отсутствие сословных феодальных делений. При всех сношениях с русскими властями, чтобы оттенить это, чеченцы гордо заявляли: «мы все уздени», т. е. все свободные люди. Но зато родовой строй отношений был очень крепок у них до последнего времени. Только принадлежащий к большому, сильному роду чеченец чувствовал себя независимо: безродный всегда был беззащитен и бессилен. Такие пережитки родового строя, как родовая месть, родовая

взаимопомощь, подчинение старшему в семье или в роде, обычай гостеприимства и т. д. и теперь еще сильны в Чечне. Прямым общественным бедствием в новых условиях является живучесть обычая родовой мести. При самой настойчивой борьбе его очень трудно вытравить, и кровникам и теперь нередко приходится покидать родину, чтобы не быть убитыми из-за междуродовых счетов. Областной Съезд Советов 1926 г. выделил особую комиссию для примирения кровников. Начав свою работу в сентябре 1926 г., эта комиссия почти во всех обществах, где были кровники, провела собрания для их примирения и обязала подпиской о прекращении кровничества111 чел. Но не всегда это действует. Случаев фактического примирения всего установлено 55. При этом освобождено от непосредственной угрозы кровной мести 77 чел. Все общественные дела в Чечне всегда решались на общественных собраниях, где старейшины родов имели наибольший вес. Князей и княжеской власти чеченцы не знали. Только некоторые чеченские общества иногда были вынуждены подчиняться соседним кабардинским князьям, а иногда даже кумыкским. Но обычно они терпели это недолго и быстро освобождались. При таком внутреннем быте, при непрестанных междуродовых распрях, при вооруженной борьбе с соседями, мужчины-чеченцы выработали в себе смелость, выдержку и отвагу, но привычки к домашнему труду не создали. Весь труд и на поле и в доме и все заботы о хозяйстве у них лежат на женщине, которая до революции была на положении рабочего животного. Очень твердым обычаем в Чечне является культ очага. У чеченцев существует развитая народная словесность в виде богатырских сказаний, исторических преданий, легенд и сказок. Чеченцы пользовались арабским алфавитом или видоизмененным русским. Теперь в Чечне введен латинский алфавит, и на нем выходят газеты, учебники, политическая и научно-политическая литература. По переписи 1926 г. всего населения в Чечне 309 тыс. чел. и 75,2 тыс. хозяйств. Мужчин — 159,3 тыс. и 150,6 тыс. женщин, не считая города Грозного, выделенного в автономный округ,

в котором, как указано, с нефтяными промыслами — 97 тыс. жит. Городского населения в Чечне — 3,0 тыс. чел. Плотность населения — 33,7 чел. на кв. км. Плотность на 1 кв. км земель сельскохозяйственного значения — 44,5 чел. Обеспеченность землей на едока по горному району — от 0,05 до 0,5 га, по предгорному — от 0,5 до 1,5, по плоскостному — от 1,5 до 3 га.

Сельское хозяйство Чеченской Области по размерам продукции распадается на две почти равнозначащих отрасли: полеводство и скотоводство. В общем Чеченское хозяйство имеет типичный натурально-потребительский характер и очень экстентивные формы, что объясняется, главным образом, историческим прошлым Чечни. Общее распределение земельной площади на угодья представляется в следующем виде: всего земли учтено к 1926 г. 920 тыс. га, в том числе удобной — 900 тыс. га, а земель сельскохозяйственного пользования (без леса) — 672,0 тыс. га. Из них пользуется 585,3 тыс. га, в том числе годной под полевые и садово-огородные культуры при современном состоянии мелиорации — 358,6 тыс. га, используется же фактически, как пашня, около 200 тыс. га. Распределение посевных площадей и сенокосов выражается в следующих цифрах: сенокосов — всего 132,2 тыс. га, из них использовано в 1925 г. 84,6 тыс. или 64%. Всего полевого посева в 1926 г. было 153,0 тыс. га, в том числе: кукурузы — 114,9 тыс. га, пшеницы — 19,8 тыс. га, проса — 7,6 тыс. га, бахчей — главным образом арбузов — 4,2 тыс. га. Кроме того, огородные культуры занимали 0,5 тыс. га, плодовые сады — 365 га, виноградники — 78 га. При этом главная масса сенокосов, 70% полеводства, все бахчи и все огороды, 50% садов и все виноградники сосредоточены в плоскостной части Чечни, которая занимает больше половины всей территории Области (516,7 тыс. га). В общем по области в 1926 г. приходилось на одно хозяйство 2,3 га полевого посева, а на одну душу населения — 0,5 га. Из приведенных цифр видно, что в полеводстве в Чечне над всем преобладает кукуруза, потом идут озимая пшеница, просо и бахчи.

При этом по сравнению с довоенным временем площади посева под пшеницей сильно отстают. Для подъема сельского хозяйства Области создана агрономическая сеть, организуются опытный плодовый сад и опытный виноградник, опытный семенной огород, опытное поле интенсивных технических культур — хлопка, кенафа и клещевины, опытная плантация табака; устанавливается плодосушилка в селении Ведено, организуется снабжение населения машинами и улучшенными семенами и т. д. Общее количество скота в Чечне в 1926 г. показывают следующие цифры: лошадей — 46773, крупного рогатого скота — 833591. Птицы в Области насчитывалось 850443. При этом лошади и крупный рогатый скот распределяются почти поровну между равнинной и горной частью Чечни. Овцеводство и козоводство сосредоточены, главным образом, в горной полосе. В осень небольшом количестве в Чечне имеются еще буйволы, верблюды, ослы и свиньи. В среднем на одно хозяйство в Чечне приходится 12,8 головы скота и 1,4 единицы рабочего скота. Хозяйств без рабочего скота — 35,3%, не имеющих крупного рогатого скота — 16%. Число коров на одно хозяйство — 1,4. Процент хозяйств, не имеющих коров, — 24,9, но особенно велик процент хозяйств, не имеющих овец. Плугов и буккеров на одно хозяйство — 0,2, а на 100 га посева — 8,8. Общее число плугов и буккеров — 13346 и 22703 борон железных и с железными зубьями. Хозяйств без посева и с посевом до 0,1 га — 7,2%, с посевом до 4 га — 87,4%. Средний посев на одно хозяйство — 1,7 га или 0,39 га на душу. Система животноводства в Чечне — пастбищно-кочевая как в плоскостно-степной, так и в горной части области. На зиму скот перегоняется с гор в Кизлярские и Хасав-ЮртовскиеПритеречные степи в Дагестанскую республику. Летом он перегоняется на высокогорные луга. В степной полосе есть места, где скот ежедневно совершает перегоны в 20—30 км для водопоя. Это первобытная система животноводства задерживает также и развитие плодоводства. За пределы Области вывозится овечья шерсть и кожа. Для развития животноводства и по коневодству,

и по крупному рогатому скоту, и по овцеводству ведется борьба с эпизоотиями, организуются, организуются случные пункты, проводится отбор и улучшение породы, создаются артели — коневодческие, молочные и сыроваренные. В Чечне издавна развито еще пчеловодство. По данным 1926 г. учтено 4927 ульев, из которых только 463 рамочных. Распространено пчеловодство в горно-лесном и предгорном районах. Площадь удобных лесов Области составляла 288 тыс. га по учету 1926 г. Лесов государственного значения — всего 68 тыс. га. Остальные 160 тыс. га. В последние годы приняты решительные меры к охране лесов, которые сильно пострадали за время гражданской войны, и самовольные порубки значительно уменьшились.

Промышленность. Нефтяная промышленность Грозненского района, как имеющая общегосударственное значение и находящаяся в основном в зависимости от условий общесоюзной экономики, выделена из хозяйства Области. Только русское население Петропавловского округа работает на нефтяных промыслах, занимается здесь извозом и имеет другие подсобные заработки на промыслах, занимается здесь извозом и имеет другие подсобные заработки на промыслах. Местная промышленность находится в зачаточном состоянии: в ней всего 10 цензовых предприятий с количеством рабочих до 400 чел. на 1/X 1926 г. Наиболее крупные из этих предприятий — винокуренный завод, лесопильный, маслобойный, механический, типо-литография, мельницы и кирпично-черепичный завод. Население свои нужды удовлетворяет, главным образом, собственными кустарными произведениями. Кустарные промыслы для продажи развиты слабо и имеют только подсобный характер. Среди них следует отметить войлочное производство — бурки, ковры, шляпы — в Надтеречном округе; железно-кузнечное производство — кинжалы, топоры, мотыги — в Веденском округе; деревообделочное — посуда — в лесном районе и плетение цыновок и корзин — в Петропавловском округе. По данным обследований 1925 г.

кустарно-промысловых предприятий было 1355, из них 93 с наемными рабочими.

Торговля в Области сосредоточена в 72 государственных и кооперативных учреждениях. Кроме того, значительно развита здесь и мелкая частная торговля. Оборот за 1925/26 г. всей торговли был 5 млн. руб. Из них на долю государственной торговли пришлось 44%, на долю потребительской кооперации — 16%, сельскохозяйственной — 2% и на частную торговлю — 38%.

Кооперация. Всего сельских потребительских обществ в Области — 23 с 4063 членами. Сельскохозяйственная кооперация всех видов сделала в Чечне значительные успехи. Сельскохозяйственных кредитных товариществ здесь имеется 47 (на 1/X 1926 г.), товариществ по совместной обработке земли — 18, земледельческих артелей — 8, сельскохозяйственных товариществ универсальных — 5, машинных — 5, мелиоративных — 3, животноводческих — 3, коневодческих — 2, виноградно-винодельческих — 2, пчеловодных — 1, а всего 94 товарищества. Но надо сказать, что вся эта сеть в качественном отношении до настоящего времени очень слаба и не имеет организационной устойчивости. Она возникла в 1924 г. и стала развиваться только с 1925 г. в связи с отпуском Области чрезвычайного государственного кредита в размере 1500 тыс. руб. Надо отметить также, что в горной части Чечни кооперативных организаций почти нет. Все эти товарищества охватывают 7826 хозяйств в составе 32196 душ.

Пути сообщения. Чечня прорезывается магистралью Северо-Кавказскойжел. дор. в плоскостной своей части вдоль по тесению реки Сунжи, с запада на восток от Серноводска через Грозный и Гудермес, на протяжении 125 км. В пределах Области находится 1 шоссейный путь — старая военная дорога из Грозного на Ведено и дальше на Ботлих, находящийся в пределах Дагестана. Остальные пути Области представляют грунтовые дороги, а в высокогорной части — вьючные тропы.

Чечня в деле **народного образования** является самой отсталой из всех национальных областей Северного Кавказа. Охват детей школьного возраста не превышает 8%. В 1926/27 г. в Чечне было школ Iступени 83 с общим числом учащихся 4981, 1 школа семилетка, 1 школа IIступени, 2 школы фабзавуча, педагогический техникум, 5 профессиональных школ, 45 пунктов ликвидации неграмотности, через которые прошло около 2000 чел., 1 школа для неграмотных, 1 совпартшкола, 1 библиотека, 16 изб-читален, 1 клуб, 2 дома крестьянина, 3 школы для взрослых.

В деле **здравоохранения**, помимо амбулаторных врачебных и фельдшерских пунктов, в Чечне на 1/X 1926 г. было 7 больниц и в них — 285 коек. Кроме того, еще 4 больницы были в процессе постройки. Курортное Управление в Чечне содержало курорты: Серноводск, Горячеводск, или курорт им. Ленина, и Брагуны. Ты как эти курорты имеют большое не только местное значение, то на их благоустройство затрачиваются значительные средства.

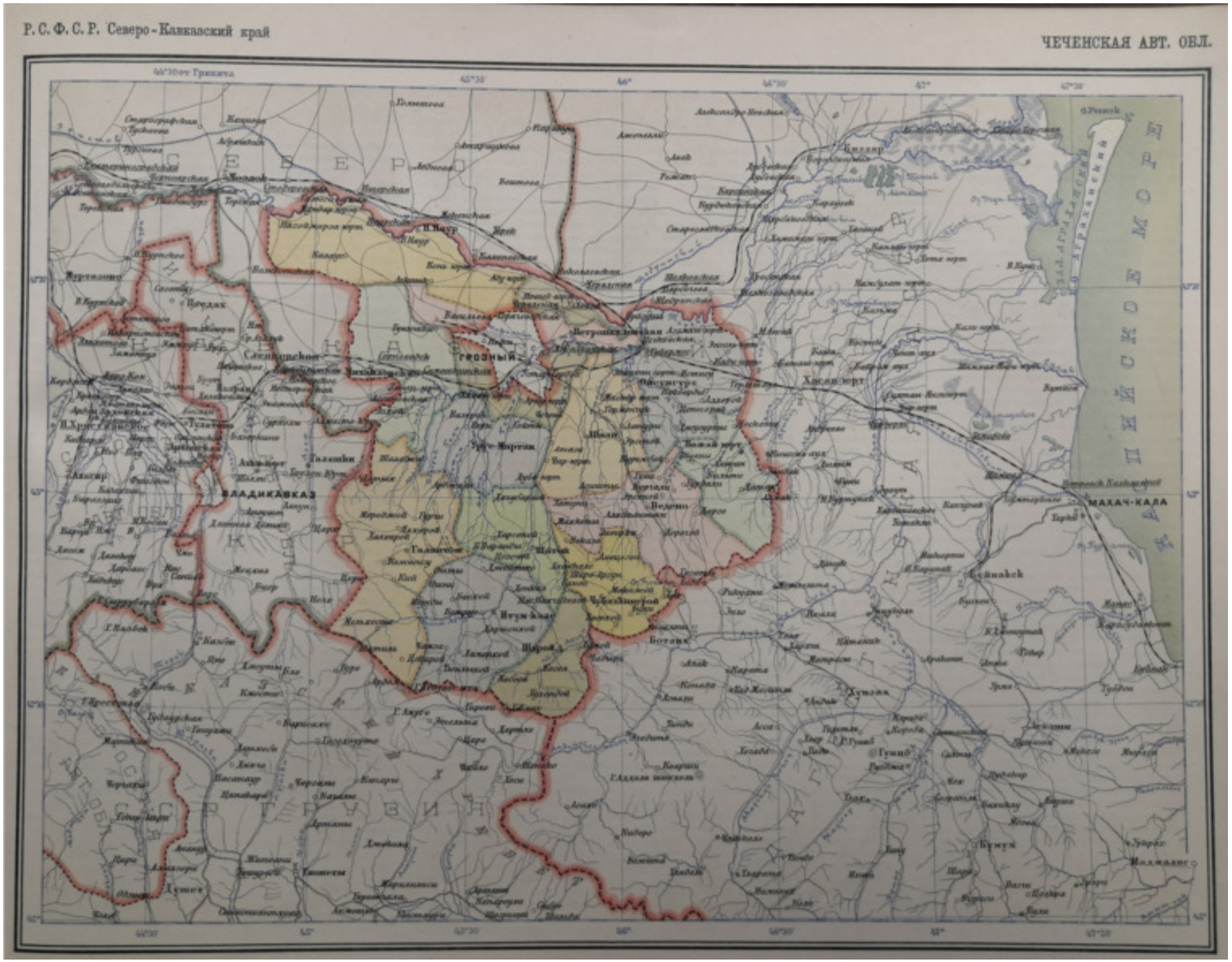
Сметные доходы по местному **бюджету** на 1925/26 г. исчислены были в 1189 тыс. руб., пособия из краевого фонда регулирования — в 1024 руб. Всего назначено было 2213, а выполнено — 2051. Из них на народное образование израсходовано 648 тыс. руб., на здравоохранение — 111 тыс. руб., на землеуправление — 187 тыс. руб. Кроме того, на мероприятия для культурного подъема Области центром было отпущено в 1925/26 г. 1500 тыс. руб.

На первое место среди всех мероприятий по развитию хозяйства Области выдвигаются мелиоративные работы по сооружению орошательно-обводнических каналов. По перспективному плану также проектируется отпуск значительных средств на хозяйственное и культурное строительство. В связи с этими мерами в последние годы отмечается некоторый сдвиг сельского хозяйства Чечни по пути культурно-технических улучшений. Перспективный план Области намечает развитие ее хозяйства путем интенсификации не только животноводства, но и земледелия и широкого внедрения, особенно

в предгорьях, в полевом посеве подсолнуха, картофеля, развития огородничества и плодоводства.

Р. С. Ф. С. Р. Северо-Кавказский край

ЧЕЧЕНСКАЯ АВТ. ОБЛ.

Автономная Область Ингушетия. Ингушская автономная Область образована по постановлению ВЦИК 7/VII1924 г., при расчленении по национальному признаку Горской АССР, и входит в состав Северо-Кавказского Края. Она занимает площадь бывшего Назрановского округа и нескольких бывших казачьих станиц. На юге ее границу составляет водораздельный гребень Большого Кавказа. Здесь она находится в соседстве с Грузией, на севере — с Кабардой, на востоке — с Чечней, на западе — с Северной Осетией.

Территория Ингушетии занимает 3199 кв. км. При таком не большом пространстве она отличается большим разнообразием рельефа. Южная часть Ингушетии наполнена гребнями и отрогами Главного хребта, Бокового, Скалистого. Пастбищного и Черных Гор, из которых складываются северные склон Большого Кавказа, к востоку от вулканической группы Казбека. И между названными хребтам и их отрогами расположились глубокие горные долины. Плоскостная Ингушетия занимает восточный край Владикавказской котловины и сливается с Кабардинской плоскостью. В общем Ингушетия в своих разных частях расположена на высоте от 120 метров до 4,500 метров в отдельных вершинах. Самая значительная водная артерия Ингушетии — Терек, но он омывает Ингушетию всего на протяжении 25 км. Остальные реки Ингушетии — его — притоки — реки: Армхи, Сунжа, Камбилеевка приток Сунжи — Оса, которая может быть названа самой главной рекой Ингушетии также разнообразен, как и ее рельеф. Количество осадков, выпадающих за год, здесь колеблется по различным районам от 500 до 840 мм. Наибольшее количество их выпадает с конца весны до середины лета, наименьшее — в конце осени и в начале зимы. Вследствие такого распределения осадков климат Ингушетии благоприятен для культуры кукурузы и, наоборот, совсем неблагоприятен для пшеницы. Это определяет кукурузное направление сельского хозяйства Ингушетии. Средняя температура за год по 7 климатическим районам, на которые метеорологи делят Ингушетию, колеблется от +8,8 до +9,2; температура июля

+20,6 +22,2: температура января — 4,5 — 5,4. Морозы редко бывает ниже — 10. С другой стороны даже в самое жаркое время, в июле, средняя температура не бывает выше +22,6. Но в зависимости горного рельефа в Ингушетии. Население по переписи 1926 г. — 75,2 тыс. чел, из которых 73,9 тыс. — сельского и 1,3 тыс. — городского, в том числе мужского населения — 37,5 тыс. и женского 37,7 тыс. В области имеется 14,5 тыс. хозяйства. В среднем на одно селение 70 дворов и 357 жителей или около 5 душ на одно хозяйство. По отдельным округам эти цифры очень разнятся. Вся горная часть Ингушетии представляет собою мелкие, далеко разбросанные друг от друга селения, а в плоскостной преобладают крупные селения. Средняя плотность населения — 23,5 чел. на 1 кв. км. По национальности население Ингушетии однородно: 93,1% составляет ингуши. Грамотных мужчин числится 6,2% а женщин — 0,5%, а в среднем грамотных — 3,4%. Процент грамотных в плоскостной части много выше, чем в горной. Ингуши принадлежат к чечено-дагестанской группе собственно Кавказа. Они говорят ингушским наречием чеченского языка и вместе с чеченцами представляют собою одну народность. Сами себя чеченцы и ингуши называют народом нахчи и распадаются на несколько отдельных обществ, носящих особые названия. Одним из таких обществ и являются ингуши. В антропологическом отношении ингуши, как и чеченцы, представляют смешанный тип — цвет глаз, цвет волос, величина головного указателя имеют здесь большие колебания. Глаза встречаются черные, темно-карие, голубые, светло-зеленые. Цвет волос от темно-русого до совершено черного. Среди народов Кавказа ингуши, как и чеченцы, отличаются наибольшей длинноголовостью. Рост высокий, сложение стройное. В горных местностях жилищами служат каменные сакли без оконных рам с камином. Сакли эти лепятся вокруг боевых башен. На плоскостной части — дома турлучные (из кирпича-сырца), выбеленные и более опрятные. Одежда обще-кавказская — черкеска из своего домотканного сукна, бешмет, суконные новогицы и чувяки.

Пища — кукурузная каша, похлебка, сыр, молоко. Из напитков в ходу буза (из проса). У ингушей так же, как у всех нахчи, отсутствовали сословные деления. Общественный строй был демократичен. «Мы все уздени», т. е. все свободные люди, — всегда в официальных сношениях заявляли они русским властям. Общественные дела всегда решались собраниями старейшин. Строй родовых отношений держался в Ингушетии до последнего времени. Безродный — беззащитен. Принадлежащий к большому, сильному роду чувствовал себя всегда хорошо и независимо. Кровная месть, как закон родового строя, не отжила и сейчас в Ингушетии. С этим жестоким обычаем ведется усиленная борьба, но не всегда успешно. Кровники на созванных собраниях примиряются часто для вида, а на следующий день старые отношения вражды снова вступают в силу. Женщина до революции в Ингушетии была в тяжелом положении. Упорный хозяйственный труд мужчине был чужд. Долгие годы боевой жизни выработали в нем смелость, ловкость, часто даже непобедимую отвагу, но создали мало привычки к труду. Все хозяйство, весь его труд и заботы большей частью лежат на женщине. По религии ингуши — мусульмане-сунниты. Мусульманство они восприяли со второй половины XVII века.

ЧЕЧНЯ. (ОЧЕРК). АЛ. ИОАННИСИАНИ

Журнал «**Народный учитель**» 1928 г., №9.

Юго-восточную часть Северо-Кавказского края занимает Чечня. Она упирается на склоны Кавказского хребта. Южная ее часть сплошь уходит в высокие горы. Округи, здесь расположенные, Чеберлоевский, Галанчожский, Шароевский, в зимние месяцы становятся недоступными: узкие тропы, извилистыми линиями терящиеся по склонам, зимой леденеют. Эти тропы — единственные пути, связывающие нагорную Чечню с равнинной (плоскостной). Когда же идут здесь дожди, пешеходы с риском переправляются по ним. Цепкие ослики с упругими хватающими копытами, до отказа

навьюченные, доставляют в горы покупки, совершенные на плоскостных базарах. Даже лошади по этим тропам передвигаются с опаской: нередки случаи, когда они срываются в ущелья, пропасти. Нагорная Чечня — один из самых отсталых уголков во всем Союзе. Ее экономический и культурный рост находится в зависимости от дорожного строительства. Основная магистраль идет по течению реки Аргун.

Выход нагорная Чечня ищет в двух направлениях: к югу через перевал на Грузию и к северу на плоскость. Еще до революции возник вопрос о перевальной дороге. Местное население тщетно добивалось в петербургских канцеляриях продвижения этого вопроса. Чиновничество поддерживало различные варианты: чеченский, владикавказский и пр. Ни один из них, однако, не получил осуществления: русификаторской политике были чужды интересы культурного возрождения мелких кавказских народностей, разобщенных природными условиями, замкнутых в бытовой дикости и родовых распрях.

Чеченский вариант намечал путь из Грозного на Шатой и Евдокимовку до Тифлиса. Расстояние от Грозного до Тифлиса по этому пути определяются в 160 верст. Вопрос о проведении этой дороги ныне усиленно занимает чеченскую общественность. Итумкалинский окрисполком настаивает на продолжении Итумкалинского тракта до села Бхалой. Отсюда начинается пологий перевал; ширина перевального хребта равна приблизительно одному километру; седловина перевала с окружающей местностью образует большой амфитеатр.

За перевалом дорога направляется по долине Хевсурской, затем Пшавской и далее к Душету, здесь она переходит в колесную. Долина реки Чанты-Аргуна поражает своей красотой. Здесь раскинуты девственные сосновые леса, чередующиеся с березовыми. В селе Бхалой имеются мощные нарзанные источники, не уступающие по своему составу и целебным свойствам прославленным мировым минеральным водам.

Со временем здесь, конечно, возникнет высокогорная климатическая станция. Масса солнца, чистота и исключительная сухость воздуха, девственная природа, разнообразие и красочность ландшафта превращают нагорную Чечню в живописный край. Надо сюда двинуть потомки туризма. Чечня имеет разнообразный рельеф, разнообразие климата, почвы, растительности. Бытовые и социальные условия воспроизводят черты, свойственные европейской истории XII—XIII столетий.

Чечня совершенно не изучена. Несколько экскурсий любительского характера да ряд обследовательских поездок по округам и рассказы, отражающие нагорные легенды, фольклорный материал — вот все, что мы имеем о Чечне. Наши вузовцы и техникумовцы, вымеривающие с такой охотой в летние месяцы Военно-грузинскуую и Военно-осетинскую дороги, не меньше вынесли бы от скитаний по горам и отрогам нагорной Чечни. По согласному отзыву многих туристов, ущелья Аргуна куда величественнее Дарьяла.

Не только природой богата Чечня. Она богата и ископаемыми; здесь встречаются: селитра, сера, железная и серебро-свинцовые руды, разные цветные глины, белый мрамор, абсорбирующие глины и глины для красок, каменный уголь, медная руда и пр.

Население горной Чечни занимается преимущественно скотоводством. Несмотря на наличие богатых субальпийских лугов с густым и высоким травостоем, здесь — район экстенсивного скотоводства, главным образом, типа кочевого овцеводства; на зимние месяцы (октябрь-апрель) все стада перегоняются к Тереку и за Терек в степи Хасав-Юрта и Кизляра, где содержатся в специальных зимовках — кутапах — на подножном корму. Продуктивность горской овцы не высока: живой вес от 30 ф. до 1 ½ пуда, выход шерсти с одной головы 2—3 ф. в год.

Отсутствием близких рынков надо объяснить малую продуктивность скотоводсечкого хозяйства, в особенности в части молочного стада. С целью создать стимул для развития этой отрасли

и вызвать в населении стремление повысить продуктивность стада (крупного и мелкого), Чечоблзу открыло в Ур. Даркольчу и с. Мехкеты сыро-маслодельные заводы. По отзывам населения, сдача молока на завод дает до 100% прибыли. Из мероприятий по сельскому хозяйству следует указать на стремление развить садоводство, находящееся в Чечне в задаточной форме. В горном селении Ведено существует с 1926 г. плодовый питомник, который с 1928 г. приступил к отпуску крестьянам посадочного материала.

Население нагорной Чечни не имеет своего хлеба (основной культурой Чечни является кукуруза и в меньшей мере озимая пшеница неопределенного сорта), оно закупает кукурузу на хлебных базарах в сс. Старые Атаги, Шага, Урус-Мартан и др. По сведениям Чечоблисполкома, пуд кукурузы на этих базарах в среднем стоит 60—65 коп., а с доставкой в Шарой обходится в 2 р. 20 к. Особенно это тяжело для бедноты, не имеющей рабочего скота (в горных округах только 35% населения имеет рабочий скот). За доставку уплачивается натурой привезенного зерна в половинном размере.

Естественно, что строительство дорог находится в центре внимания Чеченского облисполкома. В 1926 году впервые была намечена постройка дороги Шарой — Шаро — Аргун — Шатой, связывающая население трех горных округов. Постройка этой дороги была финансирована из специальных средств Совнаркома РСФСР. Строительство ее продолжается и ныне. В порядке трудповинности привлекается население, охотно идущее на бесплатные дорожные работы.

Много сделано в этой области советской властью, много построено мостов, проектировано много новых дорог и приступлено к их проведению, еще больше предстоит работ в будущем. Залог культурного и хозяйственного расцвета страны — в успешной реализации дорожного строительства. Не надо забывать, что в Горной Чечне, занимающей территорию в 5 тысяч кв. километров, имеется удобопроезжих дорог только 120 верст.

С невероятными трудностями сопряжены постройки зданий в горах для школ, больниц и пр., доставка к ним строительных материалов. Героические усилия употребляет население, чтобы обеспечить нормальную доставку железа, леса и пр. к месту строек. Строительные бревна буквально на руках перетаскивают из одной терраски на другую пока не достигнут цели. Железо, цемент навьючивают на лошадей и осликов, таким способом перевозят в горы.

Нечего удивляться, что Чечня поражает своей темнотой. От царизма она унаследовала нищету, невежество, социальные болезни. Грамотных в первые годы советизации насчитывали по пальцам. Огромная страна в 10 тыс. кв. км с населением в 300 с лишним тысяч человек имела только три школы и одну больницу, при одном враче. 35% населения болело социальными болезнями (сифилис, туберкулез и пр.). Горная Чечня была сплошь бездорожной. Обработка земли производилась деревянным подобием плуга, заделка семян — пучком связанных прутьев. 35% чеченских хозяйств были без всякого скота. И до сих пор еще горец и летом и зимой ездит на санях каменного века.

Ныне на территории Чечни количество школ перевалило за 80, число больниц — 11 (из них многие новой стройки), врачей стало несколько десятков; открылись и действуют амбулатории, вендиспансеры, венпункты, тубдиспансеры, тубпункты, венотряды, маляркonсультации, оспопрививательные отряды, эпидотряд, детские ясли и пр. Чечня с корнем ликвидирует царское наследие и следы безобразничанья белых бандитов, самого тяжелого времени для сельского хозяйства Чечни. Главная масса средств по бюджету Чечня выделяет на социально-культурные потребности. Около 30% бюджета тратится на нужды народного просвещения (около 2 млн. руб).

Село **Асламбековское**, названное по имени красноармейца чеченца, коммуниста Асланбека Шерипова, погибшего в борьбе с белыми, превратилось в чеченские Афины. Здесь сосредоточен

учебный городок: великолепная сельско-хозяйственная школа, педагогический техникум, готовящий красного чеченца-просвещенца, трудовые школы и пр. Чеченская детвора, завезенная сюда и с гор и с плоскости, учится новым приемам хозяйствования, воспитывается в коммунистических идеалах, чтобы воспламенить ими темную и забытую чеченскую деревню.

Школа уже создает учебники на чеченском языке. Для своего времени это звучало бы наивной утопией. Чиновничьи колонизаторы вообще отрицали самое существование чеченской культуры. Язык чеченца считался «собачьим языком». Три школы вели занятия на русском языке, непонятном и чуждом чеченской детворе. Школа эта была тяжкой повинностью, которую население несло с затаенной злобой. Верховодом в школе, конечно, был попик, этот незаменимый проводник полицейско-православного обскурантизма.

В Грозном Чечнаробраз ведет усиленную работу по линии просвещения чеченского народа. Почти каждое лето организуются курсы по переподготовке культурных работников чеченцев. В глухих селах открываются избы-читальни, пункты ликвидации безграмотности, мобилизуется комсомольская легкая кавалерия в борьбе против шейхизма и мюридизма. Еще и поныне в Чечне живут эти институты.

В нагорной Чечне особенно они сильны и влиятельны. Шейхом обычно становится хозяйственно сильный крестьянин, кулак. Вокруг него образуются религиозные группировки из маломощных крестьян — мюриды, клятвенно обещающие соблюдать интересы своего патрона и быть проводником его предначертаний. Мюриды вооружаются за счет шейха. Несомненно, что мюридизм является организацией лиц, попавших в безвыходную экономическую кабалу к шейху. Это, несомненно, — неоплатные должники, своего рода «закупы» древней Руси. Это обстоятельство дает повод некоторым исследователям утверждать, что процесс образования мюридов вокруг отдельных шейхов является идеологическим закреплением

и организованным оформлением первичной стадии феодализма. Действительно, шейх является своего рода сюзереном над мюридами, он имеет неограниченную власть над личностью и имуществом мюрида. По его зову становятся под ружья мюриды. Они же бесплатно обрабатывают землю своего шейха.

Шейхи в Чечне не пользуются хорошей славой. Население знает обманы и плутовские проделки «святых отцов». Много об этом ходит в народе рассказов. Один из них, записанный З. Шериповым, эпически повествует о том, как вор стал шейхом.

Были два вора — Саид и Хамзат. Они исключительно занимались скотокрадством. Но это ремесло их не обеспечивало. Однажды Хамзат сказал Саиду, что он знает секрет, который даст им богатство.

— Скажи же скорей, в чем он заключается? — спросил Саид.

— Слушай, Саид, внимательно, — сказал Хамзат. — Я буду, как и до сих пор, заниматься скотокрадством. Уворованную скотину и буду в лес и привязывать, а тебя каждый раз буду сообщать где она будет находиться. Пострадавшему от воровства ты предложи посмотреть в том месте, где я тебе укажу. Пострадавший, конечно, пойдет и найдет свой скот. Нескольких таких случаев достаточно, чтобы тебя объявили шейхом, знающим все тайны. Шейх, как тебе известно, никогда не бывает беден, потому что на него всегда работают какие-нибудь дураки; вот мы с тобою и будем иметь все, ничего не делая.

Этот совет понравился Саиду и показался очень остроумным. Саид с помощью Хамзата открыл ряд краж. Слава о нем пошла окрестным аулам.

Однажды у одного крупного и влиятельного богача пропало много золота. Богач пригласил к себе Саида и предложил ему найти золото, в противном случае угрожал опозорить его, как обманщика, на всю Чечню. Саид был в отчаянном положении, но все же надеялся на возможность благополучного исхода. Он предложил богачу отвести ему одну изолированную комнату и заявил, что он проведет в посте и молитве трое суток и тогда откроет пропавшее золото.

Богач отвел комнату, и Саид засел в ней с довольно мрачными надеждами на будущее. На вторые сутки в полночь к нему кто-то постучался. Саид открыл дверь. К нему зашел человек с растерянным видом и упал на колени. Саид был поражен и не знал в чем дело.

— Что ты от меня хочешь? — спросил он неожиданного гостя.

— Я виноват, я знаю, что тебе известно о моей краже; дай мне слово, что ты исполнишь одну мою просьбу, и я тогда все тебе расскажу! — взмолился гость.

— Хорошо, я согласен исполнить твою просьбу; а что золото украл ты, я знал еще вчера; только скорей сообщи мне, где ты его спрятал! — предложил торжествующий Саид.

— Золото я спрятал под полом в конюшне богача; но об одном прошу тебя на коленях, не выдай моего имени богачу; он меня убьет, я его слуга, — продолжал молить пришелец.

Саид дал слово не выдавать слугу, и последний ушел. На третий день утром к Саиду зашел богач.

— Ну, докажи теперь, что ты шейх и расскажи, что ты узнал, — обратился он к Саиду.

— Я все узнал и сообщу, — спокойно и важно заявил Саид, — но при условии, что ты исполнишь три мои просьбы.

Богач дал свое согласие. Тогда Саид сказал: — Первое — ты обязан дать мне треть найденного мною золота; второе — ты не должен никогда больше вызывать меня по такому делу и третье — ты не должен спрашивать у меня имя вора.

Богач принял все условия, и Саид указал, где находится золото. Получив треть золота, Саид богачом вернулся домой. Сейчас же после приезда он позвал к себе Хамзата и сказал ему, что путь, на который он встал, очень рискован и ему нужно развязаться со знанием шейха, а то все это может кончиться большим скандалом, потому что ему только случайно повезло в двух этих делах.

— Да, — заявил Хамзат, — к сожалению, ты прав: весь этот обман действительно может кончиться печально. Надо сделать что-нибудь

такое, чтобы тебе перестали верить, как шейху.

— Ну, что же придумать? — с горечью спросил Саид.

— Мне пришла в голову хорошая мысль, — сказал Хамзат: — в ближайшую пятницу, когда народ в мечети приступит к молитве, ты должен громко закричать: «Спасайся, кто может — мечеть валится». Толпа ринется на улицу, прервав молитву, а мечеть, конечно, от твоих слов не свалится, а будет стоять. Тогда все скажут, что ты дурак, обманул их и перестанут тебе верить.

— Ты очень умный человек, Хамзат, — сказал Саид, — и твоя мысль великолепна!

В пятницу, когда в битком набитой мечети народ начал молиться, Саид во все горло закричал:

— Спасайся, кто может, — мечеть валится!

Народ в панике кинулся вон из мечети; но в тот момент, когда последний человек выскочил из нее, произошло самое неожиданное для Саида и Хамзата: мечеть с грохотом свалилась и на ее месте образовалась груда обломков тяжелых балок и камней.

— Не унывай, Саид, — крикнул Хамзат во всю глотку. — Раз везет, так везет, поистине ты такой же шейх, как все другие.

После этого случая у Саида постепенно набралось так много мюридов, что он разделил труд по их спасению: Хамзат мюридов вербовал, а Саид обирал.

Сила шейхов в их богатстве. Бедняк-крестьянин за хозяйственными нуждами идет к шейху. Он получает подмогу и закабаляется: работает на шейха и увеличивает его доходы, источник славы и могущества мироеда.

Темнота, невежество, суеверия и предрассудки увеличивают силы и укрепляют власть «святых». Темная чеченская деревня устойчиво хранит традиционный быт. Вряд ли нужно сомневаться, что шейх в общественно-политических действиях ведет за собой одураченную деревню.

Борьба против шейхизма на ряду с дорожным строительством и экономико-культурными мероприятиями означает освобождение

бедняцкого населения от эксплуатации, невежества и темноты. Тов. Ошаев сообщает любопытные данные об эксплуатации бедноты ростовщиками в горных округах Чечни. Наиболее частый вид ростовщичества — отдача овец в долг на так называемые «бараньи проценты». Если я отдаю 10 баранов на год, то я должен получить через год 10 баранов, 10 ягнят и 15 фунтов шерсти. Обыкновенно бедняк через год не может рассчитаться с заимодавцем, и долг и проценты растут поэтому все сильнее. К концу третьего года взявший барана в долг становится неоплатным должником хозяина. Эта отдача в рост баранов называется в горах «дохкулла», а отдача в рост крупного рогатого скота — «ватулла».

Шейхизм и ростовщичество питают традиции, усиливают обычаи кровавой мести, института кавказских пленников, когда забирают нужного человека в плен и требуют за него выкуп.

Совсем недавно случаи пленения имели место в Итумкалинском округе, расположенном в южной горной Чечне и граничащем с ССР Грузии. Об одном из таких пленений рассказывают следующее:

В 1924 году двадцатилетний парень, житель селения Хальдихрой, Халид Эльдарханов, ныне учитель села Шарой, пошел в сел. Шатиль, Тионетского уезда Грузинской республики, расположенное в полутора днях ходьбы от Хильдихроя за ледниковым перевалом. Цель его заключалась в получении долга, оставшегося за шатильцами после убийства и ограбления ими его отца (случай произошел в 1918 году). Между хильдихроевцами и шатильцами в 1924 году существовали дружеские отношения. По указанию шатильцев, которые ему были должны, Эльдарханов был пленен жителями соседних Шатилю хуторов. Две недели спустя перевал закрылся, и Халид остался в плену до весны. Целых 6 месяцев жил он в Шатильском обществе и выучился говорить по-грузински. Обращение шатильцев с пленником было рыцарски-вежливое. По открытии перевала начались переговоры шатильцев с родственниками Эльдарханова о выкупе, и в конце апреля 1925 года Халид Эльдарханов был выкуплен за 14 коров. Сейчас же

после возвращения Халида из плена он нанял двух человек хильдихроевцев и начал охотиться за шатильцами. За два месяца он совершил пять переходов через перевал, ища родственников тех шатильцев, которые его пленили. Все трое жили, скрываясь в лесах и питаясь мясом дичи. После 5 неудачных попыток Эльдарханов нанял 5 человек товарищей и пошел охотиться вновь. На 11-й день их поисков они наткнулись на одного из родственников шатильцев, плениших его. Окружив его, в момент его обезоружили и направились с ним во-свояси в Хильдихрой. Дней через 10, Эльдарханов добился выкупаза шатильца в 24 коровы. Оставив для своих родственников 14 коров, остальных он отдал своим товарищам, а шатильца отпустил. Ныне население держит себя сдержанно и столкновений с соседними племенами — хевсурами, шатильцами и тушинами — не замечается.

Нередки налеты, грабежи и бандитизм, расстраивающие скудное крестьянское хозяйство. Во время одного из налетов тушины из Шароевского округа угнали у куландоевцев скот общей суммой на 8800 баранов. Характерна экономика Чечни в особенности ее горной части, свидетельствующая о незначительных хозяйственных ресурсах населения. Это обстоятельство, конечно, имеет решающее влияние на сохранение и таких традиций, которые в конечном счете регулируют прирост населения.

Чеченские культурники склонны объяснять развитие воровства и грабежа, кровавые распри суровостью обычаев в отношении женской части, убийство из-за потравы желанием сократить население. Интересна горная поговорка. Когда горец убивает из-за женщины другого, это считается, что «он поступил по совету маэстинских мальчиков».

Рассказывают, что один мелхестинец ухаживал за девушкой; не имея возможности жениться на ней по бедности, он ждал момента, когда будет возможность соединиться с ней брачными узами. Однажды житель соседнего аула за большой калым увез его невесту. Не зная, что делать, мелхестинец пошел бродить и набрел

на троих маэстинских мальчиков-пастухов. Он нашел, что мальчики рассудительны, и спросил, как они смотрят на его дело. Мальчики решили устроить совет. Попросили мелхестинца отойти. Собрались и решили устроить инсценировку. Один из мальчиков-пастухов. Он нашел, что мальчики рассудительны, и спросил, как они смотрят на его дело. Мальчики решили устроить совет. Попросили мелхестинца отойти. Собрались и решили устроить инсценировку. Один из мальчиков бросился бежать в сторону, другой схватил палку, навел и крикнул «пуф». Бежавший упал. Подозвали мелхестинца и спросили, видел ли он. Тот ответил, что когда двое мужчин спорят из-за женщины, то что он видел, единственное средство разрешения спора. Инсценировка быта устроена для того, чтобы не навлечь на себя мести со стороны жителей, увезших невесту. Мелхестинец так и поступил, так все поступают и до сих пор.

4-го декабря 1926 года в селении Итумкале горец селения Мухимохк (Дж. А) тяжело ранил гражданина Тазбичи (Ил. Б), отрубив почти совсем оба предплечья рук. Удары наносились огромным кинжалом. Причины следующие: когда-то у них был спор из-за потравы бычком родственника (Д) кукурузного поля (И). Из-за этой потравы между ними года три назад произошла драка, во время которой (И) нанес (Д) 18 кинжальных ран. Посзже оба они помирились, и Илезов за мир уплатил плату в размере 42 голов крупного рогатого скота (за рану, за бесчестие и на лечение). Несмотря на большой выкуп, илезов все время помогал (Д), косил ему, помогал скотом и старался искупить свой поступок. Случай произошел в помещении итумкалинского кооператива. (), подойдя к облокотившемуся на стойку (И), двумя быстрыми ударами поразил Илезова по предплечьям. Неожиданное нападение (Д) было вызвано насмешкой какого-то горца, с упоминанием избиения его Илезовым.

Население недовольно решениями народных судов в отношении убийц, говоря, что закон мягок. Не менее интересен другой случай. Года три назад в селении Цюнико, Итумкалинского округа, горец убил своего. Причины следующие: постоянно занимался воровством

и конокрадством. На почве ссоры из-за барана им был убит горец из села Шоккале. Позднее сын (Б) убил брата (Х) за отца. Х убил и Д и несколько позднее некоего Муратова из Итумкале. По обычаям мести полагалось, чтобы и Б и Х были убиты кровниками. Б, боясь, что за убитого Д убьют его, уговорился со своим кровником Х.Б (брат Д) и привел его к себе домой. Затем вызвал к себе Х и на глазах кровника застрелил его, чтобы его, Б, оставили в покое, но брат Х. Х забрал дом Б со всем имуществом и живет. Б ходит по людям, как Каин, не находя правды ни по адату, ни по суду.

По уверению горцев сельских обществ, расположенных близко к хребту Кавказских гор, 90% похороненных на кладбищах мелхесты и маесты — убитые.

Характерное явление в этих обществах — малое количество детей, обстоятельство, на которое обратил внимание и счетчик всесоюзной переписи. По свидетельству т. Ошаева, дети мрут в младенческом возрасте от недоедания и болезней.

Бичом деревни, способствующим ее обнищанию, служит мулла. Мулла избирается обществом за меру зерна в год от каждог7о хозяйства. Мулла обязан совершать моления по пятницам, обмывать покойников, отпевать их (отчитывать) за определенную сдельную плату. Смерть мужчины — не только горе, а иногда и непоправимое бедствие, разорение семьи. Семья режет 2—3 быков или 20—25 баранов. Если у семьи нет возможности справить такие поминки, продаются надел, лошадь, домашний скарб, зерно. После похорон в течение года каждую пятницу является мулла поминать покойника «в своих святых молитвах» и каждый раз его угощают мясом.

Тяжело достается бедняку и от скупщика. Скупщики шерсти в период стрижки овец приезжают в Шароевский округ из Дагестана и из Тушетии и «зарабатывают» на операции до 200% на каждом пуде. То же самое делается и со скупкой масла, яиц и горского сыра.

Трудные задачи встали перед советской властью в Чечне. Надо вызвать к жизни богатый край. Сломить косную традицию. Раскрепостить середняцкие и бедняцкие элементы деревни.

Кооперировать население, изжить частника и скупщика, свести на нет поборы мулл, шейхов и прочих паразитов.

Школа, конечно, играет колоссальную роль в культурном подъеме страны. Уже сейчас самые лучшие здания в аулах и крупных селениях — это школьные здания, построенные советской Чечней. Более чем где-либо в Чечне необходимо удлинить учебный год, организовать в школах горячие завтраки, снабжать наименее обеспеченную детвору учебниками и пособиями, обувью. Школьный радиус в Чечне, конечно, больше 4-х км. Надо организовать школьные ночлежки для детей, приходящих в школу издалека.

Исключительной заботой должна быть обставлена подготовка будущих учителей-чеченцев. Асламбековский **педтехникум** должен подготовить учителя, по-чеченски хорошо грамотного, методически сильного, хорошо ориентирующегося в трудовых навыках. Чеченская школа должна быть школой именно трудовой. Сельскохозяйственный уклон здесь должен быть реальным. Учащиеся должны воспитываться в трудовой стихии, на своем опыте убеждаться в том, что труд несет улучшение быта и подъем хозяйства.

С другой стороны, трудовое воспитание уничтожает беспечное отношение к труду, живущее и до сих пор среди мужчин-чеченцев. По свидетельству очевидца, мужская часть населения в Шароевском и Итумкалинском округах в хозяйство вкладывает мало труда. Мужчины в солнечные дни обыкновенно сидят на крышах — летом и зимой в шубах — и греются. Всю работу несет женщина. Работа, выполняемая мужчиной, — пахота, посев, косьба, поездка за кукурузой на плоскость, расчистка полей от камней. Иногда мужчина несет бревно из леса. Остальную работу, вплоть до таскания вязанок дров из леса на спине, выполняют женщина и дети подростки. Это ничегонеделание накладывает на характер горца отпечаток беспечности, нетребовательности к пище, одежде и удобствам жизни. Горец может часами спорить с другими из-за рубля, десятки раз может ходить, чтобы выпросить рублевый долг,

но шагу не сделает, чтобы его заработать, если нет непосредственной угрозы голода. Вместе с тем, жизнь его очень тяжела, и все горцы систематически недоедают. Пшеничного хлеба горский стол не видит вовсе. При постройке шароевской школы была масса случаев, когда горец нанимался, зарабатывал 5—6 рублей и бросал работу. Затем через некоторое время приходил наниматься опять.

Школа должна вплотную подойти к населению, врасти в крестьянское хозяйство, интенсифицировать, улучшать приемы работы, поднять эффективность хозяйства. Школа превращается в центр, проводящий и укрепляющий новый быт, создающий поколения бодрые, трудовые, советские.

Чечня широко развернула школьное строительство. Для нужд строительства из чрезвычайного фонда Северо-Кавказского края было отпущено в 1925—26 г. 1500 тысяч рублей, за счет чего были устроены школы, больницы и пр.

Разрешение очень острого для Чечни финансового вопроса намного улучшает перспективы школьного строительства и дела народного образования в области.

На основании постановления Совнаркома с 1/X 1927 года за Чечавтобластью закреплено право на непосредственное получение 20% долевых отчислений с доходов Грознефти в свой бюджет, что для 1927—28 гг. составляет сумму свыше двух с половиной миллионов руб. Теперь это не дотация, а компенсация за эксплуатацию горных богатств, добываемых Грознефтью на территории Чечни. С развитием промыслов Грознефти будет возрастать и сумма долевых отчислений в **бюджет ЧАО**, чем и в дальнейшем обеспечивается рост бюджета Чечни, значительно опередивший рост как краевого, так и республиканского бюджета.

В росте бюджета и его устойчивости залог дальнейшего развития Чеченской области и социально-культурного возрождения населения ее. Большое значение приобретает создание чеченской учебной литературы и книги для внешкольного чтения. Не надо забывать, что

чеченская письменность появляется лишь со времени советизации области. Ныне принят латинизированный алфавит, который сделался лозунгом культуры во всех странах Союза, преимущественно тюркских, где сохранилась сложная и путаная арабская транскрипция. Крайнауиздательство и чеченское издательство «Серло» («Sierlo») выпустили ряд оригинальных и переводных книг по разным отраслям знания на основе латинской графики: Х. Ошаева «Как люди добились современной техники», **И. Чуликова «Правописание чеченского языка»** (автор взял в основу наречие жителей плоскостной Чечни, какое, по общему мнению, признается основным; в приложении даются терминологические объяснения и краткий чеченско-русский словарь); д-ра Блачева «Советы чеченским матерям»; Левковича и Шварцовского «Чеченец, береги свое здоровье»; Л. Сидорова «Школьная физкультура», перевод А. Мациева, иллюстрированная; А. Шерипова «Алибек-Хаджи», пьеса в 3-х действиях; Нажаева и Ибриева «Чеченские песни»; П. Сердюкова «Главнейшие вредители сельского хозяйства в Чечне и способы их уничтожения» и пр.

Книги изданы на хорошей бумаге, четким и ясным шрифтом, хорошо иллюстрированы и внешне недурно оформлены. Эти книги — первые ласточки чеченской литературы, первые опыты на ниве национальной культуры. Почти столетнее господство императорской России в Чечне не знает ни единого факта из области национально-культурных мероприятий, осуществленных в интересах туземного населения. Зато Чечня помнит и не забудет национальных своих героев от Бейбулата Тейманова до Асланбека Шерипова, дравшихся с оружием в руках против гнета царских сатрапов, против захватнической политики российского империализма. Не даром Чечня, бедняцкое ее население так поддерживало красных бойцов, горсточку героев, богатырски отражавших нападение белых в 1918 — 1919 гг. в горных аулах.

Советская Чечня — это действительно свободная Чечня. Вековые мечты народа исполнились. В братском союзе народов

освобожденная Чечня строит крепко свою культуру, поднимает народное благосостояние. Силы масс направлены на будничные заботы по великому социалистическому строительству. Роются обводнительные каналы, буровые скважины, производятся работы по берегоукреплению, по топографическим изысканиям и исследованиям, по проведению водопроводов, прокладываются по горам новые дороги, построены и строятся лесопильный (в с. Алхан-Кала), механический, маслобойный и в Грозном кирпичные заводы, мукомольная мельница (Гудермес, Шаги), открываются кооперативные ларьки и лавки действуют прокатные, зерноочистительные, случные пункты и пункты искусственного осеменения при сельскохозяйственной школе, открыт племенной рассадник каракульных овец и рассадник красного немецкого скота; имеются показательные пасеки (Ведено и ст. Атаги), шелкопункт (в Шали) и пр.

В великолепных курортах Чечни: Ленин-курорте (б. Горячеводск), Серноводске, Брагунах, Шатов, богатых по мощности, исключительности и разнообразию источников, ремонтирует свое здоровье трудящаяся Чечня. Дворянская поэзия облекла Кавказ романтическим флером. Образ горца, с безумной отвагой защищавшего родные «пороги», поражал воображение поэта. Невольно забывалась трудовая, скудная и тяжелая жизнь горца... Бойцом представлялся чеченец...

Чеченец «точит свой кинжал».

...Во тьме ночной

Чеченец ходит за рекой...

Теперь чеченцу не за чем тревожиться, не за чем «ходить за рекой». Он у себя дома и сам хозяин.

с 1917 года в рядах Красной гвардии

с. Бердыкель. 1917-1920-х гг. воевал в Красной Армии

«К ОСНОВНЫМ ВОПРОСАМ ИСТОРИИ ЧЕЧНИ»

А. АВТОРХАНОВ. 1930 Г.

(К десятилетию Советской Чечни).

Национально-освободительная борьба чеченского народа.

1. Происхождение чеченцев. Историко-археологическими документами и, тем более, научно-разработанной теорией о происхождении чеченского да вообще нахских народов (нахские народы — чеченцы, ингуши и цов-тушины, различающиеся между собой по наречию и говору, а в сущности составляющий один народ) марксистская наука пока не располагает.

Правда, по яфетической теории академика Н. Я. Марра горские народы — чеченцы (в том числе ингуши и тушины), кабардинцы, абхазцы, грузины и другие имеют одно социально-хозяйственное начало. Этнографически-лингвистические данные и языковая палеонтология именно говорят за это. Однако, эта теория бесспорная правильно вообще, конкретно не индивидуализирована в разработке в отношении нахских народов специально и потому не дает точных указаний об их происхождении. Между тем, вопрос о своем происхождении самих чеченцев давно занимал и занимает поныне. Одни только предания по этому поводу имеют целую историю. Одно из них родоначальником чеченского народа считает Молкха, который, якобы, жил в Меэсте на высотах горных хребтов. На Меэсте чеченцы переселились, поэтому преданию, в Нашихе, а впоследствии размножаясь и из Нашихе расселились по всей территории Чечни. Другое предание считает, что чеченцы являются наследниками Нохчи, сына Али, который, якобы, через Турцию приехал из Аравии в Чечню и дал начало нохчинскому роду, а потом и племени. Третье предание говорит о том, что чеченцы являются потомками легендарного Турпало-Нохчуо, бывшего сам родом из Шеми (Сирия с столицей Дамаск). О Турпало-Нохчуо у чеченцев есть даже одна старинная песня, которую вам споет любой чеченец

и теперь. Она характерная «теория» самих чеченцев о своем происхождении. Приведем ее: «Не охотно приближаешься к старости, не охотно удаляешься от молодости. Не хотите ли, добрые молодцы, Турпало Нохчуо я спою Вам нашу родную песенку; как искры сыплются от булата, так мы рассыпались от Турпало Нохчуо. Родились мы в ту ночь, когда от волчицы родятся щенки, имена нам даны были в то утро, когда ревел барс; такими произошли мы от праотца Турпало Нохчуо. Когда на небе нет туч, тогда и дождь не идет, так и у нас, когда нет думы на сердце, то и глаза не плачут. Если душой не положитесь Вы на Аллаха, то и вделе не успеете. Не утратим Славы имени Отца нашего Турпало Нохчуо». (А. Берже «Чечня и чеченцы»).

А. П. Берже, основываясь на исторических и географических данных, говорит, что правильнее будет предположить, что Шеми, о котором говорят чеченцы ни что иное, как шамхалство Тарковского. (А. Берже, там же, стр. 199).

Заметим только, что искать свои родоначальные корни в странах Ислама (Аравия и Шеми) заставляли чеченцев, главным образом, свои религиозные побуждения. Подлинный мусульманин должен быть потомком Аравийских знойных степей, родины Магомета и Ислама, — рассуждал фанатичный чеченец.

Профессор Н. Яковлев в своих «Вопросах изучения Чеченцев и Ингушей» одним из составных элементов, из которых мог складываться чеченский народ, считает «**гаргарэи»**, о существовании коих по северным склонам Кавказа, мы имеем указания у классических писателей. «Я думаю, — пишет автор, — что в этих гаргарэиях, по-видимому, были представлены элементы, имевшие некоторое отношение к чеченцам. Это видно из того, что у чеченцев сохранилось само слово «гаргар-нах» (giergar-nax, диалектический: gargar-nax) то есть, «близкие люди» — «родственники». (Проф. Н. Яковлев, указанный труд, стр. 15).

Вообще имя чеченцев стало известно по свидетельству А. Берже, на основании официальных документов, в русской отечественной

истории с 1708 года, когда, в договорной статье с русскими властями калмыцкий Аюк-хан дает клятву «о вечном и верном Российскому Государю со всеми услугами в подданстве, всегдашнем при Волге кочевании, защите низовых городов от всех неприятелей, на переходе на горную сторону реки Волги, об удержании Чеметя и Мункотемиря от набегов и о преследовании нагайцев и чеченцев. (А. Берже, указанный труд, стр. 140).

Однако, ни анализ многочисленных легенд и преданий, ни научные гипотезы исследователей не дают нам, к сожалению, сколько-нибудь твердых указаний на происхождение нахских народов, в частности чеченского.

Правильнее будет, конечно, предположить, что чеченцы, ингуши и тушины являются древнейшими аборигенами нынешней Нагорной полосы Чечни и Ингушии, которые со временем, в виду естественного роста населения, следовательно, прогрессивно увеличившейся земельной тесноты, переселились на плоскость, занимаемую ими ныне.

Мысль о переселении чеченцев с гор на плоскость является бесспорной, хотя бы по одному тому, что каждый род, живущий теперь на плоскости, носит название одного из горных аулов, а аул, где этот род составляет большинство населения сохраняет даже и название горного, родственного аула, разбиваясь только на «гары» (род — «тейпа» разбивается на «гари, неки, ца» (tajpa, garneghie, cha). Перечислим некоторые из них: Беной, Ножай-Юртовского округа и Беной-Юрт, Надтеречногоокруга, Курчалой, Веденского округа и Курчалой, Гудермесского округа и др.

Сами чеченцы называют себя «Нохчи» (**Nochtcshij**), которое, вероятно, происходит от слова «Нах — народ, а чеченцами их назвали русскте, как полагают, по имени Чечен-Аула, находящегося в 15 верстах к юго-востоку от гор. Грозного, хотя не исключена возможность и того, на ваш взгляд, что наименование этому аулу могло быть дано от слова «Чечен», как некоторые и до сих пор называют чеченцев — (вспомните еще «Злой чечен» Лермонтова),

чтобы этим подчеркнуть принадлежность данного аула именно чеченцам, а не кумыкам и лезгинам, жившим по соседству и, следовательно, термин «Чечен» имеет свою историческую давность, нежели Чечен-Аул, относительно недавно переселившийся с гор.

II. Древняя религия чеченцев и проникновение в Чечню ислама и мюридизма. Древняя религия у чеченцев, как и у других народов на ранней ступени общественного развития, — язычество, остатки которого сохранились почти до начала XVII столетия (по Яковлеву и до конца XVIIIстолетия, о чем смотреть ниже). Переходной ступенью от язычества, в частности от многобожия, у чеченцев явилось христианство, за что говорят раскопки башен христианского происхождения (архитектура, стиль, кресты, надписи и прочие) в горах Чечни и Ингушетии и языковой анализ, а занесено в Чечню христианство было из соседней Грузии, где оно получило распространение раньше всех других христианских народов Кавказа. Однако, последовательными христианами чеченцы никогда и не были и христианская религия представляла у них конгломерат идей христианства, язычества и даже элементов будущего мусульманства.

О начале летоисчисления мусульманства в Чечне существуют различные мнения. **Умар Алиев** даже полагает: «Восточным горцам (Дагестан и Чечня) привит был ислам еще в начале XVIIвека, при халифе Абдул-Меликке Абаситском. («Карахалк»).

Доцент — лингвист по Нахской кафедре Горского Педагогического института **Халид Этиевич Яндаров** на основании анализа археологических и исследовательских данных утверждает, что ислам окончательно стабилизировался в Чечне не ранее начала XVII столетия, хотя элементы его проникновения в Чечню имеют относительную давность. (Яндаров. «История чеченской письменности»).

Профессор Н. Яковлев утверждает: «Относительно Чечни, куда мусульманство подошло с Востока, мы имеем уже документальные данные о том, что в конце XVIII века, когда там воевали

Екатерининские военачальники (генерал Медем — 1789 г.), то некоторые чеченские роды еще принимали присягу не по мусульманской формуле, а именами своих языческих богов». (Н. Яковлев, там же, стр. 19).

По поводу принятия чеченцами присяги языческой формулой, мы не совсем согласны (Яндаров тоже), что в конце XVIII столетия в Чечне сохранились элементы язычества в виде официальной веры у некоторых родов, основываясь лишь на указанном Яковлевым обстоятельстве, так как были случаи, когда чеченцы к таким «курьезам» прибегали и в пору расцвета мусульманской религии, вынужденная обстоятельствами присяга чеченца языческой формулой, т. е. ложной формулой в свете ислама и по убеждению самого чеченца, была бы признана Аллахом неправосильной. Можно полагать, что окончательное торжество ислама в Чечне относится к периоду конца XVII и начала XVIIIстолетия.

Мюридизм (**послушничество**) на Кавказ был занесен из Бухары в 20-х г. г. XIX-го столетия, в Чечню он проник в 30 г. г. того же столетия из Дагестана при имаме Казы-Мулле. «В основе мусульманского послушничества, — пишет М. Н. Покровский, — как и в основе аналогичных явлений христианской и др. религий лежит аскетичное отречение человека от своей личной воли — ради непосредственного сближения с божеством».

В дальнейшем увидим, как это аскетическая, теологическая привеска горского мюридизма была за ненадобностью пока отброшена прочь и объявлением «газавата» ислам-мюридизм сделался политической религией горцев.

В самом деле, с водворением мюридизма мусульманская религия на Кавказе и в Чечне получила явно выраженный светский политический оттенок. Движение шейха Мансура в 1780/90 г. г., а потом и последующая Кавказская война придали мюридизму бесспорно политический характер. При том эти же события послужили исходным толчком к дальнейшему развитию и укреплению мусульманства среди горских народов.

Примитивная техника и экономика плюс боевое настроение народа в виде массового сопротивления колонизационной политике (заселения горских земель казаками) и притеснению Кавказской администрацией горцев, которые заставляли последних объединиться единым фронтом под одно общее знамя — либо религиозное, либо политическое, во имя собственного освобождения, — такова социальная база ислама-мюридизма в Чечне.

III. Начало колонизации Чечни. «Кончив, таким образом, одно славное дело, — писал император Николай, генералу Паскевичу о покорении войсками последнего племен армянского Нагорья, — предстоит Вам другое, в моих глазах столь же славное, а в рассуждении прямых польз гораздо важнейшее, — усмирение навсегда горских народов или истребление непокорных». Этим посланием незабвенного вождя русского крепостничества начались официальные войны за покорение и «истребление непокорных» горцев. «Вот как, например, объясняет начало столкновения между русскими и чеченцами один русский ротмистр, чеченец родом, но воспитавшийся в русском кадетском корпусе и, официальный патриотизм которого не может подлежать никакому сомнению, по его мнению, «издавна вольные чеченцы» стали «наслаждаться свободой» только после покорения их русскими. Для понимания его рассказа вспомним, что русские колонисты еще в XVII столетии встречаются к югу от Терека и Сунжи и лишь в XVIII столетии оставляют эти места. «Опасаясь русских и полагая, что они так же легко могут возвратиться в Чечню, как могли оставить ее, они (чеченцы) вселились сперва хуторами, да и то в неприступных местах ущелий, лесов и пр. Беспрестанно разоряемые русскими, чеченцы так свыкались с переселением с одного места на другое, что это составляет их народную отличительную черту» — цитирует М. Н. Покровский УмалатаЛаудаева. (М. Н. Покровский. «Дипломатия и войны царской. России в XIX-ом столетии», стр. 195—196).

Отступление казаков с начала XVIIIстолетия с чеченской земли оказалось временным, так как уже в середине того же столетия казацкими поселениями была прочно занята Сунженская линия. Таким образорм, терская администрация искусственно создавала и без того большую земельную тесноту. Если местным населением оказывалось малейшее сопротивление, то по свидетельству того же Лаудаева, «русские нападали на чеченцев, грабили их имущество, жгли хутора, убивали и пленяли людей, так что еще долго чеченцы не решались водвориться между Тереком и горами». (там же).

Приказ Николая к Паскевичу сбывался: истребление чеченцев шло на всех парах. Массовое недовольство чеченцев против притеснения, насилия, колонизации росло не по дням, а по часам, которое выливалось наружу отдельными стычками и восстаниями, но всегда кончались большими человеческими жертвами для восставших, не только потому, что русские войска имели превосходную человеческую и техническую базу, но и потому, что у горцев не было никакого организованного руководства в движении. Массовое движение было, но не было авангарда движения — политического имамата!

IV. Движение Шейха Мансура-Ушурма. Именно в этот период, в 90 г. г. XVIIIстолетия, появился на политической арене Чечни выдающийся руководитель народного движения — шейх Мансур-Ушурма, житель из сел. Алды. Мансур, объявив себя имамом, призывал всех верноподданных под знамя ислама для освобождения горцев всего Северного Кавказа от царского гнета.

Первое столкновение Мансура с русскими войсками произошло в 1785 году летом. Военное командование видя, что движение Мансура принимает грозные формы, решило направить на Алды для его окончательной ликвидации отряд в составе Астраханского пехотного полка, одного батальона Кабардинского полка, 2-х рот Томского полка и сотни Терского войска. Отрядом командовал полковник **Пиери**.

Ликвидировать движение Мансура, увы, отряд не сумел, а сам был почти поголовно уничтожен вместе с Пиери и с прочим командным составом войсками Мансура. Тогда-то царская власть узнала, с каким серьезным противником она имеет дело, а блестящая победа Мансура увеличила число его сторонников и движение его получило дальнейшее развитие. После этого Мансур совершает ряд блестящих наступлений. Несколько раз держал в осаде крепости **Гриогригополис**, **Кизляр**, **Моздок**. Однако, овладеть ими окончательно Мансур еще не имел достаточных сил.

Мансур добивался распространения своего влияния на все горские племена, чего требовала цель его борьбы: освободить весь Северный Кавказ от русского царизма. Поэтому он идет на соединение с кабардинцами для общего фронта, но царские войска делают засаду: «Получив сведения, что Мансур с своими силами идет на соединение с кабардинцами, полковник Негелль, имея второй Московский полк, гренадерский батальон, 2 роты Кабардинского и Селленгинского полков, 2 эскадрона Астраханского драгунского полка, Моздокский казачий полк и 300 человек донских и гребенских казаков, решил не допустить указанные соединения и нанести Мансуру решительный удар. 30-го октября 1785 года Мансур, не ожидая нападения со стороны отряда Негелля, сам атаковал его с разных сторон. После 5-ти часового жестокого боя Мансур принужден был отступить. Приведя в порядок свои силы, 25-го ноября утром Мансур снова повторил атаку. После долгого горячего боя он опять принужден был отступить. Узнав о намерении Мансура в третий раз повторить атаку и не надеясь на стойкость своего отряда, полковник Неггель поспешно отошел к Моздоку, предварительно попросив себя подкрепления у Потемкина. После этого под натиском огромных сил царской России и благодаря политики царской администрации, подкупавшей влиятельных лиц как в Чечне, так и в Кабарде в ряды сил Мансура начало проникать разложение...». (Заурбек Шерипов, «Мансур» из сб. «Абреки», стр. 154—155).

Однако, скоро Мансур мобилизует новые силы и возобновляет мощное движение горцев против царской власти в 1787 году за Кубанью. Это был момент обостренных отношений между Турцией и Россией и Мансур, пользуясь этим случаем и единством религии горцев с Турцией, делает ставку на Турцию для помощи в его неравной борьбе. Ставка оказалось успешной: турецкое правительство субсидирует Мансура крупной денежной помощью. Движение на Кубани принимает серьезные формы.

Мансур сделался постепенно подлинным вождем национальной освободительной борьбы горцев всего Кавказа. «По известиям цареградским — писал „светлейший“ князь Потемкин своему брату — министерство Турецкое, вопреки миролюбивым намерениям султанским, ищет разрыва мира: черкесы собираются делать за Кубань свои набеги. Ваше превосходительство доносит об усилении там имама Мансура. Все сие требует принятие сильных мер, я предписываю Вам, во-первых, собрать раздробленные части и привести себя в почтительное состояние: лучше пожертвовать ненужным, нежели ослабить себя раздроблениями повсеместными. Генералу-поручику Иловайскому приказали собрать войско Донское, генералу-майору барону Розену расположиться на реке Ее и стоять обоим в полной готовности к предприятиям, каковых обстоятельства потребуют» (там же). Против колоссальных вооруженных сил царизма предводитель горцев Мансур долго и успешно вел непосильную борьбу.

После продолжительных схваток с отрядом Бибикова, Мансур уходит с своим отрядом в Турецкую крепость Анапу, где он был принят начальником гарнизона Мустафа-паша. Русское командование не зевало: 19-го июня 1791 г. войска ген. Гудовича окружили непроходимой цепью Анапу и после упорной и жаркой схватки 22-го июня в 8 ч. утра Гудович завладел крепостью.

Простой чеченец — пастух Мансур, теперь знаменитый имам и полковдец горцев, и турецкий паша Мустафа были пленены. Глубокое разрушение хозяйства горца от долгой и продолжительной

борьбы, истощение их духовных сил, отсутствие поддержки всех племен Северного Кавказа, кроме чеченцев, черкесов и кабардинцев, смещение центра борьбы Мансура, техническое и человеческое превосходство русских вооруженных сил на Кавказе, — таковы ближайшие причины поражения Мансура.

«Из их среды (чеченцев) вышел известный пророк — шейх Мансур-Ушурма. Он начал свою деятельность в 1785 г., принимал участие в защите Анапы против Гудовича. После взятия крепости штурмом в 1791 г. попал в плен и умер в ссылке… он поднял против нас в конце прошлого столетия всех горцев Северного Кавказа» — пишет **Вейденбаум**.

Какую же мы должны дать оценку движению Мансура? Каким бы религиозным туманом не прикрывалась борьба Мансура и как бы не дорожил он знаменем ислама в этой борьбе, что вполне справедливо для тогдашнего периода движения горцев, который, ислам, по сути дела явился организующим и обосновывающим идеологическим цементом горского освободительного движения, движение Мансура было национально освободительным, а «Мансур был первым Кавказским революционером, которому пришлось умереть на далеком Севере. (его сослали в Соловецкий монастырь)». (Покровский, цит. сочинение, стр. 208).

V. Абрек Бейбулат Таймиев. Притеснения и грабежи горцев царской администрацией продолжались. Массового подъема движения все еще не было, но отдельные выдающиеся представители революционно-настроенных чеченцев поднимали отдельные стычки и восстания, и в этот момент, в начале XIXстолетия, объявился абреком **Бейбулат Таймиев**. В 1802 году Бейбулат совершил успешный налет на гребенских казаков. Так же успешно с группой своих сподвижников Бейбулат совершает очередной налет на казачий кордон, убивает 11 человек, открыто заявляя, что это есть месть за притеснение начальством соотечественников-чеченцев. «Неизвестный злодей чеченец, Бейбулат, переправившийся через Терек, учинил большое

злодеяние, за что мошенника надлежит изловить» — писал по этому поводу негодовавшее русское командование.

27-го сентября того же года в отчаянной схватке около сел. Парабочевского группа Бейбулата убила 3-х казаков и захватила в плен полковника **Делько**. Бейбулат приобретает широкую известность в глазах чеченцев как храбрый национальный герой, а у русской администрации, как «разбойник и злодей». Даже и генерал Ермолов, этот кровавый палач чеченского народа, заговорил о Бейбулате: «Наиболее вредный, нам наносящий большие ущербы, разбойник чеченский Бейбулат Таймиев, дерзостью своих разбойств нас беспокоит» — писал генерал в своем рапорте.

От индивидуально-групповых актов политической борьбы Бейбулат постепенно переходит к организованному отпору наседающему царизму. Он взял под свое влияние около 100 больших селений Чечни. На время получилось как бы своеобразное «двоевластие».

Однако, дело шло своим чередом. Царская администрация упорно работает над разложением сил Бейбулата в его борьбе, русское военное командование предлагает Бейбулату мирно сдаться, за что обещает ему чин капитана и 250 рублей жалованья. От 6-го сентября 1807 года победители имели честь доложить: «Важные два человека, которые в Чечне много значат: наездник Бейбулат Таймиев и его товарищ **Чулик Кендиргей**, коим Вашим именем объявил капитанские чины с тем, если они успеют вспомоществованием нам к склонению чеченцев к окончательному покорению русскими (?), на которое от Вашей светлости еще решение не последовало — сдались». — сообщала местная власть в центр. Не успел, наверное, хотя бы, в виду плохого состояния тогда путей сообщения, рапорт дойти до своего адресата, как Бейбулат очутился опять в Чечне. Визит Бейбулатом русских войск был для него своеобразной разведкой сил врага.

В 1810 году Бейбулат предпринимает новый поход против царских полчищ, который имел крупный успех, хотя сам Бейбулат получил ранение. Все же массового подъема среди населения и достаточной поддержки Бейбулату не было и под угрозой расправы Бейбулат на тех же основаниях, как и в первый раз (чин капитана и жалованье) вынужден был сдаться 3-го января 1811 года.

Об этой своей системе наглого и открытого подкупа ген. Тормасов пишет есаулу Черному: «Относительно Бейбулата Таймиева Вы можете убедить его моим именем, что, если он обратиться к обязанностям своим, сделается покорным, в чем даст Вам присягу и согласится приехать с Вами ко мне, то ему будут возвращены его чин и жалованье и может еще надеяться получить большие милости, что зависит единственно от него самого». Даже больше: «Согласен я на то, что склонить главнейших чеченских старшин и их духовенство на нашу пользу с предложением Ваши вознаграждения важнейшим из них, в рапорте поименованным, дать по 250 рублей, а другим по 150 рублей серебром, собрать же означенные деньги от их же деревень». (См. «Абреки», стр. 133—134, Серов).

Однако, опять измена: на этот раз Бейбулат убежал, захватив с собою в плен майора Швецова. Через некоторое время Бейбулата опять вынуждает сдаться в плен, но зная, что русской администрации уже, возможно, надоела с ним возиться и терпеть его измены, и имея убеждения, что он будет жестоко наказан, Бейбулат соглашается сдаться при одном только условии: если Шамхал Тарковский обезопасит его жизнь, отдав своего сына в качестве заложника чеченцам. Тарковский был правителем Дагестана, ставленником Петербурга по покорению дагестанского народа и с ним русская администрация считалась. И выход, который нашел Бейбулат, был единственно приемлимым для него… Тарковский пошел на это дело: взамен Бейбулата он отправил своего сына в Чечню в качестве заложника в знак бесприкосновенности жизни Бейбулата в русском лагере, Бейбулат сдался.

Санкт-Петербург, узнав о низком и недостойном в его глазах для русских войск компромиссе с Бейбулатом, направил на Кавказ грозный приказ, в котором был объявлен выговор ген. Ермолову «за легкомысленное согласие отдать взамен злодея сына русского князя Тарковского».

Поставленный этим своим шагом в неловкое положение, при всей ненависти к Бейбулату, военное командование не могло карать поступки Бейбулата. Опять и опять измена: Бейбулат вернулся в Чечню. Дальнейшее движение Бейбулата, при отсутствии массовой поддержки населения и преступной политике царизма подкупать отдельные лица из горцев, успеха не имело. Жизнь этого замечательного в истории Чечни человека кончилась трагически: 14-го июля 1832 года он был убит наймитами царизма, хотя официальная версия утверждала, что убит из-за кровной мести.

Движение, возглавляемое Бейбулатом, было чисто народное без религиозной окраски. В этом заключается и сила, и слабость его. Сила потому, что умы бойцов освободительного движения не затемнялись фаталистической мыслью о защите ислама, а борьба велась с сознанием во имя собственной обороны от русского нападения и грабежей. Слабость движения потому, что не было, при отсутствии самой элементарной политической или, хотя бы, военно-страгической программы, идейного цементирующего начала в движении, как ислам у Мансура, или как мюридизм у Шамиля.

VI. Ермолов и Чечня. «Сего народа, конечно, нет под солнцем ни гнуснее, ни коварнее, ни преступнее», — писал о чеченцах пресловутый генерал Ермолов, или, как чеченцы его называли, «Ярмало», начиная свою военную карьеру на Кавказе. «Сего генерала, конечно, не было на Кавказе ни гнуснее, ни коварнее, ни преступнее человека» — могли бы сказать чеченцы о генерале Ермолове и о его грабительской политике на Кавказе.

Ермоловский этап царизма на Кавказе относится к 1-й четверти XIXстолетия. К этому времени хозяйственное развитие Чечни делало заметные успехи. Горные чеченцы и тогда занимались

скотоводством, а плоскостные усиленно развивали земледелие, сбывая свой товарный хлеб не только в Дагестан и Кабарду, но и вывозя даже заграницу (Турцию). Таким образом, Чечня к Ермоловскому этапу понемногу втягивалась в развитие торговых отношений. И, естественно, шло развитие внутренней социальной дифференциации. Общие пламенные интересы в борьбе против общего врага — русского царизма были настолько сильны, что решительно заслоняли за собой интересы отдельных социальных групп и никакой речи о движении классового порядка внутри Чечни в тогдашний период быть не могло.

В 1823 году по Чечне была предпринята военно-карательная экспедиция, которая повела к поголовному разорению ряда аулов и истреблению жителей за «непокорность и укрывательство» кабардинских полит-эмигрантов, бежавших сюда от притеснения русского сапога.

Летом того же года Чечня сделалась театром мощного народного восстания. Восставшие заняли даже большую русскую крепость, но русский штык был настолько силен и остр, что восстание потерпело жестокое поражение.

Командующий войсками ген. Лисаневич и полковник Греков, подводя итоги «печальным сценам», выпустили воззвание к народу о том, что лучше было бы, если народ, наконец, решил покориться. Авторы воззвания получили заслуженный ответ: героическим подвигом одного мюрида-террориста ген. Лисаневич и полковник Греков оба были убиты! В 1825 году, в саом конце Ермоловского управления на Кавказе, в Чечне вспыхнуло опять крупное народное восстание, которое тоже потерпело участь предыдущего, было жестоко подавлено.

Все-таки лучшим историком колонизационных войн царизма против чеченцев своего периода был сам Ермолов. Обратимся к первоисточнику.

Ермолов сообщает, что от слуха об его отзыве с Кавказа чеченцы в восхищении: «Здесь разнесся слух, что меня отзывают и другой

назначен на мое место начальник. Многие письма подтвердили это, и ты представить не можешь — какая была радость князей и дворянства грузинского, и в сем чувстве с ними сравнялись одни чеченцы, которые в восхищении. Грузины думают, что они сыщут тоже виновное нисхождение, каким пользовались он при моих предместниках, а чеченцы ожидают, что можно будет безнаказанно продолжать те хищничества и разбои, которые прощались им 30 лет», а, вообще, «чеченцы мои любезные в прижатом положении. Большая часть живет в лесах семействами, в зимнее время вселилась болезнь, подобная желтой горячке, и производит опустошения. От недостатка корма, по отнятию полей скот падает в большом количестве... Теперь наряжается отряд для прорубленияядорог по земле чеченской, который мало-по-малу доведет нас до последних убежищ злодеев» («Сб. материалов для описания местностей и племен Кавказа». Письма Ермолова, стр. 8, все письма датированы 1820 годом).

Далее генерал повествует о своей свирепой экспедиции за реку Сунжу, которая стоила жизни сотням чеченцев, а десяткам аулов «место под солнцем», и своей пресловутой системе брать чеченцев голодом, измором. «Из рапорта моего князю Петру Михайловичу увидишь, — пишет неудавшийся кавказский Наполеон ген. Ермолов, — что во время пребывания моего на Кавказской линии приказали сделать экспедицию за реку Сунжу против чеченцев. Она окончена самым успешным образом. Теперь немного остается мест в земле чеченской, куда бы не было для нас дороги не только проходимой, но даже и удобной. Я не отступаю от предпринятой мной системы стеснять злодеев всеми способами. Главнейший есть голод и потому добиваюсь я иметь путь к долинам, где могут они обрабатывать землю и спасать свои стада. До селе дерусь для того, чтобы иметь пути сии, потом будут являться войска, когда того совсем не ожидают, тогда приходить станут войска, когда занят каждый работой и собраться многим трудно. Для драки не будет у них довольно сил, следовательно, случаев к драке будут редки,

а голоду все подвержены и он поведет к повиновению. До сего времени непроницаемые леса укрывали их, нельзя было знать, какое число прячется в оных, с малыми силамине возможно было двинуться и одних препятствий в пути без всякого со стороны их сопротивления достаточно было остановить в предприятии, а им дать время собраться» (Ермолов, стр. 16). Однако, сообщает генерал, «как храбро дерутся чеченцы»!

«Полковник Греков для управления чеченцами и наставлениями их в покорности — человек единственный. Деятельности его и неусыпности сами чеченцы удивляются, а их нельзя упрекнуть в сонливости. Я рекомендую нескольких отличившихся офицеров и прошу за величайшую милость исходатайствовать им награждение. Особенно представляю полковника Грекова — командира 3-го Егерского полка» (там же). Ермолов делает некоторую паузу и замечает: «Надобно бы признаться, что меня здесь очень не любят, но то правда, что правительство ничего не теряет, ибо столько же боятся. С здешней дичью не много выиграешь благодатью. Надобно бы прежде всего переговорить всякой мерзости и потому от здешних князей (грузинских) перехожу к чеченцам. Войска опять принялись за работу укреплений и им постоянное сие занятие не нравится. Они дали баталию, когда войска приближались, что по обыкновению кончилась бегством. Это укрепление одно, из стеснявших наиболее чеченцев, остается устроить несколько гораздо меньших и тогда голод более, нежели теперь, начнет производить опустошения. Впрочем, есть уже селения, лежащие по ту сторону урочища Хан-Кале, доселе почитаемого непроходимым, которые повинуются нам порядочно и крайность заставляет их быть даже довольно честными. Сим обязан я ловкости, неусыпности и терпению полковника Грекова. Имейте внимание на сего отличного офицера» (там же).Да, полковник Греков заслуживал внимание не только чинопочитаемой из Петербурга, но и самих чеченцев. Так и случилось: террористическим актом одного мюрида Греков был убит (см. выше).

Епрмолов рапортует о своих военных и административных достижениях в Чечне: «Сейчас получил известие, что кончены нынешнего года работы против чеченцев. Построена довольно хорошая крепостица, называющаяся „Неотступный Стан“. Построен редут, именуемый „Злобный Окоп“…построено еще временное укрепление при самом Аксае, для ограждения его от чеченцев. Докончены многие работы в крепостях Грозной и Внезапной».

Так сложились опорные пункты царской государственности на Кавказе военные крепости всевозможных наименований. Со свойственной ему фельдфебельской грубостью Ермолов дает очередную характеристику чеченцам: «кабардинцы несносными шалостями вызывают на бой и я должен терпеть, ибо занят гораздо опаснейшими злодеями чеченцами и имею в предмете некоторые работы Дагестана, дабы упрочить обладание нашей сею важною воинственною страной. Когда пьют кровь змеи, тогда жало комаров не так чувствительно. Так разумею я кабардинцев. По сему смотрится с большим равнодушием на их разбои» (Письма Ермолова).

Если до начала XIXстолетия русский царизм вел оборонительную тактику по отношению к горцам, то сначала XIX столетия «вел войну наступательную» по свидетельству самого же Ермолова. Очень показательна политическая характеристика общего движения горцев, даваемая Ермоловым.

«Я, как житель Азии, говорю Вам о бунтах, но Вы, просвещенные обитатели Европы, Вы то же делаете, только Вас слово бунт заменяется выражением — революция. Не знаю, почему это благороднее» (там же), — лаконически вопрошает своего адресата наш генерал.

Конечно, это еще не было революций, но динамическая зарядка будущей революции именно и началась здесь закладываться.

«Ермоловская политика загоняла горцев в тупик, — пишет М. Н. Покровский, — из которого не было никакого выхода: русские власти надеялись, что результатом будет полное и беспрекословное

подчинение горских племен русскому правительству — вплоть до отказа от своего обычного права и русских чиновников. Ибо, с точки зрения Ермолова и его генералов, только невежество горцев было причиной того, что они не видели превосходства русских порядков над их туземными: «понятия многих чеченцев не превышают скотов» ...писал один из этих просвещенных покорителей Кавказа своему начальнику, — писал, прибавим, накануне общего восстания, которое должно было стоить жизни и самому писавшему. Так как даже желанием «полного подчинения» трудно объяснить такие меры, как конфискация всех земель кабардинцев (правда, скоро взятые назад, по явной невыполнимости) или сознательное отнятие у чеченцев тех земель, которые были совершенно необходимы для их хозяйства: если и допустить, что горцы могли отказаться от своей свободы и своего права, то привычка есть слишком неискоренима в человеке.

А между тем, именно, с этими последними мерами, доведшими горское население до крайне нужды, связан тот взрыв религиозного энтузиазма, который всплотил воедино разноязычные племена Кавказского хребта. Подчинили эту пеструю и плохо слушавшуюся своих местных вождей массу железной военной диктатуре и превратили легкую добычу карательных экспедиций в грозного врага, с которым лучшие силы Николаевской Армии не могли справиться в 30 лет! (Покровский, «Дипломатия и войны царск. России в XIXстолетии», стр. 205—206).

VII. Шамиль и Чечня. Социальное и хозяйственное развитие Чечни и втягивание ее в развитие торговых отношений еще с началаXIXстолетия во второй четверти того же столетия имеют большие успехи. Но успешному хозяйственному преуспеянию чеченского народа препятствовал генеральский штык кровавых палачей. Новый генерал **Пулло** блестяще выполнял заветные мечты предыдущего сатрапа Ермолова: зверские грабежи чеченских аулов, нечеловеческие притеснения всяких и всяческих освободительных стремлений и, главное, форсированное продвижение русской

колонизации вглубь Чечни, загоняя чеченцев с плоскостной земли в горные трущобы, в связи с образованием терских казаков в Кавказское Линейное Войско (1832 год), и окончательное заселение теми же казаками Сунженской линии, — таковы ближайшие плоды колониальной работы новой администрации в Чечне. Чеченец окончательно убеждался, что хозяином земли отныне является не он, а Пулло. Но ведь жить то чеченец все-таки должен был, а между тем колонизация царизмом Края в настоящем ее виде, только что начиналась, «отнимая у него самые необходимые ему земли» для сносного существования. Чеченец мог бы известный лозунг лионских рабочих (лионское восстание во Франции): «Жить в труде или умереть в борьбе» только перефразировать «жить на земле или умереть в борьбе». Да, действительно чеченцам предлагали силой оружия, и делалось это, поселиться по кремнистым ущельям великого Кавказского хребта, уступив свою лучшую землю колонизатором казакам. Но он все-таки решил: отстоять землю!

Отсюда мы имеем новое грандиозное восстание в Чечне в 1839 году. В это время дагестанский народ под руководством талантливого политического имама Шамиля вел героическую борьбу, за национальное и социальное самосохранение. Усталый в беспрервной и в неравной борьбе еще с 1820—30 гг. при имамах Гази-Мулле, Гамзат-Беке и 6 лет (1834—40 г.) под предводительством Шамиля, Дагестан нуждался в серьезной политической и хозяйственной поддержке. Ведь экономическая база Шамиля для ведения успешной борьбы с врагами была непрочна: полукочевой, полу-ремесленный, малоземельный Дагестан не мог обеспечить экономическую поддержку Шамилю. Деморализируемое постоянными набегами русских войск и непрекращающимися притеснениями администрации за свою непокорность, моральное состояние народа для дальнейшей оборонительной войны было весьма депрессивное. Дагестан не мог больше драться: хоть измором возьми!

В этот момент (1840 год) давно толкаемый колонизационной политикой царизма к решительным массовым действиям, да еще проделав социальную репетицию в виде восстания 1839 г., Чечня, житница Дагестана, безоговорочно присоединялась к освободительному движению Шамиля.

Шамиль сделался имамом Чечни и Дагестана. «Став под власть имама, чеченцы оказались такими противниками, грознее которого русские еще не встречали на Кавказе. Русские завоевания были отброшены чуть ли на 40 лет назад» (М. Н. Покровский).

Так и было: все важнейшие укрепленные пункты, как военные, так и административные, в Чечне и на Сев. Дагестане, которые в официальных рапортах русских сатрапов в Петербург фигурировались, как гордость и победа генеральского мундира, — были отвоеваны Шамилем обратно.

До 700 русских солдат и офицеров и 10 русских орудий оказались в руках Шамиля, а командующий русскими войсками в Дагестане генерал Клюки-фон-Клюгенау был заперт в Хунзахе и едва не убит, который спасся благодаря помощи, оказанной войсками князя Аргутинского.

Тогда русское командование очнулось и принимает радикальные меры: из России были выдвинуты на Кавказ до 40000 свежих войск, вооруженных по последнему слову военной техники, стратегии и тактики с ген. Воронцовым во главе. Одно только назначение Воронцова, который пользовался исключительным доверием двора «Его императорского величества» и считался крупнейшим военным знатоком и политическим деятелем тогдашней России, говорило о том, что Петербург был о горцах уже совсем другого, серьезного мнения, чем в 1830 г., когда оно продолжало смотреть на них через оптимистическую социальную призму.

Летом 1845 года новый командующий ген. Воронцов предпринимает грандиозную военную экспедицию на чеченскую резинденцию Шамиля — аул Дарго (Веденский округ). Экспедиция Воронцова имела в своем составе: 21 батальон пехоты, 4 роты

сапер, 3 роты стрелков, 16 сотен казаков и большой милиции, 2 грузинских пеших дружины, по 500 чел. каждая, 46 орудий, транспорт в 200 вьючных лошадей и конно-подвижный магазин в 300 человек.

Шамиль, кроме чеченских и дагестанских сил, в Дарго имел специальный русский полк, сформированный из белых русских солдат от цивилизаторов к «хищникам», где они находили и приют и доброжелательное отношение к себе, когда они признавали свою подневольную вину перед горским народом.

Однако, о военном превосходстве сил Воронцова над Шамилем не могло быть и речи: оно было слишком очевидно и весьма внушительно.

Экспедиция для воронцова оказалось роковой: дав возможность углубиться в горы вплоть до самой военной базы Шамиля, израсходовать съестные и военные припасы горцы под талантливым руководством Шамиля переградили 10 завалами («горские баррикады») обратный путь экспедиции и без большого ущерба для себя уничтожили более трити всех солдат Воронцова: убитыми и ранеными в этом походе Воронцов потерял: 3-х генералов, 186 офицеров, 3000 чел. нижн. чинов, а сам Воронцов едва спасся.

Даргинская победа Шамиля в Чечне явилась и кульминационным пунктом его славы и началом разложения его собственных сил.

VII. Поражение Шамиля. С конца 40-х годов (846 год) положение Шамиля в Чечне и Дагестане начинает становиться критическим. Правда, известные Крымские кампании в 1853—56 гг., когда внимание царизма на время было отвлечено от горцев, влияние Шамиля усиливается и он имеет заметные успехи. Но с 1857 года опять возобновляется интенсивное наступление русских войск на Чечню и на непокоренную часть Кавказа и Дагестана во главе с новым Кавказским главнокомандующим **Барятинским**.

Шамиль чувствует, что его основная опора — Чечня проявляет к нему прогрессивно растущее охлаждение. в 1858 году в сел. Шали

на общем гражданском сходе, вызываясь к самолюбию чеченцев, Шамиль заявляет: «Во всем Дагестане нет храбрее Вас, чеченцев! Вы свет религии, опора мусульманства. Вы были причиной восстановления исламизма после его упадка. Вы пролили много русской крови, много забрали у них имений, пленили знатных их. Сколько раз вы заставляли трепетать сердца их от страха». (Покровский, стр. 228).

Однако, для дальнейшей интенсивной работы Шамиля — для нового массового подъема чеченского народа — перспективы не имелись. Шамиль лишился позиции: Чечня ушла в оппозицию. Каковы же ближайшие причины этого? Перманентная борьба чеченского народа за национальное освобождение без перерыва в течение целого десятилетия (с 1840 по 1859 год) — в обстановке не прекращающихся налетов, грабежей, экзекуций, выступлений и разрушений чеченских аулов русскими войсками — глубоко разрушила народное хозяйство Чечни и приостановила дальнейшее развитие его производительных сил.

Шамиль игнорировал местный чеченский адат в глазах фанатичных чеченцев столь же священный, как и каноническое право шариата, который, шариат, Шамиль выдвигал, как незыблемую основу всех военных и гражданских поведений, в то время, когда русские власти уже считались с этой племенной особенностью чеченцев. (Ведь в это время в Грозном был шариатский суд под председательством русского офицера, при заседателях кадиев, который судил по адату).

Была установлена аскетическая дисциплина не только в рядах бойцов, но и на всей территории, подвластной имамату: запрещение употребления спиртных напитков, пения, пляски, музыки, курения и пр. За малейшее неповиновение власти Шамиля не только отдельные лица, но и целые аулы подвергались военной экзекуции лезгин. Усиливались произвол и насилие шамилевских наибов — лезгин.

Таким образом, Шамиль водворил в Чечне форменное иноземное господство и деспотизм, которые выводили бывшего все еще недавно «узденя» и демократа по природе — чеченца из рамки новой законности. Ведь «Чечня восстала против русских не для того, чтобы променять один деспотизм на другой. Она готова была временно подчиниться военной диктатуре Шамиля, но для государства мюридов с его своеобразной пуританской дисциплиной сравнительно зажиточная и мало наклонная к аскетизму Чечня представляла плохую почву... но кто в действительности содержал государство Шамиля и уплачивал расходы „священной“ войны — это не мог быть Дагестан, который никогда не в состоянии был прокормиться своим хлебом. Это могло быть только житница и самого Дагестана и всего восточного — а отчасти и западного Кавказа: Чечня». (Покровский, стр. 223—224).

Техническое перевооружение русской армии на Кавказе (нарезное оружие) и численное превосходство их сил, имевших мощный экономический тыл в лице всей Империи, окончательное истощение материально-технических и человеческих возможностей имамата Шамиля, отход Чечни от Шамиля и широкая система подкупов влиятельных лиц (особенно дагестанских шамхалов) русскими властями, — все это решило судьбу освободительной борьбы горцев под руководством Шамиля.

При всех этих условиях победа нового главнокомандующего на Кавказе Барятинского была предрешена. Весною 1859 года войска Барятинского окончательно оттеснили Шамиля из Чечни в Гуниб (военная крепость в Дагестане), а в августе того же года Барятинский мог известить русскую общественность сенсационно-триумфальным приказом: «Гуниб взят. Шамиль в плену. Поздравляю Кавказскую Армию». К пленному Шамилю русский царизм даже проявил «великодушие». Сначала он был сослан в Калугу, а потом разрешен выезд на родину ислама — в Аравию, где он и скончался. Но зато «неблагодарные потомки» — горцы очутились

в жесточайших стальных тисках воинствующего царизма на целые десятилетия.

Шамиль был не только крупным военным талантом, но и блестящим администратором-организатором демократической власти. «Вся территория Чечни и Дагестана была разделена на несколько округов и каждый из них вверен управлению наиба, которому принадлежала административная и военная власть. Для решения судебных дел имелся в каждом наибстве муфтий, назначавший кадиев в приходы своего округа. Помощниками наибов были мудиры. Им, как людям испытанным в мужестве и преданности газавату, поручались для исполнения более важные дела. Должностные лица были связаны беспрекословно исполнять все приказания имама... В период наибольшего развития своей власти Шамиль мог собрать под знамена 60000 человек. С 1842 года у Шамиля появилась артиллерия. Несчастные для нас дела в 1843 году доставили ему значительное число полевых и крепостных орудий. В Ведено был устроен имамом собственный литейный завод, изготовивший до 50 пушек, но из них годных оказалось едва 4-я часть. Порох изготовлялся в сел. Унцу-Кале, Гунибе и Ведено. Учителями горцев в артиллерийском и инженерном деле бывали нередко наши беглые солдаты, которых Шамиль очень ценил и ласкал». (Вейденбаум. «Путеводитель по Кавказу», стр. 166—168).

Шамиль был крупнейшим военным и административным талантом, организатором централизованной военно-гражданской державы, демократической по природе, ибо она опиралась непосредственно на народные массы, беззаветно преданным вождем национально-освободительной борьбы горцев против могущественного царизма, а шамилевский период освободительного движения является одним из самых замечательных и незабываемых, полных беззаветного героизма и преданности своему делутысячи и сотни тысяч свободолюбивых горцев, периодов во всей истории общественно-политической жизни Кавказа.

Карл Маркс и Фр. Энгельс отзывались об этом периоде борьбы горцев в самих восторженных выражениях. «Народам Европы следовало бы поучиться примеру героической борьбы горцев за свободу против русского царизма» — писали они. «Кавказскими горцами начат общий поход против России, в котором Шамиль одержал блестящую победу и захватил не менее 23-х пушек» (Сочинения Маркса Энгельса, под редакц. Рязанова, том X, стр. 315) — восторженно сообщает Маркс в «Нью-Йоркской трибуне» 8-го июля 1853 г. «В этот день, склонный к шуткам лорд Пальмерстон (премьер английского правительства) избег вотума недоверия только благодаря 16 голосам. 184 голосовали против, 200 за него. Эти 16 голосов не заглушить голоса истории и не проведут к молчанию Кавказских горцев, звон оружия которых доказывает миру, что Кавказ не „принадлежит теперь России“, как уверяет граф Нестельрод (русский посол в Лондоне) и повторяет вслед за ним лорд Пальмерстон» (там же) — пишет Маркс в одной из статей, напечатанных в чартистской газете.

Голоса лордов «не заглушали истории» и никак не могли привести к молчанию кавказских горцев: физически — покоренный Кавказ, никогда не был морально и политически «умиротворен». Борьба горцев в новых условиях и новыми методами продолжалась. Чем сопровождалось покорение чеченцев?

Уже цитированный нами А. Берже дает сведения по уничтожению и выселению чеченских аулов с плоскости. Он пишет: «На реке Сунже до 1819 года, кроме чеченских аулов, наших (т. е. казачьих) поселений не было». (Берже, «Чечня и Чеченцы», стр. последовательно 20—32).

«В 1859 г. аулы эти (перечислены десятки аулов) уже не существовали и жители их ушли за Сунжу». «Из этих аулов (перечислено 6) остались в 1850 г. только первые три».

«Многие из этих аулов существовали еще до 1846 года или до пробуркиГехинской просеки». «В этих аулах было до 1000 дворов. После вырубки гехинской просеки в 1846 г. ...

большая часть этого населения сосредоточилась между низовьями Валерика и Гехи».

«В них считалось до 600 дворов, которые, после посещения этих мест нашими войсками зимой 1849 и 1850 года, поселились по ближайшим укреплениям… или перешли… к черным горам».

«Когда наши отряды начали ходить по малой Чечне, жители этих аулов разбежались по лесам… и некоторые ушли… к черным горам».

Берже подводит итоги: «Следовательно, население Малой Чечни с 1847 года по 1850 год уменьшилось слишком вдвое, а с 1860 года почти вчетверо».

В отношении Большой Чечни Берже пишет: «В настоящее время… на всем течении Аргуна не находится никаких поселений».

«На Бассе находился аул Шали, окончательно разоренный нашими войсками в 1841 году, а теперь он опять поселен на старом месте в числе 780 дворов, в версте ниже укрепления Шали».

«Аулы эти ныне не существуют».

«Из них первые три разорены в 1840 году, а последний при действии наших войск в Аухе, в феврале 1850 года».

IX. Движение Кунта-Хаджи и Алибек-Хаджи. В 60-х годах XIXстолетия возникает новое учение — «тарикат-зикризм», родоначальником которого был пастух чеченец Кунта-Хаджи. Учение это в начале, в сущности, было чуждо всякому светскому движению, но та исключительная обстановка Чечни к этому времени, когда почти она вся находилась на чрезвычайном положении, ибо сами «покорители» не верили тому, что она покорена, лишила его своей узко-религиозной оболочки и придала «зикризму» — по словам одного из деятелей переселения чеченцев в Турцию, А. Ипполитова — «тот материальный и вместе с тем воинственный характер», который оно получило впоследствии.

Число сторонников нового учения увеличивалось. Его влияние на население быстро росло, Чечня была разбита на 8 наибств, а последние на старшинства. «Все кому не нравился существующий

порядок вещей — пишет тот же Ипполитов — все которые желали о старом, добром времени, о времени Шариата, все они называли себя учениками и последователями Кунта-Хаджи и поборниками мусульманской религии, не имея ни малейшего понятия не только об учении зикризма, но часто и о самой вере».

Такое растущее влияние в народе Кунта-Хаджи сильно беспокоило Терскую администрацию, но прибегать к открытым действиям против движения Кунта-Хаджи, опасаясь крупных народных волнений, она все еще не решалась.

Вот что пишет командующий войсками Терской области генерал Лорис Меликов: «Что касается до арестованияКунты и его векилей (последователей), то я не могу ручаться, принесет ли эта мера пользу, и будет ли она сообразно с теми обстоятельствами, о которых я могу судить только на месте. Зикризм есть уже факт совершившийся и невоинственный (?) Кунта — вреднее того, как был до сих пор, быть не может. Между тем удаление его, без сомнения, произведет возбуждение умов в народе, и для нас будет очень невыгодно, если, взамен главы религиозной секты, у чеченцев явится дождь восстания. Вообще выбор лиц, удаление которых было бы необходимо в Области, может быть сделано мной не иначе, как по прибытии в Грозную и по обсуждении на местах тех обстоятельств и положения Среднего отдела».

Лорис-Меликов рекомендует выход из положения: «Во всяком случае было бы очень полезно, если бы теперь же из чеченцев был набран полк и отправлен для военных действий в Польшу, о чем я имел счастье лично докладывать Его Императорскому Высочеству. Эта мера действительно бы избавила нас от наиболее беспокойной части населения (!), которая тяготится бездействием на родине; в западном же крае Империи, по умению действовать на закрытых местностях, она принесла бы большую пользу и вознаградила бы за издержки, которые уподобляются на его содержание… в заключение долгом считаю прибавить, что, по мнению моему, до тех пор пока мы не отодвинем население Чечни от гор

и не окружим его казачьими землями, укрепляясь в то же время твердо в горной полосе, до тех пор нельзя надеяться на окончательное покорение чеченцев, и все другие меры могут только поддержать временное спокойствие, но не подвинуть главного вопроса вперед — окончательное решение которого только одно».

И еще: «учение зикра, направлением своим во многом подходящее к Газавату, служит теперь лучшим средством народного соединения, ожидающего только благоприятного времени для фанатического пробуждения отдохнувших сил». (Дзагуров, «Переселение горцев в Турцию», переписка Лориса-Меликова с Тифлисом, стр. 13—15).

Насколько Терская администрация положение в Чечне считала критическим, ожидая изо дня на день нового народного восстания, показывает следующее место из того же письма: «На случай восстания, нет возможности ударить на чеченцев значительными силами, не обнажая до крайности самых важных пунктов в области. Сосредоточение войск и в это время поведет к потери времени и оно заблаговременно сделано быть не может. Поэтому, если нынешней осенью предположено возвратить стрелковые батальоны Сводно-Линейный и Кабардинский в Терскую область, то было бы чрезвычайно полезно, чтобы батальоны эти могли прибыть сюда ко второй половине августа, время окончания чеченцами уборки полей. (Поздний приход этих войск, если действительно, в Чечне произойдет восстание, будет уже не во время, потому, что тогда потребуется не два батальона, а гораздо больше). Во всяком случае, я бы просил Ваше Превосходительство сообщить мне мнение Ваше Превосходительство сообщить мне мнение Ваше и решить вопрос этот, чтобы в случае волнения в Области и могущих от того быть последствий, избежать нареканий о несвоевременном принятии необходимых мер… в сентябре я предполагаю приехать в Тифлис для личного доклада его Высочеству (Кавказский наместник, Великий князь Михаил Николаевич, А. А.) о мерах, которые хотя

потребуют значительных войсковых средств и времени, но однажды навсегда развяжет нас с обременительным положением в Чечне» — пишет Лорис-Меликов генерал-адъютанту Карцеву, тогдашнему начальнику главного штаба Кавказской Армии. Действительно, 18 января 1864 года в селении Шали было крупное народное выступление, руководимое мюридами Кунта-Хаджи, которое, однако, было жестоко подавлено.

В 1877 году вспыхнуло в Чечне еще мощное и по масштабу крупное восстание, руководимое известным в истории Чечни Али-Бек-Хаджи Зондакским «в 1877 году, в последнюю Турецкую войну, легковерный, восприимчивый и воинственный чеченский народ первый поднял восстание против русской власти во имя Ислама (?) и своим примером привлек население Дагестана» — пишет вышецитированныйВейденбаум.

С восставшими царская администрация жестоко расправилась: десятки повешенных, сотни выселенных в Сибирь, ряд испепелённых аулов — таковы жертвы восстания. Сам Алибек-Хаджи с другими вождями восстания в числе 28 человек, с сыном его, офицером русской службы, который следуя указанию и воле отца храбро выступил в руководстве восстания, были повешены в Грозном.

X. Переселение чеченцев в Турцию. Терская администрация была поставлена перед дилеммой: либо утолить земельный голод чеченца, а значит и вернуть ему отобранные казаками — колонизаторами земли, чего она по природе своей делать не могла, — тогда на некоторое время отсрочишь новое восстание, либо продолжать мириться с нынешним положением всеобщего и бесспорного земельного голода, с чем не могли решительно мириться сами чеченцы, — тогда отдельные стычки вольются в мощное перманентное восстание политического порядка.

Вот признание самого Лориса-Меликова: «При таком положении дел возникает настоятельная необходимость ясного и положительного решения, относительно будущности населения

Большой и Малой Чечни. Поземельные условия, в которых племя это находится в настоящее время, требуют коренного изменения, иначе необходимо примириться с мыслью — безвыходно держать в Крае, по крайней мере, в продолжении десятилетнего периода, находящиеся в нем войска, которые в этом случае не должны и не могут падать упреком на местную администрацию, так и для защиты казачьего населения, разбросанного, за исключением Терской линии, по разным направлениям, в среде 300000 туземцев, далеко еще не чистосердечно примирившихся с нами, в этой то разбросанности казачьего населения и в недостатке земель как для казаков, так еще более для местного населения, заключается вся трудность и исключительность управления Терской Областью… стесненность территории, происшедшее от водворения в пределах области 100000 казачьего населения, поставило большую часть туземных в полную невозможность прежних условий хозяйственного быта… Между тем чеченское племя, уступив казакам почти половину своих земель, успело сохранить за собой по правую сторону реки Сунжи всю выг8оду лесистой местности, изрезанной ущельем черных гор» — пишет в тех же письмах Лорис-Меликов Штабу Кавказского Наместника. Как быть где же выход? Тут к услугам царской администрации оказался доморощенный сатрап царизма, вечный враг горских народов, «покорнейший слуга его высочества», как он любил себя титулировать, осетин генерал-майор Муса Кундухов, который предложил «блестящий» выход: переселение чеченцев в Турцию. Генералу Лорис-Меликову, который был в восхищении от высокой избирательности горского генерала, Лорис-Меликову оставалось только запросить согласие Кавказского наместника на предложение Кундухолва. Резиденция великого князя телеграфирует: «Великий князь согласен на предложение генерала Кундухова. Желаю полного успеха. Чем дальше, тем лучше. Карцов».

А все-таки Лорис-Меликов предупреждает: «Вместе с этим мною положено было, что выполнение такого обширного предприятия потребует не менее двух лет времени и усиленного сосредоточения

войск в Области и в сопредельных с ней в округах Дагестана, так как не должно рассчитывать, что воинственное чеченское племя без сопротивления согласилось отдать настоящие свои земли». (Письма Лорис-Меликова, стр. 16).

Дальше: «Как известно Вашему Превосходительству, положение Чечни далеко не надежное; она одна не дает нам верных ручательств за будущее спокойствие в Крае». (там же, стр. 25—27).

Со специальной миссией Кавказской администрации в качестве официального представителя генерал Кундухов едет в Турцию для переговоров о переселении чеченцев. После долгих настояний он получает согласие Турецкого Правительства на переселение чеченцев на пограничной с Россией — Азиатской полосе Турции с водворением их от Сакандуского хребта (Карском Пашалыке), через Тоирах-Кале, Мелезгерт и Патнос до озера Ван.

Лорис-Меликов не находит целесообразным иметь чеченцев соседями хотя бы на турецкой земле. Он бьет отбой в Тифлис: «В особенности, склонное к грабежам и глубоко враждебное нам чеченское племя представило бы туркам неоцененные пособия для борьбы с Россией… Кроме того, Кавказские переселенцы легко привыкли бы к действиям против нас и куртинское население или, по крайней мере, сделало бы невозможным обращение на сторону России куртинских вождей, как было сделано в последнюю войну. Не менее вредно было бы для нас соседство выселенных туземцев и в мирное время: они заставили нас удвоить, если не утроить, силу нашего кордона, и при всем том граница на время. Таким образом, как неблагодетельно для нас был бы выселение из Чечни 5000 семейств, но выгоды этого дела, по мнению моему, бледнеют перед массой тех зол, которые навлекла бы на себя Россия через водворение означенного племени в сопредельных нам областях». (Цитированные письма, стр. 34—35).

Лорис-Меликов просит Кавказский Штаб добиваться согласия Турецкого правительства на водворения чеченцев во внутреннюю

Турцию. Это согласие, после неоднократных отказов турецких пашей, Кундухов, наконец, получает.

Однако, в Чечне растет массовое движение против переселения в Турцию. Но царское правительство не останавливается ни перед чем. Не давая узнать официально, что именно оно возглавляет и организует компанию переселения в Турцию, претворяясь стоящим нейтрально на стороне в этом деле, правительство подкупает влиятельных лиц из чеченцев за «агитацию» переселения в Турцию.

Идет даже и на такие жертвы, что отправляют во главе переселенцев своих генералов Кундухова и Осмаева с семействами, которые, впрочем, за эту услугу получают от правительства крупные суммы денег. «Что же касается до негласного вознаграждения некоторых личностей, которые наиболее могут содействовать успеху переселения чеченцев в Турцию, то на такую меру Его Императорское Высочество изволили изъявить свое согласие с тем, чтобы израсходованные для сего, по ближайшему усмотрению Вашего Превосходительства, суммы в количестве не более 10 тысяч, были бы отнесены на свободные остатки, состоящие в Вашем распоряжении» (там же, стр. 69—70) — так раскрывает преступную карту политики Кавказской администрации генерал Карцев в своем письме Лорис-Меликову.

Дело, однако, и на этот раз не увенчается успехом: чеченцы упорно не хотят покинуть родину. Лорис-Меликова даже подозрение берет: «При той твердой уверенности, с которой настойчиво высказывается в этом смысле генерал Кундухов, можно усомниться в мирном исходе дело только в том предположении, что генерал Кундухов или находится сам в полном заблуждении относительно настроения туземцев, что допустить трудно, при его близком знакомстве с духом и наклонностями здешнего населения: или же, что, он умышленно обманывает нас, намереваясь произвести общее на Восточном Кавказе восстание, чтоб самому стать во главе его, но предположить последнее я нахожу совершенно невозможным, так как расчитывать держаться во главе восстания, даже при самых

благоприятных обстоятельствах, более двух лет против тех сил, которыми мы можем в настоящее время располагать, было бы верхом безумия. Но генерала Кундухова, как известно Вашему Превосходительству, в недостатке ума упрекнуть нельзя, точно также нельзя отвергать, что и со стороны честолюбия ему гораздо выгоднее стать главой переселенцев в Турцию, чем кратковременным вождем восстания на Кавказе».

А. Ипполитов, Майор, начальник Аргунского округа, уже определенно утверждает: «Я могу положительно сказать Вашему Сиятельству, что о добровольном переселении в Турцию народ не думает: при общем сборе они объявили мне, что пойдут тогда только, когда вся Чечня поголовно уйдет, или же тогда, когда им прикажут идти. Это были не одни только слова, но народ действительно, не желает переселения, понимая хорошо, что для этого они слишком бедны».

Однако, в своем твердом решении избавиться от наиболее беспокойной части чеченского народа Кавказская администрация, которая действовала с согласия и одобрения самого государя императора, была до конца последовательна. Вопреки воле и желанию под угрозой принятия решительных, чеченцу уже настолько знакомых и обычных мер, да еще будучи убеждены, что худшего места под солнцем им больше не найти и, что голодная смерть так или иначе не минуема в 1865 году 23057 чеченцев, что составляло 5000 семейств, покинули Чечню и переселились в Турцию.

В первый же год переселенцы так сильно разочаровались в своем «решении» мирно «попрощаться» с царскими генералами, что в 1866-67-68 годах конспиративно перешли границу и вернулись в Чечню 2100 человек. Если только 2100 человек могли перейти границу, при тогдашней строжайшей охране, можешь себе представить читатель, какое было действительно число желающих вернуться на родину. Абсолютно все, не так ли?

XI. Горское абречество. Тяжелый генеральский сапог продолжал беспощадно давить чересчур свободолюбивую голову чеченца. Земельный голод не только не давал признаков утоления, но при окончательном утверждении русского владычества на Кавказе и дал себя чувствовать во всем объеме и чудовищных последствиях.

Между тем народ, жестоко давимый и беспрестанно преследуемый царской администрацией, пока проходил через стадию политического «затишья»: массовое движение на время ушло в подполье. В это время, в 70-х годах прошлого столетия, начало которому было дано еще абреком Бейбулатом (см. выше) на арене открытой политической борьбы появилось одно замечательное явление в истории революционного движения горцев: горское абречество.

При всей условности исторической аналогии в масштабах выступлений и наличии хотя бы незрелой политической программы, горское абречество можно сравнить с русским революционным народническим террористическим движением 70—80 годов девятнадцатого столетия. И здесь, у горцев, крестьянская основа политической борьбы с национаольными особенностями и там тоже без национальных особенностей, и здесь индивидуально-групповой метод борьбы и там тоже, и здесь беззаветный героизм и решительность в действиях и там тоже, и здесь классическая техника конспирации (вспомните историю Зелимхана) и там тоже — все это роднить горское абречество с народническим террором.

Самыми яркими представителями абречества периода «умиротворения» Чечни являются абреки **Атабай** и **Вара**. Это были люди, которые вписали славную страницу в историю национальной освободительной борьбы чеченского народа. «Самый деятельный и опасный из всех игравших роль в этой народной драме, (речь идет о движении Кунта-Хаджи) абрек Вара был народным героем и начинал приобретать в Чечне то влияние, которое люди подобного рода, к несчастью, всегда приобретают между горцами... Вара принадлежал к шайке абреков Атабая; когда этот последний был

схвачен и шайка замирена — Вара остался по прежнему абреком, скрываясь то в трущобаххорсеноевского урочища, то тайно проживая в аулах Чечни. Большая часть преступлений, совершавшихся в то время в Крае была делом или лично самого Вара или же он всегда принимал в них деятельное участие.

Поэтому, следя за ним несколько месяцев, Чеберлоевский «наиб» (назначенный русской властью) — Гуданат, которому схватить или убить этого абрека было поручено и который имел притом на Вара кровную месть, дал знать о присутствии его в Ново-Атагинском ауле, куда абрек был заменен по его же приказанию. Взвод драгун успел окружить дом, где Вара скрывался, и после отчаянной 3-х часовой защиты абрек этот, будучи ранен пулей Гуданата, с шашкой в руках и с громким пением своей предсмертной молитвы, бросился в средину наших солдат и был убит. В память его была сложена в Чечне песня, а в память измены, или лучше, малого сочувствия Гуданата, были воздвигнуты в Чечне по дорогам кучи камней, к которым каждый приходящий обязан был присоединить камень, произнеся вместе с тем проклятие убийце Вара. Эта бессильная месть народа ясно указывает однако же на то значение, которое абрек имел в Чечне» — пишет Аргунский Начальник Ипполитов.

Одним из самых выдающихся абреков предвоенного времени был знаменитый Зелимхан. В его лице горское абречество получило ясно выраженную классовую окраску.

В своем богатом багаже героических подвигов и абреческой деятельности Зелимхан имеет ряд успешных наступлений и организованных налетов на русские крепости. Ни один полковник в Чечне пал жертвой его храбрых рук. И нигде в его истории вы не найдете поступков, совершенных против бедняков и вообще трудовых граждан любой национальности. Временно исполняющий дела Начальника Терской Области и Наказного атамана Терского казачьего войска генерал-лейтенант **Флейшер** в беседе с чеченцами в Гудермесе так отзывался о Зелимхане: «После взаимных

приветствий и принятия хлеб-соли — сообщает корреспондент «Терских ведомостей» содержание беседы — его Превосходительство обратился к представителям с речью, в которой объявил, что очень хотелось бы надеяться, что чеченцы своим поведением ни дадут ему повода быть недовольным; что главный грех населения — укрывательство разного рода абреков, а в том числе Зелимхана Гушмазукаева и что начальство до тех пор не будет относиться к нему с доверием, пока оно не перестанет это делать и, наконец, что всякие объяснения невиновности себя в этом не заслуживает никакой веры, и так как абреки не живут там, где их не хотят, где им не дают приюта и не оказывают различного вида помощи, абреку нужны и хлеб, и сыр и многое другое, так как он не питается одним воздухом и в лесу всего необходимого он не найдет. Заявление доверенных, что они для устранения абречества делают, что могут и в силах, и что с этой целью они составили уже приговоры о сформировании в Округе за счет населения охранной сотни на подобие ингушской, являлись обычной уверткой и обычным сваливанием главнейшей работы на других, — мы дали, мол, деньги, дальше — наша хата с краю. Категорический ответ на это был таков: «нужно не только помогать, но и довести дело до конца» (**«Терские Ведомости», №166, 1912 г.).**

Русская читающая публика имеет об абреках самое превратное представление. Не говоря уже о том, что официальные историки русского царизма изображали абреков «разбойниками», «бандитами», «злодеями», коварными «негуманными хищниками», новая горская литература еще не дала характеристики абречеству, а сплошь и рядом горе-историки окутали социальную природу дореволюционного абречества туманом политических недомыслий. В самом деле слушайте подобные перлы: «15—20 лет тому назад Ведено было главным местом действия знаменитого разбойника Зелимхана и в настоящее время, — слаба тебе господи сказать бы автору, — не о каких грабежах и разбоях не слышно» — пишет

профессор П. М. Еронин (Записки, т. 1, стр. 110, СевКавКрайИсследИнститут).

Или еще: «Абречество — бытовое явление» (Гатуев) или еще и еще: «Абречество бытовое явление в условиях горской жизни; иначе можно перевести разбойничество (?!), бандитизм» (?!) (Дзагуров). (Переселение горцев, стр. 195).

Подобные суждения, кроме непростительной путаницы, в определение социальных корней абречества ничего не вносят и все они, определения, взяты из духовного арсенала официальных историков воинствующего царизма, даже больше — самих генералов. Наши историки в своем понимании социальной сущности горского абречества спустились ниже теоретического багажа генерала Флейшера, который официально заявил, что все чеченцы поддерживают и покровительствуют абрекам и что они без поддержки самого населения и его солидарности не могли бы существовать. Но, отсюда, не будут же, можно полагать, наши историки утверждать, что все чеченцы разбойники, бандиты. Ведь нужно же различать политическое революционное абречество от уголовного, реакционного «абречества» — проще от уголовного бандитизма. И в дореволюционное время был бандитизм, но это не было абречеством.

Абречество и бандитизм — понятия диаметрально противоположные, а течения эти — глубоко различны.

Всякий истинный борец против царского сапога, душителя горских народов, способный на героические жертвы и подвиги — абрек, но не всякий уголовный преступник против царизма являлся абреком, лучшее свидетельство и аргумент первоисточник: обратитесь к любому чеченцу и спросите: кто-ж такой абрек?

Таким образом, дореволюционное абречество — явление классовое, революционное. Его социальная база — общий земельный голод и нечеловеческое угнетение царизмом горских народов, которые сильные из среды чеченцев личности толкали на открытую политическую борьбу. Одним из самых славных,

мужественных и незабвенных в истории Чечни представителем абреческой плеяды именно и был абрек-революционер Зелимхан.

XII. Аграрный вопрос и аграрное движение. (1905—1907). Вершитель судеб Кавказских народов — главноначальствующий Кавказа князь Голицын утверждал: «Я успокоюсь только тогда, когда в Тифлисском музее будут показывать чучело армянина в подтверждение факта, что жили когда-то и армяне на Кавказе». Это относилось не только к армянскому народу, но и ко всем народам Кавказа, и не в меньшей мере, к чеченскому.

Кавказская администрация была строго последовательна голицынскому изречению: генеральская инквизиция беспощадно душила всякое проявление горского свободолюбия. Однако, аграрный вопрос разрешен не был и никакие физические репрессии повернуть назад колесо истории не могли. Администрация ищет выхода из положения всякими подсобными мерами. В 1905 году, в разгаре аграрных волнений на Кавказе, состоялось в Тифлисе специальное совещание, посвященное рассмотрению аграрного вопроса горских народов, которое, однако, не дало никаких плодотворных результатов.

В 1906 году была создана специальная комиссия для исследования землепользования в Нагорной полосе Терской области. В 1908 году была закончена работа комиссии и только в 1911 году официальный проект кавказской администрации мог добраться до Санкт-Петербурга. До 1914 года, проект пролежал «под сукном его величества», а в 1914 году вспыхнула империалистическая война, окончательно похоронившая все «внутренние проблемы». Таким образом, не разрешенный аграрный вопрос в Терской области по сведениям упомянутой комиссии, приводимыми Георгием Цаголовым в газете «Терские Ведомости» за 1912 год.

По этим сведениям, в Нагорной полосе на одну муж. душу приходится в среднем десятин:

В 5-и гор. общ. **Кабарды** — пахотной земли: 0,26; покосной земли: 1,4; леса: 2,7; выгонов и пастбищ: 11,8; всего земли: 16,16;

В 5-и гор. общ. **Горной Осетии** — пахотной земли: 0.4; покосной земли: 1,4; леса: 0,6; выгонов и пастбищ: 4,1; всего земли: 6,5;

В 5-и гор. общ. **Горной Ингушетии** — пахотной земли: 0,3; покосной земли: 1,2; леса: -; выгонов и пастбищ: -; всего земли: 5,8;

В 5-и гор. общ. **Горной Чечне** — пахотной земли -1,2; покосной земли: 1,7; леса: -; выгонов и пастбищ: -; всего земли: 5,2;

В 5-и гор. общ. **Салатавии** — пахотной земли: 0,7; покосной земли: 0,8; леса: -; выгонов и пастбищ: 2,4; всего земли: 3,9;

Итого: пахотной земли — 0,57; покосной земли — 1,3; леса -; выгонов и пастбищ — 4,9; всего земли — 7,5;

«Приводимая таблица подтверждает, — пишет Цаголов, — во 1-ых, отзывы исследователей Нагорной полосы о том, что на развитие хлебопашества здесь нет никакой надежды. На долю пахотной площади, как свидетельствуют цифры, приходится самый незначительный % имеющейся у горцев земли; она, эта площадь, составляет приблизительно 0,1 часть последней. Общая площадь покосных земель, по своим размерам, превосходит землю пахотной приблизительно в 2 раза. Наибольший % всей земельной площади приходится на выгоны и пастбища. Этот вид земельных угодий достигает в горах приблизительно 0,6 всей площади. Таким образом, в Нагорной полосе почти вся земельная площадь (около 0,8) за исключением незначительной доли (0,1), приходящаяся на пахоту, представляет из себя поверхность, годную только для скотоводства».

Земельная норма в горах в 7 десятин совершенно не может быть признана удовлетворительной. Сопоставление продовольственной нормы на одну мужскую душу в горах составляет эту картину:

У горцев **Кабарды** — должно приходиться на одну мужскую душу — 50; в действительности приходится на мужскую душу — 16,16; не достает до земельной продовольственной нормы –33,84;

У горцев **Осетии** — должно приходиться на одну мужскую душу — 50; в действительности приходится на мужскую душу — 6,5;

не достает до земельной продовольственной нормы — 43,5;

У горцев **Ингушетии** — должно приходиться на одну мужскую душу — 50; в действительности приходится на мужскую душу — 5,8; не достает до земельной продовольственной нормы — 44,2;

У горцев **Чечни** — должно приходиться на одну мужскую душу — 50; в действительности приходится на мужскую душу — 5,2; не достает до земельной продовольственной нормы — 44,8;

У горцев **Салатавии** — должно приходиться на одну мужскую душу — 50; в действительности приходится на мужскую душу — 3,9; не достает до земельной продовольственной нормы — 46,6;

Итого — должно приходиться на одну мужскую душу — 50; в действительности приходится на мужскую душу — 7,5; не достает до земельной продовольственной нормы — 42,2;

«Следовательно, — продолжает автор, — из каждых 7 душ наличного населения мужского пола Нагорной полосы за убогим столом природы имеется прибор только для одного человека, а остальные 6 человек должны встать из за стола».

Распределение земли между отдельными национальными районами области таково:

У горцев **Кабарды** — какой % наличного населениямужчин можетпроживать на территории — 33; избыточное население в % — 67.

У горцев **Осетии** — какой % наличного населения мужчин может проживать на территории — 12; избыточное население в % — 88.

У горцев **Ингушетии** — какой % наличного населения мужчин может проживать на территории — 11; избыточное население в % — 89.

У горцев **Чечни** — какой % наличного населения мужчин может проживать на территории — 10; избыточное население в % — 90.

У горцев **Салатавии** — какой % наличного населения мужчин может проживать на территории — 9; избыточное население в % — 91.

Таким образом, только 10% наличного населения Чечни может проживать на территории, им занятой 90% из всего населения являются лишними ртами. Земельный голод неимоверно вопиющий.

Не лучше было положение и у плоскостных горцев. Вот данные:

В **Кабарде** — число селений с достаточным наделом — 23; число малоземельных селений — 20; с достаточным земельным в % отношении — 53, Селений малоземельных в % отношении — 47;

В **Осетии** — число селений с достаточным наделом — 3; число малоземельных селений — 15; с достаточным земельным в % отношении — 16, Селений малоземельных в % отношении — 84;

В **Ингушетии** — число селений с достаточным наделом — 2; число малоземельных селений — 15; с достаточным земельным в % отношении — 11, Селений малоземельных в % отношении — 89;

В **Чечне** — число селений с достаточным наделом — 13; число малоземельных селений — 44; с достаточным земельным в % отношении — 23, Селений малоземельных в % отношении — 77;

В **на территории кумыков** — число селений с достаточным наделом — 15; число малоземельных селений — 9; с достаточным земельным в % отношении — 62, Селений малоземельных в % отношении — 38;

Итого — число селений с достаточным наделом — 56; число малоземельных селений — 103; с достаточным земельным в % отношении — 33, Селений малоземельных в % отношении — 67;

Из 57 селений Чечни, с достаточным земельным наделом было только 23%, а 77% было малоземельными. При том стесненном положении с землею, приходилось прибегать к аренде. При наличии абсолютного земельного голода в горах и, следовательно, большого спроса на землю, не только абсолютная рента, но и дифференциальная Iи II действовали здесь вне обычных экономических законов.

Цаголов приводит данные из «трудов» комиссии об аренде земли горцами:

Уплачивают ежегодно за аренду земли:

Горские общества **Кабарды** — 65570 руб.; **Осетины** — 230628 руб.; **Ингуши** — 49943 руб.; **Чеченцы** — 400000 руб.; **Салатавцы**– 30938 руб. **Итого**: 777079 руб.

Казачество, жившее рядом на земле горцев, было обеспечено землею. Больше того. Еще в 1903 году оно сдавало в аренду 357369 десятин и имело от этого доход в 346595 руб. Так как в большинстве станиц земельные наделы превышают рабочую норму, то излишки земли сдаются станичными обществами в аренду» — сообщает «Терский Календарь» на 1906 год. (см. об этом интересную книгу «1905 г. в Терской области», Г. К. Мартиросиан).

«В ряде причин, вызывающих сильный рост арендной платы, не последнее место занимает то обстоятельство, что в арендное дело Терской области втерлись самым бесцеремонным образом посредники, накинулись алчные и не знающие пощады полчища земельных пауков в лице разного рода богатеев, ростовщиков, лавочников и прочих разновидностей всесильного деревенского кулачества… отлично понимая, что трудовому люду деревни арендная земля нужна, что он должен во избежание прелестей недоедания и сладостей самой необыкновенной нищеты, прибегнуть к посредству этой земли во что бы то ни стало и, обладая в тоже время нужными в таких случаях денежными средствами, земельные пауки всеми доступными им мерами сосредотачивали в своих руках все сдаваемые в аренду земли», — сообщает Цаголов там же.

После всего сказанного, Цаголов приходит к горькому выводу: «Итак, оказывается, что тиски, которые некогда давали в Горной полосе отцов и дедов нынешних горцев, по прежнему продолжают оставаться тисками и вовсе не обнаруживают наклонности превращаться в нежащие пуховики, на которых могли бы успокоиться потомки. Ужасная старая болезнь Нагорной полосы — абсолютное перенаселение — оказывается очень упорным» (Везде газета «Терские ведомости», июль, 1912 год, №№144, 145, 146 и др. Георгий Цаголов. «Край беспросветной нужды»).

Вопрос о земельном голоде в Терской области не мог не дойти до сведения Государственной думы, куда были избраны от Терской области членами: от казаков — Демиров, от остального русского и горского населения **А. П. Маслов и Т. Э. Эльдарханов.**

5-го июля 1906 года А. П. Маслов произнес в Государственной Думе речь о земельном голоде в Терской области: «Я — депутат Терской области, с Кавказа, с того Кавказа, который в Центральной России привыкли называть погибельным Кавказом. До сих пор многие не давали себе отчета, почему такое прилагательное давали Кавказу. И я сам этого не знал. Последние события, которые там совершались, дают основание мне думать, что это название Кавказа есть пророческое. Кавказ назвали погибельным, т. е. обреченным русским правительством на гибель. Я позволю себе кратко остановиться на Кавказе и, в частности, на Терской области. Он населен казаками, туземцами и пришлыми русскими, так называемым народом иногородним. Земли все разделили между этими народностями. Одну пятую всего населения составляют казаки, туземцами и пришлыми русскими, так называемым народом иногородним. Земли все разделили между этими народностями. Одну пятую всего населения составляют казаки, но соотношение земли между теми и другими обратно пропорционально. Туземцы, состоящие из чеченцев, осетин и других народностей, находятся в ужасном положении. Земельный вопрос стоит у нас там чрезвычайно остро. Вы не можете себе представить, как ничтожны земельные владения, как, например, у чеченцев: 1/5, 1/10, ¼ и 1/3 десятины. Если Вы спросите, сколько помещается под его буркой. Земля стоит там дорого. Так, например, кусок земли под одной коровой стоит столько, сколько стоит сама корова. Такое положение заставляет невольно задуматься, каким образом они существуют». (газета «Терские Ведомости», 1906 г., №126).

Однако, настоятельная жалоба Маслова все-таки не «заставила» Государственную Думу «задуматься» над тем, как же живут и существуют чеченцы да и вообще все горцы. Через год,

в 1907 году, к той же теме о земельном голоде у горцев должен был вернуться другой член Государственной Думы от Терской области чеченец Таштемир Эльдарханов.

По поводу речи Эльдарханова на заседании Государственной Думы Владимир Ильич Ленин пишет: «От имени своих избирателей — туземцев Терской области Эльдарханов ходатайствует, чтобы расхищение природных богатств было бы приостановлено впредь до разрешения аграрного вопроса». (**Ленин, Том IX, стр. 58**6).

Считая не безынтересной для наших читателей речь Эльдарханова, на которую ссылается Ленин, приводим ее целиком.

«Государственная Дума. Второй Созыв. Стенографические отчеты 1907 года. Сессия вторая. Том II. Заседание 32, 3-V — 1907 г.».

Эльдарханов. (Терская область). Господа народные представители, перед нами вопрос, как утолить земельный голод многомиллионного крестьянства... (Голоса: громче, громче). Простите, я не могу очень громко. Из многих речей, произнесенных на эту тему, партийные взгляды нужно признать вполне выяснившимися. Из речей, раздававшихся справа, не трудно сделать вывод, заключающийся в полном отрицании земельного голода крестьян и защите только имущих классов и их привилегированного положения. Я на этом взгляде не буду останавливаться. Левые фракции отрицают принцип: вся земля без выкупа, без вознаграждения должна перейти к крестьянам. Такое отношение к земельному вопросу много говорит крестьянскому народу, но вопрос об оказании простой земельной помощи им отодвигается в туманную даль. Принципу, выставляемому ими, сочувствуют многие из членов Государственной Думы, сочувствую и я, но одного сочувствия мало, нужно верить в возможность проведения в жизнь земельной реформы в таком широком масштабе.

И едва ли я ошибусь, если скажу, сто этой веры нет даже у тех, которые вносят этот принцип. Между тем, безвыходное положение крестьян и долг наш помочь им в их острой земельной нужде

требуют, чтобы мы не увлекались теоретическими рассуждениями, не имеющими под собой никакой реальной подкладки, и сошлись на одном законопроекте, который явился бы практически осуществимым при существующих условиях. Нисколько не умоляя значения идеалав этом вопросе, я думаю, что тот минимум, вокруг которого мы должны твердо сомкнуться, если не желаем оставить крестьян с протянутыми руками, есть именно законопроект партии народной свободы, т. е. для расширения площади землепользования трудового земледельческого населения должны быть обращены земли казенные, удельные, кабинетские и в порядке принудительного отчуждения частновладельческие за справедливое вознаграждение. Я позволю себе сказать здесь несколько слов относительно тяжелого экономического положения моих избирателей, туземцев Терской области. Вся область делится на две части6 на плоскостную и горную. В плоскостной части острую земельную нужду испытывают чеченцы и ингуши, имеющие на одну мужскую душу от двух до трех десятин земли, считая в том числе и неудобные. Но трудно себе представить более худшие условия, какие имеются налицо в Нагорной полосе области. Насколько велики пространства земли, годной для обработки в этой части области, можно судить по следующим данным: на территории, занятой горскими обществами Нальчикского округа, другой земельной меры не существует, кроме следующих: «Кулач» — 2 — 2 ½ арш., «Аяк-Узун» — длина ступни ноги; «Таш-Орун» — место под одним камнем; «Черен-Орун» — пахотное место, дающее одну копну хлеба; «Гебен-Орун» — место, дающее одну копну сена. Эти кусочки пахотной земли, чрезвычайными усилиями человека обращенные в культурную землю, недостаточны для прокормления населения. Здесь не рациональное хозяйство, а каторжный труд, отчаянная борьба человека с суровой горной природой, а в итоге полуголодное существование на кукурузном или ячменном хлебе. Это в упорной работе в круглый год, так как у туземцев в году всего 2—3 праздника. Единственное занятие, которое возможно здесь, это

скотоводство, но для этого нужен простор земли. Еще в 60-х годах главнокомандующий Кавказской армией, великий князь Михаил Николаевич, обратил внимание на острую земельную нужду туземного населения Терской области. Им был предпринят ряд мер к улучшению экономического положения их, но, к сожалению, все это не дало населению осязательных результатов, а, наоборот, впоследствии, в 80-х годах, территории туземцев подверглись уменьшению. Так, лучшая часть Нагорной полосы области, занятой лесами и лесными полянами, отобрана под предлогом того, что туземцы неправильно пользуются лесами, далее, в 50-х годах, что видно из официальных документов, которые я имею, князья кумыкские добровольно уступили кумыкскому народу половину всей своей земли, прося правительство, чтобы другую половину укрепили за ними на правах собственности и выдали документы на право собственности за крестьянами, то она и по сие время остается открытой, и местные власти, пользуясь разными предлогами и причинами, заселяют на их собственных кумыкских землях пришлый элемент, нисколько не стесняясь их правом на эти земли.

Тяжелое положение туземцев усугубляется разными штрафами, взимаемыми с населения за преступные деяния отдельных лиц и тем обстоятельством, что горными пастбищами они могут пользоваться только 3—4 летних месяца, а затем они должны гнать скот на казачьи и частновладельческие земли, арендуемые ими за неимоверно высокую цену. Туземцы все время продолжают говорить о земельной нужде и не пропускают случаев приезда начальствующих лиц, но голос народа уподобляется «голосу вопиющего в пустыне».

Для полноты картины необходимо заметить следующее. В последнее время разные предприниматели в горах стали находить признаки ценных руд. У населения явилась надежда на безбедное существование в своих трущобах, но последовало быстрое разочарование. Правительство заявило свою претензию на эти недра земли, сказав: «земля вам принадлежит, но мы вам заплатим

только за порчу поверхности, а недра и богатства, находящиеся внутри земли, принадлежат казне». Фактически землею владеют горцы-туземцы; никто у них этого права не оспаривает. Казалось бы, вопрос о недрах решается сам собой. Но во всяком случае, если этот вопрос и является спорным, то надо было бы выждать время, пока он выяснится. И вот теперь, от имени моих избирателей — туземцев Терской области, я ходатайствую, чтобы расхищение этих природных богатств было приостановлено впредь до разрешения аграрного вопроса. В виду того, что издание земельного закона затянется на долгое время, а нужда на местах так сильна и, чтобы хоть несколько окрасить их жизнь, необходимо вернуть туземцам немедленно отобранные у них незаконным образом земли и урегулировать арендные цены. Что же касается условий пользования землей, то мы должны и будем отстаивать принцип общинной собственности. Я кончаю свое слово указанием на то, что живое дело аграрной реформы должно быть перенесено на места и отдано в руки местных земельных комитетов. Но для того, чтобы последние сыграли должную роль и разрешили бы аграрный вопрос во всей его широте и в духе принципов, которые будут установлены Государственной думой, необходимо предпослать этой реформе широкое местное самоуправление и узаконить основные свободы». (Кабинет Архивоведения ЦАУ РСФСР).

Такое безвыходное положение с земельным голодом выводило народ «из рамки законности». То в скрытой, то в явной форме росло массовое движение. Самовольно вспахивали казенные, причтовые, частновладельческие земли. Гнали скот на пастьбу на казачьи земли. Сжигали имения крупных землевладельцев. Рубили леса казенные и частные. Одни необеспеченные общества захватывали землю у других. Наконец, предпринимали «кинжальное» выступление грандиозных масштабов против казаков-колонизаторов, — таковы политические штрихи открытой борьбы 1905 года в Чечне.

Очередной палач горцев — генерал Колюбакин, в виду роста массового движения в области, объявил Терскую область на осадном

положении и, присвоив себе права военного генерал-губернатора, угрожал «в бараний рог согнуть» всех чеченцев. В приказе по Терскому Казачьему Войску от 14-го декабря 1905 года он писал: «...Всем хорошо известно, что такое же сильное народное брожение существует в нашей, области и, что оно увеличивается еще национальной и религиозной рознью различных частей населения. Вот к этому вопросу и я веду свою речь. Приехавши в Терскую область и, вступив в управление ею, я отовсюду стал получать известия, что казаки и туземцы, особенно в Чечне, грозят с оружием в руках броситься друг на друга и пролить людскую кровь...».

«Доблестные Терские казаки, — продолжает Колюбакин, — горячо убеждаю вас вспомнить о том, что Терское Казачье Войско живет на Кавказе уже более 300 лет, и, что до Великой Кавказской Войны терские казаки не только мирно жили с чеченцами, но часто и роднились с ними. Я прошу вас вспомнить, что в жилах многих терских казаков течет чеченская кровь, что самый облик гребенского казака несколько напоминает тип чеченца. И вот, близкие соседи, связанные многовековой совместной жизнью, а отчасти и родством, готовы схватиться за оружия и пролить кровь друг друга. Пусть сгинет это дьявольское навождение. Пусть мимо нас идет эта страшная чаша». (Г. К. Мартиросиан, «1905 г. в Терской обл.»).

В ответ на растущее революционное движение в Чечне, царская администрация принимает ряд репрессивных мер. Искусственно вызывает и возглавляет не только национальную рознь, но и погромное движение казаков при участии военных частей против чеченцев под лозунгом, пророчески предугаданном еще тогда: «Бей чеченцев, спасай Кавказ».

Большую активность проявляло чеченское духовенство, успешно агитируя революционно-настроенную массу к борьбе с царизмом.

Боясь, что новое революционное движение может найти в лице отдельных шейхов и мулл политических имамов, как это уже не раз было в истории борьбы горцев, а движение это могло бы вылиться

в народное восстание, Кавказская администрация ссылает восемь выдающихся главарей-шейхов из Чечни в центр России и Сибирь. Высланы были: Сугаип-мулла Гойсумов (Шали), Бамбет-Гирей-Хаджи Митаев (Автуры), Узун-Хаджи, шейх Дени Арсанов (Кень-Юрт), мулла-Кана Хантаев (Нижний Наур), Юсуп-Хаджи Кошкельдынский (Кошкельды), шейх-Магомет Назиров (Новый-Юрт), шейх-Докку-Абдул-Азиз Шаптукаев (Старый-Юрт). Некоторые из них по особым ходатайствам были оставлены на Кавказе, а остальные немедленно высланы.

XII. Капиталистическое развитие Чечни. (1890—1915). «В пореформенную эпоху, — писал Ленин, — происходила, с одной стороны, сильная колонизация Кавказа, широкая распашка земли колонистами (особенно на Северном Кавказе), производившими массы сельских наемных рабочих из России. С другой стороны, шло вытеснение туземных вековых „кустарных“ промыслов, падающих под конкуренцией привозных московских фабрикатов. Падало старинное производство оружия под конкуренцией привозных тульских и бельгийских изделий; падала кустарная выделка железа под конкуренцией привозного русского продукта, а равно кустарная обработка меди, золота, серебра, глины, сала и соды, кож и т. д., — все эти продукты производились дешевле на русских фабриках, посылавших на Кавказ свои изделия... русский капитализм втягивал, таким, образом, Кавказ в мировое товарное обращение, нивеллировал его местные особенности — остаток старинной патриархальной замкнутости, — создавая себе рынок для своих фабрик, страна, слабо заселенная в начале пореформенного периода и заселенная горцами, стоявшими в стороне от мирового хозяйства и даже в стороне от истории, превращалась в страну нефтепромышленников, торговцев вином, фабрикантов пшеницы, табаку, и господин купон безжалостно переряживал гордого горца из его поэтического национального костюма в костюм европейского лакея». (Н. Ленин, «Развитие капитализма в России», стр. 484).

Эти ленинские слова о вовлечении национальных и колониальных окраин в орбиту капиталистического развития находят свое подтверждение и в Чечне. Далеко не полные, но приблизительные данные о развитии торгового капитала в Чечне и его направлении мы имеем из архива бывш. Ставропольской Казенной палаты, в отчетах начальников Терской Области, приведенные Б. Ахвелидиани.

Размеры развития торговли в Чечне, начиная с 1899 года по 1915 г., показывают следующие таблицы:

В среднем за пятилетие — **1899—1903**; Число торговых заведений — 629; в них торг. — 742; в % ко всему населению — 0,32; сумма торговых оборотов –734442 руб.; В среднем обороте: на 1 торговое заведение — 1107 руб.; на 1 душу мужского пола — 7—26;

В среднем за пятилетие — **1904—1908**; Число торговых заведений — 714; в них торг. — 785; в % ко всему населению — 0,34; сумма торговых оборотов — 618435 руб.; В среднем обороте: на 1 торговое заведение — 866 руб.; на 1 душу мужского пола — 5—62;

В среднем за пятилетие –**1909—1913**; Число торговых заведений — 876; в них торг. — 916; в % ко всему населению — 0,34; сумма торговых оборотов — 959915 руб.; В среднем обороте: на 1 торговое заведение — 1095 руб.; на 1 душу мужского пола — 8—00;

1914 год: число торговых заведений — 967; в них торг. — 1032; в % ко всему населению — 0,38; сумма торговых оборотов — 1944381 руб.; В среднем обороте: на 1 торговое заведение — 2014 руб.; на 1 душу мужского пола — 12—73;

1915 год: число торговых заведений — 943; в них торг. — 973; в % ко всему населению — 0,35; сумма торговых оборотов — 1983722 руб.; В среднем обороте: на 1 торговое заведение — 2103 руб.; на 1 душу мужского пола — 15—18;

В 1915 году развитие торговли в Чечне достигло своего кульминационного пункта, когда ее торговые обороты равнялись около 2000000 рублей.

Сравнение развития торговли в Чечне с другими областями дает следующее:

Гор. Грозный: торговые обороты на 1 душу мужского пола в 1915 году — 470 рублей.

Ингушетия: торговые обороты на 1 душу мужского пола в 1915 году — 65 рублей 90 копеек.

Кабарда: торговые обороты на 1 душу мужского пола в 1915 году — 20 рублей 25 копеек.

Чечня: торговые обороты на 1 душу мужского пола в 1915 году — 15 рублей 18 копеек.

Осетия: торговые обороты на 1 душу мужского пола в 1915 году — 7 рублей 91 копеек.

Бывш. Хасав-Юртовский округ Дагестана: торговые обороты на 1 душу мужского пола в 1915 году — 11 рублей 24 копеек.

За 10 лет (1904—1912 гг.) в Чечне было торгующих заведений 795, с годичным оборотом в 789 тысяч 175 рублей. Количество частных торговцев по отношению ко всему населению Чечни составляло 1/3%. Обороты отдельных предприятий колебались в среднем от 800 до 2000 рублей. Были коммерсанты с оборотом в 10000 рублей и выше. Преобладающим родом торговли, являлась торговля мануфактурой — до 60%, потом торговля зернопродуктами — до 30% и мясная торговля 10%. Географически частная торговля распределялась на территории Чечни довольно не равномерно, принимая во внимание не только площади 2-х чеченских округов, но и количество населения в них.
В дореволюционное время частная торговля, судя по числу торговых заведений и их оборотам, главным образом, была сосредоточена в Грозненском округе, в Веденском округе она была не так значительна, что видно из следующих данных:

1911 год. Число торговых заведений: Грозненский округ — 465, сумма оборотов — 407568 руб., оборот на 1 душу мужского пола — 6 рублей 76 копеек; Веденский округ — 394,сумма оборотов — 184456; оборот на 1 душу мужского пола — 3рублей 15 копеек.

1912 год. Число торговых заведений: Грозненский округ — 475, сумма оборотов — 447349 руб. оборот на 1 душу мужского пола — 7 рублей 24 копеек; Веденский округ — 395,сумма оборотов — 327312; оборот на 1 душу мужского пола — 5 рублей 40 копеек.

1913 год. Число торговых заведений: Грозненский округ — 504, сумма оборотов — 546280 руб.,оборот на 1 душу мужского пола — 8 рублей 73 копеек; Веденский округ — 434,сумма оборотов — 362099; оборот на 1 душу мужского пола — 5 рублей 71 копеек.

1914 год. Число торговых заведений: Грозненский округ — 540, сумма оборотов — 1762972 руб.,оборот на 1 душу мужского пола — 22 рублей 60 копеек; Веденский округ — 427,сумма оборотов — 181409; оборот на 1 душу мужского пола — 2 рублей 77 копеек.

1915 год. Число торговых заведений: Грозненский округ — 534, сумма оборотов — 1766922 руб.,оборот на 1 душу мужского пола — 26 рублей 78 копеек; Веденский округ — 409,сумма оборотов — 216800; оборот на 1 душу мужского пола — 3 рублей 59 копеек.

Таким образом, главная часть довоенной торговли Чечни была сосредоточена в Грозненском округе, но существенную роль играли и обороты местных базаров, которые в 1914 году исчислялись в 640 тысяч рублей.

Крупными аульными центрами торговли Чечни были: сел. Урус-Мартан с годичным оборотом 45 тысяч рублей, Шали — 50 тысяч рублей, Ачхой-Мартан — 45 тысяч рублей, Воздвиженская — 104 тысячи рублей, Гехи — 35 тысяч рублей, Шама-Юрт — 30 тысяч рублей, Гойты — 27 тысяч руб., Шатой — 60 тысяч рублей, Цонтарой — 22 тысячи рублей, Старый-Юрт — 25 тысяч рублей, Гудермес — 52 тысячи рублей, Курчалой — 35 тысяч рублей, Герзель-Аул — 25 тысяч рублей, Ведено — 15 тысяч рублей, Автуры — 10 тысяч рублей и другие.

Нужно заметить, что значительная часть селений восточной полосы горного Веденского округа (нынешний Нажай-Юртовский округ), а также значительная часть Гудермесского округа непосредственно тяготели к Дагестану, к Хасав-Юртовскому рынку, и сведения о них в торговую экономику Чечни не входят.

Рост экспорта товарной продукции из Чечни был очень заметный. Из общего числа 7 миллионов 251 тысячи пудов грузов, ввезенных в 1913 году на ст. Грозный, около 5 миллионов грузов падает на лесоматериал (2054424 п.), значительную часть которого ввозила Чечня.

Еще большее значение приобретал, кроме прочих экспортов (лесоматериал, строительный камень, коже-сырье, и пр.), экспорт хлеба, который характеризуется следующими данными:

В среднем за: **1896—1900**; всего вывезено хлебных грузов: 715136 пуд.

В среднем за: **1901—1905**; всего вывезено хлебных грузов: 1568869 пуд.

В среднем за: **1906—1910**; всего вывезено хлебных грузов: 2416582 пуд.

В среднем за: **1911—1914**; всего вывезено хлебных грузов: 2136572 пуд.

В среднем за 19 лет: **1896—1914**; всего вывезено хлебных грузов: 6837159 пуд.

До 1911 года чеченский хлеб вывозился через станцию Грозный и Гудермес, с 1912 года начинается вывоз и через станцию Аргун, при чем Надтеречный округ вывозил свой хлеб исключительно через ст. Моздок и Наурскую, сведений о размере экспорта через которые пока мы не имеем.

Соответственно этому увеличивался и общий экспорт чеченского хлеба. Количество хлебных грузов, вывозимых в дореволюционное время за пределы Чеченской области, как на внешний, так и на внутренний рынки в среднем равнялось около 1600000 пудов в год.

Таковы далеко не полные данные о развитии торгового капитала в Чечне. накануне революции в Чечне мы имели начало развития промышленного капитала и промышленной буржуазии. Нефтяной «король» Чермоев, хлебный «король» Баширов с промышленными предприятиями (мельница в Грозном), крупный заводчик в Грозном Цутиев, Старо-Юртовское об-во «Нефть», черепичный заводчик Мациев и др., — таковы первые пионеры развития промышленного капитала в Чечне.

Таким образом, вопреки идиллическим сказкам о незыблемости родового строя в Чечне и «отсутствии каких бы то не было намеков на классовое расслоение в ней», как горько жалуется на это в своей скандальной, не марксистской путанице «Империя Узун-Хаджи», Гатуев, «Господин купон безжалостно переряживал гордого горца из его поэтического национального костюма в костюм европейского лакея». (Ленин).

Гражданская война в Чечне. (1917—1920). I. Начало революции. Пока струсившийся царский пристав расшифровывал депешу о свержении трона «Его Императорского Величества», любознательный горец уже почуял политическую атмосферу: с быстротой молнии разнесся «хабар» о том, что Великого Гяура низвергли. Весть эта была, конечно, принята с величайшей радостью. Социальный смысл происходивших событий мало, кто понимал, но одно было ясно: свирепая династия кровавых палачей горских народов сошла с государственной сцены и вековая проблема горца — земля — опять поставлена на карту.

Быть нейтральным в этой разбушевавшейся стихии означало бы стать по ту сторону великой баррикады, а значит не получить ни земли, ни воли, но ведь 60-ти летняя героическая борьба чеченского народа добивалась именно этого: получить отобранную и заселенную казаками-колонизаторами землею и свободу обрабатывать ее –социальное и национальное освобождение. Вот почему еще первые волны Февральской революции решительно всколыхнули чеченский народ и вызвали его к активной

политической борьбе с утопающим царским кораблем и его безобидными прихлебателями — диктатурой Временного Правительства, деникинщиной и их агентурой в Чечне.

Вождь казачества — авангарда царской государственности — г. Караулов и предводитель горской контр-революции Тапа Чермоев, вернувшись с центра, торжественно объявили населению Терской области, что «произошел февральский переворот».

«Задача текущего момента — поучали народ эти господа — не углублять социальный конфликт». Однако, история была верна себе. События развивались с невиданной быстротой.

Несмотря на различные ступени социально-экономического развития, горские народы в Февральской революции имели общий язык. В самом деле, в быв. Терской области сложились два непримиримых лагеря: революционная горская масса (национальные помещики и буржуа не в счет) и контр-революционное казачество. Первый этап Февральской революции в Терской области именно тем и характерен, что шла упорная и решительная борьба между этими двумя лагерями за политическую гегемонию в развивающихся событиях. При этом эта борьба была далеко не национально-антагонистическая, а, в конечном счете, глубоко классовая. Горец боролся не вообще против русского, а против казака-колонизатора — захватчика земли. Земля — вот фокус сосредоточения всех социальных страстей горца.

Ведь Маркс писал: «Ставя человека в безвоздушное пространство, вы отнимаете у него воздух, необходимый для дыхания. Точно также поступаете вы, завладевая землею. Это все равно, что поставить его вне богатства, чтобы подчинить его жизнь вашему произволу». (К. Маркс, Iтом, примечание стр. 797).

Этот же первый этап Февральской революции характерен еще и тем, что обще-горские интересы (национальное освобождение) заслоняли за собой иногда не только племенные интересы, но и даже интересы отдельных социальных групп и этим усиливали общий горский фронт против русской контр-революции.

Однако, как только классовые враги горской бедноты — горские помещики и князья, промышленники и духовенство — увидели, что на карту поставлена не только судьба русской контр-революции, но и национальной, они быстро и всерьез подняли голову и превратились в саботажников и врагов не только революции, но и национально-освободительной борьбы.

Классовая борьба в национальном лагере приняла самые острые формы. Откровенное контр-революционное действие вчерашних блюстителей национального освобождения горцев — членов Терско-Дагестанского правительства и его ставленников в отдельных национальных районах, заключавших священный союз с казачеством против революции, — ускорили эту классовую дифференциацию в горских массах.

По поводу обострившейся классовой борьбы в Чечне бессмертный вождь чеченской бедноты Асланбек Шерипов писал: «Проснитесь все честные чеченцы. Наши предки гибли за эту свободу и землю, которую теперь продают шейхи и муллы и все чеченские богатеи. За эту свободу, за землю вы все должны восстать, как один человек. Не должны быть партии и их главарей шейхов, а должен быть единый трудовой чеченский народ. И тогда вы защитите свободу, власть и завоюете землю. Мы, молодежь, верим в то, что еще не погибли в Чечне герои и борцы за народную свободу. Все, что здесь пишется, сознается народом, чувствуется и думается, но никто не смеет говорить и действовать. Будьте же смелы, ведь все в руках народа, только поймите друг друга, объединитесь и тогда вам никто не будет страшен. Мы верим в то, что народ проснется, он уже просыпается, возьмет в свои руки власть и сам будет творить свою жизнь. И восставший народ вопреки злой воле, темной воле шейхов и мулл, должен защитить народную власть, ту власть, которая дает вам землю и волю. На нашей стороне будет победа, ибо на нашей стороне есть вера в торжество правого дела, разум чеченского народа и любовь к свободе».

О характере борьбы против контр-революционного казачества и развитии классовой борьбы внутри горских народов, в частности Чечни, на народном пятигорском съезде в 1918 г. Асланбек Шерипов говорил:

«Здесь говорили, что казаки 300 лет были революционерами. Нужно иметь мужество, чтобы сказать это, когда казаки до февраля 1917 года, а в некоторых местах и позже до настоящего времени, были **оплотом и опричниками империализма**. Здесь говорилось, что казачество платило контрибуцию царизму. Но они брали контрибуцию с тех, кто веками боролся за свободу, кто погибал в этой смертельной борьбе и от земельного голода.

Нам здесь говорят, что казачье движение это народное движение против отдельных советов и красноармейской вольницы. Тем, кто упрекал левый сектор в недостаточно серьезном отношении к вопросу, самим не следует объяснять такое большое явление, копаясь в мелочах. Чтобы понять это движение, нам надо сделать хотя краткий обзор истории революции в Терской области. Когда после февральского переворота приехали сюда члены 4-ой Государственной Думы Караулов и Тапа Чермоев и сообщили, что там, в центрах, произошла революция, здесь не все поняли и почувствовали. Казачество поддерживалось монархическим кулаком и когда он пал, оно лишилось, таким образом, поддержки. А казаки знали, что те, кто лишь терпел и страдал от империализма, кто был загнан в пустынные горы силою завоевателей, потребует земли и не только в резолюциях, а на деле и казачеству придется потесниться. И казаки, коим это было невыгодно, находили себе союзников среди тех горцев, которые и 60 лет тому назад боролись против нашей свободы. Это — союз объединенных горцев — Терско-Дагестанское правительство. Те тогда старались направить стремления горцев в другую сторону.

Мы тогда боролись, чтобы направить горскую массу по этому пути, по которому она теперь идет. Погромы со стороны масс солдат,

шедших с фронта и погромы в городах, имевшие тогда место, провоцировались.

Наше духовенство и помещики старались направить народное негодование именно против бессознательных людей. Но я укажу еще обстоятельства.

Те полковники и казачьи офицеры, кои предлагали выгнать всех пришлых и разделить с горцами их земли, те толковали горожан в наступление на Чечню, обещая помощь, а потом в Грозненской станице вывесили белый флаг и объявили себя нейтральными.

Когда казаки и наши верхи по особым соображениям признали Советскую власть, они думали, что это признание ни к чему не обяжет, но когда увидели, что революция в области развивается, захватывая все большие круги населения, они испугались за порядок и благополучие и пошли против Советской власти. Полковник Рымарь, который на Моздокском Съезде призывал благословение на поход против чеченцев, потом признал Советскую власть и дальше стал одним из руководителей борьбы против Советов.

Но контр-революционеры есть во всех группах. И у нас, чеченцев, те, которые мне предлагали на Моздокском съезде признать Советскую власть, образовали потом Атагинский Народный Совет, враждебный нам. Я знаю, что в Грозном казаки агитировали за наступление советских войск на чеченцев, но на помощь не пошли. Помощи не дали и отпечатали во множестве экземпляров особое объявление, почему не дали помощи и эту бумагу Кизлярский Совет передал контр-революционномуАтагинскому Совету.

Чеченско-ингушская фракция считает это движение контр-революционным по самой его сущности. Здесь определенная группа населения думает вернуть свои привилегии. И все контр-революционеры с восхищением следят за этим движением. И если это движение не будет раздавлено, то найдет поддержку и в Чечне, и в Кабарде и по всей Терской области.

Если здесь задают мне вопросы, смущающие других, то и я спрошу, не понимаю, почему Каз. Крест. Фракция не отмежевывается от Каз. Крест. Моздокского Совета. Мы отмежевывались от нашего Атагинского. Здесь получается двусмысленное положение. Отмежуйтесь и оно станет ясным. Конкретно я скажу, что если в Терской области в ближайшее время в эти дни не будет создан единый революционный фронт, то мы, представители трудовых народов, будем развиты. В Чечне нет интеллигенции, но есть трудовой народ и в его отношение к Советской власти мы верим больше, чем в резолюции казачества о признании Центральной Советской власти.

Здесь мы заявляем, что когда надо будет, мы покажем, как бороться за свободу. Во время Шамиля мюриды, необразованные, не окончившие юридического факультета, как Мамулов, воевали и умирали за свободу. И если теперь вы не найдете среди нас мюридов газавата, то найдете мюридов революции, которые поймут умирать за свободу, как шли те мюриды».

В апреле 1917 года в Грозном состоялся грандиозный съезд представителей Чечни, на который съехалось до 10000 человек. Руководящее участие в работе съезда принимали **Тапа Чермоев**, **Ахметхан Мутушев, Таштемир Эльдарханов, Дени Арсанов, Гойсумов, Курумов, Абдул-Вагап-Хаджи Аксайский** и др. Съезд выбрал делегатов на предстоящий Съезд Союза Объединенных Горцев Северного Кавказа. Сейчас же после этого состоялось совещание, посвященное практическим вопросам установления власти в Чечне, на котором был избран Чеченский Национальный Совет во главе с Мутушевым. Совет составлялся из крупных чеченских буржуа, землевладельцев и духовенства. (См. Х. Д. Ошаев. «Начало рев. Движения в Чечне»).

Скоро фактическим председателем Совета сделался Дени Арсанов — авторитет чеченского духовенства. Шейх Арсанов от имени Совета принимает все меры к тому, чтобы заключить невозможный без разрешения аграрного вопроса мир между

казаками и чеченцами. С этой миссией с группой делегатов от Надтеречного округа он едет на казачий Съезд в ст. Червленную, но переговоры не увенчаются успехом. С этой же целью в конце декабря 1917 года с своими мюридами в числе 35 человек он приезжает в Грозный, видимо, успокоить руководителей меньшевистско-эсэровского Совета Рабочих и Военных Депутатов Грозненского района Е. Богданова и Полюхова, которые очень жаловались на «беспорядочные грабежи и разбои чеченцев, деморализующих революционный фронт». Приезд в Грозный для Арсанова и его мюридов оказался трагическим: поголовно все мюриды во главе с Арсановым на уличных боях в Грозном были убиты.

В феврале 1918 года в Пятигорске состоялся Съезд народных представителей. Делегатом от Чечни на съезде был А. Шерипов. В это время Терско-Дагестанское Правительство во Владикавказе распалось и уступило свое место Терскому Народному Совету. ЦК союза объединенных горцев Северного Кавказа благополучно перекочевал в Тифлис, где и был окончательно похоронен ходом самих событий.

В 1918 году в сел. Урус-Мартане состоялся новый народный съезд Чечни, на котором выступил Тапа Чермоев с докладом «О текущем моменте», освистанный всем съездом за предательство близких лиц спасло Чермоева от избиения разволновавшейся толпою.

Урус-Мартановский съезд знаменателен тем, что он создал известный Атагинский Совет — Чеченский Меджилис, с местом пребывания в сел. Старые Атаги. Совет состоял, главным образом, из мулл, шейхов под председательством Мутушева. Видными членами Совета были: **Ибрагим Чуликов, Таштемир Эльдарханов, Гойсумов, Абдул-Вагап-Хаджи Аксайский, Юсуп-Хаджи Кошкельдынский, Белу-Хаджи, Бей-Султан Тагиров, ХуштикХамзатов** и др. Вследствие безуспешности гражданских и военных планов перед глухим сопротивлением реакционного

духовенства, имевшего большинство мандатов в Совете и недвусмысленно требовавшего себе полноты всей светской и духовной власти над Чечней, — Мутушев ушел в отставку, а левое крыло Совета во главе с Таштемиром Эльдархановым созвало съезд представителей аулов, который избрал Гойтинский Народный Совет. К этому времени из центра приехал тов. Шляпников, оказавший большую помощь организационно-политическому оформлению Гойтинского Совета поселилось в сел. Алды, где оно продолжало в контакте со всеми реакционными силами Чечни и казачества вести свою преступную работу против революции.

Революционные Гойты и Алхан-Юрт стягивали вокруг себя всю революционную чеченскую бедноту на плоскости под руководством АсланбекаШерипова и Н. Ф. Гикало и готовились к решительному удару.

Все это, конечно, знала белая армия и поэтому решила покончить с революционным штабом в Алхан-Юрте. В начале апреля 1919 года белые предпринимали общее наступление по всему фронту на Алхан-Юрт и на соседние аулы.

После трехдневной жаркой схватки артиллерийским огнем белая взяла Алхан-Юрт и подвергла его сожжению до основания. Этой же участи подверглись в той или иной мере и соседние аулы.

Десятки и сотни красных партизан чеченцев-бедняков погибли в Алхан-Юртовском бою. В память красных героев Алхан-Юртовских битв чеченская беднота воздвигла в Алхан-Юрте памятник.

Десятки оставшихся в живых красные партизаны ушли в Гойты и в горы и продолжали вести революционную работу. Многие из них впоследствии за самоотверженную революционную работу были награждены высшими советскими органами почетными революционными грамотами, а руководитель Алхан-Юртовского партизанского отряда тов. **Демильханов** был представлен к Ордену Красного Знамени, которым и был награжден ЦИК'ом СССР.

В это время асланбекШерипов в Шатое организовал чеченскую бедноту, укреплял ее союз с грозненским пролетариатом. «Город

Грозный не только политический и экономический центр, где сосредоточена главная часть Терского пролетариата... фактическая власть и направление политики Терской области всегда зависели и будут зависить от того соотношения и борьбы реальных сил, которые происходили и будут происходить в грозненском районе» — писал Асланбек еще в августе 18-го года. Ведя самую упорную и последовательную борьбу на два фронта, как против Деникина, так и против «продажных шейхов и мулл», о которых иначе не отзывался Асланбек, как этими словами, Асланбек использовал оппозиционность Узун-Хаджи к Деникину, в своей работе. Так, 29 августа 1919 года было предпринято общее наступление отряда Шерипова и Узун-Хаджи на тогдашнее белогвардейское гнездо — слободу Воздвиженскую. Белые были на голову разбиты. 117 солдат и 11 офицеров были захвачены в плен. Желая доказать свою непримиримость к Деникину, Узун-Хаджи предложил повесить всех офицеров. Желание было исполнено.

Но и удар по революции оказался слишком жестоким и тяжелым: чеченская беднота лишилась своего славного вождя — в Воздвиженском бою храбро сложил свою буйную голову молодой Асланбек.

II. Эмирство Узун-Хаджи. Наступил 1919 год. Престиж и влияние духовенства оказывают решающее действие на соотношение классовых сил внутри Чечни. В соседний Дагестан проникают из Азербайджана турецкие агенты, которые распространяют свое влияние через духовенство и на Чечню. Бешено развивается пан-исламистская агитация шейхов и мулл. Знамя шариата вербует все новых и новых приверженцев. Огромная масса мюридов, которых в одной только Чечне было до 70000 человек, стекается под это знамя. Былая оппозиционность духовенства Чечни к русскому царизму выдвигала его в авангард движения, как ореол национальной свободы в умах глубоко фанатичных чеченцев. Пан-исламистское движение достигает своего апогея.

Таким образом, вчерашние шейхи и муллы, люди по их заверению отрекшиеся от всей светсткой жизни во имя торжества шариата, сегодня превратились в первоклассных политиков пан-исламистского толка.

Именно в тот период, в июне 1919 года, выброшенный могучей революционной волной в Дагестане на берег шариатских изысканий, шейх Узун-Хаджи в сопровождении своих мюридов из Чечни, Ингушетии, Кабарды, Дагестана. Его поддерживают муссавагисты и грузинские меньшевики.

Движение Узун-Хаджи получило обще-кавказский цвет, а слобода Ведено превратилась в резиденцию пан-исламистской религиозно-освободительной борьбы горцев Северного Кавказа. Узун-Хаджи объявил войну Добровольческой армии и приступил к организации своих гражданских и военных сил.

В сентябре 1919 года в Ведено прибыл Иналук Арсанукаев. Арсанукаев сам был чеченец из дышнинского рода, дослуживший при царизме от простого переводчика до пристава. Рассказывают, что Иналук Арсанукаев, получив от дышне-веденского общества грамоту о том, что он, Арсанукаев, «уздень» (а чеченцы все считают себя узденями) поехал в Тифлис, заявился к одной грузинской княжне с этой грамотой, представив себя узденем-князем дышнинским, на которой, княжне, он впоследствии и женился. На этом основании Иналук Арсанукаев присвоил себе титул князя и вошел в состав великосветского общества Грузии, как полноправный князь.

Иналук Арсанукаев Дышнинский приехал к шейху Узун-Хаджи с мандатом (возможно сфабрикованным им самим, — ведь Арсанукаев сих дел большой мастер) от турецкого султана. Грамота советовала горцам организовать Северо-Кавказскоеэмирство под протекторатом турецкого султана БагауддинаXI.

Арсанукаев окончательно склонил Узун-Хаджи к необходимости создания такого рода шариатской монархии, объявив себя главной этой монархии.

В обстановке блестящей победы над белыми в воздвиженском бою и относительного укрепления своих позиций в Чечне, всеобщей симпатии и поддержки горского правительства из Темир-Хан-Шуры и грузинских меньшевиков и муссаватистов из Закавказья, которые весьма ловко заключили идейный блок с Узун-Хаджи, чтобы в его лице создать буферное государство между меньшевистским Закавказьем и большевистской Россией, — Узун-Хаджи торжественно от имени Аллаха известил дипломатический мир о создании Северо-Кавказского эмирства и объявлении себя эмиром.

ИналукуАрсанукаеву, назначеченному Узун-Хаджи великим визирем (премьер-министр) было поручено составление кабинета министров.

Арсанукаев выполнил задание и в своем дипломатическом сообщении грузинской республике раскрыл все карты: и политическую программу Северо-Кавказскогоэмирства, и его социальную природу, и недвусмысленную поддержку грузинскими «социалистами» нового эмирства, и личный состав нового кабинета и, наконец, свое не-авантюристическое лицо, которое говорит за то, что арсанукаев больше авантюристический пройдоха, чем серьезный политический деятель. Этот документ настолько интересен для наших читателей, что приведем его целиком.

«Председателю Совета министров Грузинской Республики». Вследствие указа Его Величества Эмира Северо-КавказскогоЭмирства от 29 сентября 1919 года за № 30, его величеством Имамом и Эмиром Шейх-Узун-Хаджи-Ханом я был назначен Великим Визирем (председатель совета министров) с поручением мне составления кабинета министров, каковой мною ныне составлен из следующих лиц:

1) Председатель Совета Министров, военно-юридической академии ротмистр **Махомет Киамиль Хан** (он же Иналук) Арсанукаев Дышнинский с портфелем министров: иностранных дел, морских, вакуфных дел и духовных имуществ и народного просвещения.

2) Министр юстиции полковник **Хаджи Магометбеков Эмир Заде**, с высшим образованием.

3) Министр двора Его Величества генерал-майор **Каим-Хаджи**, с высшим духовным образованием.

4) Министр внутренних дел генерал-майор **Хабала Бесленеев**, грамотен по-русски.

5) Военный министр генерал-майор **Шиты Истамулов**, неграмотен.

6) Министр земледелия и государственных имуществ генерал **Билал Шамилев**, грамотен по-русски.

7) Министр финансов, генерал-майор **Абдул-Азим Абдулаев**, коммерсант, грамотен по-русски и арабски.

8) Министр путей сообщения, почтой и телеграфов генерал-майор **Куси Байгиреев**.

9) Министр продовольствия, торговли и промышленности генерал-майор **Магомет Хамхов**, с духовным образованием.

Товарищи (заместитель) министров еще пока не назначены.

Об изложенном сообщая Вашему превосходительству, имею честь присовокупить, что цель его Величества и нынешнего правительства следующая: Прежде всего убедительнейше просить соседние наши державы — Грузинскую республику, в лице Вашего Превосходительства и Азербайджанскую республику, в лице председателя Совета Министров о признании Северо-Кавказского эмирства во главе с его Величеством Эмиром Шейх-Узун-Хаджи-Ханом; затем войти с нашим правительством в договорное союзное соглашение, оказывать нам по крайней мере в течение нескольких лет существенную помощь, имея в виду, что Северо-Кавказское Эмирство является авангардом Грузинской и Азербайджанской республик и что наша нынешняя борьба на этом основании имеет колоссальное значение не только для нас, но даже и для данных республик; Его Величество Эмир Северо-Кавказского Эмирства повелел снестись с Вашим Высокопревосходительством в настоящее время от его имени и от имени Его Превосходительства, так как

посылка сию же минуту особой делегации, в виду возобновления военных действий и отсутствия путей сообщения, хотя сильно желательна, но невозможна.

Задача моя и моего правительства бороться до последнего с реакционером Деникиным и его бандой. Я и мое правительство решили добиться полного самоопределения, если бы даже это стоило много жизней и неимоверного труда. Деникин и его приверженцы усиленно сулят нам федеративную самостоятельность, вербуя себе сторонников из нескольких плоскостных аулов, двух трех купцов и полуграмотных остатков мифической горской республики. В стране мусульманской деспотизма не может быть, в стране мусульманской не может быть республики, так как по существу нашей священной книги наличие халифата необходимо, ибо отрицание его — это есть отрицание пророка, а отрицание пророка это означило бы не что иное, как отрицание пророка это означило бы не что иное, как отрицание наличия Бога. Всякое суждение по поводу республики или конституции имею честь заверить Вашему Высокопревосходительству, это не что иное, как смута, так как эта идея среди истинных мусульман проведена быть не может.

Наш верховный вождь и мы не добиваемся автономии, не хотим мы республики и конституции, мы хотим тесным кругом обнять шариат, свободно исповедуя свою мусульманскую религию. Ваше Высокопревосходительство, религия мусульманская не так страшна, книги мусульманские не так суровы, как о них толкует Европа. Мы добиваемся шариатской монархии, однако, под названием шариатской монархии нельзя подразумевать тенденцию деспотического монаршеского Правления, а нужно рассматривать это слово, как наследие истинного толкования шариата. Мусульманская религия и законы мусульманские повелевают нам с уважением и нисхождением относиться к чужой религии, неотступно следуя за повелениями и наставлениями пророка, истинные мусульмане не причиняют никакого зла ни одному

из иноверцев. Всеобъемлющий шариат повелевает одинаково и справедливо рассматривать все явления земного шара, все справедливые наставления пророка указывают на то обстоятельство, что всякий истинный мусульманин неотступно должен находиться в дружбе и союзе со своим соседом, кто бы он ни был.

Европа, например, оспаривает право цивилизации у мусульман. Европа не без задней мысли превратно передает справедливое значение мусульманского учения, понятное дело, мусульмане в свою очередь, дабы противопоставить неумолимое превосходство всех законов Магомета, борятся с беспощадной Европой, борятся за свои права, за поруганную свою религию. Все вышеизложенные вопросы между нами мусульманами и христианским миром.

Я, лично, помимо всего изложенного, родственно связан с Грузией, считаю своим нравственным патриотическим долгом заверить перед Вашим Высокопревосходительством, что Его Величество Эмир Северо-Кавказского Эмирства и наше Правительство желаем в пределах возможных возможностей прочный дружеский союз с грузинской республикой, мы желаем идти рука в руку с правительством Вашего Превосходительства какого направления оно не было бы. Мы, безусловно, рассчитываем на такую взаимность со стороны Вашего Превосходительства.

Помимо всего этого, считаю необходимым сообщить Вашему Превосходительству о том, что как в Грузии, так и равно в Азербайджане и в Европе никаких представителей в лице делегатов, послов, комитетов, министров иностранных дел, корреспондентов, агентов и т. д. наше правительство не имело и не имеет, а поэтому всякие документы, предъявляемые такого сорта, после этого и лиц именующих себя таковыми, прошу считать фальшивыми документами и лиц самозваными, а также никаких денег, оружия и т. п. прошу на имя Северо-Кавказского Эмирства не отпускать, всякого рода абреки, террористы и т. д. в настоящее смутное время стараются извлечь путем нелегальным пользу.

За сим имею честь подчеркнуть и то обстоятельство, что командированные сюда в качестве добровольцев генерал Кересилидзе и др. покинули пределы Северо-Кавказского Эмирства, без всякого на то разрешения, как со стороны Эмира, а так равно с моей стороны, народ отнесся с недоверием и даже с неуважением к экспедиционному отряду Кересилидзе вследствие того, что генерал Кересилидзе, якобы не был командирован сюда Грузинской Республикой, а был прислан здесь неизвестным национальным комитетом и несуществующим в Грузии каким-то Меджелисом горских союзных народов.

Перед самым выездом сюда ген. Кересилидзе и др. чинам его отряда, я категорически заявил о том, что паника, вызванная их позорным бегством с чечен-аульского боя, отзовется на нашем будущем деле, на этом основании, гарантируя им полную безопасность, убедительно просил ген. **Кересилидзе** и др., чтобы они, ссылаясь на разные ложные и ни чем не закрепленные слухи, не покидали страны, и ген. Кересилидзе вопреки своему обещанию поехать на фронт 1-ой армии, как дознано впоследствии, прямо уехал в Грузию, оставшиеся после него г. г. **Карангозов, Гухарели, Кавчавадзе** и др. вопреки своему обещанию отправиться на фронт 5-ой армии для поддержания народного духа и духа Армии, оказывается, покинули страну.

Грузинский экспедиционный отряд увел отсюда массу обывательских и казенных лошадей. На границе Грузинской республики и Северо-Кавказскогоэмирства народ во главе с муллами обратился к отряду Карангозова с мольбой вернуться обратно, так как бегство грузин увеличит народную панику и дух во враждебной стране, но Карангозов категорически отказался и уехал.

При отступлении с чечен-аульского боя грузинские офицеры и нижние чины настолько потерялись, что растеряли свои оружия и патроны. В общем три агитатора Деникина сумели запугать

Грузинский Экспедиционный отряд, агитируя, что их, якобы, собираются выдать представителям Деникина.

Семья не без урода, допускаю, что могли быть сторонники Деникина, но никогда не допускаю того, чтобы гость, не говоря о том общеизвестном праве гостя, согласно существующих традиций, в пределах Северного Кавказа был бы когда-либо выдан врагу, или не защищаем, или обижаем.

Не безызвестно Вашему Превосходительству, что всякая трусость и робость, проявляемые не только со стороны мужчины на поле брани, но даже со стороны женщин, в пределах Северного Кавказа безгранично презираются.

Еще 8 лет тому назад, подчеркиваю для наглядности на телеграмму, посланную из Грозного на имя предводителя тифлисского дворянства князя Абхазии, представителями чеченского народа по поводу моего бракосочетания с грузинской княжной был получен следующий ответ: «**От души радуюсь сближению храбрейшего чеченского народа с Грузией, примите мою искреннюю благодарность, передайте тоже представителям Чечни. Предводитель дворянства князь Абхазии».**

По окончании реорганизации и установления в стране должного порядка, во всяком случае в ближайшем будущем, думаю, что буду иметь счастье говорить лично с Вашим Превосходительством и другими представителями Грузинского Правительства.

Свидетельствую Вашему Превосходительству, что его Величество Эмир, я и мои товарищи решили не слагать оружия до тех пор, пока в пределах Эмирства будет хоть один деникинец.

Прошу Ваше Превосходительство от имени его Величества, моего и моих товарищей и народов Северного Кавказа передать представителям Вашего Правительства об искреннем нашем желании и стремлении сплотиться с Вами до окончательного изгнания общего врага Деникина. При чем везде в стране чувствуется подъем духа вследствие реорганизации и приводимых

в исполнение программ правительства на благо грядущей свободы народной.

Подлинный подписал: Великий Визир и Главнокомандующий Войсками С.-К. Эмирства Фельдмаршал князь **Дышнинский-Арсанукаев**».

Так родилась бесславная монархия Узун-Хаджи и Дышнинского. Все было готово: и министры с портфелями, и множество генералов, полковников разных рангов и чинов, и сам император Узун-Хаджи и, наконец, европейский «блеск» и «цвет» империи творец ее Дышнинский. Каждое мифическое государство, входящее в состав Северо-КавказскогоЭмирства, имело свой монетный двор и выпускало бесконечное множество бумажных денег, за которые у горцев приобретали фураж и продовольствие для армии.

Слобода Шатой, резиденция Красного партизанского отряда и большевиков, было уязливое место Узун-Хаджинской империи. Не решаясь все еще открыто выступить против большевистских сил и, видя растущее влияние большевиков на чеченский народ и неустойчивость положения своего правительства, Дышнинский делает ряд грозных напоминаний большевикам в своей речи на экстренном заседании Совета министров от 27/XI1919 года: «Что касается большевистской, так называемой, Красной Армии, ее нахождение, как гостя в наших пределах Северо-Кавказского Эмирства, нахожу пока возможным, однако, при условии, если начальник Красной Армии Гикало найдет непременным условием свое полное подчинение правительству Северо-Кавказского Эмирства. В случае, если Гикало пожелал бы остаться на территории нашего Эмирства будучи свободным в своих действиях, что в этом случае, если Гикало пожелает подчиниться правительству Северо-Кавказского Эмирства, то тогда его и его армию считать нашими друзьями по очистке земли нашей от реакционеров. Тогда Гикало и его Армия рассматриваются, как остаток Советской власти, пришедшей нам на помощь. Гикало обязан подчиниться нам,

а в противном случае вопрос о безоружении Гикало и его армии останется открытым.

Пора уйти вам, пора вам и русский деспотизм и русский национализм. Всякий пришелец — нам дорогой гость, которого мы в силу нашей религии и традиции и так любим и уважаем; всякое вмешательство в наше правое дело посторонних лиц, еще не реабилитировавшихся перед народом в прошлом, мы не можем принять. Меня не страшит опасность извне, так как знаю, что внешний враг наш положительно обессилен, но хочется верить, что мы солидарны между собою, что люди, работавшие, якобы, за нас, на нашей земле, якобы, друзья наши, подчиняются нам, понимают нас, что они не лезут дальше той границы, которая может и непременно должна существовать между нами и этими нашими мнимыми друзьями.

Всякое правительство в наше время кладет свое начало на культурных началах, на началах общетерпимых без фундамента нельзя строить здание. Одна война, одно пролитие крови еще не дает нам права на самоопределение. Соседи наши смотрят на нас, как на авангард свой, прочие державы называют нас просто дикарями, а Деникин про нас говорит, что это мы банда. Иностранцы, находящиеся сейчас на нашей земле в качестве наших помощников, говорят нам о том, что они в союзе с шейхом Узун-Хаджи-Ханом. Они стараются непосредственно с ним говорить, ему подчиняться, но бывший когда-то шейх Узун-Хаджи, в настоящее время не только шейх, а он — монарх, он его Величество — Эмир Северного Кавказа, а наши гости, по причинам, по моему мнению весьма сомнительным, ни за что не хотят его признать за Эмира, а желают знать по прежнему, как всем доступного Узун-Хаджи, это вульгарно, фамильярно и тенденциозно.

Всякая неудовлетворительная пустая болтовня временного гостя нашего недоразвитого, тесного, только лишь с маской интеллигента, с маской, по правде сказать, украденной у настоящего ее владельца, о том, что он подчиняется Узун-Хаджи, это не что иное, как

нежелание видеть нас самостоятельными, а Узун-Хаджи монархом шариатской Северо-Кавказской монархии.

Где слышно, чтобы всякий лез к монарху, чтобы все исполняли исключительно и непосредственно указы или приказания только лишь одного монарха.

Командующий Красной Армией господин Гикалоприказом моим от 6-го ноября сего года был назначен командующим 5-ой армией, во-первых, как гость и, во-вторых, как наш соратник, с подчинением ему, Гикало, даже части наших войск, но в настоящее время вследствие отсутствия у него, Гикало, понимания наших целей и наших стремлений, а так как стремления Гикало мне совершенно чужды, нахожу необходимым его устранение, с назначением на его место другого. Копии настоящего протокола чрезвычайного заседания необходимо вручить г-ну Кахтанову, как ее необходимо послать и г-ну Гикало».

III. Вмешательство Великобритании. Самоотверженная борьба дагестанского народа в горах и на плоскости, особенно под г. г. Дербентом и Темир-Хан-Шурой, угрожающее положение в гор. Грозном, где в любой момент можно было ожидать восстания и все больше и больше усиливающееся влияние революционного Шатоя и узун-хаджинских сил в слободе Ведено, — весьма тревожили белогвардейцев.

При этом около Кизляра, в камышах, оперировал сильный партизанский отряд, угрожая самому Кизляру. Положение красного Дагестана укрепилось еще и тем, что Кавказский Краевой Комитет РКП (б) перебросил туда красноармейские силы и полит-руководителей с крупной материальной помощью. Если бы не Чечня, вечно беспокойная, а в данном случае, вдобавок, являющаяся прочным тылом и барьером на севере к Дагестану, Добровольческая армия, возможно, имела бы некоторые успехи. Отсюда — все озлобления и репрессивные меры против чеченцев. Однако, революционный триумф горской массы оказался сильнее зоологической ненависти белых «цивилизаторов» и никакие

репрессивные меры покорить окончательно непокорных горцев и примирить их с Деникиным не могли. Белым нужна была помощь и вмешательство извне. Но откуда же помощь? В долголетнюю, поистине самоотверженную борьбу за свободу маленького горского народа вмешалась Великобритания.

Вот «воззвание» представителя английской миссии при Деникине сэра Роландсона: «Объявление чеченскому народу от английской миссии».

«Я, представитель Английской миссии при генерале Деникине, полковник Роландсон, обращаюсь к представителям Ингушетии, Чечни и Дагестана и говорю: Правительство Англии поддерживает генерала Деникина и его цели. Цели генерала Деникина: уничтожение большевизма, возрождение великой неделимой России и широкое самоуправление Горских народов (?).

Не приходится доказывать, что Англия на Кавказе дралась не столько за «Единую Неделимую», сколько за нефть, хотя бы и «поделив» Россию. Кавказская нефть — лакомый кусочек, от которого текут слюны разных «Дитердингов» и поныне, и трогательная «дружба» Роландсона с Деникиным против горцев имела под собой эту нефтяную подоплеку.

Торг был прост: Деникин дает Англии нефтяную компенсацию, а Англия помогает Деникину подавить революционное движение горцев, «снаряжением, танками, аэропланами, пушками, пулеметами и будет помогать для исполнения Деникину его цели» и вдобавок, «Англия дала для этого своих инструкторов».

Очень характерна оценка Роландсона, данная им движению горцев, как «не национальное, а большевистское». Эту объективную оценку врага не мешало бы усвоить и некоторым нашим кавказским горе-историкам, которые в революционном движении горцев и в его социальной природе больше видят «газаватизм» и «горское гостеприимство», чем большевизм в своеобразном преломлении в мозаичной обстановке горских условий. Ведь и Владимир Ильич

Ленин в своем известном письме к коммунистам Кавказа писал: «Ваша задача, задача кавказских коммунистов, сводится не к тому, чтобы копировать нашу тактику, тактику русских большевиков, а сообразно с национальными особенностями ваших районов применять ее в жизнь».

IV. Силы внутренней контр-революции. Не зевала и внутренняя контр-революция Чечни. Пользуясь тем, что революционная часть народа вела неистовую борьбу с внешним, более сильным врагом — Добровольческой армией, внутренняя контр-революция вкупе с Деникиным организовывала свои силы и готовилась к решительной борьбе с революцией.

Таким образом родилась и агентура Деникина в Чечне, так называемый «Комитет по очищению Чечни от банд большевиков и Узун-Хаджи». В состав комитета вошли: председатель комитета — Ибрагим **Чуликов**, тов. председателя — Ахмет **Цутиев**, членами комитета: Ахмет-хан **Эльмурзаев**, Магома **Мациев**, Ахмет-Арса **Мирзоев**, Умар **Хамирзоев**, Эмби **Исламов**, Абдул-Азим **Мустафинов**, Касум **Баширов**, Абубакар **Мирзоев**, Эльмурза **Мациев** и Эши **Яндаров**.

Один социальный состав «комитетчиков» говорит сам по себе: все они крупные грозненские коммерсанты, домовладельцы, промышленники, во главе с выдающимся деятелем горской контр-революции буржуазным интеллигентом Ибрагимом Чуликовым. Растущие силы революции сильно нервировали контр-революцию.

На помощь ей пришло услужливое горское офицерство, которое предъявило ультиматум чеченскому народу следующего содержания: «Объявляю чеченскому народу: Начальником Грозненской Группы войск генералом Драценко предъявлены следующее требование и условия, при выполнении которых еще есть возможность спасти аулы от полного разорения и разрушения: 1) Если аул выдаст русских красноармейцев, большевиков, дезертиров, грузин, азербайджанцев, турок и других участников из отряда Узун-Хаджи, Гикало, Эльдарханова и прочих главарей и не сделает ни одного

выстрела по войскам Добровольческой армии, то такой аул не будет уничтожен. 2) По требованиям отрядов генерала Драценко, аулы должны давать проводников и охранять отряды Добровольческой Армии от стрельбы злоумышленников с тыла: если раздастся хотя один выстрел из ближайшего аула, то этот аул будет немедленно разрушен. 3) Аулы, которые не могут выполнить вышеозначенные условия, должны теперь же озаботить я выводом в безопасные места всех женщин и детей, так как никакой пощады никому сделано не будет. Еще раз предупреждаю, что если Вы сами своими средствами выгоните от себя банды Узун-Хаджи и выдадите большевиков, то этим спасете от разгрома свои аулы и имущество. Для объявления чеченскому народу этих непременных и обязательных условий, поставленных генералом Драценко, я посылаю представителя Чеченского Национального Совета Ибрагима Чуликова и представителя от Надтеречного участка Артиева. Правитель Чечни генерал от артиллерии **И. Алиев**. Помощник правителя Чечни по гражданской части полковник **Беймурзаев**. Помощник правителя Чечни по военной части полковник **Григорьев**.

Не по обычаям «горского гостеприимства», как это думают Гатуев («Империя Узун-Хаджи») и К[0], а по соображениям классового порядка: получить отобранные земли и национальное и социальное освобождение, которые явились основными лозунгами большевиков в национальных окраинах, — чеченская беднота наотрез отказалась выдать большевиков и красноармейцев.

Генерала Шатилова со своим отрядом, который принял наступление на революционные Гойты, где находились основные силы большевиков и красноармейцев, вопреки обычаям «горского гостеприимства», гойтинская беднота решительно выпроводила с пределов своих границ, а переговоры о выдаче большевиков и слушать не хотела. По этому поводу генерал **Шатилов** горько жаловался в своем воззвании «В аулы Алхан-Юрт, Гехи, Урус-Мартан, Атаги, Чечен-аул»:

Сегодня по приказанию начальства я предпринял наступление на аул Гойты для захвата скрывшихся там большевиков и для ликвидации там большевизма, в районе близком от частей Добровольческой армии. Наступление это велось с ведома и одобрения Горского Правительства, причем в нем должны были принять участие части Дагестана и Чеченских полков. Несмотря на предупреждения мои в некоторые аулы, что я вовсе не веду борьбу с чеченским народом, что я доказал тем, что проходил мимо попутных аулов и даже не оставлял никакой охраны, показывая им тем свое доверие, вместе с тем, имея под своей командой многочисленные части терских казаков и, зная обостренные отношения между чеченцами и терскими казаками, я не взял с собой ни одного терского казака. Однако, доверие мое оказалось ошибочным. Все окрестные аулы поднялись против меня и стали нападать на меня со всех сторон. Аул же Алхан-Юрт, который я мог снести с моего пути, напал на отдельных моих людей, шедших в тыл, ограбил их и убил. Все это показывает насколько чеченский народ не уяснил себе задачу Добровольческой армии, которая не ищет покорения народов, а цель бороться с большевизмом, если чеченский народ не одумается, и если сел. Гойты, северную часть которого я сегодня занял, не пришлет своих представителей для принятия моих условий по выдаче большевиков и других, то буду принужден действовать уже не так слабо, как сегодня, а беспощадно карать всякое сопротивление мне. Сегодняшний день я выеду в Грозный, где буду ждать немедленного прибытия представителей от аулов».

Шатилов, действительно, выехал в Грозный, но делегатов так и не дождался. Грозный приказ генерала Шатилова остался «гласом вопиющего в пустыне».

8-го марта белогвардейский отряд под командованием того же генерала Шатилова занял передовые окопы селения Гойты, завязался упорный и продолжительный бой. Красноармейцы и чеченцы бок о бок жестоко отбивали атаки белых. Кто не видел

этой жуткой, но весьма поучительной в истории картины: горец, все еще находящийся в плену шариатских вожделений под руководством грозненского пролетария, одетого в шинели, с красным знаменем революции в руках, плохо вооруженный, храбро бросался в неприятельское кольцо и мужественно умирал за свободу. Правильная политическая ориентация в борьбе, руководимой красноармейцами и большевиками, заменяла собою фаталистический лозунг — «газават» (священная война мусульман).

Это был не «газават», а революционный героизм самоосвобождающегося народа. На помощь гойтинцам прибыли чеченцы из соседних селений и после жаркой схватки казаки с большим уроном для себя и, оставив гойтинцам 2 пулемета, смылись восвояси.

Ибрагим Чуликов в «головокружении от успехов» большевистских сил в Чечне и постоянно толкаемый на это Деникиным, принимает решительные меры по вооружению контр-революции.

Он организовывает большой отряд из среды чеченской буржуазии, кулаков и отдельных преступных и несознательных элементов и предпринимает грандиозную военную экспедицию по всей плоскостной Чечне, чтобы покорить непокорный народ. Совместно с казаками он разрушает и подвергает сожжению дотла наиболее революционные аулы по линии железной дороги: Гудермес, Исти-Су, Энгель-Юрт, Герзель-Аул, Хама-Юрт, Шама-Юрт, Чечен-Аул, Устар-Гордой и др.

Весь революционный элемент этих и соседних селений эвакуируется в горы. Чуликовская контр-революция торжествует победу. Белогвардейская газета «Призыв» от 15-го декабря 1919 года под крупным аншлагом: «Ибрагим Чуликов» сообщает содержание приветственных телеграмм Чуликову от генералов Эрдели, Драценко и Деникина. Вот содержание: «Председателем Чеченского Национального Совета Ибр. Чуликовым

от главнокомандующего Северного Кавказа ген. Эрдели получена телеграмма:

«Получив вашу телеграмму о настроении чеченского народа в связи с взятием аула Шали, представляю ее главнокомандующему. С своей стороны счастлив видеть, что чеченский народ уяснил себе, где в настоящей борьбе право, справедливость и начало здоровой государственности и собственными силами успешно ликвидирует навязанное ему авантюристическое движение (?). Прошу принять мою благодарность за вашу плодотворную работу (читай: контр-революционную. А. А.) в святом деле направления чеченского народа по пути порядка, законности и приверженности к Единой России. **Эрдели**».

«От Главнокомандующего вооруженными силами на Юге России генерала Деникина Штабом войск Южного района получена для председателя Чеченского Национального Совета Ибр. Чуликова следующая телеграмма.

«Передайте председателю Чеченского Национального Совета и чеченскому народу мою благодарность за участие, принятое ими в совместной борьбе с нашими частями против насильников — большевиков, узун-хаджинцев. Уверен в том, что чеченский народ более не потерпит на своей территории изменников и предателей родины и окончательно уничтожит большевистское гнездо, водворив в Чечне спокойную мирную жизнь. **Деникин**».

«Телеграмма препровождена Ибрагиму Чуликову Главнокомандующим письмом начальника войск Южного района генерала Драценко. Председателю Чеченского Национального Совета Ибр. Чуликову. Препровождая телеграмму генерала Деникина, в которой выражена благодарность Вам и Вашему народу, от себя прибавляю, что прямолинейная и честная работа, во главе которой стояли Вы и, вероятно, впредь будете ее продолжать, естественно, приведет к таким результатам, кои дадут полное удовлетворенье обоим сторонам.

Начальник войск Южной группы Северного Кавказа генерального штаба генерал-майор **Драценко**», — так продавал интересы чеченского народа российской контр-революции вождь чеченской контр-революции Ибрагим Чуликов.

Более того: Чуликов, Алиев и прочие «дипломаты» от имени, якобы, чеченского народа заключили мифический мир с Деникиным с обязательными условиями о выдаче всех большевиков и красноармейцев, выплате контрибуции и мобилизации.

Совещание, созванное Чуликовым и Алиевым от 20-го марта 1919 года по вопросу о выполнении ультиматума, предъявленного Белой армией, постановляет:

«1) Признать власть главнокомандующего вооруженными силами Юго-России ген. Деникина.

2) Не признавать никакого другого правительства и не допускать в пределах Чечни иных представителей власти, кроме утвержденного ген. Деникиным.

3) Выразить сожаление по поводу происшедших столкновений и выполнить условия, предъявленные главнокомандующим.

4) Принять меры к немедленному прекращению военных действий и по установлению мирной жизни, изгнать большевиков и агитаторов, возбуждающих народ против Добрармии.

5) Немедленно выставить всадников для оформления чеченской дивизии, которая будет содержаться за счет казны».

Но условия эти оказались принятыми агентурой Деникина в Чечне чуликовыми и, естественно, они остались на бумаге за подписями Алиева и Чуликова, как исторический документ наглого предательства «своими» верхами чеченского народа.

Все это весьма резко усиливало классовую дифференциацию внутри Чечни. Уже наметились три непримиримых социальных групп классовой борьбы в Чечне под разными лозунгами, идеями программами. Во-первых, буржуазно-националистическая верхушка, мечтавшая о горской национальной республике со ставкой на контр-революционное Дагестанское правительство в Темир-Хан-Шуре

(вожди этого крыла: Чуликов, Алиев, Чермоев). Во-вторых, панисламистское духовенство с надеждой на вмешательство Турции со ставкой на Оттоманскую империю Турецкого султана Багауддина XI (Узун-Хаджи и Дышнинский); и, наконец, в третьих, чеченская беднота, добивавшаяся национального и социального освобождения под руководством грозненского пролетариата за Советскую власть. (Н. Ф. Гиткало и покойный А. Шерипов). Внешняя обстановка (горская) к этому времени была такова, что еще июньское восстание ингушей против Белой армии потерпело жестокое поражение, от которого они не вылечились и теперь, Дагестан все еще находился под властью Горского Правительства в Темир-Хан-Шуре, Грузией и Азербайджаном управляли меньшевики и муссоватисты а по Терской линии шла усиленная мобилизация контр-революционных казачьих сил не только терских, но и донских и кубанских, которые прибыли сюда на подмогу утопающему казачьему кораблю.

V. Силы революции. Красный партизанский отряд тов. Гикало начал свое существование с небольшой горстью в 40 человек и к концу 1919-го года возросся до 400 человек. Глубокая вера в победу своего класса, пролетарская решимость и героизм борьбе, крепкий союз с чеченской беднотой, талантливое и большевистское руководство в лице своего организатора, командира и вождя — Гикало, — создали из скромной группы отважных бойцов — мощный революционный фактор, который имел решающее влияние на окончательную победу пролетарской революции не только в Чечне, но и на всем Северном Кавказе. Отряд находился в слободе Воздвиженской, а слобода Шатой оставалась надежным тылом, где были сосредоточены все средства материального обеспечения отряда, которыми отряд снабжало население окружающих аулов. Все-таки материальное положение отряда было тяжелое. С начала января 1920 года отряд уже имеет регулярную связь с Кавказским Краевым Комитетом партии и XI армией, от которых получает материальную помощь. Росло и влияние отряда на движение

в Чечне. приказом Кавказского Краевого Комитета партии и XI Армии, все действующие в бывш. Терской области партизанские отряды объединяются и создается Штаб Терских Красных Повстанческих войск. Командующим штабом назначается Гикало. Создается особо Политический отдел при Штабе. Широко разворачивается политическая работа не только в действующих отрядах, но и среди населения. В начале 1920 года в Чечне создается массовобедняцко-революционная организация — революционные ячейки. Рев. Ячейки имели свой устав-программу (см. приложение). В гойтах под руководством Штаба групп (войск) находился Чеченский красный партизанский отряд, а между слободой Шатой и «камышинцами» действовал специальный чеченский красный партизанский отряд, через который Штаб Гикало регулярно получал директивы и средства от Штаба Армии. Влияние красного отряда на чеченскую бедноту и средняков росло быстро и все революционные элементы страны стекались к нему. Князь Дышнинский выходил вон из кожи, чтобы удержать массу «за Великой Империей», но безуспешно: она глубоко разочаровалась в блеске и цвете шариатской монархии не потому, что перестала верить религии аллаху, а потому, что убедилась в продажности шейхов и мулл и их бессилии для решительной борьбы с белыми. Таким образом, слобода Воздвиженка сделалась боевым революционным центром Чечни. Все это видели и не могли терпеть добровольцы. Добровольческая армия и внутренняя контр-революция решили раз и авсегда покончить с Штабом Красных войск и революционной Воздвиженкой. 30-го января 1920 года с ним свидание для разрешения «весьма важных государственных проблем». Было ясно, что официальная ловушка господина Чуликова была просто шахматным ходом к подготавливающейся открытой борьбе против гикаловского отряда, рассчитанный на демонстрацию перед общественным мнением «миролюбия» Доброармии и чеченской контр-революции, добивающихся «мирного» разрешения неразрешимых проблем. Отряд отказался

от компромиссов с врагами. На рассвете утром 31-го января конные части Доброармии предприняли грандиозное наступление на слободу Воздвиженскую. Первая атака белых была красными успешно отбита, но через пол-часа крупные пехотные части окружили Воздвиженку. В суровую январьскую стужу, все еще плохо вооруженный Красный отряд в 400 человек против 6.000 белогвардейцев в течение 8 часов ел упорную оборонительную бойню. Обильно лился свинцовый дождь. В пороховом дыму Белой артиллерии стойко держался маленький красный отряд. Храбро умирали за свободу сыны революции — красные гикаловцы. 27 убитых и 30 раненных — таковы жертвы отряда. Но жертвы Белой армии оказались внушительными: 1000 человек убитыми и раненными вышли из строя. Когда в тисках белых отчаянно бился красный отряд войска Северо-Кавказского Эмирства находились в Дуба-Юрте. Военный министр Дышнинский, который президенту Грузинской Республики в своем послании обещал бороться против декицев до последней капли крови, спокойно смотрел до последней капли, крови, спокойно смотрел на развивающиеся события. Товарищи Махмуд Хамзатов и Ноума Тукаев поехали к Дышнинскому в Дуба-Юрт с требованием, чтобы войска эмирские вышли на помощь Красному отряду. После энергичной агитации Хамзатова, Мазлака Ушаева и Тукаева среди войск и населения и под давлением самих бойцов, требовавших оказания помощи Красному отряду и предпринятия наступления на белых, Дышнинский, наконец, согласился, двинуться на помощь к Воздвиженке. Пока цивилизованный опека узун-хаджинского эмирства — Дышнинский служил молитву аллаху, белые добавили красных. Это было на пути к Воздвиженке, когда Дышнинский предложил своим бойцам выполнить молитвенный церемониал, явно рассчитанный на оттяжку времени. Однако, рядовые бойцы войск Дышнинского, не дожидаясь окончания молебствия, прорвали фронт белых и открыли отряду путь для отступления в горы. Отряд эвакуировался в Шатой. Уехал с отрядом и Дышнинский. В Шатое

Дышнинский самим населением при помощи красноармейцев был обезоружен и арестован за предательство, но скоро отпустили при известных условиях. Вождь религиозно-освободительного движения Чечни Узун-Хаджи сделался саботажником революции, а «фельдмаршал князь Дышнинский» показал свое авантюристическое лицо. Освободительное Ведено безвозвратно пало.

Мы сильны, мы победим! Таким образом, 31 января лучшие отборные части генерала Деникина были к слободе Воздвиженской, где в это время находился отряд тов. Гикало. Произошел бой, длившийся несколько часов. К вечеру партизаны отступили в Шатой. Белые распространили слух о том, что все партизаны уничтожены. Письмо тов. Гикало, написанное им спустя несколько дней после боя, представляет собой интересный исторический документ, говорящий не только о том, что отряд вышел из Воздвиженского боя сильным, окрепшим, но что он готов вновь выступить на борьбу за власть Советов.

«Селение Атаги, тов. Никитину». Ваше письмо получили и очень рады, что вы не падаете духом после боя в Воздвиженской. Наши потери не велики: 27 убитых и столько же раненных. Отряд в боевом, политическом, а также в каком угодно отношении не изменился, даже стал лучше. Доказательством того, что мы сильны и наше положение упрочилось, является то, что мы при отходе в горы (Шатой) вернули все оружие, взятое у нас. Народ в своем большинстве (беднота) за нас; сейчас идет у нас период реорганизации отряда и т. д. как только ы окончим подготовительную работу, мы вновь выступим. Вообще бой в Воздвиженской не только не расшатал нас, а наоборот, укрепил. С Кизлярским районом все время связь есть, по эту сторону Кизляра. На Кумычане находится наш отряд в 700 человек, вооруженных пулеметами и с запасом патронов. На-днях установится связь со штабом красного корпуса, действующего в кизлярском направлении, ожидаем оттуда средств и т. д. Получено уже на-днях немного литературы. С ингушетией

связь все время, из Тифлиса, от Кав. Кр. комитета партии, на-днях ожидаем далегатов; также со средствами; из Дагестана далегаты наши конные уже выехали. В общем работа с каждым днем увеличивается, надо скоро ожидать, что организация в тылу Добровольческой Армии будет и сильная. Правда, благодаря отступлению из Воздвиженской у нас финансовая сторона немного не в порядке, но думаю, что все наладится на-днях. Глубокая наша благодарность вам за медикаменты и сведения. Высылаю вам только десять (10.000) тысяч руб. Больше сейчас выслать не могу, потому что отсутствуют финансы; как только получим — сейчас же вышлем. Всю свою работу пожертвуйте в сторону организации масс и солдат для того, чтобы выступление, когда потребуется, было бы успешнее. Трудно вам на первых порах приходится работать, но это недолго. Держитесь, организуйтесь и верьте — наша победа недалека: Постарайтесь два раза в неделю информировать нас о ходе работы (успехах и неуспехах), о положении на фронтах и высылайте газеты. Партийность и дисциплина, организованность и революционное всегда являются залогом победы. Привет вам всем от товарище и пожелания успеха! С товарищеским приветом. ***Н. Гикало***

Воспоминания старых красных партизан.

Хачукаев Абу. 16 против полка. В 1919 году над Грозным нависли черные тучи. Реакция белых давала себя чувствовать. Каждый день в контр-разведке расстреливались лучшие сыны Чечни. Красноармейцы и красные партизаны, успевшие сбежать от дикого разгула белогвардейцев, скрывались по Чечне. Между аулами и селениями была налажена хорошая связь. Почти каждый день в Гойты приезжали вооруженные отряды белогвардейцев и требовали выдать всех красноармейцев и командиров, которые у нас скрывались. Красные партизаны гойтинцы чистили винтовки и револьверы, точили клинки, чтобы дать отпор, если появятся отряды белогвардейцев. И они появились. Они пришли незаметно, на рассвете, когда свирепствовала буря и снег засыпал глаза. Я в то

время жил на хуторе, в одной версте которых скрывались 14 красноармейцев и в том числе командир полка. Эй, ты чечен! — закричал какой-то военный, весь увешанный медалями, — выдавай своих большевиков! Да помилуйте, — ответил я, — какие у нас большевики могут быть? Мой ответ не мог, конечно, убедить его, и белогвардейцы решили начать обыск. Видя это, я помчался домой и предупредил скрывавшихся красноармейев. — Даем десять минут сроку, — сказал командующий белогвардейским отрядом: — выдайте всех большевиков. Командир белых вынул часы и стал следить, как двигается секундная стрелка. Мы стали подле него. Каждая секунда казалась для нас вечностью. А между тем, пулеметчик приготовлял пулемет, направляя его дуло на наши дома. Нужно было на что-нибудь решиться, но нас было так мало, что никто не смел сделать первый удар. Не то было в ауле. Гойтинцы встретили белых залпами. Первые выстрелы прозвучали для нас сигналом. Мой отец стоящий рядом со мною, ни слова не говоря, подошел к полковнику и ударил его так, что тот упал. Два моих брата сбили с ног пулеметчика и уселись за пулемет. Мы первым открыли стрельбу по белым. Это их так ошеломило, что они в первые минуты растерялись. Но силы были слишком неравными. Мы группа в 16 человек, не могли, конечно, справиться с белыми. Пришлось отступать в лес, волоча за собой пулемет. Пули одного за другим сбивали наших бойцов. Живыми в лес из 16 человек дошло только 3, зато красноармейцы успели убежать. За нас отомстили гойтинцы. Целый день шел бой. Несколько раз белые ходили в атаку, но всегда получали достойный отпор. Не мало оружия и патронов досталось красным партизанам. Это оружие нам пригодилось для дальнейшей помощи грозненским рабочими в их борьбе с белыми. ***Чагаев Ахмат.***

В поисках Асланбека. Беднота Чечни принимала активное участие в героической борьбе грозненского пролетариата с белыми. В 1919 году, когда в Грозном торжествовала контр-разведка, многие работники ушли в подполье. Значительное количество

красноармейцев и красных партизан скрывались в аулах Чечни. Больше всего красноармейцев и красных партизан было в Гойтах.

Между Гойтами и грозненским подпольем была налажена хорошая связь. Я был одним из связанных, и в мои задачи входило, приезжая в Грозный, сообщать о положении в области. Асланбек Шерипов находился тогда в Грозном. Здесь обсуждался лан выступления против белых. Деникинская контр-разведка пронюхала, что Шерипов находится в городе и решила во что бы то ни стало его поймать. Мне и еще двум красным партизанам было поручен пробраться в Грозный и спасти Шерипова. Поздно ночью мы выехали. Ехали очень медленно. Все время держали в руках револьверы. Каждая встреча с разъездом белых грозила смерть. На утро мы прибыли в город и у одного знакомого оставили тачанку. Шерипов жив нескольких местах, и, несмотря на усиленные поиски, мы в этот день его не нашли. На ночь нас приютил русский рабочий Лозоватский. Усталые от поисков, мы как убитые, заснули. Под подушкой у каждого лежало оружие, чтобы в момент нападения дать отпор. Часа в два ночи я услышал чьи то шаги. Молча открыв глаза, я увидел, что в комнату вошли офицер и два солдата. «Все пропало», решил я. Офицер оставил одного солдата и вышел во двор. Я притворился спящим и выжидал, что будет дальше. А на дворе было полно солдат. Вы небойтесь, — тихо прошептала, подошедшая к нам дочь Лозоватского, Галя: — я не дам вас в обиду. — В ее руках я увидел две бомбы. — Притворяйтесь спящими, — закончила она, — а когда нужно будет — я пущу эти бомбы в ход. Нас офицер не тронул, а Лозоватского в эту ночь забрали, и через несколько дней он был расстрелян контр-разведкой. На утро, когда мы, наконец, нашли квартиру Шерипова, выяснилось, что он успел выехать этой же ночью. Мы план выступления чеченский бедноты в помощь грозненскому пролетариату. Чеченская беднота записала немала славных страниц в историю героической борьбы с белыми. Теперь мы празднуем десятичное освобождения Чечни от контр-

революции. Историю нашей борьбы должно знать подрастающее поколение.

VI. Победа революции. Укрепление революционных позиций шло на всех парах. Классовая борьба внутри Чечни приняла самые острые формы: «утопающее хваталось за соломинку». Турецкие агенты с Дагестана были выгнаны. Панисламисткое движение шейха Чечни Узун-Хаджи и **шейха Али Акушинского** в Дагестане окончательно потерпело поражение. Красный Дагестан успешно боролся за Советскую Власть. В марте белые получили, на этот раз смертельное, ранение: Красная Армия заняла города Темир-Хан-Шуру, Петровск, Дербент и соединилась с XI армией. Март 1920 года дает небывалый революционный подъем и во всех других соседних национальных областях: в Ингушии, Осетии, Кабарде, Карачае. Ночью 17-го марта 1920 года конные части Штаба Красных Повстанческих войск заняли город Грозный. Революция в Чечне победила!

К некоторым вопросам истории Чечни. (Статья была напечатана в журнале «Революция и горец», № 9, 1929 г.). «Отказавшись от наукообразного обзора преданий о происхождении чеченцев», Гатуев углубился в теоретические дебри «наукообразного обзора» социальной природы Чечни, скорее всего из первого, — это и в его пользу и история простит, — но известно, что, углубившись в эти дебри, он так и не мог выбраться оттуда, о чем сигнализирует его последнее выступление.

Гатуев утверждает: «Русская гражданственность, убив в зародыше национальное движение горцев (речь идет о покорении Кавказа, А. А.), национальную революцию, вернула их в первобытность и усилила родовые группировки в Чечне и первоначальную тенденцию родов к мощи и авторитету» (Гатуев, «Зелимхан». Стр. 13). Оказывается, царизм кровью железом покорял Чечню, чтобы «вернуть ее в первобытность», а не для того, чтобы она стала объектом царских грабежей и заразить ее чумой

капитализма и его новыми веяниями. Может быть колониальные державы (а Россия, несомненно, была колониальной державой на Востоке) только тем и занимаются, что «превращают» свои колонии в «первобытность».

Однако, таких примеров, к несчастью автора, история не знает. Поэтому утверждать, что покорение Чечни означало ее превращение в «первобытность», а не ускорение социальной дифференциации внутри ее — значит заниматься всем, чем угодно, но отнюдь не марксистским анализом экономики Чечни.

Бальшин в своем весьма ценном труде «Социально-экономическое состояние Нагорной Чечни» по тому же поводу пишет: «Социальная дифференциация в Нагорной Чечне развилась и развивается в результате двух социально-экономических процессов, каковые в конечном итоге вырабатывают в якобы однородной массе горцев, среди которых, мол, все равны, два различных эксплуататорских слоя. Во-первых, на процесс товарообмена между горами и плоскостью и на параллельном процессе обмена между городом и горской деревней образовался слой торговцев. Во-вторых, в результате развивающегося процесса внутриаульного расслоения в горской деревне складываются два полюса: на одном идет пролетаризация, а на другом концентрация средства сельско-хозяйственного производства, в результате которой складывается своеобразный кулацкий слой... Несомненно, что весь этот процесс значительно ускорился в своем развитии благодаря русскому завоеванию и влиянию русского капитализма. Завоевание и создание в горах русской власти создали общественно-политические и бытовые условия, благоприятствующие торговле, а появление на Сев. Кавказе русского капитализма обусловило проникновение в примитивную экономику Нагорной Чечни более развитых форм капиталистических отношений». (А. Бальшин, названный труд из сб. «Абреки», стр. 99—100). Заметим только, что речь у Бальшина идет о Нагорной Чечне, которая считалась незыблемой твердыней классического родового строя. Все

эти суждения еще в большей степени относятся и к плоскостной Чечне.

Так как вышеописанный процесс внутриаульного расслоения, о котором Бальшин говорит, что он только усилился (а не возник) благодаря русскому завоеванию, для Гатуева не существует, он допускает: «К моменту „замирения“ Чечни русскими в ней было до 56 фамилий (т. е. родов или „тейп“ в чеченской действительности, А. А.), спаянных каждая единством экономических интересов (?), породивших общность исторических переживаний» («Зелимхан», стр. 8).

То же самое, что Гатуев утверждает о Чечне конца XIX столетия («замирение» относится к 60 годам XIX ст.) крупнейший представитель марксистской исторической мысли академик М. Н. Покровский пишет о Чечне конца XVIII столетия. Вот что он пишет: «Чечня конца XVIII столетия страна до-феодальная, патриархально-родовой демократии; земля принадлежала не отдельным лицам, а родам». (М. Покровский «Дипломатия и войны царской России в XIX в., стр. 200). Эту совершенно правильную марксистскую формулу об определенном этапе исторического развития Чечни Гатуев приписал механически к другому, исторически самостоятельному периоду ее развития.

О раннем же периоде развития Чечни известный исследователь кавказских народностей проф. Н. Яковлев пишет: «Род чисто-местного обмена должен был развиваться в Чечне с самых ранних времен. Если Чечня до известной степени, в силу своего положения и была отсталой страной, то все же следует признать, что она понемногу втягивалась в развитие торговых отношений. («Вопросы изучения чеченцев и ингушей», Н. Яковлев, стр. 14).

Таким образом, бесплодная фантазия о «фамилиях», спаянных единством экономических интересов», породила не-«спаянные» марксистским обоснованием при гатуевском анализе положения вещей.

Однако, Гатуев неумолим. Он продолжает «исследовать» Чечню. «Связанные с войной и революцией возвращение к натуральному хозяйству, уничтожение первых ростков торгового капитала граж. Войной именно в Чечне усилил родовой строй» — вещает Гатуев (5 стр.). Конечно, верно, что всякая война и революция на время парализует хозяйственную систему страны, придает хозяйственному организму «натуральную форму», так как торгово-хозяйственные процессы в силу общеполитических причин и военных условий жизни приостанавливаются или почти сводятся на нет. Это — явление общее для всех стран, но оно же временное, переходящее, эпизодическое, а не историческое и тем более не повторение старого экономического цикла развития вновь. Гатуев именно и говорит о реставрации родового быта в Чечне в этом смысле, не давая понять, что он подразумевает под родовым бытом, целиком принимая эту формулу к современной Чечне. Точно так же, как завоевание Кавказа, в частности Чечни, означало по Гатуеву возвращение ее в «первобытность», война и великая революция 1917—20 г. г. означали возвращение Чечни к ее старым общественным формам — «родовому строю». Вышецитированный Бальшин пишет: «С революцией и гражданской войной процесс этот (т. е. торговый процесс, А. А.) потерял свою резкость и как бы стушевался» (там же стр. 100—101). Вместе с тем, даже в Нагорной Чечне, усиливалась социальная дифференциация, где «скопление земли в руках окулачивающихся хозяйств становится понемногу все сильнее. В некоторых аулах почти половина земли бедноты в ростовщическом залоге за долги. Весьма резко усиливали описываемый процесс виртуального расслоения два момента: во-первых, гражданская война, во-вторых, голодный год». (Бальшин, указанный труд, стр. 105).

«Русская гражданственность, убив в зародыше национальное движение горцев, усилила родовые группировки в Чечне» — говорит Гатуев о покорении Чечни в 1859 году. «Связанное с войной и революцией возвращение к натуральному хозяйству именно

в Чечне усилило родовой строй» — перефразирует он свой старый тезис о Чечне 1917—20 годов.

Прошло целое столетие, а «родовой строй» не только живет и не расслаивается, но и даже с каждым социальным поворотом он «прогрессируется», по крайней мере, в представлении Гатуева. Причем, по Гатуеву и грабительская война царизма против освободительной борьбы горцев в прошлом столетии и великая революция в начале нынешнего столетия совершенно идентично повлияли «на родовой строй Чечни», возвращая ее каждый раз к «первобытности» вместо того, чтобы эти события гигантской исторической значимости в развитии Чечни ускорили е внутреннюю классовую дифференциацию.

Итак, «ростки торгового капитала» не были уничтожены и процесс этот только потерял «резкость», военные и революционные причины не возвращали Чечню к «родовому быту», а усиливали весьма резко классовое расслоение в ней. При этом ни в коем случае нельзя отождествлять влияние Кавказской войны и войны и революции 1917—20 г. г., не говоря уже о разных эпохах, в которых развертывались эти события, но и потому, что события эти глубоко различны по своему социальному содержанию и различно повлияли на развитие Чечни.

Пусть теперь не удивляется читатель, что «первое знакомство с бытом современной Чечни поражает крепостью уз» (стр. 5), так как для Гатуева социальная дифференциация в Чечне не существует. В Чечне но только родовой строй, но его «крепость» даже «поражает», т. е. если это перевести на язык людей, это значит — что нет классовой борьбы, ибо нет самих классов, а есть только сплошной родовой строй, к какому выводу пришел Ошаев, то увидим ниже, управлять государством может всякий чеченец, ибо все они равны — представители «поражающего своей крепостью родового строя», вопрос о втягивании Чечни в общесоциалистическую орбиту может решаться и отрицательно, ибо родовой строй не совместим с «системой советской власти», как

это утверждал в отношении Казакстана проф. Кушнер (см. «Большевик» № 6, 1928 г.). Такова логика гатуевских рассуждений, если довести ее до конца. Теоретическая ошибочность и политическая вредность подобных суждений очевидны. Экономическая действительности повседневная и повседневная практика классовой борьбы в чеченской деревне целиком опровергают их. Мы являемся свидетелями ряда террористических актов кулачества-духовенства Чечни против представителей партии и Советской власти в деревне за последнее время и это в Чечне, которая «поражает крепостью родовых уз» где все «ниже травы, тише воды». Конечно, было бы политическим типоумием утверждать, что в Чечне сильных родовых отношений нет, что не существует родовая борьба сегодняшней чеченской деревни подчиняется классовой борьбе, характерным и доминирующим видом борьбы чеченской деревни является борьба не родовая, а классовая и что родовая борьба сплошь и рядом имеет под собой классовую подоплеку.

Если Гатуев в анализе социальной природы Чечни вращался вокруг да около «Чеч. Октября», то Халид Ошаев целиком вошел в него, но увы, вооружившись недиалектическими и насквозь метафизическими методами гатуевского рода «исследования». Недавно в издании Чеч. ОДН вышел его маленький «Очерк начала революционного движения в Чечне» (всего 26 стр.), заключающий в себе большие ошибки. Рассмотрим основные положения автора.

«В обстановке отсутствия даже зачатков феодализма, на который царское правительство могло сделать ставку, при наличии родового строя, вырабатывавшего из каждого члена родовой общины — война — Чечня являлась постоянной угрозой миру и спокойствию в покоренных и покоряемых частях Северного Кавказа», — так начинает автор свой «Очерк начала революционного движения в Чечне». Не было «зачатков феодализма», родовой строй «вырабатывал из каждого своего члена воина» — вот весь классовый анализ социальных групп в Чечне накануне революции 1917 г. Хотя

в других автор описывает факты наличия в Чечне разных социальных групп с диаметрально противоположными интересами (ведь факты — упрямая вещь), но лейт-мотивом ошаевского классового анализа остается вышеприведенный тезис. Неудивительно, что подобное воззрение автора на, якобы, сплошной родовой строй, где все равны порождает у него неправильные выводы о решающих моментах классовой борьбы, и, увы, и о классовой борьбе, как факте в Чечне в 1917-18-19-20 г. г.

Во-первых, совершенно неверно, что в Чечне не было вообще зачатков феодализма, тем более, что через странички читатель узнает: «зелимхановская эпопея кончилась от руки искусственно-насажденного царизмом феодализма, — опоры царской власти в Чечне — Борщикова» (стр. 7). Не знаем чем отличается искусственный феодализм от «естественного», как социальный фактор в борьбе и экономический поработитель крестьян, но помнится, что борщиковский, дубаевский, турловский и пр. феодализм в момент решающих революционных битв в Чечне показал вполне «естественным» арсеналом чеченской контр-революции. Во-вторых, предоктябрьская Чечня, не только «тейповая», но и классовая. «Вырабатывались» не только «воины родовых общин», но и классовых группировок. Случайно ли, что выдающийсяорганизатор бедноты А. Шерипов и крупнейший контр-революционер Кавказа Т. Чермоев вышли именно из Чечни.

Мы можем установить из анализа следующие бесспорные факты о классовом расслоении в Чечне к кануну Октября.

1. Быстрое расслоение чеченской деревни, образование целого слоя кулаков крупных землевладельцев, барановодов и скотоводов, с одной стороны, выделение безземельных и неимущих пролетариев и полупролетариев, с другой. Весьма резок был этот процесс и в Нагорной Чечне.

2. Быстрый рост влияния и удельного веса чеченского духовенства как экономически, так и политически, чему

способствовали большой фанатизм массы и наличие сильных родовых отношений в чеченской деревне.

3. Наличие в Чечне «искусственного феодализма».

4. Рост которого капитала, в монопольном распоряжении которого находился чеченский внутренний рынок.

5. Зачатки развития промышленного капитала и буржуазии.

Означала ли Октябрьская революция водворение социального мира между этими глубоко-различными классовыми группировками или эта исполинская развязка означала еще большее усиление и развитие антагонизма классового порядка? Короче: могло ли иметь место движение неклассового порядка в классовой Чечне? Ошаев отвечает: «Внутри Чечни, скованной родовыми устоями и путями, руководимой шейхами и муллами, не было движений классового порядка» (16 стр.). Читатель может нас заподозрить в неправильной сноске ошаевского утверждения, во избежание этого приводим тезис выводов:

«Чеченская народность, далеко отсталая культурно и экономически в сравнении со всеми остальными народностями Северного Кавказа, угнетаемая в течение столетия колонизаторской политикой царского правительства, забитая в своем стремлении сохранить самобытность и правовое положение, находившаяся в идейном плену у фанатиков мулл и шейхов, не знавшая внутри себя не только борьбы классового порядка, но и сословного деления…» (Названный труд, стр. 24).

Самый кардинальнейший вопрос классовой борьбы в Чечне автор разрешил этим простым, но глубоко-ошибочным умозаключением.

Даже абстрактно-теоретически говоря, установка Ошаева здесь архиневерна: всякое движение политического характера есть движение классового порядка, — это азы марксизма. И революционное движение в Чечне тоже не было «крестовым походом» или религиозным штурмом во имя пресловутого «газавата», а было движение классовое. Именно в этот период

Асланбек Шерипов произносил свои известные слова: «Мы вам как надо умирать за свободу. В нас вы не найдете мюридов газавата, но увидите мюридов революции». И он доказал: славный мюрид великого Октября Асланбек погиб в классовом бою, как классовый боец «и не один: десятки и сотни простых, безграмотных бедняков, геройски отдали свою жизнь революции в качестве красных партизан» (Эшба, «А. Шерипов» стр. 61). Эта классовая борьба — борьба революционная, но мы видели в Чечне и классовую борьбу — борьбу контр-революционную. Чрезвычайно интересным документом, дающим оценку всей контр-революционной своре Чечни, является письмо А. Шерипова к генералу Алиеву и председателю Атагинского контр-революционного совета И. Чуликову. Приведем выдержки из него. «Правителю Чечни от Добрармии и председателю Атагинского Совета ген. И. Алиеву и И. Чуликову. Опьяненные кратковременным успехом Добрармии, вы и присные вам, т. е. чеченские купцы, спекулянты, офицеры, помещики, шейхи и муллы, — пеной бешенства у рта и с ядовитой желчью в сердцах распространяли и распространяете среди чеченского народа самые невероятные провокации и гнусные сплетни по адресу всех инакомыслящих и действующих. Тут к вашим услугам были наши продажные шейхи и муллы, для которых враг трудящихся Деникин давно заменил Аллаха, а генерал Алиев — пророка Его. Поставленные у власти не народным доверием, а силой казачьего кулака, объявленного муллами Атагинского совета, «носителем шариата» — вы стремитесь давно знакомой системой устрашения и «бараньего рога» — «покорить, подчинить и навести порядок» в родной вам стране. Народ всю судьбу свою вручил в руки шейхов, мулл, офицеров, помещиков и купцов. Народ считал, что так как они — чеченцы, то поэтому будут защищать интересы большинства чеченского народа, а не интересы групп. Но в этой наивной вере своей народ жестоко ошибся.

Ибо слыша глухие раскаты, начавшиеся на Севере классовой борьбы, где пролетариат кровью и железом добывал свое право, —

муллы, помещики, купцы и т. д., стоявшие тогда у власти, инстинктивно почувствовали страх перед возможностью распространения классового сознания в горских массах. И этот страх — страх перед возможностью революции в горской среде — заставил имущие классы Чечни забыть интересы большинства и во главу угла поставить интересы групповые, т. е. свои собственные. Говоря прямее и, следовательно, проще, — шейх и мулла испугались, что народ перестанет даром работать на них и кормить их; помещик испугался за свою семью, купец пришел в ужас перед перспективой потерять не только многопроцентные прибыли, но и товар; офицер вспомнил о своих погонах; словом, каждый подумал о себе, забыв о народе. И его поняли свои интересы, и обманывая народ через популярных в то время шейхов и мулл, от имени всей страны, начали вести политику спасения своих преимуществ и привилегий. Первым появлением классового сознания имущих элементов Чечни и вообще горцев является авантюра Юго-Восточного союза. Этот неестественный союз вечных экономических врагов повел ко многим несчастьям для горцев (свидетели этому разбитые аулы и разоренное население), но он же дал и первый толчок народному самосознанию. (Эшба, стр. 46—50).

Еще покойный М. Энаев, который хорошо был знаком с положением дел в Чечне, писал: «Под пеплом адатов и традиций, под покровом тейпо-родовой вражды (Чечня, Ингушетия), территориально-племенной розни, сословного разделения (Карачай, Балкария) скрывается классовая борьба горской бедноты против имущих слоев. Сказки об идиллической горской жизни, чуждой классовой борьбы, просто нелепы». (М. Энеев, «Незаконченная статья», «Рев. и Горец» №1, 1928 г., стр. 63).

Кажется ясно, что шейхи, муллы, помещики, купцы офицеры «в дружном союзе» защищали не народные интересы, а свои классовые, т. е. их борьба во имя этих интересов — была классовой.

Таким образом, «внутри Чечни, скованной родовыми устоями и путами, руководимой шейхами и муллами», не только было

движение классового порядка, но оно иногда принимало весьма острые формы.

Если бы даже в Чечне мы не имели и «искусственного феодализма», то имели «полпредов» от феодалов — казаки, которые теми же методами военно-феодальных грабежей под явным водительством и усилием царской военно-колонизационной политики захватили лучшие земли чеченцев.

Издержки кавказской войны для чеченцев оказались слишком обременительными. Глубокое потрясение хозяйства горца этой нечеловеческой бойней и полюс насильственное выселение их с лучших и плодороднейших земель, кои заселялись казаками, в горные трущобы — таковы социальные издержки.

Вполне компетентное лицо в преступных деяниях царской грабительской политики командующий войсками Терской области генерал Лорис-Меликов с полным правом писал: «Стесненность территории, происшедшая от водворения в пределах области стотысячного казачьего населения, поставила большую часть туземных племен в полную невозможность прежних условий хозяйственного быта. Между тем, чеченское племя, уступив (добровольно ли?) казакам почти половину своих земель, хотя и удобных для землепашества, но наименее важных для целей военных, успело сохранить за собою по правую сторону реки Сунжи всю выгоду лесистой местности, изрезанной ущельями черных гор (Дзагуров, «Переселение горцев в Турцию», стр. 16). Чтобы лишить чеченцев и «правой стороны реки Сунжи», осуществляется план «переселения чеченцев в Турцию» пресловутого генерала Кундухова.

Разве не ясно, что казак был в глазах чеченца не только русским, но и экономическим поработителем — захватчиком земли. Чеченец имел с казаком не только национальный антагонизм, но и экономический. По сути дела последний является источником первого. Поэтому утверждать, что в 1917-18-19-20 г. г. в борьбе горцев против контр-революционного казачества доминирующую

роль играл националистически-патриотический момент, а не социально-экономический — значит скатиться с марксистских рельс в этом важнейшем вопросе революционной борьбы горских народностей. Этот «скачок» именно и совершил Х. Ошаев. «Так началась война на Сунже, — описывает он предпосылки борьбы горцев, — в которой моменты классовых интересов терялись в дыму (курсив Ошаева) вспышек национального антагонизма... В этот период массы населения Чечни ничем не руководились, кроме давней вражды к казакам и каждому русскому, в которых трудящийся видел солдата или урядника (стр. 19).

Но ведь «давняя вражда к казачеству» обусловливалась вполне экономически-классовыми причинами, как мы это видели выше и не всегда «чечен точил кинжал» на казака, как это известно из истории. Ведь и наш автор тоже сознает: «И этот стихийный массовый неорганизованный порыв (т. е. революционная борьба горцев, А. А.) усугублялась мыслью об отнятой когда-то и переданной казачьим станицам землю». (25). Только «усугублялся»! Весьма правильную оценку этому моменту дает тов. Кавтарадзе: «Терская область представляет оригинальнейшее явление. Здесь национальная борьба почти совпадает с классовой. Ингуш борется с казаком не потому, что он казак, а потому, что ингуш безземелен, обездолен, а казак владеет землею. И правильна политика советской власти, если она опирается, если не опирается, то должна опираться, на ингушей и чеченцев. В этом не виноват ни ингуш, ни казак. Это — последствие проклятой царской политики, которая из казаков устраивала здесь свои баррикады. У хозяина земля отбиралась, его пускали нищим по миру, а пришельцев этой землею наделяли, на единицу доли не казака приходится 19 таких же единиц казака... объективные условия таковы, что мы стоим перед необходимостью уничтожить историческую несправедливость, созданную преступной политикой царизма. (Эшба, «А. Шерипов», стр. 37—36).

Таким образом, не «моменты классовых интересов», а марксистская установка в анализе социального содержания национального антагонизма «терялась в дыму вспышек» теоретических блужданий нашего автора. Да вообще у автора нет классовой установки в вопросе о борьбе трудящихся горцев с контр-революционным казачеством. Везде он отделывается сносками в роде: ... «антагонизм между горцами и казаками был настолько обострен, что удержать стороны от взаимного истребления верхи не смогли (стр. 25). «Ни чеченские, ни казачьи верхи не могли удержать массы от взаимоистребления». «Бессилие верхов», «взаимоистребление массы» и вся проблем решена!

Высший принцип пролетарской диктатуры — союз рабочего класса и крестьянства в революции в «очерке» Ошаева благополучно отсутствует. Или может быть: «ингушам и чеченцам было трудно найти себе союзника, так как на них уж очень злы были за беспорядочные грабежи как горожане (какие горожане?), так и сельчане (какие сельчане?)» — как безответственно заявляет это Тахо-Годи («Рев. и контр.-рев. в Дагестане», стр. 84).

Но не беда: один действительно революционный шаг дороже дюжины программ» точно так же, как дороже то, что этот союз в революции в Чечне в лице Грозненского пролетариата и чеченского трудового крестьянства был и победоносен чем то, что недовмек писать Ошаеву и Тахо-Годи. С 1917 года А. Шерипов неустанно работает над тем, чтобы установить союз между пролетарским Советом Грозного и чеченским крестьянством, впоследствии и Народным Гойтинским Советом. Шерипов считал гор. Грозный не только экономическим, но и политическим центром, «где сосредоточена главная часть терского пролетариата, (т. е. быв. Терск. обл. А. А.) ... фактическая власть и направление политики в Терской области всегда зависели и будут зависеть от того соотношения и борьбы реальных сил, которая происходила и будет происходить в Грозненском районе», — писал он еще в августе 1918 года (Эшба, А. Шерипов, стр. 38—39). Не подлежит малейшему сомнению, что

Грозненский пролетариат видел в чеченском крестьянстве союзника в революционной борьбе, которое десятилетиями угнеталось царизмом. Однако, не так смотрит Ошаев на вещи: «Грозненский пролетариат видел в темных массах Чечни стихийную силу, которая может обрушиться на город, а главное на заводы и сжечь то, что строилось годами», — так заключает Ошаев союз Грозненского пролетариата с крестьянством Чечни. «Грозненский пролетариат видел в темных массах Чечни стихийную силу, которая может обрушиться на город и сжечь»... — такова бесплодная фантазия автора.

Грозненский пролетариат видел в трудовом крестьянстве Чечни надежного союзника в борьбе и в союзе с ним же отстоял свои Октябрьские завоевания против деникинских банд — такова историческая действительность «недавно минувших дней».

«Будучи по своему существу контр-революционным, действенно контр-революционной роли Атагинский Совет не сыграл, да и не мог сыграть, ибо, если то, что один мулла или шейх называл черным, другой называл белым. Интеллигент же, волею судеб, ставший во главе Чечни мог только строить воздушные замки и сочинять письма о „диктатуре“ над Чечней» (стр. 26) — лаконически заключает автор свой нереволюционный «Очерк революционного движения в Чечне».

Что Атагинский Совет был по существу реакционным и контр-революционным и, что он заключал союз с контр-революционным казачеством против большевиков — Ошаев не может отрицать. Точно так же, он не может отрицать, что при прямом и усердном содействии руководителей Атагинского Совета Чуликова и К-о были уничтожены и разрушены бандами Деникина десятки чеченских аулов. Ему должно быть известно также: «Путем саботажа, шпионажа, провокации и подлой измены Урус-Мартановские купцы, муллы, офицеры Горского пр-ва и члены Атагинского Совета помогли Добрармии разбить чеченские аулы и ввергнуть народ в отчаяние» (письмо А. Шерипова к Алиеву и Чуликову).

После всего этого Ошаев заявляет, что контр-революционной роли Атагинский Совет не сыграл, т. е. физический и идеологический вдохновитель чеченской контр-революции — атагинский совет — не сыграл контр-революционной роли. Если бы, конечно, круг деятельности Ат. Совета ограничивался бы тем, что его муллы занимались спорами о «белых» и «черных» вещах, а интеллигент устраивал только «воздушные замки», еще можно было согласиться с Ошаевым. Но, как видел читатель. Ат. Совет занимался далеко не этими вещами. Если Ат. Совет не сыграл контр-революционной роли в революции в Чечне, ни одна другая организация не могла ее сыграть, так как правее и реакционнее и контр-революционнее Ат. Совета организации в Чечне не было, стало быть, в Чечне контр-революции «не было», ибо в ней «вообще не было движения классового порядка». Но думается, что в подобном суждении поистине «не ночевал» марксизм.

«НОВАЯ ЧЕЧНЯ». АСЛАНБЕК-ШАХ-ГИРЕЕВ

«Революция и национальности» №4 ежемесячный журнал совета национальностей ЦИК СССР и коммунистической академии 1933 год. Издательство «Власть советов» при президиуме ВЦИК.

Стр. 50 …Чечня, входившая в состав бывшей Горской Республики, с 1922 г. выделились в самостоятельно Чеченскую автономную область и под руководством коммунистической партии и советов добились огромных успехов в ликвидации отсталых первобытных форм хозяйствования и культурной отсталости.

Чеченские большевики, под руководством ленинского ЦК и вождя партии и рабочего класса Сталина, твердо и последовательно проводили ленинскую национальную политику, борясь против оппортунистов всех мастей, с великодержавным шовинизмом, как главной опасностью, и местным национализмом одержали блестящие успехи на всех фронтах социалистического хозяйства.

Советы — боевые органы диктатуры пролетариата окрепли и стали действительными руководителями хозяйственного и культурного строительства.

К первому году второй пятилетки Чечня пришла со значительными успехами в области сельского хозяйства.

До революции сельское хозяйство Чечни находилось на самой низкой ступени развития.

На 100 хозяйств плоскостной Чечни приходилось всего 264 га земли, причем еще львиная доля этой земли была кулацкая, которую надо было арендовать. В лесогорной части на 100 хозяйств приходилось 113 га.

В невыносимых условиях безземелья находилась горная часть Чечни. Тут на 100 хозяйств было всего 42 га земли, причем на каждые 100 га посева горной полосы приходилось 1.182 головы крупного рогатого скота, да 3.261 головы овец и коз.

Сельскохозяйственного инвентаря в Чечне по существу не было. Имелись деревянные бороны, деревянные плуги и простые железные палки, которыми ковыряли землю и бросали туда кукурузные зерна. Но и такого «горе-инвентаря» не было в горной части у 74, 3% и плоскостной 79, 2% хозяйств.

26% кулацких хозяйств объединили у себя этот инвентарь и безжалостно, бесчеловечно эксплуатировали бедноту.

Почва в Чечне тяжелая, суглинистая. Поднимать ее в пору только хорошей машиной, а кроме бестягловых 25%. хозяйств 14,2% хозяйств имели по одной лошади, с которой тоже нельзя было ничего сделать.

И приходилось бедноте у одного кулака арендовать землю, у другого для ее же обработки брать в аренду скот, а когда снимался последний урожай, то от него после уплаты аренд оставалось хлеба на месяц — два, самое большее на три.

К тому же начальнику рода — кулаку приходилось идти и вымаливать ради Аллаха немножко хлеба. Кулак отказывал редко.

Брал только «проценты»... За один пуд кукурузы — надо было вернуть три.

Беднота не вылезала из заколдованного круга жестокой, бесчеловечной, кулацкой кабалы.

В горах, где особенно было развито животноводство, — у 43% хозяйств не было своих коров, а основные массы скота принадлежали крупным барантоводам- кулакам-князьям.

От двойного гнета — русского самодержавия и местной национальной буржуазии шло вымирание чеченской бедноты.

Русский военно-феодальный империализм своей варварской колонизаторской политикой ежегодно сокращал земельный фонд, тесня чеченцев в горы, обрекая их на тяжелую земельную нужду и голод. Из 57 аулов плоскостной Чечни с относительно достаточным земельным наделом было лишь 23 аула, а 34 являлись остро малоземельными. В горных районах нужда в земле была еще больше. При наличии абсолютного земельного голода чеченскому трудящемуся населению приходилось прибегать к аренде земли у казачьих военных земельных обществ, ежегодно уплачивая до 400 тыс. руб. за аренду.

Посевная площадь резко сокращалось из года в год и в 1916 году составляла 124.500 га. Основной культурной являлась кукуруза, составляя 60 — 75% посева, 15 — 20% пшеница и остальное падало на огородно-бахчевые культуры. Специальные отрасли с.-х. только что развивались и концентрировались преимущественно у кулацко-зажиточной части населения.

Жестокая гражданская война в Чечне, затянувшаяся на ряд лет, привели сельское хозяйство к еще большему упадку. Только с 1920 года, с установлением Советской власти, область начинает хозяйственно возрождаться.

Большевики Чечни добились значительных успехов в области социалистической реконструкции сельского хозяйства, проходящей в условиях ожесточенной классовый борьбы, бешенного сопротивления остатков капиталистических элементов. Сдвиги,

происшедшие в сельском хозяйстве к началу 2-й пятилетки, коренным образом изменили социально-экономические от ношения в ауле и станице и еще больше укрепили позиции партии и советской власти в национальной деревне, окончательно и бесповоротно утвердив Чечню на социалистическом пути.

Посевная площадь области из года в год увеличивалась и расширялась.

	1929 г.	1930 г.	1931 г.	1932 г.
Вся посевная площадь (в тыс. га)	206, 90	312,31	287,16	348,08
В том числе в совхозах	-	52,47	51,75	78,46
В т. ч. в колхозах	12,43	29,55	103,67	139,98

До 1928 г. в области не было ни одного совхоза, а в 1932 г. на территории ЧАО насчитывается 22 совхоза, с общей земельной площадью в 131.056 га. Посевная площадь совхозов равна 78.460 га или больше половины колхозного сектора области с наличием 276 тракторов, с общей мощностью в 4.596 HP. Стоимость товарной продукции совхозов по заготовкам 1931/32 г. в ценах 1926/27 г. составила 40,3% от стоимости всех сел.-хоз. Заготовок области.

Весной 1930 г. начала работать первая машинно-тракторная станция, а в 1932 г. работали 6 МТС, обслуживая плоскостные районы области (23.290 хозяйств или 83% посевной площади всех колхозов). Мощность тракторного парка совхозов и МТС равна 7.451 HP, удельный вес механизированной силы в общей сумме тягла повысился с 6,1% в 1929/30 г. до 12, 7% в 1932 г.

Совхозы вместе с МТС стали ведущим промышленно-культурными очагами, способствующими ликвидации родовых и бытовых пережитков, отсталости сельского хозяйства, социалистической переделке психологии трудящегося чеченца.

Колхозное строительстве области проходило и приходит в условиях ожесточенной классовой борьбы, злостного сопротивления разгромленного, но недобитого кулачества,

духовенства, старающихся использовать адатно-бытовую отсталость, родовые пережитки.

ТОЗами, СОЗами и артелями охвачено в Чечне в настоящее время 28.990 хозяйств или 52% всех бедняцко-средняцких хозяйств плоскости. Посевная площадь их равна 139.810 га или 52% всей посевной площади области.

Динамика колхозного движения по отдельным годам представлена следующими важнейшими показателями:

	1929 г.	1930 г.	1931 г.	1932 г.
Количество колхозов	165	271	380	281
В них хозяйств	5155	10130	32,786	28890
Средний размер колхозного хозяйства	31,2	37,3	86,0	76
Посевная площадь (тыс. га)	12,43	29,55	103,67	139,61
Общего скота (тыс. голов)	-	5,20	30,77	22,25
Артелей	2	23	91	49
ТОЗ'ов	162	246	288	231

Средняя обеспеченность колхозов на одно хозяйство посевом, скотом несравненно превысило среднюю обеспеченность крестьян до революции и теперешнего единоличника области.

Строительство совхозов, колхозов, МТС области привело не только к расширению посевных площадей, увеличению урожая, но также резко изменило и структуру посевных площадей. Под технические культуры, совершенно отсутствовавшие в дореволюционный период, отведено значительное место в составе посевных площадей.

	1929 г.	1930 г.	1931 г.
Хлопок (га)	-	2530	12200
Соя (га)	-	380	7050

Из года в год увеличивается и валовая продукция сельского хозяйства (в тыс. центрах):

	1928 г.	1929 г.	1930 г.	1931 г.	1932 г.
Всего озимых и ярового зерна	2106,76	1910,43	1587,83	2783,3	2118,08
В том числе в совхозах	-	-	0,32	612,18	289,68
В т. ч. в колхозах	-	-	112,31	747,37	828,38
Всего озимого пшена	48,86	842,84	243,24	802,80	25,48
В т. ч. в совхозах	-	-	-	494,00	4,25
В т. ч. в колхозах	-	-	50,91	101,46	19,35
Всего озимого ячменя	11,55	12,24	22,36	30,35	12,74
В т. ч. в совхозах	-	-	-	-	7,71
В т. ч. в колхозах	-	-	3,74	3,38	4,86
Всего овса	23,98	32,32	10,14	69,07	29,78
В т. ч. в совхозах	-	-	0,32	27,80	15,56
В т. ч. в колхозах	-	-	0,47	24,64	5,26
Всего проса	59,78	66,30	36,97	64,98	18,66
В т. ч. в совхозах	-	-	-	0,26	3,47
В т. ч. в колхозах	-	-	3,59	22,80	8,56
Всего кукурузы	1940,35	1534,30	1263,62	1793,57	2001,54
В т. ч. в совхозах	-	-	-	89,00	257,34
В т. ч. в колхозах	-	-	50,40	594,95	789,21
Всего технич.	29,68	31,00	19,99	73,56	26,42
В т. ч. в совхозах	-	-	-	28,62	10,18
В т. ч. в колхозах	-	-	4,80	41,13	15,23

Решение ЦК партии и правительства «о плане хлебозаготовок из урожая 1932 года и развертывание колхозной торговли хлебом» явилось большим стимулом для дальнейшего организационно-хозяйственного укрепления ТОЗов, являющихся основной формой колхозного движения в Чечне на данном этапе.

Годовой областной план хлебозаготовок по Чеч. Авт. Области, утвержденный Северо-Кавказским краем в размере 49.528 тонн, перевыполнен.

Заготовлено в тоннах:

	1928 г.	1929 г.	1930 г.	1932 г.
Всего тонн	18309	23621	23027	76692
В т. ч. совхозы	-	-	-	27836
В т. ч. колхозы	-	-	3154	21818
Единоличники	-	13,722	16,494	24,726
Кулаки и зажиточные	-	8,566	3,379	2,312

Столь же крупным стимулом к качественному улучшению работы колхозов является и недавнее постановление СНК о твердой норме сдачи хлеба.

Основной задачей партийных, советских как областных, так и районных организаций на данном этапе является борьба за большевистское выполнение обязательств перед краем и всем Союзом. Нужна еще большая организованность, большевистский напор, беспощадное уничтожение кулацко-капиталистических элементов, разоблачение кулацкого саботажа, организационное укрепление колхозов и создание бедняцко-середняцкого актива вокруг политотделов совхозов и МТС.

В горных районах Чечни, де основным занятием населения является животноводство, за годы Советской власти проделана большая работа в области кооперирования, кредитования бедняцко-средняцких хозяйств. В целях поднятия животноводства областным организациями даны четкие директивы и принят ряд практических мер (кредитование, организация кормовой базы, улучшение ветеринарии, завоз метисов и т. д.). Ветеринарное дело, совершенно отсутствовавшее до революции, получило широкое развитие. За 12 лет Советской власти в Чечне организовано широкая ветеринарная сеть, **создано 19 вет.** Участков, **8 вет.-фельшерских** пунктов, **26 вет. Амбулаторий,** принимаются меры к замене беспородного скота области породистыми скотом.

Мелиоративные работы, начавшиеся с 1925 г., дали области ряд обводнительных каналов. Строится большой **Алхан-Чуртский** канал, стоимостью в десять миллион рублей.

Кадры с.-х. специалистов области выросли до 421 чел.. из которых 112 — высшей квалификации. Организованы два сельскохозяйственных техникума, готовящие кадры из чеченского населения.

Двадцать два совхоза, 6 МТС, сотни тракторов и комбайнов переделывают сельское хозяйство Чечни в передовое крупное машинизированное социалистическое хозяйство.

Во второй пятилетки еще более поднимается горное животноводство, путем создания кормовых баз и повышения урожайности горных пастбищ и сенокосов на площади 50 т. га, улучшения кормления и содержимая скота.

В области ирригации и меллиорации предусматриваются значительный работы: борьба с оползнями в горных районах на площади 35ю000 га; осушение 2.300 га заболоченных площадей орошение, что расширит площадь под огородные культуры и посевы риса на 31.400 га.

Вот один из лучших чеченских колхозов **«Трактор-горцу» —** первый колхоз в Чечне аула **Алхан-Кала.**

Колхоз этот за последний год имеет 22.796 руб. чистой прибыли. За семь лет существования он приобрел семь лошадей, стоимостью в 7.240 руб., крупного скота на 95.000., баранты на 50.000 рублей, с.-х. инвентаря и машин на 12.755 руб. За два года колхоз имеет прирост в 43 коровы. Молока сдано государству 600 центнеров при клане в 500. В крепких колхозах выросли и крепкие люди, сознательные, заинтересованные в увеличении выработки. Когда у старого колхозника **Аюба Хасрова** спросили:

— Что тебе дал колхоз?

Он ответил:

— Дал мне радость жизни, работы, труда. Отец мой всю свою жизнь батрачил у кулаков. Я был батрак. Я спал на головой земле, питался кукурузной лепешкой с водой, гнул спину за гроши и не видел впереди никакого просвета. А сейчас я работаю на себя. Сейчас я живу иначе. За пять лет работы в колхозе я заработал две

лошади, две коровы и сплю теперь на кровати с пружинным матрацем. В колхозе я научился работать по ударному, ст души.

В 1931 году по проведенному выборочному учету оказалось, что коллективизированное хозяйство имело доходу 311 р. 68 коп., а индивидуальное только 186 руб. 72 коп. — чуть ли не в два раза меньше.

52 проц. хозяйств Чечни, вошедших в товарищеские, коллективные, общественные и артельные объединения и продолжающийся непрерывный рост их и укрепление — лучший показатель того, как чеченские большевики на практике осуществляют ленинские учение.

Никакой промышленности до революции Чечня не имела.

Советская власть, учитывая, что культурная жизнь отсталой Чечни может развиваться на основе создания и развертывания промышленности, решением ВЦИКа переделала Чечне ряд заводов.

В 1926/27 году местная промышленность реконструируется и дает продукции на 893. 200 р., т.-е. прирост против 1925/26 гг. на 300 проц. Первая пятилетка принесла значительное расширение местной промышленности, за вторую Чечня получила: крупный механизированный кирпичный завод, стоимостью в 757.000 руб. с годовой производительностью в 16,5 миллионов кирпича, консервный завод с годовой производительностью до 25 миллионов банок, хлебозавод, стоимостью в один миллион рублей, производительность 100 тонн хлеба в сутки, холодильник, емкостью в 500 тонн, стоимостью 1.150.000 руб., вырабатывающий 900.000 куб. метров кислорода и ацетилена. Завод **«Красный молот»** из подсобной механической мастерской превращен в крупный машиностроительный завод с двумя с половиною тысяч рабочих.

Солидные, из года в год повышающиеся капитальные вложения усиливают рост выпуска валовой продукции. Если в 1930 году промышленностью области (без нефтяной) было выпущено продукции на 16.158.000 рублей, то в 1931 г. на 30.591.000 руб., а в 1932 г. до 50.000.000 руб.

Нефтяные месторождения являются самым значительным из природных богатств Чечни. Не будем повторять известные факты о том, как добывалась нефть капиталистами.

Добыча в тоннах.

1928 г. — 3.802.601; 1929 г. — 5.633.156; 1930 г. — 6.969.725; 1931 г. — 8.064.353; 1932 г. — 8.148.935.

Создана новая отрасль промышленности, которой не знали капиталисты — газовая, перерабатывающая улавливаемый газ и бензин. С 1928 года добыча газа росла так:

Добыча в тоннах.

1928 г. — 109.789; 1929 г. — 141.030; 1930 г. — 221.404; 1931 г. — 307.890; 1932 г. — 306.239.

Нефтяная первая пятилетка выполнена в два с половиной года, по добыче нефти и по переработке — в один год и одиннадцать месяцев.

Нефтяная промышленность Чечни стоит на первом месте СССР по выработке бензинов, в том числе и экспортного.

Мощный рост промышленности создал мощный костяк национального пролетариата, а широкая всесторонняя организационно-политическая братская помощь и руководство со стороны рабочего класса позволили еще больше укрепить диктатуру пролетариата в чеченском ауле.

Много героев пятилетки, героев социализма дала Чечня. **Экаев Хоза** — высококвалифицированный электромонтер, **Башаев Идрис** — и ряд других — награждены орденами Ленина.

Нефть превратилась в мощный фактор социалистической реконструкции страны и быстро меняет лицо Чечни, В Горночеченском далеком и глухом районе, в горах вырос рабочий город: три общежития, столовая, клуб, кино, магазин, баня, два каменных больших дома. Город залит электрическим светом и этот свет притягивает из подоблачных гор новые кадры — недавно дикие пастухи идут к буровым и становятся в ряды пролетариата.

Рост чеченцев, занятых в промышленности, по годам шел так:

1926 г. — 18 чел.; 1928 г. — 118; 1931 г. — 5000; 1932 г. — 12.000.

Основной лозунг партии — индустриализация страны, на практике ярко осуществлен в Чеч. Авт. Области. Валовая продукция всей промышленности, находящейся на территории области, с 1929 г. по 1932 г., возросла на 206% или с 298.337,8 т. р. до 693.106,5 т. р. Количественно рабочих в крупной промышленности за этот срок возросла на 187%.

Как одна из основных задач 2-й пятилетки поставлена проблема приближения промышленных предприятий по разработке горных богатств к источникам сырья и к основным массам трудового населения Чечни, что является одним из основных условий разрешения «проблемы гор», вовлечения националов в производство и выковывания пролетарских национальных кадров.

Использование природных богатств упиралось в транспортные условия области.

Запроектировано строительство железной **дороги Грозный-Атаги-Шатой, Ушкалой** линии, связывающей горную часть Чечни с. г. Грозным, протяжением 65 клм., а также железнодорожной ветки **Атаги-Бомут,** которая обеспечит выход древесины из лесов, протяжением 60 клм. Намечается, кроме того, строительство электрической дороги Грозный — Беной и центру нового горного нефтяного района.

Учитывая значительное развитие грузооборота и автодвижения в области, планом 2-й пятилетки предусматривается широкое строительство гудронированных шоссейно-гравийных и грунтовых улучшенных дорог.

По линии безрельсового строения создается 436 клм. Гудронных дорог, 774 клм. Трамвайных пулей и 747 клм. Грунтовых улучшенных дорог.

В целях подготовки серьезно базы для создания и дальнейшего развития промышленности области, намечено в первые годы второй пятилетки усилить геолого-разведочную работу по нефти, газам,

аллунитам, медной руде, огнеупорам и другим полезным ископаемым, а также поисковых работ на новые ископаемые стройматериалы.

Чечня добилась значительных успехов в ликвидации культурной отсталости и подтягивания сельских районо до уровня города. Первая культурная пятилетка ЧАО выполнена по отдельны показателям с превышением.

К маю 1933 году Чечня приходит как область сплошной грамотности. Охват детей школами таков:

Показатели:	24/25 г.	29 г.	31 г.	32 г.
Школы I ступени всего	90	148	245	280
В том числе Грозный	25	23	11	15
В т. ч. село	65	125	234	265
Учащихся в них всего	11922	18210	45493	55089
В т. ч. Грозный	6597	8010	13354	15261
В т. ч. село	5325	10200	32139	39828
Учителей I степени всего	320	608	1263	1395
В т. ч. село	129	371	699	990
Учащихся в школах II степени	1572	3925	6395	8500
В т. ч. село	338	540	1136	2050
Количество техникумов	1	2	8	8
Учащихся	-	669	1972	2917
Детдомов: количество	3	4	3	5
Охват	466	300	210	310
Всего расходов по народному образованию тыс. руб.	-	3336,0	12500,0	21488,0
В т. ч. местный бюджет	323,9	2849,6	6046,0	7405,0

До революции Чечня не имела ни одного врача, ни одной больницы. Недуги, социальные болезни, разъедающие тело вымиравшего народа, — заклинались лорами и знахаркам.

Сейчас Чечня обслуживается 16 больницами, из которых 5 в городе и 11 в сельских районах с 1228 койками. Кроме больниц имеется 144 амбулатории, поликлиники, диспансеры и консультация.

По области организована сеть детских яслей. В больницах отведена значительная часть родильных коек. Чеченка прежде, по адатам, родившая исключительно на конюшнях, в сараях, теперь

потянулась в больницы. За 1931 год больницы посетило 8054 чеченцев.

Из года в год растут затраты на строительство медико-санитарных учреждений, на расширение и улучшение дела здравоохранения: 1926 год — 397400 руб., 1928 год — 872400 руб., 1931 год — 1586000 руб., 1932 год — 2706670 руб.

Прежде многие аулы не имели воды, приходилось носить воду за десять километров. Нередко население пользовалось поэтому плохой водой, что вызывало желудочные и другие инфекционные болезни. Сейчас часть безводных аулов уже имеет водопровод. Проведено до 500 километров водопроводных линий. Построен целый ряд шахтных колодцев.

В области быстро растут кадры своей национальной, пролетарской технической интеллигенции. Если в 1930 году в техникумах училось 229 чеченцев, то в 1932 году училось 1235.

Только в одном 1932 году послано чеченцев во втузы 83 человек, рабфаки — 590, техникумы — 1173, из них 686 человек в сельскохозяйственные, 481 — в промышленно-технические, 220 — педагогические, 458 — в автодорожные, медицинские и кооперативные.

В школах ФЗУ готовится 1500 чеченцев. Долгосрочные курсы готовят 2500 работников сов. аппарата и хоз. актив.

За пятилетку пропущено через сельскохозяйственные курсы всех видов — 39.574 чел.

Подготовлено до 5.000 руководителей колхозов, животноводов полеводов, организаторов колхозов, трактористов, техников по хлопку, счетных работников, агроуполномоченных.

Массовым агро-зоо-походом в области охвачено 32.606 чел.

Сейчас в Чечне уже нет ни одного аула без школы, ликпункта, сакли-читальни, почвы, газет. Во всех районных центрах есть радиоузлы. В трех районах выходят печатные газеты. Организован Асламбековский учебный городок. Создан ряд национальных учебных заведений: автотехникум, педтехникум, совпартшкола,

горский комвуз. Есть своя областная газета, нац. Издательство, выпускающее две газеты и десятки тысяч книг-учебников на чеченском языке.

Развитие производительных сил и культуры горных районов Чечни упиралось и до сих пор упирается в абсолютное бездорожье.

Советская власть в Чечне провела значительную работу по постройке и улучшению дорог.

Характерны суммы затрат на дорожное строительство по годам: в первый же год выделения Чечни в автономную область в 1922 году было вложено:

1922 год — 6.000 руб, 1924 год — 12.800, 1925 год — 151.000, 1926 год — 413.000, 1930 год — 641.000, 1931 год — 738.000, 1932 год — 1 254.900.

Проведена большая работа по постройке новых мостов.

Область в первую пятилетку имела 437 автомашин, к концу второй пятилетки будет иметь 4.035.

Большевики изменили лицо Чечни. Чечня из страны, имевшей при царе всего 1500 грамотных, к 1933 году пришла с 300.000. грамотного населения, а в 1933 году она превратится в область сплошной грамотности.

Так Чечня при помощи рабочего класса всего СССР под руководством коммунистической партии, правильно проводящей ленинскую национальную политику, в жесткой и непримиримой борьбе со всякими уклонами с великодержавным шовинизмом и местным узким национализмом, догоняет ушедшую вперед центральную Россию.

«АСЛАНБЕК ШЕРИПОВ В РЕВОЛЮЦИОННОМ ДВИЖЕНИИ ЧЕЧЕНО-ИНГУШЕТИИ»

А. М. Газдиев. Грозный. 1941.

Стр. 34 ...В борьбе за Великую Октябрьскую социалистическую революцию, в открытых боях за разгром белогвардейских генералов на фронтах гражданской войны партия большевиков воспитала героическое поколение людей, способных на величайшие подвиги, готовых все силы, всю жизнь до последней капли крови отдать делу освобождения трудящихся. Она воспитала таких людей, как бессмертные герои гражданской войны и легендарные пролетарские полководцы Чапаев, Щорс, Котовский, Лазо, как пламенные вожди дагестанской бедноты Буйнакский, Дахадаев, как руководитель пятигорских большевиков Анджиевской и тысячи таких известных и безызвестных подлинно народных талантов и героев. К изумительной галерее этих беззаветных борцов за пролетарскую революцию, за социализм относятся с его славными делами и «пламенными речами» (И. Сталин) и первый коммунист, и бессмертный вождь чечено-ингушской бедноты Асланбек Шерипов.

Асланбек Шерипов родился в 1897 году в одном из живописнейших аулов горной Чечни — Ведено. Отец его происходил из крестьян, имел низшее образование и около 20 лет работал переводчиком. На старости лет он получил чин подпоручика и занимал низшие административные должности в районе Ведено. Мать Асланбека Шерипова была простой чеченкой и всецело посвятила себя воспитанию детей. Первые навыки в грамоте Асланбек Шерипов получил дома, в семье. В 1909 году, когда ему исполнилось 12 лет, он был отдан на учебу в Полтавский кадетский корпус. Мать Асланбека, которая сильно любила своего резвого и жизнерадостного мальчика, с большим трудом рассталась с ним. Зная горячий и непреклонный характер крепкого мальчика, она сильно беспокоилась за его судьбу и заставляла мужа почти все свободное время уделять письмам к нему. В них она учила его слушаться воспитателей, прилежно учиться, не баловаться и т. д. «Если тебя кто тронет, не дерись, а скажи об этом воспитателю или директору», — писала она ему. Большой интерес представляют

письма Асланбека к родителям и характеризуют его как прямого и независимого мальчика. В одном из них он писал: «Папа, скажи маме, чтобы она такие письма не писала. Пусть она знает, что я никогда ничего не скажу на товарищей ни воспитателю, ни даже директору».

Режим, военная муштра и русификаторская политика, которые господствовали в кадетском корпусе, не понравились свободолюбивому Асланбеку Шерипову и он, по его просьбе, в 1914 году был переведен в 5-й класс Грозненского реального училища. В реальном училище, а до этого и в Полтаве, Асланбек Шерипов обнаружил удивительные способности в учебе и большую страсть к знаниям. Он весьма прилежно изучал иностранные языки, зачитывался классиками русской и мировой художественной литературы и наизусть знал целый ряд произведений гениальных русских писателей — А. С. Пушкина, М. Ю. Лермонтова, А. М. Горького. Вместе с тем Асланбек Шерипов живо интересовался и по историческим, архивным материалам широко изучал замечательную историю национально-освободительной войны и прекрасную устную народную поэзию кавказских горцев. В 1916 году, еще до окончания реального училища, Шериповым была написана крупная историческая монография под названием «История Кавказской войны», в которой им, вопреки культуртрегерской концепции официальных историков столетней войны на Кавказе, были вскрыты ее действительные причины. В этой работе Асланбек Шерипов утверждал, что война с горскими народами велась не во имя их порабощения и захвата принадлежавших им богатых земель. Исключительный интерес представляют песни из героической народной поэзии, переведенные Асланбеком Шериповым на русский язык в основной их массе в том же 1916 году. Песни эти настолько трогательны и прекрасны, так много в них живых образов и художественной прелести, что до сих пор остаются недосягаемым образцом для

многих наших переводчиков и сделали бы им большую честь. Вот несколько выдержек из этих песен:

«Тройной круг подлых воронов сжимал Сокола абрека все сильнее, и смерть казалась Гехе огненным, свинцовым крылом вражеских пуль… А Геха радовался ее прикосновениям… и, вдоволь натешив сердце борьбой и кровью трусливых врагов, абрек Сокол сам кинулся в бой со страстью, со всей силой своей могучей души, кинулся, как юноша в объятья возлюбленной… ведь для сильных сердцем красивая смерть — волшебная сказочная красавица… Над абреком Соколом закружилась, каркая злобно, воронья стая, сверкнули десятки жадных до крови прикладов и холодных клинков, — и рвали его упругое тело, упивались, как пиявки, его горячей кровью… А стая подлых воронов каркала-каркала, радостно-хищно и трусливо, и мертвого терзала ясного, гордого Сокола… подлые вороны трусливо и опасливо жались друг к другу: они и мертвого боялись его, смелого Сокола… И абрек Геха погиб красивой смертью, погиб победителем. Ибо победитель не тот, кто сражет врага, а тот, кто в жертву борьбе на верную смерть без раздумья бросает душу и тело свое…». **(Из чеченских песен**, пер. А. Шерипова. Владик., 1918 г.).

Бессмертные произведения А. М. Горького, захватывающие примеры самоотверженной борьбы горцев за свою независимость и героический народный эпос революционизировали мировоззрения будущего вождя чеченской бедноты. Большое влияние на его мировоззрение оказали также и наблюдения над тяжелой и бесправной жизнью чеченских трудящихся и рабочих нефтяных промыслов, с которыми ему приходилось все время общаться сначала в горной Чечне, а потом в Грозном, живя в окружении рабочих на Московской улице, в доме №57. И он еще в стенах реального училища затаил злобу против ненавистного всем царского режима. Эта злоба и ненависть к царизму отражались не только в беседах с узким кругом школьных товарищей, но даже в письменных работах по русскому языку. И не случайно поэтому,

что, несмотря на безупречное стилистическое и грамматическое выполнение, письменные работы Асланбека Шерипова никогда не читались в классе и не возвращались автору, хотя в училище существовал порядок лучшие письменные работы зачитывать перед всем классом. Администрация училища боялась оглашать среди учащихся чересчур вольные мысли Шерипова и поэтому тщательно прятала все его письменные работы. Наблюдательный и глубоко вдумчивый юноша постепенно убеждался в том, что между тем, что им говорят в училище и действительной жизнью, существует огромная пропасть и поэтому из плена сухого академизма рвался в гущу народных масс. Он, не ограничиваясь чтением художественной литературы, изучение устного творчества и истории кавказских горцев, целыми часами слушал рассказы седых стариков-чеченцев, этих живых свидетелей грабежей и зверств царских сатрапов на Кавказе, беседовал с рабочими, очень много читал периодической литературы и глубоко изучал события текущей политической и военной жизни. Ящики парты, которую занимал Асланбек Шерипов, как вспоминают его одноклассники, всегда были переполнены газетами и всевозможными журналами. Хотя отсутствуют прямые сведения о связи Асланбека Шерипова в это время с грозненской большевистской организацией, о знакомстве его с великим ученым Маркса, Энгельса, Ленина, Сталина, но, тем не менее, нет никакого сомнения в том, что еще в реальном училище Асланбек Шерипов был знаком с этим всепобеждающим теоретическим оружием рабочего класса. Об этом довольно красноречиво говорит целый ряд выдержек из его статей и выступлений, его уменье прекрасно ориентироваться в серьезных политических вопросах, его способность правильно находить экономические причины самых сложных явлений и событий, а также ясность, четкость и законченность каждой его мысли, каждой его формулировки.

В 1917 году Асланбек Шерипов отлично окончил грозненское реальное училище и для продолжения своего образования

готовился поступить в институт, мечтал о поездке за границу, но грянувшая февральская буржуазная революция заставила его перестроить все планы дальнейшей жизни и со всей силой своей страстной натуры погрузиться в революционную деятельность.

Февральская революция в Терской области ознаменовалась сменой административных лиц, признанием временного буржуазного правительства и переходом власти в руки казачьего дворянства, горской националистической буржуазии, контрреволюционного фанатичного духовенства и князей. 14 марта 1917 года в г. Владикавказе (Орджоникидзе) на расширенном заседании Войскового круга было создано Войсковое правительство Терского Казачьего войска во главе с бывшим членом Государственной думы, комиссаром Временного правительства в Терской области, октябристом Карауловым. Горская националистическая буржуазия, контрреволюционное дворянство и фанатичное духовенство 1 мая 1917 года на первом общегорском съезде в гор. Владикавказе сфабриковали пресловутый союз объединенных горцев Северного Кавказа во главе с кумыцким князем Капланoвым, чеченским миллионером-нефтепромышленником Чермоевым, кабардинским коннозаводчиком Коцевым, дагестанским барановодом, Нажмуддином Гоцинским и ингушским авантюристом В. Джабагиевым. В крупнейших городах области, как, например, во Владикавказе, в Грозном, рядом с черносотенными городскими думами выросли так называемые буржуазные гражданские исполнительные комитеты, с помощью эсеро-меньшевистских лакеев капитала объявившие себя проводниками власти Временного правительства на местах. В национальных областях возникли лженародные национальные советы, в которых от лица обманутых ими трудящихся масс орудовали бежавшие от революционного пожара в центральной России царские генералы, офицеры, коммерсанты, продажные князья, беки и им подобные грабители и мародеры. Председателем чеченского национального совета,

созданного в апреле 1917 г. в г. Грозном, на узком совещании чеченских контрреволюционных верхушек был объявлен небезызвестный Ахмет-Хан Мутушев, а членами — крупные чеченские буржуи, ьземлевладельцы, купцы и т. д. Такие же предатели интересов трудящихся заседали в ингушском национальном совете под председательством бывш. Чиновника департамента земледелия авантюриста Висангирея Джабагиева.

Таким образом, имущие классы раньше трудящихся масс поняли свои классовые интересы и ополчились против дальнейшего углубления революции. Буржуазно-дворянские национальные советы признали власть Временного правительства и его комиссаров на местах и приступили к образованию национальных буржуазных государств. «Дальнейшее развитие революции, — как писал тов. Сталин, — не входило и не могло входить в расчеты упомянутых выше буржуазных институтов» (И. Сталин. «Марксизм и национально-колониальный вопрос», Москва. 1937). Они и слышать не хотели о переходе к социалистической революции. «Право наций на самоопределение толковалось как право национальной буржуазии на окраинах взять власть в свои руки и использовать февральскую революцию для образования „своего“ национального государства» (там же). Это стремление национальной буржуазии взять власть в свои руки и законсервировать революцию на ее буржуазно-демократической стадии с предельной ясностью было изложено в программной речи председателя чеченского национального совета Мутушева, величавшего себя Ахмет-Ханом Мутушевым. Ловко играя словами, этот демагог говорил: «Нужно, чтобы мозг революции нужное направление рычагу революции, чтобы улица не взяла верх». Причем под улицей разумелись боровшиеся за превращение буржуазно-демократической революции в социалистическую революцию в народные массы.

Но никакие плотины в виде «национальных государств», никакие усилия национальной буржуазии и буржуазной интеллигенции не в силе были спасти их от надвигавшегося с севера

революционного шторма. Октябрьская революция, победившая в центре России, неминуемо должна была охватить и все ее окраины.

Еще до Октябрьской социалистической революции в терской области наряду со всевозможными перечисленными выше балаганами государственной власти начали появляться органы власти трудящихся — Советы рабочих и солдатских депутатов. 6 апреля 1817 года в гор. Грозном, в этой пролетарской цитадели всей Терской области, возник Совет рабочих и военных депутатов, первым председателем которого был любимец грозненских рабочих и солдат, позже участник руководимого Сталиным 6 съезда партии, крупный оратор и замечательный большевик **Анисимов**. Еще раньше, т. е. 8 марта 1917 г., под председательством махрового эсера Гамалея был создан Совет рабочих и солдатских депутатов и во Владикавказе (Орджоникидзе). В советах между большевиками с одной стороны, и меньшевиками и эсерами, с другой, шла беспощадная борьба за обладание массами. Благодаря революционной принципиальности и огромной массово-разъяснительной работе, которая была проделана большевистской партией во главе с ленинско-сталинским посланцем и вождем северо-кавказских большевиков С. М. Кировым, предательская роль эсеро-меньшевистских агентов буржуазии вскоре была разоблачена, руководство Советами перешло к большевикам, а горские трудовые массы начали сознавать свои классовые интересы и отходить от предателей, засевших в национальных советах.

В это исключительно ответственное время Асланбек Шерипов, став во главе чечено-ингушской бедноты, держа тесную связь с руководителями большевистской партии на Северном Кавказе, вел беспощадную борьбу против врагов чечено-ингушского народа из национальных советов. Разоблачая их контрреволюционную сущность, он во всеуслышание заявлял, что Чермоевы, Курумовы, Борщиковы, Гоцинские, Джабагиевы пришли в ужас перед возможностью потерять свои огромные богатства и привилегии

и поэтому перешли в лагерь всероссийской контрреволюции. «Говоря прямее и, следовательно, проще, — писал он несколько позже, — шейх и мулла испугались, что народ перестанет даром работать на них и кормить их; помещик испугался за свою землю, купец пришел в ужас перед перспективой потерять не только многопроцентные прибыли, но и товар; офицер вспомнил о своих погонах; словом, каждый подумал о себе, забыв о народе, и они все в дружном союзе раньше трудового народа и друзей его поняли свои интересы и, обманывая народ через популярных в то время шейхов и мулл, от имени всей страны начали вести политику спасения своих преимуществ и привилегий» (Из письма А. Шерипова. «Правителю Чечни от добровольческой армии и председателю Атагинского совета генералу Э. Алиеву и Чуликову»). Горские трудовые массы резко отвернулись от предавших их капиталистов, помещиков и князей еще и потому, что они свободы, ни земли им не дали и не могли дать.

Когда Карауловы, Чермоевы и К^{0} увидели, что просвещенные могучей большевистской правдой рабочие, горская беднота и трудовое казачество под влиянием глухих раскатов отдаленного грома Великой Октябрьской социалистической революции начали объединяться для решительной борьбы со всеми своими врагами, то они перешли к лозунгу акул древнего рабовладельческого общества «разделяй и властвуй» и начали провоцировать межнациональные войны. Началась полоса провокационных столкновений между чеченцами и казаками, между ингушами, с одной стороны, и казаками и осетинами, с другой, между гор. Грозным и окружающими чеченскими аулами и т. д. Широкими ручьями лилась братская кровь, горели аулы, станицы, горели нефтяные промысла, на десятки километров освещая окрестности. Единый фронт трудовых масс был сорван. Карауловско-чермоевская контрреволюция торжествовала. В это тяжелое для Терской области время не теряют мужество и самообладания только руководимые Сергеем Мироновичем Кировым большевики. Они ведут

самоотверженную борьбу за мир и объединение трудящихся всех национальностей Терской области. Асланбек Шерипов ведет среди темных чеченских масс большую разъяснительную работу, вскрывает черные замыслы поджигателей чечено-казачьей войны, неоднократно, с опасностью для жизни проникает в г. Грозный, выступает на заседаниях Грозненского совета рабочих и военных депутатов и помогает грозненской организации большевистской партии прекратить войну и установить мирные отношения и союз между грозненским пролетариатом и чеченской беднотой.

Огромная работа, проделанная большевистской партией и под ее руководством Асланбеком Шериповым, дала свои результаты. Черные замыслы контрреволюционного казачьего офицерства — положить на открывшейся 25 января 1918 г. в гор. Моздоке I сессии Терского народного съезда, призванная окончательно уничтожить межнациональные войны и установить в Терской области твердую власть. Горские и казачьи контрреволюционные верхи предприняли все, чтобы сорвать сессию народного съезда и не допустить туда делегатов Чечни и Ингушетии. Гастролировавший в это время по Чечне будущий самозванный имам Узум-Хаджи даже грозил отрубить голову Асланбеку Шерипову, если он осмелится поехать на большевистский съезд. Но для Асланбека Шерипова в достижении намеченной им цели не существовали никакие преграды. С большим риском для жизни он один сквозь казачьи окопы и свист пуль пробрался в ингушские аулы Сурхохи, Назрань, Долаково, оттуда в Беслан и вместе с ингушской делегацией, во главе ее, 23 февраля 1918 г. прибыл на Пятигорскую сессию съезда народов Терека.

Хотя сессия еще 16 февраля 1918 года начала свою работу, но отсутствие представителей Чечни и Ингушетии чувствовалось всеми, делегаты волновались и с нетерпением ждали их приезда. «... Пятигорский народный дом едва вмещает съехавшихся делегатов, — говорится об этом в сборнике „Октябрь во Владикавказе“, вышедшем под редакцией Поляковой. — Горцев представляют: балкарцы,

карачаевцы, кабардинцы, осетины, два ногайца и один каранагаец. С надеждой и нетерпением ждут еще прибытия ингушей и чеченцев, о каком же мире без них разговоры вести? Вдруг приезжают ингуши, их около двух десятков — стройные, суровые, „дикие“. Вооружены „до зубов“... При входе их в зал заседания поднимается торжественная овация, даже есаулы из приличия встают и аплодируют: все понимают, с какой опасностью для жизни им пришлось пробираться через кабардинские и казачьи территории... Вместе с ингушами на съезд прибывает первый делегат Чечни — Асланбек Шерипов. После тяжких мытарств и разных приключений он пробрался сюда с мандатами чеченской бедноты разных аулов».

Здесь он впервые встретился с С. М. Кировым. Отвечая на восторженные приветствия С. М. Кирова и всей сессии, с трибуны раздался мощный голос природного оратора Чечни и Ингушетии Асланбека Шерипова. В сильной и убедительной речи он заявил: «Я рад приветствовать свободный съезд свободных народов Терской области от имени чеченского народа. (Шумные и продолжительные аплодисменты).

Приехав в Пятигорск, наблюдая за настроением депутатов, за их речами, мы вынесли впечатлен7ие, что наш приезд вместе с ингушами был встречен с братской приветливостью. В ответ на это я должен сказать, что положение в терской области сейчас таково, что не приехать на этот съезд чеченцы и ингуши не могли.

Вы знаете, что во времена самодержавия всем было тяжело, но настоящими пасынками империалистической России были чеченцы и ингуши. Вместе с социальным гнетом они терпели и гнет национальный. И вполне понятно поэтому, что после революции их желания и требования пошли по линии национальной. Но когда оба эти народа подошли к разрешению социальных вопросов, то они увидели, что помимо национального объединения есть еще международное, социалистическое. Действительное объединение в Терской области начались недавно, и это начало было положено Терской демократией на Моздокском съезде. (Аплодисменты).

В то время, как верхи наши говорили, идите бить тех, кто вас когда-то обижал, берите ту землю, которая вам когда-то принадлежала, в самом народе началось движение и народ, чувствуя, что дело здесь в чем-то ином, стал метаться в поисках иного выхода. И когда прибыли первые вестники от Моздокского съезда, то в народе произошел окончательный переворот в настроении — от войны к миру. И всей терской демократии и Моздокскому съезду чеченский и ингушский народы обязаны тем, что по всей линии соприкосновения этих народов с другими не льются потоки человеческой крови и не светит на далекое пространство зарево пожара. (Шумные аплодисменты).

Этот переход от движения национального к движению социалистическому испугал и наши темные элементы и такие же элементы среди вас. Мы не отрицаем, что эти наши элементы производили провокационные нападения на отдельные станицы и села. Но при чем тут весь народ... Контрреволюционные силы сидят в кабинетах и сочиняют различные проекты контрреволюционных замыслов, а кровь ни в чем неповинных женщин и детей льется в Старом-Юрте и других местах. Киров говорил о горских беках, князьях и узденях, что не они могут устроить счастье народа, а только сам народ... У нас никогда не было крепостного права, и что такое свобода — чеченский народ знает хорошо... мы вам докажем, как надо умирать за свободу. В нас вы не найдете мюридов газавата, но зато увидите мюридов революции. Еще раз приветствую съезд и надеюсь, что соединенными силами демократия Терской области сумеет разрешить все больные вопросы нашей жизни». (Из стенограммы Пятигор. нар. съезда, хранящейся в архиве Северо-Осет. НИИ).

Когда на сессии С. М. Кировым был поднят вопрос о земле и признании власти Совета Народных Комиссаров, Асланбек Шерипов первым поднялся с места и с трибуны съезда произнес: «Теперь у нас определенное течение — землю должны получить трудящиеся на ней, без различия племен и религии. Главный вопрос

для нас — земельный, а Совет Народных Комиссаров не встретят возражений и препятствий среди чеченского народа. (Громкие аплодисменты).

От имени ингушской фракции и как представитель чеченского национального совета я считаю, что заявление т. Кирова совершенно справедливо. Если мы признаем власть народных комиссаров, то мы делаем это, я надеюсь, не из одних политических соображений, а для того, чтобы проводить или осуществить эти лозунги. Историческая несправедливость, что ингушскому и чеченскому народам, которые боролись за свою независимость, остались голые скалы, а нашим изменникам — тучные богатые земли, должна быть уничтожена. Мы считаем, что сперва надо решить земельный вопрос, который должен быть пробным камнем твердости и неприкосновенности наших желаний действовать по советской программе, которую выдвинула мне сама жизнь». (там же).

Предложение С. М. Кирова о принятии по земельному вопросу решения в духе декрета II Всероссийского съезда советов и признания советской власти большинством съезда было встречено с восторгом. Выступивший вслед за Асланбеком Шериповым пламенный представитель ингушской бедноты и ближайший помощник С. М. Кирова и С. Орджоникидзе в их борьбе за победу советской на Северном Кавказе Гапур Ахриев также заявил, что ингушская делегация полностью голосует за предложение Кирова. «Лозунги, выдвинутые Российской революцией, — сказал он, — в том числе лозунг о земле — давнишние чаяния ингушского народа. Все сказанное здесь представителем чеченского народа относится и к нам, ибо мы представляем в сущности один народ. Все правительства, которые были у нас до сих пор, потеряли всякое доверие в глазах ингушского народа. Вывести нас их создавшегося положения может, очевидно, только признание власти Совета народных комиссаров. (Аплодисменты). К признанию этой власти, выраженному здесь единодушно или почти единодушно, мы присоединяемся вполне. (Аплодисменты) ... Среди ингушей вы

найдете самую крепкую и мощную поддержку даже реальными силами. И если будет нужно, ингушский народ не пожалеет крови своей для того, чтобы осуществить общие желания трудового народа — скорее разрешить вопрос о земельной нужде». (Громкие аплодисменты).

Вторая сессия Терского народного съезда под гром аплодисментов признала власть Совета Народных Комиссаров, послала вождю мирового пролетариата В. И. Ленину приветственную телеграмму и постановила Терскую область впредь именовать Терской Народной Советской Социалистической Республикой.

В телеграмме, посланной тов. Ленину, говорилось: «Председателю Совета Народных Комиссаров тор. Ленину. Терский областной демократический съезд народов 4 сего марта постановил признать власть Совета Народных Комиссаров и поручил Президиуму съезда приветствовать Вас. Пятигорск, 4 марта 1918 года».

На сессии Асланбек Шерипов произвел на вождя сев.-кав. большевиков С. М. Кирова своей непреклонной волей и беспредельной ненавистью ко всем врагам революции сильное впечатление. Вот что говорит об этом в своих воспоминаниях тов. Рязакова: «Сергей Миронович обратил особое внимание на выдающегося вождя чеченской бедноты А. Шерипова. Он любовался яркими выступлениями в Терском народном совете этого пламенного чеченского революционера. Сергей Миронович часто говорил о том, что он очень ценит Шерипова. И действительно, А. Шерипов производил неизгладимое впечатление своей революционной принципиальностью и ненавистью ко всем контрреволюционным элементам, провоцировавшим национальную вражду трудящихся Терека».

(Сборник «**Женщины в гражданской войне**». Стр. 137. Москва. 1938 г.). В перерывах между заседаниями Асланбек Шерипов долго беседовал с С. М. Кировым, жадно вслушивался в каждое его слово

о великом Ленине и его соратнике тов. Сталине, о железной партии большевиков и ее идеях.

Съезд, встречи и беседы с С. М. Кировым навсегда определили мировоззрение и политическое направление жизни Асланбека Шерипова. После съезда он возвращается в Чечню и разворачивает широкую деятельность по укреплению в Терской области Советской власти и разоблачению чеченских контрреволюционеров. В эти дни Асланбек Шерипов буквально не знает ни одной минуты свободного времени. Он работает комиссаром по делам национальностей Терского народного совета, членом созданного под его влиянием Гойтинского революционного народного совета, командует чеченской Красной армией и т. д. В своих многочисленных выступлениях и речах на заседании Терского народного совета он беспощадно громит буржуазных националистов, стремящихся своей контрреволюционной работой оторвать Северный Кавказ от Советской России и отдать его на откуп империалистическим хищникам. Одна из речей Асланбека Шерипова, направленная против подлых предателей из чермоевского горского правительства, осмелившихся от имени горских народов без всяких на то полномочий вступить в переговоры с турецким правительством, приведена Сталиным в его знаменитой статье «Донщина и Северный Кавказ», опубликованной в газете «Правда» от 1 мая 1918 г. **«А вот и выдержка из пламенной речи оратора ингушей и чеченцев на заседании Терского народного совета тов. Шерипова, — говорит, в этой статье тов. Сталин, — достаточно определенная для того, чтобы пресечь всякие нарекания на дагестанцев». И дальше приводится сама речь:**

«Благодаря великой русской революции мы получили ту прекрасную свободу, за которую столетия бились наши предки и кидались на штыки побежденные. Теперь, когда мы получили гарантию права на самоопределение, это право народ никогда никому не отдаст. Сейчас о независимости Северного Кавказа говорят помещики, князья, провокаторы и шпионы и все те, с кем

Шамиль вел смертельную борьбу в течение 50 лет. Сейчас есть отдельные попытки со стороны этих врагов народа провозгласить независимость Кавказа и объявить имаматство. Но я утверждаю, что предкам этих князей Шамиль рубил головы и так он поступил бы и теперь. Наша фракция, представляющая ингушский и чеченский народ, в экстренном заседании свой взгляд на вопрос об объявлении независимости Северного Кавказа выразила в известной резолюции».

Особенно много сил и времени уделяет Асланбек Шерипов делу разоблачения перед темными массами чеченского крестьянства контрреволюционной сущности атагинского национального совета, в котором орудовали предатели трудового чеченского народа Чуликов и ему подобные богачи, а также реакционное духовенство, и установления дружественных отношений между грозненским пролетариатом и чеченской беднотой.

С 23-го по 29 мая 1918 года Асланбек Шерипов участвует в работах состоявшейся в гор. Грозном III сессии Терского народного съезда. Сессия собралась в тот крайне тяжелый момент, когда над Терской областью нависла опасность вторжения германо-турецких империалистов, которые заняли Закавказье и по приглашению горских националистов двигались на Северный Кавказ. Перед лицом такой опасности нужно было окончательно ликвидировать наблюдавшиеся в отдельных уголках области провокационные стычки, установить твердый мир, сплотить в единое целое революционные силы всех национальностей Терской области и на этой основе создать мощный бронированный кулак для отражения надвигавшейся опасности. Наряду с этим, сессия должна была безотлагательно решить самый острый, самый основной и наболевший вопрос всей социалистической революции на Тереке — вопрос о земле. Горское крестьянство беспомощно билось в ужасающем земельном голоде, тогда как рядом совершенно нетронутыми лежали обширные земельные владения дворян, помещиков и т. д. Нужно было немедленно конфисковать

помещичьи земли и передать их тем, кто на ней трудится. В цитированной выше статье великий вождь народов тов. Сталин, останавливаясь на значении грозненской сессии народного съезда в революции на Тереке, говорил:

«Наконец, Терская область. Ни для кого не тайна, что на Тереке существует Терский областной народный совет, объединяющий вокруг себя все, или почти все (95%) аулы и станицы, деревни, местечки, не говоря уже о городах. Уже на первом областном съезде в январе этого года все без исключения делегаты высказались за советскую власть и за неразрывную связь с Россией. Второй съезд в апреле (тут, вероятно, опечатка, потому что второй съезд происходил не в апреле, а в феврале и марте 1918 года), более широкий и многолюдный, чем первый, торжественно подтвердил связь с Россией, объявив область автономной советской областной съезд делает шаг вперед, переходя от слов к делу, и призывает граждан к оружию для защиты Терека, и не только Терека, от покушений со стороны непрошенных гостей». (И. Сталин. «Статьи и речи об Украине», стр. 53, 1936 год).

Вокруг вопросов о земле и внешней опасности на сессии разгорелись горячие споры, которые по существу раскололи ее на два враждебных лагеря. Горские и казачьи эксплуататорские верхушки в союзе с меньшевиками и эсерами отрицали серьезность германо-турецкой опасности и предлагали не торопиться с решением земельного вопроса. Большевики же, наоборот, выражая интересы и чаяния угнетенных масс, настаивали на необходимости немедленной организации крепкой дисциплинированной армии и быстрейшего разрешения земельного вопроса в духе принятого Вторым Всероссийским съездом советов декрета о земле. Мы должны создать такую армию, в которой, как в период французской революции 1789 года, «приказы издавались бы не для обсуждения, а для исполнения, а для исполнения» — говорили большевики. Громадную роль в деле раскрытия контрреволюционной сущности предательских маневров казачьего офицерства и горских дворян

сыграли яркие, полные правды и неопровержимой логики речи Асланбека Шерипова. Выступая в прениях по докладу военного комиссара Терской народной республики тов. Бутырина, он во всей своей наготе раскрыл грязную картину подлой измены и продажности горских туркофильствующих националистов.

«Мы, горцы Кавказа, — говорил он, — в течение последних столетий жили уединенно и были отрезаны от всего мира, не имели общих интересов с Россией, ибо Россия была для нас тем бронированным кулаком, который раздавил нашу свободу. Россия ради самодержавной политики награждала наших изменников и шпионов землей, для чего сносились целые аулы. Мы никогда не могли простить, что предатели и изменники народа получили благодарственную бумагу с возведением в потомственное дворянство... История нашей борьбы за свободу написана народом собственной кровью. В 1878 году во время войны России с Турцией мы не могли не восстать. На стороне восстания были все наши предатели и изменники, предавшие Шамиля. Среди них были и предки Нажмуддина Гоцинского, который сейчас в нашем крае является главой турецкой ориентации и вдохновителем агитации против советской России... С революцией положение в России резко изменилось в обратную сторону раскрепощения и освобождения. Революция дала горцам те свободы, за которые они боролись столетиями. Мы видим, что теперь за турецкую ориентацию стоят все те, кто предал нашу свободу. Народ знает, что все помещики, князья, продававшие народ самодержавию, теперь ради сохранения своих богатств переменили фронт. Знайте, товарищи и граждане, мы вместе со всеми пойдем защищать свободу... Пойдем потому, что на языках горских племен приветствие говорит: будь свободен! Проходи свободным! Пойдем потому, что империализм Турции, Германии заинтересован не в нашем освобождении, а в захвате природных богатств и нефтяных недр нашего края». (Газета «Терский Казак» от 1/VI 1918 г. №29, стр. 3).

Решительная борьба, которую большевики и Асланбек Шерипов вели на сессии с агентами германо-турецких империалистов, завершилась победой. Сессией была принята резолюция, окончившаяся патетическими словами: «В этот час грозной опасности и тяжелых испытаний, когда на землю свободных трудовых народов в целях хищения и порабощения двигаются полчища германо-гайдамаков и турок совместно с исконными предателями родных народов, съезд всех народов — чеченцев, ингушей, осетин, кабардинцев, балкарцев, казаков, иногородних, политических партий и общественных деятелей единогласно заявляет, что свободные сыны терской земли будут бороться до последнего человека и скорее примут славную смерть борцов за свободу, чем рабство и насилие чужеземного ига. Пламенно приветствуя стойких борцов за честь и славу свободной России, свободные рабочие, крестьяне, казаки и горцы терской земли под общим знаменем спасения родины встанут единым, несокрушимым оплотом великой Российской советской республики». (Газета «***Терский казак***» от 31/V 1918 г., стр. 4).

Таким образом, по-большевистски разгромив агентов горских и казачьих верхушек в вопросах внешней политики, и решив до последнего человека защищать границы Терской области от внешних врагов, сессия перешла к разбору земельного вопроса. Отставая позиции большевистской партии о немедленном удовлетворении земельных потребностей горского крестьянства, Асланбек Шерипов твердил, что вся борьба ведется вокруг земельного вопроса и поэтому только правильное разрешение его может укрепить позиции советской власти в Терской области. «От имени чечено-ингушской фракции заявляю», — говорил он дальше, — что ни в дипломатию будущего, ни в запутанную политику мы играть не будем. У нас ни фабрик, ни заводов и все наше существование зависит от земли. Мы загнаны в суровые ущелья и дикие скалы гор и лишены возможности всякого человеческого существования. Если наши справедливые требования не получат

удовлетворения, то вся эта голодная армия безземельных масс может стать страшной силой в руках контрреволюционеров. У нас нет родины, потому что нет земли. Дайте нам родину и вы встретите в нас братьев, рядом с вами сражающихся против всех врагов революции. На справедливое разрешение этого вопроса, — закончил он эту всколыхнувшую всех делегатов сессии речь, — мы имеем право историческое, право политическое и, наконец, право революции“. (Газета „Известия Совета Рабочих и Военных Депутатов Грозненского р-на от 1/VI — 18 г., №120, стр. 2).

В результате большевиками была одержана победа и по этому вопросу. Принятая сессией по земельному вопросу резолюция обязывала Совнарком Терской народной республики немедленно удовлетворить земельную нужду горской бедноты.

«1) Всякая собственность на землю, недра и прочие природные дары Терской области, — говорилось в этой резолюции, — отменяется, согласно основного закона о социализации земли и постановления 2-й сессии Терского народного съезда.

2) Все земли безотлагательно переходят в пользование трудового земледельческого народа Терской области без различия пола и национальности.

3) В первую очередь удовлетворяются безземельные горные жители Ингушетии, Осетии, Чечни, Балкарии и инородные из запасного земельного фонда области.

Примечание: В первую очередь в целях уничтожения чересполосицы переселяются станицы: Сунженская, Аки-Юртовская, Тарская, Фельдмаршальская». (Газета «Терский Казак», № 30 от 2/VI 1918 г.).

Этой своей резолюцией III сессия народного съезда наносила казачьему дворянству и горским феодалам окончательный удар и делала первые практические шаги в осуществлении основных лозунгов социалистической революции. Казачьи верхи резко отвернулись от Терского народного совета, создали свою фракцию и при помощи меньшевиков и эсеров начали подготовку

контрреволюционных сил для свержения советской власти. Именно на III сессии были заложены первые организационные основы будущего бичераховского контрреволюционного мятежа. Вкупе с контрреволюционными казачьими верхами работали и горские князья, спекулянты, муллы, которые скрывали от своих народов правду о большевиках, о советской власти и своей ложной агитацией мешали объединению трудящихся Терской области.

Наступивший после грозненской сессии народного съезда июнь 1918 года Асланбек Шерипов проводит в напряженной работе по разъяснению темным массам Чечено-Ингушетии предательской сущности политики горских имущих верхушек, в упорной борьбе за создание крепкой дисциплинированной чеченской Красной армии. Одновременно он руководит Гойтинским революционным народным советом, который объединял вокруг себя революционные элементы Чечни и до октября 1918 года шел за большими речами выступает в работах Терского народного совета, с горячими речами выступает на съездах, собраниях чечено-ингушских трудящихся. Крайне острый характер приобретает в это время борьба с Атагинским национальным советом, где орудовали контрреволюционеры во главе с И. Чуликовым, которые с помощью влиятельного духовенства пытались завладеть всей Чечней. В конце июня 1918 года он под названием «Ко всем честным чеченцам» выпускает свое знаменитое воззвание.

«Ко всем честным чеченцам. Чеченцы! Вот уже полтора года как пало душившее вас царское самодержавие, и с первых дней революции всю судьбу Чечни вы отдали в руки шейхов и мулл. Обогатившиеся вашей работой шейхи и муллы вместо того, чтобы молиться и поучать вас — стали спорить из-за власти и мирских благ — этим развращали себя и вас.

Они вам говорили, что надо жить по шариату и что шариат могут выполнять только они. Это была наглая ложь...

Но вы, чеченцы, знаете, что шейхи и муллы не только не поучали вас шариату, не только сами не жили по шариату, но хуже

и преступнее этого: они на тысячу ладов толковали один и тот же шариат и этим самым разъединяли единый чеченский народ...

Ведь шариат — один.

И потому на всякий ваш больной вопрос — житейский, политический, общественный и т. д. — шариат может дать только один ответ, только одно разрешение.

Но каждый шейх и богатый мулла дает свой ответ и вместо одного разрешения выходит столько ответов, сколько шейхов и мулл в Чечне. И даже хуже того, смотря по выгоде, один и тот же шейх на один и тот же вопрос в разное время дает разные ответы. И когда шейхи и муллы решают народные дела, они всегда исходят из личных, а не народных интересов.

Получается страшное зло: каждый шейх имеет своих мюридов и мюриды исполняют только то, что скажет их шейх. И оттого у чеченцев всегда разлад, нет единения, и трудовой народ бьется в тисках темной шайки шейхов и мулл. Что нужно шейхам и муллам? Им нужно, чтобы вы на них работали как рабы, чтобы приносили им дары и чтобы им можно было жить дармоедами да богачами.

И им захотелось иметь еще власть. И они стали спорить, завидовать друг другу и ненавидеть друг друга. Каждый шейх и мулла старался и призывал своих мюридов не к тому, чтобы сделать хорошее дело для всей Чечни, а старался и старается прославить свое имя, повредить своим врагам, урвать себе добычу; часто шейхи и муллы продавали за деньги народные интересы.

И вы сами лучше всех видите, что шейхи и муллы единый шариат и единый трудовой чеченский народ разделили, разбили на мелкие части и этим самым обессилили вас...

Вы, чеченцы, братья между собой, но из-за того, что ссорятся шейхи между собой из-за власти — ссоритесь и вы между собой... Шейхи вас сделали врагами друг с другом. Чеченцы! Вы хвалитесь тем, что у вас не было и нет князей... неправда! Шейхи и муллы в тысячу раз хуже князей. Разве не вашими трудами живут они.

Разве они не говорят вам, что они властители Чечни и разве вы смеете выбирать себе в главари кого-нибудь другого, кроме шейхов и мулл и их ставленников. Разве вы смеете отвечать на неправый суд, на обиды и притеснения со стороны шейхов…

Нет, нет и нет! И потому не хвалитесь перед кабардинцами и др. народами, что у вас нет князей: у вас есть шейхи — это хуже князей.

И вместе с шейхами и муллами всегда шли и взаимно поддерживали купцы, подрядчики и помещики, спекулянты и мародеры. Шейхи и муллы поддерживают всегда больше богача, чем бедняка и делают так потому, что богач дает шейху больше «закат», чем бедняк.

А купцы, помещики и т. д. поддерживают шейхов и мулл и дают им больше «закат», потому что шейхи и муллы помогают им притеснять бедняков и драть с них кожу. Ведь когда спекулянт покупает аршин ситцу за 10 коп., а продает бедняку за 10—15 руб., шейх не говорит, что этого нельзя делать по шариату, а говорит, что у такого купца нельзя отнимать товар. Когда бедняк с голоду украдет даже курицу, шейх грозит бедняку отрубить голову. И так поступают все остальные. И с самого начала шейхи и муллы, купцы, подрядчики, помещики, спекулянты и мародеры поняли, что их интересы могут пострадать, если чеченский народ возьмет власть в свои руки.

И они, поддерживая друг друга, заключили союз с казаками и не старались добыть для народа земли. Почему… А потому что шейхам, муллам, купцам и вообще богачам земля не нужна — она на ней не работают. Помещики же имеют достаточно ее и как казачьи дворяне не хотели дать ее народу.

Мы, молодежь чеченская, видели, как шейхи и муллы из Атагинского совета заключили союз с казаками и вместо того, чтобы отнять землю у казаков, около сел. Алды поставили на казачьи деньги охрану для казаков против чеченцев же!..

И нам, молодежи, искренне любящей свой народ, — стыдно и горько… Ибо русские, ингуши и другие народы видят и знают

только шейхов, мулл, купцов и т. д. и не видят настоящего чеченского народа. По них, чеченцы судят о вас… Когда шейх продается и на вопросы трудового народа смотрит с личной точки зрения, то все говорят, что так поступает чеченский народ. Когда спекулянты, мародеры и все паразиты народной жизни совершают свои грязные дела, то говорят, что так поступает чеченский народ… Проснитесь, все честные чеченцы!..

Наши предки гибли за ту свободу и землю, которую теперь продают шейхи, муллы и чеченские богачи. За эту свободу, за землю вы все должны встать, как один человек! Не должно быть партий и их главарей — шейхов, а должен быть единый чеченский трудовой народ. И тогда вы защитите свободу, власть и завоюете землю…

Мы, молодежь, верим в то, что не погибли еще в Чечне герои и борцы за народную свободу. Все, что здесь пишется, сознается чеченским народом, чувствуется и думается, но никто не смеет говорить и действовать. Будьте же смелее! Все в руках народа, только поймите друг друга, объединитесь, и тогда вам никто не будет страшен. Вам будут говорить про нас много сплетен, провокаций и клеветы, будут угрожать и запугивать и нас и тех, кто нам сочувствует.

Мы решились спасти Чечню из того страшного тупика, в какой ее загнали шейхи и муллы, и не найдется в мире той силы, которая могла бы нас запугать и удержать от борьбы за народную свободу.

Ибо мы готовы все принести в жертву для народной свободы! Мы пойдем на смерть за народ не по обязанности, а с наслаждением и радостью. Мы верим в то, что народ проснется, он уже просыпается — возьмет в свои руки власть и сам будет творить свою жизнь, ибо на нашей стороне есть вера и любовь, вера в торжество правого дела, в разум чеченского народа и любовь к свободе!.. **Асланбек Шерипов**». (Копия с воззвания «***Ко всем честным чеченцам» А. Шерипова, хранилась в архиве Чеч.-Инг. НИИ)*.**

Наряду с беспощадным разоблачением чеченских контрреволюционных верхов, стремящихся завязать сношения

с восставшими против советской власти казачьим офицерством, Асланбек Шерипов очень много времени и внимания уделяет вопросу создания единого революционного фронта трудящихся Терской области. Мы должны, говорил он, беспощадно рубить головы всяким провокаторам, пытающимся снова втянуть Терскую область в бессмысленную войну и в огне межнациональных столкновений задушить революцию. Больше всего энергии и сил отдавал Асланбек Шерипов делу установления близких, дружественных отношений между грозненским пролетариатом и чеченской беднотой, ибо он прекрасно знал, что революция в Чечне может победить только тогда, когда чеченской беднотой будет руководить грозненский пролетариат. Исключительно большой интерес в этом отношении представляет его речь по вопросу о текущем моменте, произнесенная им 7 июля 1918 года на заседании грозненского совета рабочих и военных депутатов. Заканчивая анализ событий, предшествовавших I сессии Терского народного съезда, Асланбек Шерипов говорил, что горцы и казачьи верхи рассчитывали командовать трудящимися массами, как взводом солдат, и заставлять их в любой момент менять политический фронт. «Но глубокая ошибка казачьих и наших «стратегов и дипломатов» заключалась в том, что они не учитывали, что такой великий переворот, как русская революция, должен оказать влияние и на отсталые массы Терской области. Они упустили из виду, что революция, опрокинувшая и раздавившая созданные веками столпы самодержавия, нарушившая взаимоотношения различных общественных групп, оказывая громадное влияние на самосознание масс, — не могла не отозваться и в жизни трудящихся Терской области. Я вам не буду говорить, что наши массы поднялись до высоты признания и принятия социализма... Хотя у нас нет развитого капитала, нет заводов и фабрик, нет пролетариата — зато у нас есть армия безземельных, есть группы, которые уже не могут терпеть диктатуру угнетателей и невежества... Мы должны вырвать инициативу из рук «стратегов и дипломатов»

и властно заявить, что мы сознаем себя и свои интересы, сознаем путь, по которому мы должны идти, и что с этого пути нас никто не заставит свернуть… И мы попали в свою точку. Мы всем существом чувствуем правильность взятого курса политики и наше отношение к советской власти должно остаться прежнее: мы доверяем советской власти и будем эту власть поддерживать реальной силой…

Переходя к взаимоотношениям грозненцев и чеченцев, я должен сказать, что до сих пор нашей абсолютной властью мало обращалось внимания на Грозненский район. Грозненский район является не только экономическим и торговым центром Терской области, но и центром политическим. В районе Грозного, помимо интересов казачества, чеченцев и иногородних сосредоточены интересы главной, большей части терского пролетариата, который по существу является главной движущей силой революции… и потому-то политика Терской области всегда шла и будет идти по той линии, которая вырабатывалась, как результат взаимоотношений перечисленных общественных групп… Мы должны понять, что последние события вызваны здесь взаимным непониманием (речь идет о провокационных столкновениях между гор. Грозным и чеченцами, имевших место в конце июня и в начале июля 1918 года — А. Г.). Ведь нелепо же положение громадного населения Грозного и всей Чечни, когда им приходится базироваться на отношениях алдынцев и щебелиновцев. До сих пор, если алдынцам и щебелиновцам вдруг захочется проявить свое воодушевление и пострелять друг в друга — всем приходилось становиться в боевую позицию. Мы полагаем, что такое положение ненормально и не может долго продолжаться.

Мы должны помнить, что Грозненский район, как центр Терской области, ответственен за судьбу всей Терской области, и отсюда наша задача заключается в том, чтобы внимательнее всмотреться в себя и в окружающую обстановку и с сознанием своего долга найти выход из создавшегося положения. В области подняла голову

контрреволюция... Я определенно скажу, с нашими контрреволюционными верхами верхи казачества уже стремятся завязать прочные сношения, чтобы создать свой единый контрреволюционный фронт. И потому мы должны через головы контрреволюционеров протянуть друг другу руки и создать свой собственный революционный фронт, который будет подчиняться не стратегическим и дипломатическим маневрам наших верхов, а будет подчиняться только нашей собственной революционной совести.

И я не менее определенно должен заявить, что наш фронт будет крепче и сильнее и нам не будет стоить никаких усилий задавить гидру контрреволюции. Я заявляю категорически, что каковы бы ни были условия, как бы ни повернулись обстоятельства, чечено-ингушский народ ни в какие соглашения, союзы и контакты с контрреволюционными верхами казачества для свержения советской власти не вступит. И даже если эти верхи сумеют завязать сношения с нашими верхами, то все-таки они не найдут у нас массу, которая пошла бы за ними. И кто бы и где бы ни говорил обратное — это будет одна лишь чистая провокация.

Ибо хотя у нас существует два совета, хотя один из них и не прочь бы действовать совместно с казачеством, все-таки аграрное движение у нас приняло такие размеры, что враждебный нам совет не посмеет даже перед своими последователями провести мысль о союзе с казачеством. Все наши опасения заключаются только в том, что мы, если обстоятельства сложатся неблагоприятно, будем изолированы в момент борьбы за советскую власть... И мы стремимся и достигнем таких условий, чтобы красная армия городов в боях за советы видела рядом с собой и красную армию гор... Мы добьемся этого, потому что для нашей группы нет уже путей к отступлению, мы сожгли за собой все корабли — и свои позиции добровольно не сдадим. Иного выхода для нас нет.

В день убийства т. Буачидзе, перед экстренным заседанием Совета, казачья фракция пригласила представителей других

фракций на частное совещание по текущему моменту. И на этом совещании от имени чеченцев и ингушей определенно и без недомолвок было сказано, что с Терским Народным советом не может повториться история Терско-Дагестанского правительства.

Для свержения Т.-Даг. Пр-ва достаточно было убить несколько человек и вынести на съезде резолюцию... И это произошло потому, что путь к свержению Т.-Даг. Пр-ва был путем от анархии, гражданской войны к миру и объединению трудовых слоев...

А путь свержения Тер. Народн. Совета и др. советов будет путем от мира и единения трудящихся к анархии и межнациональной войне...

И потом мы заявили и заявляем: пусть те, кто идет против Советов, не думают, что свержением Советов в Моздоке и др. городах они могут достигнуть своей цели. Пусть они знают, что только после этого, или наряду с этим начнется главная борьба за советскую власть.

Если даже свергнут Тер. Нар. Совет — это будет только началом борьбы за советскую власть. Вся область разделится на две группы: одна будет за советы, а другая против советов. И для нас является большим вопросом, кто выйдет победителем из этой борьбы. И наша группа все отдаст во имя этой борьбы. Я опять повторяю: нашей группе нет отступления, нет другого выбора. Даже если мы не сумеем объединиться, даже если вы будете побеждены или победить, или погибнуть. Мы хотим тесно связать свою судьбу с вашей судьбой и потому призываем вас к объединению в этот грозный момент». (Газ. «Народная Власть» от 16/VII 1918 г., №81).

После всестороннего обсуждения этой речи, Грозненским советом рабочих и военных депутатов почти единогласно была принята резолюция, в которой он призывал «всех честных революционеров, рабочих, крестьян, трудовых казаков и горцев соединиться в единый революционный фронт, дабы удержать завоевания революции, и, создав могучий кулак, дать отпор всем контрреволюционным движениям» (там же). Так, благодаря усилием

грозненской большевистской организации и Асланбека Шерипова между чеченской беднотой и грозненскими рабочими возник боевой союз классовой дружбы, под знаменем которой они плечом к плечу сражались против всех контрреволюционеров, вплоть до окончательной победы Октябрьской революции на Тереке.

Летом 1918 года для советской власти на Тереке наступили одни из самых тяжелых и критических дней. Добровольческая армия Деникина при помощи иностранных интервентов захватила Кубань и отрезала Терскую область от Советской России. Внутри самой области казачьи и горские контрреволюционеры то здесь, то там поднимали вооруженные восстания; бежавшее от революционных масс в Дагестан, а оттуда в Тифлис, мифическое горское правительство объявило независимость горской республики и с помощью мусульманского духовенства через своих многочисленных агентов агитировало темные и забитые массы на борьбу с большевиками. Белоказачьи бандиты, поднявшие под руководством махрового меньшевика Бичерахова контрреволюционный мятеж, окончательно распоясались и грозили в потоках рабочей и крестьянской крови уничтожить завоевания Октябрьской революции. В июне 1918 года они на улицах Владикавказа убили председателя Совнаркома Терской народной республики, пламенного большевика Ноя Буачидзе.

Таким образом, вокруг терских большевиков, самоотверженно боровшихся за власть Советов, сомкнулось железное кольцо контрреволюционных мятежей и восстаний. В этот трудный для революции момент 11 июля 1918 года, прорвавшись у ст. Прохладной через белоказачий фронт на Терек, с мандатом чрезвычайного комиссара юга России на бронепоезде прибыл неустрашимый революционер и ближайший соратник Ленина — Сталина Серго Орджоникидзе. Серго Орджоникидзе сейчас же по прибытии возглавил дело революции на Тереке и приступил к собиранию боевых сил рабочих и крестьян. 23 июля 1918 года в городе Владикавказе его речью открылась IV сессия Терского

народного съезда. Перед сессией стояла задача организации сил для подавления бичераховского мятежа и укрепления советской власти. На сессии присутствовали представители казачьего кулачества и офицерства, восставших против рабоче-крестьянской власти. Они ультимативно требовали отведения от линии фронта и разоружения красноармейских частей, бронепоездов и немедленного отстранения от работы народных комиссаров Бутырина, Пашковского и др. Переговоры мирной делегации, которая по предложению Серго Орджоникидзе была послана на фронт, не дали никаких результатов, надежды на прекращение военных действий и восстановление мира рухнули окончательно. Обстановка была настолько критической, что отдельные представители Совнаркома Терской республики дрогнули и начали поговаривать о необходимости отставки. Меньшевики и эсеры капитулировали перед контрреволюцией и якобы в целях прекращения гражданской войны требовали от советской власти добровольческой сдачи бичераховским бандитам всех постов. Только Серго Орджоникидзе — эта высеченная из гранитного монолита мощная фигура профессионального революционера, и руководимые им большевики продолжали мужественно стоять на страже завоеваний Октябрьской социалистической революции. В своей громовой речи, произнесенной на сессии, Серго Орджоникидзе раскрыл перед делегатами контрреволюционный смысл требований мятежного офицерства, доказал, что они направлены не против отдельных представителей Терского народного совета, а против всей политики советской власти, ведущей к ликвидации крупных имений горских, казачьих дворян и кулаков, и призывал массы к борьбе за полное уничтожение бичераховских наймитов капитала. Большевистская прямота, мужество, революционная принципиальность Ленинского комиссара, его беспредельная преданность делу партии и рабочего класса произвели неизгладимое впечатление на всех присутствовавших на съезде. Асланбек Шерипов, в качестве руководителя чечено-ингушской делегации участвовавший

в работах сессии, восторгался смелостью, железной логикой и гениальным умом Серго Орджоникидзе. Вдохновленный его громоподобными речами, он поднялся на трибуну и в этот исторический момент произнес свою известную, потрясшую всю сессию речь: «Товарищи и граждане, мы разбираем вопрос чрезвычайной важности, и к нему надо подойти не только с осторожностью, но и великой откровенностью. Здесь нам говорили, что казачество в течение 300 лет было революционным. Я не знаю, как хватило мужества у представителя тех, кто вплоть до февраля 1917 года являлись наемниками империализма (аплодисменты слева), заявить это. Нам Фальчиков (казачий офицер и один из вдохновителей бичераховского мятежа на Тереке) говорил, что царское правительство с них брало контрибуцию, а я утверждаю, что эти контрибуции казачество брало с тех, которые умирали в горах от малоземелья... И мы с величайшей подозрительностью относимся к тому утверждению, которое говорит, что движение казачества создано хулиганством совдепов и личным недоверием и комиссарам. А мы утверждаем, что если бы совдепы состояли даже из небесных ангелов, а комиссары были бы небесными богами — движение это началось бы все равно. (Аплодисменты). Совершенно верно утверждение, что здесь не может быть середины, и власть может быть или советской или монархической. А все те группы, которые коалируются со сторонниками Учредительного собрания, не ведают, что творят. И поэтому для нас было полной неожиданностью, что в этот момент, когда происходит решительная схватка между революцией и контрреволюцией, вследствие выражения недоверия к тому или иному комиссару, которое явилось ловким приемом агитации, Совнарком слагает свои полномочия. Я считаю, что Совнарком должен продолжать свою борьбу еще более упорно и энергично. (Шумные аплодисменты). Не им, на которых мы возлагали такие надежды и думали, что они научат нас и выведут на широкий путь, уходить сейчас. И поэтому — отставку их не принимаем (аплодисменты) ... Над нами, горцами здесь смеялись,

иронизировали по поводу нашего блока с большевиками, называли насмешливо «голосующей скотинкой». И они не понимали, что смеются над самими собой, ибо мы не виноваты, что мы были как парламентские деятели хуже, чем вы (обращается оратор к правым скамьям), не мы в этом виноваты, а старое царское правительство и отчасти — вы сами. Мы дики, мы невежественны и нищи! Ибо в то время, когда мы, угнетенные, давимые страшной нуждой и мраком, сидели в своих ущельях и горах, мы прогуливались по аллеям курортов... Я не буду прибегать к демагогическим приемам, но контрреволюционное движение реально таилось в казачестве. Но если оно не будет раздавлено в казачестве, контрреволюция охватит всю область, в том числе и Чечню. Мы не скрываем, что Чечня раскололась на две части, что у нас даже два Совета, но у нашей группы нет иного выхода, кроме последовательной революционной борьбы. Мюриды Шамиля не были образованы и не учились на юридическом факультете, как Мамулов (эсер, поддерживающий бичераховский мятеж), но зато в кровавой борьбе с русским империализмом они доказали свою любовь к свободе.

Мы также будем мюридами революции и обещаем, что будем бороться за свободу, как боролись наши предки 60 лет назад с русскими империалистами. Все пути отступления у нас отрезаны, и мы еще раз заявляем, что мы будем последними, которые будут умирать в борьбе за революцию». («Народная Власть» от 31/VII — 18 г., №94).

Раздражение горячей и глубоко искренней речью Асланбека Шерипова казачьи офицеры вскакивали с мест и с пеной бешенства у рта кричали, что это блок «диких» с большевиками, что это заговор против демократии и т. д. Они хотели демагогией и клеветой на большевиков, на чечено-ингушскую бедноту внести раздор в революционную семью народов Терской области. Но большевики совершенно не скрывали, что они в борьбе за победу советской власти на Северном Кавказе опираются на горскую бедноту. Большой интерес в этом отношении представляет заявление говорят,

что имеется блок «диких» с большевиками. Да, но мы предпочитаем лучше умереть с «дикими», чем идти вместе с палачами народа» (Аплодисменты). Речи и выступления гениального организатора масс Серго Орджоникидзе, а также и Асланбека Шерипова раскрыли перед сессией ясную, законченную картину положения в Терской области. Агенты бичераховщины были разоблачены до конца.

Серго Орджоникидзе обратил особое внимание на героического сына чечено-ингушского народа — Асланбека Шерипова. Он долго беседовал с ним, учил его, высоко отзывался о нем и говорил товарищам, что из этого самородка вырастет настоящий руководитель революционных масс. «Я верю, — говорил Серго Орджоникидзе, — что в Чечне вокруг товарища Шерипова, которого мы считаем коммунистом, создастся коммунистическая группа».

Рассказы Серго Орджоникидзе о героической борьбе русского рабочего класса, о славной истории партии большевиков, о великих вождях мирового коммунистического движения Ленине и Сталине оказали на полного революционным порывом Асланбека Шерипова могучее влияние, и он заявил ленинскому посланцу на Северном Кавказе, что, хотя он формально и не состоит членом большевистской партии, но будет рубиться за ее идеи до последнего куска мяса и что он вступит в партию в самый критический для нее момент. В этот период, наряду с большой работой по организации и подготовке трудящихся горцев к предстоящим классовым боям, Асланбек Шерипов очень много времени уделяет глубокому изучению бессмертных произведений Ленина и Сталина. Обладая спартанским здоровьем и редкой работоспособностью, он целыми ночами штудировал их и черпал из них все новые и новые знания и силы для самоотверженной борьбы за дело рабочих и крестьян.

Но вскоре систематические занятия по изучению марксизма-ленинизма — этого великого, всепобеждающего теоретического оружия рабочего класса, пришлось прервать и оружие критики заменить критикой оружием.

В ночь с 5 на 6 августа 1918 года, в то время, когда там еще продолжалась работа IV сессии Терского народного съезда, на город Владикавказ под командой полковников Соколова и Беликова напали бело-офицерские казачье-осетинские банды. На улицах Владикавказа загорелись горячие бои, в результате которых части Соколова и Беликова заняли весь город, за исключением вокзала, Курской и Молоканской слободок. Серго Орджоникидзе вынужден был отступить в ингушское селение Базоркино, куда немного позже прибыли отступившие по Военно-Грузинской дороге в горы Ингушетии остальные делегаты сессии. Положение было исключительно тяжелое. Судьба советской власти на Северном Кавказе висела на волоске. Вслед за Владикавказом полчища бичераховских банд готовились к нападению на пролетарскую цитадель Терской области гор. Грозный. Асланбек Шерипов по поручению Серго Орджоникидзе с риском быть растерзанным офицерскими шайками восставших казачьих станиц едет в глубь Чечни и собирает вооруженные силы для оказания грозненским рабочим помощи. А когда 11 августа 1918 года начались героические стодневные бои грозненского пролетариата против наседавших на город огромных масс бичераховских наймитов капитала, Асланбек Шерипов торопился на помощь. Командование красногвардейскими силами города в самый критический момент получает его письмо: «Товарищи, держитесь крепче, бейте кадетов, чеченские бедняки спешат на помощь. А. Шерипов». Рядом с революционной армией городов, как это пророчески предсказывал Асланбек Шерипов, выросла революционная армия гор. Братья по классу, которых их палачи так долго держали изолированно друг от друга, люди, которые еще в недалеком прошлом враждовали между собою, теперь под влиянием великой русской революции через головы контрреволюционных генералов протянули друг другу руки и объединились для совместной борьбы против общего врага. Оборванные, загорелые бойцы обнимались, радостно смотрели друг другу в глаза и клялись победить или

умереть. Это была трогательная картина. Восторгу тех и других не было предела. «Хорошо, что нам чеченцы помогают, — говорили рабочие Грозного, — а то нас не хватило бы». Помощь чеченских трудящихся грозненским рабочим не ограничилась одной лишь посылкой бойцов. Асланбек Шерипов постоянно снабжал их патронами, хлебом и вместе с храбрым командиром Абдул-Рашидом Исаевым во главе чеченской конницы беззаветно сражался с белобандитами, появляясь в самых опасных местах фронта. Серго Орджоникидзе внимательно следил за героизмом грозненских рабочих и чеченских трудящихся, отчаянно боровшихся против 15-тысячной, вооруженной до зубов армии белобандитов, но до 18 августа 1918 года он не мог организовать им реальной помощи, так как всецело был занят военными действиями в районе Владикавказа.

Владикавказ, этот административный центр области, частями Соколова и Беликова был превращен в развалины. Горсточка красноармейцев, дружины Курской и Молоканской слободок и небольшой отряд осетинских революционеров-керменистов упорно защищали каждую улицу, каждый дом. Бои тянулись уже 11—12 дней, у красноармейцев не хватало патронов и других боеприпасов. На помощь белым из восставших казачьих станиц ежедневно прибывали все новые и новые пополнения. Город находился накануне своего окончательного падения. Но вот в это трудное время по зову Серго Орджоникидзе на помощь советской власти «Выступили ингуши, этот авангард горских народов» (С. Орджоникидзе. «Избр. Статьи и речи», Москва, 1939 г., стр. 60), и положение сразу изменилось. Тысячные отряды вооруженных до зубов ингушских трудящихся лавиной обрушились на врагов революции, взяли восставшие против советской власти станицы Сунженскую, Тарскую, Воронцово-Дашковскую, хутор Тарский и совместно с красноармейскими частями 18 августа очистили гор. Владикавказ от офицерских банд. «Я помню момент перед концом IV съезда, — говорил об этом периоде Серго Орджоникидзе на V

сессии народного съезда, — когда мы висели на волоске; это был момент неуверенности, когда за ними не шли, а на нас робко оглядывались. И в этот момент одиночества советской власти маленький ингушский народ весь встал на защиту советской власти» (там же, стр. 46). «И я никогда не скрывал, что советская власть вновь была утверждена волею трудового ингушского народа» (там же, стр. 39).

Потерпев в гор. Владикавказе жестокое поражение, бичераховские банды все свои силы сосредоточили в районе Грозного, где революционные рабочие и чеченские бедняки с невероятным упорством продолжали защищать пролетарскую твердыню Терской республики. Особенно большим героизмом и отвагой отличалась чеченская красная конница, которая под командованием беззаветно храброго Асланбека Шерипова, неожиданными налетами наносила врагу чувствительные уроны. Серго Орджоникидзе, в конце сентября 1918 года наблюдавший за одной из стремительных атак чеченской конницы во главе с Асланбеком Шериповым, был поражен смелостью и отвагой молодого вождя чеченской бедноты. «Молодец Шерипов, — говорил он ему после удачного завершения операции, — я видел, что ты в бою также храбр и решителен» (Мельчин. «Мюрид революции». Журнал «Молодая гвардия», 1938 г. №10).

В Грозном Серго внимательно изучает положение на фронте, руководит боями, дает указания и своей безграничной смелостью и непоколебимой верой в победу революции поддерживает боевой дух всего фронта. Одновременно с этим Серго Орджоникидзе разворачивает огромную работу по разъяснению казачьим низам идей советской власти и завоеванию их на сторону революции. Для массово-разъяснительной и агитационной работы среди казачества в сунженские станицы посылаются коммунисты Дьяков и др. Вслед за ними Серго Орджоникидзе сам с большой опасностью для жизни едет в Карабулак, Ассиновскую, устраивает там собрания, на которых, как крупный агитатор большевизма, разъясняет

казачьей бедноте контрреволюционную сущность политики их верхов. В результате в казачьих станицах начинается классовая борьба, в которой нередко сыновья-казаки шли против своих отцов. Это была огромная победа большевистской партии и советской власти. Казачья беднота под руководством Дьякова организовалась в революционные отряды и ударила в тыл белоказачьим офицерским бандам, сражавшимся против грозненских рабочих. В ноябре 1918 года Серго Орджоникидзе снова проникает в Грозный, награждает особо отличившихся бойцов и совместно с командованием грозненских красногвардейских отрядов разрабатывает план всеобщего наступления на врага. 12 ноября 1918 года героическая грозненская Красная Армия под руководством Серго Орджоникидзе перешла в наступление и на голову разбила офицерские банды. Об этой блестящей победе над мятежным офицерством Серго Орджоникидзе в тот же день телеграфировал В. И. Ленину в Москву: «Сегодня после трехмесячной борьбы грозненская Красная Армия нанесла контрреволюционным бичераховским бандам смертельный удар, изгнав их из Грозненской станицы». (Газета «Народная власть» от 15/XI — 18 г., №158).

Бичераховский мятеж в районе города Грозного был подавлен под руководством Серго Орджоникидзе, благодаря беспримерному героизму грозненских рабочих и чечено-ингушских трудящихся, а город Грозный полностью очищен от банд белопогонников. Одновременно с этим части героической 11 армии опрокинули позиции противников в районе станции Прохладной, до конца разгромили терских контрреволюционеров и 23 ноября 1918 года взяли их гнездо — город Моздок. Таким образом, соединенные силы революционных элементов Терской области совместно с частями славной 11 армии, во главе с Серго Орджоникидзе, нанесли бичераховскому контрреволюционному восстанию окончательный удар. Власть рабочих и крестьян снова восторжествовала на всей территории многонационального Терека. Большевики приступили к восстановлению разрушенного гражданской войной хозяйства,

укреплению Советов и проведению отдельных мероприятий по углублению революции. Народным советом и Совнаркомом Терской республики были изданы декреты о национализации предприятий общества «Алагир», грозненских нефтяных промыслов, частных банков и т. д. Был принят ряд мер по проведению в жизнь постановлений II и III сессий Терского народного съезда по земельному вопросу. Трудящимся Ингушетии были возвращены отобранные у них царским правительством в середине 19 века земли. Классовая дифференциация в среде горских народов, а также казачества достигла огромных размеров. Казачье дворянство, горская буржуазия, духовенство и князья тянулись к иностранным капиталистам и Деникину. Промышленные рабочие, горские батраки, бедняки и трудовое казачество образовали единый лагерь борцов за революцию и героически защищали Советы.

Бичераховский мятеж был разгромлен, но над Северным Кавказом нависла другая опасность. На территории горских народов со стороны Дагестана надвигались туркофильствующие банды авантюристского горского правительства, свисшего себе гнездо в городе Петровске. «Перед нами новая опасность, — говорил по этому поводу Серго Орджоникидзе, — но не от казачьего Бичерахова, а от Бичерахова чеченского и ингушского» (С. Орджоникидзе. «Избранные статьи и речи», стр. 46, М. 1939 г.). центр тяжести всей борьбы за власть Советов на Тереке переносился в Чечено-Ингушетию. Нужно было разъяснить чечено-ингушским трудящимся массам, что Чермоев, Джабагиев и другие несут им новую кабалу и новые цепи рабства, нужно было эти массы организовать и навсегда закрыть предателям из горского правительства двери в Терскую область. За эту трудную и политически важную работу в Чечено-Ингушетии по поручению С. Орджоникидзе взялся А. Шерипов. Для просвещения горских масс, для отрыва их от купцов, мулл Асланбек Шерипов использует весь свой могучий талант крупного политика и оратора. В своих горячих выступлениях он беспощадно бичует руководителей Атагинского

контрреволюционного совета, стремящихся на штыках горского правительства и турецких солдат реставрировать гнет помещиков и капиталистов. Вместе с тем он открыто разоблачает половинчатую политику Гойтинского народного совета, в котором в это время уже начали преобладать реакционные элементы во главе с Сугаиб-муллой, располагавшим большой властью, и приступает к организации революционных сил чеченской молодежи. В знак протеста против бездеятельности, нерешительности и реакционности Гойтинского совета Асланбек Шерипов всенародно снимает с себя обязанность командира чеченской Красной Армии. В открытом заявлении, поданном Гойтинскому народному совету в первых числах октября 1918 года, он писал:

«Имею честь довести до сведения Гойтинского народного совета, что я слагаю с себя звание и обязанности командующего чеченской Красной Армией. На этот шаг я решаюсь потому, что при существующем порядке организации борьбы с контрреволюцией, при существующем отношении к этому вопросу со стороны ответственных руководителей Гойтинского совета выходит только то, что без всякой пользы для народных интересов тратится масса народных денег. И должен открыто, как делается мною всегда, заявить, что по моему непоколебимому убеждению чеченский народ благополучно выйдет из создавшегося за последнее время кризиса только тогда, когда он совершит у себя настоящую революцию. Вот уже два года, как Чечня вручила свою судьбу в руки шейхов и муллы в союзе с купцами, подрядчиками, помещиками, мародерами и спекулянтами продавали интересы Чечни и развращали своим собственным развратом чеченский народ... И теперь пришло время, когда на сцену революции в Чечне должна выступить новая, действительно революционная сила — это чеченская молодежь. Ибо за два года ложные шейхи, муллы, купцы и т. д. блестяще дискредитировали себя, и спасение чеченского народа заключается в том, чтобы этой новой силе дать дорогу и свободу. Я знаю, что моя отставка и мое мнение о необходимости действительной революции

в Чечне послужат почвой для провокации, клеветы и сплетен всех цветов и оттенков. И потому я также заявляю, что я слагаю с себя звание командующего чеченской Красной Армией, но не слагаю с себя звание борца за интересы трудовой Чечни. Ибо эту борьбу я буду продолжать бесстрашно, беззаветно, вопреки всем провокациям. *Народный комиссар по национальным делам Терской Республики, Командующий Чеченской Красной Армией Асланбек Шерипов».* (Газета «Народная власть» №133, 13/X, 1918 года).

Каждое слово Асланбека Шерипова, как меч, поражает реакционные силы из Гойтинского совета и приводит их в бешенство. Асланбек Шерипов с его острой критикой становится нетерпимым, и верхи Гойтинского народного совета решают убрать его. Его травят, обливают грязью, называют контрреволюционером босяком. В его отсутствие совет выносит решение об отзыве Асланбека Шерипова и других представителей Чечни в Терском народном совете и замене их другими. Но ни травля, ни клевета не могли сломать дух первого марксиста Чечено-Ингушетии. Вопрос переносится в Терский народный совет, на заседании которого Асланбек Шерипов раскрывает картину всех грязных проделок Гойтинского совета. В своей обличительной речи, произнесенной 12 октября 1918 года, на заседании Народного совета, он говорил: «У нас в Чечне только теперь начинается революция, до сих пор господствовала политика куда ветер дует. Я заявляю открыто, если хотите заявлю и в печати, что перевыборы членов Совета произведены не потому, что они не посещали собраний, а потому, чтобы выставить из Народного совета определенных лиц, ведущих политику, не согласную с политикой Гойтинского совета. Ибо Гойтинский совет не борется с контрреволюцией, а спекулирует на революции. Один член чеченской фракции Народного совета перепродавал патроны грозненским революционерам. Весь вопрос сводится не к тому, что прежние члены Народного совета плохо посещали или совсем не посещали заседание совета, ибо новые члены, выбранные Гойтинским советом, и сейчас не явились

на собрание, а дело в том, что Эльдарханов заключил союз с шейхом Сугаиб-Муллой и проводит политику, угодную ему. Какое бы ни было постановление Гойтинского совета, гражданин Эльдарханов прежде доводит его до сведения шейха Сугаиб-Муллы и если последнему благоугодно будет утвердить решение Совета, то утверждается, если нет, то отменяется. Смею вам сказать, что Гойтинский народный совет не выявляет волю чеченского трудового народа. Интересен случай, как, например, гражданин Паскоч Тагилев попал в члены чеченского Народного совета. Он зашел как-то в Гойтинский совет; один из членов совета сказал: „Вот гражданин Тагилев, защитник интересов революции, его нужно принять в совет“, и гражданин Тагилев был принят в совет членом. Таким образом, набрано большинство членов Гойтинского совета, которые не имеют никаких мандатов от избирателей. Я говорю, что Гойтинский совет не выражает воли чеченского народа. В последнее время в Чечне образовалась советская партия, которая ведет агитацию за созыв съезда чеченского народа для перевыборов в Гойтинский совет. Против этой-то партии и направлено постановление Гойтинского совета о новых членах Народного совета. Я утверждаю, что Гойтинский совет не советская организация, а союз мародеров, спекулянтов, лавочников, мулл с гражданином Эльдархановым, спекулирующим на революции. Я предлагаю, если Народный совет утвердит новых членов Народного совета, предоставить место политической партии в Чечне, образовавшейся теперь». (Газета «Народная Власть» от 16/X 1918 года).

12 октября 1918 года Серго Орджоникидзе и Бутырин едут на многолюдный съезд в Назрань с целью разъяснить трудящимся Ингушетии контрреволюционную сущность горского правительства.

Вместе с ними туда прибывает и Асланбек Шерипов. Серго Орджоникидзе в своей блестящей речи, произнесенной на этом съезде, доказывал ингушским трудящимся, что авантюристическая политика горского «правительства» сулит области не меньших бед и потрясений, чем кровавая попытка казачьих и осетинских

офицеров и генералов реставрировать старый строй. «Много лиц в Тифлисе, — говорил он, — которые именуют себя вашими представителями. Они зовут сюда немцев и турок для восстановления порядка… Месяц тому назад, здесь, под этим деревом, вы громко заявили мне, что ингушский народ с нами (крики: „И теперь говорим — мы с вами до последнего человека“). Мы узнаем и верим в это. Мы знаем и то, что в Сурхохи приезжал Шукубий, мы также и то, как ингуши отказали ему в приеме. После всего этого все те, кто разочаровались в могуществе немцев и турок, теперь появились среди нас и хотят свое счастье строить на нашей крови… Они распускают слухи о том, что большевики хотят вместе с казаками и осетинами напасть на вас. Знайте, что они провокаторы и ваши враги. Не верьте им». (Газета «Народная Власть», № 134, 1918 год).

Вслед за Серго Орджоникидзе выступил его воспитанник Асланбек Шерипов: «***Лживые языки успели распустить слухи, что турки уже в Чечне и восстанавливают порядок, не верьте этому. Я здесь перед вами свидетельствую, что нет ни одного турецкого солдата в Чечне, кроме военнопленных и нищих. Да, правда, к нам приезжал какой-то имам, который просил у нас от имени турецкого правительства в Дагестане орудие». (Иронический смех и возгласы: «вон какое правительство»). Мы ему категорически отказали, и он исчез. Вы также должны знать и то, что чеченский народ, как и вы, заявил открыто о том, что он никого не уполномочивал вести переговоры ни с каким правительством. Мы также заявляем и о том, что нам никакой власти не нужно, кроме нынешней трудовой. Но все-таки кучка авантюристов заключает бумажный договор. Пусть они погибнут в бесплодных мечтаниях, ибо желаемого ими нашего порабощения они не достигнут никогда, пусть бесплодная агитация мулл останется с ними, ибо народ верит тем, кто на своих исхудалых плечах несет свободу, равенство и братство… Пусть они будут былым, а мы закрепим свою революцию, добытую кровью лучшего элемента российских***

народностей и на развалинах этого захудалого духовенства мы создадим новую, свободную и сильную Чечню». («Народная Власть», №135 от 17/X 1918 г.).

С ответной речью от имени съезда выступил седой старик **Саид Муталиев,** мужественно погибший впоследствии в боях с добровольческой армией Деникина. «Вы, большевики, приехали сюда, тревожимые каким-то чувством сомнения, — сказал он, слегка волнуясь и выражая беспредельную преданность ингушского трудового народа советской власти, — но у нас этого чувства по отношению вас нет, ибо мы слишком верим вам и вашей идее. Мы всегда просили вас не сомневаться в нас. Мы убеждены, что изменника измена погубит. Мы и даже наше будущее поколение не позабудем то, что сделали вы для нас. Мы не забудем освобождение могил наших дедов, что раскинуты вокруг Сунженской, Тарской, из-под издевательства казачьего дворянства. Вы расширили наши границы, вы дали нам землю. И после этого измена не может быть никогда, никогда. Верьте, что мы не изменим вам, верьте, что темный ингушский народ всегда пойдет за вами». (Там же).

Хотя под влиянием массово-разъяснительной работы, которую вели большевики и Асланбек Шерипов, горские трудовые массы в своих резолюциях и клеймили чермоевское правительство предателей, но опасность его вторжения на территорию Терской области все же продолжала существовать, ибо горские князья, духовенство, коммерсанты, кулаки не могли мириться со своим новым положением и агитировали темные массы на борьбу с большевиками, с советской властью. Поэтому вопрос о горском правительстве снова встал перед V сессией Терского народного совета, открывшейся 28/XI 1918 года в городе Владикавказе. Сессией руководила сильная группа крупных партийных работников-большевиков, во главе с Серго Орджоникидзе. Горская беднота впервые выступала под руководством своей коммунистической фракции, в которой были представлены все

горские народы. На сессии присутствовали также представители трудового казачества, под руководством своего славного командира Дьякова, рядом с рабочими и горской беднотой сражавшегося с бело-казачьими бандами Бичерахова. Это была крупная победа революции. Характеризуя политическое положение области, Серго Орджоникидзе говорил, что Бичерахов разбит на голову и «здесь сидят не агенты Бичерахова, а представители тех героев казаков, которые вместе с нашей Красной Армией, вместе с горскими народами подняли войну против бичераховских банд». (С. Орджоникидзе. «Избран. Статьи и речи», стр. 46, М. 1938).

Теперь вместо Бичерахова заняли Чермоев и Джабагиев. «Они двигаются с остатками разгромленных турецких банд на Чечню из Петровска… Указывая на опасность со стороны Чермоева, я должен обратиться исключительно к чеченцам, ибо не может Чермоев вступить на нашу землю, если на то не будет воли чеченского народа. Советская власть крепнет, контрреволюция бежит… надвигаются Чермоев и Джабагиев, и перед горскими народами стоит тяжелая задача, они должны громко заявить, что Чермоевы не могут появиться сюда». (С. Орджоникидзе. «Избран. Статьи и речи», М. 1939).

Крайней ненавистью к горским контрреволюционерам и безграничной верой в окончательную победу революции дышат речи Асланбека Шерипова, произнесенные им на этой сессии. В одной из них он от имени чеченской Красной Армии, под гром аплодисментов всех делегатов съезда, заверял Серго Орджоникидзе в том, что шлагбаум по дороге в Чечню контрреволюционным бандитам из самозванного горского правительства будет закрыт навсегда. Это вдохновенная речь природного поворота, который произошел в сознании горских масс, и поэтому сессией по предложению Бутырина единогласно было постановлено: «Речь первого марксиста Чечни перевести на все туземные языки, отдельно отпечатать и в 10 тыс. экземплярах раздать в чеченском народе». (Газета «Народная Власть», №172, 1918 год).

Вот она: «Товарищи и граждане! Я буду говорить от имени чеченской Красной Армии. Товарищи и граждане! Мы переживаем страшные дни, о которых я вчера указывал. Мы пережили дни восстания контрреволюционного казачества. Если тогда говорилось о том, что мы будем бороться до последней капли крови за осуществление наших идеалов, то в душах наших было сомнение, что мы это сумеем сделать.

Я помню, тогда тов. Дьяков подымал вопрос о пропаганде среди казачества, я откровенно признаюсь, что в успех этой пропаганды не верил. Но теперь мы убедились в том, что великие идеи проникли в глубину казачества, и мы являемся свидетелями той борьбы, в которой пошли сыновья казаки против своих отцов. (Аплодисменты). Хотя я чеченец, сын того народа, в котором жила историческая вражда к казачьим верхам из-за земли, но я радуюсь единению трудовых масс казачества с чеченскими. В настоящее время контрреволюция горского правительства делает среди горцев то же самое, что делал Бичерахов среди казачества.

Та группа горских горе-интеллигентов, которая сидит в горском правительстве, она, эта группа, в первые дни российской революции приносила присягу на верность этой революции. Эта группа имела безусловно доверие всех горцев Кавказа, быть может доверие просто как к горцам, знающим русский язык и русскую письменность. Это доверие кучкой помещиков во главе с Чермоевым не было оправдано, ибо, оставив ориентацию на интересы своего народа, она стала искать ориентацию на чужеземные царские штыки. (Аплодисменты). В Дагестане это правительство опиралось на беков, ханов, мулл, шейхов и вообще на имущие классы, в Чечне оно опиралось на искусственных помещиков, получивших землю за измену делу горских народов, опиралось на шейхов, богатых мулл, которые являются в нашей жизни теми же феодалами, какими были и европейские феодалы. Если шейх заявлял, что я «глава народа», то трудовая масса шла за ним, не рассуждая. И мы помним страшные события, когда

сжигались промысла, аулы и когда первое объявлялось походом против христиан вообще, а второе — походом во имя революции. Это было переходное время массы... Оно прошло, ибо масса, увидев, что ее спасает правительство, опирающееся на шейхов и кулаков, отказала ему в доверии и выбросила вон в Темир-Хан-Шуру и Тифлис за помощью к султану. Если они оправдывались тем, что в случае торжества революции горцы будут оставаться только прихлебателями, если они обращали внимание на братьев, единоверство и кабала под английским игом. (Аплодисменты). Если в словах горского правительства сверкали звезда и полумесяц, то теперь в них блестит британский лев, а он идет не для защиты мусульман от христиан, не для утверждения шариата, а для утверждения своего империализма. Горское правительство шествует, чтобы взять промыслы для английского капитала, чтобы, взяв эти богатства, опереться на те слои населения, которые по своей сущности должны ненавидеть Советскую власть. (Аплодисменты). В чеченском шейхе и спекулянте и в английском короле сидит один и тот же страх, боязнь распространения Советской власти. (Гром аплодисментов). Если турки бросились в объятия Англии, то не из-за военных поражений, а потому, что кредит султана в Германии стоит на той же высоте, на какой кредит Николая в советской России. (Гром аплодисментов). Мы склонны видеть в чермоевщине не какую-либо замысловатую политику, а лишь один из эпизодов мировой схватки труда с капиталом. (Аплодисменты). Союз между Америкой, Англией, Францией, Японией, всеми имущими классами, всеми, кто идет против труда, и каждым чеченским генералом и офицером, является союзом уничтожения «заразы» большевизма. Освобождение мусульманства хотят принести те, кто по долгу были его врагами, кгнетателем же мусульман является не советская Россиия, а хищническая Англия, с которой Чермоевы имеют союз. (Аплодисменты). В штабе Чермоева сидят и «знаменитый» Али-Метаев, который надул Советскую власть (с места называют имя еще одного шейха). Много их, всех не запомню. (Аплодисменты и смех).

Каждый чеченский красноармеец видит, что в контрреволюционном штабе Чермоева сидят шейхи, муллы, купцы, спекулянты и мародеры (аплодисменты), там же в их стане находится и Магомет-Мирза Токоев, который был спасен революционной демократией от офицеров, а теперь всадил ей в спину нож. Этот негодяй недавно получил медаль от чермоевского правительства. (Крики: «Позор»). По этому факту можно судить, кто к нам идет под именем горского правительства.

Мне могут сказать, что на IV съезде мы давали обещание целиком выступить против Бичерахова, но отдельные аулы не выступили. Надо понять объективные условия, в которых находилась Чечня. Восстание всего трудового народа Чечни не случилось потому, что нам все время в страшных муках приходилось бороться со своей контрреволюцией. Поэтому некоторые аулы были лишены возможности протянуть руку грозненским товарищам. Этого не учитывали те, кто в этот момент должны были подняться на высоту такого понимания. Нельзя заставить действовать революционно там, где еще не осуществлены завоевания революции. Солдат Керенского и солдат Ленина не одно и то же.

Я вам напомню, как десятки тысяч русских солдат времен Керенского удирали с фронта. Тогда правительство было правительством борьбы с анархией, но по существу время его действий было анархия. Народ тогда мучительно, в страшных судорогах искал тот путь, на котором он должен был найти возрождение, и в муках он совершал ошибочные дела. Тогда вы, товарищи коммунисты, не обвиняли народ. Вы эту жестокую анархичность его действий объясняли историческими и объективно сложившимися обстоятельствами. Посмотрите глубже и на нас и не бросайте нам обвинений, которые бросали в Грозном. Революция была народом воспринята, как освободительная от векового рабства русского империализма. Предстояло еще внутри каждого отдельного народа совершить социальную революцию

и в разных условиях. Предъявлять посему требования каждому племени одинаково выступить на защиту революции не было никакого смысла, ибо к тому же нам приходилось свергать десятки Николаев вторых. Российский пролетариат, стоящий на высоком культурном и экономическом уровне, социальную революцию совершил быстро. Совершенно иное положение горцев, и в особенности Чечни. Станьте на эту точку зрения, и вы поймете неучастие отдельных аулов в войне.

Русский «керенский» солдат тысячами удирал от десятка немецких солдат, а теперь он горсточкой защищается от сотен и тысяч врагов; это потому, что он понял, во имя чего ему приходится сражаться. Он преодолел мучительный процесс возрождения. И вы, большевики, обязаны верить, что, совершив необходимый нам процесс, мы будем иметь своих красноармейцев не с меньшей доблестью.

Если в городах России революция выразилась в освобождении от насилия помещиков и фабрикантов, то в Чечне она выражается в движении сельского населения за землю. Наша революция в экономическом отношении может основываться только на земельном вопросе, а в политическом — на борьбе с институтом шейхов и мулл. (Аплодисменты).

Необходимо дать землю и уничтожить ее связь с шейхами и муллами, ибо только тогда можно умирать за революцию, когда знаешь, что дала тебе эта революция. (Аплодисменты). Если в данный момент чеченцы не знали за что надо умирать, то потому, что они не получили ни клочка земли, что влияние шейхов и мулл связывает всю Чечню. Чеченская Красная Армия теперь уже сознает, что настало время, когда надо плечом к плечу со всеми красноармейцами биться с контрреволюционерами всего мира. (Аплодисменты).

Помню дни, когда шейхи и муллы вызывали всеобщее поклонение, а теперь говорят, что они погубили нашу землю. И только беднейшие из мулл признавали советскую власть и нашли

в себе мужество поддерживать Гойтинский совет. Все время остальные из них заключали союз то с казаками, то с турками, то с Чермоевым, то с англичанами. (Аплодисменты). Красная армия Чечни в этот грозный момент не намерена лгать, она клеймит выступающих против советской власти наймитов английского капитала. Мы заявляем, что несмотря на недостаточно развитое в народе психологическое сознание революционной идеи, найдется тот трудовой слой, который активно, с оружием в руках, выступит против них. (Шумные аплодисменты). Мы так же, как и вы, верим в торжество Красной Армии, но если они и побьют нас и вас, мы убеждены, что за их спиной народ бросит такую бомбу, от которой они очутятся по ту сторону Дарданелл. (Шумные аплодисменты). Шейхи и муллы будут поставлены у нас в такие же рамки, в какие русские крестьяне поставили свою буржуазию, и в это мы верим больше, чем они в Коран и шариат. (Бурные аплодисменты).

Перед лицом грядущих событий мы должны сказать, что мы, горцы, находимся во много худшем положении, чем находились казаки, ибо мы находимся в середине той опасности, которая движется с востока. Многие, быть может, будут введены в заблуждение, может быть придется нашей красной Армии погибнуть в этой борьбе, но мы погибнем гордо, зная, что гибнем за землю и волю, а не как наемники английского капитала. Мы находимся в ужасном положении, ибо не имеем необходимого революционного фундамента, чтобы дружно бороться против банд Чермоева. Горцы, мы просим вас быть осторожнее по отношению к этим авантюристам. Не наша вина в том, что мы оказались отсталыми, это вина старого режима, который притеснял и нас и вас. Заканчивая свою речь, я должен сказать, что здесь не говорится речь, как речь, а даются серьезные обещания в том, что случится в ближайшие дни. Чеченская Красная Армия не за страх, а за совесть просит послать ее на любой фронт и в любое время будет бороться с контрреволюцией. (Аплодисменты). Еще раз повторю, что это наше желание является серьезной просьбой

к чеченской Красной Армии. Как бы ни грозны надвигающеся события, мы верим в нашу победу над контрреволюционными шейхами и муллами. (Аплодисменты). Мы верим в нашу победу больше, чем шейхи и муллы в Коран и шариат. (Аплодисменты). Да здравствует советская республика, да погибнет авантюра Чермоева! (Аплодисменты).

Создается грозное положение. Чеченский и ингушский народы понесут тяжелые жертвы, но эти жертвы будут для освобождения от капитала. Мы вам заявляем, что скоро настанут дни, когда вы убедитесь, что вам мы не лгали, а говорили чистейшую правду. (Бурные и продолжительные аплодисменты, переходящие в овацию)». (Газета «Народная Власть», от 3/XII 1918 года, №172).

По вопросу об отношении к горскому правительству сессией была принята предложенная коммунистической фракцией резолюция, в 4 пункте которой было сказано: «Терские трудовые горцы и трудовые казаки совместно с рабочими и красноармейцами, объединенные и спаянные кровью, пролитой вместе в борьбе с контрреволюцией Бичерахова, закаленные лишениями и победами, предостерегают новоявленных горских авантюристов чермоевых, джабагиевых и коцевых, затеявших под благословением предателей грузинского крестьянства горскую контрреволюцию, от безумного и гибельного для бедных трудовых горских народов политического шарлатанства. В противном случае гнев Красной Армии безжалостно обрушится на врагов народа и пощада будет чужда сердцам красных борцов». (Газета «Народная Власть», от 6/XII 1918 года, №174).

Резолюция сессии и речь Асланбека Шерипова прозвучали грозным предупреждением для потерявших голову авантюристов из чермоевского балагана и заставили их отказаться от своих планов создания под протекторатом Оттоманской империи «независимой» республики горцев Северного Кавказа.

V сессия Терского народного съезда, обсудив остальные вопросы повестки дня и приняв по ним программного порядка решения, 9/XII

1918 года закрылась. Вновь избранный Народный совет и Совнарком приступили к творческой работе по реализации области, но вскоре эта работа по мирному строительству была прервана. На Терскую республику со стороны Кубани, при поддержке англо-французского капитала, начали напирать вооруженные с ног до головы шакалы добровольческой армии Деникина. Преданная троцкистскими бандитами из штаба кавказско-каспийского фронта, отрезанная от советской России и ослабленная предательством Сорокина, героическая 11 армия не выдержала атаки белогвардейцев и с тяжелыми боями через мертвые кизлярские степи начала отступать на Астрахань. В начале января 1919 г. передовые части добровольческой армии подошли к границам Терской республики и вступили в жестокие бои с горскими народами. Окрыленные победами добровольческой армии, казачьи и горские контрреволюционеры снова поднялись против советской власти и начали внутри республики свою подрывную работу. Но несмотря на такое тяжелое положение, большевики продолжали упорно защищать созданную ***Сергеем Мироновичем Кировым*** Терскую советскую республику. ***Серго Орджоникидз***е в эти критические дни ездит из одного угла Терской республики в другой и собирает боевые силы рабочих и горской бедноты. Асланбек Шерипов, по его поручению, отправляется в Чечню и готовит деникинским бандам кровавую встречу. Весь трудовой чечено-ингушский народ, как один человек, берется за оружие и смело становится под знамя защитников рабоче-крестьянской власти. В конце января 1919 года волчьи отряды кровавого генерала Шкуро подходят к Владикавказу и в первых числах февраля, открыв от Немецкой Колонки до Лысой горы фронт, начинают артиллерийский обстрел и беспрерывные атаки города. Левое крыло деникинской армии, состоявшее из отборных офицерских частей, под командованием Геймана подошло к Долакову и Кантышеву. На Кескем, Пседах и Сагопши наступали черкесская конная дивизия и батальон кубанских пластунов. Они

потребовали пропустить их на Владикавказ, «но ингушские массы заявили, что они никогда не были предателями и никогда ими не будут». (С. Орджоникидзе. «Избран. статьи и речи», стр. 66, М. 1939). В ответ раздались орудийные выстрелы и открылись кровавые бои, в которых Серго Орджоникидзе принимал непосредственное участие. Находясь на передовой линии фронта, он руководил боями, перевязывал раненых и своим героизмом поддерживал боевой дух всего фронта.

Вдохновляемые неустрашимым революционером и великим организатором масс, красные ингуши проявляли чудеса героизма. Под Кескемом они опрокинули черкесскую конную дивизию и полностью уничтожили тысячный батальон кубанских пластунов. С таким же отчаянием и упорством дрались они в Долакове, Базоркине, под Владикавказом и т. д. «Сопротивление ингушей упорное и прямо непонятное. При четырех пулях противник четвертую пускает в висок. С ними есть красноармейцы, матросы...» — говорил командующий войсками Терско-Дагестанского края генерал **Ляхов** на закрытом заседании Войскового круга Терского казачьего войска в 1919 г.

Одновременно с боями в районе Владикавказа начались военные действия вокруг Грозного и в Чечне, где организованные большевистской партией в боевые отряды рабочие Грозного и чеченская Красная Армия, под руководством своего прославленного командира Асланбека Шерипова, самоотверженно защищали завоевания Октябрьской революции. Чечено-Ингушетия в дни боев с добровольческой армией представляла из себя громадную укрепленную крепость, в которой каждый аул, каждый хутор приходилось брать штурмом и в которой белогвардейцам каждый шаг продвижения вперед стоил сотни и тысячи жизней. Но силы были неравны. Плохо вооруженные и относительно немногочисленные рабочие и горские трудящиеся не смогли устоять против превосходно вооруженной добровольческой армии. Их ряды начали редеть. 4/II 1919 года генералом Шатиловым был взят город

Грозный, а 11/II 1919 года пал Владикавказ. Десятки аулов были сожжены и сравнены с землею. Белые банды превратили всю Чечено-Ингушетию в развалины и могилы.

Серго Орджоникидзе, Ф. Махарадзе, Бутырин, Гегечкори и другие партийные и советские работники Терской республики, вместе с ингушскими коммунистами отступили в горную Ингушетию. Грозненские красногвардейские отряды и чеченская Красная Армия во главе с Асланбеком Шериповым ушли в глубь Чечни. Чеченские трудящиеся «приютили их, одели, обули и село Гойты превратилось в лагерь красноармейцев». (С. Орджоникидзе. «Избран. Статьи и речи», стр. 68, М. 1939).

«Наступил один из самых критических, по всей вероятности даже самый критический момент социалистической революции». (В. И. Ленин. «В защиту соц. Отечества», Гос. из-во полит. литературы. М. 1939 г., стр. 30). Генералы белой армии Шатилов, Шкуро, Драценко начали зверскую расправу над революционными рабочими и крестьянами на Тереке. Асланбек Шерипов в этот исключительно тяжелый момент мужественно сдержал данное им Серго Орджоникидзе слово. Перед самым отступлением из Грозного он явился в грозненский комитет и вступил в ряды партии Ленина — Сталина.

В начале марта 1919 года генерал Шатилов потребовал от Чечни выдачи всех красноармейцев и большевиков, скрывающихся в горах. Организованные Шериповым в крупные отряды трудовые массы категорически отказались выполнить ультиматум Шатилова. Взбешенный таким «дерзким» ответом генерал 8 марта предпринял поход на лагерь красноармейцев — селение Гойты, рассчитывая одним ударом уничтожить это большевистское гнездо Чечни, как он выражался. Завязались горячие, упорные бои, в которых чеченцы и красноармейцы с беззаветной храбростью отражали повторявшиеся одна за другой атаки пьяных белопогонников. На помощь гойтинцам подоспели собранные Асланбеком Шериповым партизанские отряды других аулов, под ударами

которых белогвардейские банды, оставив на подступах к Гойтам сотни убитых, пулеметы и другие боеприпасы, вынуждены были обратиться в беспорядочное бегство. Гойтинское поражение взбесило белых генералов и они решили отомстить непокорным чеченцам за пролитую кровь.

Объектом нападения на этот раз был выбран другой революционный аул Чечни — Алхан-Юрт. 26 марта 1919 года отряды добровольческой армии кольцом обложили его и открыли артиллерийскую стрельбу. На помощь осажденным из Шатоя и других аулов, во главе с Асланбеком Шериповым, прибыли крупные партизанские отряды, которые, будучи воодушевлены смелостью и героизмом своего бесстрашного командира, с обнаженными кинжалами в руках, бросились на добровольцев. Ряды последних дрогнули и с большими потерями отступили назад. Через некоторое время бои снова возобновились, белые начали ураганный артиллерийский обстрел аула и на третий день взяли и дотла сожгли его. Оставшиеся в живых красные партизаны вместе с Асланбеком Шериповым отступили в горы и не давали деникинским генералам своими неожиданными налетами покоя. Вооруженная борьба красных чеченцев против добровольческой армии приняла настолько угрожающие размеры и приковывала к себе так много сил, что главнокомандующий белой армией генерал Деникин 29 марта 1919 года вынужден был сам приехать в Грозный и предлагать чеченскому народу «от всего сердца прочный мир». (Газета «Терский Казак», стр. 2, от 2/IV 1919 года, № 50). Предатели чеченского народа — нефтепромышленники, крупные домовладельцы, коммерсанты, съехавшихся Деникина, клялись ему в любви и преданности и обещали в ближайшие дни очистить Чечню от большевизма. Но в то время, когда в Грозном изгнанные трудящимися из своей среды контрреволюционные верхушки пресмыкались перед главнокомандующим добровольческой армии, в горах Чечни и Ингушетии под руководством большевистской

армии и Асланбека Шерипова шла усиленная подготовка мощного восстания против белогвардейских палачей.

Добившись громадных успехов в деле организации и подготовки масс к решительным схваткам с белыми генералами, Асланбек Шерипов, буквально рискуя жизнью, проникает в город Грозный и в тылу у белых разворачивает подпольную работу. Получив агентурные сведения о появлении в городе Грозном вождя повстанческого движения, белая разведка поднимает на ноги все свои силы, поручает своим лучшим офицерам разыскать его; но благодаря умелой конспирации Асланбек Шерипов остается неуловимым и смело продолжает свои славные дела. Он устанавливает связи с подпольным комитетом грозненской большевистской организации, обсуждает с видными партийными работниками вопросы борьбы с Деникиным, встречается со старыми боевыми товарищами и через них знакомится с количеством и расстановкой сил противника, с положением в грозненской тюрьме и т. д. Город Грозный в дни хозяйничания белых представлял из себя страшное зрелище. Он был превращен в настоящее кладбище: тюрьмы были переполнены тифозно-больными, улицы усеяны трупами изрубленных и расстрелянных рабочих, на виселицах целыми неделями качались тела повешенных революционеров.

В Грозном, после ознакомления с настроением и положению рабочих, с количеством вооруженных сил противника, у Асланбека Шерипова появляется идея организации под руководством подпольного большевистского комитета и грозненского пролетариата единовременного вооруженного восстания всех революционных сил и поголовного уничтожения добровольческих банд в Чечено-Ингушетии.

С этой смелой идеей он возвращается в Чечню, связываться с осевшими при отступлении 11 армии на Астрахань в кизлярских камышах красными частями, с кизлярскими большевиками и лихорадочно готовит задуманное восстание. Вскоре после этого

устанавливается связи с руководимыми великим вдохновителем масс С. М. Кировым астраханскими большевиками, героически защищавшими форпост пролетарской революции на Волге — Астрахань.

Летом 1919 года антидобровольческое движение в Чечено-Ингушетии принимает еще более широкий характер. Из отдельных, не связанных между собой партизанских отрядов, оперировавших в горах Чечни против бело-казачьих банд Деникина, благодаря усилиям Асланбека Шерипова, образовалась крепкая, дисциплинированная армия. Отступившие в горную полосу Чечено-Ингушетии рабочие и красноармейцы начали собираться в боевые отряды и принимать участие в борьбе с добровольцами.

Ингуши отказались от дачи деникинским генералам требуемых ими полков и контрибуций и в июле 1919 года поднялись на вооруженную борьбу с ними. 7 июля 1919 года казачьи офицерские части со стороны Беслана повели широкое наступление на Насыр-Корт, Экажево и Сурхохи. Жители последних, поддержанные красными ингушами других аулов, в свою очередь перешли в контрнаступление и отбросили не в меру распоясавшихся генералов за реку Камбилеевку. «Против сел Назрановского района был двинут отряд артиллерии с броневиками. Этот отряд частью уничтожен, частью бежал в панике» (Центральный архив Красной армии, дело № 270—030, лист 27), сообщалось об экажевских боях в политической сводке астраханского района.

Бои под Экажевым, Сурхохами часто переходили в рукопашные схватки и носили жестокий характер. Одна из добровольческих газет того времени писала, что 2ингуши дерутся с остервенением, на перевязочный пункт в нестеровскую поступают раненые с шашечными и кинжальными ранами». (Газета «Терский Казак» от 27/VI 1919 года, №116).

Говоря о героической борьбе, которую вели чечено-ингушские трудящиеся летом 1919 года против офицерских банд Деникина, необходимо в общих чертах остановиться на религиозно-

фанатичном движении Узум-Хаджи и отношениях к нему большевиков. Узум-Хаджи в сопровождении своих многочисленных мюридов в июне 1919 года прибыл в Чечню и поднял здесь знамя религиозной войны горцев Северного Кавказа против «неверных», т. е. белогвардейцев, и объявил себя имамом. В резиденцию Узум-Хаджи — слободу Ведено — огромными толпами начали стекаться отряды темных и забитых горских масс из Дагестана, Чечни, Ингушетии, Кабарды, готовых с безумной храбростью сражаться против «неверных». Таким образом, Узум-Хаджи, этот фанатичный карлик, собрал вокруг себя сотни фанатичных, темных горцев, которые, при умелом их использовании, могли бы сыграть огромную роль в разгроме деникинской армии на Тереке. Большевики и Асланбек Шерипов не пошли ни на какие компромиссы с панисламистским движением имама, готовившим горским народам вместо царского гнета гнет турецких империалистов. В противовес реакционному центру магометанского духовенства — Ведено Асланбек Шерипов создал в Шатое свой революционный центр и путем открытого разоблачения перед обманутыми горскими трудящимися реакционной сущности политики Узум-Хаджи подрывал его силу и авторитет. В результате массы начали отворачиваться от Узум-Хаджи и из-под зеленого знамени имама переходить под красное знамя большевиков. Своей умелой агитацией Асланбек Шерипов добился того, что войска Узум-Хаджи при всей реакционности своего имама плечом к плечу с красными повстанческими войсками сражались против белогвардейцев и ослабляли их силы. Бои с добровольческой армией Деникина разгорались с возрастающей силой, захватывали все новые и новые районы. В руках белогвардейцев на Тереке фактически находились только те места, которые были заняты их войсками. Чтобы удержать за собою Чечню, Ингушетию и другие национальные области Северного Кавказа, Деникину приходилось постоянно пополнять за счет снимаемых с советских фронтов войск оперировавшие там части. Своими беспрерывными восстаниями и отчаянной борьбой

горские трудящиеся подрывали тыл добровольцев и тем самым способствовали их общему поражению. О той роли, которую сыграли угнетенные народы бывшей царской России в разгроме добровольческой армии, тов. Сталин говорил следующее: «Революция в России не победила бы, и Колчак с Деникиным не были бы разбиты, если бы русский пролетариат не имел сочувствия и поддержки со стороны угнетенных народов бывшей Российской империи» (И. Сталин. «Марксизм и национально-колон. вопрос», стр. 149, М. 1937 г.). Героическая борьба маленького чечено-ингушского народа против белых генералов приковала к себе внимание всей России. Тов. Киров, руководивший в это время боями против белых палачей. Горские трудящиеся отказались дать добровольцам полки и контрибуции и «бросились в кровавый бой с офицерско-казачьими бандами, решив победить или умереть. Все новые и новые победы окрыляют повстанцев, проявляющих чудеса героизма». (ЦАОР. Фонд 130, дело 72, стр. 12—16).

А орган Центрального Комитета нашей партии — газета «Правда» от 27 и 28 августа 1919 г. в статье под названием «**Восстание ингушей**» сообщала, что восставшие ингуши перебили своих офицеров, уничтожили крупный добровольческий отряд, перерезали железнодорожное сообщение между Владикавказом и Грозным и совместно с чеченцами готовятся выбить из этих городов гарнизоны белой армии. Положение белых на Северном Кавказ, в частности в Чечено-Ингушетии, стало настолько критическим и тяжелым, что их империалистические дирижеры испугались за судьбу своих ставленников и посчитали необходимым вмешаться в борьбу горских народов за свою свободу. Представитель английской миссии при генерале Деникине полковник Роландсон решил воздействовать на непокорных чеченцев и ингушей прекратить борьбу с Деникиным и помочь добровольческой армии расправиться с большевиками.

Воззвание **Роландсона** не оставляло никакого сомнения в том, что за спиной Деникина в его борьбе с молодой советской

республикой, с дирижерской палочкой в руках стоят английские империалисты, которые пришли на Кавказ не столько для восстановления порядка, сколько для захвата богатых нефтяных промыслов Баку и Грозного.

Оно не только не «образумило» трудящихся чеченцев и ингушей, как на это рассчитывал Роландсон, не только не ослабило антиденикинскую борьбу горских масс, а наоборот, своими угрозами и подлой клеветой на большевиков, на Асланбека Шерипова еще больше укрепило ненависть к белым офицерам.

11 сентября 1919 года красные повстанческие войска открыли наступление на один из опорных пунктов белогвардейцев в Чечне — слободу Воздвиженскую (по-чеченски Чахкар-г1ала) и приступили к ее штурму. Получив об этом известие Асланбек Шерипов немедленно прискакал на место начавшихся боев, стал во главе красных бойцов и с любимыми словами из М. Горького «Безумству храбрых поем мы славу! Безумство храбрых — вот мудрость жизни!» на устах кинулся в бой. «Кинулся со всей страстью, со всей силой своей могучей души» (А. Шерипов. «Из чеченских песен», 1918 г.). В этом сражении Асланбек Шерипов получил смертельную рану и погиб героической красивой смертью, отдав свою жизнь борьбе за дело партии Ленина — Сталина. Говоря словами Николая Островского он мог бы сказать перед концом своей короткой жизни: «Самое дорогое у человека — это жизнь, она дается только один раз и прожить ее надо так, чтобы не было мучительно больно за бесцельно прожитые годы, чтобы не сжег позор за подленькое и мелочное прошлое и чтобы умирая мог сказать: вся жизнь, все силы были отданы самому прекрасному в мире — борьбе за освобождение трудящихся». (Н. Островский. «Как закалялась сталь». Стр. 235, М., 1936 г.).

Не стало пламенного революционера Асланбека Шерипова, вражеская пуля трагически оборвала его прекрасную жизнь. Чеченская беднота понесла в воздвиженских боях большую и невозвратимую утрату. Она потеряла здесь своего бесстрашного

командира и любимого вождя. Но и белогвардейцам досталось здесь не мало. Воодушевленные беспримерным героизмом Асланбека Шерипова, бойцы с криком «ура» бросились на врага и обратили его в паническое бегство. Помимо убитых и раненых в плен было взято 117 солдат и 11 офицеров.

Асланбек Шерипов умер, но остались в живых тысячи воспитанных и организованных им в боевые отряды бесстрашных бойцов, которые довели до конца дело, за которое он боролся. 17 марта 1920 года, когда разбитые по гениальному стратегическому плану тов. Сталина «непобедимые» белогвардейские полки катились к Черному морю, когда передовые отряды славной 11-й Рабоче-Крестьянской Красной Армии победным маршем подходили к берегам Терека, чеченская Красная Армия совместно с грозненскими красногвардейцами выбила из гор. Грозного последние остатки добровольческих банд и заняла его. Трудящиеся Чечено-Ингушетии под руководством великой партии Ленина — Сталина с помощью героического русского рабочего класса навсегда освободились от всех и всяких эксплуататоров, вместе с другими народами нашей необъятной родины построили бесклассовое социалистическое общество и живут свободной радостной жизнью. За 21 год, прошедших со дня разгрома белогвардейцев и установления Советской власти Чечено-Ингушетия стала неузнаваемой. Грозный из грязного, некультурного провинциального города превратился в крупнейший центр нефтяной промышленности, вооруженной первоклассной техникой. 95% крестьянских хозяйств объединены в колхозы, на полях которых работают 896 тракторов, 314 комбайнов. Из года в год растет материальное благосостояние трудящихся города и деревни. В области культурного строительства совершена настоящая революция. Если до Октябрьской социалистической революции чеченцы и ингуши не имели своей письменности, если грамотные люди в целой стране насчитывались единицами, то в настоящее время в одних только школах обучается 131 тысяча детей. Кроме

того, в республике имеется целый ряд высших и средних учебных заведений, в которых подготавливаются высококвалифицированные кадры для всех отраслей народного хозяйства. Дело, за которое боролся и погиб Асланбек Шерипов, победило.

«ГРОЗНЫЙ ЗА 40 ЛЕТ СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ». Е. П. КИРЕЕВ

Из истории установления Советской власти в Грозном.

Стр. 3 ...Великая Октябрьская социалистическая революция, сорокалетие которой отмечается в этом году, открыла новую эру в истории человечества — эру крушения капитализма и торжества коммунизма.

«Октябрьская социалистическая революция была осуществлена под руководством Коммунистической партии во главе с Лениным. Свергнув власть помещиков и капиталистов, она установила в нашей стране политическое господство рабочего класса, диктатуру пролетариата, — Советскую власть, — высшую форму демократии, демократии для самых широких народных масс. Впервые в истории народ стал хозяином своей страны: фабрики, заводы и железные дороги, земля и ее недра стали достоянием трудящихся.

Во всех революциях прошлого происходила смена одной формы эксплуатации другой формой, смена господства одного эксплуататорского класса другим эксплуататорским классом. Октябрьская революция привела к уничтожению в СССР всякой эксплуатации человека человеком и всех форм национального угнетения и национального неравенства». (Постановление ЦК КПСС о подготовке к празднованию 40-й годовщины Великой Октябрьской социалистической революции).

Пролетариат Грозного под руководством Коммунистической партии и одного из ее боевых отрядов — грозненской большевистской организации и установление Советской власти на Тереке. Об этой борьбе и рассказывается в настоящей статье.

С конца XIX века на Кавказе начинает развиваться капиталистическая промышленность. В общий вопрос капиталистического развития постепенно втягивалась и Терская область, основным промышленным центром которой был город Грозный с его нефтяными промыслами и заводами.

Стр. 6 …Грозненские рабочие, возглавляемые большевистской организацией, становились на путь непримиримой классовой борьбы с самодержавием и капиталистами. К 1917 году грозненская большевистская организация имела значительный политический и организационный опыт, накопленный в годы первой русской революции 1905—1907 годов, в годы реакции, нового революционного подъема и первой мировой войны. Этот опыт она использовала в борьбе с самодержавием.

В феврале 1917 года в России победила вторая буржуазно-демократическая революция. Царизм был свергнут восставшими рабочими, крестьянами и солдатами, руководимыми Коммунистической партией. Как только пришло известие о восстании в Петрограде, грозненские рабочие прекратили работу и вышли на демонстрацию, приветствуя победу революции. 5 марта рабочие промыслов и заводов избрали депутатов в Совет, первое организационное заседание которого состоялось в этот же день. Были избраны Советы рабочих депутатов на промыслах и выделены от них представители в городской Совет рабочих депутатов.

6 марта на своем расширенном заседании с участием представителей воинских частей Совет принял постановление о переименовании Совета рабочих депутатов в Совет рабочих, солдатских и казачьих депутатов.

Рабочие и солдаты арестовали начальника Грозненского округа, воинского начальника и некоторых других представителей царской власти, разоружали жандармов и полицейских, а также захватили архив грозненской охранки. Опираясь на вооруженных рабочих и солдат, Грозненский Совет и Советы промыслов действовали как органы власти. 31 марта Старопромысловский Совет объявил, что он

представляет собой единственный правительственный орган на нефтяных промыслах, постановления которого должны проводиться в жизнь безусловно.

В первые же дни революции рабочие приступили к организации рабочей милиции, в руки которой перешла охрана революционного порядка в городе и на промыслах. Грозненский совет предложил нефтепромышленным фирмам и фабрично-заводским предприятиям сохранить всем депутатам Совета их прежний заработок, а также производить оплату рабочих, занятых в милиции.

Соотношение партийных сил в Грозненском Совете депутатов было таково, что, несмотря на меньшевистско-эсэровское большинство в нем, большевики и сочувствующие им составляли значительную силу. В числе депутатов Совета были большевики Анисимов, Бакулин, Носов, Филатов, Погорелов, Блок и др. Председателем Совета был избран Николай Андреевич Анисимов, пользовавшийся большим доверием, любовью и авторитетом у рабочих и всех трудящихся. Однако в Совете основную часть мест захватили представители мелкобуржуазных партий — эсеры, меньшевики, дашнаки.

Одновременно с созданием в Грозном Совета рабочих, солдатских и казачьих депутатов к организации власти приступила и буржуазия. 4 марта был создан так называемый «Грозненский гражданский комитет», который заменил по существу прежнюю царскую администрацию и объявил себя проводником власти Временного правительства.

14 марта на Тереке состоялся съезд чеченской торгово-промышленной буржуазии и духовенства, которые пытались объединить чеченский народ под националистическим знаменем. Съезд избрал чеченский национальный комитет под председательством присяжного поверенного Мутушева. Этот комитет не выражал интересов чеченского народа. Примерно в это же время в станице Грозненской был создан казачий комитет Кизлярского отдела под председательством реакционного офицера Губарева.

Все силы контрреволюции Терека концентрировались вокруг комиссара Временного правительства, реакционного казачьего атамана Караулова, который поддерживал тесную связь с Грозненским гражданским, Кизлярским казачьим и чеченским комитетами и направлял их антинародную деятельность. Таким образом, в Грозном, как и во всей России, после Февральской революции создается двоевластие. С одной стороны, возникают местные органы диктатуры капиталистов и помещиков и, с другой стороны, — Грозненский Совет рабочих, солдатских и казачьих депутатов, орган диктатуры рабочего класса и крестьянства.

Возникшее после Февральской Временное правительство не стремилось улучшить экономического положения трудящихся. Иностранные и русские капиталисты, владевшие нефтяными промыслами, фабриками и заводами, продолжали безжалостно эксплуатировать рабочих. В это время еще более усиливается упадок промышленности. Борясь с революцией, капиталисты умышленно подрывали и останавливали производство. Политика Временного правительства носила такой же реакционный характер, как и политика царского самодержавия.

Характеризуя положение рабочих в нефтяной промышленности при Временном правительстве, В. И. Ленин писал: «Те же нефтяные короли, тот же застой, та же ненависть рабочих и служащих к эксплуататорам, тот же развал на этой почве, то же хищение народного труда, все как было при царизме, переменились только заголовки исходящих и входящих бумаг в „республиканских“ канцеляриях!». (В. И. Ленин. Соч. т. 25, стр. 313).

Земля по-прежнему оставалась в руках помещиков и кулакам и эсерам удалось протащить резолюцию о поддержке Временного правительства и необходимости сотрудничества с «гражданским комитетом». Против этой резолюции голосовал весь состав большевистской фракции Совета. В связи с тем, что Совет принял оборонческую линию, Н. А. Анисимов по решению партийного комитета сложил с себя полномочия председателя Совета.

Руководящее положение в Совете захватили меньшевики и эсеры. Они рассматривали Совет как временную организацию, нужную лишь для созыва Учредительного собрания. Председателем Совета был избран меньшевик Богданов.

Меньшевики и эсеры искали такой формы власти в Грозном, которая бы отличалась по видимости от прежней, а по существу сохраняла бы господствующим положение буржуазии. Было создано «соединительное бюро гражданского комитета» и «Совета рабочих и солдатских депутатов», куда вошли 26 представителей гражданского, казачьего и чеченского комитетов и 16 представителей гражданского, казачьего и чеченского комитетов и 16 представителей Совета. Это «соединительное бюро» 26 мая было заменено Грозненским районным исполнительным комитетом, председателем которого был избран меньшевик Мутушев.

Несмотря на то, что руководство Грозненского Совета находилась в руках соглашателей, большевики не прекратили борьбу за завоевание Совета и изоляцию меньшевиков и эсеров от масс. Эта борьба продолжалась как в Совете, так и вне его. Под натиском революционных рабочих и солдат Совет провел немало мероприятий революционного характера, выступал как орган рабочее-крестьянской власти. Грозненская большевистская организация проводила большую работу в профсоюзах, помогала им. Крупные профсоюзы, объединявшие промысловых и заводских рабочих, шли за большевиками. По их инициативе почти на всех предприятиях Грозного были созданы фабрично-заводские и промысловые комиссии, которые служили прочной опорой большевистской организации в рабочем классе. Через Советы, профсоюзы, фабрично-заводские комиссии грозненские рабочие боролись за улучшение своего положения.

24 марта Совет постановил ввести с 27 марта в Грозненском районе для всех отраслей туда восьмичасовой рабочий день. Это постановление встретило ожесточенное сопротивление

капиталистов. Видя, что предприниматели оттягивают решение вопроса, рабочие почти всех промыслов и заводов начали вводить восьмичасовой рабочий день явочным порядком. Они заставили предпринимателей пойти на создание согласительной комиссии из представителей пойти на создание согласительной комиссии из представителей капиталистов и рабочих «по вопросу о нормировке труда фабрично-заводских рабочих». В нее вошло от рабочих 7 человек, в том числе большевики Н. А. Анисимов, В. В. Иванов и др.

Комиссия на своих заседаниях 28, 30 марта и 4 апреля пришла к соглашению о введении восьмичасового рабочего дня для подростков, о сверхурочных работах, об организации контрольных комиссий на всех предприятиях района. Рабочие добились также установления минимальной заработной платы, ниже которой предприниматели не имели права платить, и выплаты ежемесячного пособия в связи с дороговизной.

По инициативе большевиков на промыслах и заводах Грозного был введен рабочий контроль за производством и распределением. Осуществление рабочего контроля поднимало революционную энергию рабочих, способствовало дальнейшему развитию революции. Так, в марте 1917 года промысловые рабочие без разрешения администрации стали самостоятельно распоряжаться конторскими лошадьми и экипажами, распределять вахты по своему усмотрению. Рабочие грозненской фабрики «Плотник» постановили конфисковать предприятие и добились решения Совета передать фабрику рабочим на артельных началах.

Рабочие организации вмешивались не только в производство, но и заботились об улучшении жизни трудящихся. Советом, по предложению большевиков, была избрана комиссия вызвала для личных переговоров заводовладельцев, сокращающих работы и увольняющих рабочих. Комиссии удалось заставить некоторых предпринимателей возобновить работы и принять обратно на работу уволенных рабочих. По рекомендации же большевиков

Грозненский Совет создал под председательством большевика Погрелова исполнительную комиссию по борьбе с дороговизной. Комиссия в апреле созвала собрание купечества «для выяснения условий удешевления товаров согласно постановления Совета». После продолжительных переговоров некоторые торговцы «изъявили согласие понизить цены».

4 июня 1917 года промысловая комиссия «Северо-Кавказского общества», разобрав заявление плотников о замеченных ими недостатках и дефектах хозяйственного распорядка, «тормозящих объединенную жизнь рабочего», потребовала от администрации отремонтировать баню, оборудовать прачечную, во всех квартирах рабочих провести ремонт, поставить куб для питьевой воды и т. д. «Ввиду важности означенных требований, — говорилось в постановлении комиссии, — предлагаем фирме приступить к работе немедленно».

Когда в районе обнаружилась нехватка мелких денежных знаков, которые умышленно задерживались банками и фирмами, по настоянию рабочих Грозненский совет постановил проверить банки и сейфы фирм и частных лиц, то есть отменить коммерческую тайну. Правда, ревизия почти не дала результатов. Тогда Совет предложил фирмам и банкам выпустить чеки, обеспеченные текущими счетами. Эти чеки получили название «белых денег». Они имели хождение только в Грозненском районе и не имели утечки.

Рабочий контроль грозненские большевики рассматривали ее только как средство сохранения промышленности от разрушенного поддержания ее работы и борьбы с голодом, но и как своеобразную школу для будущего самостоятельного хозяйствования после прихода рабочих к власти. Капиталисты отчаянно сопротивлялись всем этим мероприятиям рабочих. Они прибегали к локаутам, саботажу, умышленно останавливали производство, затрудняли доставку продовольствия, делали все, чтобы «костлявой рукой голода» задушить революцию.

Сопротивление капиталистов привело к тому, что борьба рабочих стала принимать более острый характер. Начинается волна забастовок, которые в июне превратились во всеобщую забастовку. Под влиянием большевиков рабочие потребовали от предпринимателей заключения коллективного договора.

Капиталисты были вынуждены пойти на заключение коллективного договора, который официально устанавливал для рабочих, мастеровых всех видов и служащих восьмичасовой рабочий день. Ставки заработной платы были нормированы в пределах от 4 рублей 20 копеек до 6 рублей 85 копеек в день, были определены квартирные деньги: 40 рублей для семейных и 20 рублей для холостых в месяц.

В четырех главах договора, содержащих в общей сложности 53 пункта, были предусмотрены всевозможные случаи взаимоотношений фирм с рабочими и служащими. Сверхурочные работы должны были оплачиваться в двойном размере. При работах на фонтанах, при чистке резервуаров и паровых котлов рабочим должна была выдаваться непромокаемая одежда. Женщины освобождались от работы с сохранением зарплаты на четыре недели до родов и на шесть недель после родов. В договоре дважды указывалось, что для всех рабочих устанавливается празднование 1-го мая. Это была блестящая победа грозненского пролетариата.

В Грозном ко времени Февральской революции было расквартировано большое количество солдат, работе среди которых большевики придавали особое значение. Вот характерное признание офицеров 21 полка в письме командующему Кавказской армией:

«С прибытием полка в город Грозный, где большевистская пропаганда развита широко и разлагающе действует на... солдатские массы своими соблазнительными лозунгами, борьба с этой пропагандой... была чрезвычайно трудной. В полку умножались, прежде незначительные, кадры безответственных солдат, под влиянием большевиков тайно призывавших к недоверию

к офицерам, к критике распоряжений начальства. В этой неравной борьбе... офицеры всегда оказывались побежденными, благодаря более приятным для... солдатских масс лозунгам большевиков». Под влиянием большевиков революционизировались не только солдаты, но и казачьи части, все более активными становились протесты солдат и казаков против войны. Большевики проводили значительную работу в чеченских аулах и казачьих станицах, завоевывая на сторону пролетариата крестьянскую бедноту. Под воздействием революционной борьбы грозненских рабочих развертывается аграрное движение в деревне. В письме в ЦК партии Н. Анисимов писал: «Город окружен казачьими станицами и чеченскими аулами. Необходимо вести агитацию среди них... Кстати, в Чечне аграрное движение. Чеченцы распахивают земли, отбирая их у своих помещиков». Крестьяне выступали против помещиков». Крестьяне выступали против помещиков и представителей местных органов Временного правительства. Например, жители чеченского селения Гойты явочным порядком стали распахивать помещичьи земли и производить порубку частновладельческих лесов. Таким образом, в ходе борьбы с капиталистами и помещиками рабочие, солдаты и крестьяне освобождались от соглашательских меньшевистско-эсеровских иллюзий, убеждались, что только большевистская партия по-настоящему выражает и защищает их интересы. Они чаще и более смело стали выступать против политики Временного правительства и империалистической войны, которую оно продолжало. 3 — 4 июля 1917 года в Петрограде состоялась демонстрация рабочих, солдат, матрасов, которые требовали от Советов взять власть в свои руки, порвать с империалистической буржуазией и вести активную политику мира. Буржуазное Временное правительство при прямой помощи и поддержке меньшевиков и эсеров подавило эту демонстрацию, обрушилось на большевистскую партию. Оно разоружало рабочих и расформировывало революционные полки, закрывало большевистские газеты, организовывало массовые

аресты, погромы, обыски. Был издан приказ об аресте В. и. Ленина. 12 июля правительство ввело смертную казнь и военно-полевые суды на фронте. После июльских дней власть в стране перешла полностью в руки контрреволюционной буржуазии. Советы с их эсеро-меньшевистским руководство превратились в бессильный и безвластный придаток Временного правительства. Двоевластие в стране кончилось. Лозунг «вся власть Советам!» рассчитанный на мирное развитие революции, партией был временно снят. Она изменила свою тактику. От курса на мирное развитие революции большевики перешли к курсу на вооруженное восстание, чтобы силой оружия свергнуть власть буржуазии и установить диктатуру пролетариата. Временное снятие лозунга «Вся власть Советам!» не означало, что большевики были против Советов вообще. Речь шла о данных, то есть меньшевистско-эсеровских Советах. В. И. Ленин учил, что большевики сняв лозунг «Вся власть Советам!», недолжны уходить из Советов, а использовать их для легальной работы, для завоевания масс на свою сторону. В этот период оживились контрреволюция и в Терской области. Вводится ограничение слободы собраний и митингов. Реакционный казачий войсковой круг постановил ходатайствовать перед правительством о введении смертной казни для «изменников» предателей отечества», подчинить все казачьи строевые части, находящиеся в Терской области, только войсковому атаману Караулову и предоставить ему чрезвычайные полномочия по охране порядка. Особенную ненависть у казачьих верхов и нефтепромышленной буржуазии вызывала большевистская организация Грозного — авангард и руководитель грозненского пролетариата. Реакционеры организуют травлю большевиков и им сочувствующих. Рабочих-большевиков нефтепромышленники под разными предлогами увольняют с промыслов и заводов. Погромщики открыто призывали к разгрому Грозненского Совета и комитета большевиков, а также к физическому уничтожению актива большевистской организации. 9 июля казачий круг станицы Грозненской постановил выселить

из станицы руководителя большевистской организации Аннисимова со всей семьей и всех проживающих в станице большевиков, а также уволит с должности учительницы станичной женской школы жену Анисимова. В городе организовалось тайное «общество борьбы с большевиками». Опасно было собирать не только партийные собрания, но даже собрания рабочих. Учитывая быстрый рост влияния большевиков среди солдат грозненского гарнизона, командование Кавказской армии и Караулов при поддержке меньшевиков и эсеров перешли в открытое наступление против революционно-настроенных воинских частей. 3 июля 1917 года был получен приказ командующего Кавказской армии генерала Пржевальского о немедленной отправке из Грозного на фронт 21 Кавказского пехотного полка. Солдаты отказались выполнить этот приказ. Тогда командование по требованию Караулова решило расформировать полк и очистить город от революционных солдат. Карателям удалось 4 августа расформировать полк и по частям вывести его из Грозного. Распоясавшиеся офицеры не ограничились этими мерами. Они в этот же день оцепили здание Грозненского Совета рабочих, солдатских и казачьих депутатов, против здания поставили два пулемета и ворвались в помещение Совета. Офицеры заявили заседавшему в это время Исполнительному Комитету, что заместитель войскового атамана есаул Медяник приказал прекратить всякие заседания и собрания. Подчиняясь грубой силе, Исполком должен был разойтись. Некоторые члены Совета были арестованы. Но никакие репрессии не могли парализовать деятельность Коммунистической партии, подорвать ее влияние грозненской большевистской организации, а наоборот, еще более увеличили его. Рабочие, крестьяне, солдаты, казаки находили в выступлениях большевиков на митингах и собраниях ясное и понятное разъяснение волновавших их вопросов. Рабочие и солдаты, вступившие в начале революции в организации меньшевиков и эсеров, стали покидать эти партии и вступать в большевистскую организацию. Перед лицом опасности,

угрожавшей партии большевиков, они еще теснее сплотились вокруг нее. Об усиливающемся влиянии большевиков на рабочих указывал секретарь грозненского комитета партии Н. Носов. 4 июля 1917 года он писал в Центральный Комитет: «Настроение здесь бодрое, — говорится в письме. — Тов. солдаты успешно сражаются с эсерами и оборонцами-меньшевиками. Большинство настроено революционно, понимает вред наступления Керенского. Рабочих много с.-р. И меньшевиков, но они рассуждают так, что не похожи ни на с.-р., ни на меньшевиков: все большевики... Рабочие пробуждаются и сочувствуют ам или записываются в партию. Трудно только с ними говорить. Но как только они поймут нашу платформу — так присоединяются к нам. Всех пугает название «большевик». Но все большевики, хотя и не смеют сознаться». В конце июля партийному комитету удалось собрать партийное собрание. Вход был свободный, и партийное собрание превратилось в митинг. На собрании Н. Анисимов выступил с докладом об июльских событиях в Питере. Меньшевики и эсеры были разоблачены: «После этого травля прекратилась, — сообщал Анисимов XI съезду партии, — и, больше того, стали записываться нашу партию: записываться шли убежденные рабочие, которое от партии не откажутся». VI съезд партии сыграл решающую роль в подготовке социалистической революции, наметив курс на вооруженное восстание и взятие власти пролетариатом и беднейшим крестьянством. От грозненской порторганизации делегатом на съезде он рассказал о самоотверженной борьбе грозненских большевиков за массы, их воспитании и сплочение вокруг партии. Положив в основу своей деятельность решения VI съезде партии, большевики Грозного развернули работу среди рабочих, солдат, крестьян, казаков и горцев, которые все больше и больше убеждались, что соглашательская политика меньшевиков и эсеров расчищала почву обнаглевшей контрреволюции. Обострение классовой борьбы в Грозном, как и во всей стране, особенно произошло в августе — сентябре 1917 года в связи

мятежом Корнилова, который открыто был поддержан буржуазией и казачьей верхушкой Терека. В период корниловского мятежа Караулова вызвал с фронта надежные казачьи полки для «водворения порядка» в крае. Контрреволюционный генерал Половцев, подавивший июльскую демонстрацию в Петрограде приказом главнокомандующего Кавказской армии был назначен начальником войск Терско-Дагестанского края и командиром туземного корпуса. Внимательно следивший за действиями, казачества, Грозненский комитет партии в письме в Центральный Комитет писал что «после корниловского выступления здешнее казачество вело себя все неопределенно, как бы выжидательно. И вот 16 сентября вечером оно (казачество) как бы решило показать свою силу». В этот день казачий Кизлярского отдела по приказу Караулова сделал попытку ликвидировать промысловую рабочую милицию. На Старые промыслы было направлено 250 вооруженных казаков с двумя пулеметами. Они заняли помещение промысловой рабочей милиции и потребовал сдачи оружия. Но милиция не подчинилась этому требованию. Старопромысловский Совет постановил противодействовать разоружению рабочей милиции «вплоть до вооруженного сопротивления». О прибытии на промыслы казаков и решении Совета было сообщено в город. Рабочие справедливо усмотрели в действиях казачества новый боевых сил. На заводах и промыслах проводились короткие митинги, на которых выносились резолюции протеста. В казачьи части были посланы агитаторы для разъяснения преступных действий казачьей верхушки. В ночь с 16 на 17 сентября Советом по предложению большевиков были реквизированы автомобили в городе и рано утром 17 сентября отряд революционных солдат с пулеметами отправился на Старые промыслы. Столкновение ожидалось каждую минуту, но видя решительность солдат и рабочих, казачий комитет вынужден был отозвать казаков с промыслов. Попытка упразднить рабочую милицию и разгромить революцию полностью провалилась. Победили рабочие и солдаты. В телеграмме министру внутренних

дел 24 сентября областной комиссар Михайлов с сожалением писал: «Казаки стремятся охранять грозненские нефтяные промыслы исключительно своими силами, пытались ликвидировать рабочую милицию… Демократические элементы Грозного и промыслов воспротивились, послав на промыслы 250 солдат с пулеметами. Ликвидация милиции пока отложена». В августе — сентября комитет провел большую работу по вооружению рабочих. 24 сентября собрании заводских комитетов постановило немедленно организовать Красную Гвардию. При каждом заводе создавались ячейки для обучения рабочих военному делу. Вооруженные отряды были созданы на всех крупных предприятиях. Рабочие захватили у Совета съезда терских нефтепромышленников 700 винтовок и 100 револьверов. 31 августа Петроградский Совет принял большевистскую резолюцию по вопросу о власти 5 сентября такую же резолюцию принял Московский Совет, а затем большевистские резолюции принимаются Советами других городов. Коммунистическая партия вновь выдвинула лозунг «Вся власть Советам!» означающий теперь переход власти к большевистским Советам путем свержения власти Временного правительства. В начале сентября собрание грозненской большевистской организации при обсуждении вопроса о текущем моменте приняло резолюцию, аналогичную резолюции Петроградского Совета рабочих депутатов. 8 сентября на расширенном заседании Грозненского Совета большевик И. В. Малыгин, только что вернувшийся из Петрограда со Всероссийского совещания представителей областных Советов, выступил с докладом о разгроме корниловского мятежа. Вслед за Малыгиным выступил Н. А. Анисимов и внес предложение передает всю власть Советам, опубликовать тайные договоры, передать землю крестьянам. Выступления Малыгина и Анисимова вызвали одобрение присутствовавших на заседании рабочих и солдат. Свою солидарность с большевиками они выразили так бурно, что председатель совета меньшевик Богданов попросил «гостей» —

рабочих и солдат не аплодировать выступающим, угрожая выпроводить аплодирующих из зала.

Эта наглая выходка меньшевика возмутила рабочих и солдат и вызвала резкий протест большевистской части Совета. Депутаты-большевики, рабочие и солдаты демонстративно покинули зал заседания. После перерыва они вернулись. На голосование были поставлены две резолюции — меньшевистская от имени исполкома Советов и большевистская, предложенная Малыгиным от имени большевистской фракции Совета.

Большевики предлагали созвать Всероссийский съезд Советов и создать из представителей революционного пролетариата и крестьянства власть, в основу деятельности которой должно быть положено следующее: 1) Немедленная отмена помещичьей собственности на землю без выкупа и передача ее в заведывание крестьянских комитетов; 2) введение рабочего контроля на общегосударственном масштабе над производством и распределением; национализация важнейших отраслей промышленности; 3) объявление тайных договоров недействительными и заключение всеобщего демократического мира; 4) прекращение всяких репрессий против рабочего класса и его организаций, отмена смертной казни на фронте и т. д. Однако большинством, в 44 голоса, прошла меньшевистская резолюция, предложенная президиумом совета.

Меньшевистско-эсэровская верхушка своими действиями все более и более дискредитировала себя и восстанавливала против себя рабочих и солдат. Многочисленные собрания рабочих на промыслах и заводах стали открыто выражать недовольство и недоверие меньшевистско-эсэровскому исполкому Совета и требовать его переизбрания.

О резком переломе настроения грозненских рабочих в пользу большевиков и недовольстве меньшевистско-эсэровским Советом Н. Анисимов сообщал в ЦК партии: «В массе растет недовольство Советом. Колебания меньшевиков и с.-р. нервируют рабочих.

Выносятся резолюции о переизбрании Совета, а Совет в это время ставит вопрос о деятельности большевиков. Частично идут перевыборы, проходят наши».

Рабочие коллективы под влиянием большевиков отзывали из Советов неугодных им депутатов-соглашателей. Вместо них, как правило, выбирались либо большевики, либо сочувствующие им. Переизбрание депутатов привело к тому, что большевистская фракция Совета непрерывно росла и стала самой многочисленной и самой влиятельной.

Видя, что рабочие отворачиваются от меньшевистско-эсэровского исполкома, он вынужден был подать в отставку.

29 сентября состоялось закрытое заседание Грозненского Совета совместно с советами Старых и Новых промыслов. Заседание открылось заявлением Богданова о том, что совет переживает кризис, и что поэтому исполком слагает свои полномочия. Решение исполкома он мотивирует тем, что «исполнительному комитету за последнее время не доверяют, его обливают грязью, членам исполкома невозможно показаться на улицах...».

Это откровенное признание одного из лидеров грозненских меньшевиков показывает, что соглашатели растеряли остатки своего влияния на массы, которые в ходе революционной борьбы все более и более убеждались в том, что большевики — единственная партия, действительно борющаяся за интересы народа.

Рабочие депутаты настаивали на переизбрании исполкома совета, разрыве соглашения с буржуазией и проведении в жизнь большевистских требований.

Выступивший от фракции большевиков Анисимов подчеркнул, что четырехмесячная работа эсэро-меньшевистского исполкома свелась к нулю, что он колебался «то вправо, то влево, смотря по течению». В ответ на заявление меньшевиков и эсэров, которые пытались доказать, что виноват в плохой работе не весь исполком, а отдельные его члены, Анисимов показал, что «после выступления Корнилова наступила новая эра революции и должна быть не смена

личностей, а смена системы, и поэтому нужно переизбрать весь Совет, отвергнув всех сторонников соглашательства». В заключение он предлагает принять резолюцию о переизбрании совета, разрыве его соглашения с буржуазией и проведении платформы большевиков.

Большинством, 53 голоса, против 48, была принята резолюция меньшевиков и эсэров. Но под давлением большевиков и сочувствующих им в резолюцию был внесен пункт о том, чтобы в самый кратчайший срок приступить к перевыборам всех членов Совета. Революционные массы рабочих и солдат перестали доверять меньшевикам и эсэрам, окончательно скатившимся в лагерь контрреволюции и с необычайной быстротой теряющих своих сторонников. Это был конец влияния эсэров и меньшевиков в Грозном.

6 октября на пленарном заседании Совета делегатом на II Всероссийский съезд Советов от Грозного был избран Анисимов. Ему был дан наказ требовать немедленного заключения мира, полного разрыва с буржуазией и передачи власти трудящимся, передачи земли крестьянам без выкупа и введения рабочего контроля за производством и распределением продуктов.

В первой половине октября состоялись собрания рабочих и служащих промыслов и заводов, на которых обсуждался вопрос «о реорганизации Совета» и выбирались депутаты в новый Совет. Как правило, рабочие теперь посылали в районные и городские Советы большевиков и им сочувствующих.

Таким образом, еще до победы Октябрьской социалистической революции Грозненский Совет перешел на сторону большевиков и стал подлинным выразителем интересов рабочего класса.

Пытаясь задержать нарастание пролетарской революции, атаман Караулов подавлял вооруженной силой волнения рабочих и крестьян, продолжал отправлять на фронт революционно настроенных солдат, а к Грозному стягивал контрреволюционные силы. В письме в ЦК Грозненский Комитет партии сообщал: «...

Последние дни и поведение Караулова заставляют ждать впереди еще большего. Караулов думает и уже, как видно, решил идти по стопам Каледина».

В своей борьбе против грозненских рабочих Караулов опирался на помощь Временного правительства. В ответ на сообщение председателя особого совещания по распределению топлива о тревожном положении в Грозненском районе военный министр Временного правительства в октябре 1917 года в телеграмме на имя Караулова писал: «Принимая во внимание чрезвычайную важность Грозненского района для обороны страны, предписываю вам ввиду угрожающего положения срочно выяснить на месте обстановку и принять меры к ограждению нефтяной промышленности. Если на месте войск недостаточно, могу добавить из числа маршевых эскадронов».

4 октября Временное правительство внесло военное положение в Грозненском округе. Капиталисты при поддержке меньшевиков и эсэров закрывали фабрики и заводы. На промыслах сознательно приостанавливали работы по добыче нефти. Закрывались фонтаны. Тысячам грозненских рабочих угрожала безработица.

Управляющий нефтеперегонным заводом «Бр. Нобель» инженер Дашевский обнаглел до того, что стал самовольно обыскивать рабочих завода. По его приказу «строптивых» рабочих выбрасывали на улицу и даже сажали в тюрьму. Он совершенно не хотел считаться с заводским комитетом и самовольно рассчитывал и увольнял его членов.

Ненависть рабочих была настолько велика, что они потребовали ареста Дашевского, а некоторые собирались его убить. 23 сентября Дашевский под охраной рабочих был доставлен в Совет, по постановлению которого он и был заключен в тюрьму.

В ответ на наступление капиталистов рабочие многих предприятий объявили забастовку. 5 октября была объявлена общая забастовка рабочих и служащих акционерного общества

«Катопром». В октябре же была объявлена трехдневная забастовка рабочими завода «Труд». Они требовали повышения зарплаты.

Развертыванием и усилением революционного движения в Грозном были обеспокоены даже иностранные посольства, аккредитованные в России. Так, например, 15 сентября 1917 года французское посольство в Петрограде в письме Министерству иностранных дел сообщало, что рабочие завода «Русский стандарт» в Грозном «под влиянием отказа в повышении заработной платы находятся и весьма возбужденном состоянии. Ввиду возможности эксцессов французское посольство ходатайствует о принятии мер к защите французских граждан, членов правления названного общества».

Классовая борьба грозненских рабочих против предпринимателей и органов Временного правительства, все более обостряясь, достигла высокого напряжения и вплотную подошла к решительной развязке. К моменту Октябрьской революции не только рабочие, но и крестьянская беднота многих чеченских аулов и казачьих станиц шли за большевиками.

Каждая неделя, каждый день борьбы большевиков за массы убеждали рабочих, крестьян, солдат в правильности большевистской линии.

Рабочие Грозного, руководимые и направляемые большевистской организацией, вместе со всеми трудящимися России, готовились к свержению буржуазии и установлению диктатуры пролетариата.

25 сентября (7 ноября) 1917 года восставший пролетариат в союзе с крестьянством под руководством Коммунистической партии и ее вождя В. И. Ленина сверг буржуазное Временное правительство и взял власть в свои руки. Партия большевиков всей своей предшествующей деятельностью была подготовлена, чтобы возглавить социалистическую революцию. Вопреки всем предсказаниям революция в России победила.

На II Всероссийском съезде Советов, открывшемся в разгар победоносного восстания, был правозглашен переход власти в руки Советов и создано рабоче-крестьянское правительство во главе с В. И. Лениным. II съезд Советов принял первые советские декреты о мире и о земле.

Делегаты съезда, среди которых был и посланец грозненского пролетариата Николай Андреевич Анисимов, разъехались по местам, чтобы разнести весть о победе революции в Петрограде, организовать массы на окончательный разгром контрреволюции и повсеместный переход власти в руки Советов.

Победив сначала в центре, в Петрограде, социалистическая революция со стремительной быстротой распространилась по всей стране. Период с октября 1917 года по март 1918 года В. И. Ленин назвал «триумфальным шествием» Советской власти.

Весть о победе Великой Октябрьской революции пришла в Грозный 26 октября. В этот же день Грозненский Совет рабочих, солдатских и казачьих депутатов по предложению большевиков, при яростном сопротивлении меньшевиков и эсэеров, принял резолюцию, одобряющую переход всей власти в стране к Советам.

2 ноября 1917 года из Петрограда со II Всероссийского съезда Советов вернулся руководитель грозненских большевиков Н. Анисимов. Он выступил с докладом о победе революции на расширенном заседании Грозненского Совета совместно с представителями рабочих, полковых и ротных комитетов воинских частей. Рассказав о вооруженном восстании в столице, очевидцем и участником которого он был, о первых декретах Советской власти, Анисимов указал, что задача состоит в том, чтобы создать советскую власть на почве союза городских рабочих, трудового казачества и горской бедноты.

В резолюции, принятой по докладу Анисимова, говорилось, что собрание признает советскую власть, как единственную власть, отвечающую интересам народа, приветствует решения II

Всероссийского съезда Советов и призывает всех трудящихся встать на защиту завоеваний революции.

После заседания Совета были организованы митинг и демонстрация трудящихся Грозного под лозунгом «Вся власть Советам». На промыслах, заводах и в воинских частях также проходили бурные митинги и собрания. Общее собрание заводских комиссий 5 ноября 1917 года, на котором участвовали представители 20 грозненских заводов, вынесло следующую резолюцию:

«Мы, представители, члены заводских комитетов, приветствуем выступление петроградских рабочих, матросов и солдат, которые своим... натиском сбили железные цепи буржуазии. Пало правительство Коренского и Кишкиных, власть в руках Совета. Мы приветствуем истинных борцов за дело народа и шлем свой братский привет».

Грозненские большевики направили свои усилия на то, чтобы разъяснить массам смысл революции и мобилизовать их на борьбу за укрепление диктатуры пролетариата. Однако распространение революции и установление Советской власти на Тереке были сопряжены с серьезными трудностями. Ввиду малочисленности пролетариата, разжигаемой эксплуататорами национальной вражды контрреволюционерам удалось до известной степени сосредоточить и консолидировать свои силы, чтобы помешать установлению Советской власти. Октябрьская революция встретила здесь препятствие в виде образовавшихся еще до революции «национальных советов», «Центрального Комитета объединенных горцев» и казачьего Терского войскового правительства, которые стремились всеми силами и средствами сохранить и укрепить буржуазный строй на Тереке и превратить его в плацдарм для борьбы против Советской России.

Чувствуя шаткость своего положения, главари Терской контрреволюции пытаются объединить свои силы с контрреволюцией Дагестана. При содействии англо-американских

агентов 1 декабря 1917 года руководители Терского войскового правительства и Центрального комитета Союза горцев образовали буржуазное, так называемое Временное Терско-Дагестанское правительство. К этому правительству должна была перейти вся власть в Терской области и Дагестане. Вопреки воле народов, оно объявило об отделении этих областей от России.

Контрреволюционеры применяли методы провокации, разжигания межнациональной вражды, вплоть до убийств видных представителей той или иной народности. Караулов в интересах сохранения старого режима использовал национальную буржуазию, мусульманское духовенство, феодалов, шейхов, буржуазно-националистическую интеллигенцию.

Основной удар контрреволюционные казачьи и горские верхи направили против революционного пролетариата Грозного, ставшего центром борьбы за Советскую власть и опорным пунктом революции на Тереке. С. М. Киров писал по этому вопросу: «Революционное движение приняло там (в Грозном — Е. К.) сразу весьма широкий размах. То, что называется рабочим контролем, поставленным на очередь дня после Октябрьской революции, в Грозном осуществлено давно. Грозненский Совет пользовался почти совершенной полнотой власти с первых же дней революции.

Само собой понятно, что такое положение не могло быть терпимо не только для нефтяных королей, но и для всех, не нашедших в революции гостеприимства».

По городу и в прилегающих аулах и станицах стали распространяться провокационные слухи. Услужливые агенты Караулова сообщали по аулам, что большевики думают выступить с оружием в руках с тем, чтобы истребить чеченцев, живущих в городе. В то же время карауловцы рассылали своих гонцов по станицам с телеграммами о том, что большевики думают напасть на казаков и отнять у них земли.

В создавшейся обстановке для непосредственного руководства всеми революционными силами в надвигающейся вооруженной

борьбе по предложению партийного комитета был создан военно-революционный комитет при Грозненском Совете под председательством Н. А. Анисимова, который сразу же приступил к организации рабочих дружин и Красной Гвардии, к проведению разъяснительной работы среди населения. Ревком сыграл очень важную роль в установлении Советской власти. Грозненские рабочие занимали ведущее место в сплочении всех рабочих и крестьян, борющихся за Советскую власть на Тереке.

Грозненские большевики, готовясь к вооруженной борьбе, организуя для этого силы, в то же время предпринимали все, чтобы рассеять вздорные и провокационные слухи, распространяемые Карауловым и его сообщниками в городе, казачьих станицах, чеченских аулах. С риском для жизни большевики шли к казакам, чеченцам и разоблачали предательскую и провокационную политику помещиков и буржуазии и их ставленников. Они призывали крестьян сбросить власть помещиков и кулаков и созвать свои Советы и Ревкомы.

Вечером 23 ноября 1917 года казачье-горские верхи Терека предъявили Грозненскому Совету ультиматум о полном разоружении рабочих и 111 полка. Последний должен был сдать все оружие и уйти из пределов Терской области. В противном случае контрреволюционеры угрожали начать военные действия, артиллерийским огнем поджечь и взорвать бензобаки и уничтожить город. Срок ультиматума истекал в 2 часа дня 26 ноября.

Возмущенные рабочие и солдаты на ультиматум ответили, что оружия они ни в коем случае не сдадут. Большевики провели митинги на промыслах и заводах, где рабочие принимали резолюции о необходимости борьбы с контрреволюцией. Солдаты, рабочие организовали оборону, рыли окопы. «Жить или умереть за Советскую власть» — таков был лозунг солдат и рабочих, решивших защищать город.

Чтобы деморализовать защитников Грозного и заставить их пойти на принятие ультиматума, 24 ноября всадниками чеченского

полка «дикой дивизии», которым командовал английский полковник О'Рэм, были подожжены и разграблены новогрозненские промыслы. Сгорело около 12 миллионов пудов нефти, жилые постройки, большинство вышек.

Как видим, нефтепромышленники, казачья и горская верхушка, не желая расставаться с огромными прибылями, стремились не допустить рабочий класс к власти, бешено сопротивлялись революции, шли на крайние меры, вплоть до уничтожения нефтяных промыслов, нефтеперегонных заводов, железной дороги.

Грозненский Совет в этот период не имел достаточного количества оружия для вооружения рабочих. Красная Гвардия, которая начала создаваться еще до октябрьской революции была плохо вооруженной и недостаточно подготовленной. Вполне понятно, что красногвардейские отряды не могли противостоять вооруженной контрреволюции. Но «самое главное это то, — писал Н. Анисимов в ЦК партии, — что солдаты 111-го полка имели по 90 патронов, а красногвардейцы — патронов по 20, так что если бы принять бой, то патронов хватило бы часа на два не больше. И вот, ввиду такого недостатка, 111 полк ответил, что он согласен уйти с оружием в руках», чтобы не подвергать уничтожению все население города.

26 ноября 1917 года расширенное заседание Совета, под влиянием меньшевиков и эсэров, постановило принять ультиматум контрреволюции о выводе из Грозного 111 полка. Вместе с полком стали покидать город многие рабочие с семьями, не желавшие оставаться под властью контрреволюционных банд. Из города эвакуировалось около 20 000 человек.

В Грозном наступила полоса безудержного белого террора. Большевистская организация, ослабленная эвакуацией воинских частей и рабочих, должна была уйти в подполье. Военно-революционный комитет распался. Целую неделю погромщики искали Н. Анисимова, который по решению партийного комитета вынужден был нелегально выехать из Грозного в Ставрополь.

Только позже коммунисты поняли, что здесь была совершена ошибка. «Добровольное разоружение» и уход солдат не спасли Грозный от разгрома. Вооруженные банды офицеров разогнали советы в Хасав-Юрте, разоружили гарнизон Гудермеса. Находившаяся в 20 километрах от Грозного слобода Воздвиженская 12 декабря 1917 года была разрушена и сожжена. Тысячи жителей остались без крова и имущества и вынуждены были спасаться бегством.

В конце декабря 1917 года был разгромлен Владикавказский Совет. Вооруженные банды офицеров разоружили большевиков и арестовали президиум Совета, в том числе и Ноя Буачидзе, С. М. Киров случайно избежал ареста. Большевики и здесь вынуждены были перейти на нелегальное положение.

В труднейших условиях разгула черносотенной реакции оставшиеся в Грозном большевики не сложили оружия. Находясь в подполье, они продолжали вести большую политическую работу в массах, сплачивали революционные силы для разгрома контрреволюции.

В знак протеста против грабежей и насилий рабочие объявили забастовку. «Забастовка протекает организованно, — сообщала „Правда“. — Рабочие решили стачкой призвать в город войска. Все просьбы предприятий произвести ту или иную работу Исполнительный Комитет отклоняет». Забастовки, митинги, протесты рабочих неоднократно переходили в вооруженное столкновение с контрреволюционными бандами.

Из Грозного была направлена делегация рабочих и солдат в Баку и Тифлис, которая обрисовала перед Кавказским комитетом партии, рабочими и солдатами Закавказья положение Грозного и настаивала на посылке революционных войск в район Грозного для борьбы с контрреволюцией.

Помощь была оказана. По предположению Шаумяна и Малыгина были двинуты из Закавказья отряды матросов и революционно настроенные части Кавказской армии. Эти воинские части и матросы

Каспийского флота вместе с вооруженными рабочими промыслов и заводов изгнали контрреволюционеров из города.

31 декабря 1917 года по инициативе большевиков в Грозном был создан новый Военно-революционный комитет, к которому временно перешла власть в Грозном и в некоторых станицах Сунженской линии и Кизлярского отдела.

Большевики создали Военно-революционный комитет, чтобы использовать его в целях организации сил рабочего класса и подготовки условий к переходу всей власти в районе к Совету рабочих, солдатских и казачьих депутатов. Кроме того, они рассчитывали через Военно-революционный комитет предотвратить национальную борьбу и подготовить почву для создания союза рабочего класса с чеченской беднотой и трудовым казачеством, спасти от безумного истребления сотни людей.

«Рабочий класс — коммунистические организации Грозного, — писал в своих воспоминаниях председатель этого комитета большевик Ионисиани, — свою роль в разноплеменной области рассматривали, как примиряющую. Не дать разогреться межнациональной бойне, потушить появившиеся кое-где национальные пожары, организовать рабочий класс для союза с горцами и с трудовыми казаками, установить Советскую власть в Грозном — такова была политика коммунистических организаций, такова была задача Военно-революционного Совета».

Военно-революционный комитет, возглавляемый большевиками, взял на себя защиту города. Он проводит ряд решительных мероприятий по борьбе с контрреволюционными бандами, которые рыскали вокруг города. На заводах организуются боевые дружины и боевые роты из рабочих. Так были созданы заводская рота из рабочих нефтепереработчиков и железнодорожная рота из рабочих железнодорожного узла. Рабочие Старых промыслов организовали «Пролетарский батальон», сыгравший как в эти дни, так и позднее, в период стодневных боев, выдающуюся роль

в истории Грозного. В это время в Грозном начинает создаваться Красная Армия.

Военно-революционным комитетом мужское население города было взято на учет и мобилизовано для выполнения воинской повинности по обороне города. Все без исключения жители привлекались для рытья окопов. Город был окружен окопами, рвами и проволочными заграждениями. Решительные мероприятия Военно-революционного комитета создали сравнительную безопасность в городе.

Однако контрреволюционные верхи казачества и горская буржуазия не оставили мысли о том, чтобы задушить революционный Грозный. 15 января 1918 года в Урус-Мартане состоялся съезд руководителей буржуазно-националистического движения. Съезд создал новый чеченский национальный совет во главе с Мутушевым и Чуликовым. В состав Совета вошли муллы и шейхи. Местом пребывания Совета были избраны Старые Атаги.

Вскоре в Чечне появился шейх Узун-Хаджи, который пытался повести за собой население Чечни, чтобы разгромить Грозный и очистить Чечню от большевизма. Он предъявил ультиматум Грозненскому военно-революционному комитету сдать город. Свой ультиматум Узун-Хаджи подкрепил артиллерийским обстрелом Грозного. но контрреволюционеры уже не могли захватить Грозный, так как контрреволюционный комитет при помощи Красной Армии и рабочих рот наладил оборону города.

Но если контрреволюционным элементам не удалось проникнуть в город, то они приняли меры к тому, чтобы обострить отношения между чеченцами и казаками. Еще 26 октября в ст. Грозненской был убит шейх Дени Арсанов. В ответ на это чеченцы, спровоцированные муллами и кулаками, сожгли станицу Кахановскую, стали нападать на окружающие Грозный другие станицы и русские хутора, уничтожая и сжигая их. Казаки, в свою очередь, организовали поход против чеченцев и разгромили аулы Старый-Юрт, Новый-Юрт, Старосунженский. Пожинались плоды

провокаторской политики казачьей и горской верхушки, разжигавшей национальную вражду.

Грозненский военно-революционный комитет проводил разъяснительную работу среди горцев и казачества. Делались попытки организовать мирные переговоры, но их срывали казачьи атаманы и чеченские кулаки. Резолюции, выносившиеся мирными делегациями, как правило, не выполнялись.

Желая задушить революцию голодом, нефтепромышленники отклонили предложение Военно-революционного комитета возобновить работы на Старых промыслах и городских и предприятиях. Они стали сокращать работы на промыслах и нефтеперегонных заводах. Многие рабочие с семьями оказались в тяжелом положении, не имея работы и возможности выехать из Грозного.

22 января 1918 года рабочая секция Совета на своем заседании постановила принять меры хотя бы к частичному восстановлению работы промыслов и обязать нефтепромышленников уплатить жалование рабочим за все дни до восстановления железнодорожного сообщения, компенсировать рабочих, пострадавших от грабежей, пожаров, допустить всех рабочих к работе, а желающим взять расчет выдать зарплату со всеми добавочными за три месяца вперед согласно коллективному договору от 7 августа 1917 года.

Протокол рабочей секции от 22 января Военно-революционный комитет направил предпринимателем с предложением о немедленном возобновлении работ.

Нефтепромышленники отказались выполнить это требование. Свой отказ они мотивировали тем, что «хотят быть в стороне от военных вопросов». Отказывая в выдаче Ревкому миллиона рублей, нефтепромышленники предлагали на содержание казачьих контрреволюционных войск 40 миллионов рублей.

Получив отказ, Военно-революционный комитет 11 февраля арестовал восемь управляющих крупных фирм, в том числе

и иностранноподданных. Протесты, угрозы, жалобы капиталистов и войскового круга Терского казачьего войска, который все еще считал себя хозяином нефтеносной земли, не помогли им, и арестованные не были освобождены.

Решительно ломая сопротивление и саботаж буржуазии и старой администрации, комитет при помощи рабочих и красногвардейцев сумел реквизировать у грозненской буржуазии полтора миллиона рублей. На эти деньги закупались оружие и боеприпасы и содержались вооруженные силы Грозного.

Важным этапом борьбы за Советскую власть на Северном Кавказе был первый съезд народов Терской области, состоявшийся в городе Моздоке 25—31 января 1918 года. Организаторами съезда были казачьи офицеры и атаманы, которые надеялись использовать его для разжигания межнациональной борьбы и разгрома сил революции на Тереке.

Однако этот съезд, благодаря участию в нем большевиков, руководимых С. М. Кировым и Ноем Буачидзе, превратился в подлинно народный съезд. На съезде присутствовало 400 делегатов от казаков, иногородних, горцев, а также большая группа Ворожев, Сорокин, Тронов, Зейликович, Филатов, Мордовцев).

Большевистская фракция здесь была немногочисленной, но она сразу же стала руководителем всей левой части съезда. По ее инициативе был создан так называемый «социалистический блок», в состав которого вошли большевики, эсэры, меньшевики-интернационалисты. Задача большевиков заключалась в том, чтобы подготовить массы к восприятию Советской власти и повести за собой большинство делегатов съезда.

Моздокский съезд принял ряд важных решений, направленных на укрепление завоеваний Октябрьской революции на Тереке. Он принял постановление об организации всех революционных сил для борьбы с казачьей и горской контрреволюцией и предотвращении войны между народами области. Хаос войны, в который пытались

ввергнуть Терек контрреволюционеры, был предотвращен. Съезд избрал областной орган власти — Народный Совет, в состав которого вошли С. М. Киров, Ной Буачидзе и др.

На заключительном заседании съезда С. М. Киров призвал трудящихся области бороться за «республику рабочих, солдат, горцев, крестьян и казаков». По предложению большевиков было решено Моздокский съезд назвать первой сессией Терского областного народного съезда и созвать вторую сессию в Пятигорске.

На второй сессии Терского областного Народного съезда, открывшейся 16 (29) февраля 1918 года в Пятигорске, большевики с С. М. Кировым во главе выступают уже признанными руководителями подавляющей части съезда. На этом съезде от Грозного присутствовало 25 делегатов.

Несмотря на продолжающиеся кровавые провокации на местах, на съезде торжественно устанавливается мир между всеми народами Терека. На съезде выступали несколько раз делегат Чечни, мужественный боец революции Асланбек Шерипов и руководитель ингушской делегации Гапур Ахриев.

Тактика большевиков состояла в том, чтобы сначала разрешить основные вопросы в советском духе, завоевать большинство на свою сторону, а потом поставить вопрос о признании Советской власти. Закрепляя победы, одержанные на моздокском съезде, большевики на пятигорском съезде поставили вопрос о правозглашении Советской власти в Терской области и признании власти Советов Народных Комиссаров. Меньшевики и эсеры выступили против признания Советской власти. Но они уже потеряли всякое влияние, и делегаты за ними не шли. «Социалистический блок», созданный на Моздокском съезде, распался.

Съезд абсолютным большинством, 220 голосов против 22, при 44 воздержавшихся под бурные аплодисменты принимает предложение большевиков. Съезд торжественно подтвердил связь Терека с Советской Россией, объявив область автономной республикой Российской Федерации.

II съезд народов Терека переехал в центр области — Владикавказ, где избирает Терский Народный Совет и в качестве его исполнительного органа — Терский Совнарком. В состав Народного Совета и Совнаркома вошли как большевики, так и левые эсэры и социал-демократы-интернационалисты. Председателем Народного Совета был избран левый эсэр Пашковский, председателем Совнаркома — большевик Ной Буачидзе.

Таким образом, в результате героических усилий рабочих, крестьян, казачьей и горской бедноты, руководимых и направляемых большевиками во главе с С. М. Кировым, в марте 1918 года на Тереке была установлена Советская власть. Терско-Дагестанское правительство вынуждено было покинуть пределы Терской республики.

В Чечне запоздали с выборами делегатов на съезд. Поэтому из 150 делегатов Чечни в Пятигорск сумел приехать вместе с ингушской делегацией только Асланбек Шерипов. 9 делегатов прибыли во Владикавказ лишь 21 марта, когда съезд уже закончил свою работу. В тот же день было устроено заседание вновь избранного Народного совета и Совнаркома с участием чеченцев. После приветственных речей на заседании выступил представитель Чечни и заявил, что отныне чеченский народ пробудился к новой жизни и хочет самого тесного общения со всей демократией области. Он сказал, что хотя в Чечне есть «немало вредных и преступных элементов», темных личностей, которые стараются обмануть трудовой народ и, пользуясь своим влиянием, повести его по ложной дороге, — огромное большинство народа не с ними. «Мы даем крепкое слово горцев, что народная власть среди нас встретит самую деятельную и горячую поддержку...».

Когда собрались все чеченские делегаты, они избрали из своей среды 14 постоянных членов Терского Народного Совета, среди них были Шерипов, Эльдарханов и другие.

После Пятигорского съезда большевики Терека развернули работу по организации и укреплению Советской власти на местах.

Решения I и II съездов народов Терека были встречены в Грозном, в чеченских аулах и казачьих станицах и митингах приветствовали постановление о признании Советской власти.

22 марта на совместном собрании рабочих западных участков Старого района была принята резолюция, в которой говорилось: «Мы не признаем другой власти, кроме трудовой народной в лице Терских Народных Комиссаров».

После Пятигорского съезда народов Терека большевики предложили реорганизовать Грозненский Совет. 26 марта (9 апреля) 1918 года было созвано пленарное заседание Исполнительного Комитета Совета рабочих и военных депутатов и Военно-революционного комитета с представителями близлежащих к Грозненскому станиц. Основным здесь был вопрос о власти в Грозненском районе. Большевики внесли предложение о передаче всей полноты власти Центральному Совету с подчинением ему и Военно-революционного комитета.

27 марта на общем собрании совета было принято **«Положение о конструкции Советской власти в г. Грозном».** В нем говорилось, что Центральный Совет является высшим органом власти в пределах города Грозного, станицы Грозненской, если она пожелает дать в Совет соответствующее количество депутатов от станицы, и нефтяных промыслов. Совет избирает из своей среды президиум, которому предоставляется вся гражданская и военная власть в районе. Комиссар каждого отдела отчитывается о своей деятельности перед президиумом, по специальным вопросам представляет отчет Исполкому и Центральному Совету. Президиум подотчетен за деятельность всех комиссаров перед Исполкомом и перед общим собранием Центрального Совета, который собирается на свои пленарные заседания не менее двух раз в месяц.

В «положении» указывалось, что районные советы промыслов и станицы Грозненской подчиняются постановлениям Центрального Совета и Исполкома Совета. Все политические, общественные и военные организации города, станиц и промыслов, посылавшие

своих представителей в Грозненский военно-революционный комитет, отзывают их. Для связи с ним Центральный совет посылает туда пять представителей.

На этом же заседании Центрального Совета 27 марта был избран президиум и Исполком Совета. Председателем Центрального Совета. Председателем Центрального совета и исполкома избирается Николай Федорович Гикало.

Большевистская организация и руководимый ею Центральный Грозненский Совет развернули работу по укреплению и упрочению Советской власти. На основании решений Моздокского и Пятигорского Народных съездов Грозненский Совет приступил к социалистическому строительству.

Как известно, первым подготовительным шагом к упразднению капиталистической собственности, к переходу фабрик и заводов в руки социалистического государства было установление рабочего контроля над общественным производством и распределением продуктов. Этот контроль грозненские рабочие начали осуществлять до Октябрьской революции.

Теперь роль и значение рабочего контроля коренным образом изменились по сравнению с дооктябрьским периодом, когда захватным путем устанавливался рабочий контроль на отдельных предприятиях. При Советской власти контроль явился началом овладения рабочим классом промышленностью страны, преддверием ее национализации. Органы рабочего контроля учреждались на предприятиях, как органы Советов. Рабочий контроль ограничивал свободу капиталистов, обуздывал их эксплуататорские тенденции, ставил деятельность капиталистов под контроль масс. Он являлся для рабочих школой, где они учились управлять производством. В проведении учета и контроля В. И. Ленин видел главную экономическую задачу каждого Совета, союза или комитета.

Еще 20 февраля 1918 года на заседании Исполкома Грозненского Совета совместно с представителями профсоюзов было

решено установить рабочий контроль над нефтяной промышленностью. Для этой цели была создана специальная контрольная комиссия и выработана инструкция для нее. При этом владельцы и управляющие обязывались продолжать ведение дел предприятий и представлять Совету отчеты о своей деятельности. Совет повседневно руководил деятельностью фабрично-заводских комитетов и других органов рабочего контроля, оказывал им помощь.

В марте 1918 года рабочая секция при Центральном Совете постановила запретить конторам промышленных предприятий выдавать какие-либо денежные суммы и расчет рабочим и служащим без санкции рабочей секции Совета и заводских рабочих комитетов.

Пленарное заседание Совета Старых грозненских нефтяных промыслов и заводских комитетов приняло постановление о том, чтобы заводские комитеты взяли на учет все средства передвижения фирм, которые «без ведома последних не должны быть отпускаемы с участков».

В апреле 1918 года Грозненский комиссариат финансов издал приказ, предписывающий банкам выдавать деньги нефтепромышленных фирм, не имеющих доверенных, по чекам, подписанным конторскими комитетами. За подписью этих комитетов разрешалась выдача денег из касс предприятий.

Комиссариат торговли и промышленности обязал все нефтепромышленные фирмы представлять статистические сведения о производительности промыслов и заводов.

Комиссариат продовольствия предписал всем организациям и ведомствам, занимающимся распределением и отправкой нефтепродуктов, сдать все дела и отчетность и объявил, что в дальнейшем продажа и вывоз нефтепродуктов могут производиться только по его разрешению. Все материалы на складах, заводах и технических конторах района были взяты

на учет, и выдача их стала производиться по ордерам комиссариата продовольствия.

Эти и другие мирные социалистические мероприятия Советской власти встретили в штыки не только капиталисты, но и часть служащих. К наиболее злостным саботажникам из капиталистов и их челяди Грозненский Совет и его органы применяли самые жесткие меры вплоть до ареста и расстрела. С большинством же служащих партийные и профсоюзные организации проводили работу, разъясняя им цели и задачи Советской власти.

Таким образом в Грозном создалось положение, при котором администрация фирм постепенно утрачивала остатки своих прав по управлению, промышленность стала переходить в руки Советов и его органов. Фабрично-заводские комитеты, хозяйственные комиссариаты и рабочая комиссия Совета становились фактическими руководителями промышленных предприятий.

Рабочий контроль охватывал все стороны деятельности предприятий, чем было положено начало фактической национализации грозненской нефтяной промышленности, которая была уже обобществлена всем предшествующим развитием капитализма и подготовлена к национализации.

Большие изменения происходят и в деревне. Решающую роль в распространении идеи Советской власти среди трудового населения казачьих станиц и горских аулов сыграли декреты и постановления Советского правительства об обеспечении экономических и политических интересов угнетенных народов окраин и трудового казачества.

Огромная сила Октябрьской революции и Советской власти — в уничтожении национального гнета, в установлении равноправия и братского сотрудничества народов. Именно это привлекло угнетенные народы России на сторону революции. 3 (16) ноября 1917 года была опубликована «Декларация прав народов России», в которой сформулированы основы национальной политики Советской власти. Она устанавливала в качестве незыблемого

закона свободное развитие всех народов и полное их равенство. Это обеспечило русским рабочим доверие ранее угнетенных народов и их готовность бороться за общее дело.

Грозненские большевики систематически работали среди чеченской бедноты и разъясняли, что несет ей Советская власть. Особенно эта работа усилилась во время Пятигорского съезда народов Терека, постановления которого нашли самый живой отклик в чеченской деревне. Как в период подготовки съезда, так и после него грозненские коммунисты и делегаты съезда провели во многих аулах собрания и митинги, где рассказывали о декретах Советской власти и решениях съездов народов Терека. Чеченцы проявили большой интерес к тому, что говорили большевики и рабочие о Советской власти. В результате этой работы устанавливалась и крепла братская дружба между рабочими Грозного и чеченской беднотой. 17 апреля газета «Народная власть» сообщала, что, по словам прибывших во Владикавказ чеченских делегатов, в Чечне идет усиленная работа по организации трудового населения.

Революционные элементы Чечни при помощи грозненских большевиков созвали в селении Гойты съезд. Здесь была признана Советская власть и выбран руководящий орган этой власти в Чечне по типу Терского Народного Совета — «Гойтинский Народный Совет». Руководителем этого Совета был Таштемир Эльдарханов, который вместе с Асланбеком Шериповым неустанно работал над установлением связи и дружбы чеченской бедноты с пролетариатом Грозного.

В целях улучшения взаимоотношений казаков с чеченским народом по инициативе грозненской большевистской организации и Центрального Совета 15 мая в окрестностях Грозного, у подножья Алдынского кургана, был созван русско-чеченский съезд. На этом съезде была принята резолюция, в которой еще раз говорилось о признании чеченцами Советской власти и о полной ее поддержке.

Стараниями грозненских большевиков и чеченской бедноты удалось расстроить контрреволюционные махинации врагов

революции и притупить недоверие и прекратить борьбу между казаками и чеченцами.

В марте 1918 года Н. Анисимов писал в «Правде»: «Трудовое казачество… Терека восстало само против врагов революции за Советскую власть. И уже рушатся железные оковы капитала и в среде трудового казачества

Советская власть и на Кавказе начинает торжествовать свою победу… Разбит Караулов и приближается час расплаты трудовых чеченцев со своей буржуазией… Казачество пробудилось. Чечня пробуждается. И те и другие начинают познавать своих врагов… Красные знамена коммунистов поднимаются и там, на далеком Кавказе».

Таким образом, в первой половине 1918 года грозненская большевистская организация и Центральный совет проделали огромную работу по завоеванию и упрочению Советской власти в Грозном, станицах Кизлярского отдела и Сунженской линии и районах Чечни. Они уделяли большое внимание вопросам партийного и советского строительства, восстановлению хозяйственной жизни района, созданию вооруженных сил, поднятию производительности труда и массово-политической работе среди трудящихся.

В решении этих вопросов важное значение имела конференция большевиков Терской области, проходившая в Грозном с 21 по 27 мая 1918 года. Это была первая областная партийная конференция без участия меньшевиков. Конференция обсудила доклад председателя Терского Совнаркома Н. Буачидзе о положении в области, доклады с мест, линию проведения фракции коммунистов на III Областном съезде и другие вопросы и приняла по ним решения.

Одновременно с партийной конференцией с 23 по 29 мая 1918 года в Грозном проходил III съезд народов Терской области. Съезд отметил, что в области достигнут мир, прекратилась междоусобная война, восстановлена железная дорога,

восстанавливаются промыслы и заводы, приступлено к решению земельного вопроса. Н. Буачидзе обратил внимание съезда на ту опасность, которая нависла над страной. «С одной стороны, турецкие беки, а с другой — немецкие капиталисты и помещики, которые восстанавливают везде старый режим, возвращают земли помещикам, выпускают из тюрьмы николаевских слуг, и поступки их в отношении рабочих и крестьян хуже, чем у Николая... Немцы забирают все имущество, драгоценности и даже кошек и собак... Это наши враги, которых нам здесь не нужно и которых мы должны встретить достойно». Съезд призвал народы Терека не допустить в область немецких и турецких захватчиков.

Учитывая опасность, нависшую над молодой Советской республикой и Терской областью, как одной из ее частей, съезд уделил серьезное внимание созданию вооруженных сил Терской республики. По этому вопросу был заслушан доклад военного комиссара Я. П. Бутырина. В резолюции, принятой по докладу, говорилось: «...В этот час грозной опасности и тяжелых испытаний, когда на землю свободных трудовых народов в целях хищения и порабощения двигаются полчища германо-гайдамаков и турок совместно с исконными предателями родных народов, съезд заявляет, что свободные сыны Терской земли будут бороться до последнего человека и скорее примут славную смерть борцов за свободу, чем рабство и насилие чужеземного ига. Пламенно приветствуя стойких борцов за честь и славу свободной России, свободные рабочие, крестьяне, казаки и горцы Терской земли под общим знаменем Великой Российской республики...»

Съезд уполномочил Народный Совет и Совет Народных Комиссаров принять самые решительные меры к организации военных сил и ограждению границ области от захватчиков.

В эти грозные для Терека дни III съезд уделил значительное место вопросам социалистического строительства. Съезд указал, что организация широких народных масс области возможна лишь на почве скорейшего удовлетворения нужд трудящихся, то есть

практического решения вопроса о земле, введении восьмичасового рабочего дня, национализации промышленности и т. д.

В своей работе съезд народов Терека имел единодушную поддержку грозненских рабочих, всего трудового населения Терской области. 26 мая в помещении народного дома состоялся многолюдный митинг рабочих Старых промыслов. На митинге выступили председатель Терского Совнаркома Буачидзе, комиссар земледелия Пашковский, товарищ председателя съезда Булле. «Выражая приветствие делегатам 3-й сессии Терского областного съезда народов в гор. Грозном... — говорилось в принятой резолюции, — митинг рабочих Старых промыслов призывает пролетарские и трудовые группы съезда к самому тесному объединению, необходимому в целях достижения мира в области проведения в жизнь неотложных мероприятий, выдвинутых в связи с социалистической революцией».

Большевистская фракция съезда выпустила воззвание ко всем трудящимся области, в котором призывала их к закреплению победы, к строительству социализма, к бдительности, к борьбе против контрреволюционеров и лжесоциалистов. «Помните, товарищи, — говорилось в воззвании, что лишь партия большевиков-коммунистов, вместе с революционным народом, вместе с трудовым крестьянством и пролетариатом, вынесла и выносит на своих плечах всю тяжесть революции.

Верьте же только большевикам и тем, кто искренне идет за ними, как истинным борцам за свободу и благо народа».

Третий съезд в Грозном имел огромное значение для мобилизации сил трудящихся на борьбу с внешними и внутренними врагами Советской власти.

В первых рядах борцов против внутренней контрреволюции и иноземных захватчиков сражался и грозненский пролетариат. Под руководством Коммунистической партии он принял активное участие в трех русских революциях, с оружием в руках отстаивал

завоевания Великой Октябрьской социалистической революции, добился установления Советской власти в районе.

В течение ста дней летом и осенью 1918 года грозненские рабочие в союзе с чечено-ингушской и казачьей беднотой вели героические бои с контрреволюционными казачьими бандами Бичерахова, окружившими город со всех сторон. Более года в 1919—1920 годах тысячи рабочих Грозного и крестьян Чечено-Ингушетии в составе партизанского отряда в тылу врага и в подполье вели беспримерную борьбу с деникинцами.

За проявленный героизм на фронтах гражданской войны и успешное восстановление нефтяной промышленности город Грозный в числе пяти городов страны награжден боевым орденом Красного Знамени.

Грозненский пролетариат под руководством Коммунистической партии и одного из ее отрядов — грозненской большевистской организации — своей героической борьбой за установление Советской власти занял видное место в истории революционного движения в России.

«ОКТЯБРЬСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ В ГРОЗНОМ И В ГОРАХ ЧЕЧЕНО-ИНГУШЕТИИ». А. Ф. НОСОВ

(К истории народов Чечено-Ингушетии).

Глава 11. Отступление из Грозного. Бои на Сунженской линии (февраль 1919 года).

Грозный был оставлен нами в ночь со 2 на 3 февраля 1919 года, причем настолько организованно, что противник не сразу догадался о нашем уходе. К утру закончилась эвакуация станции Грозный. Подвижной состав был выведен всем наличием исправных паровозов. Прикрывал эвакуацию бронепоезд.

Только через день белые бросились за нами. На Сунженской линии начались кровопролитные бои. Колонна грозненцев

двигалась вдоль полотна железнодорожного пути, соединявшего Грозный с Бесланом, в направлении станицы Самашкинской.

От станицы Закан-Юрт до Карабулакской протянулась линия фронта против деникинской армии, устремившейся на наши части с двух сторон: с Моздока и Грозного.

Еще в городе я был назначен комиссаром 3-го полка Красной армии, а по вступлении на Сунженскую линию — комиссаром всего большого грозненского отряда. Тов. Мордовцев был назначен комиссаром на бронепоездах и работал на Сунженской линии вместе с т. Дьяковым.

С каждым днем положение все более и более осложнялось. Противник получал значительные подкрепления, в то время как наш отряд в количестве не более трех тысяч штыков имел в дополнение к ним почти столько же больных и раненых, прибывших в город с фронта XI армии. С отрядом уходило немало жителей Грозного из числа рабочих, не желавших оставаться в городе при белых. Это делало наш отряд малоподвижным и снижало его боевые качества.

Среди казаков Сунженской линии все более усиливались контрреволюционные настроения. Даже революционно настроенные станицы уже не могли по-настоящему обеспечить наш тыл. Не успевали последние замыкающие колонну ряды бойцов выйти из той или иной станицы, как вслед им остервенелые, белогвардейски настроенные казаки тотчас же открывали огонь, а запоздавших захватывали в плен. Станицы Ермоловская, Закан-Юрт и другие до эвакуации Грозного были в наших руках, там были наши коменданты и небольшие воинские отряды, но лишь только с ожесточенными боями мы уходили дальше, казаки этих станиц без боя переходили к белым.

Снова со всей остротой встал вопрос о продовльствии и патронах. Снова возникли большие затруднения в снабжении отряда. Но, несмотря на всю тяжесть положения, в этих боях, отличавшихся необычайной ожесточенностью, грозненские рабочие проявили верх героизма. Никогда раньше не приходилось видеть

такой самоотверженной борьбы, какая развернулась на Сунженской линии. Временами мы несли большие потери, так как противник все более и более концентрировал свои силы, шел напролом, принимал все меры к тому, чтобы в самый короткий срок ликвидировать наш отряд.

Некоторое время спустя, из Владикавказа через Ингушетию к нам прибыл т. Гикало. От него мы услышали тяжелую весть о том, что наши части под давлением превосходящих сил противника были вынуждены оставить Владикавказ. Итак, во всей Терской области не оставалось больше ни одного города, который не был бы захвачен белыми. Практически недоступными для врага были только аулы горной полосы.

Вместе с тем стало ясно, что вскоре противник станет наступать с двух сторон: его части уже появились в районе станции Беслан. Несмотря на тяжелые вести, прибытие Н. Гикало подняло настроение бойцов. Николай Федорович был испытанный командир, не раз приводивший нас к победе, бойцы любили его.

Помню, однажды нам удалось воспользоваться приемником. По радио из Астрахани было получено короткое сообщение — приказ, в котором требовалось «во что бы то ни стало остановить наступление белых». Наш отряд был единственным, кто еще мог принять этот трагический по своей неосведомленности приказ незадачливого командования Кавказско-Каспийского фронта, все время бывшего оторванным от подлинных фронтов. Передача внезапно оборвалась.

Это была последняя весть, которую мы получили от наших товарищей, работавших в центре. Связь с ними на некоторое время была прервана.

О многих событиях, происходивших в тот период в России, мы узнали с огромным запозданием.

Непосредственно вокруг нас находилась враждебная белоказачья территория. Но и дальше на север, запад и восток

на сотни километров простиралась «единая, неделимая», ненавидящая народ контрреволюционная армия Деникина.

Положение осложнялось отсутствием какой бы то ни было правдивой информации, а черносотенная печать из номера в номер твердила о гибели Советской власти в центре.

Итак, остановившись в станице Самашкинской, мы тотчас развернули фронт против станции Закан-Юрт. Дальнейшее следование на Владикавказ было бессмысленным. Перед нами оставался, по-видимому, один выход — оставить революционные сунженские станицы и идти в горную часть Чечни. Наилучшим маршрутом было отступление к югу через революционный чеченский аул Гойты.

В последних, крайне ожесточенных боях под станицей Закан-Юрт, от исхода которых зависело наше пребывание на Сунженской линии, я был равен в ногу. Произошло это при следующих обстоятельствах. Противник развил неслыханную активность. Отдельные участки нашего фронта начала охватывать паника. Пытаясь во что бы то ни стало не допустить ее, я с группой товарищей верхом на лошадях поскакал вдоль фронта.

После ранения с большим трудом на раненой лошади мне удалось добраться до железнодорожной будки, где в это время был Н. Ф. Гикало. При поддержке броневиков положение временно было восстановлено и несколько закреплено.

Эти бои показали, что взятие станции и тем самым приближение к Гойтам будет стоить больших жертв. Тогда мы приняли срочные меры к обеспечению себе возможности отступать в Чечню через ближайшее чеченское селение Ачхой-Мартан. В аул была послана делегация. Начались переговоры. К сожалению, в Ачхой-Мартане не было советских организаций и за последнее время там верховодили контрреволюционные элементы.

В процессе переговоров чеченцами было предложено внести значительную сумму денег в качестве основного условия пропуска наших частей на свою территорию. В дальнейшем переговоры

закончились неблагополучно — ачхоевцы после ряда колебаний отказались пропустить красные части.

В это время мы получили сведения о подходе белых со стороны станицы Слепцовской, дважды переходившей из рук в руки. Наступление вели части Шкуро. От Моздока к ним на помощь шли конные части генерала Покровского. Чтобы избежать грозящего нам окружения, было решено отходить к станице Ассиновской. Переход осуществлялся через Михайловскую, где был расположен наш штаб. Станица Карабулакская была уже занята белыми. Наш отход совершался очень организованно. Противник некоторое время и не подозревал о нем.

Когда отряд, переправившись через Сунжу, отошел уже на значительное расстояние, позади раздался сильный грохот, возвестивший об уничтожении наших броневиков. Они были ликвидированы нашей небольшой кавалерийской частью. Взрыв состоялся в условиях непосредственной близости противника, двигавшегося со стороны станции Слепцовской и уже вторгавшегося в наше расположение. Только смелость товарищей позволила осуществить его.

Не успели мы занятиь оборону станицы Ассиновской, как на нас обрушился ураганный артиллерийский огонь белых. При огромном численном превосходстве пьяные колонны шкуровских банд ринулись на станицу. Части деникинцев стягивали ее все более и более узким кольцом. Весь день 12 февраля грозненцы, революционно настроенные казаки станицы Ассиновской и других вели неравный кровопролитный бой. Последние часы были особенно напряженными. Белогвардейцы получили значительное подкрепление со стороны местного казачества, не упустившего случая ударить по грозненскому отряду, с боевой работой которого оно имело возможность хорошо познакомиться.

До сих пор отчетливо вспоминается один эпизод, связанный с ассиновскими боями. В прошлом нам иногда приходилось наблюдать, как выходцы из бедняцких и отчасти чередняцких групп

казачества борются за Советскую власть. Их борьба обычно отличалась большой непримиримостью. При встрече с родственниками или односельчанами-белогвардейцами ничто не могло остановить революционной решимости этих бойцов. Они успокаивались только тогда, когда расправлялись с врагами по-настоящему.

В этой связи интересно вспомнить приход к ним в штаб группы казаков-станичников со спиками в руках. В них значилось около 150 фамилий. Товарищи просили Гикало выдать им винтовки и необходимое количество патронов. Просьба казаков была удовлетворена. Станичники немедленно влились в наши части и в бою доказали, что они просили оружие, движимые чувством высокой революционной сознательности. Они прекрасно понимали, что весь Северный Кавказ находится во власти белых. Знали и об уходе нашего отряда из станицы Ассиновской через несколько дней. Несмотря на это, по удар белогвардейцев они поставили не только лично себя, но и свои семьи, которые в случае их ухода с нами оставались бы в станице. Этот случай произвел громадное впечатление на всех бойцов нашего отряда. Он показал, насколько глубока классовая дифференциация среди казачества, которую некоторые из нас недооценивали.

После длительного боя отряд с наступлением вечера, оставив необходимый заслон, стал отходить к югу по направлению к горам. Путь через Ачхой-Мартан был закрыт. Да и в других аулах, особенно на плоскости, контрреволюционные элементы уже успели установить связи с захватившими Терскую область деникинцами.

Впоследствии выяснилось, что как раз в это время главноначальствующий Терско-Дагестанского края готовил карательную операцию по вылавливанию красных в районах чеченских аулов от Гудермеса до Ачхой-Мартана. Несколько белых дивизий призваны были осуществить его планы.

Асланбек Шерипов все время оставался в Чечне. Нашему же отряду он не смог оказать своевременной поддержки потому, что

события развивались в наиболее политически отсталой Чечне, которая была широко охвачена контрреволюционным влиянием. Впоследствии, однако, выяснилось, что и при этом обстоятельстве небольшая группа гойтинцев во время ассиновских боев попыталась прийти к нам на помощь. Ввиду быстро развивавшихся событий они не смогли установить с нами связи, да если бы и установили, то провести по Чечне наш большой отряд им едва ли удалось бы.

Нам оставалось единственное — отходить между аулами в Чечню или Ингушетию, заранее отказываясь при этом от организованного отступления в боевом порядке, ибо последнее могло привести к неожиданным военным столкновениям уже с чеченцами. А открытие военных действий с ними чрезвычайно осложнило бы и без того запутанную обстановку и дорого обошлось бы отряду.

Местность была мало знакомая. Первое время мы двигались по какой-то средней линии между Ингушетией и Чечней, совпадающей с лесной дорогой. Ночью на линии фронта щелкали одиночные выстрелы, изредка трещал пулемет.

Когда отряд отошел от станицы Ассиновской на значительное расстояние, к нему присоединился заслон. Можно было не сомневаться, что до утра противник беспокоить нас не будет. Однако это не улучшало положения. Лесная дорога, по которой двигались войска, оказалась местного значения. Она начала теряться и, наконец, совершенно оборвалась.

Было принято решение о порче всех орудий и пулеметов. С отрядом все время двигался обоз, где находилось много ценностей. Решено было часть этих денег в виде небольших сумм (по 2—3 тысячи рублей) выдать на руки каждому бойцу. Комиссары получили разъяснения, как вести людей и, главным образом, какой линии поведения придерживаться каждому бойцу на территории Чечни.

Общие директивы сводились к следующему: держаться поближе к горам. Общий курс — аул Гойты. Не вступать ни при каких условиях в вооруженное столкновение с чеченцами. Документы уничтожить.

Соблюдать, насколько возможно, выдержку и хладнокровие, так как от этого в конечном счете зависит судьба отряда и каждого бойца в отдельности. Наконец, отступать небольшими группами и даже в одиночку.

Уже глубокой ночью отряд стал рассеиваться в лесу по горам. На горе я задержался возле одного орудия. Я ждал встречи с товарищем, который искал лошадь (раненый я не мог самостоятельно двигаться). Мимо в гробовом молчании проходили части нашего отряда. Заметив меня, некоторые бойцы узнавали и останавливались. Через некоторое время вокруг меня расположилась значительная группа бойцов. С особенным чувством смотрел я на товарищей, которых ждала неизвестная судьба. Переход на чеченскую территорию, находившуюся теперь под контролем деникинской армии, готовил много трудностей и испытаний. Мне захотелось сказать товарищам несколько теплых и ободряющих слов, а главное, еще раз посоветовать, куда идти и что делать. В конце своего маленького обращения я указал на грозненские факелы, дававшие на горизонте красноватый отблеск. Их можно было взять в качестве ориентира для направления на Гойты. Примерно наметил путь, по которому они должны были идти. Чтобы не попасть в Ачхой-Мартан, надо было придерживаться гор. ориентироваться было трудно: мешали облачность и начинавшаяся вьюга.

Отряд перестал существовать. Вместо него по всей Чечне были одиночки и группы людей. Тымчук, **Вера Гикало** и я составили одну из таких самостоятельных групп. После того как отряд рассеялся, я с красноармейцем (фамилии его, к сожалению, не помню теперь) продолжал двигаться в сторону гор, где вскоре встретился с названными товарищами. К нашей группе присоединился еще один раненый красноармеец. Он ехал в подвернувшемся ему где-то фаэтоне. Вскоре фаэтон был брошен. Пересевши на лошадей по одному и по двое, мы продолжали двигаться вперед. По преимуществу приходилось пробираться то оврагами, то

по небольшим горам, причем большей частью лесом, что служило верным показателем нашего нахождения на казачьей земле. К утру мы услышали вой собак и вышли к маленькому хутору, который назывался Бережки.

Глава 12. В подполье в Бережках и Гехах.

На хуторе Бережки из-за ранений нам пришлось пробыть около трех недель. Мое знание чеченского языка, а также ранение сыграли известную роль в установлении неплохих отношений с хозяином дома. Я был принят если не за чеченца — о том, что я не чеченец, нетрудно было догадаться, поскольку я не совершал намаза, — то во всяком случае за близкого чеченцам человека.

На хутор массами стали прибывать бредущие в одиночку красноармейцы. Временами поднималась обычная пальба. Хуторяне, чтобы показать, что они не желают принимать красных, открывали якобы по нашим товарищам отчаянную стрельбу. В то же время, торопливо накормив гостей, они отправляли их дальше в Чечню или Ингушетию. Такой метод маскировки применял целый ряд пограничных с Сунженской линией чеченских аулов. Однако пальба аульцев не всегда велась для отвода глаз белогвардейцев. Были случаи, когда с выстрелами в воздух раздавались выстрелы, направленные в доверчиво открытые груди красноармейцев. Не приходится сомневаться в том, что эти предательские пули были выпущены контрреволюционерами-кулаками и их прихвостнями.

Отовсюду неслись тяжелые, тревожные вести. Ценой сожжения ряда аулов генерал В. М. Ляхов добился изъявления покорности со стороны других аулов, ближайших к разоренным. Красноармейцы по наущению кулачья подвергались массовому грабежу. Многие из них погибли. Некоторые были убиты при попытках оказать сопротивление. Значительное число товарищей было выдано чеченскими контрреволюционерами на расплаву белым. Деникинцы захватили группу участников отступления, не решившихся идти

в Чечню и оставшихся в станицах по болезни и другим причинам. Большинство из них было повешено или расстреляно.

16 февраля 1919 года в станице Ассиновской была повешена грозненская работница **Бакина**, скромная и самоотверженная труженица, прекрасная большевичка. Она прошла с нами все бои, всегда была впереди. Грозненцы хорошо ее знали и с любовью называли Настя-большевичка.

Выдача красноармейцев сопровождалась со стороны местного кулачья открытым ажиотажем. Некоторых товарищей контрреволюционные элементы выдавали не только для того, чтобы выслужиться перед белыми, но и из корысти, чтобы получить определенную плату с головы.

Перед нашей маленькой группой, прикованной к сакле из-за двух раненых, встала прямая угроза быть выданными белым. Зная чеченский язык, я был в курсе таинственных приездов ачхой-мартановцев к хозяину и всех ведущихся ими переговоров. Белые упорно пытались выяснить, кто мы и кто из нас комиссар. В этих условиях оставалась единственная возможность на спасение — получить помощь со стороны гойтинцев, находившихся в нескольких десятках километров. Мною туда было написано письмо на имя Асланбека Шерипова и Николая Гикало с указанием нашего местонахождения и просьбой выручить, если им представится для этого хоть малейшая возможность. Точного адреса их мы не знали. Письмо удалось вручить проезжающему мимо молодому чеченцу, который в кратком разговоре произвел на меня хорошее впечатление: в нем чувствовался советский человек. Чеченец ехал как раз в аулы Гехи и Гойты. Он взялся в течение двух дней доставить письмо по назначению. Все делалось под большим секретом от хозяина.

Прошло несколько томительных дней. Каждый по-своему готовился к грядущим событиям. Однажды вечером к нам вновь приехали двое ачхоевцев. Их прибытие не оставляло никаких сомнений: нас собирались повести в Ачхой-Мартан, чтобы там

выдать белым. И тут в последний момент неожиданно подоспела помощь в лице трех товарищей-чеченцев из Гойт. С большим трудом удалось удержать наших спасителей от перестрелки с хозяином и двумя приехавшими за нами контрреволюционерами. Благодаря гойтинцам мы избежали большой опасности, так как добровольно с ачхоевцами не поехали бы и дело при всех условиях окончилось бы для нас скверно.

По глухим ущельям, окруженным путем через Соляной Датых, мы добирались до аула Гехи, где я наконец встретился с Николаем Гикало и рядом других товарищей из числа грозненских активных партийных работников. С этих пор с т. Гикало мы не расставались и все последующие четырнадцать месяцев до восстановления Советской власти на Тереке работали вместе. В Гехах можно было получить полную и глубокую информацию о всех событиях последних трех недель. Н. Ф. Гикало с рядом ответственных работников при отступлении подвергся ограблению, был раздет и с величайшей опасностью для жизни добрался до аула Гехи, где остановился у Таштемира Эльдарханова. Другие также испытали немало мытарств.

Из Грозного и из станиц продолжали подходить в Гехи одиночками товарищи. Некоторым из них буквально чудом удалось вырваться из рук деникинской контрразведки. Так, например, пришел А. Е. **Костерин**. Он был захвачен белыми в Грозном в госпитале и заключен в тюрьму, а оттуда, еще будучи больным, бежал, чтобы присоединиться к нашему отряду.

Глава 13. Первый период борьбы Чеченского народа против деникинцев. Кровавый разгром чеченских аулов.

Приход белых дал себя почувствовать чеченцам в первые же дни. Белогвардейцы пытались восстановить хорошо известный каждому горцу великодержавный монархический режим. Чечня для белогвардейцев являлась глубоким тылом, надежность которого должна была быть обеспечена во что бы то ни стало. Вместе с тем

деникинцы прекрасно понимали, что нахождение в пределах Чечни многочисленных групп бывших красноармейцев и в особенности партийных и советских работников, отступивших в горы, хотя бы и разоруженных, не сулит им в будущем ничего хорошего. Рано или поздно красные примутся за организованную борьбу против контрреволюции. Поэтому со стороны белогвардейцев продолжали поступать ультимативные требования о выдаче красноармейцев и об искоренении до конца остатков большевиков в Чечне.

Однако Чечня не собиралась выполнять эти ультиматумы. Исключение составляли лишь те заведомо контрреволюционные группы, которые с самого начала встали на путь предательства интересов своего народа.

В прошлом немало приходилось слышать о так называемом горском гостеприимстве. Чеченские кулаки, муллы и бывшие царские офицеры внешне, как и прежде, были очень гостеприимны к нам, ставшим по необходимости их гостями. На самом же деле свое гостеприимство они заканчивали вероломной выдачей красных в руки белых.

Гостеприимство же середняцко-бедняцких масс было в полном смысле слова гостеприимством. Оно хорошо было известно каждому бойцу, оставляя в памяти глубокий след своей действительной неподкупностью и желанием выручить из беды людей, защищающих интересы бедноты.

По Чечне шел тревожный Хабар. Он быстро передавался из аула в аул и доходил до самого подножья кавказских ледников. Каждый день нес с собой все более тяжелые для чеченцев вести. Они вспоминали дни, когда была Советская власть, когда их звали на широкую дорогу культурного строительства, не только обещали, но и давали землю, поддерживали и заботились о них.

Теперь же чеченцы видели совсем другое. Снова начали свистеть казачьи нагайки. Белогвардейщина протянула свою черную и хищную руку. В то же время все последние месяцы происходили

небывалые, странные события: русские дрались с русскими; одни русские, именно большевики, защищали интересы трудовой Чечни.

С каждым днем обстановка в Чечне все более и более накалялась. Сначала происходили небольшие столкновения отдельных чеченцев с белогвардейцами. Постепенно они стали учащаться, и наконец разразились знаменитые гойтинские, а затем алхан-юртовские бои.

События развивались следующим образом. Гойтинцы все время не теряли советской ориентации. Они наиболее твердо и последовательно вели себя как при организации непосредственной помощи красноармейцам, так и в отношении нашей общей линии.

Когда же гойтинцы узнали об условиях последнего генеральского ультиматума, то безоговорочно его отвергли. Гойтинцы отказались выдать на расправу деникинцам чеченских и русских красноармейцев. Шатилов, заручившись разрешением и одобрением предательского горского правительства, обретавшегося в Порт-Петровске, отдал распоряжение «непокорных наказать». Гойтинцы со своей стороны начали лихорадочно готовиться к боям: рыли окопы, учились, как могли, у наших красноармейцев военному делу, в особенности обращению с пулеметами.

К описываемому периоду в Чечне накопилось много оружия. С первых дней Февральской революции оно привозилось у небольших воинских частей, уходивших с фронта в Россию, похищалось в соседних районах. Пулеметов было немного, а орудия, оставшиеся в Чечне после захвата крепости Ведено, были укрыты в горах.

Зная революционные настроения гойтинцев, белогвардейцы внезапным налетом намеревались поставить Гойты на колени. Нанесение главного удара на аул было возложено на 1-ю конную дивизию в составе четырех конных полков, четырех конных орудий — двух горных и двух гаубиц. В Грозном был оставлен

гарнизон в составе 3-го кубанского платунского батальона, 1-й кубанской батареи, 1-го кизляро-гребенского казачьего полка и одного терского платунского батальона. Линия Сунжи обеспечивалась гарнизонами расположенных на ней казачьих станиц и частей черкесской конной дивизии, занимавшими станицы Нестеровскую и Асиновскую.

Наступление дивизии должно было производиться двумя колоннами: левой — полковника **Кравченко** в составе 1-го запорожского полка и 4-й полевой гаубичной батареи, направленной от Грозного на Гойты с севера, и правой — все остальные части дивизии. Их маршрут — от Ермоловской на Гойты с запада и юга. План дополнялся действиями частей, состоявших из дагестанцев, под командованием полковника **Хаджи-Мурата**. Эти части предполагалось бросить на Гойты со стороны Чечен-Аула и Старых Атагов.

В ночь с 5 на 6 марта 1919 года, незадолго до рассвета, деникинцы появились на окраине Гойт, но неожиданно встретили здесь организованный отпор. На помощь гойтинцам пришли соседние аулы. У аула Алхан-Юрт, жители которого отказались пропустить деникинские части через свою территорию, в самом начале своего движения была задержана первая колонна. Выставив заслон в сторону Урус-мартана и Гехи, обойдя Алхан-Юрт, первая колонна деникинцев продолжала Хаджи-Мурата вообще в районе военных действий не появились.

Наши отряды оказывали деникинцам отчаянное сопротивление. В оперативной сводке штаба 2-й кубанской казачьей дивизии белых несколько позже сообщалось: «Противник, оказавшийся в значительных силах, оказывал самое упорное сопротивление, ведя удивительно меткий и дисциплинированный ружейный огонь. Вскоре обнаружился сильный нажим на наш заслон со стороны аулов Урус-Мартана и Гехи. Противник, пользуясь подавляющим перевесом в численности, все время охватывал правый фланг нашего заслона, стремясь выйти в тыл нашим атакующим Гойты

частям. Со стороны Новых и Старых атагов чеченцы в больших аулах густыми цепями также перешли в наступление. Несмотря на это, наши части продолжали успешно развивать наступление и кооло 14 часов ворвались в Гойты».

К вечеру наши силы увеличились. Ведя упорные бои, нам удалось потеснить деникинцев в районе селения Урус-мартана, считавшегося «контрреволюционным» аулом, но принимавшего активное участие в гойтинских боях, Новых и Старых Атагов и Чечен-Аула. Деникинцы оказались под угрозой полного окружения и начали спешно отступать. Под фланговым ударом чечен-аульцев и жителей других селений каратели понесли серьезнейший урон.

Гойтинские бои отличались большим ожесточением и закончились полной победой революционных чеченцев. Один из очевидцев этих событий — т. Мельников — писал впоследствии в Шатой: «Если бы вы — когда разбили их (то есть белоказаков — ред.) под Гойтами — начали дальнейшее преследование, то они бы обязательно очистили город (Грозный — ред.), так как отступление было паническое. Белые даже не смогли остановиться за городом в окопах, а бежали в центр города и спустя часа два... вернулись и заняли окопы».

В день 6 марта в Гойтах погибли в бою 200 человек чеченцев и 20 человек русских. Деникинцы поняли, что налетом Чечню не возьмешь, и через две-три недели, подтянув значительные силы с тяжелой артиллерией, предприняли новое наступление на Сунженской линии.

Через некоторое время в воздухе неожиданно появился самолет, бойцы встрепенулись. У многих возникла надежда, что это вестник красных. Над аулом Гехи был поднят красный флаг, им начали сигнализировать, но в ту же минуту раздался взрыв сброшенных с аэроплана бомб. Оказалось, что полет совершают белогвардейцы.

На третий день после появления самолета, с утра, деникинцы повели новое наступление на чеченские аулы. В двадцатых числах марта без всякого предупреждения по приказу

главноначальствующего Терско-Дагестанского края генерала Ляхова были начаты военные действия против мирных чеченских челений — **Устар-Гардоя, Бердыкеля** и др. 23 марта деникинцам удалось захватить аулы Устар-Гардой, Бердыкель и уничтожить их. В руках белогвардейцев оказался и разъезд Джалка. Следующие два дня была передышка.

Не были безучастны к описываемым событиям и ингуши. Постепенно и там нарастало восстание революционной части народа против белоказачества. Политическая сводка штаба деникинских терско-дагестанских войск сообщала: «Получены сведения об открытой пропаганде Ингушей к выступлению вместе с Чечней против добрармии. Отдельные группы являются в кабардинские селения Ахлово и Исламово с целью привлечь их к совместному выступлению и угрожают в случае отказа разгромить селения... события в Чечне, по-видимому, в достаточной степени охватили Ингушетию, причем есть основание полагать, что успех нашей чеченской экспедиции заглушит на время порывы ингушей, окончательно умиротворить коих, по-видимому, возможно путем разоружения».

Ранним утром 26 марта вновь были начаты военные действия против аулов Алхан-Юрта, Кулары и др. Белогвардейский фронт против Чечни протянулся от границ Ингушетии до Гудермеса. Особенно жестокие бои происходили в ауле Алхан-Юрте. Руководство этими боями осуществлялось Н. Гикало, с которым гойтинцы установили связь, и А. Шериповым. Непосредственное участие в боях принимали наши красноармейцы.

Вслед за запиской Асланбека прибыло более официальное обращение группы чеченских руководителей, являющихся представителями чеченского штаба. «Штаб алхан-юртовских, урус-мартановских, гойтинских, шатоевских и других воинских частей, — писали товарищи, — просит Вас, т. Гикало, прибыть немедленно

в селение Алхан-Юрт для решения важных военных вопросов». Под документом стояли подписи А. Шерипова, Эльдарханова и других.

В Гехи прибыл Асланбек Шерипов. Он дал нам всестороннюю информацию о положении дел и лично принял участие в разработке некоторых мероприятий, которые необходимо было провести в связи с создавшейся военной обстановкой.

В течение трех дней длились кровопролитные алхан-юртовские бои. Ночным налетом в первый же день противник овладел восточной и западной частями аула. Все попытки чеченцев соседних аулов — Гойты, Урус-мартана, Гехи и Кулары — оказать помощь алхан-юртовцам деникинцами были отбиты. «Бой продолжался при высоком напряжении с обеих сторон. Ожесточение чеченцев и их удаль достигают крайнего проявления», — сообщалось в оперативной сводке штаба деникинских терско-дагестанских войск.

Когда фронт был сломлен, в ауле осталась небольшая группа чеченцев. Защитники сгруппировались вокруг мечети. Отчаянным сопротивлением встречали они наступающего врага, с кинжалами в руках бросались на пулеметы, проявляя высокие образцы мужества и героизма.

Наконец стало ясно, что аул не удержать. Тогда десять его последних защитников приняли решение дорого продать свою жизнь. Кольцо белых уже сомкнулось, когда через цель к этим десяти перебежал одиннадцатый, еще совсем молодой человек. Покидавшие аул передали самоотверженным мстителям патроны и гранаты.

В течение двух дней, оставаясь в захваченном белыми ауле, они вели огонь из подвала одного из домов, пока тот не был разрушен снарядами. В последние часы из подвала все еще слышалась предсмертная песня под названием «Ясин». И вот последний взрыв. Уцелевшие выбежали из разрушенного подвала и, бросившись на осаждавших белых с кинжалами, все полегли.

Алхан-Юрт был захвачен белыми только после того, как последние защитники его были убиты. Озлобленные каратели не пощадили никого, аул был весь сожжен дотла. Под Алхан-Юртом противник потерял около 700 человек убитыми. За эти дни с нашей стороны погибло около 480 человек.

Тем не менее под давлением превосходивших сил противника все героические самоотверженные усилия горских отрядов закончились разгромом чеченского фронта. Эти события чрезвычайно встревожили всю Чечню. Лозунг газавата (священная война) носился в воздухе. Старики начали надевать зеленые чалмы, некоторые ограничились белыми. Военная обстановка обострилась.

В общем потоке широко развернувшегося общенационального движения, направленного против угнетателей, которых чеченцы видели в лице представителей добровольческой армии с их лозунгами «единой и неделимой России», все время явственно наблюдалась крепнувшая струя сторонников Советской власти из среды тредового бедняцко-середняцкого горского крестьянства.

В боях с белыми принимали активное участие также и более состоятельные круги чеченцев. В условиях общего подъема зажиточные горцы иначе поступать не могли. В противном случае их объявили бы изменниками и предателями чеченского народа. Но необходимо подчеркнуть, что в военных действиях они старались вести себя не очень активно и при малейшей неудаче начинали сеять провокацию, панику, неверие в свои силы, убеждая прекратить «бессмысленную», по их мнению, войну с белыми. Они настаивали на необходимости подчиниться белым якобы для пользы всего чеченского народа.

Асланбек Шерипов на чеченском революционном фронте с большой энергией противостоял разлагающему влиянию этих групп. Он разоблачал маскирующихся врагов, называл поименно людей, которые вели эту предательскую подрывную работу. К сожалению, сейчас их имена выветрились из памяти.

Бой с белыми, как правило, оканчивались разгромом революционных аулов и сожжением многих из них. При всяком усмирении восставших защитники эксплуататоров не могут ограничиваться одними боевыми действиями. Они непременно сопровождают их кровавыми насилиями, грабежами и беспощадным выжиганием тех населенных пунктов, которые стоят на их пути.

Однако, несмотря на все эти свирепые расправы, деникинцы добились от чеченского народа только обратных результатов. Правда, несколько аулов с контрреволюционным руководством поспешило на четвертый день после начала боев изъявить «покорность», но даже и тут в лапы деникинцев попала только незначительная часть красных. В подавляющем большинстве чеченский народ в результате всех этих репрессий только проникся непримиримой ненавистью к карателям.

Тяжелую картину представляла Чечня после боев. Разгром аулов, пожары, беспорядочное отступление стариков, женщин и детей. Подводы и арбы с ранеными и убитыми, которых обязательно надо было похоронить на чеченской земле, где они не могли бы подвергнуться надругательству врага. В горы тянулись обозы, перевозилось имущество, перегонялся скот. Постороннему наблюдателю могло бы показаться, что вся Чечня охвачена каким-то грозным народным бедствием. Да так оно и было, ибо приход белых открывал собою очень тяжелую для Чечни полосу жизни.

Бурный революционный подъем среди чеченского народа сменился глубоким упадком среди чеченского народа сменился глубоким упадком и растерянностью. Ожидалось наступление белых на вторую линию, расположенную в глубине, в плоскостной части Чечни. Осуществив ряд мероприятий по отправке в глубокий тыл, главным образом в горы, больных и раненых красноармейцев, командиры и советские работники, укрывавшиеся до этого времени в Гойтах, оставили их.

После того как общий фронт сопротивления чеченцев был сломлен, в Урус-Мартане, Гойтах и других аулах появились эмиссары

белых. Лихорадочно начали развивать свою деятельность Ибрагим Чуликов, создавший специальный «комитет по очищению Чечни от большевиков», генерал Эрисхан Алиев, назначенный деникинским командованием «правителем Чечни», и другие приспешники белогвардейцев. С небольшими группами смешанного состава из казаков и чеченцев шарили они по аулам, вели контрреволюционную агитацию и пропаганду, ставили своих приставов. Главное же, они тщательно брали на учет всех оставшихся в Чечне красных и пытались любыми способами ликвидировать большевистских комиссаров и советских руководителей. Перед нами встала задача уничтожения этих прихвостней контрреволюции.

Сначала мы отступали вместе со всеми чеченцами. Нас сопровождал тов **Герма-Хаджи**, один из преданных Советской власти чеченцев. Отойдя достаточно глубоко в горы, мы остановились на привал. При переходе наш провожатый вел себя чрезвычайно нервно: опасность подстерегала нас на каждом шагу. На одном из хуторов, где мы скрывались от погони, он быстро спрятал нас в безопасное, по его мнению, место, избрав для этого курятник хозяина, у которого мы остановились. Дело было вечером, и куры уже разместились на ночлег.

По совету Герма-Хаджи мы тихонько забрались в курятник и легли там на землю, стараясь не всполошить кур. Это было сделано вовремя, потому что тотчас на хутор нагрянули белогвардейские каратели. В поисках красных они несколько раз наведывались в дом. Придирчиво шарили они везде, где только мог спрятаться человек. Введенные в заблуждение спокойствием кур, они, ничего не подозревая, проходили мимо курятника. А там, лежа под насестом, что было мало приятным, мы не могли пошевелить даже пальцем: малейший шорох всполошил бы кур и обнаружил бы наше убежище.

Через некоторое время, когда опасность миновала, Герма-Хаджи заявил, что оставаться в этих многолюдных местах дольше нельзя.

Предупреждения его, безусловно, имели под собой достаточно серьезные основания. После некоторого размышления он неожиданно предложил нам ехать в Урус-Мартан. Несмотря на странность подобного совета, нам и в голову не пришло возразить что-либо. К ночи мы с Н. Гикало были в Урус-Мартане. Остановились у одного старика-чеченца, у которого в свое время, до революции, скрывался Зелимхан (в 1905—1912 годах). Выяснилось, что в Урус-Мартане находился Ибрагим Чуликов. С ним имелся небольшой отряд. Чуликов искал местонахождение т. Гикало в надежде его захватить. Атмосфера в ауле уже была заражена подкупом. Сумма, предложенная за поимку лично Гикало, а также других работников, была широко обнародована.

В течение нескольких дней мы скрывались в Урус-Мартане. В последний день произошел эпизод, грозивший нам гибелью и еще больше, чем нас, встревоживший нашего хозяина. В саклю перед вечером, когда начало смеркаться, неожиданно зашел чеченец, который, на наше несчастье, узнал т. Гикало в лицо. Изумленный, он с криком выбежал на улицу. Перед нами со всей остротой встал вопрос: как быть? Достаточно названному гостю сообщить о своем открытии белогвардейцам, как мы оказались бы в серьезной опасности. Старый, белый, как лунь, хозяин покачал головой, и в этом покачивании чувствовалась глубокая тревога. Выхода из положения никто из нас не видел.

Через полчаса, когда еще больше стемнело, неожиданно приехал Герма-Хаджи. Я рассказал ему о случившемся. Герма-Хаджи пришел в неописуемый ужас и сказал, что у него недаром заболело сегодня сердце, но он очень рад, что прибыл время. С наступлением темноты мы оставили Урус-Мартан.

К утру мы прибыли в Гойты, прямо к т. Эльдарханову. Получив у него небольшую сумму денег, мы перебрались в Старые Атаги, имея намерение в дальнейшем продвинуться как можно дальше на восток, в сторону Кизляра. Там мы надеялись выяснить

обстановку и возможность связи с советскими частями, так как о судьбе их ничего не знали.

Однако в Атагах Ноома Тукаев, хозяин, в доме которого мы остановились, встретил нас следующими словами: «Я только что приехал из Гудермеса и смежных аулов. Во всем этом обширном районе работает Али Митаев. Он вылавливает красноармейцев и выдает их белым. На полдороге от Гудермеса я уже знал, что Гикало с товарищами едет в сторону Кизляра. Об этом, конечно, знает и али Митаев. Гикало тебе надо ехать обратно».

Мы только подивились быстроте чеченского хабара и лишний раз подумали, какой опасности можно подвергнуться, если не иметь везде преданных, советски настроенных чеченцев. Это один из многих эпизодов, характеризующих первую половину жизни в Чечне, непосредственно следующую за алхан-юртовскими боями.

Поблагодарив хозяина, мы двинулись в противоположную сторону — в Ингушетию. Скитаясь по Чечне, мы убедились, что для нас наиболее безопасно скрываться в тех же пунктах, где в свое время скрывался Зелимхан. Один этот факт с самого начала показал, что чеченцы относятся к нам, большевикам, как к очень близким им людям. Нас они будут всеми средствами поддерживать и скрывать, применяя методы, которыми пользовались во времена Зелимхана.

Башаев Идрис, село Беной-Ведено. Орден Ленина.

Бурлигов Сахьат с. Верхний Кей. Проводник Серго Орджоникидзе

5

Под сводами древней башни в сел. Коротох Мелхестинского сельсовета живут тов. Орджоникидзе и его боевая подруга Зинаида Гавриловна. Семья Харитоновых — владельцев этой башни, свято хранит память о любимом Серго. Комната, где жил Серго превращена в своеобразный музей. Постель, все вещи, лампа и посуда сохранены и ими сейчас никто не пользуется. На снимке: общий вид башни Харитоновых.

БИОГРАФИИ ОБЩЕСТВЕННЫХ И ГОСУДАРСТВЕННЫХ ДЕЯТЕЛЕЙ ЧИАССР

Вахаев Хаси — 1903 года рождения. Бедняк. В комсомоле с 1925 года. 1925—26 гг. — секретарь ячейки ВЛКСМ в селении Закан-Юрт. 1926—27 гг. — учился в ЧечСПШ. 1928 г. — учился в крайкомвузе. 1929 г. — работал в пропгруппе ЦК партии и инструктором Чечобкома ВКП (б). 1930 — председатель рика Веденского района. Затем — секретарь горкома ВКП (б), и с 1931 г. — секретарь Чечобкома ВКП (б).

Омаров Магомед — 1902 года рождения. В 1923 году вступил в ряды КСМ. В этом же году в селении Старый-Юрт организовал комсомольскую ячейку. В 1925 году — секретарь комсомольской ячейки в Старом-юрте. 1926 год — член обкома комсомола. 1929 — зав. обл. СПШ. 1930 год — зав. культпропом обкома партии. 1931 год — секретарь Чечобкома ВКП (б). С 1932 года и по настоящее время работает председателем Чечоблисполкома. С этого же года тов. Омаров является членом крайкома ВКП (б).

Мамакаев Магомед Амаевич. Родился в 1908 году. В 1921 году вступает в ряды новых пионеров. Из рядов пионером тов. Мамакаев в 1923 г. вступает в ряды комсомола. В 1925 работает секретарем ячейки КСМ облсовпартшколы. В 1927 г. — зав. АПО Чечобкома КСМ. В этом же году вступает в ряды ВКП (б). В 1928 г. — пропагандист Краснопресневского (Москва) РК ВЛКСМ на фабрике «Кардолента». В 1930 году тов. Мамакаев окончил коммунистический университет имени Сталина в Москве. 1930—31 год работает ответсекретарем и членом президиума облисполкома, член пропгруппы ЦК ВКП (б). С 1931 по 1932 год работает зав. распредотделом Чечобкома ВКП (б**).**

Казалиев Саид. Родился в 1904 году. Рабочий. В 1920 году вступил в союз рабочих молодежи, в этом же году при организации РКСМ вступил в комсомол. В 1921 году организовал на Новых промыслах первую комсомольскую ячейку и был ее секретарем. В конце 1921 года был одним из организаторов комсомольских ячеек в Чечне. На первом окружном съезде комсомола Чечни в 1921 году Саид был избран секретарем окружного комитета КСМ чеченской организации. В 1924 году вступил в ВКП (б). В 1926 году — заворготделом ЧечоблИК. В 1928 году — заворг и секретарь горкома ВКП (б). В 1929 году — ответсекретарь облИК. В 1930 году — завраспредотделом Чечобкома ВКП (б). В данное время Саид работает ответсекретарем ЧечоблИК. Тов. Мидаев Даша — 1901 года рождения, по происхождению бедняк. В 1919 году записался в кружок революционной молодежи.

В 1921 году организовал ячейку в Гойтах и был ее секретарем. В 1922 году — на окружной конференции КСМ избран членом пленума окружкома КСМ. В 1923 году — инструктор оргбюро окружкома КСМ. С 1924 по 1927 год тов. Мидаев работает секретарем обкома ВЛКСМ. В 1930 году — секретарь ножай-юртовского окружкома ВКП (б). В 1931 году — зав. распредотделом обкома, а затем — зам. пред. облКК — РКИ.

Ушаев Мазлак Давлеевич — в 1917 году он вступил в Красную гвардию рядовым бойцом, принимал активное участие в героических стодневных боях грозненского пролетариата с белогвардейскими бандами, он активный участник всех крупных сражений с контрреволюцией сворой Деникина и Бичерахова. Когда белые полчища были разгромлены и выброшены с чечено-ингушской земли, товарищ Ушаев возглавляет борьбу с остатками белых банд, находясь на посту военного комиссара Чечни. С 1921 по 1927 год М. Д. Ушаев работает на руководящих постах в Красной армии и Рабоче-Крестьянской милиции. В 1927 году он переводится на работу в органы ОГПУ. За 10 лет работы в органах ВЧК — ОГПУ — НКВД т. Ушаев показал себя стойким чекистом-большевиком, бесстрашным и непримиримым к врагам народа – троцкистко-бухаринским и буржуазно-националистским бандам. Не щадя своих сил и здоровья, неоднократно рискуя жизнью в ожесточенных схватках с врагами, Мазлак Давлеевич Ушаев всегда был бесстрашным, несгибаемым, он никогда не отступал. Тов. Ушаев имел четыре ранения, неоднократно награждался (именным оружием и ценными подарками от Реввоенсовета и Северо-Кавказского ПП ОГПУ); в день двадцатилетия ВЧК — ОГПУ — НКВД правительство наградило тов. Ушаева орденом Красной Звезды.

Келоматов Дадаг — родился в 1905 году в сел. Герменчук, Шалинского округа, в семье крестьянина-бедняка. До десяти лет он жил со своим отцом, после смерти которого тов. Келоматов остался сиротою, начинает батрачить в своем селе у кулаков. Батрачество продолжалось до Октябрьской революции. В 1918 году тов.

Келоматов вступает добровольцем в ряды Красной гвардии и находится в отряде тов. Гикало. С 1920 по 1923 год т. Келоматов — в рядах Красной армии. Демобилизовавшись из армии, вернулся в родной аул, где занимался сельским хозяйством до 1926 года. С 1926 по 1930 год служил в рядах военизированной охраны железных дорог и с 1930 года по день убийства работал в органах милиции на командных должностях. Тов. Келоматов — член ВКП (б) с 1930 года.

Хажалиев Ахмад Хажалиевич — родился в 1905 году в семье крестьянина-бедняка в селении Белгатой, Веденского района. Когда Ахмаду сравнялось 10 лет — умер его отец. После смерти отца Ахмад остался с матерью, работал по найму. В 1931 году тов. Хажалиев вступил в колхоз «Комсомолец» и становится примерным колхозником. В скором времени его назначают бригадиром — полеводом. В 1930 году Ахмад вступил кандидатом в члены ВКП (б), а в 1931 году он переведен в члены партии. В 1937 году Хажалиева, как одного из способных партийных руководителей, райком партии выдвигает на пост партийного организатора в том же колхозе. Тов. Хажалиев, вышедший из бедняцких слоев чечено-ингушского народа, на этой ответственной работе показал свою преданность партии Ленина — Сталина, свою непримиримость к врагам народа. Колхозники и колхозницы селения Белгатой единодушно выдвинули кандидатом в депутаты Верховного Совета ЧИАССР Ахмада Хажалиевича Хажалиева, как верного сына чечено-ингушского народа. Кандидатом в депутаты Верховного Совета ЧИАССР тов. А. Х. Хажалиев зарегистрирован по Белгатоевскому избирательному округу №94.

Мамакаев Альви Аюбович — происходит из бедной крестьянской семьи. Родился в 1909 году в сел. Нижний Наур, Надтеречного района. Отец Мамакаева умер в 1919 г., родной дядя, руководитель партизанского отряда, Шамсуди Мамакаев был убит врагаминарода в 1921 году. В 1925 году тов. Альви Мамакаев поступил в стройуч Грознефти, затем четыре года учился в школе ФЗУ №3 и в 1930 году

получил квалификацию слесаря. В комсомол вступил в 1926 г., и члены ВКП (б) принят в 1930 году. По окончании школы т. Мамакаев некоторое время работал секретарем Надтеречного РК ВЛКСМ, секретарем партячейки, на заводе «Красный молот» — слесарем, затем заведывал курсами по подготовке и школы ФЗУ. В 1932 году по решению обкома ВКП (б) послан на учебу в высшую коммунистическую сельскохозяйственную школу и в 1934 году досрочно был отозван на работу в политотдел МТС. До 1935 года работал помощником начальника политотдела по комсомолу в Чеченской МТС. После ликвидации политотделов тов. Мамакаев работал в 1935—36 гг. заместителем директора Кень-юртовской МТС, в начале 1937 года был переброшен на железнодорожный транспорт инструктором-пропагандистов политотдел грозненского отделения. С февраля 1938 года тов. Мамакаев — первый секретарь Веденского райкома ВКП (б). Кандидатура тов. А. Мамакаева в депутаты Верховного Совета ЧИАССР зарегистрирована по Махкетинскому избирательному округу №97.

Межидов Зеки Межидович — родился в 1902 году в селении Бердыкель, Грозненского района, в семье крестьянского середняка. В годы ожесточенной борьбе с внутренними и внешними врагами, пытавшимися задушить молодую Советскую власть, отец тов. Межидовав партизанский отряд. Три года с 1917 по 1920 — боролся с врагами революции. По смерти отца, в 1920 г., Зеки Межидович сам вступил в ряды красных партизан и 8 месяцев боролся с белогвардейцами. До 1928 года Зеки занимался крестьянством. В 1928 году вместе с передовыми людьми своего селения Межидов переехал на хутор Комсомольский и организовал там товарищество по совместной выработке земли. В 1929 году он вновь переехал в сел. Бердыкель, вступил в колхоз им. Сталина, и в том же году общее собрание колхозников выбрало его председателем колхоза. На посту председателя колхоза Зеки Межидова проработал один год, а затем его выбрали председателем Бердыкельского сельсовета. В 1931 году в сел. Бердыкель организован колхоз им. Ворошилова.

Межидова избрали его председателя. Восьмой год тов. Межидов с полным достоинством носит почетное звание председателя правления колхоза. В 1938 году партийная организация колхоза приняла Межидова и сочувствующих. Кандидатом в депутаты Бердыкельского Совета ЧИАССР тов. З. Межидов зарегистрирован по Петропавловскому округу №29.

Мусса Кундухов — 3 августа 1931 года в селе Цацан-юрт, Шалинского округа Чеченской авт. Обл. убит кулацкой бандой выдающийся руководитель колхозного движения Чечни, член бюро чеченского обкома ВКП (б), краснознаменец Мусса Кундухов. Мусса родился в бедной горской семье в ауле Старая Саниба, Сев. Осетии, у самого подножья гор Казбека и Эльбруса. С самых ранних лет Мусса работал рабочим на Военно-Грузинской дороге. По окончании реального училища во Владикавказе он пробыл один год в Московском межевом институте, откуда был исключен за участие в вооруженном декабрьском восстании 1905 года. Мусса переходит на нелегальное положение и работает в далекой Сибири землеустроителем и шахтером. В 1918 г. Мусса с честью выполняет в Грузии поручение подпольной большевистской организации. Он сумел по фиктивным документам получить из меньшевистского лагеря-арсенала 1500 винтовок, 27 легких пулеметов и 2 орудия для краснопартизанских отрядов Дагестана и Чечни 1919—20 гг. были для Муссы периодом напряженной работы по созданию красных партизанских отрядов из бедноты Нагорного Дагестана. Во главе этих отрядов Мусса разбивал и уничтожал деникинцев, бандитские шайки, принимал активное участие в подавлении грузинско-меньшевистского выступления. Всегда во всех этих операциях и боях Мусса был впереди, чем заслужил особую любовь и уважение районов и бедноты Дагестана. За исключительную заслугу и геройство, проявленные в боях за крепость Хунзах (Аварский окр. ДССР), против злобандитских шаек Имама Гоцинского, уссой в 1929 году получены от Реввоенсовета серебряные часы, оружие и орден Красного знамени. В годы мирного строительства Мусса

работает в ДССР в качестве наркомпрода, членом бюро обкома и позднее секретарем дагестанского обкома. Выбирается членом Даг. ЦИК и махач-калинского райкома. В 1925—29 гг. Мусса является членом северокавказского крайкома ВКП (б) и работает инструктором АПО и секретарем нацпарткомиссии крайкома партии. С начала 1930 года, после снятия чеченского партруководства, Мусса Кундухов приехал для работы в Чечне. Он решительно боролся с оппортунистами, возглавляя и воодушевляя коммунистов, бедноту и колхозников аулов Чечни. Мусса погиб на боевом посту при проведении в Шалинском округе хлебозаготовок и коллективизации. Он геройски до последних сил бился с целой кулацкой бандой и был подло убит в неравной схватке. Мусса был железным человеком, твердым солдатом революции. Он все свое время и свои силы отдавал на укрепление пролетарской диктатуры Мусса был прекраснейшим большевиком, последовательным ленинцем. Не стало Муссы... Не стало еще одного отважного и боевого большевика и командира Красной армии. Рабочие, беднота, красные партизаны, колхозники Чечни и Дагестана на убийство Муссы Кундухова ответили красными хлебными обозами, вступлением в партию, колхозы, отчислениями на аэроплан «Колхозная Чечня» памяти Кундухова. Смерть Кундухова Муссы поднял массу Чечни к еще более решительной борьбе с классовыми врагами, за победоносное развертывание социалистического строительства и укрепление рядов парторганизаций Чечни, Дагестана и др. областей Северного Кавказа. *(19 августа 1931 г. «**Правда**»).*

Моллаев Супьян Кагирович — работает секретарем партийной комиссии Н-ского воинского соединения. Большую часть своей жизни он посвятил делу укрепления мощи нашей доблестной Рабоче-Крестьянской Красной армии и за это указом Президиума Верховного Совета СССР от 22 февраля 1938 года награжден юбилейной медалью «XX лет Рабоче-Крестьянской Красной армии». Супьян Кагирович верный сын партии Ленина — Сталина. На светлую дорогу счастливой жизни вся семья бедняков Моллаевых вышла

лишь после Октябрьской революции. Супьян Кагирович родился в сел. Гойты, Урус-Мартановского района, в 1900 году. Отец Моллаева не имел земельного надела и вынужден был разъезжать по России в поисках работы. Семья батрачила у кулаков. В годы гражданской войны Моллаевы с оружием в руках защищали советскую власть. С конца 1918 до 1920 года молодой Супьян Кагирович сражается с белобандитами, находясь в партизанском отряде Кагерманова, Хачукаева. В 1920—21 гг. он участвовал в очищении Чечни от контрреволюционеров. До 1923 г. тов. Моллаев служил в ЧОН (части особого назначения), позже участвовал в разоружении контрреволюционной банды имама Гоцинского... За активную борьбу против буржуазно-националистических банд Моллаев неоднократно награждался командованием Северо-Кавказского военного округа. С 1923 по 1927 год тов. Моллаев учился в Коммунистическом университете народов Востока им. Сталина, после чего вновь вернулся в кадровые части РККА. В 1936 году тов. Моллаев окончил военно-политическую им. Ленина в Ленинграде. Член партии с 1927 года, тов. С. К. Моллаев с 1937 года является членом пленума Чечено-Ингушского обкома ВКП (б), с 1938 г. — член бюро обкома.

Сетиева Хама Сетиевна — депутат Верховного Совета СССР, родилась в 1919 году в семье бедняка в селении Балан-су, Ножай-юртовского района. В 1936 году Сетиевы переселились в селение Зама-юрт, Ножай-юртовского района. Отец, мать, братья и сестры Хама работают в колхозе им. Кирова.

Чернокозов Хрисанф Павлович — родился в 1885 году в Донбассе в семье рабочего, в городе Шахты. С 11 лет работал на заводах Донбасса токарем. После ликвидации белогвардейских банд в Донбассе с 1920 по 1929 г. тов. Чернокозов работает в различных партийно-советских и профсоюзных руководящих органах. С 1929 года тов. Чернокозов работает в гор. Грозном. Здесь он работает до 1932 года председателем союза горняков-нефтяников. За умелую мобилизацию рабочих-нефтяников

на борьбу за выполнение государственного плана по нефтедобыче в первую пятилетку, в результате чего пятилетний план грозненскими нефтяниками был выполнен в два с половиной года, правительство наградило Хрисанфа Павловича орденом Ленина. В настоящее время он является членом бюро Чечено-Ингушского обкома ВКП (б) и членом президиума исполкома ЧИАССР.

Албогачиев Эльберт Саадулиевич — родился в 1885 г. в сел. Сурхохи, Назрановского района, ЧИАССР, в семье крестьянина-бедняка. До октябрьской революции тов. Албогачиев занимался сельским хозяйством. В период гражданской войны 1918—1920 гг. Албогачиев вступил в партизанский отряд и с оружием в руках боролся против белогвардейщины за установление советской власти в Чечено-Ингушетии. По окончании гражданской войны Эльберт Саадулиевич до 1929 году его избрали председателем сурхохинского сельпо и с тех пор он работает на этом посту. Каждый раз тов. Албогачиева избирают председателем сельпо за честную работу. Сурхохинское сельпо является одним из лучших в Чечено-Ингушской АССР. Тов. Албогачиев — беспартийный большевик — приложил много сил к разгрому буржуазно-националистических бандитов, орудовавших в районе; он преданный сын чечено-ингушского народа. С 1926 года Эльберт Саадулиевич состоит членом Сурхохинского сельсовета. В исторические дни выборов в Верховный Совет СССР был членом окружной избирательной комиссии. Сейчас — заместитель председателя Назрановский окружной избирательной комиссии по выборам и Верховный Совет РСФСР. Тов. Албогачиев пользуется среди колхозников Назрановского района большим уважением. Тов. Албогачиев зарегистрирован кандидатом в депутаты Верховного Совета ЧИАССР по Сурхохинскому избирательному округу №68.